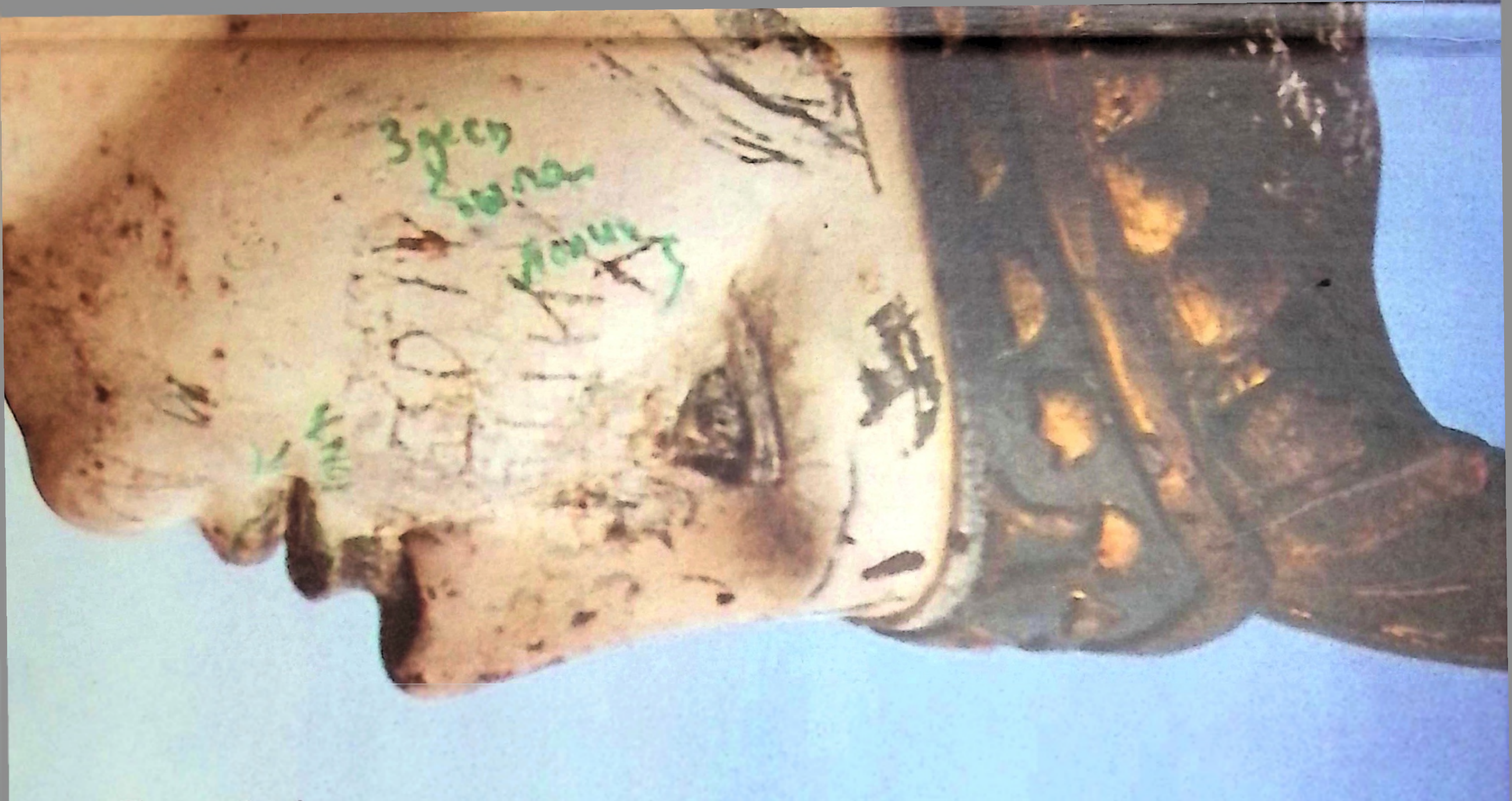

Яков Друскин

ДНЕВНИКИ 1963–1979

Яков Друскин

ДНЕВНИКИ

Яков Друскин

Перед принадлежностями чего-либо

ДНЕВНИКИ

1963—1979

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2001

ББК 83. 3(2Рос=Рус)6
УДК 882—94

Составление, подготовка текста,
примечания, заключительная статья
Л. С. Друскиной

Редактор
С. С. Полигнотова

В оформлении использованы
фотографии работы
Ю. С. Александрова (переплет), *М. М. Шемякина* (фронтиспис)

ISBN 5—7331—0134—2

†1

1963.X.16—1964.III.28

1963

16.X * Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет (Мф. 24, 21).

1.XI. Савл стал Павлом однажды и бесповоротно. И все же воспоминание о Савле стало жалом в плоть Павла и его мучил ангел сатаны <2 Кор. 12, 7>. Я же сколько раз на мгновение становился Павлом и снова возвращался к Савлу, как пес на блевотину свою. Сколько же у меня жал в плоти и сколько мучит меня ангел сатаны. И последнее жало: когда Бог хочет погубить, лишает разума. Как легкомыслен я был последнюю неделю до 16. Как будто затмение нашло, слабость, руки, ноги не поднимались, легкомыслие и слабость духа. Я жил как в тумане, я делал все необходимое, все что надо, а надо было собрать все силы, все разумение, сосредоточиться в одной точке и сделать больше того, что надо было сделать. Знал же я, что в главном человек осуществляет неосуществимое, невозможное, но Бог лишил меня разума или я сам, окаянный, не смог собрать себя и не осуществил неосуществимого. И теперь я уже не молюсь: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, но: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, казни меня.

Вот вопросы, которые я задаю себе.

Я точно знаю, если бы мне сказали: вот выбирай: или Бога нет, ты умрешь и сгниешь. Или Бог есть, но ты, окаянный, после смерти пойдешь в ад. Ад — это значит не видеть Бога. И все же я выбрал бы второе. Во-первых, пока я не умер, я не могу жить, если Его нет. Во-вторых, пусть мука, но пусть Он есть. Теперь же: кого я больше люблю, маму или Бога? Я ответил: маму. И понял, что глупый вопрос и глупый ответ. То, что я люблю маму, то, может быть, и есть любовь к Богу. Ведь Бог не человек. Какой-то строй души, горе, постоянная мысль об одном — это и есть любовь к Богу. Не Бог — строй души, но любовь к Нему и вера — строй души. Теперь дальше, я спрашиваю себя снова: если бы Бог — там не взял к Себе маму и предоставил мне выбрать

* День смерти матери.

куда идти — к Нему или от Него к маме, я опять выбрал бы: к маме, и выбрал бы значит навеки выбрал. Во-первых, как бы она могла быть без меня, особенно если плохо, а во-вторых, и я хочу быть с ней. И снова, должно быть, глупый вопрос и глупый ответ. Он отделил ее от меня, и так как я знаю свою вину, свой грех, свое окаянство, то говорю: казни меня, казни еще больше. Но ведь Он не отдаляется от меня, как человек, и Его предопределение не человеческое принуждение, и моя свобода — не свобода выбора.

Но этим вопросы мои еще не кончаются. Я задаю последний страшный для меня вопрос: вот здесь слева стоит мама, справа Иисус Христос и говорит мне: иди ко Мне и предоставь мертвым погребать своих мертвецов <Мф. 8, 22>. И снова я пойду к маме, а не к Нему. Должно быть, и здесь и вопрос и ответ глупый. Вопрос здесь другой:

1. Личное отношение к Богу. И<исус> Х<ристос> — откровение Бога, Богочеловек, значит и человек.

2. Единение с Богом и отречение от этого единения, хотя бы временное, ради человека. Но ведь так сделал и Сам Бог, пожертвовавший Своим Сыном, и Сам Сын, добровольно пошедший на эту жертву, на жертву быть оставленным Богом. Но что значит временное и не временное, то есть вечное, отречение от Бога? Если отрекся, то сейчас и сейчас навеки, сейчас вечно. Ведь не так: отрекусь, поживу, а потом вернусь. Если уж отрекся, то отрекся. И если Христос сказал: что Ты покинул Меня, то это было вечное отвержение, сейчас — вечно, хотя через три дня Он воскрес и сел одесную Отца. Он должен был испить чашу до конца, значит быть полностью сейчас навеки отвергнутым. Здесь ι — ε[1]: интенсивно Он сейчас навеки отвергнут. Экстенсивно Он сейчас навеки отвергнут, сейчас навеки принят. Оба предложения должны быть несоединенными, но сказанные — уже соединены, тогда снова ι. Но как применить это ι, ε-различие для себя, как правильно спросить и ответить — я не знаю. Все равно для меня остается страшный вопрос.

2.XI. Неверно, что Бог предоставляет мне выбор. Бог предоставляет мне не выбор, тогда выбор уже детерминирован, но выбор или отречение от выбора. Слово «или» не имеет здесь обычного разделительного смысла, но просто: выбор-невыбор, и я не выбираю, но или выбираю или не выбираю, и снова «или — или» — несовершенство мысли, пользующейся общими понятиями. Если я выбрал, то для меня снова есть выбор или отречение от выбора, если же отрекся, то есть только отречение: невыбор. Эта поправка к вчерашним вопросам не снимает их. Для меня самого вопрос все равно остается: ведь не другой, а я сам отвергаю себя и не другой, а я сам остаюсь с мамой. Если и исправить псевдоактуальную форму вопроса, для меня самого все равно остается

некоторый иррациональный излишек или остаток: я сам. И я не знаю, как мне справиться с этим остатком, не знаю ни теоретически, ни практически.

Пусть будет воля Твоя, страшная воля.

Пусть будет воля Твоя, страшная воля.

Перед тем, как сказать: да будет воля Твоя, Христос молился: если возможно, то пронеси эту чашу мимо Меня <Мф. 26, 39>. Ему тоже страшна была воля Божия.

Иногда мне хочется испугать тех, кто звонит мне, например Л. И.*, сказав ей: не можете ли Вы сегодня зайти к нам, у мамы снова температура и кашель. Мне страшно, пусть будет и им страшно. Я этого не скажу, но, если бы и сказал, ничего плохого в этом нет. Надо иметь страх Божий.

Либер Г о т т. Г о т т е н ь к и. О б р а х М о н е с. Афтун.**

3.XI. Не знаю, знак это мне или не знак, но стало как знак. Давно уже я не слушал музыку с таким удовлетворением и не обремененным тяжелыми воспоминаниями наслаждением, как вчера Веберна. И потом испортил пластинку. И сразу же стало как знак: ни к чему не привязывайся.

6.XI. ...Но, если кто из мертвых прийдет к ним, то покаятся. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не послушают (Лк. 16, 31).

У меня было большое благо, а я искал многие маленькие блага, получив которые, на следующий день забывал их. А если бы не обращался к ним, то увеличил бы свое большое благо и сейчас было бы легче. Между тем у меня был опыт, и я знал, что надо избегать маленьких благ, так как это и не блага, а прихоти, и держаться одного большого. 29 лет тому назад*** я сказал это сам себе и все же забыл и если бы и мертвый воскрес и сказал мне, все равно не послушался бы.

5—12.XI. Господи, дай знак, что она слышит меня, чтобы я знал, что она слышит меня, и она знала, что я знаю, что она слышит меня, —

---

* Людмила Ивановна Черных — знакомая семьи, врач.

** По-видимому, из молитвы, которую мать слышала в детстве. См. также запись на стр. 28.

Здесь и далее выделено автором. Графические приемы выделения приведены в соответствие с авторскими (также различными).

*** То есть после смерти отца (1934 г.).

один тройной знак, как Ты — Один в трех Лицах. И еще, если можно, если можно, от нее знак и чтобы она знала, что я услышал ее.

Верю, помоги моему неверию <Мк. 9, 24>.

Я не прошу ни успокоения, ни забвения, ни уменьшения боли и не хочу этого, но только знак. Я знаю, что это много, но ведь для Тебя нет невозможного. Ради Твоего Сына дай знак, именем Твоего Сына Единородного, умершего за меня на кресте, прошу: дай знак.

13.XI. Четвертая среда после той среды .* Иногда бывает, что боль ослабевает: от усталости, когда думаю о настоящем, от слабости духа. Но я не хочу, чтобы она ослабела, пока не получу знака, это было бы хитростью природы, слабостью духа, кощунством. Этого и нет. Она снова возобновляется в пустых промежутках, при пустых разговорах, при встречах с людьми, а иногда просто так, как молния с неба.

14.XI. Если есть личное бессмертие и там времени нет, то возникают вопросы, очень важные для меня, но ответа на них нет, потому что сам вопрос, форма его уже ложная. Сам вопрос, во всяком случае его форма, может быть от маловерия, но для меня это сейчас самые главные вопросы.

Если там времени нет, то сейчас там она уже со мною, хотя я здесь и для меня еще разделен с нею?

Или есть как бы два сейчас и я в моем сейчас и она в своем вечном сейчас разделена со мною, пока я не приду к ней, пока оба сейчас не отожествятся? Но что значит «пока»? Если не время, то что?

Если же я прошу знака, то, если и когда он будет мне дан, мое сейчас в знаке отожествится с вечным?

И снова: если она в вечном сейчас, то отделен ли от нее я, как она отделена от меня для меня? И то, что я сейчас мучаюсь, знает ли она и мое мучение для нее — мучение?

Можно ли из определенного индивидуального отношения «я — мама, мама — я» исключить время, заменив различием двух сейчас так, чтобы это различие не стало снова временным? Мне кажется, можно; но без этого не сохранится индивидуальность.

В 1935 г. 17 августа** я записал: выпал год жизни. А что я напишу через год? Ведь тогда была большая потеря — первое нарушение целостности семьи, но семья и порядок жизни остались. А теперь выпал порядок жизни и сама жизнь.

---

* Четыре недели со дня смерти матери.

** Один год со дня смерти отца.

Последний раз, уезжая в Детское* и уже попрощавшись со мною, он вдруг сказал: ну давай еще раз поцелуемся. Но настоящего понимания с ним я достиг только в последнюю ночь, когда держал его руку, было ноуменальное понимание. С мамой же большее понимание началось с 1934, особенно же с 1950,[2] и все возрастало — ноуменальное понимание. Поэтому выпал не только порядок жизни, но и сама жизнь.

В монастырь уходят не из стремления к единению с Богом, это можно и в миру, но от невыносимого отвращения к миру и к себе самому, оттого что до конца возненавидел свою жизнь и свою душу. И еще, если станет для тебя невыносимой и ненавистной твоя свобода выбора. Еще от ненависти к греху. Грех и я; и монастырь — спасение от соблазнов или спасение от себя самого.

16.XI. **

21.XI. У меня есть и все время очень хорошее — мама. Не воспоминание о ней, а именно она сама. Это стало как-то вдруг, то есть вдруг я заметил, что нет острой боли, потому что она со мною. Я не знаю, как это понять или объяснить и что это, но до этого сегодня весь день и всю последнюю неделю было очень трудно, плохо и тяжело. И вдруг меня коснулась тихая радость — мама. [Вечером была Т.*** Записано после того, как Т. ушла.]****

22.XI. Утром проснулся и сразу же посмотрел: есть — мамино присутствие. И за этим — Его присутствие — тихое веяние ветерка.

В ночь 16—17.X открыл Евангелие: И будет великая скорбь <Мф. 24, 21>. Сейчас открыл: Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него <Ин. 7, 4—5>. — Это тоже может быть ответ мне; я все немного сомневаюсь: знак ли это или подлая хитрость природы, подлое себялюбие — тогда не надо, пусть лучше мука.

---

* Детское (Царское) Село, где снимали дачу на лето.

** Один месяц со дня смерти матери.

*** Тамара Александровна Липавская (1903—1982) — до 1931 г. жена А. Введенского, затем жена Л. Липавского.

См. также библиогр. [31]: *Сб.* Т. 1. Примеч. на стр. 27—28.

Далее: [31] и *Сб.* — при ссылке на опубликованные в этом сборнике произведения соответственно Я. Друскина и других авторов-чинарей.

**** Здесь и далее в квадратных (как в рукописи) скобках — добавления поздних лет, сделанные автором при переписывании дневников.

Не то что я сомневаюсь, это неверно. Тихое веяние ветерка есть, и это — Твое присутствие. Но ведь и Фома сказал: если не вложу перста моего в рану Его, не поверю <Ин. 20, 25>. И Ты вложил перст его в рану Твою.

Я просил знак, просил чувственный, то есть индивидуальный, индивидуально связанный с мамой, а получил духовный. Но ведь и Фома просил чувственный знак, чтобы поверить в духовное.

Теперь, может быть, только от меня зависит сохранить Присутствие в тихом веянии ветерка, то есть чтобы всегда было бдение, бдение — вера.

Я жду среды — четверга — пятницы, чтобы Ты вложил мой перст в Твою рану и явил Себя мне.

Неверие — грех, но ведь солгать себе самому перед Тобою и принять свое за Твое не меньший грех.

Она была беззащитна, и все ее как бы бросили, тогда я полюбил ее еще сильнее и через любовь увидел то, что в ней есть, то —что она есть и чего бросившие ее и возвышавшиеся над ней не имели, и тогда снова полюбил ее еще сильнее.[3] Теперь она под Твоей защитой, и все равно нуждается во мне, как и я в ней. Если в вечной жизни сохраняется индивидуальность, то ведь наша взаимная любовь была ее и моей индивидуальностью. Я не понимаю бессмертия души, индивидуального бессмертия, воскресения из мертвых, вечной жизни, вернее я понимаю различия этих понятий, но не их сущности, и верю и не верю сразу, поэтому и прошу знака. Я знаю, нет другого блага, кроме Тебя, но, если индивидуальность в какой-то степени или как-то сохраняется, даже так: Ты — Лицо и мне дал лицо и мое земное благо — мама — через Тебя и в Тебе благо и значит вечное благо, поэтому и просил знака и снова прошу, хотя и получил духовный. Ведь в моей любви к маме я сам отвергал себя, поэтому Ты был в моей любви. Ведь в этом моя индивидуальность, не я сам, но я сам, отвергающий себя самого. Сохраняется ли она и та любовь в совершенной и полной любви к Тебе? Если нет, то будет ли любовь к Тебе индивидуальной, то есть личной? Ведь если не я вообще, но именно я, может даже я сам, отвергающий себя самого, люблю Тебя, так ведь этот я — тот, который любит маму, и если эта любовь не сохранится вечно и не даст вечности своему объекту, то не стану ли я, любящий Тебя, каким-то общим я? На что Тебе такой я и такая любовь? Если же я люблю Тебя всей душою, всем сердцем, всем разумением своим, так ведь все-таки «своим», а не общим. Поэтому снова прошу знак и верю, что теперь, когда Ты со мною и у меня в тихом веянии ветерка, Ты дашь мне его в среду — четверг — субботу.

Ты знаешь все мои мысли еще до того, как я подумаю, поэтому прости меня за то, что я подумал, и даже не знаю, подумал ли или мне показалось, что я подумал.

Себе я не верю, а не Тебе.

Мне казалось уже, что Бог меня покинул совсем, и когда я сказал себе: Бог покинул меня совсем, Он явился и дал знак.

Острой боли уже сутки нет, и я испугался, как будто я сплю и не могу проснуться, и теперь прошу: дай острую боль, чтобы снова стало так страшно, что невозможно жить.

23.XI. Я не знаю, что мне надо, но мне кажется, что мне нужен знак и тот, который был, и тот, который будет, — знак Фомы — и еще, что обязательно надо, не терять связь эмпирическую с мамой, которая сейчас может быть только в острой боли, в жале в плоть. Все, что было, должно быть всегда как сейчас, и это не исключает ни Присутствия, ни знака первого и второго. Это жало в плоть, чтобы всегда было и чтобы всегда был страх Божий.

Я не явил вполне понимание ноуменальное, не сделал его вполне феноменальным. И это тоже жало в плоть.

Жало в плоть — постоянное бдение и вера.

Чтобы не стать ничто вторым, я должен все помнить, каждую минуту, иначе самоуспокоение в себялюбии, ложь — ничто второе.*

29.XI. В прошлую пятницу я поехал в университет, может, это была ошибка — рассеяние. Вечером я еще чувствовал Присутствие, но просил боли и второго знака, мне кажется, боль — условие постоянного бдения. Первый знак без боли может перестать быть абсолютным, расплывется в себялюбии и субъективном самочувствии, так мне кажется, нужен фактический знак, то есть знак как факт. Кажется, уже на следующий день я потерял Присутствие. Боль снова стала возрастать и вчера достигла снова максимума, когда становилось так страшно, что от страха я прерывал чтение и закрывал глаза. А перед этим ночью мелькнула мысль: не будет мне второго знака, и я испугался и почувствовал себя Иудой Искариотом, ведь он осужден не за предательство, а за то, что отчаялся. И снова просил знака Фомы. Вечером острая боль, когда от страха хочется кричать, прошла, и сегодня нет, но нет и Присутствия, а только бесконечное темное уныние.

---

* Ничто первое — Божье ничто, из которого Бог сотворил мир. См. библиогр. [17]; [29], с. 111—171.

См. также: Друскин Я. Три искушения Христа в пустыне. — 1966 г. — Личный архив.

3.XII. Когда три с половиной года тому назад мама болела в апреле — мае — июне, я сказал В. В. <Стерлигову>*: и то, что было еще недавно, стало позапрошлым; оставалась единственная связь с жизнью — мама. Теперь и ее нет. Но связь с мамой осталась как боль, как жало в плоть, и всегда должно быть, чтобы было постоянное бдение — вера и Бог.

8.XII. Мне снилось, во-первых, что я знаю, что мама умерла, и во-вторых, что я знаю, что мама поправляется и надо сделать усилие, чтобы она опять не умерла. Кажется, это снится каждый день, и сегодня я не знал, как выразить эту двойную мысль, когда во сне встретил мужа В. В.** и хотел ему сказать, что в этом году мы не поедем на дачу, так как, во-первых, мама умерла, и во-вторых, поправляется и, может, не умрет.

Смерть не умещается в мысли, и от этого боль.

Каждый человек для меня единственный, так как другого такого же нет. Его круг индивидуальности пересекается с моим, и нет двух одинаковых пересечений. Когда же общая часть пересекающихся кругов индивидуальностей ноуменально почти совпадает,*** то боль оттого, что смерть не умещается в мысли, настолько сильна, что парализует всякое намерение действовать. Поэтому мне нужна Твоя помощь и второй знак — знак Фомы. И снова прошу и каждый день прошу: дай второй знак.

Смерть не умещается в мысли. Даже смерть не близкого человека вызывает ту же острую боль, но, если общая часть пересекающихся кругов небольшая, боль быстро забывается, мгновенная же ее сила, может, всегда та же. Бог сказал Моисею: Я Сущий <Исх. 3, 14>. А человек не сущий, от этого боль и от этого же забывание, Бог ничего не забывает. Но свою боль я не могу забыть, так как я и есть эта боль, и эта боль ограничила меня, отделила от мира и от жизни. В этой боли я стал совсем один.

9.XII. «Музыка для струнных, ударных и челесты» Белы Бартока. Первая часть — откровение, то есть открытие души. Наиболее притягивающее и наиболее отталкивающее — это моя душа, я сам. Ползу-

---

* Владимир Васильевич Стерлигов (1904—1973) — художник, ученик К. Малевича, сблизился с автором в 1950-е гг.

** Хозяйка дачи в Царском Селе, где автор с матерью жили в 1958 и 1961 г.

*** Так в рукописи. См. следующий фрагмент.

щая тема первой части для меня стала как вложение перста в Его рану, в мою рану. Господи, укрепи меня в боли, дай второй знак, знак Фомы.

Вложить перст мой в рану Твою. Эта рана — боль бытия.

10.XII. Желание получить знак — не признак неверия, но именно веры — экзистенциальный признак живой веры. Но разделение двух знаков — экзистенциальный признак недостаточной веры: верю, Господи, помоги моему неверию. Может, и Христос не считал достаточным один только первый знак — нужен ли был бы тогда Христос? Он требовал даже не объединения, а отожествления обоих знаков, тогда вера движет горами. Без первого знака вообще нет веры, без второго — вера не экзистенциальная, то есть не живая, а абстрактная, деистическая, их разделение и желание получить второй знак — тоска по живой вере, двигающей горами, их отожествление — вера, двигающая горами.

*14.XII; 16.XII.**

19.XII. Я как человек, из которого вынули скелет. Он сразу размяк, осел, плюхнулся на землю и с трудом ползет. Был стержень жизни: от мамы и высоко до самого неба, до Бога. Еще полгода тому назад, ночью, я не спал и вдруг понял: но ведь я счастлив, счастье со мною, рядом, хотя кругом все очень тяжело, просто я не замечал его. И счастье рядом с каждым человеком, просто его не видят, не хотят видеть. Так было несколько дней или недель, и опять я по легкомыслию, по слабости духа потерял его. И наступила бесплодная напряженность, а потом затмение и смерть. Месяц тому назад я ощутил рядом с собой тихое веяние ветерка. И побоялся, не поверил, просил второго знака. И опять прошло, а второго знака не было. Я жду его, все время жду, но придет ли он сам по себе или и я должен что-то сделать, совершить невозможное.

Молитва и пост. Поста в буквальном смысле нет, а по существу, может, и есть. Ведь пост не в том, чтобы чего-то не есть, но чтобы еда стала невкусной. Но бдения, то есть молитвы, не хватает, и, когда делается пусто или страшно, я отвлекаюсь: чтением или ненужными мыслями. Мне трудно, надо сделать еще труднее, а я боюсь и не хватает силы духа. Кажется, сегодня ночью что-то приближалось, может, даже сегодня, но я не знаю, как удержать Его, потому что боюсь солгать. И еще не знаю, как соединить с Ним утерянное индивидуальное, самое

---

* 14-е — день рождения матери, 16-е — два месяца со дня ее смерти.

большое личное благо, которое у меня было. Это благо не было ложью, и оно было чисто, и в нем я находил даже святость, ведь и ее Ты сотворил по образу и подобию Своему, может, в ней я видел и любил Твой образ и Твое подобие, так как она вела меня к Тебе. Может, это и есть чистая освященная любовь — видеть в любимом Тебя. Я должен был ограничивать себя в своих желаниях и прихотях и даже не должен был, это происходило само собою, и бремя было мне легко, и иго — благо <Мф. 11, 30>. Это было мое величайшее благо и мое счастье, и в этих ограничениях себя я имел Тебя, и, пока у меня хватало силы духа, я был счастлив. Но последнего шага я все же не делал и от этого часто слабел. Я знал, что эта жизнь счастье, и клал руку на плуг и оглядывался назад <Лк. 9, 62>. А сейчас уже и оглядываться некуда и все же оглядываюсь. Помоги мне, Господи, и во-первых, разреши мое сомнение об индивидуальной, личной любви, и к Тебе ведь тоже должна быть индивидуальная, личная любовь, а не любовь вообще. И во-вторых, дай мне знак Фомы, укрепи меня.

В 1934 г. я думал: надо по возможности стремиться к ситуациям, положениям, которые бы напоминали мне его <отца>. Тогда, пройдя через острые боли при частых воспоминаниях, я скорее привыкну. Прошел год или больше, пока я привык, но до 1941 еще являлась острая боль. Но тогда оставался стержень жизни, а сейчас его нет, нет его основания. И каждый раз, когда я кладу сейчас вату в папиросы, я снова вспоминаю, как мама мне говорила при этом: довольно, зачем так много папирос, мама хотела, чтобы я меньше курил. Сейчас одинаковые положения не уменьшают остроты боли. Но вот я все это написал, вышло из меня что-то, я опустел, и как будто стало легче, до следующего приступа. Отчего это? Может, потому, что говорю это только Тебе? С людьми об этом не говорю, когда же говорю, но о другом, боль не ослабевает, особенно после разговоров, даже возрастает. И снова сомнения: говорить Тебе, зачем же записывать? Не примешивается ли здесь что-то нехорошее? Затем: я хочу, чтобы была боль, чтобы было жало в плоть.

Уже давно, а сейчас особенно сильно, после всякого разговора с человеком остается неприятный осадок и боль сильнее. А после записи, то есть разговора перед Тобою и с Тобой, этого нет.

20.XII. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, тот недостоин Меня <Мф. 10, 37>. Кто не возненавидит отца своего и матери... а при том и самой души/жизни* своей, тот не может быть Моим учеником

---

* У автора душа и жизнь — синонимы.

<Лк. 14, 26>. Не мир, но меч <Мф. 10, 34>. Чтобы возненавидеть, надо любить, и возненавидеть значит отрезать от себя, отрезать и свою душу от себя. Свою жизнь и душу я возненавидел уже давно. Полностью ли? Мама вошла в мою душу. Во-первых, я отрезал от себя многое ради нее, и это бремя было для меня благом, я это знал твердо и не только знал — чувствовал и радовался. И все же часто бывал и легкомыслен, и нетерпелив, и думал еще и о прихотях своих. Значит, отрезал от себя душу свою не полностью. В мысли отрезал, и во многом не только в мысли, и все же не полностью, и от этого сейчас так мучаюсь. Во-вторых, она была в моей душе. Все ее как бы бросили, только я остался с нею, и только мне она была нужна, так же как и я ей. Раз она сказала: когда ты уходишь, я иногда думаю, а вдруг ты не вернешься, что я буду делать, ведь я же беспомощна. Это была не столько физическая беспомощность, сколько духовная, и я сейчас беспомощен без нее. Когда я уходил ненадолго, она иногда страшно беспокоилась, не случилось ли что со мною, и, когда я приходил, радовалась, и я радовался с нею. Мог ли я тогда отрезать ее от себя? Но если бы я только исполнял свой долг по отношению к ней и даже лучше, чем я это делал, отказываясь от всех прихотей, — это было бы хуже, это была бы только легальность. Ей нужна была не моя физическая помощь, а моя любовь: она нужна была мне так же, как и я ей, и это ей и надо было: чтобы она мне нужна была так же, как и я <ей>. И вот здесь начинаются мои недоумения: во-первых, тогда. Тогда я не мог отрезать ее от себя, я должен был вместе с нею — мы оба вместе должны были отрезать от нас самих себя. Во-вторых, сейчас. Но могу ли я сказать, что сейчас она не нуждается во мне? Сейчас у нее непосредственно есть Защитник больше меня, но могу ли я сказать определенно, что сейчас она не нуждается во мне? Может, постоянная моя мысль о ней и сейчас помогает ей и необходима? И если я, не отрезая ее от себя и сейчас, рискую даже навеки погубить свою душу, если есть хоть и ничтожный шанс, что моя постоянная мысль о ней помогает ей и там, то я не откажусь от нее и сейчас, не отрежу ее от себя, хотя бы и погубил свою душу. И это жало в плоть не есть ли тоже отрезание жизни от меня? Кто же должен возлюбить Тебя, отвлеченный или индивидуальный я? Кто я, который должен отрезать себя от себя самого?

Я сам, пустой, намерение себя самого. Я сам индивидуальный, тогда мама — некоторая характеристика меня, отрезающего от себя себя же, и без этой характеристики — я не я. И каждый из них и субъект и объект, так что четыре возможности. Во всяком случае отрезание не должно быть отвлеченным, конкретное же будет ли полным? И еще неясно: между я отвлеченным и я конкретным еще один я, у которого одна мысль: она. Я совпадаю в этой мысли с нею. Я и есть эта мысль.

Антиномия. Для полного отрезания необходимо ли жало в плоть, то есть постоянная память о маме и боль?
При полном отрезании сохранится ли жало в плоть?
Здесь возможны четыре случая и в некоторых оба тезиса совместны. Скорее всего должна быть именно несовместность.

Любая встреча с людьми снова вызывает боль, прямо или косвенно. Косвенно: я бы рассказал ей о встрече, может, не ноуменально, иногда же явно ноуменально и всегда по существу ноуменально, ее это радовало и меня тоже, а сейчас нет этого.

Предположим, я бы старался подавить боль — отрезать ее от себя; предположим даже, что мне это удалось и что я сделал это самым лучшим способом — стал бы снова писать ТФТ* . Не потерял бы я тогда живую веру, экзистенциальное отношение к Богу? Не наступило бы тогда подлое себялюбие и подлое самочувствие? Предположим, я бы хорошо исправил ТФТ, не было бы это тогда только чисто профессиональным достижением, а значит, и не вполне хорошим и потерей того, что необходимо и для ТФТ и может явиться только в результате обострения боли? Я уже не говорю о том, что в отношении себя самого и в отношении к Богу, это было бы уже потерей всякой экзистенциальности, всякой встречи с Богом, осталась бы только псевдоэкзистенциальная встреча в воображении, фантазировании и подлом самоуспокоении. На это я не пойду, даже если и совсем брошу писать ТФТ и вообще писать. Может, это ропот, может, это попытка оправдаться, я не знаю, но я получил жало в плоть и не должен, не хочу и не могу забыть его, ни ослабить его боль. Но я не знаю, что мне сейчас делать, ничего не знаю и снова прошу: дай знак Фомы, научи, укрепи меня в боли.

И снова через несколько часов, как написал и как будто освободился немного от того, что меня мучило, оно снова мучает меня. Должен я или не должен подавить боль, я не могу подавить ее и слава Богу, что не могу.

Отрезать от себя мир (то есть мiр) — значит отрезать от себя свои желания, чувства, стремления. А к маме? И кто будет отрезать, если и ее отрежу? Что останется тогда от меня?

Отрезать от себя себя самого — значит отрезать самоудовлетворение оттого, что отрезал от себя мир. Самоудовлетворение, хотя бы его

* «Трактат Формула Творения». См.: Друскин Я. Исследование о сущем слове. — 1958—1979 гг. — Личный архив.

и называли нравственным, — самодовольство и гордыня, то есть больший грех, чем сами желания.

После отрезания ничего не должно остаться — Божественное ничто, об этом писал еще Филон. Но мое жало в плоть — что это? Может, форма отрезания? Без него, может, я не могу отрезать себя от себя и придет самоудовлетворение и самодовольство? Или мой грех, уловка, хитрость самооправдания, так как я не могу и не хочу отрезать эту боль. Но боль — интенция к маме, а в Божественном ничто нет никакой интенции. Но ведь эта интендированная боль отрезает от меня весь мир и всякую интенцию. И еще: я сплю, иногда просыпаюсь, иногда полупросыпаюсь. В боли я вполне бодрствую, это наиболее ясное экзистенциальное состояние моего бодрствования и бдения.

28.XII. Как у Кащея Бессмертного душа хранилась в ящике под водою, так и моя — под землею на Серафимовском кладбище. В маме я потерял себя. Я как будто и говорю, иногда и по-настоящему, и читаю, и что-то записываю, и все же это не я, я — только в боли, в жале в плоть. В боли я снова просыпаюсь, но перенести ее не могу и убегаю в сон.

Во-первых. Вот два пути: один путь — не путь, но акт —μετάνοια*. Второй путь — нравственного и религиозного совершенствования. Но между грехом и святостью — бесконечность. Как же пройти ее конечному существу в конечное время? Значит, только акт: совершить невозможное, перескочить через бесконечность. Это невозможное станет действительным не через возможность, но только через невозможное — веру, это и есть вера: Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную <Ин. 3, 16>. Обратная сторона этой веры — свободная жертва, то есть бескорыстная — бремя, которое легко. Лютер говорит: всякий человек во что-нибудь верит, чему-то доверяет, на что-то полагается, значит, нет неверующего, но только: в кого верит, кому доверяет, на кого или на что полагается? Если же я ради мамы отказывался, может, и от многого, вообще же от себя, и это «многое» в акте отречения становилось для меня ничем, так что я не находил в этом отречении никакой заслуги, потому что то, от чего я отрекался, в акте отречения уже было ничем — перед этим актом было чем-то, вернее казалось чем-то, а в акте отречения было ничем. Значит, я отказывался от ничто, поэтому и не считал своей заслугой и не любил, когда мне ставили это в заслугу, потому что не было здесь, действительно не было здесь никакой моей заслуги. Я делал это ради мамы. Но в акте

* Обращение, раскаяние (*гр.*). В христианстве — коренное изменение разумной части души («переумие») через покаяние.

совершения это уже было и не ради мамы, иногда я даже думал: сделай я это ради другого человека, я имел бы ту же радость. Значит, я отказывался от ничто и мама была сопутствующей причиной. Но конечно, и в этом сопутствовании и до акта, и в нем, и после она была и действующей и конечной причиной, иначе была бы легальность, а не ноуменальная любовь. Но все равно, без веры человек ничего не может сделать, даже пальцем двинуть. Тогда на что я полагался, кому доверял, кому и в кого верил в этом акте радостной жертвы? По-видимому, на Тебя полагался, Тебе доверял, в Тебя верил. Свободная и чистая жертва — другая сторона веры. Я даже не скажу, что дела — плод веры под благодатью, а только другая сторона веры, совершаемая по благодати не мною, но через меня Богом. Потому что то, что в этих делах мое, то есть ограничение себя, бремя и иго, уже не ограничение, не бремя и не иго. Когда я уже ограничил себя, уже нет и ограничения меня, потому что нет и меня — в самом акте меня нет. Поэтому дело есть, но моего в этом деле нет, моим были некоторые усилия, их тяжесть, но если жертва была чистой, то и усилия — уже не усилия, и тяжесть — не бремя, и бремя легко. Что же осталось моего? Ничего. Я пишу это не для кого-нибудь, пишу перед Тобой, действительно в жертве бремя Твое было мне легко и иго — благо, и совершенно реально в этой жертве не было ничего моего, и не было меня, и я был ничто — что как ничто, и, значит, была у меня Твоя благодать, и не я делал, а Ты через меня, моей же заслуги тут не было никакой. И не раз в этой жертве Ты не только совершал ее через меня, но и являл Себя мне, как ночью в Пушкине, когда мы жили у Екатерины Ивановны*.

Во-вторых, как и во всем, у нас погрешность. В акте жертвы две погрешности, условно назову их качественная и количественная.

Качественная погрешность — это погрешность первого пути. Вот я совершил акт жертвы — акт отречения — акт веры. Но здесь надо различать акт жертвы и акт веры, хотя это и две стороны одного и того же. Акт жертвы — акт деятельной любви. В самом акте я как будто уже совершил все: я — что как ничто, меня уже нет, есть Он и Его благодать надо мною. В чистой жертве деятельная любовь и полная вера. Но как сохранить это дальше в том, чего нет, — во времени? И здесь наступает некоторое разделение — два момента веры: я отрекся в вере от себя, но я еще не отрекся от **своего** намерения отречься, не от намерения, а от **своего** намерения. По-видимому, акт веры объективировался, поэтому не стал полной жертвой себя самого. Когда есть сопутствующая причина, она же станет действующей и конечной, тогда легче совершить

* Хозяйка дачи в Царском Селе, где автор с матерью жили летом 1956 и 1957 г.

акт отречения в деятельной любви. Но как сделать это, когда ее нет? И что мне делать сейчас, когда ее нет у меня? Как и у Иакова, у меня была лестница от земли до неба, и я видел ангелов, сходящих на землю и восходящих на небо, а сейчас Ты убрал от меня основание этой лестницы, и я не вижу и самой лестницы. Увижу ли я ее снова, если Ты не дашь мне знака Фомы?

Количественная погрешность от качественной. В отречении от себя два момента — от своего дурного намерения и от своего дурного намерения или: отречение и отречение от своего намерения, хотя бы и хорошего, но своего. Но вот акт совершен, и я снова пал на землю. И здесь от меня требуется снова полная вера, доверие и намерение, и вот оно разделилось: *есть только намерение намерения, но нет силы для намерения. Чистое серьезное намерение сразу же и осуществлено и уже не намерение — это первый путь. Если же силы мало, то намерение объективируется и станет только намерением намерения, намерением намерения намерения и дальше так же,* и это второй путь. Во-первых, актуальное намерение уже и не намерение, а сама онтологическая реальность; если же это намерение, то уже объективируется: всякое намерение есть намерение намерения. Не объективируется только такое намерение, которое сразу же станет ненамерением. Во-вторых, в внешнем осуществлении во времени реальное намерение-ненамерение в своих проявлениях в жизни для других, может, и не отличается от объективированного намерения, их различает только Бог. Но в конце концов объект деятельной любви, а через него и субъект почувствует это различие и отличит реальное намерение от объективированного. И мама это чувствовала и через нее и я. [В акте деятельной любви объект — уже не объект, а субъект деятельности.]

Человек выбирает первый путь: путь, который не путь, но акт, намерение ненамерения. Я неверно сказал: выбирает. Не выбирает, а становится на первый путь. По слабости же сходит на второй: путь намерения, путь намерения намерения и дальше так же. Это путь человеческой слабости, человек, желая себя оправдать, называет его путем нравственного или нравственно-религиозного совершенствования. Тогда это лицемерие. Есть качественная и количественная погрешность во времени первого пути, от этого подъемы и падения. Когда же, оправдываясь, погрешность называют путем нравственного совершенствования, лицемерят. Как утверждение второго пути погрешность — ложь и лицемерие.

В-третьих. Сопутствующая причина жертвы помогает совершению первого пути — «совершению», потому что первый путь — не путь, а акт. Теперь я перехожу к моей единственной сопутствующей причине, которая была и действующей, и конечной причиной, которой я живу и сейчас или по видимости существую, — к маме. Сейчас ее у меня нет.

Как мне совершить жертву? Я знаю, я должен возлюбить Тебя всей душою, всем сердцем, всем разумением, и у меня это постоянная мысль-намерение, но большей частью объективируется и становится намерением намерения. А сопутствующей причины для жертвы нет. Что мне делать? Затем еще. Сопутствующая причина придавала некоторый личный оттенок жертве. Плохо ли это? Нет, и в самой причине я увидел святость — Тебя, освящающего человека в страдании. Я любил Тебя, но я любил, и деятельно любил, и того, кого Ты освящал, — моего ближнего. Ты дал мне счастье быть необходимым для моего ближнего. Теперь Ты лишил меня этого счастья. Я только констатирую и знаю ответ: мало ли несчастных рядом с тобой. Мне надо как-то изменить свою жизнь, коренным образом изменить, но из возможностей, которые представляются мне, ни одна не лучше и не хуже другой, и я стою перед ними и умираю от голода, как Буриданов осел. Главное же, что я пальцем шевельнуть не могу сейчас, то от боли, то от пустоты, иногда скрывающей или затемняющей боль. Помоги же мне. Что мне делать? И еще. В акте я должен любить сопутствующую причину, иначе будет только легальность. А вне акта, когда Ты убрал ее от меня? Как должен я сейчас относиться к ней? Ты освящал мою жизнь через нее, но ведь Твое освящение вечно, и я должен помнить это всегда, все всегда должно быть, как сейчас, и сейчас. И снова прежние вопросы об индивидуальном отношении к маме и к Тебе. И также об личном оттенке, который сопутствующая причина придает самой жертве, акту жертвы. Будет ли он моим индивидуальным, личным актом без этого оттенка или станет актом вообще, то есть легальностью? Может ли он быть живым без личного оттенка? И может ли быть личный оттенок без интенции к сопутствующей причине? И как лишить его интенциальности, чтобы не осталось никакой интенции, чтобы был Ты один, но в живой личной вере?

О количественной погрешности первого пути: число жертв, то есть конкретных актов, безразлично; число жертв не безразлично. Первое — потому что жертва всегда одна, полная и совершенная. Второе — потому что я все время забываю сейчас и живу в воспоминании, и снова сейчас просыпаюсь. И хотя я не знаю, что значит «снова», то есть «снова сейчас», но сейчас вспоминается или воображается множественность актов: я вдруг просыпаюсь и затем не замечаю, как засыпаю, и сплю и снова вдруг просыпаюсь и дальше так же. Все это в воспоминании, потому что сейчас одно и не уходит — я ухожу от него в сон. И что меня сейчас особенно мучит — то, что я мог совершить во много раз больше жертв и не совершил, и не совершил последней: отдать все свои прихоти, все время бодрствовать и значит бодрствовать при маме и с мамой. А я отвлекался, слабел и засыпал.

В-четвертых. Вот ясное бодрствование: в острой боли. Вот другое состояние: сейчас, когда я все это вспоминаю и говорю Тебе. Вот еще

состояние: когда я писал раньше, например ТФТ. При этом как будто что-то проходило передо мною или через меня, а я был в стороне, смотрел и удивлялся. Первое состояние — я. Второе — я перед Тобою, третье, может, Ты передо мною. Вот еще состояние: я читаю, по поводу прочитанного приходят мысли, иногда я их записываю. Бодрствую ли я при этом? Или это только автоматизм привычной мысли? Но мысль о Тебе не должна стать привычной, она всегда должна быть новой, как сейчас, и иногда страшной.

Дай мне постоянное бодрствование и бдение, разреши мои сомнения, дай мне второй знак, знак Фомы.

Ин. 15, 9. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей.

Ин. 15, 13. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

30.XII. Сопутствующая причина абсолютно индивидуальная, единственная.

Антиномия: 1. Всякая сопутствующая причина, если чистая, то абсолютно индивидуальная, личная, единственная, причем духовная — ноуменальная. При этом всякая сопутствующая причина если чистая и абсолютная, то ноуменальная и единственная.

2. Но если она единственная, то исключает всякую другую сопутствующую причину, иначе не будет единственной. Антиномия здесь в том, что я должен любить, и не легально, а экзистенциально, каждого своего ближнего, то есть каждый должен быть единственным, но единственный исключает всех других, то есть такую же любовь к другим. Одинаковая же любовь ко всем — только легальность, то есть равнодушие. Основание этой антиномии в Самом Христе: у Него был любимый ученик. Он требовал к Себе, именно как к человеку, а не только к Богу, единственного отношения: нищих всегда будете иметь при себе, а Меня не всегда <Мф. 26, 11>. Теперь я обращаюсь к основанию моего стержня жизни, к моей лестнице Иакова.

Во-первых, это основание было моей плотью и кровью — мамой.

Во-вторых, страдание — это стало и моим страданием. Это была уже боль бытия, абсолютно индивидуальная, личная, ее и моя и одновременно онтологическая, ноуменальная и религиозная.

В-третьих, подъемы и падения. Это и есть индивидуальность и боль и было абсолютно единственным откровением и личным, и метафизическим, и религиозным, так же как и страдание.

В-четвертых, — некоторая мудрость и индивидуальный оттенок мудрости. Этот оттенок, может, и есть сама мудрость и святость. Проявлялось это не только прямо, но, что может быть еще важнее, косвенно, причем особенно в последние годы: в языке, в словах, иногда в

словообразованиях. Однажды я выпил и в разговоре с мамой слишком часто употреблял слово «я». Мама сказала мне: что ты все якаешь. Не якай. Этот индивидуальный, личный оттенок — главное, в нем оправдание всего и было оправданием моей жизни. Оттенок ее жизни-мысли обладал силой выходить за свои пределы, переходил на меня и обратно отражался от меня на нее — это ноуменальная любовь — абсолютность личного духовного состояния, ставшего ноуменальным взаимодействием.

31.XII. Конец последнего года жизни, теперь — житие. Но пока и его еще нет, пока не будет второго знака, какой-то пустой промежуток между жизнью, которой уже нет, и житием, которого еще нет. С весны 1960 г.* три с половиной года я жил в ожидании этого страшного времени. Но сколько еще будет продолжаться пустой промежуток. Научи меня, Господи, дай силу в боли, дай второй знак, знак Фомы.

Все дни должны быть одинаковые, один, как другой, и отличаться только внутренними признаками, то есть внутренним состоянием. А сегодня условно особенный день, так как в 12 ч. ночи условное начало нового года. И то, что сегодня особенно тяжело из-за этой условности, пусть будет и каждый день. Дай мне постоянную боль и жало в плоть, силу в боли и знак Фомы.

1964

1.I. Услышав это, ученики Его весьма удивились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, воззрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же все возможно (Мф. 19, 25—26).

Это открылось мне сегодня, когда я раскрыл Евангелие.

3.I. После всех этих встреч я чувствую себя фарисеем-патриархом из «Крошки Доррит». Мама бы поняла это, а может, и сейчас понимает. Знаю одно: мне нужна постоянная боль, и сила в боли, и знак Фомы. Только в боли я вполне искренен, только в боли я — я и непрерывно бодрствую. И снова прошу: дай знак Фомы.

4.I. Когда Майстер Экхарт произносил свои проповеди перед людьми, у него была или он был eigentliche** Existenz. Когда же писал свои

---

* С тех пор, как заболела мать.

** Подлинный (*нем.*); далее с приставкой un (не).

*** Термин Хайдеггера.

трактаты, был, кажется, uneigentlich, пребывал в «Man»***. Церковь создала тогда дом, может, и не вполне христианский, с языческими элементами, но все же это был жилой дом и люди чувствовали себя в жизни как дома. Поэтому можно было и в общении с людьми быть собственной экзистенцией. Сейчас, во всяком случае я, в общении существую, uneigentlich, только повторяю себя самого и даже не я, а мое Man повторяет меня, когда-то существовавшего eigentlich. Eigentlich я существую сейчас только один — в маме, в боли, в жале в плоть, в ожидании знака Фомы.

5.I. Четыре ступени моего отчуждения от жизни: 1 — с начала войны — наиболее плодотворный период в моей жизни. 2 — с мая 1960. — Тогда были написаны дополнения к ТФТ, разрушившие весь трактат. 3 — с 12 января 1962 г.[4] Немногие неудачные попытки собрать разрушенное. 4 — с 16 октября 1963.

В первом периоде жизнь частично перешла в то, что я писал. Новые знакомства, связь с ними слабее довоенных, после 1959 и эти связи слабеют, зато тем сильнее моя главная, единственная, ноуменальная связь. Во втором периоде ближайшее прошлое стало позапрошлым. В третьем и часть настоящего стала прошлым. Сейчас все стало прошлым, сейчас боль и ожидание знака Фомы.

11.I. Либер Готт. Готтеньки. Обрах Монес. Афтун.

Кьеркегор: когда станет очень страшно, время остановится. 17.X* время остановилось. [16.X остановилось, а сейчас, как 17.X.]

12.I. Моя старая eigentliche Existenz стала сейчас uneigentlich — Man. Моя новая, с 16.X, eigentliche Existenz никому не понятна и не нужна. И она подавила абсолютно все и мою прежнюю eigentliche Existenz. Могу ли я теперь вернуться к той работе (ТФТ и др.) и как — не знаю. Я не отрицаю, что она была моей eigentlicher Existenz, но, когда я сейчас говорю о ней, о прежнем, я чувствую, что говорю не я, а мое Man повторяет меня прежнего. Я сомневаюсь не в содержании моих высказываний, но в самих актах моего высказывания. Содержания не потеряли свою Eigentlichkeit**, но как сделать, чтобы я вернулся к ним и снова говорил бы о них eigentlich, а не как Man, — не знаю. Я должен говорить о них в боли, в жале в плоть, в ожидании знака Фомы. Когда эта боль наиболее актуальна, я существую eigentlich, но ни о чем другом думать не могу. Когда она слабеет — я только Man — бесконечно

---

* На следующий день после смерти матери.

** Подлинность (*нем.*).

унылое существование. Правда, из этой боли я тоже выхожу в какие-то мысли: концентрические круги вокруг боли. Но как сделать, чтобы мысли из ТФТ стали этими кругами, приняли в свой центр боль?

Проснувшись утром, я забеспокоился и подумал: а не сказал ли я вчера чего-либо умного, не обратили ли на меня внимание, не похвалили ли? И вспомнив, что не сказал ничего особенно умного и что на меня не обратили внимания и не похвалили, успокоился. Это началось еще после войны, а сейчас особенно сильно, так как видят при этом не меня, а мою прежнюю eigentliche Existenz, которая стала для меня Man. С моим Man говорят, как со мною самим, и мое Man отвечает. После этих разговоров мне делается стыдно.

15.I. Мне стыдно утром не тогда, когда я говорил накануне* глупо, а когда говорил умно. А сейчас не стыдно и не не стыдно, а просто нехорошо.

16.I. Вчера было очень нехорошо и жало в плоть, и какое-то унылое окружение жала, и полная безысходность. Причины: 1. Накануне читал не только Введенского, но и свое и, кажется, произвело впечатление. Говорил не только глупое, но и умное. Было много людей: М.,[5] Орловы,** Саша***. 2. Получил верстку своего перевода**** и работал, а мамы при этом не было. Она бы радовалась, потому что понимала, что нельзя расплываться в самочувствии и слабости духа. Настоящее созерцание — не расплывание в самочувствии и не самочувствие. 3. Кажется, есть какой-то круговорот и некоторая закономерность в постепенном нарастании боли, доходящей до максимума и потом спадающей до следующей волны. Вот этой закономерности — естественности волн боли я и побоялся, когда мне был первый знак, и, кажется, напрасно побоялся. Потому что естественное спадение наступает после ночного сна, а тогда это было под вечер, вдруг и в состоянии бодрствования [после Т.]. Уже позавчера, когда они пришли, боль приближалась к максимуму, а вчера достигла максимума. Первые две причины создали только нудное, унылое и безысходное окружение.

---

* В день рождения брата, Михаила Семеновича (14 января).

** Орлов Генрих Александрович — ученик М. С. Друскина, музыковед, ученый, и его жена в те годы — Мейлах Мирра Борисовна — киновед (позднее — иконописец).

*** Александр Павлович Утешев — музыковед-лектор, ученик М. С. Друскина.

**** См.: Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах: Пер. с нем. Я. С. Друскина / Под ред. М. С. Друскина. М.: Музыка, 1964.

Я забыл еще одну причину. Пост, как и всякое ограничение, которое я налагаю на себя, должен быть добровольным. Просто еда должна стать невкусной и все, от чего я отказываюсь, — неинтересным. Тогда объект интенции как бы исчезает, а вместе с ним и сама интенция — не трудно отказаться от того, что стало для меня ничем. Есть ли здесь моя заслуга? Кажется, нет. Освобождение от интенции приходит, например, в молитве. Непосредственно ли Бог по моей молитве освобождает меня от интенции или мое благоговение? Но и во втором случае, мне кажется, Объект благоговения становится Субъектом исключения моей интенции. Так вот вчера, на подъеме болевой волны, было очень нехорошо и я нарушил одно из добровольных ограничений. Не потому, что надо было или чего-либо хотелось, наоборот потому, что мне ничего не хотелось. Это от слабости духа и стало еще хуже. Ограничить себя мне очень легко: стоит актуально вспомнить маму, то есть ясно, потому что помню все время, и любая интенция исчезает: объект ее становится ничем, тогда пропадает и интенция.

18.I. О курении. Как и всякая интенция, и эта требует заполнения, до заполнения ощущается как недостаток. Почему этот недостаток (курение) ощущается сильнее? И почему голод, когда вспоминаю маму, сразу же проходит, а потребность в курении делается при этом, наоборот, сильнее? Некоторую роль играет здесь чувственное удовольствие: приятное вкусовое ощущение от еды и безразличное, скорее даже неприятное в вкусовом отношении, ощущение от папирос, которые я курю. Отчасти и водка так же: неприятное приятно, причинение себе боли как будто уменьшает боль бытия. Я знаю, это фальшивое уменьшение боли — суррогат от слабости духа. Минутное облегчение бремени все равно не сделает его легким и иго — благом.

19.I. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, укрепи меня в вере, в боли, в жале в плоть, дай знак Фомы.

Бог, Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух. Бог, ставший человеком, — Иисус Христос. Мир, сотворенный Богом, сотворенные Им люди, живые, умершие и еще не родившиеся. Одни мне ближе, другие дальше, третьи совсем далеко, и я их не знаю. И ближе всего моя единственная ноуменальная связь — мама. И все это одна ноуменальная система. И два полюса: Он — вверху, Сущий, Святый, Тот же Самый, я — внизу во тьме, скованный грехами и своим окаянством, брожу во тьме, как слепой котенок, на все натыкаюсь, ничего не знаю, не понимаю, утопаю в несущем. И от Него ко мне вера, сохраняющая для меня всю эту ноуменальную систему, и мой ноуменальный стержень — мама. И теперь это все поколебалось. Я поколебался и утопаю в несущем. Господи, укрепи меня в вере, в боли, в жале в плоть, дай мне знак Фомы, ведь я тону, укрепи меня.

22.I. Умная связь слов: блаженство и блаженный. У мамы иногда бывали состояния блаженства. В одном из таких состояний — мама сидела тогда на кровати и я рядом с мамой — это было вечером, мама хорошо говорила со мною, а потом, забыв, что она даже в комнате ходить не может, сказала: почему мы с тобой никуда не ходим? Пойдем завтра в зоологический сад. Было блаженство, и в этом состоянии мама была блаженной.

Другое блаженное состояние. Я уходил и пришел домой поздно, в 2 или 3 часа ночи, а мама еще не спала. Сказала, что ей очень хорошо, и, должно быть, совершенно не ощущая времени, что бывает при блаженном состоянии, спросила: почему ты пришел так рано?

Но чаще бывали молчаливо сосредоточенные состояния и мучительные. При молчаливо сосредоточенном состоянии она раз больше недели ничего не говорила, ни на что не жаловалась, но на вопросы отвечала спокойно, даже приветливо, когда ее поцелуешь — ответит, но все время погружена была даже не в мысль, а во что-то большее мысли.

У нее часто болели голова, иногда ноги, иногда еще что-нибудь. Когда в одном из молчаливых состояний я спросил у нее, болит ли что, она ответила: у меня всегда что-нибудь болит, но сейчас терпимо. Но в состояниях блаженства ничего не болело.

Затем были страшные, мучительные состояния и по-настоящему я понял их только сейчас, а тогда бывал и нетерпелив, и как сейчас каюсь. А если бы сейчас вернулось хоть одно из самых страшных, мучительных и для меня состояний, как бы я радовался.

Еще бывали сосредоточенные состояния спокойного, жизненно мудрого разговора, например когда мама сказала: я ее не люблю, она фальшивая и лживая. Достаточно и так в жизни фальши. Это мама сказала о последней сиделке — очень неприятной и действительно хитрой и фальшивой — мы же поняли это позже. Тогда не было блаженного состояния и какая-то боль, по-видимому не только физическая, мучила ее.

Еще бывало состояние:

Либер Готт. Готтеньки. Обрах Монес. Афтун.

Когда я раз спросил у мамы, что значит Обрах Монес и Афтун, мама сказала: сжалься и вверху, по-видимому: Ты, Сущий на небесах, сжалься.

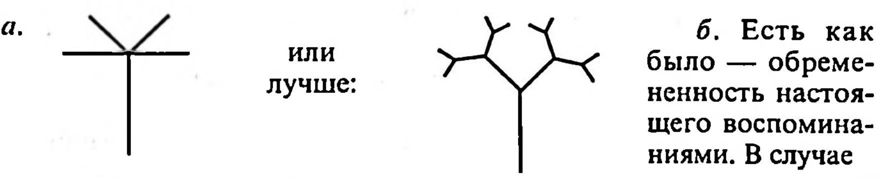
2.II. Давно уже я хотел сделать одну работу: «Сон и явь»*, но пока у меня было настоящее и будущее в настоящем, мне не интересно было

* См.: Друскин Я. Сон и явь. — 1968 г. — Личный архив.

возвращаться к прошлому. Когда же осталось только прошлое, я сделал «Сон и явь». Насколько это интересно и хорошо, мне сейчас трудно сказать, может, потому, что амплитуда колебаний моих чувств и реакций на все внешнее, включая и то, что я писал или пишу, кроме, может, этой тетради, настолько мала, что практически почти равна нулю.

1. В связи с обращением к прошлому я думал, что мое эмпирическое состояние во времени вместе с самим временем — воспоминанием и ожиданием — изображается не прямой, а углом, вершина которого — сейчас, а прошлое уходит не назад, а вглубь: есть как было; есть как было, которое было...* Будущее же — ожидание, перспективность настоящего и мотивированная, то есть предельная, свобода выбора, формально детерминированная возможностью выбора:

а. или лучше:

б. Есть как было — обремененность настоящего воспоминаниями. В случае чрезмерной переобремененности вертикальная прямая втягивает в себя пучок перспективности настоящего и настоящее станет бесперспективным, прошлое все поглотило:

в. Пучок вверху увял. Результат тот же — бесперспективность настоящего.

г. Пучок вверху расцвел и втянул в себя прошлое:

человек погрузился в суету мотивированной, детерминированной, псевдосвободы.

---

* См. библиогр. [31], с. 863—911.

а. Нормальное состояние. Патологические состояния:

б, в. Бесперспективность настоящего: диапазон колебаний чувств и реакций на события внешнего мира стремится к нулю.

г. Вряд ли свойственно человеку, занятому настоящей работой, скорее это состояние среднего, несерьезного человека, который доводит свою срединность и несерьезность до максимума. Его бездумная активность смешна и неприятна даже нормальному среднему человеку. Бездумная активность — вне разделения умный-глупый. Бездумно активный даже не глупый, он еще не дошел до противоположения ума глупости.

При бесперспективности настоящего (*б, в*) время останавливается. Но эта остановка времени — не уничтожение времени: уничтожился один из моментов времени и все стало неподвижным прошлым. Время уничтожается абсолютной свободой, немотивированной и недетерминированной, тогда остается одна точка — сейчас — тожественная всему умопостигаемому ноуменальному пространству абсолютной жизни — вечности. Тогда нет «как было» и «как будет», но вечное сейчас и в нем Бог.

2. Возвращаюсь к моей бесперспективности. Когда в мае или в июне 1960 г. я сказал Ст<ерлигову>: ближайшее прошлое стало позапрошлым, я стоял на перепутье. Я мог пойти по направлению к вечному, абсолютному сейчас, я и хотел идти по этому направлению, но слабость духа тянула назад, я положил руку на плуг, но оглядывался назад. Диапазон колебаний моих чувств на внешние реакции сократился, но переобремененность прошлым, мое гипостазированное само тянуло меня назад. Спасала меня только моя ноуменальная связь — мама, счастье, которое дал мне Бог, и тогда я оставался в живом настоящем и иногда видел, вернее, был в вечном сейчас Бога. Но я оглядывался назад, и, когда все свершилось, переобремененность прошлым поглотила меня, и я не знаю сейчас, что мне делать.

Укрепи меня, Господи, в вере, в духе, дай знак Фомы.

Примеры человеческой глупости. Имен я не буду называть, потому что так говорят мне не только глупые, но и умные люди. Эта глупость свойственна и умным и глупым — глупость человеческой природы.

Разговор со мной по телефону:

— Приходите вечером. — Нет, не могу. — Почему же, ведь теперь вы можете прийти вечером. — Нет, не могу.

Мой собеседник не понимал, что именно теперь я не могу прийти вечером.

Другой разговор:
— Значит, у вас все благополучно?

Собеседник, хотя давно уже знает меня, не понимал, что сейчас именно неблагополучно. И вообще, как может быть все благополучно, если человек положил руку на плуг и оглядывается назад? Может ли быть у человека благополучие, пока он живет в мире? Только временное, мнимое благополучие человека, не положившего руку на плуг и даже не подозревающего, что счастье в том, чтобы положить руку на плуг и не оглядываться назад — иметь силу духа, положив руку на плуг, не оглядываться назад. Дай мне, Господи, силу духа, дай знак Фомы, чтобы иметь силу духа.

Мое оглядывание назад: я все время в одном, но, когда делается очень страшно, бегу назад: в пустые мысли, в пустые книги.

Это было вечером осенью последнего года. Я был занят, кажется приготавливал лекарство маме на ночь. Мама очень сосредоточенно и мрачно говорит сиделке: позовите его. Я подошел, что-то сказал и продолжал готовить лекарство. Мама снова сказала: позовите его. Я подошел, не помню, что сказала мама, что я, вскоре я поцеловал маму и пошел спать, так как было уже поздно. А мама осталась одна с чужим, недобрым, фальшивым человеком. Маме неприятно было при ней даже назвать меня по имени. Хоть бы полчаса я посидел. Сложность положения — ночные вставания и др., так как Женя* болела тогда, — не оправдывают меня, я не могу простить себя. И подобных случаев было много. Найти другую сиделку было очень трудно и все же надо было искать. Я не сделал всего, что мог, я бесконечно виноват.

Прости меня, Господи, она меня всегда прощала, дай силу духа, дай знак Фомы.

Я начал читать Евангелие от Матфея и вдруг почувствовал, почти увидел Храм, в Котором я и Он же во мне, и Он укрепляет меня. Я побоялся: может, это создалась привычка, может, это я создал и потому успокаивает меня. Но как я мог создать это, это создал Бог, только Бог может это сделать, теперь я должен удержать.

Помоги, Господи.

3.II. Прости меня, Господи, Ты знаешь мои мысли еще до того, как я их подумаю, и мои мысли, которых я не знаю. Я подумал, если бы Ты сказал: Я верну тебе маму, но лишу тебя Моего присутствия, исключу

---

* Домработница; очень хорошо относилась к матери и всей нашей семье.

из Своей Радости, хочешь? Я бы сказал: хочу. Но ведь это я придумал глупый вопрос в предельной форме свободного выбора, Ты так не спросишь. Потом подумал: ограничена ли сейчас моя радость — Твоя совершенная Радость? Нет, я переполнен ею, я боюсь выплеснуть хоть одну каплю, Ты ввел меня в Свою Радость — Радость Господина моего. И все же, как ни полна моя радость, я хотел бы, чтобы и мама радовалась, и если бы я знал, что и она вошла в Твою Радость и ей так же хорошо сейчас, как и мне, то я спокойно и всегда радуясь ожидал бы, пока Ты призовешь меня окончательно и навеки в Свою Радость, и, если возможно, я хотел бы, чтобы мы оба — она и я — были всегда вместе в Твоей Радости. Но если Твоя Радость у меня неограниченна и бесконечна, хорошо ли, что я сказал: вместе? И еще: то, что я записал и обозначил 22 январем, было 22 января или 21, но записал я это только вчера, и там было о маме, а вечером Ты ввел меня в Свою Радость — и снова у меня прежние вопросы.

Может, это второй знак? Я переполнен Твоей Радостью, дай мне силу удержать ее, благодарю Тебя, Господи.

4.II. Я прилег днем и только задремал, как увидел маму и услышал, как она мне сказала: бедный мой мальчик.

Спал я, может, 1—2 секунды, потому что сразу, как задремал, увидел и услышал ее, и проснулся от острой боли, так как ее нет здесь со мною, и сразу же радость, потому что увидел и услышал ее.

5.II. Расплескал я все-таки мой сосуд с Радостью. Но она была, и реальность ее была сильнее реальности мира. Она была полной реальностью. Поэтому осталась надежда: она будет снова.

И вторая радость-страдание: я видел и слышал маму не в прошлом, а сейчас — знающую, что свершилось. И тоже осталась надежда: я увижу и услышу снова.

7.II. Если не будете есть Плоти Сына человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною <Ин. 6, 53—57>.

Снова возвращаюсь к тому, что было со мной в воскресение. Может, этот Храм — тело Христово: Его Плоть и Кровь? Тогда это было

Причастие? Вечером пришли Стерлиговы*. Я был в том же состоянии, но в некотором недоумении: что произошло со мною? Поэтому настоящих разговоров не было, я был в себе. Потом, когда они ушли, я снова читал Евангелие и, кажется, продолжал оставаться в недоумении, по-видимому, я удивлялся, не понимая еще радости, которую получил. Как лег, как спал, как встал — не помню. Днем, как всегда, пошел пройтись и вдруг понял; когда я вышел, я удивился: что значит эта совершенно реальная, реально переполняющая меня Радость, не оставляющая никакого места для обычной уже три с половиной месяца печали, скорби и боли? Я шел по улице и радовался. Вернулся домой и было то же. Я ходил по комнате, и Радость переполняла меня. Часов в 6 я снова читал Евангелие, но, кажется, и Евангелие проходило мимо меня, потому что я реально ощущал в себе эту Радость, а книга, которую я читал, отвлекала меня от этой Радости; я читал слова о Радости, а Радость непосредственно была во мне, мне не надо было никаких слов. Потом должны были прийти Орловы. После 7 я накрывал стол, ожидая их, но Радость, кажется, не покидала меня. При них я говорил о свободе выбора и абсолютной свободе. Когда они ушли, я снова читал Евангелие, но, кажется, такой полной радости уже не было. Со Стерлиговыми я был еще в себе, а с ними открылся, может потому и расплескал свой сосуд с Радостью? Еще: со Стерлиговыми я выпил очень мало, с Орловыми немного больше, но тоже мало.

Теперь второе чудо. Днем я, кажется, уже знал, во всяком случае подозревал, что Радость пролилась, я не удержал ее. Я прилег после обеда и чуть вздремнул и, еще не успев заснуть, увидел и услышал маму, увидел как бы мельком, а услышал ясно, как будто рядом со мною мама сказала мне: бедный мой мальчик.

8.II. Дух дышет, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит <Ин. 3, 8>.

15.II. И все же я напишу, и Ты знаешь, почему все же, и знаешь, что я напишу и что подумаю, еще до того, как я подумаю, и знаешь, что я хочу быть с Тобою и у Тебя, и знаешь, что я все еще оглядываюсь назад, хотя, кажется, и оглядываться уже некуда, и знаешь, что я хочу быть у Тебя с нею, и если это грех, то казни меня, но дай ей место у Тебя, и все ее прегрешения вольные и невольные на мне, и Ты знаешь, что это так, и знаешь, что я прошу у Тебя, и если этого нельзя, то казни меня, грех на мне.

Прости меня, Господи.

---

* В. В. Стерлигов и его жена — Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985), художница, ученица П. Филонова, с Я. Друскиным и его друзьями познакомилась в 1930-е гг.

17.II. Иногда ночью вдруг мелькнет не мысль — полумысль: ну вот, кажется, и лучше, проходит. Расскажу маме, как было тяжело. И сразу же: не прошло, не проходит.

В последнюю неделю мама не ела, почти не пила, ничего не говорила. Я же, по-видимому, поверив глупости мудрых, думал, что она и не слышит и не понимает. Но ведь потянулась же она один раз к Лиде* со стоном и на поцелуи отвечала. Я думаю, у нее было, как в «Метаморфозах» у Кафки, она все понимала, но не могла говорить. Я же, окаянный, поверив мудрости века сего, думал, что она не понимает, не знаю, что я думал, я ничего не думал, Бог лишил меня разума за окаянство мое.

Однажды, еще до этого, я кормил ее, она не владела руками. Мама не хотела есть, я же был нетерпелив, и она сказала: Яшенька, дорогой, пожалуйста, не сердись.

Ей было очень плохо, на меня же нашло затмение. Это уже не подсознательное Schuldbewußtsein**, а вполне ясное сознание вины, но пришло уже после 16.X. Я был виноват в своем затмении, здесь нет никакого извиняющего обстоятельства, это мой грех навеки, жало в плоть до конца моих дней. Пошли мне второй знак, Господи, дай знак Фомы.

Когда человеческий суд осуждает, а Божий оправдывает, это не страшно. Но бывают ситуации, когда ни один человеческий суд, зная все подробности, не осудит и найдет тысячи извиняющих обстоятельств, а Божий суд через мою совесть осуждает, — это страшно.

21.II. У меня зачесалась верхняя губа, и я почесал ее нижними зубами и вспомнил, как это делала мама и, если чесалось выше, просила почесать, потому что сама уже не могла, руки не работали. И снова не умещается в мысли.

Жизнь должна быть однообразной, один день, как другой, но не должно быть привычки. Или пусть будет, как сейчас, — пятый месяц, как время остановилось и все, что тогда стало, и теперь так же, такое же новое и страшное, кроме трех дней: одного дня тихого веяния ветерка, одного дня Радости и одного мгновения радости-страдания; или — второй знак, знак Фомы. Или того, чего не знаю, но только не привычки, чем привыкнуть, лучше пусть будет, как сейчас.

---

* Лидия Семеновна Друскина — сестра автора.

** Сознание своей виновности (*нем.*).

В Старом Завете — книги на все случаи жизни, при нужде.

Екклезиаст — во-первых, для тех, кто надеется на себя, на свою силу, на свою мудрость, но еще больше для верующего, когда он почувствует, что Бог оставил его: Боже мой, почто Ты оставил меня, удаляясь от моего спасения, от слов вопля моего? (Пс. 21, 2). <Еккл.> 7, 14: во время счастья пользуйся счастьем, а во время несчастья выжидай: и то и другое устроил Бог для того, чтобы человек ничего не постигал за Ним.

Когда Бог оставил меня, Екклезиаст еще сильнее отделил меня от Него, углубил пропасть, возвысив Его и уничижив меня. Я еще рассуждал, и Екклезиаст унизил меня, и я замолчал. Чем больше пропасть между мною и Им, тем более сокрушается мой дух. И тогда Он приходит ко мне: жертва Богу сокрушенный дух и смиренного не отвергаешь Ты <Пс. 50, 19>. Так говорит Всевышний Святый: Я живу на высоте небес, в святилище и близ сокрушенного сердцем и смиренного духом, чтобы оживить дух смиренных <Ис. 57, 15>.

Когда станет такая темнота, что темнее уже не может быть, когда скорбь придавит тебя так, что от тебя уже ничего не останется и уже ничего не ждешь, тогда и придет свет. Если же не приходит, значит, еще недостаточно придавлен, еще ждешь, еще надеешься.

Апостол Павел: скорбь → терпение → опыт → надежда. Опыт — это терпение до конца, до полной безнадежности. И тогда надежда сама придет, потому что она от Бога, а пока я после скорби и в скорби надеюсь — еще на себя надеюсь.

24.II. Бороться можно с тем, что противоборствует тебе. Но если ничего не противоборствует и все же стоит перед тобою, как стена, как вопрос: а зачем? — то это убивает всякую возможность выбора и даже устранение возможности выбора.

Здесь остается, может быть, только одно: уйти из мира, который все время ставит передо мною возможность свободного выбора, требует свободного выбора. Я не хочу ничего выбирать, мне омерзительна сама возможность выбора, возможность мира, в котором не избежать возможности свободного выбора.

27.II. Сегодня я был на кладбище. Потом зашел в церковь. И снова слезный дар. Что это — я не знаю, то есть почему именно в церкви?

28.II. Ноуменальные отношения — не естественные, поэтому кровная связь, какой бы сильной ни была, еще не ноуменальная. Хотя и может стать ноуменальной, как у меня с мамой. Сейчас у меня остались еще две кровные связи, но их ноуменальный характер слишком слаб, чтобы приостановить дереализацию общего мира. Он становится тем, что он есть, — трансцендентальной иллюзией. Новых ноуменальных

отношений нет, а прежняя <связь> реализует только два личных мира — ее и мой, и так как ее мир ноуменально присутствует сейчас только у меня и никак не соприкасается с другими личными мирами, то через ее мир я уже не могу проникнуть в другие личные миры, у меня остались только два личных мира — один мир, ее и мой. А до 16.X у нее были хотя бы интенциальные отношения с другими, а иногда и ноуменальные встречи с другими, хотя и не такие сильные и глубокие, как со мною. Поэтому через ее мир я проникал и в другие миры, и они и объективировались, и реализовались для меня через мое ноуменальное отношение к ней и ее интенциальные и ноуменальные встречи, она была посредником между ее и моим личным миром и другими личными мирами. А сейчас остался один мой мир — ее и мой.

7.II. Я задремал и сразу же проснулся от *взгляда*, и это был абсолютный *взгляд*, недремлющее око, он все проникал, все поддерживал и сохранял, и снова был, как *храм*. *Взгляд* сопровождался страхом Божиим.

8.III. Моя постоянная мысль о маме, может, и нужна ей, но обратное отношение непредставимо: ведь мое мучение сейчас — во времени, но ведь сейчас я вспоминаю и помню и те три дня и могу представить себе, что осуществится моя надежда, и то сейчас снова будет сейчас, хотя и непонятно, что это значит, и это непонятное я обозначаю словами: Провидение, Ангел-хранитель. Я знаю, что вся моя жизнь, если можно сказать «вся», не сумма мгновений, но одно Сейчас, но сейчас я не вижу это Сейчас, только один из моментов его: вот это вот[6]. Сейчас я вижу как один из моментов вот этого вот Сейчас; хотя в нем и нет численной множественности моментов, но нет и пустоты аналитического тожества. Каждое мгновение я забываю мгновение, но разве она сейчас забывает? Тогда, как видит мое отдельное мучительное мгновение? Но здесь я ничего не могу сказать. Дай мне, Господи, второй знак, знак Фомы.

9. III. Человек по природе солипсист — ветхий Адам. Он реализует мир другого объективно, то есть интенциально, настоящая реализация — в ноуменальном отношении, но часто ли она бывает? Ноуменальное отношение — личное, но не эмоциональное, во всяком случае в основе своей не эмоциональное. В ноуменальном отношении я прорываю свои границы — границы ветхого Адама. Но основа — Бог: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я <Мф. 18, 20>.

Адам был естественным солипсистом: он был с Богом и все же один, так как не было равного ему. Но и Ева до падения не оказалась соответственным помощником ему, не нарушила его солипсизм, так как она

[неверно]* [неверно]
из ребра его. Поэтому падение Адама заложено было в нем, он не мог
[неверно]
не пасть, хотя пал свободно и Бог не причина его вины и неповинен в его падении. [Падение — actus forensis**. Сам по себе Адам именно не мог пасть, как не может пасть ни одна сотворенная Богом тварь. Иначе не Бог, а дьявол сотворил человека. Он пал, потому что Бог подарил ему в actus forensis абсолютную свободу, которая, как непосильная ему, стала проклятием рабской свободы выбора. Подарил для того, чтобы он получил самосознание и через Христа принял дар свободы.] Но через падение Ева стала соответственным ему помощником в общей вине и он получил самосознание. Противоречие сотворенного: или вещь, или
[просто может пасть]
имеет возможность пасть и, как только [может пасть], уже пал, и это падение ему на помощь.

До падения Адам имел Богопознание, но не имел самосознания. Самосознание через падение в откровении Бога — И<исуса> Х<риста>.

Я бы мог за неделю закончить «О душе, о времени и о свободе»***, там много нового для меня: грех, древо познания и свобода выбора; четыре трансцендентальных выбора; дыхание и тело; ноуменальное отношение. И понял я это, думая о моем соответственном помощнике, которого Ты убрал от меня. Укрепи меня, Господи, дай силу, дай второй знак, знак Фомы.

11.III. Сон. Он <отец> болен. Пришлось взять сиделку, а она восстановила его против нас, так что мы не могли даже подойти к нему. Он вышел из комнаты, и я говорю сиделке: нехорошо так восстанавливать против нас, но вот он уже возвращается, высокий, худой, как Дон Кихот. Он подходит к кровати и падает на тумбочку возле кровати, подымается, падает в другую сторону. Я обращаюсь к сиделке: да помогите же ему, а она, оцепенев от страха, смотрит вперед. Я повернулся: он стоит вытянувшись у стены, ноги медленно подкашиваются, он наклоняется вправо, медленно опускается, изгибаясь, как на иконе «Снятие с креста». Мне стало страшно, и я проснулся.

12.III. Как и вчера, сон был длинный, может, всю ночь, помню только конец: я получил способность посещать тот свет; так как там времени нет, то все наше там уже свершилось, и мама просит меня, чтобы я узнал там, что будет с Мишей, то есть его гороскоп.

---

* Так — над строкой — в рукописи.

** Судебный акт (*лат.*).

*** Отдельная работа с таким названием неизвестна. Рассуждения на эту тему см.: библиогр. [31], с. 863—911.

Еще был у меня разговор с мамой на моральные темы, но ни я, ни мама еще не знали, что у нас свершилось, то есть о моем несчастье. До этого: сны-задачи и сны-препятствия.

Сейчас хорошая, солнечная погода и она кажется мне такой лишней, ненужной, кощунственной.

Это не просто настроение; так как у меня нет сейчас ноуменальной реализации других миров, кроме моего и маминого, то весенний солнечный день — бесстыдство природы в моем мире.

13.III. Явление: мне неприятен весенний солнечный день.

Онтологическая или ноуменальная основа:

формально — потеряв ноуменальную связь с другими личными мирами, я сохранил только свой мир. И этот мой мир не считается со мною, потому что весна и солнце и в моем мире.

Материально — пробуждение животной жизни, а жизнь во мне противна мне — бесстыдство природы. Нет возможности ни выйти из естественной жизни, ни, освятив, возвысить ее.

Шиллер: природа для человека — идея того, чем он был и связь с чем еще не потерял окончательно (наивность, реализм), или того, что потерял и чем будет (сентиментализм, идеализм), то есть бывший или будущий Рай.

Природа как идея возвышенного: «звездное небо над нами» и как источник или результат греха: бесстыдство природы.

14.III. То, что я читал Иова и Екклезиаста, хорошо, а то, что в связи с этим думаю о завтрашнем дне, когда должен буду говорить об Иове и Екклезиасте, — плохо и противно, и после этого всегда расплата. К тому же завтра предполагаем поехать и к Ст<ерлиговым>. Но если послезавтра поеду на кладбище, расплаты, может, и не будет, очистит от того, что прилипнет во время разговоров. Отчего прилипает? От свободы выбора, от слабости духа, вялости, но в пустыне этого не было бы, даже если бы ко мне и приезжали и я бы говорил. Но и сейчас, когда я по-настоящему думаю о моей единственной ноуменальной любви — о маме, — всякая прилипшая шелуха отпадает и я снова ближе к Богу. Ведь и то, что я писал в последнее время: о свободе выбора и о реализации чужого мира, вызвано было бесперспективностью моего настоящего и моей ноуменальной связью.

15.III. Последнее из Завещаний патриархов — завещание Веньямина озаглавлено: «О чистой мысли».* Когда передо мною соблазн, хотя бы в виде пустой мысли, то надо подумать о страшном, тогда станет страх Божий, и я увижу, что пустая мысль пуста, то есть ее и нет, и станет чистая мысль.

* О чистом помышлении: Завет Веннамина, двенадцатого сына Иакова и Рахили // Заветы двенадцати патриархов.

Но если есть за него Ангел, ходатай, хоть один из тысячи, который высказал бы за человека правоту его, то Он умилосердится над ним и скажет: освободи его, чтоб он не низшел во гроб; Я получил выкуп (Иов. 33, 23—24).

«Правота его», то есть человека, — правильная, прямая мысль — чистая мысль, и Ангел-хранитель хочет очистить мою мысль, то есть освободить ее от прилипшей к ней шелухи, от окружающих ее и скрывающих пустых мыслей. Но сам сделать это он не может, он только ходатай за меня перед Богом, и тогда Бог умилосердится надо мною и освободит меня, чтобы я не низшел во гроб; гроб — нечистая мысль, смерть души. И тогда Бог скажет: я получил выкуп, и выкуп — это или вмешательство моего ходатая, или моя чистая мысль. Но кто же, кроме Христа, может дать достаточный выкуп за мой грех, мое окаянство?

Это толкование, возможно, и очень произвольное, но ведь помимо формальной герменевтики есть еще другая, которая последовательно сделает все возможные выводы из текста, в том числе и те, которые могут быть сделаны со временем.

Если бы мысль была вполне рациональна, не требовалось бы и герменевтики. Арациональный смысл мысли я назвал ее тенью (1941 г.). *Герменевтика* — изменение освещения, тогда тень освещается — реализуется, а рациональное в мысли отваливается, как шелуха. Герменевтика — обнаружение тайного в мысли, не только через прошлое, но и через будущее. Первое — с учетом современных и прошлых текстов — с точки зрения прошлого и настоящего — параллельное или антецедентное понимание, второе — антиципирующее и одновременно ретроспективное понимание — с точки зрения будущего к разбираемому тексту. Потому что будущее скрыто или неявно присутствует и в настоящем. Поэтому мое произвольное толкование не так уж произвольно: ведь автор сказал свою мысль словами — отвлеченными понятиями, а его реального иррационального ощущения сказанной им мысли непосредственно мы не знаем. Как легенда иногда лучше обнаруживает конкретный смысл и характер исторического события или человека, чем самые достоверные исторические источники (Гарнак), так и произвольное толкование, но с учетом не только прошлого, но и будущего понимания, правильнее поймет смысл текста, может, и не осознанный ясно его автором, чем самое строгое и добросовестное имманентное толкование, остающееся в пределах современности автора.

Антиципирующее толкование — не модернизирование. Оно исходит из того, что останется во мне, когда я отказываюсь от всяких своих и современных взглядов, от всего Bestehendes*. Тогда то, что есть во

---

* Существующее, установленное, принятое, «как все» (*нем.*).

мне сейчас, — всегда есть и всегда было и будет. Скорее модернизированием будет имманентное толкование — оно не свойственно автору, который жил задолго до меня. Антиципирующее толкование, исходящее из сейчас, — экзистенциальное.

Чистая мысль. Чтобы очистить ее, если к ней прилипла шелуха, надо вспомнить страшное. Непонятное — исчезновение чистой мысли и ее возвращение — я поясню словами: мой Ангел-хранитель, и Он не только с крыльями, но и с огненным мечом. И сейчас для меня это значит: вспомнить маму, вспомнить так, чтобы она сейчас ноуменально была передо мною как мой Ангел-хранитель, и так как ноуменально, а феноменально ее нет со мною, то с огненным мечом и со страхом Божиим. Может ли быть чистый страх Божий? Не знаю, может, всегда он связан с чем-то и эмпирически страшным — с свершившимся или с тем, что может свершиться, с необратимостью и неизбежностью и в конце концов с моей несущностью, тварностью, грехом и смертью. И тогда моя ноуменальная индивидуальная любовь к маме и сейчас не исключает индивидуальной, личной любви к Богу, но через страх Божий очищает меня, дает мне чистую мысль и огненным мечом направляет к Богу.

16.III. Экзистенциальная герменевтика обнаруживает вечный инвариант в эмпирическом временном явлении. Инвариант — не общее, а индивидуальное, личное, но освобожденное от временных облачений или одеяний, то есть от случайностей общего языка, установившихся взглядов, от общего мнения. Вариант (явление) — это инвариант с примесью общих понятий, ограниченный и скрытый за рационалистической относительностью языка и общего мнения. Например, бессмертие. Мы и сейчас не понимаем его, и в символе веры сказано: не верю, но чаю, то есть ожидаю, воскресения из мертвых. Это все же менее категорично, чем «верю». Но представить себе бессмертие или хотя бы приблизительно определить его мы не можем, мы сразу же наталкиваемся на непреодолимые препятствия. Например, когда саддукеи, спрашивая Христа, рассказали о женщине, имевшей семь мужей. Так как они уловляли Его, то Он и ответил на их вопрос: заблуждаетесь, не зная Писания, в Царствии Небесном не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы небесные <Мф. 22, 30>. Этот ответ достаточен для улавливающих Его, но недостаточный, если мы подумаем: что же такое индивидуальность, или личность, которая воскресает и сохраняется? Ведь брак — не только физическое сожительство, но и духовное, тогда для нашего ограниченного ума возникает вопрос: чьей же духовной женой она будет после воскресения из мертвых? Более широкий вопрос: у меня единственное ноуменальное отношение. Может, у меня есть и другие ноуменальные отношения, но единственное — одно. А через десять лет у меня уже другое единственное ноуменальное отно-

шение и, значит, тоже одно, исключительное. Уже от этого мутит, где же моя личность и ее единственность, единственность всякого личного отношения? Мутит оттого, что проходит, оттого, что я, Его образ и подобие, не тот же самый в различном, как Он. Для меня же «то же самое» — только пустота аналитического тожества.

Теперь вопросы неизбежные, но бесплодные: а как будет после воскресения из мертвых? Или вообще не будет единственного ноуменального отношения, но каждое будет как единственное? Но что это значит — я не понимаю, и как я останусь **я** без моего единственного ноуменального отношения, без его единственности? И как **ты** нашей единственной ноуменальной взаимности ноуменально относится к своему прежнему единственному ноуменальному отношению? Одно и то же **я** может принадлежать разным ноуменальным взаимностям, но как оно может принадлежать разным абсолютно единственным ноуменальным отношениям? У нас тяжела и омерзительна возможность изменения единственного ноуменального отношения. Мутит от «я забыл», Бог ничего не забывает. Еще мутит, когда во сне вдруг переносишься в то ноуменальное состояние, которого сейчас нет, когда вдруг единственным стало то **ты**, которое сейчас наяву не только не единственное, но вообще для меня не существует, а может быть, даже и неприятно. Здесь втройне мутит: оттого, что я (наяву) забыл **то**, что в свое время считал незабываемым; оттого, что я во сне вспомнил то, что забыл, и то, что мне сейчас не надо, вдруг стало нужным, как и тогда; и третье: теперь уже во сне я забыл то, что сейчас наяву кажется для меня незабываемым. Где же тожество или хотя бы единство моей личности? Когда все эти возможности и вопросы продумаешь не вообще, а конкретно, применительно к определенным личным событиям, людям и случаям, то мутит невыносимо. [Кажется, после чтения Сведенборга.]

И все же у меня есть ощущение тожества моей личности во всех моих воспоминаниях. С детства я тот же. Я не так тот же, как Бог, Он не забывает, я забываю, это мой первородный грех, и все же, подобно Ему, я тот же. Если это не иллюзия, то инвариант меня того же самого в постоянном прехождении, и, что бы человек ни говорил, каждый непосредственно верит в свою тожественность — инвариантность в прехождении. От этого изменения и прехождения себя мутит, но моя инвариантность сотворена по Его образу и подобию. Эта инвариантность — не общее понятие, но именно самое индивидуальное, личное во мне, причем субстанциально личное. Все другое, кроме, может, моего единственного ноуменального отношения, принадлежит мне, значит, уже не я, только принадлежит мне, я могу мысленно отделить его от себя, но моя неизменная в своей различности инвариантность неотделима от меня, это уже я, не я сам или само, но именно я.

Снова возвращаюсь к бессмертию. Формально, с точки зрения имманентной герменевтики, авторы Екклезиаста и Иова, может, и не верили в бессмертие. Но прежде чем утверждать это, надо определить бессмертие, найти его сущность, ядро или центр:

я верю в абсолютную инвариантность своего я. Во-первых, я здесь не я сам, не общее понятие и не полюс интенциального отношения, но именно я — я, тожественный себе самому. Определить его я не могу, но непосредственно вижу и имею его: я есть я и по Его образу и подобию то же самое: всегда тот же я, тот же в противоречивости, различности и временном прехождении. Я вижу то же самое в себе не только в том же самом, но и в своей различности, в своем прехождении и забывании. Оттого меня и мутит, что я тот же самый и все же забываю. Бог тоже не формальное аналитическое тожество и, значит, — тожество различного, но Он не изменяется и не преходит, а я изменяюсь и прехожу. В этом моя несущность, тварность и грех, вернее только грех. Так что вера в мою абсолютную инвариантность, во-первых, есть непосредственное ощущение моей инвариантности, во-вторых, отрицательно: меня мутит именно потому, что я непосредственно знаю свою инвариантность, но в форме изменения и прехождения. Поэтому *моя инвариантность, то есть тожественность, не единство или абстрактная форма моего я, но именно сущность, форма же — изменчивость,* и от этого мутит: от изменчивости и прехождения тожественного.

Во-вторых, непосредственное ощущение моей инвариантности абсолютно и исключает время и временность. Время только форма моего изменения, прехождения и воспоминания, сущность же, то есть тожественность, вневременна, и так как моя инвариантность, или тожественность, не абстрактное аналитическое тожество понятия, но некоторой реальности, то и вневременность моего тожества не абстрактная вневременность понятия, но вечность. Это и есть инвариант бессмертия — непосредственное ощущение бессмертия. Я не доказываю и не собираюсь доказывать бессмертие души, оно не доказуемо. Я только утверждаю: если инвариантность моей души не иллюзия, то инвариантность души предполагает ее бессмертие, инвариантность души и есть ее бессмертие. А это решает уже вера — иллюзорность или реальность инварианта бессмертия.

Возвращаюсь к Екклезиасту и Иову. Формально там трудно и, может, с большими натяжками можно найти веру в бессмертие, а экзистенциально есть, так как на языке того времени сказана абсолютная инвариантность, или тожественность, моего я, а это и есть инвариант бессмертия.

То значение, которое авторы Екклезиаста и Иова придают моему я, серьезность и абсолютность самого рассуждения о человеке, о его отношении к Богу и Бога к нему — это и есть абсолютная инвариант-

ность моего я — инвариант бессмертия. В конце концов и мы сейчас знаем о бессмертии не больше, чем авторы Екклезиаста и Иова.

17.III. Сон. Мама поправляется и даже сама ходит. Я думаю: как жалко, что тогда мы не уберегли ее, ведь прошло всего пять месяцев, как она умерла, а вот уже даже ходит сама.

Перед этим снился аналогичный сон о папе. А может, во время сна произошло превращение, и он заменился мамой.

В абсолютной инвариантности моего я бессмертие заключено, может быть, не столько в инвариантности, сколько в ее абсолютности: моему изменению и прехождению, внешней оболочке противополагается неизменность моей сущности, ее неслучайность, причастность образу и подобию Божьему, а потому вечности и бессмертию. Это, во-первых, ощущение противоположения случайности и чуждой мне цели в природе — внутренней телеологичности моего я, и во-вторых, непосредственное ощущение причастности к другой жизни, абсолютной. Тогда инвариантность реализует мою абсолютность, реализует в моем ощущении — субъективная реализация; абсолютная реализация — вера в реальность абсолютной инвариантности моего я.

18.III. Бог на меня смотрит, ни на мгновение не выпускает меня из поля Своего зрения, все время на мне Его взгляд. Это и есть бессмертие, инвариант бессмертия: Его взгляд на меня и на мне. Не только книга Иова, но и Екклезиаста проникнута этой верой — Его взглядом.

19.III. Каждый бессознательно верит в инвариантность своего я, но эта наивная вера не доказывает еще ни бессмертия души, ни инвариантности я, потому что, во-первых, тожественность вспоминаемых я с нынешним я и само это ощущение тожественности моего я в прошлом, как я вспоминаю его сейчас, может быть иллюзией; и во-вторых, само это ощущение имманентно и феноменально, это не абсолютная, только относительная инвариантность. Но вера в абсолютную инвариантность моего я есть ощущение взгляда Божьего на мне. Эта вера может быть тоже наивной, но всегда превосходит границы имманентного: взгляд Божий на мне. И та и эта вера — чувство-ощущение, но та — чувство-ощущение субъективное, а эта субъективно-абсолютное.

Реализация сейчас: 1. Интенсивного не-я — своего мира не сейчас. 2. Своей абсолютной инвариантности. 3. Экстенсивного не-я — мира другого. Это реализация верой: сейчас взгляд Божий на моем мире не сейчас, сейчас взгляд Божий на мне сейчас, сейчас взгляд Божий на твоем мире. Выводится же только возможность моего мира не сейчас, моей души, твоего мира. Так как выводится, то только во мне. А взгляд Божий реализует, и если во мне, то через веру.

Пс. 139.

Если абсолютная инвариантность иллюзия, то и сама душа может быть иллюзорна, во всяком случае душа не более чем мгновенная дхарма. То есть если душа не бессмертна, то ее и нет.

Взгляд Божий на меня создает и непрестанно поддерживает или непрестанно создает жизнь моей души — Иов. 34, 14. Формально-логически можно было бы сказать, что смерть души наступает, когда Бог отводит почему-либо Свой взгляд от нее. Но это, во-первых, подчиняет Бога времени и делает Его изменчивым и, во-вторых, вводит в сущность Бога возможность. Когда я говорю: Бог меня оставил, это только антропоморфическое обозначение для взаимного отношения меня и Бога и непонятности двух сейчас. Взгляд Его все равно на мне, только я не чувствую Его или Он сделал, чтобы я не чувствовал Его взгляда. Только формально-логически можно говорить об изменении решения Бога, и снова это только антропоморфическое выражение непонятности сейчас и непонятности «сейчас и сейчас». Не Бог изменяется, но я изменяюсь и прехожу. Я не могу выйти из Его взгляда.

21.III. В описании религиозных ощущений (Джемс. «Многообразие религиозного опыта») очень часто говорится о реальности этого ощущения, превосходящей и мою реальность, и реальность мира, как было и у меня в Радости. Так как это именно ощущение абсолютной реальности: Я Сущий, сказал Бог Моисею.

23.III. М. так толкует мой сон*: в старости человек, по Фрейду, отожествляет себя с отцом. Сиделка — моя совесть. Не против него, а против меня самого восстановила меня моя совесть. А с креста снимали и клали в гроб тоже не его, а меня.

24.III. «К суду я не готов, и смерть меня страшит».**

К суду я не готов. Может ли кто сказать: готов? Только святой. Но «смерть меня страшит» я уже не могу сказать так категорически. Если отбросить все эмпирическое — физическая боль, а главное — Л<ида> и М., то, во-первых, останется: страх Божий. Этого нельзя забывать, пока живу — есть надежда, а когда придет последний вздох — не знаю, что будет. Во-вторых, бесперспективность настоящего поглотила всю прелесть свободного выбора, не осталось ничего, что бы я пожалел при последнем вздохе, это было бы только освобождением от тяжести бы-

---

* См. запись 11 марта на стр. 37.

** Пушкин А. С. Странник.

тия — возможности свободного выбора — и еще надежда встретиться лицом к лицу с нею и с Ним.

Войди в радость Господина твоего.

И снова те же вопросы: хорошо ли — с нею и с Ним? Но если без нее, буду ли я — я или только — я вообще? Но на что Тебе я вообще?

Помоги, Господи, разреши мое недоумение, дай знак Фомы, введи меня в Твою Радость.

Но Ты уже ввел меня в Твою Радость, с утра и еще до того, как я просил, я все время радуюсь в Твоей Радости и Твоей Радостью.

Я жил как в пустоте, все предметы, люди — вне меня, между мною и ими, мною и жизнью, мною и миром — пустота, это — дистанция, и наибольшая, между мною и Тобой. А сейчас дистанция исчезла, пустоты нет, все заполнено Тобою и я в Твоей Радости.

Кругом меня Бог и это «кругом» — во мне. Вернее, то, что кругом меня — Ты — вошло в меня и вобрало меня в себя. Кругом меня Бог.

Я отрицаюсь, и это стало как-то помимо меня с утра, как я встал, а я не видел, это всегда, а я не вижу. Я ничего не отрицаю, ничего не делаю, Радость сама пришла, не от меня, я только радуюсь в Твоей Радости.

Кругом меня Бог. Кругом меня — Ты.

26.III. Алеша Карамазов целовал землю. Это состояние может быть пантеистическое. Но Радость, которая была у меня два раза, — Сам Бог, Его Радость. Пантеистическое состояние может быть и без Бога, но Радость — Его Радость и не может быть без Него. Может, и «звездное небо над нами» только тогда не будет пантеистическим состоянием, когда возвышает над миром, станет наглядным, образным путем к Богу. Пантеистическое состояние все же Naturreligion*. Звездное небо над нами может стать путем к возвышению над сотворенным — к Творцу, само же по себе это состояние — благоговение перед творением, станет же религиозным, если направится от творения к Творцу. Нравственное и ноуменальное отношение к человеку может быть одновременно и благоговением перед Творцом:

а. Деятельная любовь к человеку открывает Бога.

б. Некоторая ноуменальная система отношений к человеку, особенно если он болен и страдает, открывает активному, а в конце концов и пассивному участнику системы Бога. Очевидно, я здесь имею в виду мое отношение к маме и «а» можно назвать содержанием ($Л_1$), а «б» — формой ($Л_2$). Потому что Бог — любовь. Состояние «а» — скорее созерцание, состояние, а «б» — скорее деятельность, но оба — деятельная любовь, как любовь и как деятельность.

* Примитивная религия, анимизм (*нем.*).

Состояния:

О — Бог меня оставил.

Г — Ощущение или сознание греха.

П — Присутствие Бога как ощущение моего участия в Его ноуменальной системе, ощущение Его взгляда, телеологичность. Бог меня охраняет. П есть и в $Л_2$ или $Л_2$ — разновидность состояния П.

Р — Радость, которая была у меня два раза: $Р_1$ и $Р_2$.

Т — тихое веяние ветерка. Это не состояние П, а скорее ощущение состояния П, его окружение.

По сравнению с Р и Т состояния П и $Л_2$ более интеллектуальны, в П и особенно в $Л_2$ я отрицаюсь — отрицаю себя самого. П и $Л_2$ ближе к вере Лютера, это вера/жертва. В Р и Т я не могу даже сказать: отрицаюсь, потому что это отрицание происходит в безличной форме. Во всех случаях веру дает Бог, но в Р и Т — неожиданно и без всякого знания моего отрицания, просто я отрицается. Может, это ближе к восточной мистике и к Исааку Сирианину.

Эта классификация условна, так как и в П и в $Л_2$ тоже есть элемент созерцания и пассивности, но в Р и Т — преимущественно.

(I)	ι	ε
ι	$Л_2$	П
ε	Т	Р

ι — форма, активность.

ε — содержание, пассивность.

$Л_1$ может быть или повести к любому.

По-видимому, не случайно я назвал Т окружением П, так как: П — ει, то есть П и Т — неоднородные состояния, а $Л_2$ и Р — однородные.

$Л_2$ — любовь в деятельном отношении и не обязательно в единственном ноуменальном, но всегда в ноуменальном, когда есть трудность и страдание.

Если ι — внутри, ε — вне, то П: через «внутри» станет «вне», а Т: через «вне» станет «внутри», так как <в> П: я стал участником Его системы, а в Т: я прислушался, и Он дал мне покой Его системы. В многозначных состояниях (ε, ι и т. д.) первый знак, может, то, с чего началось, последний — что стало. Но Бог так же внутри, как и вне, и снова: вне — скорее святость и трансцендентность, внутри — любовь и имманентность. ι и ε — только в отношении друг к другу, различие ι — ε — изложение и понимание того, что есть два, как одно, или одно, как два.

Эти состояния можно назвать положительными или ι-состояниями — любовь, радость. Отрицательные: О — ιι, Г — ει: ощущение своей окаянности и противоположности греха — святости. Это ощущения недостатка, поэтому заполняются:

(II)	ι	ε
ι	О	П
ε	Г	Р

Здесь П и Р могут быть и не совсем те же, что в (I).

О, как пустота, непосредственно заполняется скорее Р, но может и любым из (I). П здесь прежде всего покаяние, но покаяние может стать и как $Л_{ι}$, и как Т, и как Р, и как П. Главное здесь, что О заполняется экстенсивно, а Г — интенсивно — в покаянии.

В квадрате (II) в вертикали ι — состояния недостатка и греха, а ε — избытка и благодати.

Если С — вера в себя — я сам, гордыня, } Оба — не ощущения греха,
К — вера в конечное благо, } как в (I), а сам грех.

$\bar{С}$ — ощущение ничтожности себя самого, в пределе — ощущение греха,

$\bar{К}$ — ощущение ничтожности конечного блага, в пределе — ощущение пустоты, то:

(III)	ι	ε
ι	С	$\bar{С}$
ε	К	$\bar{К}$

Правый столбец — недостаток, то есть отсутствие, и здесь в недостатке и отсутствии, в самой глубине его откроется Бог, если падет гордыня, потеряется конечное благо и ничего не останется. Две возможности:

С →	$\bar{С}$ →	Г →	П;	К →	$\bar{К}$ →	О →	Р
ιι	ιε	ει	ιε;	ει	εε	ιι	εε

||

С →	$\bar{С}$ →	О →	Р;	К →	$\bar{К}$ →	Г →	П
ιι	ιε	ιι	εε	ει	εε	ει	ιε

Квадраты противоположений (также и III квадрат противоп<оложений>):

IV	ι	ε
ι	С	Г
ε	К	О

V	ι	ε
ι	С	П
ε	К	Р

В IV Г — грех,
О — εε не случайно.

В V К и Р — конечное и бесконечное благо.
С и П: пусть будет по моей или не по моей воле.

IV — в правом столбце — ощущение недостаточности своего избытка: С есть грех, то есть Г; К — ничто, то есть О.

V — чистое противоположение.

28.III. Сон. Я болен, лежу в кровати, папа выслушивает меня. За кроватью позади стоит мама, я не вижу ее.

«Снова воспаление легких, влажные хрипы».

Он передает маме стетоскоп, чтобы она выслушала меня. Каждую ночь снятся оба: и он, и она.

Сны сейчас не дают ни покоя, ни удовлетворения.*

---

* Продолжение записи 28 марта — в тетради † 2.

† 2

1964.III.28—1965.I.7

1964

28.III. Исход 32, 32: И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, этот народ сделал великий грех: сделал себе золотых кумиров. И ныне прости Ты их. *А если нет, то изгладь меня из книги Твоей,* которую Ты написал.

Римл. 9, 2—3: ...великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: *Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне* по плоти.

И я повторяю: за нее я готов быть и отлученным от Тебя и изглаженным из книги Твоей, которую Ты написал.

Возможные мне возражения: и Моисей, и апостол Павел готовы были отказаться от своего блаженства ради других, а я — не только ради нее, но и ради себя, потому что и она мне нужна. Но разве им не нужны были их братья? Ведь тогда была бы только легальность, а не ноуменальная любовь.

29.III. Сны сейчас всю ночь, длинные, нудные и большей частью не дают того, что мне надо. Но, может, не дают того, что я хотел бы. Сегодня под конец: тетя Лена* говорит мне: папа сказал, что ты не попрощался с мамой в последний раз, не поцеловал ее. Я хотел сказать, что поцеловал, но молчал. Может, потому, что вспомнил последнюю неделю — затмение.

31.III. Эта тетрадь нужна мне сейчас, чтобы освобождаться от пустоты, заполняющей меня, как вчера и позавчера. Само по себе то, что было вчера и позавчера, не пустота и не плохое, но отвлекает меня. Тогда она очищает мою мысль,** дает мне чистую мысль в страхе Божием, огненным мечом ведет к Тебе. Вразуми меня, Господи, дай знак Фомы, чтобы всегда была чистая мысль, дай знак Фомы, огненный меч, направляющий к Тебе.

---

* Жена дяди Саши — двоюродного брата матери.

** См. запись 2 мая на стр. 53.

3.IV. Сон. Я еще спал и проснулся, кажется, от стука в дверь. Было начало десятого. Значит, Лида еще не ушла, подумал я, подошел к двери, открыл и увидел маму и Лиду, обе радостные. Дальше все, что произошло, было почти сразу: я бросился к маме, радость, подумал: наконец-то исполнился сон, которого я так долго ждал, — и мама, и я знали, что свершилось, и вот после всего снова вместе: подумал: но ведь это только сон, и мама стала исчезать; я лег в кровать, чтобы не выбиться со сна, скорее заснуть и снова увидеть маму; говорю Лиде: мамы опять нет; Лида: нет, есть, посмотри; я смотрю и ничего не вижу; Лида: да посмотри же — и указывает на другое место; значит, мама перешла на другое место, я повернулся и снова ничего не вижу; потом какой-то хозяйственный разговор с Лидой; чтобы не выбиться со сна и снова увидеть маму, я закрываю глаза, стараюсь заснуть и просыпаюсь: было начало десятого, причем точно то время, которое я увидел, когда проснулся во сне.

15.IV. Все освящено Тобою, и это, но мне ни этого, ничего не надо, все есть. Бог.

Я удивлен, изумлен, переполнен Тобою.
Я вошел в Радость Господина моего.
Снова Ты дал мне Свою Радость, как удержать Ее.
Молился и Ты дал, еще раз молился и еще раз дал.
Господи, благословенно Имя Твое.

Я внимаю Тишине, и Тишина переполняет меня Радостью, переливается через край. Я повторяю за Тобой: хорошо.

16.IV. Я не сохранил Радости, но какой-то оттенок или тень Ее была и вчера вечером и сегодня утром. Какое-то удивление, изумление к Его Тишине или Полноте осталось и сейчас, хотя и далеко не такое сильное, как вчера, какое-то отражение вчерашней Радости. Я не знаю, как это сказать, может, Он примирил меня с Собою, может, благословил, как Иакова, боровшегося с Ним. И еще, как и в прошлый раз — автоматизм записывания: я не всегда сознавал, что пишу.

Началось это на кладбище, но слезный дар пришел в церкви, куда я зашел после кладбища, а изумление раньше. Все началось на ее могиле после первой молитвы. Там, у нее, я молюсь лучше.

В 1934 г. и позже до войны, перед 17 августа делалось тяжелее, а 17 августа после возвращения с мамой домой становилось легче, потому что была мама и был дом. А сейчас есть Лида, но дома нет, нет порядка и центра жизни. И хотя я на кладбище, у нее, молюсь лучше, облегчение если и бывает, то только от молитвы, а возвращение домой не облегчает, потому что у меня уже и нет моего дома, остался только Его

дом. И вчера было хорошо не потому, что вернулся домой, а потому, что там меня посетила Твоя Радость и оставалась со мною и дома.

И сейчас еще изумление, и внимание, и примирение не омрачается ее отсутствием, как будто она со мною.

2.V. Сколько пустого и ненужного в человеке, то есть во мне. То, что мне совсем не нужно, какая-то чушь еще волнует и закрывает нужное. И снова нет чистой мысли. Какая-то пелена передо мною, завеса. И снова не могу удержать мою Радость.

Два вопроса:

1. Я был нужен маме, именно я, и никто другой не мог заменить меня. Это было спасением для меня, спасением от пустой мысли, она очищала меня. Хотя и тогда бывали пустые мысли, и сейчас я расплачиваюсь за них. Но у меня был стержень жизни, лестница Иакова, а сейчас нет. Я нужен Л<иде>, но ничего сделать ей не могу, потому что и не я ей нужен или я, но не тот я, который я есть. Кому я нужен и кто мне нужен? Тогда надо уйти в пустыню или хотя бы в монастырь. Но в монастырь я не могу уйти, во-первых, из-за Л<иды>, а во-вторых, из-за «хотя бы». Монастырь не дом отдыха и не санаторий, хотя бы и душевный, а в духовном смысле не знаю, имею ли право пойти туда. Значит, пока остается что-то среднее: бессмысленное существование между жизнью, которой уже нет, и житием, которого еще нет.

2. То, о чем я писал 30 лет тому назад: «Чем я противен», особенно в Добавлении.[7] Если исключить всякое самолюбие и суетное временное облегчение от встреч с некоторыми людьми, то остается не только теоретический, но и нравственно практический вопрос: что отталкивает людей от меня? Я бы хотел понять это, мне нужно это не только теоретически, но и практически. Мама сказала раз: какие мы скучные. Когда Ст<ерлигов> был у меня днем в последний раз, он хотел говорить об этой моей неприятной сущности. Но, боясь обидеть меня, обидел. Вначале я обиделся и стал оправдываться; хотя и нельзя было понять, что он хотел сказать, но почти сразу же я понял, что мое оправдывание глупее и хуже, чем его обвинение, потому что хотя формально он, может, и не прав, но по существу прав, и я сказал, как Иов: беру назад свои слова, отрицаюсь и раскаиваюсь. Но и он не понял меня, поэтому и сказал, прощаясь: вы ничего не поняли. Таким образом, мы оба ничего не поняли: я — того, что он говорил, он же не понял, что я именно и хочу услышать о себе самое нехорошее и чтобы это было сказано без боязни обидеть меня, именно это мне и надо.

Вопрос в том, почему я никому не могу помочь, хотя и никому не отказываю, искренно не отказываю и искренно доброжелателен. Но, несмотря на доброжелательность, добра не оказываю.

*4. V.** Господи, Господи. И первый мой грех, мое окаянство, что не сделал я вполне феноменальным мое ноуменальное общение с нею, что недостаточно испытал я счастье, которое Ты мне дал, духовного общения с нею, что кумиры себялюбия и пустых, ничтожных прихотей не раз отвлекали меня от блаженства, которое Ты мне дал. И второй мой грех, мое окаянство, что не знаю и не умею я помочь Л<иде>, и грешен я в этом, окаянный, и перед нею, и перед Л., и перед Тобою. И третий мой грех, мое окаянство, что закрыт я для других, не умею открыться им. И вот уже сколько времени, как пелена закрыла мои глаза, как завеса какая-то стала передо мною, оставил Ты меня снова, Господи мой, Либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, Афтун.

Господи, Иисусе Христе, сегодня же не четвертое, а третье, Твое Воскресение. И не оставил Ты меня в день Твоего Воскресения. Благословенно Имя Твое, Господи.

Я боюсь даже записать. Я все время повторяю: Христос воскресе, и как будто бы Путь, Истина и Жизнь отвечает мне: воистину.

Все эти дни я помнил, какой день. А сегодня подумал: понедельник — и обозначил первую запись: 4.V. Потом помолился и вот тогда сделал первую запись, обозначив ее: 4.V. И вдруг не я вспомнил, а услышал, Он сказал: сегодня Мое Воскресение. — Воистину Ты воскрес.

Господи, Иисусе Христе, прости меня, но мне действительно кажется, что сегодня я вкушал вместе со всеми Твоими Святыми Твою плоть и кровь.

4. V. Есть трансцендентальный характер или трансцендент<альная> природа человека: материальный, душевный, духовный человек. То, что кажется изменением природы, — не изменение, а раскрытие природы: обращение.

Есть по природе субстанциально утверждающие себя: пусть будет по моей воле. Это — духовно-антидуховные, интеллектуально-волевые, слуги антихриста. Духовное зло — злые духи, павшие** ангелы. Люди, вдохновляемые злыми духами, добровольно принявшие их, не материальные. Они утверждают и любят не свои прихоти, не себя эмпирического — себя эмпирического они могут и ненавидеть, — но свое в себе: пусть буду я, я сам. Они никогда не бывают нищими духа***, потому

---

* См. второй и предпоследний фрагмент записи. Та же дата у следующей.

** Так в рукописи.

*** То же.

что полны собою, своим своеволием и постоянно едят себя, то есть уже при жизни в аду. Это первое зло — субстанциальное. Второе зло — то же, что и первое, но акциденциальное: себялюбие принадлежит к сущности человека, но человек может противиться ему, не принимать его добровольно и сознательно. Даже духовный человек не может полностью исключить из себя самолюбие или себялюбие, может, даже святой не всегда способен на это. Третье зло в человеке — материальное: угождение своим прихотям, оно может быть и у духовного, но не у святого. Четвертое зло — одержимость бесами помимо воли человека, и она может быть и у духовного и скорее у духовного, чем у материального.

Первое зло: человек добровольно принял в себя зло, это духовно-антидуховный.

Второе зло: человек не отожествился с бесом, но не устоял по слабости и может освободиться от беса.

Третье зло: ясно.

Четвертое зло: а) дьявол попутал — или это второе зло?

б) одержимость бесами — чаще, кажется, у духовных. У антидуховных — сознательное приятие зла, активное слияние с ним, фанатизм зла. Полная вина. У духовных же — пассивная невозможность противодействовать злу — бесу, овладевшему человеком помимо его воли. Когда это наступает, когда бес приближается, бывает, что человек это видит и боится его и всеми силами противодействует ему, но бессилен, парализован в своих действиях. Какой-то таинственный паралич сердца, то есть духовного начала в человеке, и сам одержимый освобождается от вины, не виновен.

Когда это начиналось у мамы — раз, я ясно помню, как это было, — мама просила меня: я не хочу кричать, сделай, чтобы я не кричала, прошу тебя, пожалуйста. И это было не раз. Но когда бес овладевает человеком, он уже ничего не может сделать сам, уже не он, а бес в нем действует. А я, окаянный, ничего не понимал, давал снотворные, был нетерпелив, сердился, верил мудрости возвышавшихся над нею. И что еще хуже, что еще усугубляет мое окаянство, что я не вполне верил этой мудрости века сего и понимал, что это бес, и не делал того, что надо было: от снотворных мама засыпала иногда даже на 12 часов, но часто после этого бес с еще большей силой овладевал мамой после просыпания. Бес сном не изгоняется, только случайно.

Когда бес соблазняет меня, а я подчиняюсь ему — это моя вина. Но в одержимости бес вселяется в человека помимо его воли и против его воли и мучает его, а человек безволен. Об этой одержимости рассказывает Евангелие, таких одержимых исцелял Христос. Из Марии Магдалины Христос выгнал семь бесов, и она была преданна Ему не меньше, чем апостолы, а может, и больше: не оставила Его и на кресте.

Воспитанность, добродушие, чувствительность, филантропичность, альтруизм — все это естественное, но с религиозной точки зрения само по себе ничего не стоит. И есть духовная любовь и мудрость — это по благодати. И так же, как при одержимости меня самого уже нет, бес помимо, даже против моей воли занял мое место, так и в духовной любви и мудрости человек отказывается от себя, но добровольно, и не он говорит и действует, но Бог в нем.

Ты знаешь, Господи, что я думал, когда писал это, знаешь мою вину, знаешь мои мысли и о чем прошу Тебя всегда и сейчас так же.

6.V. Интерес, удовлетворение, удовольствие, чувства и ощущения сопровождаются еще особым чувством-ощущением, принимающим или не принимающим интерес, удовлетворение, удовольствие. Вот я что-то пишу или читаю, и меня это интересует, увлекает и дает удовлетворение, я как будто на некоторое время забываю, что произошло 7 месяцев тому назад, но только как будто, потому что не забываю, и то, что меня интересует, — не интересует, что увлекает и дает удовлетворение, — не увлекает и не дает удовлетворение.

Я что-то думаю, возникает новый мир, но ни я не могу войти в него, ни он в меня, он остается вне меня.

Есть чувство$_1$ и чувство$_2$ чувства$_1$. Чувство$_2$ может принять или не принять чувство$_1$. Чувство$_2$ — это я. Я могу принять или не принять то чувство, которое у меня есть, — чувство$_1$.

Сейчас я не принимаю никакого чувства, то есть не принимаю мир. Может, только уйдя в пустыню, в пустыне я снова бы принял мир.

9.V. В <19>34 г. у меня тоже было сознание непоправимой ошибки, но мой грех, мое окаянство было не настолько велико, бесконечно велико, как сейчас. К тому же я был вдвое моложе и оставался стержень и порядок жизни. А сейчас его нет и я исчерпал всю свою любовь, то есть в ней. Должно быть, это нехорошо и бедность моей любви, но что делать сейчас — не знаю.

11.V. Иногда я прошу Бога помочь мне, чаще же ни о чем не прошу или о маме: чтобы ей было хорошо, а мне плохо. А о себе — чтобы Он казнил меня. Но я не понимаю, как можно просить Его ради себя, чтобы Он простил меня, даже «христианской кончины живота» — то есть только о себе. Ведь это так естественно, что я хочу быть с Ним и даже в аду любил бы Его.

Я не понимаю молитвы о своем спасении: во-первых, я достоин казни, во-вторых, Его Сын Своей кровью искупил мой грех, если я верю в Него, если это деятельная, живая вера. Я прошу, чтобы Он дал мне эту веру, всегда прошу, а осуждение или прощение получу по вере.

Просить же для себя, мне кажется, во-первых, суетно и эгоистично и, во-вторых, нехорошо: как будто прошу, как у человека, протекции, чтобы устроил меня и без веры. Я должен просить не о прощении, а о казни — это и есть покаяние. И еще о вере.

Я прошу, чтобы Он смирил мой дух и сокрушил мое сердце, но просьба о прощении — не есть ли сомнение в бесконечности Его любви? И еще, в конце концов, может, и себялюбие: как грешница, ухватившись за свою луковицу, отгоняю других, в крайнем случае забываю о них и говорю: моя луковка. «Блажен муж, который на содеяние спасения и преспеяние всех взирает как на свое собственное» (Нил Синайский).

Господи, Боже, Ты все знаешь и знаешь, что мне сейчас нехорошо, потому что я не могу рассказать, что было и как это было, маме, и ты знаешь, Господи, что я не знаю, грех ли это или нет, не то, что было, а моя печаль, и знаешь, почему грех или не грех, и знаешь, что я записал это для Тебя, чтобы всегда помнить Тебя. Да будет воля Твоя.

12.V. Мне кажется, не вера без дел мертва <Иак. 2, 26>, а скорее любовь без веры мертва. Любовь естественна и также любовь к Богу. Она станет сверхъестественной, то есть благодатной, по вере, потому что только вера gratia gratis data*. Закон Божий написан в сердцах людей, и также Он вложил в человека любовь к Себе. Но только вера освящает любовь, даже любовь к Богу. Вера не может быть мертвой, мертвая вера — не вера. А любовь может быть мертвой — без веры. Если есть вера, есть и любовь, она даже не плод веры, а другая сторона ее. Если за центр условно приму себя самого, то центростремительно вера — ε, так как gratia gratis data, а любовь — ι: мой ответ и благодарность Богу. Центробежно вера — ι: она уже во мне, как только Бог дал мне ее, а любовь — ε: как мой ответ Богу и людям — деятельная любовь.

Как естественное, любовь всегда со мною, и также к Богу. Поэтому мне и непонятны заботы о спасении своей души, спасение — быть с Ним, то есть любить Его и чтобы Он принял мою любовь. Но не любить Его я не могу, любовь не зависит от моей воли, просто или любишь, или не любишь. Если же люблю и верю в Его любовь, то как я могу просить Его о спасении моей души? Не маловерие ли это? И еще: чтобы не потерять свою душу, ее надо возненавидеть. Тогда о чем просить? В заботах о своей душе часто есть расчет, иногда бессознательный. Затем, материализация Царствия Небесного — Его обители и психологизм: я прошу, чтобы мне было хорошо. Но разве я знаю, что мне хорошо? Из трех: вера, надежда, любовь — апостол Павел говорит:

---

* Дар, даром даваемый (*лат.*).

важнее всех любовь. Но разве он говорит о естественной любви? Нет, о любви, освященной верой. Но просить этой любви, кажется, нехорошо и бессмысленно. Апостол Павел говорит, что она останется и тогда, когда мы увидим не гадательно и не через тусклое стекло <1 Кор. 13, 12>, но лицом к лицу, и вера тогда станет непосредственным ви́дением, а сейчас не всегда бывает такой. Любовь же, если освящена верой, и у нас уже явная и полное видение. Можно сказать, что любовь, освященная верой, это трансцендентное и одновременно уже полностью имманентное, а вера — трансцендентальное, a priori любви по благодати. Вера иногда ослабевает, иногда Бог как бы оставляет меня или [испытывает]*
искушает, как Авраама, чтобы я стал опытнее в вере, любовь же никогда не оставляет. Поэтому любовь — общий корень и природного, естественного, и сверхприродного, сверхъестественного, Божьего. Вера же — принцип только сверхприродного, Божьего, и без веры общее основание — любовь разделяется и остается только естественное. Поэтому одного только прошу у Тебя: укрепи меня в вере, дай непрерывную живую веру, непрерывное бодрствование и еще дай мне знак Фомы, и как жало в плоть, и как второй знак, и как ответ на мои недоумения, и как поддержку и подкрепление в вере.

Любовь — основание и реализация и царства природы, и царства Благодати, поэтому общий корень всего Божественного домостроительства от ветхого Адама до нового, и доныне, и навеки. Но без веры, не освященная верой, будет только корнем царства природы, и большей частью эта естественная любовь к некоторым есть безразличие, а часто и ненависть к другим. Но верой Бог благословляет и освящает естественную любовь, и тогда она не плод веры, но сама вера, явная, открывшаяся — моя благодарность Богу за Его дар мне.

Вера — дар, даром получаемый, любовь — благодарность за этот дар, и если вера живая или любовь деятельная, то неотделимо одно от другого. Но мертвая вера — суеверие, а не освященная верой любовь — не деятельная, а природная, даже если и сопровождается деятельной суетой: эгоизм личный, семейный, сословный, национальный, интернациональный или космополитический, в конце концов все равно — гуманизм.

И прости нам долги наши, *как и мы прощаем* должникам нашим <Мф. 6, 12>. Во-первых, здесь важно противоположение: «как и мы прощаем». Во-вторых, это не противоречит и: «казни меня». Но если я не понимаю забот о спасении *своей* души, то, может, еще хуже

* Так — над строкой — в рукописи.

жестоковыйность и закоренелость в унынии и отчаянии. Может, у меня еще один грех: я не могу примириться с тем, что случилось. Не то чтобы я роптал, я виню только себя и все принимаю от Тебя, но у меня не хватает силы жить, а часто и силы веры. Но, может, и ропот. От этого и уныние. Или от уныния нет силы веры. Но как это может быть и что это значит: сомнений в вере у меня нет, но иногда Бог как бы оставляет меня. Или я так слаб, что не могу сосредоточиться на Нем. Но ведь иногда мне не надо и сосредоточиться и Он все время рядом со мною. А сейчас Его нет у меня.

И снова, когда доходишь до бездны отчаяния, Он снова здесь. Я хочу сказать, что, когда доходишь до последней степени тихого отчаяния, вдруг оно проходит, просто исчезает, и я погружаюсь в какое-то внимание — внимаю Его Тишине.

13.V. Внимание к Его Тишине. Может, это Т — тихое веяние ветерка, какое-то погружение в себя, очищающее меня от меня самого. Это ощущается даже физически: гудение, как летом в поле гудят кузнечики, или как сверчки.

Кажется, это бывало и в 1928 и позже — плоскость от неба до меня.*

Это погружение в себя — очищение от себя самого, от своего Selbst**, тогда преображение мира: проходит образ мира сего <1 Кор. 7, 31>; на его месте — Тишина. Падший мир — мир в предельной мысли, функция моего Selbst. Когда исключаю мое Selbst, проходит и образ мира сего.

Я хочу понять, что было вчера, когда отчаяние дошло до последней степени, до бездны отчаяния, и вдруг исчезло. И сегодня это повторялось несколько раз: я сосредоточусь и тогда отрешаюсь от себя и тем самым от мира. Какой-то удивительный дар Бога: сосредоточиться на себе = отрешиться от себя = отрешиться от мира. И еще дар, и я боюсь даже сказать, чтобы не потерять его: произвольность этого отрешения.

У Лескова в повести старик финн сидел целый день у своей избы и молчал. Когда у него спросили, почему он молчит, он сказал: слушаю то, чего нельзя услышать ушами.***

14.V. Позавчера вечером это пришло непроизвольно после молитвы, не очень сосредоточенной. Но затем получил дар произвольного сосредоточения в себе, вернее в себя, которое есть отрешение от себя —

---

*См. библиогр. [31], с. 680—689.

**Сам, собственная личность (*нем.*).

***Лесков Н. С. Дама и фефёла.

внимание Его Тишине. Я записал это, хотя мне кажется самонадеянным приписывать себе обладание этим даром опыта.

Опыт, то есть опытность. Все же я боюсь, что записал это. Кто субъект каждого отдельного опыта, производимого этой опытностью? И кто субъект самой опытности?

23.V. Да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как и на небе <Мф. 6, 9—10>.

Почему повелительная форма? Христос повелевает мне быть не только пассивным воспринимателем, но и активным соучастником в освящении Его Имени, в наступлении Его Царствия и воли. Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его <Мф. 11, 12>. Соучастие в Божественном домостроительстве.

Я прошу, чтобы было и стало то, что все равно есть и будет без моего участия. И хотя есть и будет без моего участия, но одновременно не есть и не будет без моего участия. — Тожество предопределения и моей абсолютной свободы. Я свободно включаюсь в то, что есть и будет, и тогда оно есть и будет для меня. Таинство.

1.VI. Мне снился мамин голос: я в гостях, иногда звонит телефон, но это не телефон, я слышу тихий голос. Мама немного жалуется на что-то, но больше беспокоится за меня, я утешаю ее. Хозяйка говорит, что обед запоздает и будет в четыре, а сейчас полвторого. Я говорю, что уйду. Я хочу домой к маме.

7.VI. В том, что я писал о спасении своей души и о заботах о спасении, есть правильное и есть неправильное. Нельзя подходить к этому корыстно, ожидать награды за отречение, а не видеть радости в самом отречении. И еще: есть некоторый неуловимый нечистый оттенок в заботах о спасении своей души. Не заботиться, а каяться. Неправильное: некоторое отчаяние и гордыня, поэтому у меня появились сомнения даже в необходимости умной молитвы*. Это от гордыни. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, дай силу веры, очень мне нехорошо, казни меня еще больше, помилуй мя, грешного, дай второй знак, знак Фомы.

Почему так редко видишь во сне то, что хочешь видеть, вернее так, как хочешь видеть, и видишь так, как не хочешь видеть, хотя бы думал об этом целый день и целые дни? Может, это инстинкт самосохране-

---

* Так называется краткая молитва из «Добротолюбия». См.: Искатель непрестанной молитвы // Сб. изречений из книг Священного писания и сочинений богомудрых подвижников благочестия о непрестанной молитве. М., 1904. С. 37.

ния — инстинкт моего тела смерти, защищающегося от меня, чтобы сон не стал для меня жизнью, а жизнь — нудным сном? Или наоборот: дух хочет, чтобы душа бодрствовала и не поддавалась наркотическому действию сна?

Когда жизнь однообразна и событий мало, при воспоминании кажется, что время шло быстро, и отдаленные события вспоминаются как недавние. Но то же может быть и в другом направлении, не назад, а вперед. Если настоящее бесперспективно и ничего впереди не видно, так что никакие внешние изменения жизни, кроме недостижимой для меня пустыни, ничего в сущности не изменят, помимо незначительного уменьшения или увеличения оставшейся еще суеты в свободе выбора, то и самое отдаленное событие в жизни начинает приближаться и кажется уже не таким далеким. Самое отдаленное событие в моей жизни — моя смерть.

8. VI. Я двигаюсь, даже гулял, но как тень в Шеоле*. Какое-то призрачное, докетическое существование. Как будто моя тень на время вернулась из Шеола.

Острая боль снова как будто оставила меня, и как будто я прислушиваюсь к чему-то.

Острая боль закончилась вчера после первой записи, может, потому, что я смирил свою гордыню. Это смирение и некоторое понимание и облегчило.

10. VI. Уже давно я сказал, что в жизни не чувствую себя как дома. Но оставался еще экстенсивно небольшой уголочек жизни, бесконечный интенсивно, — мама, где я чувствовал себя как дома. А теперь и дома не чувствую себя как дома. Но ведь так и должно быть для того, кто положил руку на плуг и не оглядывается назад, и чтобы негде было приклонить голову.

17. VI. Сон: мама опять больна, ей очень плохо. Опять не уберегли, думаю я, теперь в ее могиле будет два гроба.

24. VI. Если *A*, то *B*, если *B*, то *C*... И когда доходят до *L*, *M*, *N*, то бывает, что забывают о первом — *A*, ради которого строится вся система. Если так бывает в философии и особенно в теологии, то это мертвая система. И у меня сейчас так практически.

26. VI. Кладбище. П**.

---

* В царстве мертвых (*др.-евр., библ.*).

** Состояние П. См. стр. 46.

1.VII. Поздно вечером мне захотелось есть. Я пошел на кухню поискать чего-либо. Но, придя на кухню, подумал: вот гадина, есть захотел, и уже не хотелось есть.

3.VII. Перечел обе тетради, и мысль очистилась, и было Т и П,* и снова, как 26 <июня>, не удержал — всего час или два. Что-то неправильно, помимо общей неправильности.

5.VII. Мне неприятна сейчас природа — лживое покрывало Майи: и это все есть смерть**. М. сказал: а город, городская комната — не то же покрывало? — Во всяком случае не лживое — темница.

13.VII. В субботу мы*** ехали на машине из Репино в Рощино и были в лесу. Поездка в машине неприятна, глазение из окна машины противно, но жить в лесу, может, и хорошо, как в пустыне. А вообще все пока нехорошо. Снова Ты оставил меня, Господи, либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, Афтун.

21.VII. Господи, Господи. Я Тебя чувствую, и иногда Ты вблизи и все же не могу удержать Тебя. Что это? Элементарные бесы сейчас почти не смущают меня, кажется, я их преодолеваю. Есть еще другой бес — бес пустой мысли. Но, может, и не это главное мое окаянство, а другое, и их два: уже девять месяцев и все то же и иногда так же страшно, как и тогда. И снова задаю Тебе вопросы: хорошо ли это или нет? И если я Тебе нужен, именно я, то без нее я — не я, а я вообще; без жала в плоть я — я вообще, а «я вообще» Тебе не нужен. И еще: если и Ты мне скажешь: откажись от нее, все равно я не откажусь, прости меня, Господи. Но если Ты и отвергнешь меня, я не отвергнусь от Тебя: не отпущу, пока не благословишь.

Без моего жала в плоть я стану фарисеем и к Тебе останется только фарисейская любовь, потому что я потеряю свою eigentlicheExistenz. Я любил ее в Тебе и люблю в Тебе, и не хватает мне ее в Тебе, и без нее, без памяти о ней я — не я. Но грех и окаянство мое, может, и не в этом, а в том, что я придумал эту дилемму. Придумал же, потому что не могу понять, как к ней может быть не интенциальное отношение. Но, может, и понять не могу по окаянству своему, ведь сказал же Ты: где двое или трое собраны во Имя Мое, там буду и Я. Может, и ноуменальное отношение к ты тогда не интенциальное? Если в ноуменальном отношении я переношу ты в первоначальное состояние невыбора, то отно-

* См. стр. 46.
** Тютчев Ф. И. Mal'aria.
*** С братом, а также, вероятно, с Г. Орловым и М. Мейлах.

шение к нему не интенциальное. И так же второе мое окаянство, которое и повторять не хочу, — Тебя я переношу в состояние выбора: или — или. Но если и отвергнешь меня, все равно буду цепляться за Тебя: не отпущу, пока не благословишь.

Теперь еще, и уж не знаю, окаянство ли, глупость или окаянная глупость. Ты знаешь мои сомнения и почему я не захожу больше в церковь, знаешь и другие сомнения. И если она для меня Ангел-хранитель, огненным мечом указывающий путь, то почему я не обращаюсь к Матери Сына Твоего, Заступнице всех людей? Почему я не понимаю этого? Сейчас, когда меч пронзил мою душу, почему я не могу обратиться к Той, душу Которой пронзил не меньший меч <Лк. 2, 35>? Может, действительно, главное мое окаянство, что боюсь я отказаться от своего подлого разума? Прости меня, Господи, помоги мне. Действительно, почти освободился от беса, вычистил помещение, и он вернулся и привел с собой семь злейших бесов. Помилуй меня, Господи, либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, Афтун.

26.VII. $М_{I}$.* Я знал, что случилось, и подозревал, что это сон, но боялся думать, чтобы не проснуться.

27.VII. Кладбище. И Тебе Самой меч пронзит душу.

28.VII. Вера — меч, пронзающий душу. Все творение Божие, все домостроительство и спасение, сама жертва Бога в Его двойном самоограничении — меч, пронзающий душу и Его и мою.

29.VII. Катехизис Филарета: «После их (родителей) смерти так же, как и при жизни, молиться о спасении душ их».

3.VIII. По поводу сна $М_{I}$ (26.VII).

Только Бог — чистый дух, но что останется от сотворенного, если абстрагировать от него тело? Останется ли индивидуальность? Во всяком случае сейчас, находясь в земном теле и отнимая от определенного ты все телесное, что принадлежит или принадлежало ему, я не нахожу ничего индивидуального, то есть самого ты. Ты без тела земного или небесного (апостол Павел) и в ноуменальном отношении, то есть вполне духовном, безлично, то есть уже не ты. Только Бог — бестелесное Ты, но Его откровение в Сыне — духовно телесное. [А оттенок мысли, что в нем телесное? или оттенок — духовное тело?] От этого обряд, его необходимость и смысл, и обряд в ноуменальном отношении — обряд

* Так, вероятно, автор обозначал сны о матери. См. следом запись 3 августа.

прикосновения, обряд поцелуя, и высочайший обряд: вкушение Тела и Крови Христовой.

Моя жизнь сейчас — только обряд и, как всякий обряд, несовершенный — это необходимая погрешность. Но у меня слишком несовершенный и погрешность чрезмерная. Помоги, Господи, дай чистую мысль, дай силу веры, дай второй знак, либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, Афтун.

10.VIII. Кладбище. Господи, Господи. Да не усохнет душа моя, на что Тебе усохшая душа? И сейчас, Господи, бывает страшно, как и тогда, и я бегу от страшного. Дай мне силу не бежать от страшного, дай мне постоянное жало в плоть, чтобы все время жало в плоть, чтобы всегда была та же боль, чтобы не усохла душа моя. И я верю, что не только Тебе, но и ей нужна моя неусохшая душа, чтобы всегда была и мысль, и память, и молитва о ней. Господи, Твоя вечная память не человеческая, и нет в Тебе разделения человеческого, и Твоя вечная память есть вечная жизнь — о чем Ты подумаешь, то и есть, и мне дай частицу Твоей вечной памяти, и я верю, это нужно и ей и мне, чтобы не усохла душа моя, чтобы я не бежал от страшного, чтобы всегда был страх Божий. В этом Твое милосердие, этим я живу, да не усохнет душа моя.

12.VIII. По-прежнему страшно, и виноват, кажется, я сам. Может, это своеволие и гордыня ума. Кьеркегор вышел из церкви, чтобы быть в ситуации одновременности с Христом, а я для этого же хотел бы совершить обратный путь: войти в церковь. Тогда, может быть, был бы покой и я не терял бы Тебя, как сейчас. И был бы верный внешний критерий для моего мнения и ограничения его. А может, это снова только моя уловка, чтобы оглядываться назад. Оглядывание назад: курение, пустая мысль, чтение часто [ненужных мне] пустых книг, и все это, чтобы не продумать до конца страшного, когда станет так страшно, что время остановится. Господи, пусть будет еще хуже, еще страшнее и помоги мне, дай знак Фомы.

Должна быть внутренняя пустыня.

15.VIII. <Сон.> Я сидел на кровати рядом с мамой, обняв ее. Мы оба не знали еще, что случилось. Потом звонок — пришла дачная хозяйка узнать, поедем ли мы в этом году на дачу. Я сказал: не поедем, мама больна. И вдруг, как молния с неба: не больна, умерла.

Елена Савельевна Друскина — мать Я. Друскина
Конец 1930-х гг.

I класс реального училища В. П. Кузминой. 16 января 1913 г.
Первый слева во втором ряду — Я. Друскин

Слева направо: А. Введенский, Г. Викторова,
Л. Липавский, Т. Липавская. 1930-е гг.

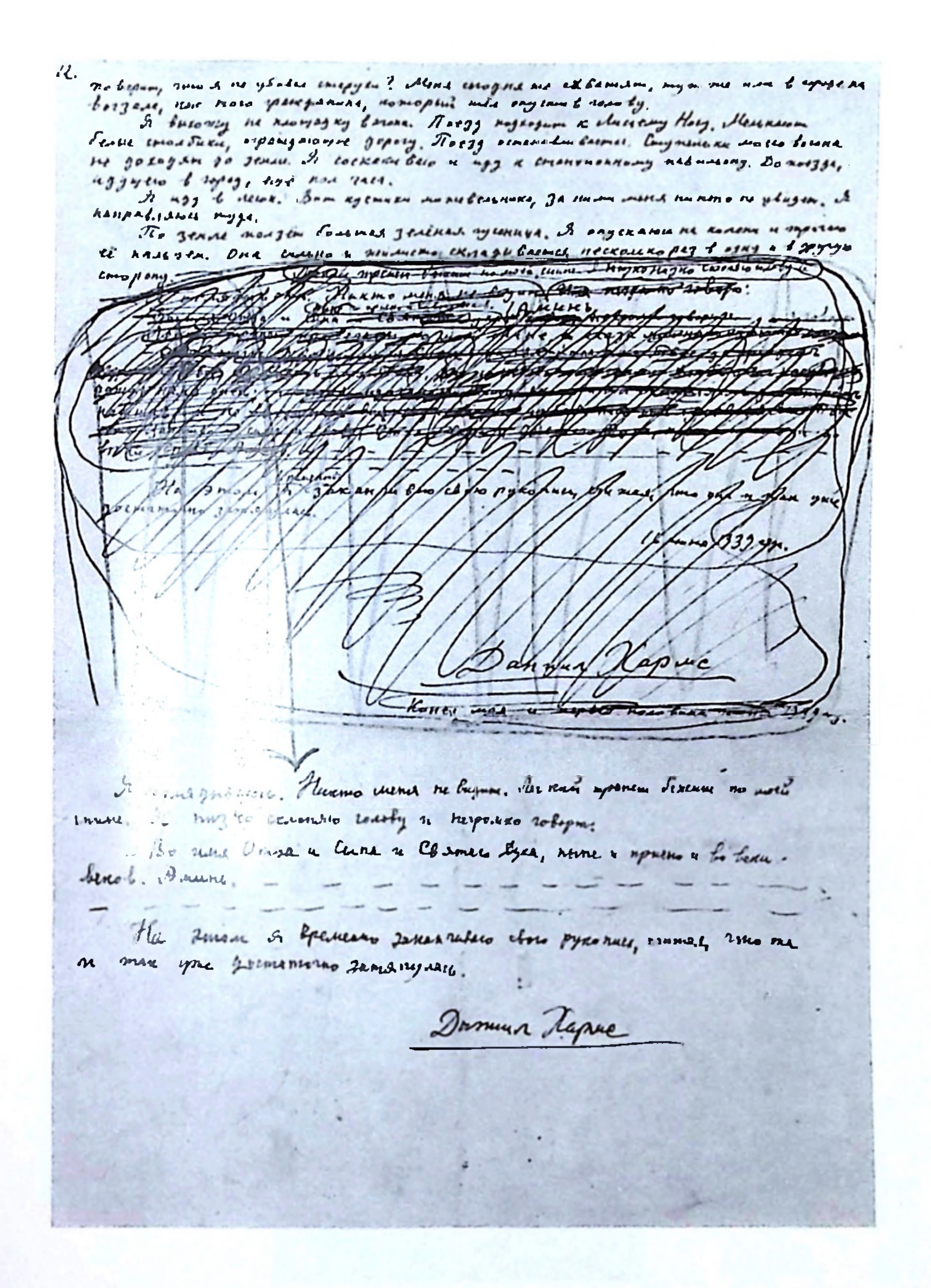
Л. Липавский. 1920-е гг.

Д. Хармс. 1930 г. (?)

А. Введенский. Начало 1920-х гг.

12.

поверит, что я не убивал старуху? Меня сегодня же схватят, тут же или в городе на вокзале, как того гражданина, который шёл опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, ограждающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, ещё пол часа.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника, за ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползёт большая зелёная гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю её пальцем. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

~~Никто меня не видит ... тихо говорю: ... Аминь.~~

~~На этом я заканчиваю свою рукопись, считая, что она уже достаточно затянулась.~~

~~1 июня 1939 года.~~

~~Даниил Хармс~~

~~Конец мая и первая половина июня 1939 года.~~

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Лёгкий трепет бежит по моей спине. Я низко склоняю голову и негромко говорю:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь. — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — — — —

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась.

Даниил Хармс

Заключительная страница рукописи повести Д. Хармса «Старуха»
(из архива Я. Друскина)

30. Ему должно расти, а мнѣ умаляться.

31. Приходящій свыше и есть выше всѣхъ; а сущій отъ земли земный и есть, и говоритъ, какъ сущій отъ земли; приходящій съ небесъ есть выше всѣхъ.

32. И что Онъ видѣлъ и слышалъ, о томъ и свидѣтельствуетъ; и никто не принимаетъ свидѣтельства Его.

33. Принявшій Его свидѣтельство симъ запечатлѣлъ, что Богъ истиненъ.

34. Ибо тотъ, котораго послалъ Богъ, говоритъ слова Божіи; ибо не мѣрою даетъ Богъ Духа.

35. Отецъ любитъ Сына, и все далъ въ руку Его.

36. Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную; а невѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.

ГЛАВА 4.

Когда же узналъ Іисусъ *о дошедшемъ до* фарисеевъ слухѣ, что Онъ болѣе пріобрѣтаетъ учениковъ и креститъ, нежели Іоаннъ;

2. (Хотя Самъ Іисусъ не крестилъ, а ученики Его;)

3. То оставилъ Іудею, и пошелъ опять въ Галилею.

4. Надлежало же Ему проходить чрезъ Самарію.

5. И такъ приходитъ Онъ въ городъ Самарійскій, называемый Сихарь, близъ участка земли, даннаго Іаковомъ сыну своему Іосифу.

6. Тамъ былъ колодезь Іаковлевъ. Іисусъ, утрудившись отъ пути, сѣлъ у колодезя. Было около шестаго часа.

7. Приходитъ женщина изъ Самаріи почерпнуть воды. Іисусъ говоритъ ей: дай Мнѣ пить.

8. (Ибо ученики Его отлучились въ городъ купить пищи.)

9. Женщина Самарянская говоритъ Ему: какъ Ты, будучи Іу-

слова Иоанна переходят в слова Христа

Страница из карманного Евангелия с пометами Я. Друскина

Я. Друскин. 1940-е гг.

Я. Друскин. Начало 1970-х гг.

Я. Друскин. 1911 г. (?)

*16. VIII.**

*17. VIII.***

19. VIII. Какая-то жестоковыйность, Verstocktheit***, закоренелость в окаянстве. Он ли оставляет меня, или я бегу от Него, но какая-то тупая уверенность в непризванности, какая-то стена, которую ничем не прошибить. Эли, Эли, лама савахфани.

Уже очень давно я думал: вот мне дано что-то знать, умом я знаю, а сердцем не знаю, закоренел в окаянстве, не призван, бесовское знание, бесовская вера. Тогда я хотел дойти до нулевого состояния чувств, исключить все чувства, все мысли. Но, приближаясь к нему, видел о н о**** и бежал от него в страхе. Только через маму и с мамой, особенно когда ей было очень плохо, я ощущал Тебя, сильнее всего ощущал Тебя, был с Тобою, Ты приходил ко мне и была живая вера не умом, а сердцем. Деятельно любя ее, я любил Тебя всем сердцем, всей душою, всем разумением своим, я любил ее в Тебе, и она, может, и не сознавая ясно, любила меня в Тебе, и наша взаимная любовь была любовью в Тебе и к Тебе. Теперь же, когда ее нет со мною, когда Ангел-хранитель не направляет меня огненным мечом, я так часто теряю путь. Нет и Тебя со мною, я один, и никто мне не помогает. Помоги же мне, Господи, я один, и, кроме Тебя, теперь некому помочь мне. Помоги мне, Господи.

Вечером. Мне страшно даже подумать, что пройдет некоторое время и если я и не забуду ее, но хотя бы успокоюсь — не дай этого, Господи, не дай мне впасть в такое окаянство и, если дашь мне снова войти в Радость Твою и непрестанно буду радоваться, пусть и она будет со мною, чтобы вместе нам радоваться.

Когда я подумаю, что со временем для меня может снова наступить нормальная жизнь и моя комната снова станет моим домом, мне делается так же страшно, как и раньше, когда являлось о н о. Жизнь кончилась, и не может, не должна эта жизнь снова начаться, не должно быть нормальной жизни, не дай, Господи, и чтобы до самой смерти, пока не приду к Тебе совсем, чтобы не было, где приклонить голову.

20. VIII. Из Никео-Конст<антинопольского> символа: верую во святую кафолическую апост<ольскую> церковь. А в апостольском

---

* 10 месяцев со дня смерти матери.

** 30-я годовщина смерти отца.

*** Закоснелость, закоренелость (*нем.*).

**** См. запись 13 января на стр. 101.

симв<оле> (римском): ...церковь, общение святых. Церковь и есть общение верующих, живых и умерших, ноуменально верующих. Это общение ноуменальное. Но тогда моя дилемма отпадает, но окаянство остается, так как само «или — или» есть проявление моей злой, закореневшей в грехе воли, которая и ноуменальное не представляет себе иначе как в форме свободного выбора. Грех не в том, что ради мамы я отказываюсь от Него, я не отказываюсь от Него и не откажусь, я готов отказаться ради нее от своего счастья: непосредственно видеть Его и быть с Ним; грех в том, что я придумал эту дилемму, а закоренелость в грехе в том, что я даже не придумал, а не мог иначе и думать, настолько закоренела душа моя в свободе выбора. А может, есть и другая закоренелость, еще хуже, и я упорно противлюсь Ему. Ведь символ веры в конце концов дело рук человеческих и Бог не подчинен ему.

Я снова читал Исаака Сирианина — вчера после первой записи — и нашел прекрасные места, необходимые мне именно сейчас. А может, я потому и нашел их и понял, что Ты ответил на мою молитву и помог мне. Помоги мне, Господи.

26. VIII. Я должен умереть для мира, и рад умереть для него, и уже не знаю, насколько умер. Или мир почти умер для меня. Но не для мамы, прости меня, Господи, она мне нужна и сейчас и от нее я не могу отказаться. Свобода выбора, жизнь в миру потеряла свой вкус, или я потерял к ней вкус, но ноуменальное отношение — жизнь вечная.

Если я еще нужен Л<иде>, или М., или еще кому — это одно. А мама — другое. Но во-первых, может, и сейчас я ей нужен, как и раньше, и во-вторых, может ли умереть ноуменальная любовь? И может ли в вечной жизни не сохраниться ноуменальная любовь?

27. VIII. По слуху только я слышал о Тебе; ныне же око мое увидело Тебя. Поэтому я отрицаюсь и раскаиваюсь на прахе и пепле <Иов. 42, 5—6>. — Когда око Иова увидело Бога? Когда он возроптал на Бога. А друзья его так и не увидели Бога, Бог осудил их и простил только за молитвы Иова. Иов пошел против Bestehendes, против принятого, установленного благочестия, он боролся с тем, что установил Бог, и тогда он увидел Бога. Как и Иаков, он боролся с Богом, тогда увидел Его и, увидев, смирился. Вчера утром я читал Иова, ночью понял свой грех. Уже больше 10 месяцев, как я потерял вкус к жизни, и удовольствие мне не удовольствие, и радость — не радость. Я почти умер для жизни и мира. Теперь я ищу причину моего умирания. Непосредственная причина, causa efficiens* — мама. Но ведь сама causa efficiens вызвана Тобою, Ты убрал от меня маму, Ты — causa finalis**. Да, верно,

---

* Действующая причина (*лат.*).
** Конечная причина (*лат.*).

жизнь потеряла свой вкус для меня, потому что ее нет сейчас со мною. Если я и ропщу, то ведь не на то, что Ты убрал ее от меня, а на затмение, которое нашло на меня в октябре, которое Ты послал мне за мое окаянство, за мою бесконечную вину перед ней. Ради кого я почти умер для жизни? Не ради Тебя, потому что жизнь потеряла вкус для меня с тех пор, как ее не стало. Но в результате я приблизился к Тебе, потому что остался один. Поэтому я не нахожу греха в том, что не ради Тебя, а из-за нее я почти умер для жизни. Ты так направил, Твои пути неисповедимы. Как при жизни она вела меня к Тебе, так и сейчас, когда Ты взял ее к Себе, она по-прежнему ведет меня к Тебе, через нее огненным мечом Ты ведешь меня к Себе.

Я продолжаю искать свой грех. Отчаялся ли я, разуверился, потерял ли надежду? Да, отчаялся, разуверился, потерял надежду. В чем отчаялся, в чем разуверился? В том, что я сам, или какой-либо другой человек, или какое-либо событие в моей жизни сможет мне дать радость или хотя бы удовлетворение, которое сейчас же не омрачится горем, не перестанет быть радостью или удовлетворением. Да, я потерял надежду, я не надеюсь. На кого? На себя и на других людей. Но на Тебя я надеюсь, вся моя надежда на Тебя, только на Тебя. Значит, и не здесь мой грех.

Я задавал глупые вопросы, я противопоставлял ее Тебе, я говорил: вот слева стоит она, справа Христос, я пойду налево. Да, это глупо, но грех ли это? Было бы лучше, если бы я сказал: пойду направо? Не осудил бы Ты меня тогда, как осудил друзей Иова? Есть естественная любовь и есть ноуменальная. Естественная любовь может быть грешной, но не ноуменальная, ноуменальная всегда свята, и грех ее забыть или отказаться от нее, это все равно что отказаться от Тебя. Я глупо выразился, создав дилемму, но ведь я только человек.

И все же все эти вопросы — ропот. Я, горшок в руках горшечника, спорил с Тобой, противился Тебе, шел против Тебя. Но, идя против Тебя, не приближался ли тем самым к Тебе? Не приближал ли Ты все время меня к Себе, именно тогда, когда я шел против Тебя? Тогда и это не грех: Ты восстановлял меня против Себя, чтобы я шел к Тебе, Ты отдалял меня, чтобы приблизить. Чтобы я любил Тебя всем сердцем своим, всей душою, всем разумением своим.

И все же я виноват. Я глубоко чувствую свой грех, свое окаянство, вижу множество своих грехов — проявление коренного своего окаянства, а сам грех снова неясен, скрыт от меня. Помоги, Господи, чтобы я мог сказать так же чистосердечно и глубоко, как Иов: По слуху только я слышал о Тебе; ныне же око мое увидело Тебя. Поэтому я отрицаюсь и раскаиваюсь на прахе и пепле.

28. VIII. Снова возвращаюсь к тому же самому. Может ли быть личное бессмертие без сохранения личной, ноуменальной любви к конечному ты? Может ли быть индивидуальность [личность] или самосознание без отношения к конечному ты? В вечной жизни может ли не быть самосознания, хотя бы и в неизвестной нам форме? Конечно, здесь можно предположить все что угодно, можно рассуждать и так: у Адама была возможность вечной жизни без самосознания. Тогда Бог создал ему соответственного помощника и допустил падение Адама, чтобы он получил самосознание. Получив же самосознание, Адам уже не нуждается в соответственном помощнике, теперь у него один помощник — Бог. Но не будет ли это рассуждение слишком человеческим, причем эгоистически-человеческим? Не противоречит ли апостолу Иоанну: любите друг друга? Не противоречит ли и другим Евангелиям, и апостолу Павлу, и второй заповеди, на которой основаны Закон и Пророки? Не противоречит ли даже катег<орическому> императиву Канта в его лучшей формулировке: относиться к каждому человеку, как к самоцели, а не как к средству? Если и мой соответственный помощник был только путем к Тебе, то не станет ли для меня только средством? И верно ли, что он только путь к Тебе, не был ли скорее он моим Ангелом-хранителем, огненным мечом и сейчас направляющим меня к Тебе? И не были ли мы именно в нашей ноуменальной любви вместе в Тебе? И не есть ли вечная жизнь общение святых, то есть ноуменальное общение конечных ты в Твоем Царствии, в Святом Духе, в Тебе и с Тобою?

И еще: Иоанн Креститель и Сын Твой начали свою проповедь словами: Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное. Я грешник, бесконечно грешен и прежде всего перед Тобою. Но если я скажу: я грешен только перед Тобою, перед людьми не грешен, не будет ли это лицемерием и гордыней? И если я грешен перед Тобою, прежде всего перед Тобою, то не значит ли это, что я грешен и перед каждым моим ближним? Не в том смысле, что я грешен перед ближними моими, а потому и перед Тобою, это тоже верно, каждый мой грех перед ближним — грех перед Тобою, но главное — я грешен перед Тобою, а потому и перед моим ближним, и каждый мой грех, совершенный ближнему, грех перед Тобою. Но могу ли я исключить совсем или отдалить от Тебя мой грех перед ближним? Но тогда и покаяние прежде всего перед Тобою, но ведь и Ты простишь мне прегрешения мои, если и я прощу должникам моим. Но если есть должники у меня среди моих ближних, то неужели и я не являюсь должником моих ближних? В покаянии я переживаю свой личный грех не только перед Тобою, но и перед моими ближними, вернее и перед Тобою и в Тебе я каюсь перед моими ближними.

И также: каясь перед моими ближними, я каюсь и перед Тобою и в Тебе, иначе это естественное, а не благодатное покаяние. И не есть ли

это покаяние и мысль о моем грехе к ближнему, живому или умершему, когда это покаяние и мысль ноуменальные, экзистенциальные, — покаяние перед Тобою и мысль о Тебе? И обратно: могу ли я из мысли о Тебе исключить из Тебя общение святых? И еще: я виноват перед Тобою, прежде всего перед Тобою, бесконечно перед Тобою. Но не значит ли это, что в этой первой вине нераздельно скрыта и вторая — перед моим ближним? Ведь пока Ты не создал Адаму соответственного помощника, он был безгрешен. И еще: не легче ли смириться перед Тобою, чем перед своим ближним? И не есть ли покаяние и смирение только перед Тобою — скрытая гордыня? И не станет ли покаяние и смирение лицемерием без личного ощущения греха и вины, то есть ощущения вины перед определенным человеком? Может ли быть у конечного, сотворенного я личное ощущение греха и вины без ощущения греха и вины перед конечным же ты? Первый грех перед Тобою, но в этом первом и главном грехе и второй — перед **ты**, и без ощущения первого греха покаяние во втором — естественное, сентиментальное и безблагодатное, но без ощущения второго греха нет и ощущения первого, основного, это уже какое-то абстрактное не индивидуальное покаяние, покаяние в своей глупости, но не в своем падении, низости и искажении Твоего образа и подобия. Ощущение **ты** и моего греха перед **ты** — индивидуализация моего покаяния перед Тобою. Но не покаявшись я не вступлю в Твое Царствие.

Я не знаю вечной жизни. Я только предчувствую ее, иногда касаюсь, иногда даже, так мне кажется, уже сейчас причастен ей, а чаще только ожидаю ее и еще чаще боюсь потерять ее, так как погряз в своем окаянстве, и надеюсь только на моего Искупителя, на Сына Твоего Единородного. Я не знаю, в каких формах она придет, я ничего не знаю о том, что будет, но я знаю, мне кажется, что я знаю, сейчас, если я забуду мое ноуменальное **ты**, если забуду жало в плоть, которое Ты мне дал, я потеряю и Тебя, я стану еще худшим грешником, фарисеем и лицемером.

Первый первородный грех — перед Тобою, но в нем же или от него второй — перед ближним и это как второй знак — знак Фомы. Для Ангела он, может и не нужен, достаточно и первого, а для падшего человека нужен. До падения — естественно-сверхъестественное. После падения добавляется к естественно-сверхъестественному — сверхъестественная благодать, к первому знаку — второй, к отношению к Богу — отношение к ближнему. Поэтому — вечная память о ближнем, когда он умер, и до смерти боль и жало в плоть.

Вчера я снова читал Исаака Сирианина. У него есть хорошие места, он сам хороший и старается всем помочь; и мне помог и я благодарю его и Тебя, что Ты дал мне понять его. И все же у меня есть некоторые

возражения ему. Иногда, читая его, я забывал, что он христианин, так мог написать и Платон, и буддист или брахманист, и многие другие языческие мудрецы. Мне кажется, он слишком возвышает созерцание над покаянием, грех часто понимает не как мое полное падение, но скорее как глупость, или незнание, или плотский соблазн. Такое возвышение созерцания над покаянием не поведет ли к гордыне? Конечно и он предостерегает от гордыни, и иногда очень хорошо, говорит и о благодати, и о том, что созерцание дает мне только Бог, но все же мне дает. Он часто предупреждает, чтобы я не гордился тем, что Бог дал мне созерцание Себя, но без постоянного ощущения своего греха не проскользнет ли все же незаметно гордыня? Он добр, может, даже слишком добр — апостол Павел умел быть не только добрым, но и суровым — и все же Исаак ставит созерцание выше любви.

Недавно я читал статью Бультмана о Павле. Сирианин, может, и преувеличивает значение созерцания, может, в чем и ошибается, но у него живая вера и добро, а у Бультмана больше ум и все же не полный. Прочитав Бультмана, я больше благодарен апостолу Павлу, чем Бультману, потому что он вряд ли и думал обо мне или о каком-либо другом грешнике, когда писал об апостоле Павле. А Исаак Сирианин, когда писал, думал и обо мне, и я все время благодарю его и Тебя, что Ты мне помог. Помоги, Господи.

Мф. 25, 45. ...Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: поелико вы не сделали сего одному из сих меньших, то не сделали Мне. Не скажет ли Он также: Я умер и вы забыли Меня, потому что забыли одного из меньших Моих, когда он умер. Бог никогда, ничего и никого не забывает.

1.IX. Господи, вот я жил, и сейчас еще как будто бы живу, и сколько было, сколько было лишних, ненужных встреч, и ненужных связей, и ненужных событий, и ненужных действий с моей стороны, кроме нескольких ноуменальных связей и прежде всего моей единственной ноуменальной любви. И всю жизнь сколько неудобств физических и духовных, которых я мог избежать, и почти всегда я не чувствовал себя в жизни как дома, кроме как с мамой, а сейчас и этого нет, и негде приклонить голову. И несмотря на всю мою глупость, на всю чушь моей жизни, я чувствую все время и всегда чувствовал Твое руководство. И это страх Божий, Твой страх, всегда я перед Тобою, Господи, всегда Ты руководишь мною, несмотря на мою жестоковыйность, на упорство, с которым я противостою Тебе, прости меня, Господи, прости мое окаянство, дай силу жить, дай силу веры, трудно мне очень сейчас, помоги мне, Господи.

8.IX. Иногда, слишком часто и уже давно, я ощущаю себя как какое-то нулевое состояние, как 0 между $-\infty$ вечного осуждения и $+\infty$ вечной жизни, и этот 0 есть тоже, может быть, одна из форм $-\infty$: горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые <Отк. 3, 16>. Раз я написал: я мучаюсь оттого, что не мучаюсь, и это еще сильнее, чем простое мучение, — тоска по Царствию Небесному, а сейчас тем более.

Необходимо ли включает в себя живая вера в Бога и в искупительную жертву Христа также и веру в мою призванность, а не только званность? Можно ли отделить веру в Христа и Его бесконечную любовь и в то, что Он сказал «дабы всякий верующий в Него не погиб, а имел жизнь вечную»<Ин. 3, 15>, — от веры, что и меня Он принял от века в жизнь вечную?

Верую, Господи, помоги моему неверию.

9.IX. Уже очень давно у меня бывают состояния сомнения относительно себя самого, своей отверженности: мне кажется, что именно мне дано что-то знать, чего не знают другие, дано знание какого-то блага, но вкусить его мне не дано. Не то чтобы я знал его рассудочно, оно открывалось мне непосредственно, и нередко я и вкушал его, и Ты был со мною, и все же мне казалось, что полного вкушения — вечной жизни — я не удостоен. Это не связано с моей греховностью или окаянством, или скорее это и есть моя греховность и мое окаянство, моя пустота. И в то же время непосредственно в этом я не виноват, это не зависит от меня: кто-то должен сообщить, но сообщивший уже не причастен к тому, что сообщит. Мне казалось — в этом вся моя философия — что я больше или лучше других понял Благую весть о Царствии Небесном, но именно это понимание помимо моей воли изгнало меня из Царствия Небесного. Не вообще это понимание изгоняет из Царствия Небесного, наоборот, оно приводит, но тот, кто первый поймет и сообщит, тот потеряет реальную связь с Ним — вкушение, причастие, — а других приведет к Нему. Первый понявший глубже Благую весть извержен, может, это греховность древа познания, но извержение или отвержение относится только к первому, кто поймет; потому что само это понимание — благо, так как понимание Благой вести. Первый понявший — жертва. Это ощущение отверженности или изверженности было у меня чуть ли не с детства, и несмотря на то что до войны у меня были дружеские ноуменальные отношения, какие редко у кого бывают, но и с ними — Л., В., Х., О.[8] — у меня бывали иногда ощущения отделенности и от них. Вот это ощущение отделенности, неоткрытости другим, несмотря на глубочайшее желание открыться (Добавление к «Чем я противен»), непричастности к «общению святых» и есть моя практическая отверженность — следствие онтологической отверженности. Может, для того чтобы увидеть, надо быть не только внутри, но

и вне, и я чаще и больше вне. А может, это просто гордыня. И единственное мое утешение — моя ноуменальная любовь к маме. Здесь я был не вне, а внутри и Ты был между нами и с нами. Помоги мне, Господи, сейчас очень трудно мне без нее, совсем я отвержен, помоги, Господи.

Это бедность моей любви. В моей единственной ноуменальной любви через нее Ты заполнял Собою мою пустоту и нищету. Заполни Собою, Господи, сейчас мою пустоту, сейчас, когда я потерял возможность прежней деятельной любви, а для новой уже нет сил, в той я истощил всю свою любовь. Я знаю, это грех, это бедность моей любви, прости меня, Господи, заполни Собою мою пустоту.

10.IX. Причина или корень моей отверженности в том, что я думаю. Вот у меня какое-то состояние. Я не могу долго оставаться в нем, потому что начинаю его исследовать-обдумывать. Тогда я уже не в нем а вне его и его уже нет. В результате исследования (например, Л, Р, П, Т)*, мне кажется, нет погрешности, кроме разве небольшой; может, я не так подхожу к ним <состояниям>, может, в самом подходе есть некоторая нечистота или неглубина? Сказывается ли в результатах? Я не говорю уже о других моих грехах, я говорю только о корне моей отверженности. А корень в том, что я не могу остаться внутри и вкушать, потому что меня тянет увидеть извне и понять, и вот я вне. Но не к этому ли Ты и предназначил меня и избрал меня и пристойно ли мне, горшку в руках горшечника, спорить с Тобою, на какие нужды Ты меня предназначил и извéрг, чтобы я был больше вне, чем внутри? Я не оправдываюсь, я знаю свои грехи, свою окаянность, свою вину и перед нею и перед Тобою, я говорю только о корне моей отверженности, о моем несчастье — о невозможности остаться внутри, о том, как я все время извергаюсь вон, вовне, и от этого же невозможность мне открыться другим и Лиде, и в своем открывании я извергаюсь вовне открывания, кроме моей единственной ноуменальной любви, которую Ты дал мне. Но и там я недостаточно открылся, сколько ноуменального не сделал явным и как каюсь сейчас.

Может, я и ошибаюсь, может, это извержение вон и есть мое окаянство, но не есть ли и это извержение вон мое предназначение, не предназначил ли Ты меня к этому, ведь я не могу не думать и думаю о Тебе же, и уже не я, а Ты субъект моей мысли, а я извергнут вон. Я не оправдываюсь, я только ищу корень своей отверженности — извержения вон, и сейчас, когда я много раз в день, каждый день вспоминаю ее — с ней я был внутри, — я думаю, что мне делать, как оставаться внутри без нее и не быть изверженным вон. Помоги, Господи.

---

* См. стр. 46.

Кладбище. Я шел и думал, и не я думал, а думалось, и я был не вне, а внутри. Я был под Твоим руководством и в Твоем руководстве. И я видел, что это было всегда, от первых дней, как я помню. И еще я думал: как мудро Ты устроил. Предположим, можно было бы доказать: нет случая, все — Твое Провидение. Но ведь доказательство Провидения детерминировало бы его: доказанное детерминировано. Но ведь и опровергнуть его тоже нельзя. Ты оставил мне абсолютную свободу увидеть Твое Провидение, Твое предопределение от века, абсолютную свободу принять его. Но, и не приняв Тебя, я принимаю Тебя: извергнутый вовне, в свободу выбора, я скован его необходимостью, раб греха, но Ты по-прежнему ведешь меня и извергаешь, чтобы вразумить и принять. Ведь свобода выбора двойное рабство: рабство мотива и детерминизм формы выбора, тогда определено Тобою же — как будто бы свободно, по моим прихотям, на самом же деле Тобою против моей воли. Потому что в грехе моя воля — не принять Твое руководство, в грехе я иду против Тебя, свободно выбираю, Ты же, оставляя мне до времени верить в мою мнимую свободу выбора, руководишь мною по-Своему, а не по-моему, пока я не пойму свою ложь и уже абсолютно свободно буду исполнять Твою волю, Твоя воля станет моей.

И еще: когда я шел и был внутри и сейчас внутри, я видел и вижу, что Твое Провидение ведет к вечной жизни, что есть онтологическая экзистенциальная связь между Тобою как Сущим, Твоим Провидением и моим ч т о, которое есть что как ничто, и вот эта онтологическая личная связь между Тобою и мною — Твоим творением по образу и подобию Твоему — и есть вечная жизнь. Сохрани меня, Господи, в Твоей Радости, Радости Господина моего, да будет воля Твоя.

11.IX. И еще Твоя мудрость в том, что ей нельзя научиться от человеков, только Ты Сам можешь научить. Предположим, я скажу или пойму: да, что бы я ни делал, Ты делаешь, и моя свобода выбора — мнимая свобода, и если временно я и достигаю цели, которую сам себе ставлю, то ведь и это в лучшем случае не всегда и не так часто бывает, а в конце концов я все равно умру, и до этого еще умрут мои близкие, и дело моих рук, которое я сам выполнял во имя мое, а не Твое, Ты все равно разрушишь; если я пойму это сам, своим умом и сам, своим умом скажу: да, все, что я сам делаю, напрасно, откажусь от свободы выбора, приму Твою волю, — если я сам решу это, все равно я сам не буду знать, как отказаться от свободы выбора, без Тебя это всегда будет только свободным выбором отречения от свободного выбора, то есть снова свобода выбора, пока Ты не дашь мне свою благодать — gratia gratis data — благодать абсолютной свободы исполнять Твою волю.

16.IX. Пс. 6. Удалитесь от меня, все делающие беззакония... Да будут постыжены и поражены ужасом все враги мои, да отступят и будут постыжены мгновенно. Я сам враг свой, я сам совершил беззаконие, я сам поражен был ночью ужасом, я сам от себя отступаюсь, постыжен был мгновенно, прости меня, Господи.

18.IX. Кладбище. Господи, когда Ты давал мне благо — торопиться домой к маме, я знал, что это благо, и все же не ценил достаточно. А сейчас не тороплюсь, мне некуда торопиться.

Я шел и думал: было бы не так тяжело, но не лучше. Потом: было бы тяжелее, но лучше. Потом: было бы легче и лучше. Ты знаешь, о чем я думал, и что все это не так и ложь, и я снова грешу. Прости меня, Господи.

19.IX. Была реальная мысль, но я сформулировал ее неудачно. Я исправил — стало еще хуже. Я снова исправил — мысли не стало, осталась пошлость — то, что и без этого высказывания ясно; но реальное, что мелькнуло в неудачно сформулированной мысли, исчезло. Или я снова испугался. Стало тяжелее и хуже, а потому лучше. Должно быть лучше.

24.IX. <Сон.> Мы — мама, Лида и я — переезжаем. Я пошел раньше перевезти вещи. При этом приходилось несколько раз возвращаться за вещами. Уже просыпаясь, но еще в полусне, я повторил сон несколько раз, чтобы не забыть. При повторениях присоединял к сну слова, чтобы лучше запомнить. Эти присоединения, присоединенные слова я назову аналогиями сна. Иногда мне казалось, что аналогия и была сном, а сон — случайной ситуацией сна. Аналогии:

1. Дорога длинная, как жизнь.
2. Дорога смрадная, как грех.
3. Дорога — покаянный псалом, каждое возвращение — стих псалма.
4. Каждое возвращение — новый грех, возвращение за новым забытым грехом.

Потом появились Лида с мамой. Лида говорит: температура 37, 8. Я подумал: возвращаться не стоит, а как приедем домой, сразу же вызову врача, а еще до этого поставлю банки и горчичники. С антибиотиками же буду осторожнее, чтобы не случилось, как в последний раз.

Мама снится каждый день, но редко так, как хотелось бы, чтобы было знание того, что случилось, и обряд прикосновения. Но и то, что снится, хотел бы запомнить, а просыпаясь, еще в полусне думаю: это настолько естественно, обычно и неинтересно, что не стоит и запоминать. Когда же проснусь совсем, остаются обрывки сна, и я жалею, что не запомнил сон, но эти обрывки уже невозможно соединить, так быс-

тро они забываются. Это хитрость сна: представляясь обычным и неинтересным, он противится запоминанию.

Когда на меня сегодня ночью неожиданно упала лампа, я совершенно не испугался, хотя спал и проснулся от падения лампы. Я только удивился и то немного, увидав кровь на простыне и рубашке. Мне кажется, это признак умирания для жизни, если неожиданность не пугает. Смерть неожиданна, пока есть вкус к жизни.

25.IX. Ночью вспоминал сон прошлой ночи и его аналогии и у меня сложилось такое стихотворение-заклинание:

Дорога длинная, как жизнь.
Дорога темная, как ночь.
Дорога бледная, как смерть.
Дорога мрачная, как грех.
Дорога алчная, как грех.
Дорога смрадная, как грех.
Дорога темная, как ночь.

30.IX. Как только я скажу: вот Ты снова со мною, на этот раз не оставлю Тебя, Он оставляет меня. Последний раз это было после 11-го: 16 или 18-го. Когда же я говорю: опять Ты оставил меня, Он приходит. И на этот раз я сказал так же, рассчитывая, что после этого Он придет. Но Он не приходил, так как я рассчитывал. А теперь уже просто боюсь, что не придет. Приди, Господи, помоги. Нет у меня другой поддержки, кроме Тебя, ведь Ты убрал от меня мою поддержку, а мне еще надо поддерживать Лиду. Приди, Господи, помоги.

Ев<ангелие> от И<оанна> Есть большая гора, чем видимые горы. Что мне до них. Во мне гора — тяжесть этой жизни, тяжесть жизни без Тебя. И Ты движешь эту гору, не оставляешь меня вконец, приходишь и движешь, чтобы я мог жить*

1.X. Зачеркнуто: чтобы я жил. Почему я зачеркнул, не знаю: я чего-то боялся.

Нил Сорский: «Иоанн Лествичник, Филофей Синаит и другие прилогом называют всякий простой помысл или воображение какого-либо предмета, внезапно вносимое в сердце и предстоящее уму. Григорий Синаит говорит: прилог есть происходящее от врага внушение: делай то или другое, как это было с И<исусом> Х<ристом> (искушения в

---

* Далее в рукописи зачеркнуто. См. следующую строку.

пустыне от дьявола), или проще сказать: какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум. И, как таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас; ибо невозможно, чтобы не было приражения к нам вражеских козней, после того, как диавол с бесами получил доступ к человеку, за преслушание удаленному из Рая и от Бога: в этом состоянии удаления диавол может уже колебать мысли и ум всякого». Грех начинается от сочетания — «собеседования с пришедшим помыслом, как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу — принятие приносимой от врага мысли».

Во-первых, испытания у Христа, мне кажется, другого рода — и в пустыне и в Гефсимании. Кроме того, приняв на Себя нашу грешную природу, Он, и безгрешный, принял на Себя наш грех и вину. Во-вторых, верно ли, во всяком случае для нас, что прилог безгрешен? Не есть ли прилог — сам первородный грех и вина за прилог не только на бесах, но и на мне? Ведь Антоний Великий сказал, что бес не может внушить человеку мысль, которой у него нет, но только усилить ту, что есть, значит, человек отвечает и за прилог. Кроме того, не отвечает ли человек и за невольные прегрешения и даже за нарушение неизвестного ему закона (Кафка)? Тогда невозможное для человеков возможно только для Бога. В-третьих, было ли прилогом или уже сочетанием и сложением то, что я написал, а потом зачеркнул? Или наоборот, зачеркивание было и тогда уже не только прилогом, а сочетанием и сложением?

Во всяком случае если прилог является в форме свободного выбора и я выбираю отрицание грешного прилога, то, как выбор, это уже грех.

Когда у меня в <19>38—39 г. бегали бесы по подушке и я сказал им: да ну вас, надоели, — отрицание прилога было неопределенным, то есть вне выбора. Но сам прилог, то, что я допустил его (хотя он и был мне неприятен и я не желал его), было грехом и наказанием за грех. И так же или зачеркнутые слова, или их зачеркивание; к тому же в обоих случаях я думал, рассуждал и, значит, выбирал, во всяком случае когда зачеркивал, значит, грешил.

2.X. То, что есть, не проходит. Есть, значит, ноуменально есть, есть так, как ему дал быть Сущий. И то, что во временном, преходящем **есть**, сотворенное «есть», уже не проходит. Это я и назвал инвариантом бессмертия. Мама была беспомощна, беспомощна в отношении меня, то есть нуждалась во мне. Эта нужда была духовная, она духовно, ноуменально нуждалась во мне. Эта ноуменальная нужда была личной, то есть от Бога, лице — от Бога. И это же было ее «есть», личное «есть». Ее личное «есть» обладало большой силой, ноуменальной силой и выходило за пределы ее личности и, отразившись в моем личном «есть», возвращалось к ней. Но также и мое «есть» отражалось на ее «есть» и отраженное возвращалось ко мне. Поэтому у меня была и есть духов-

ная, ноуменальная нужда в ней. Это самосознание: я — ты — я. В грехе мое личное самоотражение при возвращении ко мне отклоняется от полного совпадения со мною, объективируется. В деятельной ноуменальной любви, когда между я и ты — Ты, я обновляюсь в Тебе, вернее Ты обновляешь меня, облекаешь в нового Адама, снова принимаешь меня. В отклонении моего самоотражения нарушается мой ритм, ритм моей жизни. В Тебе совершенное самоотражение, совершенный ритм — Святой Дух. В Твоем Сыне Ты восстанавливаешь мой ритм. Если Он был между нею и мною, то в общем ритме нашей ноуменальной любви и она и я через Него восстанавливали чистый, святой, сотворенный Тобою ритм и ее и мой. В ноуменальной любви ритм один и ее, и мой. Может ли умереть этот ноуменальный ритм, сотворенный Тобою, павший в каждом из нас в отдельности и обновленный, восстановленный в общении через Сына Твоего. Где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Но Ты — вечная жизнь, и там, где Ты, — вечная жизнь, и те, кто там, причастны ей. Как же может умереть наш общий ноуменальный ритм, созданный Тобою? Ты освятил его Своим Сыном Единородным, Своим ритмом — Духом Твоим Святым, и теперь наш ноуменальный ритм, сотворенный Тобою, приобщился Твоей вечности, стал вечным, как Ты.

Вчера вечером я вспомнил некоторые конкретные подробности ее ноуменальной святой нужды во мне и вот записал перед Тобою. И все мои глупые вопросы этим объясняются. За нее я готов быть и отлученным от Тебя, но и в аду буду любить Тебя. И тогда ад через мою любовь к Тебе станет Раем, любовь и ад сделает Раем, реально ноуменально сожжет адский огонь и он станет тем, что он и есть в своей сущности, — несущим, ничто, и Ты будешь всё во всем, и в нас, в нашей общей ноуменальной любви к Тебе.

7.X. Кладбище. Я жил как в скорлупе, заключен в скорлупу. Я думал: это жизнь, но я натыкался на скорлупу, на стену, меня заключавшую, как слепой котенок тыкался я носом в стену. Кругом была тьма, я жил как в Шеоле. И внезапно скорлупа прорвалась, Ты прорвал ее, Господи, Ты со мною. Благословенно имя Твое Святое, благословен Ты, Господи.

Это стало сразу, ведь я и не думал ехать сегодня на кладбище и вдруг решил. Не я решил, решилось, Ты решил и вдруг посетил меня на кладбище, стал рядом со мною, взял меня в Себя, в Радость Твою, Радость Господина моего.

Господи, дай мне сохранить Твою Радость, сохрани меня в Твоей Радости, сам я не могу сохранить ее. Господи, очисти меня от моей скверны, освободи от окаянства, удержи в Своей Радости.

Сохрани меня в Твоей Радости, очисти от скверны, меня разъедающей.

Я думал: вот пустота, снова пустота, снова живу в пустоте, ничего не буду делать, ничего не буду думать, умру при жизни, буду как умерший, и Ты Сам посетил меня, Сам заполнил Собою пустоту мою. Благословенно имя Твое Святое, благословен Ты, Господи.

9.X. Сны сегодня ночью.

Я с папой куда-то еду. Как нудно, думаю я, а потом ведь придется назад ехать, и уже как будто один еду... (Многоточия — забытый переход к другому сну.)

...Я возвращаюсь с мамой, и вдруг мы видим Мишу с Надей*. Он уезжал, вернулся и пошел навстречу маме, мама обрадовалась, обнимает его...

...Мама куда-то ушла, в комнате я и Лида, потом мама вернулась. Мама мне: ты умер. Я: да. Я не знал еще, что случилось, но была такая же тяжесть, боль и жало в плоть, как и сейчас наяву — то же чувство, но без знания его причины, ведь я не знал, что мама умерла, и она же говорит мне то, что я сейчас чувствую и ощущаю.

...Три розы без стеблей: две из них полузавядшие, одна начинает вянуть. Я думаю: налью в ванну воды, пущу их плавать, может еще оживут, хотя бы одна из них...

Утром я подумал, что три розы без стеблей — это папа, Надя и мама.

Внутренняя жизнь человека, и душевная, и интеллектуальная, и духовная, выражается с помощью знаков, которые что-либо обозначают; символичность, а не непосредственность языка, науки, философии, искусства, теологии. Формы выражения, то есть сами символы и их соединение — строй символики, — меняются, быстрее всего в искусстве, медленнее в науке и философии, так же и в теологии: сейчас о двух природах Христа, о Троице мы говорим иначе, чем в 4 веке. Вера непосредственна, но выражение веры, например в молитве, тоже символично, если это не чисто мистическое созерцание или молитва без слов. Меняется ли строй символов веры, то есть наиболее непосредственная форма ее выражения? Или символы веры инвариантны? Если инвариантно отношение «я — ты» и символизация этого отношения, то так же и отношения «я — Ты» и «не я, но Ты». Может, единственное, что не меняется в жизни, — это два отношения: я — ты и я — Ты и еще третье: я — я через ты и Ты, то есть: я — ты — я и я — Ты — я. Символизация

* Брата с женой.

этих отношений наиболее непосредственная, то есть в самой глубинея: ноуменальная любовь и ноуменальная вера. Поэтому псалмы современны и сейчас.

10.X. 7-го вечером, когда пришли Ст<ерлиговы>, еще сохранялась Радость, и в начале разговора у меня было какое-то ощущение мирного согласия с тем, что говорил Ст<ерлигов>, хотя я и не согласен был с его пониманием молитвы или скорее соборности, и даже не пониманием, а отношением к ней. Я просто не мог возражать, не мог спорить, я все принимал, все хорошо. А потом суета, и не суета сама по себе — суета для меня, и я снова потерял свой мир — не мiр, а мир. Вернувшись домой 7-го <с кладбища>, я подумал: это не экзальтация, это руководство, руководство прочно. Может, уже эта мысль была некоторым сомнением или извержением вовне, желанием не только быть внутри, но и видеть извне? А сейчас уже ничего не думаю, ничего не знаю, помоги, Господи.

11.X. Воскресение ~ 13.X <1963 г.>*. 52 недели тому назад в воскресение у меня еще оставалась надежда, что чаша сия минует меня. Это была вялая надежда без веры, окаянное маловерие, затмение, Bestehendes. Я жил в Bestehendem, поэтому чаша не миновала меня. Последняя чашка чая. И даже когда она выпила эту чашку чая, я не понимал в своем окаянстве, что надо сделать сверхчеловеческое усилие, то есть сделать невозможное, что, может, еще не поздно — совершить невозможное. Я закоренел в своем окаянстве, в возможном. Возможное, Bestehendes поглотило меня, маловерие, то есть фальшивая вера, хуже безверия.

12.X. Понедельник ~ 14.X <1963 г.>. В 1950 г. я записал, что у меня не порвалась пуповина, соединяющая ребенка с матерью, она не только не порвалась, но с 1934 г., а особенно с 1950 г.**, становилась все сильнее, как будто я снова входил в чрево матери, но уже не физически, а ноуменально, и чем больше я входил, тем больше Ты мне открывался, тем лучше я писал. А сейчас Ты порвал эту связь физически.

Всегда у меня было ощущение Твоего руководства. Я же боролся, пытаясь заменить его своим руководством, руководством своего разумения. Я не роптал на ограничение своего свободного выбора, я понимал, что в этом счастье, но не ценил его достаточно, отклоняясь от пути, который Ты предопределил мне и на который постоянно возвращал меня, а я постоянно отклонялся, прельщаясь своими прихотями, своим

* Приближается годовщина смерти матери.

** См. примеч. 2.

разумением, своей свободой выбора, хотя и знал, что это грех и от греха страдание. Теперь Ты мне дал свободу выбора с таким колебанием или амплитудой ее размаха, которой у меня никогда не было. И я увидел практически, а не только теоретически понял, ясно увидел, что нет ничего мерзее и ненавистнее, чем свобода выбора.

Я читал письма и воспоминания Бабеля и других и думал: молодой человек, не связанный семьей, строит **сам** свою жизнь. Он вдохновлен своим творчеством, он **сам** может делать все, что **сам** считает правильным и нужным. Это **сам** показалось мне невероятно страшным, тоскливым, мрачным и провинциальным. Это **сам** — какой-то мировой космический провинциализм. Потому что провинция — это далеко от центра. Я **сам** бесконечно далек от Тебя. Соединенный пуповиной с матерью я еще не сам. И если эта связь сама по себе еще не есть связь с Тобою, то она хоть ограничивает мою **самость**, мой космический провинциализм. Если же эта естественная пуповина переходит в ноуменальную, связывающую с Тобою, то это счастье. Благодарю Тебя, что Ты дал мне это счастье и сохранял его 61 год. Помоги мне, Господи, не оставь меня сейчас, когда его нет у меня.

Я сам — извращение Твоего подобия во мне. Поэтому так страшно **сам** и так космически провинциально, бесконечно удалено от Тебя.

13.X. Вторник ~ 15.X <1963 г.>.

14.X. Среда ~ 16.X <1963 г.>*. 52 недели тому назад в это время (12 часов дня) я мыл маме лицо и руки и еще не знал, что случится меньше чем через час и что случится через 10 часов. 17 августа 1935 г.** я написал: выпал год жизни, а теперь: выпала жизнь. Но как и раньше через нее я имел Тебя, она вела меня к Тебе, так и сейчас ведет. Помоги мне, Господи.

В том, что часто называют благообразным и благообразием, на самом деле только Bestehendes, то есть фальшь и ложь. И так же в том, что называют красотой и богатством жизни: борьба противоположных чувств, любви и ненависти, эгоизма и альтруизма, чувства и долга. Это только безобразие, фальшь и ложь сентиментальной, душевно чувствительной жизни. Истина в духовной красоте людей лунного света — скопцов ради Царствия Небесного и еще в борьбе духовного с душевным в человеке, которая часто проявляется неблагообразно. Во всяком случае так называют эту борьбу внешние, то есть люди, не проника-

---

* Год со дня смерти матери.

** В первую годовщину смерти отца.

ющие ноуменально в человека, в котором происходит эта борьба. Они видят только внешнее, так как сами они внешние, возвышаясь над внутренним человеком — над «сокровенным сердца человеком» <1 Пет. 3, 4>. Но сами себя возвышающие падают, так как высокое у людей мерзость перед Богом <Лк. 16, 15>. Ты дал мне, Господи, радость видеть сокровенное человека, ноуменально участвовать в нем, быть причастным ему, не оставь меня сейчас, когда у меня нет этой радости, дай знак Фомы, помоги.

15.X. Если я должен сораспяться Христу, то, во-первых, Страсти Господни и Евхаристия должны стать для меня личным и, во-вторых, снизу вверх: в себе самом я должен найти, увидеть и почувствовать свою рану и отожествить ее с раной, в которую Фома хотел вложить перст свой. Живая вера сразу и сверху вниз и снизу вверх: Страсти Господни — мои страсти, и в моих я нашел Страсти Господни. Поэтому эта неделя для меня страстная. Но если личное, самое личное останется вне веры, то вера мертвая. И снова те же вопросы: отвергнуть ли все личное? И если отвергнуть, то останется ли живая, личная вера? Если же я что как ничто, и отвергнуть всякое конечное что, и индивидуально само отвержение, то не останется никакого интенциального отношения. Но разве вполне ноуменальное отношение, ноуменальная любовь интенциальна? И конечное ты — не предмет и не объект отношения, но именно ты, сотворенное Тобою по образу и подобию Твоему. Может, оно и возникает и существует через Тебя и в Тебе или Ты через ноуменальное конечное ты определяешь и мое личное, ноуменальное отношение к Тебе?

Не отвергается все личное, если оно переносится на Тебя, к Тебе не менее личное отношение, и не станет оно безличным, если будет только к Тебе. Но также: где двое или трое собраны во имя Твое, там будешь и Ты. Помоги мне, Господи, в эту мою страстную неделю, дай знак Фомы.

16.X. <Сон.> Мама лежит на столе, живая или нет, я не могу понять. Ее накрывают с головою простыней и еще серым холстом, который плотно подтыкают под нее. Если бы еще только простыней, думаю я, а так ведь может задохнуться. Холст движется — это мама глубоко вздохнула. Я не могу понять: если она умерла, то это не имеет значения, а если не умерла? Надо что-то сделать, что-то сказать, но я ничего не могу сказать, весь сосредоточился, упорно думаю. Уже просыпаясь, я понял: ничего не надо говорить, я сам разверну холст.

17.X. С самого утра, а сейчас уже три часа дня, какое-то парение ума и мысли, мечтание. Мысли иногда хорошие, иногда нехорошие, но

без всякого разбора и контроля, иногда умные, иногда глупые толпятся во мне, мешают думать, быть с Тобою. Как будто бы кому-то другому, а не мне все равно чем заполнить мой ум, только бы заполнить, и он заполняет. Какое-то бесовское горение ума, и, хотя плохих мыслей, кажется, нет, а иногда неглупые, все же они закрывают меня от себя и от Тебя. Как будто уже кончилась моя страстная неделя. Пусть она не кончится до самой смерти, помоги, Господи.

Я говорил: я сам должен отвергнуть себя. Во-первых, в четвертом выборе* через ноуменальное отношение к ты я отвергаю себя. Но кто этот я? Тожественен ли мне самому? Чистый я сам — полюс интенциального отношения, само начало интенциальности, но так же сам свободный выбор. Но не Ты ли между я и ты, тогда Ты даешь мне силу отвергнуть себя, принять Тебя. Все же я отвергаю, хотя бы в простом приятии, в акте абсолютной свободы. В каком отношении я абсолютной свободы и я сам свободного выбора? И во-вторых. «Сам» пугает меня, ведь может быть отречение от себя самого и в свободном выборе невыбора. Тогда это снова выбор, только формальный, что еще хуже: в вычищенное помещение бес возвращается и приводит с собою семь злейших бесов. И последнее для человека бывает хуже, чем первое.

Кто же я — я, любящий маму, я, любящий Тебя? Для меня это один я, я с постоянным жалом в плоть, любящий Тебя. И я грешник, противящийся Тебе, жестоковыйный, окаянный, тот же, любящий Тебя. Но любовь к маме, верность ей — что это: моя жестоковыйность или именно вера Тебе и любовь к Тебе? Мой ответ и желание Ты знаешь, помоги, Господи.

18.X. Пусть будет мне жало в плоть до самой смерти, пусть моя страстная неделя не кончится до последних моих дней, и пусть воскресением моей страстной недели будет мой последний день и воскресение к жизни вечной, если Ты дашь мне ее. Но прежде: все ее прегрешения вольные и невольные, Ты знаешь, на мне, и пусть будет ей хорошо. И просвети Лиду, помоги ей, и также Мише и также всем, и мне, окаянному, пусть сильнее будет жало в плоть, и пусть продолжается моя страстная неделя до последнего дня. Укрепи меня, Господи, в боли и в вере, дай знак Фомы.

19.X. Кладбище. Господи, Боже мой, все принимаю, все принимаю с радостью, и боль, и жало в плоть, и физические боли, все хорошо. Господи, пусть будет и ей хорошо, дай ей место в Царствии Твоем, пусть она будет в Радости Твоей, как и я, Господи, Иисусе Христе, Сыне

---

* См. библиогр. [31], с. 863—911.

Божий, как Ты был всегда между мною и ею, вместе с нами, так будь и дальше. И продли мою страстную неделю до последнего моего дня, до воскресения в Тебе, чтобы она и я были в Твоем Воскресении. И помоги Л<иде>, и М., и всем, и мне, окаянному, поддержи меня сейчас, когда у меня нет земной поддержки и мне не на кого надеяться, кроме как на Тебя. Господи, усиль мою веру, дай силу веры в боли, дай знак Фомы, сохрани меня в Радости Твоей, Радости Господина моего, помоги нам, Господи.

И за нее, Господи, прошу Тебя, и ее прегрешения вольные и невольные, Ты знаешь, Господи, на мне. И ей дай место в Царствии Твоем и примири их* там. Помоги нам, Господи, дай силу Твою в боли и в вере.

20.X. Есть два состояния: Р — это радость, переливающая через край, одна только радость и еще радость-страдание, радость и меч, пронзающий душу, рана, в которую я вкладываю перст мой, — Твоя и моя рана. В обоих случаях дистанция между мною и Богом сокращается до нуля, но в первом случае я скорее в Нем, а во втором — Он рядом со мною, и здесь отношение грешника к его Искупителю и Твое руководство. Я рассуждаю сейчас как бы извне, и все же я внутри, в Твоем руководстве. Не извергни меня вон, Господи, сохрани меня в моей страстной неделе, в радости-страдании.

21.X. Бывает, что человек слицемерит, чтобы покрасоваться. А я в мыслях сделал наоборот, то есть слицемерил наоборот. Даже не я это сделал, сделалось, я не знаю как. И стало так нехорошо, как давно не было, никогда не было, и мне казалось, что я схожу с ума. И я сказал: оставил Ты меня, нет Тебя снова, совсем нет. И стало как чудо, Ты снова здесь со мною. Когда я вспоминаю, что было 10 минут тому назад, я не понимаю ни того, что было, ни того, что стало. Было так плохо, что хуже не могло уж быть, я подумал такое, что и повторять не хочу. Не я подумал, подумалось, бес шепнул, а я испугался, отчаялся, и стало совсем плохо. Потом просил помощи и получил, почти сразу получил. Это было чудо. Я очень испугался, когда мелькнула не моя мысль[9], не я подумал, а она сама пришла, и мне показалось, что я схожу с ума. Потому что сойти с ума — это то же, что потерять Бога, то есть когда Он оставит. Я просил помощи и получил. Это было чудо. Не оставь меня, Господи.

22.X. Снова напишу, что было вчера. Было нехорошо, в особенности к вечеру. А полпервого я пошел на кухню, и вдруг мне пришла на

* Мать и Надежду Александровну, жену брата.

ум не моя мысль. Не я подумал, а именно пришла не моя мысль, ничего подобного я никогда не думал. И я стал не я, не моя мысль вытеснила меня. Я страшно испугался, я не стал что как ничто, а просто ничто, ничто второе, само ничто, так как Бог меня оставил, совсем оставил, Бога не было. Я решил, что я схожу с ума, потому что когда Бог совсем оставляет человека, он сходит с ума. Я подумал: больше ни слова не напишу, ничего не буду говорить, кроме самого необходимого, о настоящем не буду говорить, потому что я потерял его, его нет, ничего не осталось. И я стал молиться, уже ничего не зная, не понимая, в полном сокрушении. И почти сразу же стало как чудо, свершилось чудо: я ясно почувствовал, как Он снова стал рядом со мною и *вынул из меня, убрал из моего ума не мою мысль. Да святится имя Твое, Господи, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как и на небе.*

23.X. Ночью, после того как Ты убрал не мою мысль, я думал: я просил: казни меня, и вот получил казнь; я говорил: я готов быть и отлученным от Тебя ради мамы, и вот отлучен. И это было так страшно, что казалось, я схожу с ума. Чего же я хочу, чего прошу? Казалось, получил просимое — самую большую казнь — и десяти минут не вытерпел, просил освободить меня от нее, и Ты освободил.

Ты оставлял меня за мое окаянство, когда же я начинал бояться, что Ты совсем оставил меня, Ты возвращался — Ты не хочешь смерти грешника. Но тогда было другое: я не боялся, что Ты совсем оставишь меня, но Ты совсем оставил меня, вера не от меня, непреодолима, дар Твой, и Ты убрал ее от меня, я перестал быть я, не моя мысль вытеснила меня. Потеряв Тебя, я потерял себя, в ужасе я стал просить маму, просить Сына Твоего Единородного помочь мне, и, когда стал читать «Отче наш», еще не дошел, кажется, до третьей просьбы, как Ты явился и убрал не мою мысль.

Когда Ты совсем оставил меня, убрал свой дар, я стал молиться: значит, Ты не совсем оставил меня, не совсем убрал дар Свой? Потеряв веру, я стал молиться. Значит, я не верил, что потерял веру? Я боялся, что потерял веру, но оставалась надежда на Тебя? [Нет, никакой надежды не было, никакой веры. Была только вера, которая не верит, — в этом ее сила.] Значит, я все же верил Тебе, верил, что нельзя потерять веру, *хотя ее уже не было,* верил против всякой очевидности, верил, что Ты вблизи сокрушенного сердцем и не уберешь совсем дар Твой? [Нет, и этого не было.] Я не верил, ничему не верил, и все же верил.

Я потерял тогда всякую человеческую надежду, была полная безнадежность, полная безысходность, и тогда Ты пришел.

Когда Ты убрал от меня дар Твой, когда я потерял его на десять минут, меньше чем на десять минут, стало так, как будто я потерял себя, я перестал быть я. Но ведь я и должен и хочу отречься от себя. Но здесь

было не то. И я понял: я — я от Тебя, без Тебя я — не я, а я сам, и «я сам» вынести человеку невозможно. Отрекаюсь же от себя не я сам, а я, тожественный себе самому, я, который есть я, тожественный себе, я абсолютной свободы, тожественный я свободы выбора. Потому что совершает это не часть меня, а я в целом, и я абсолютной свободы есть я абсолютной свободы, тожественный я свободы выбора. И в этом тожестве я свободы выбора, то есть я сам, стало ничем, а я — уже в Тебе, я — что как ничто и Твоя воля уже моя воля. Без этого же отожествления не я, а я сам устраняю себя в выборе невыбора, и это формальное утверждение себя самого, а не устранение, не что как ничто, а второе ничто. Все это я ощутил меньше чем за 10 минут: дар, который я имею от Тебя, — дар лица, то есть личности, потеря этого дара — бесовская безличность в не моей мысли, смрад греха в свободе выбора, в жизни, вернее в смерти без Тебя, в «я сам». Казни меня, Господи, казни еще больше, но дай силу веры, силу выдержать жизнь, не извергни меня совсем вон.

24.X. Потеря блага еще больше убеждает в его ценности, если это не прихоть, а истинное благо, и я чувствую это уже второй год. Возвращение же утерянного хотя бы на 10 минут блага снова подтверждает его реальность. И хотя я и раньше, до не моей мысли, не сомневался, кажется, никогда в его реальности, сейчас я увидел как бы некоторую другую сторону реальности. Не только в чистой мысли, в боли и в бдении Ты со мной, но и когда оставляешь меня и казнишь, я еще чувствую Твою руку, поддерживающую и направляющую меня. Но когда мною овладела не моя мысль — что это было? Какое-то адское раздвоение: не моя мысль изгнала меня, кто же мучился и просил помощи? Казни меня, Господи, но не извергни меня совсем вон, вовне.

28.X. Вина моя, грех мой перед Тобою. Но Ты даешь мне понять ее как вину перед другим человеком — моим ближним, тогда это вина перед моим ближним и покаяние — его и моя реализация в Тебе. Что Ты думаешь, то и есть, и понимание, которое Ты даешь, не только понимание, но бытие. В отношении я — Ты я — грех и каюсь перед Тобою, а Ты перенес мой грех, мою вину на отношение я — ты, тогда я виноват перед моим ближним, каюсь перед ним, виноват за всех. «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» <Мф. 5, 23—24>. Это ноуменальное включение каждого в Твое домостроительство: я иду к Тебе принести Тебе свой дар, но Ты не принимаешь меня, пока я не принесу свой дар ближнему моему. Ты принимаешь меня через моего ближнего. Я иду к Тебе, но Ты не принимаешь меня, если я по дороге не захвачу с собой моего ближнего.

Отношение я — Ты стало: (я — ты) — Ты или: Я — Ты — ты. Это элемент или атом Твоего домостроительства.

Я подумал это, вспомнив мамину ноуменальную боль — Лиду. Я вспомнил три маминых фразы: одну о Лиде... другую об отношении Лиды (и М.) к маме и третью — о моем отношении к Лиде, особенно в сравнении с моим отношением к маме. Здесь уже три отношения, три ноуменальных атома, потому что Ты был между мною и мамой, и они были объединены через мамину ноуменальную боль в ноуменальную единицу уже второго порядка, если атом — первого. Я реально ощутил сейчас это включение в Твою ноуменальную систему: я — Ты — мама — Ты — Лида — Ты, от Тебя через маму к Лиде и снова к Тебе и в Тебе. Помоги, Господи, не извергни меня вон.

30.X. У меня сны наоборот: снится то, чего я не хочу видеть, вернее так, как я не хочу видеть. И сегодня на мой главный вопрос мама отвечала отрицательно: из точки можно опустить только один перпендикуляр на прямую. Я возражал: из центра окружности можно опустить бесчисленное множество перпендикуляров на окружность — я имел в виду радиусы. А потом совсем чушь: какая-то женщина говорила, что во сне осуществилась ее детская мечта: люди научились сами хорошо устраивать свою жизнь, довольны и живут совсем без Бога. Я рассердился и спросил: а потом подыхают и сгнивают?

Помоги, Господи, не извергни меня вон, пошли знак Фомы.

31.X. Я — Твое творение, в падении разделился, и добавилось — я сам; теперь я сам разделен и Твое задание мне и заповедь: отожествить я и я сам во мне [и в этом отожествлении отвергнуть само — себя самого]. Дьявол соблазняет меня утвердиться в я сам — в самоутверждении. Но это самоутверждение противоречиво: чтобы утвердиться в себе самом, я должен в свободе выбора или свободой выбора отделить от себя самого свое я, то есть я абсолютной свободы, значит, разделиться. Само же я сам — пустота и ничто. Поэтому самоутверждение — саморазделение и самоуничтожение — адская мука в не моей мысли.

7.XI. Раскаиваюсь и отрицаюсь на прахе и пепле <Иов. 42, 6>. Все в жизни для меня сейчас — прах и пепел, вся жизнь моя — прах и пепел. Помоги, Господи, не оставь меня, не извергни вон.

Если падший мир — функция моего падения, то есть извращения моего отношения к Тебе, если стержень от земли до неба, который Ты дал мне, моя лестница Иакова восстановляла первоначальное отношение к Тебе и я принимал мир, созданный Тобою, он был для меня хотя бы в какой-то степени ч т о, созданное Тобою, то сейчас, когда Ты убрал основание моей лестницы Иакова, весь мир, вся моя жизнь —

прах и пепел, ничто. Не осталось для меня никакого ч т о, кроме Тебя. Помоги, Господи, не оставь меня.

12.XI. Кладбище. Сколько я не сделал в жизни из того, что должен был сделать. Я имею в виду не то, что писал или не написал, но моих близких и прежде всего — их трех*, и все их прегрешения вольные и невольные на мне. И сколько я и сейчас не делаю, и, когда подумал об этом по-настоящему, стало страшно, и на мгновение так страшно, что время остановилось.

Я сказал в смятении своем: отлучен я от очей Твоих. Услышь, Господи, голос молитвы моей <Пс. 30, 23>. — Господи, когда я скажу: Ты услышал.

Ты услышал голос молитвы моей, когда я призвал Тебя.

21.XI. Сегодня расплата. А вчера, а позавчера, а вся эта неделя? Господи, прости, помоги, не оставь меня, Господи. Снова отлучен я от очей Твоих. Услышь голос молитвы моей, помоги.

23.XI. Как было трудно, сколько дней мучился, и вдруг Ты пришел, все убрал и трудное стало легким. Не надо ничего делать, только не мешать Тебе.

Мф. 13. 7 притч:

1. Тайна понимания и непонимания. Ничего не имел и отнималось и то, что имел, а Ты пришел и дал и приумножил. Слухом слушал и не разумел, глазами смотрел и не видел, а Ты пришел и я увидел и услышал.

2. Я уже думал, что я плевел, посеянный лукавым. А пришел Сын Человеческий и посеял во мне доброе семя.

3—4. Ничего не делать, только не мешать, и Ты сажаешь зерно и Сам растишь его.

5—6. Ты сажаешь, я же только нахожу Тебя, если все, что есть у меня своего, продам, ничего себе не оставлю.

7. Не оставь меня теперь, Господи, не извергни вон, вовне.

Тайна понимания и непонимания, но не делать категориальных выводов. Да, я не понимаю своего ближнего, это страдание, но я не скажу ему: рака, безумный, плевел, посеянный дьяволом, скорее скажу это себе <Мф. 5, 22>.

---

* Мать, отца и Надежду Александровну.

Настоящее понимание всегда, как новое: до сих пор, только что я ничего не понимал, и сейчас, только сейчас Ты мне открыл. Сейчас Ты показал мне Свое чудо, открылся в Сыне Твоем, Господи, Иисусе Христе, не оставь меня.

27.XI. Меня тянет к Тебе и тянет к ней. Два ли это тяготения или одно? «Бог не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у Него все живы. Л<к>. 20.

И второе: духовный радикализм — Кьеркегор и духовный традиционализм или конкретность* : Христос пришел не нарушить, а исполнить закон <Мф. 5, 17>. И также значение тела. Но исполняет ли закон современная церковь? И все же, когда я сегодня на кладбище зашел в церковь, я подумал: как хорошо в Доме Твоем, Господи. Помоги мне, Господи.

28.XI. <Сон.> Мама приехала из дома отдыха и рассказывает, как жила там. Потом я с мамой вдвоем. Мама говорит: я скоро умру. Я возражаю, успокаиваю, но чувствую, что это верно, неизбежно скоро будет; мне делается страшно. Мама говорит: знаешь, мне сейчас нехорошо. Мы укладываем маму в кровать, а страх и напряженность возрастают настолько, что я просыпаюсь.

30.XI. Когда приходит какая-нибудь суетная, самолюбивая мысль, как недавно, мне стоит подумать о маме, как она проходит. Но ведь за ней Ты, Господи, Ты дал мне жало в плоть, чтобы я все время был с Тобою, не оставлял Тебя. Не оставь меня, Господи.

1.XII. Сон. Я собирался к Т. Папа поддержал меня: почему не поехать, поезжай. Надя сдержанно: а может, лучше остаться дома? Маму я не спрашиваю, знаю, что будет против поездки. Я уже звонил Т., но не отвечали, потому что — я вспоминаю — перепутал номер: 2-07-59 вместо 2-05-79. Причем вызывал, как вызывают машину: говорил с телефонисткой, она не знала, как соединяют, и я объяснял. Происходило все это на старой квартире на Петроградской, и коридор был полон неизвестных мне людей — соседей. А перед этим я мыл лицо и вдруг вспомнил, что у меня на правой руке порезан палец и забинтован, а теперь бинт мокрый. Но он был грязный, все равно надо переменить. Потом я подошел к маме и вижу, что на левой руке царапина — надо перевязать. И снова вспоминаю: ведь и на правой руке ранка и забин-

* См.: Друскин Я. Религиозный радикализм и традиционализм. Индивидуализм и соборность. — 1964? — Личный архив.

Написано после чтения Кьеркегора.

тована, но бинт грязный и я замочил его, когда мыл себе лицо. То есть ранка и бинт на мамином пальце отожествились с ранкой и бинтом на моем пальце. Вместе с Надей я забинтовываю мамин палец. А потом уже было то, что я раньше написал. Кажется, каждый день снятся все трое, но большей частью так же несуразно и ни к чему, как и сегодня. Но, может, и здесь есть смысл: моя рана одновременно и мамина рана. Мама была недовольна мною, как и я сам недоволен собою. И уходить мне никуда не надо, кроме как в пустыню, и ничего не надо, кроме пустыни. И так как пустыни все еще нет — полной пустыни, то и сны большей частью не такие, как хотелось бы. Помоги, Господи, опустоши меня и наполни Собою.

3.XII. <Сон.> Я жду маму, чтобы вместе вернуться домой. Но мамы нет. Меня это беспокоит. Я иду в «скорую помощь», чтобы узнать о несчастных случаях. На полу лежат покойники, среди них мама. Я сажусь на пол, поднимаю мамину голову — мама жива, я обнимаю, целую. Потом уже мы все дома. Я пошел пройтись, думаю: но ведь на кладбище мамина могила, там гроб, в гробу тело, а мама дома, как это совместить? Но это теоретическое противоречие меня не беспокоит, меня беспокоит практический вопрос: а вдруг, я вернусь сейчас домой, и мамы снова нет?

11.XII. Снова страх, что Бог меня оставил. Не оставь, Господи.

Кладбище. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, не оставь меня, Иисусе Христе, помоги.

12.XII. Неприязненное отношение к своему разуму.

14.XII. Я чувствовал себя плохо и ночью думал: этой ночью я могу умереть, надо все продумать. Во-первых, кажется, я могу с чистой совестью сказать: меня ничего не привлекает в этой жизни, я оставляю ее без сожаления, пресытился жизнью. Во-вторых, если же я еще не хочу умереть, то ради Лиды и также ради Миши, им будет очень тяжело и трудно без меня. В-третьих, боюсь ли я смерти? Естественный, то есть природный, страх смерти если и есть, то, кажется, небольшой, слишком пресытился жизнью. Затем, страх Божий — готов ли я к смерти? Этого я не знаю. В-четвертых, что меня ожидает? И прежде всего я подумал, прости меня, Господи, прости меня, Иисусе Христе, не о Тебе, а о маме — может, я ее встречу? Всякая хула простится, кроме хулы на Духа Святого. Солгать перед лицом смерти, перед Тобою, солгать Тебе — хула на Духа Святого. Поэтому я прямо и говорю Тебе, высказываю свой грех: это уже не глупые дилеммы, которые я придумывал, а

непосредственное чувство: я прежде подумал о маме, а потом уже о Тебе — не грех ли это? Я подумал: если я умру, может быть, мне предстоит большая радость — встретиться с мамой. Но ведь тогда я уже не через тусклое стекло, а лицом к лицу встречусь с Тобою. И опять я стану оправдываться: но ведь она была и есть мой Ангел-хранитель, огненным мечом и сейчас ведущий к Тебе. Грех ли, что раньше я вспомнил ее, огненный меч, сразу же направивший меня к Тебе, или еще больший грех, что сейчас я оправдываюсь? Прости меня, Господи, прости меня, Иисусе Христе.

15.XII. Когда я обращаюсь к Богу с нуждою ли, с покаянием, со страхом Божьим или с любовью, Он для меня Ты, моя помощь, мое прибежище, мое утешение и нет никаких сомнений, никаких не моих мыслей. Но иногда мелькнет какое-то глупое человеческое измышление, когда подумаю о Нем по-человечески, вернее не по-человечески, а по-философски, но только на мгновение и становится страшно, как бывало, когда появлялось о н о*. Это от лукавого. Избави меня от лукавого.

Философский соблазн — другое. Здесь же скорее противоположный ему соблазн — от здравого смысла, от мира сего. В этом соблазне лукавый является под видом совсем глупого и пошлого черта — сама пошлость. И вот тогда и становится страшно. Спасение от этого — псалмы и «Отче наш».

Это состояние бывает редко и мгновенно. И, кажется, в нем два момента, но разделить их трудно: одно — это tremendum**, другое — формулировка пошлого черта, настолько пошлая, что даже и записать стыдно. Оба вместе можно сказать так: одиночество Бога, и это связано с тем же ощущением и страхом, которые бывали в состоянии космического провинциализма и точки, затерянной в бесконечном пространстве. Демонизм же и пошлое бесовство, может, в том, что бес, соблазняя меня, помимо моей воли вводил в меня мысль о природе Бога, причем такую глупую и пошлую, что я и понять не могу, откуда она у меня взялась. Бес, хотя и хитер, но глуп и пошл. Вообще же мысли о природе Бога — демонизм и Naturreligion; правильное отношение к Нему — как к Ты, поэтому псалмы и спасают от бесовской пошлости.

Правильное отношение к Богу не теоретическое, а практическое, то есть в молитве.

---

* См. запись 13 января на стр. 101.

** Ужасное, страшное (*лат.*).

16.XII. «Мир перед Богом»,* имманентная, сотериологическая и откровенная Троица, когда я о Ней пишу, — теория? Да, но интендированная к практике. Я исследую там не природу Бога, а в конце концов мое отношение к Нему: в «Мире перед Богом» — мое отношение к Нему как к вечному и в то же время живому Богу, Богу — Творцу, в имманентной Троице — Божественный ритм в отличие от моего несовершенного ритма, в сотериологической и откровенной Троице — Его откровение мне в онтологическом и гносеологическом отношении. Он Сам — вне всякого отношения, Сам по Себе и в Себе. И все же спускается ко мне. Тогда Он у меня, рядом со мною, во мне. Мое отношение к Нему — ноуменальное, то есть уже не отношение, а присутствие у Него и в Нем в Его присутствии у меня и во мне. То есть я у Него в его присутствии у меня.

17.XII. Израиль значит: богоборец, то есть имя народа религии — богоборец. Всякое самооправдывание — богоборчество, потому что человек всегда виноват. Но только верующий сознает глубину своего падения в своих чувствах, воспоминаниях, привязанностях и все же старается оправдать их. Не столько в чувствах, воспоминаниях, привязанностях я борюсь с Богом, сколько в попытках оправдать их, то есть оправдаться. Потому что в моем страдании в конце концов виноват или я, или Бог. Оправдывая себя, я тем самым обвиняю Бога. Прости меня, Господи, Иисусе Христе, избави от лукавого.

18.XII. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна <Мф. 26, 41>. Вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников <Мф. 26, 45>. И когда мой час приблизился 14 месяцев тому назад, я спал и почивал.

19.XII. Структура самого греха: ложь, ее отец — дьявол; слабость духа — небодрствование — духовная сонливость; самооправдывание. Эта антитроица — самосознание греха.** Господи, очисти меня от лжи, дай силу духа, избави от лукавого.

21.XII. В самооправдывании я завершаю или реализую свой грех — противопоставление себя Богу. Какую роль при этом играет чувственное удовольствие, то есть его желание?

Во-первых. Есть сверхудовольствие. Вот что я понимаю под этим: как грешник я стремлюсь не просто к удовольствию, отсутствие

---

* См. библиогр. [31], с. 740—750.

** См. библиогр. [14], с. 53—57.

которого было бы неудовольствием, но именно к сверхудовольствию, отсутствие которого само по себе не есть неудовольствие, но станет неудовольствием, когда я представляю себе возможность сверхудовольствия и его отсутствие. Это относится не только к похоти плоти, но и к похоти очей и к гордости житейской.

Во-вторых, может, и всякое удовольствие есть в конце концов сверхудовольствие, потому что при настроенности к Богу всякое удовольствие перестает быть удовольствием и его отсутствие не будет неудовольствием.

В-третьих, чувственное удовольствие. Чувственное желание самопроизвольно или возникает по внешнему поводу, то есть от соблазна? Может ли оно возникнуть самопроизвольно без прилога*, то есть без всякой мысли? Может быть, чувственность — только материальная причина желания, а я сам, моя мысль — действующая причина, бес — causa finalis? Во всяком случае мысль о желании и предмете желания, кажется, предшествует желанию. Даже если предмет желания перед моими глазами, не сам предмет желания, а мысль об удовлетворении желания, то есть прилог или соблазн, предшествует самому желанию. Concupiscentia**, или libido, — частный случай всякого чувственного желания, обычно наиболее сильный, но при длительном голоде вообще пропадает. Тогда первородный грех не concupiscentia, а всякое чувственное пожелание, даже голод. Но ведь чувственные пожелания есть и у животных, а они невинны. Всякое пожелание само по себе не грех, а только материя греха. Сам грех — духовная сонливость, затемненная и опутанная ложью и самооправдыванием.

Господи, Господи, Иисусе Христе, Ты знаешь, все мои рассуждения и размышления сводятся <к точке> или исходят из одной точки, из одной двойной точки — из моего жала в плоть, которое Ты дал мне 14 месяцев тому назад, и это Ты знаешь из того же. Пусть будет сильнее жало в плоть, в этом моя сила — Твоя сила, которую Ты мне даешь, которой я живу, которой Ты поддерживаешь мою жизнь. Усиль во мне веру, дай силу духа, дай знак Фомы, избави меня от лукавого. И прости меня, Господи, Ты знаешь за что.

24.XII. Мне снилась формула жизни. Во сне она была понятна, это была показательная функция или бином, члены которого показательные функции. Просыпаясь, я старался вспомнить ее и представлял так: $(a^x + b^x)^n$, при этом x почему-то равнялось Sch, а n, я думал, равно не то числу дней жизни человека, не то стремится к бесконечности. Конечно, снилась и мама, но запомнил только, что мама уехала уже скоро неделя, а писем нет, надо поехать за мамой, а куда — не знаю. Снилась и

* См. запись 1 октября на стр. 75.

** Сильное желание, стремление, вожделение (*лат.*).

Надя. Она спит в соседней комнате, и зовут ее не Надя, а как-то иначе. Я разговариваю с Мишей: как трудно жить, и как все непонятно. Ну чем она — то есть Надя, которую зовут иначе, — виновата, а вот смерть Нади ей тоже трудно пережить. Миша говорит: тише, она услышит. До этого снилось: я куда-то еду, и вот уже Минск. И вдруг вспоминаю: ведь я уже проехал свою станцию, сейчас сойду и поеду назад. Но я никак не могу вспомнить станцию, куда я должен попасть, — как же я буду брать билет, не зная куда ехать?

Если «куда» — пространственное понятие, то мама ушла в не-куда́. Сон о Наде: все недоразумения, которые как тяжело переживались, — тайна жизни, и никто не виноват, кроме меня, окаянного, прости меня, Господи, дай им место в Царствии Твоем, примири и успокой их. Последний сон: я пережил свою жизнь, и теперь живу не вперед, к смерти, а назад. То есть возвращаюсь назад, к концу жизни. Помоги, Господи, трудно возвращаться назад, к концу жизни.

25.XII. Когда ночью снится что-нибудь и, просыпаясь, в полусне еще вспоминаю и продолжаю думать об этом, сон и рассуждение мне кажутся настолько ясными и понятными, что и запоминать не надо. Так и сегодня во сне я думал о Троице и Святой Дух ставил в соответствие с телом. И было ясно, что так и должно быть, если вера конкретна. Но что это значит и какое здесь соответствие, сейчас не знаю; и с чем поставить тогда в соответствие Отца и Сына?

Во сне какое-то особенное значение имеет слово, вернее, состояние «вдруг»: вдруг вспоминаю... как, например, вчера во сне. В мой мир врывается внезапно какая-то чуждая мне сила.

28.XII. Без борьбы с Богом, может, и нет настоящей, живой веры в Него — Иов. В двух отношениях: у меня есть моя радость и моя скорбь, и хорошо, если радость и скорбь о Боге, но бывает, и может, часто, не о Боге и не в Боге. И если скорбь — меч, пронзивший мою душу, тот же, что пронзил душу Твоего Сына, и скорбь моя отожествилась с Его скорбью — это хорошо, но как часто они разделяются. Они разделяются, потому что я, положив руку на плуг, все же оглядываюсь еще назад, вернее я оглядываюсь еще назад, потому что люблю свою скорбь, как свою, Ты знаешь, о чем и о ком я говорю. Я иду к Тебе и одновременно бегу от Тебя к своему, к своей скорби, Ты тащишь меня к Себе, а я, как лошак несмысленный, противлюсь. Я люблю Тебя и всеми силами стремлюсь к Тебе и держусь за свое, упрямо держусь за свое и боюсь потерять его. Ты сокрушаешь мой дух и смиряешь мое сердце, и я с радостью принимаю и сокрушение, и смирение, но почему же Ты не разрешишь мое последнее сомнение — Ты знаешь о чем, о чем говорю Тебе все время, почему не успокоишь меня? Но без Тебя что я могу здесь сделать сам? Я не ропщу,

что Ты убрал ее от меня, но я нахожу, так мне кажется, во всяком случае иногда, может часто, что есть какая-то несовместность в моей скорби о ней, любви к ней и любви к Тебе, и я стараюсь оправдаться. То, что я стараюсь оправдаться, это грех, даже сам грех, это я знаю. Но я не знаю, что́ грех — сама эта дилемма или то, что я придумал ее и задаю Тебе эти вопросы? Может, и нет этой дилеммы, может, я ее сам придумал — тогда мои вопросы грех. Но еще не сам грех, сам грех — что я хочу разрешить этот вопрос и, разрешая, оправдываюсь, то есть оправдываю себя. Но, оправдывая себя, тем самым, что оправдываю себя, в глубине души, почти бессознательно, борюсь с Тобою, обвиняю Тебя. Что же Ты молчишь, почему на этот самый главный для меня вопрос Ты не даешь ответа? Как ребенка, Ты иногда берешь меня к Себе, утешаешь, как ребенка, вводишь в Свою Радость, но ответа на главный вопрос не даешь. Или я должен сам решить его? Но ведь все попытки решить его уже сколько времени сводятся к самооправдыванию и борьбе с Тобою. Или Ты хочешь, чтобы я боролся с Тобою, и, идя к Тебе, убегал от Тебя, и, убегая, приближался к Тебе? Что же мне делать? Будешь ли Ты со мною без этого постоянного мерзкого самооправдывания, без борьбы с Тобою, пока Ты, Ты Сам не ответишь мне на этот вопрос?

Я, грешник окаянный, как Иаков, цепляюсь за Тебя, несмотря на все мои грехи, на самооправдывание и окаянство, несмотря на всю мою ложь, не отпускаю Тебя и говорю: не отпущу, пока не благословишь. Помоги мне, Господи, в моем борении с собою и с Тобой, дай силу веры, усиль веру, дай знак.

30.XII. Помимо хорошего у Исаака Сирианина есть, кажется, и не очень хорошее: 1. Три степени ве́дения, мне кажется, упрощенная и не очень глубокая популяризация отчасти индусской мистики, отчасти гностической, отчасти Филона (телесное, душевное, духовное). 2. Иногда слишком эвдемонистическая апология отшельничества. Неприятно оправдание молчальника, отказавшегося прийти попрощаться с умиравшим монахом. 3. Страх потерять полученное благо — чтобы не гордиться, уверенность в прочности приобретенного блага может повести к его потере. Это отчасти верно, но, во-первых, апостол Павел не боялся потерять полученное от Христа благо и был уверен, что не потеряет его, страх и неуверенность в этом случае были бы маловерием: он не мог не верить, если Христос явился к нему и призвал его, не мог не верить Христу. Во-вторых, я знаю этот страх, иногда же — уверенность. Страх этот или страх Божий, или от маловерия и малодушия, а уверенность бывает двух родов: уверенность, что Бог не может меня совсем оставить; и самоуверенность — тогда Бог оставляет меня. 4. И здесь я уже не знаю, недостаток ли это у Сирианина и у него ли плохо или я плох и потому вижу плохое там, где его нет. Мне кажется, что его по-

учения и советы напоминают советы какого-то психоаналитика или психиатра: что надо делать и как жить, чтобы иметь удовлетворение от жизни и чтобы была здоровая психика. У меня создалось такое впечатление или явилась такая нехорошая мысль, потому что мне кажется, что в его рассуждениях есть какой-то эгоистически-эвдемонистический оттенок. Если у него этого нет, а только мне кажется, то от нечистоты моего сердца: «Кто всех людей видит хорошими и кому никто не представляется нечистым и оскверненным, тот подлинно чист сердцем». Исаак Сирианин. Слово 21.

1965

3.I. Закон создал грех. Пока я не думаю о каком-либо намерении или мысли, грех ли это, это еще не грех, вернее не сам грех. Но как только подумаю не грех ли, станет грехом. Потому что «грех я и все мои помыслы грех»*. Я виноват за всех, понял Митя Карамазов, и я виноват за всё: всякое событие, в котором я принял участие, стало из-за меня греховным, всякая моя мысль обо мне, о моем отношении к чему-либо или кому-либо, о чем-либо или о ком-либо — грех или окрашена грехом. Я замарал грехом все, к чему прикасался, все, что делал, даже хорошее.

Грех в нарушении ограничения, поставленного мною же. Но когда я до конца продумаю, я вижу: во-первых, не я, а Бог поставил ограничение. Бог говорит мне: зачем тебе это? Это лишнее для тебя, это тебе не нужно, и во-вторых, — мне ничего не нужно, все за границей. Только Бог нужен.

Если бы меня спросили, как обо мне думать, я сказал бы: если вы хотите мне добра, думайте обо мне самое худшее и говорите мне самое худшее, если хотите себе добра, думайте и говорите мне самое лучшее.

4.I. Генрих <Орлов> сказал мне: меня три дня мучает то, что было утром 2-го. Не были ли вы жестоки? Я согласился и покаялся. И здесь наступает противоречие между теоретическим и практическим. Во-первых, примат практического, вера — практическое. Во-вторых, дилемма, а всякая дилемма — грех. И все же она неизбежна. Первая дилемма: а не надо ли иногда быть жестоким? Это дилемма, потому что я поставил вопрос не риторически, а по существу и могут быть два ответа, в частном случае — утро 2-го — практически я выбрал один ответ, именно выбрал [тогда грех].

Вторая дилемма. Сложность практических человеческих отношений. Формальная неправота и по существу. А что значит по существу? И опять: прошлое не по существу. А если задето священное? Или

---

* Автоцитата из сочинения «Псалом». См. библиогр. [31], с. 660.

настоящее? Или в настоящем столкнулись два влечения, отношения, реализованные в поступке? Если один согрешил, а другой не хочет простить, хотя бы и из хороших соображений, во всяком случае из соображений, которые ему кажутся святыми? А если при этом наступает конфликт и с третьим и задето то, что для него свято? Ты знаешь, Господи, третий — это я, и знаешь, что для меня свято, и знаешь, что я не оправдываюсь, а только спрашиваю.

5.I. *B* и *C* виноваты перед *A*, *B* — более активно, *C* — пассивно и в то же время на *C* — больший грех, он causa finalis греха. *A* не простил *B* и обидел его. *C* вступился за *B*. В результате этого вступления возникли трения между *A* и *C* и оба обидели друг друга. Вот что было утром 2-го.

7.I. В <сочинении> «Трактат Формула Мира»* есть глава о моем и исключении моего: все мое — не я, значит, не мое. В ТФТ то же: только абсолютно не мое — мое, я есть что как ничто. И вот теперь все у меня как-то рухнуло, не теоретически, а практически: я не знаю, как совместить это с моей единственной ноуменальной любовью, с моей лестницей Иакова. Когда я подумаю о чем-либо, о каких-либо привязанностях к чему-либо или к кому-либо, я говорю — и не я говорю, Ты говоришь: зачем тебе это, это лишнее для тебя, не надо, — и я вижу, что мне действительно не надо этого. Но она и верность ей нужны мне. Я нахожу много доводов, больше за, чем против, но, может, потому, что я так хочу и не могу быть неверным ей? И вот, именно в этом, самом главном для меня вопросе Ты молчишь. Но поэтому я и не могу писать вещь, — я много записываю — то, что думаю, но писать вещь, исправлять написанное, пока не разрешу этот главный вопрос, — не могу. Но, может, этого и не надо? Может, это мое крушение и есть сокрушение духа и смирение сердца? Может, потому Ты и молчишь и не отвечаешь мне на этот главный вопрос? Может, именно в этом моем сокрушении и в Твоем молчании Ты не оставляешь меня, ведешь к Себе?

У меня было два устоя: мама и вещь, которую я писал, и, когда не писал, было трудно и наступала игнавия[10], но оставался первый устой, и, когда я твердо держался его, он заменял и второй, и Ты был со мною. А сейчас нет ни первого, ни второго устоя и очень мне трудно. Ты не оставляешь меня совсем, и все же трудно.

Не оставь меня, Господи.

---

* Первоначальное название — «Свердловские трактаты», окончательное — «Трактат Формула Бытия». — В трех частях. — 1944. — Отдел рукописей (ОР) Российской национальной библиотеки (РНБ), фонд 1232, ед. хр. 11.

† 3

1965.I.8—1965.IX.13

8.1. И снова тот же вопрос. Во-первых, когда я беру на себя грех другого, то ведь это реально ноуменальный акт, и я, грешник, беру свободно и добровольно грех моего ближнего на себя, как Христос, безгрешный, взял на Себя грех мира. И здесь я облекаюсь в Христа и сораспинаюсь с Ним. Тогда мой акт реализуется Его жертвой, смертью и воскресением, мой акт тогда такой же сущий, как и Его, причастен Ему, получает от Христа существование, реализуется в Нем. И в реальности моей жертвы и покаяния реализуется и я, и тот, чей грех я беру на себя в ноуменальной любви. Тогда мы оба — я и ты, грех которого я ноуменально взял на себя, — мы оба получаем существование от Сущего. Но Он вечен, и Его существование вечно, и, может, также вечно ноуменальное я — ты, если оно от Бога и в Боге. Этим не предрешается форма бессмертия, или, правильнее, вечной жизни, и я ничего не могу сказать, как сохраняется память о прежней жизни, как я общаюсь там с моими ближними, строго говоря, я не могу даже сказать «сохраняется память» или «общаюсь», потому что я не могу себе представить сохранение памяти вне времени, и общение вне разрозненности, и ограничения меня самим собою, то есть вне пространственности. К «сохранению памяти» я должен добавить: но не во времени, и к «общению» надо добавить: вне пространственности. Во всяком случае я могу с определенной уверенностью отрицать два слишком человеческих представления вечной жизни:

1. Представление той жизни во времени и последовательности, подобной нашей. Это уже натурализирование представления вечной жизни. Поэтому у евреев поздно явилась мысль о личном бессмертии — воскресении, потому что они не могли принять натуралистических и, значит, мифологических представлений вавилонян, египтян и других окружавших их народов. Вначале у евреев бессмертие относилось к Израилю как избранному мессианскому народу — и в этом тоже есть особый смысл, потому что Израиль — свидетель веры и будет существовать, пока не вернется к Христу, то есть до наступления эона Святого Духа. Затем или в то же время бессмертие относилось к Христу и тогда, через Него, уже и ко всем нам.

2. Представление той жизни, как ограниченное мною, то есть моей самостью, — индивидуально эгоистическое замкнутое созерцание Бога. Исаак Сирианин думал, что там забывается вся прошлая жизнь и нет общения святых, чтобы не было ни зависти — если другой созерцает Бога лучше, чем я, ни гордыни, если я созерцаю Его лучше других. Но неужели и в ту жизнь переносится способность к зависти и гордыне? Не есть ли это снова натурализирование вечной жизни? Это слишком человеческое представление вечной жизни, к тому же противоречит не только официальному православию, но и Старому и Новому Завету. В Царствии Небесном не только не женятся и не выходят замуж <Мф. 22, 30>, но и не завидуют и не гордятся.

Во-вторых, может ли вообще что-либо вызванное Богом к жизни умереть? Не вечно ли оно в Боге?

В-третьих, в конце концов человек верит или в дух, или в материю. Если верит в дух, то и в Дух, верит в Сущее; если верит в материю, то в несущее. Но всякое сущее вечно, как и Сам Сущий, дух, как и Дух, бессмертен и вечен. Это неточно: сущее и дух сотворены, но как только получили бытие от Сущего, приобщились к вечности и к Сущему. Приобщились ноуменально через веру и в вере, а до этого не имели бытия. То, что получило бытие от Вечного, вечно через Него же и в Нем.

9.I. Когда меня оставляют люди, меня принимает Бог, когда я совсем один, приходит Бог.

Мне никто не нужен, кроме Тебя. Через нее я пришел к Тебе. В тебе нашел и ее.

Мне никто не нужен, кроме Тебя.

Мне никто не нужен, кроме Тебя. Но могу ли я отделить от Тебя Твое Провидение, Твое руководство? Но тогда я не могу отбросить от себя те отношения, в которые Ты меня поставил, это было бы самоволием. В этих отношениях и проявлялось и проявляется Твое руководство. Если же я повторяю: мне никто не нужен, кроме Тебя, то я хочу сказать, что, когда я сейчас к чему-либо в жизни или к кому-либо привязываюсь, вернее только начинаю немного привязываться, я сразу же обнаруживаю в себе мелочность и грех. Я замарываю своим грехом все, к чему прикасаюсь. Я имею в виду себя, свое отношение к другим и к себе. Замарываю ли и других — не знаю. И еще я знаю: мне надо по-настоящему, актуально вспомнить маму и вспомнить жало в плоть, которое Ты мне дал, и я освобождаюсь от своей грязи, и тогда говорю: мне никто не нужен, кроме Тебя, мне нужен Ты. Не оставь, Господи.

11.1. Есть отношения нужные и ненужные. Во-первых, может, никаких отношений не нужно, кроме как к Тебе. И снова: что же тогда значит общение святых? И не будет ли самоволием порвать те отношения, в которые Ты меня поставил и ставишь и сейчас? Не в этих ли отношениях я нахожу Твое руководство, Твое Провидение? И не моя ли лестница Иакова, а теперь жало в плоть, направляет меня к Тебе? И не вечна ли ноуменальная любовь? Во-вторых, ненужные отношения могут стать нужными. Не переходят ли в ноуменальные? Этого я не знаю, но здесь есть соблазн двойной: 1. Нарушение молчания, желание говорить, тщеславие. И хотя стоит мне серьезно подумать о маме, о жизни, о Твоем руководстве, как эти соблазны теряют свою соблазнительность, все же иногда, может, не часто, но все же иногда появляется утерянный вкус к жизни, очень ненадолго, и так же быстро проходит, и потом еще большее отвращение к жизни, и все же иногда, редко, но появляется. А это отвлекает от Тебя. 2. Сентиментально-чувствительный бес, он тоже иногда соблазняет меня. Полного иммунитета от этих двух соблазнов у меня еще нет. Помоги, Господи, не введи меня в искушение, избави от лукавого.

13.1. О н о, или точка, затерянная в бесконечном пространстве, — это и есть страх ничто или перед ничто. Сейчас о н о проявляется как одиночество Бога и как страшное, от которого бегу и прошу сделать еще более страшным. В философии у меня было ничто второе и связанное с ним гипостазирование, но связал ли его со страхом — не помню. В «Щели и грани», в «Соприсутствии»* и еще до этого — страх был. Еще в детстве обычный сон: моя кровать в углу у стены. В соседнем углу чуть приоткрытая дверь в соседнюю комнату — столовую, там никого нет и из щели слабый желтый свет. Рядом с дверью столик и лампа с абажуром, свет слабый и тоже желтый. Столик с лампой очень медленно придвигается ко мне. Мне страшно, когда он совсем близко, я кричу от страха и просыпаюсь. В «Щели и грани» свет тоже был желтый.

16.1. Когда у меня была не моя мысль, я все же молился, молился, потеряв веру. Значит, была какая-то вера, вера, которая не верит, вера в то, чего нет и не может быть, в невозможное. И невозможное свершилось, я снова получил веру — дар Твой. Когда этот дар есть — вера одна, неразделяемая, когда нет — разделяется: вера, которая не верит; невозможное; вера — Твой дар; Ты. Вера, которая верит без Твоего дара, то есть вера, которая верит в невозможное, вера, которая не верит, — это невозможное, и она движет гору — невозможное Ты делаешь возможным. Твоя сила осуществляется в невозможном, в абсурдном.

---

* См. библиогр. [31], с. 689—692.

17.I. Все же, мне кажется, за прилог человек отвечает и прилог тоже грех. С 16.X.63 еда и не только еда, вся жизнь потеряла для меня вкус. Это не моя заслуга, потеряв свой стержень жизни, я рухнул, все рухнуло, и остался Ты один. Сегодня вечером за ужином я посмотрел на колбасу с неожиданным для меня вожделением и подумал: должно быть, это вкусно. Это было прилогом, и хотя я отверг его сразу, но все же в свободе выбора: я выбрал невыбор — это тоже выбор, то есть грех, и лучше бы я просто взял колбасу и съел бы ее, в этом не было бы греха. Через несколько секунд я уже забыл о колбасе, но все равно грех был совершен: выбор невыбора. И хотя прилог беса чревоугодия был отвергнут, но в форме выбора невыбора. Этим воспользовались и другие бесы и опутали меня вконец. Прости меня, Господи.

Не колбаса грех, не еда грех, а выбор все равно чего, и выбора, и невыбора, и, может быть, прилог и есть соблазн введения в форму выбора.

18.I. Кладбище. Твоя ноуменальная система осуществлялась через людей, меня окружавших, моих ближних. Когда же Ты убрал мой стержень жизни, мою лестницу Иакова, я потерял свой земной устой, свой устой на земле и рухнул. Теперь осталась Твоя чистая ноуменальная система без всякой опоры на земле. А я еще должен поддерживать Л<иду> и М. Не оставь меня, Господи, кто меня может поддержать сейчас, кроме Тебя.

22.I. Сон. Он упрекал ее, я защищал. Сон этот был мне очень неприятен, как и большинство снов сейчас. Если этот сон от моего подсознательного, то, значит, я хочу делать себе неприятное, причем неприятное до самого конца, самое неприятное. Но ведь так оно и есть, я просил Тебя: казни меня. Только сохрани мне веру, усиль мою веру, не оставь меня.

23.I. На одно мгновение я закрыл глаза, даже не успел еще по-настоящему вздремнуть, и точно так же, как год и три месяца тому назад передо мною встало страшное и необратимое, что случилось, стало точь в точь, как и тогда. Это жало в плоть свято, так как ведет к Тебе, чтобы я ни на мгновение не забывал Тебя.

Потом я немного дремал и, проснувшись, вспомнил, как папа после обеда, ложась на диван, говорил: разбуди меня через 15 минут, как я засну. Это связь с прошлым, с теми, кого нет сейчас на земле, — связь с вечностью, с Тобою.

30.I. Душевность — это сентиментальная чувствительность, соединенная с себялюбием, то есть эгоизм; ложь, духовная сонливость и са-

моооправдывание — у всякого человека, но в том, что люди называют душевностью, особая ложь: сентиментальной чувствительностью скрывается себялюбие, потому что трудное — любовь и отречение от своих прихотей — заменяется легким: душевно-сентиментальным отношением. Душевность и автономная этика долга — нижнее и верхнее абсолютное, то есть нетожественная сторона апории. По терминологии <сочинения> «Трактат Формула Бытия»: душевное — **это**, долг — другое **это**, то есть **то** как **это**, оба — естественные состояния, теономная этика — **то**, то есть тожество **этого** и **того**.

Если М. привлекает к себе людей, то не душевностью, а чем-то другим, а я отталкиваю от себя не отсутствием душевности, а чем-то другим.

2.II. Когда передо мною конкретно в связи с возможностью осуществления какого-либо желания возникает вопрос: а зачем тебе это, не лишнее ли? я ясно слышу, что не я ставлю вопрос, ведь я большей частью именно хочу осуществления этого желания, то есть я желаю (concupiscentia в широком смысле: не только похоть плоти, но и похоть очей и мирская гордость). Само по себе это желание, может, и не грех, но когда я слышу этот абсолютный вопрос: а зачем тебе это? не лишнее ли? я сразу вижу: лишнее, не надо. И когда этот вопрос возникает для меня в вполне абсолютной, не зависящей от меня форме, ответ мне ясен и всякое желание пропадает.* Вчера вечером этот вопрос снова явился в связи с звонком на Марсово поле**, и я думаю: действительно, зачем мне эти встречи и нужны ли и им? Я не знаю, как будет дальше, но одно я знаю: раз мне приятны эти встречи, раз я жду их, значит, они мне не нужны, лишнее для меня. Помоги мне, Господи.

4.II. Мне снилась машина, или, скорее, формула, счастья — практическая формула блаженства, и она противополагалась практически материализованной формуле временного удовольствия, снилась, конечно, и мама, и обе формулы связаны были с нею. Еще просыпаясь, я помнил и формулы, и связь их с мамой, и, как всегда, это казалось настолько обычным, что и запоминать не надо. Только когда воспоминания стали исчезать, как бы рассыпались, я подумал, что надо бы их запомнить. Но уже было поздно, они рассеялись.

6.II. Сон. Я сидел с мамой на кровати и думал: все, что было таким страшным и ужасным, прошло, было ли оно? Ведь вот я сижу рядом с мамой, она жива. Потом мы куда-то шли. У мамы какие-то ранки: на

* См.: Друскин Я. Нельзя. — 1965 г. — Личный архив.
** Там жили Мирра Мейлах и Генрих Орлов.

висках, на руках, течет кровь. Мы забинтовываем ранки, к вискам прижимаем вату, кровотечение как будто останавливается, но все же я боюсь: как бы не истекла кровью. Потом мама говорит: почему я хожу без палки? дай палку. Я подаю палку, мама говорит: ну вот, так легче ходить. Когда я проснулся и сейчас, когда я вспомнил сон, стало так же страшно, как и год тому назад. Не дай Бог, чтобы я забыл это, чтобы я забыл жало в плоть, которое Ты дал мне, которым Ты привлекаешь меня к Себе. Не оставь меня, Господи, помоги преодолеть соблазны на пути к Тебе, освободи и очисти меня от всей моей суеты.

12.II. Руку на плуг я положил давно, может быть, уже в мае 1911 г., когда мне было первое чудо, я еще не осознал его тогда, но ясно ощутил как чудо. Это было часов в 5 дня. Папа повел меня с Мишей гулять. Мы шли по Большому — Введенской — Кронверкскому — Александровскому пр. и снова по Большому. Еще не доходя до Введенской, я почувствовал, что что-то изменилось, вернее все стало другим. Я был удивлен, поражен, но что случилось — не понимал. Меня посетил Бог. Это я теперь понимаю: меня призвал Бог. Ощущение, которое было тогда, напоминало то, что бывало при Радости: я впервые вошел в Радость Господина моего. Это была не только радость, но и непонятное и удивление перед непонятным величием. Я ни у кого не спрашивал, что это значит, мне казалось, об этом нельзя говорить. Кажется, с тех пор весной и летом в солнечный день, время с 5 часов до 7—8 кажется мне таинственным и страшным. В Свердловске в это же время мне пришел на ум «Уклончивый ответ» в <сочинении> «Трактат Формула Бытия». Второе чудо летом этого же <1911> года: я почувствовал страх смерти. Я думаю, с тех пор у меня появилось самосознание.

Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад, неблагонадежен для Царствия Небесного. Положить руку на плуг мне было не трудно, потому что и не я ее положил, а Ты взял мою руку и положил ее на Свой плуг, и это всегда было моей радостью. Но я боялся сказать: не буду оглядываться назад, потому что это значит: **никогда** не буду оглядываться назад, а сказать человеку **никогда** — страшно. Только 16.X.63 я осмелился сказать и сейчас повторяю: не буду оглядываться назад, **никогда** не буду оглядываться назад. Но здесь я должен внести две поправки: 1. Конечно, и сейчас, когда я говорю **никогда**, меня охватывает страх, но это уже не страх, что я потеряю что-то земное, а страх перед словом **никогда**, страх Божий. 2. Когда я говорю: я **никогда** не буду оглядываться назад, я имею в виду строй моей жизни, строй души: я не хочу никаких изменений жизни, не хочу новых интересов, новых привязанностей, не хочу ни к кому и ни к чему в этой жизни привязываться, я хочу, чтобы всегда, до последнего моего дня, сохранялось жало в плоть, которое Ты дал мне год и скоро 4 месяца тому назад, чтобы

всегда оно вело меня к Тебе, чтобы всегда Ты был со мною. Когда я говорю, что не буду оглядываться назад, я имею в виду путь, на который я встал, на который Ты поставил меня 16.X.63. Конечно, и на этом пути я буду много раз оглядываться назад, хотя и оглядываться уже некогда. Это другое оглядывание: в пустоту, в ничто, на месте которого когда-то стояло что-то, соблазнявшее меня, а сейчас ничего нет. Зимой <19>41—42 г. я не собирался оглядываться назад и все же меня пугало это **никогда**, пугало ничто, на месте которого что-то **могло бы** стать. А сейчас ничего и не может стать. Меня больше всего пугает именно возможность новой прочной жизни. Когда я только подумаю о какой-либо возможности новой прочной жизни, мне делается еще страшнее, чем в самые страшные мгновения сейчас, страшнее, чем о н о. Я не хочу никакой другой жизни, кроме той, которую веду сейчас, а поэтому говорю: я не буду оглядываться назад, **никогда** не буду оглядываться назад, и это значит: всегда помнить мой стержень жизни, который Ты убрал от меня, мою лестницу Иакова, ставшую моим жалом в плоть, ведущим к Тебе. Но я знаю: и на этом пути есть искушения, и соблазны, и пустые мысли, и ничтожные удовольствия, и не всегда они безразличны для меня, и в этом смысле я еще оглядываюсь назад — в пустоту, в ничто, в ничто, в котором ничего нет и быть не может. Помоги мне, Господи, помоги не оглядываться назад, не вводи в искушение, избави меня от лукавого.

13.II. Страх перед **никогда**. Помимо того, что я записал вчера, здесь есть еще, может быть, три момента: 1. То, что Введ<енский> обозначал словом «окончательность» или «свершенность» (о вырванном зубе)*, необратимость, и это сводится ко 2 — к страху перед временностью, в которой что-то происходит, которая и сама есть происхождение, изменение, прехождение, не «то же самое в различном», но различное в различном. От этого и синтетическое тожество разделилось на пустое аналитическое тожество и различность — прехождение, тленность.[11] И еще здесь страх перед неопределенно долгой, как бы не имеющей конца продолжаемостью времени: человеческое **никогда** обнаруживает эту ложную бесконечность, то есть ложь самого времени. И это переходит в 3 — страх перед непонятностью вечности: я невольно заменяю ее ложной бесконечностью времени, тогда делается страшно, и в то же время знаю и чувствую ложь этой лжи. Помоги мне, Господи, осуществить мое **никогда**, исполнять мое **нельзя**, не вводи меня в искушение, избави от лукавого. Ты знаешь, Господи, от чего прошу меня избавить, освободи меня от пустой мысли, опустоши и заполни Собою.

* Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. — М.: Гилея, 1993. (Далее — ПСП.) Т. 2. С. 85.

15.II. Два взгляда: вечный — все чудо, все что встречается мне; и ограниченный, конечный — позитивизм. Ограниченный взгляд сомневается, спрашивает: мог ли Христос ходить по воде? Но для бесконечного взгляда непонятно: а почему же Он не мог ходить по воде? И Петр ходил, пока была вера, а умалилась вера и стал тонуть.

Вера движет горами. Когда есть моменты или состояния такой веры, то внешние горы просто неинтересны — это исчезающие холмики. Тогда есть внутренняя гора и вера ее движет.

16.II. Есть тщеславие в широком смысле, общее, убежденное и тщеславие мелкое, мгновенное. Второе и у меня иногда бывает, может быть, когда хочу говорить перед другими, но первого нет, и, если бы мои вещи были напечатаны под именем кого-либо другого, меня бы это не трогало. Но есть другое: когда я у Гуссерля, К. Барта или Кьеркегора нахожу свои мысли, меня это удивляет, и скорее неприятно, чем приятно. Это первое, непосредственное впечатление, а потом снова: не все ли равно. Я не знаю, от хорошего ли это, или от плохого у меня, или просто усталость: пресытился жизнью.

19.II. Сегодня, как и всегда, снилась мама, за что-то упрекала и убеждала чего-то не делать. И снова забыл, хотя и знаю, за что упрекала, — servus indignus Dei sum*, особенно позавчера, — и знаю, чего не делать, — то, что буду делать сегодня, то есть говорить, и, по всей вероятности, напрасно. Но это происходит без моего активного вмешательства в ход событий, имеющих ко мне отношение. Но сегодня хочу попробовать немного восстановить их <собеседников> против себя. Ты знаешь, Господи, что я не хочу их видеть, потому что хочу, а потому и прошу, если возможно, не вводи меня в это искушение, избави от соблазна говорить перед людьми, говорить перед кем-либо, кроме как перед Тобою. Помоги мне, Господи, servus indignus sum**, помоги, Иисусе Христе.

22.II. «Мысль изреченная есть ложь»*** — как общее суждение это все же неверно и немного даже смешно, но, когда человек говорит о себе перед другим человеком, это большей частью, кажется, верно. Так и вчера, говоря с М<иррой Мейлах>, я все же лгал, так же как и Г. <Орлов>, когда он каялся ночью. Когда я говорю не о себе, а о том, что думаю сейчас экзистенциально перед другими, например Орл<о-

---

* Недостойный раб Божий (*лат.*).

** Недостойный раб (*лат.*).

*** Тютчев Ф. И. Silentium.

выми>, я не красуюсь и не думаю о том, приятно ли мне, а только о том, что говорю. Мысль о приятности разговора если и появляется, то до или после разговора, но не во время разговора. До разговора — желание высказаться перед другим, как будто мне мало Тебя, мало жала в плоть, которое Ты дал мне. Может, к этому и присоединяется мысль о приятности, может, даже желание покрасоваться — не знаю, во всяком случае только до разговора. После разговора — некоторый стыд, что я нарушил молчание — разговор с Тобою, что я на время забыл свое жало в плоть, направляющее к Тебе. В последний раз я сказал Орловым: так как мне приятно, когда вы приходите ко мне, то я не хочу, чтобы вы приходили. Здесь не было лжи, я не хочу, чтобы мне было приятно. Значит, когда я говорю перед ними, мне приятно? Да, но мысли о приятности во время разговора нет, и я говорю не для того, чтобы мне было приятно. И вообще это не та категория. Здесь совсем другое: я хотел бы вместе сорадоваться и вместе «бояться сего славного и страшного имени Господа, Бога нашего» <Пс. 98>. Но получается все же другое, и входят соблазны, и один из них: я жду человека, чтобы нарушить молчание — разговор с Тобою. Нехорошо это ожидание. Когда я месяц ожидал встречи с М. В<ойцеховским>, чтобы обличать его, это ожидание и само обличение (у Ст<ерлигова>) было очень неприятно мне. Потом я думал: когда приятно сказать другому человеку неприятное, тогда не надо говорить неприятное, когда же неприятно, очень неприятно и не хочется говорить неприятное, тогда можно и, может, даже надо говорить. Может, так и со всякой встречей с людьми и со всяким разговором. Когда его не ждешь и не предвкушаешь, тогда можно говорить и соблазна нет, причем в ожидании и предвкушении соблазн и грех тем больше, чем выше ожидаемое и предвкушаемое, то есть чем оно духовнее. Здесь смешивается высокое с низким. Помоги мне, Господи, избавь меня от ожиданий и предвкушений, чтобы мне ничего не ждать от жизни, помоги, Господи.

24.II. Мне снилось, что я должен в ближайшие дни сдать еще четыре экзамена, чтобы снова кончить университет; я ничего не знаю, а утром первый экзамен. Было очень трудно, я не мог вынести этого бремени, упал на колени перед мамой, обнял ее, заплакал и сказал: зачем это все нужно и так тяжело?

26.II. Сон. Я ехал искать дачу. Потом я сижу с мамой, смотрю на нее и думаю: когда близкий мне человек умрет, то у меня хоть иногда явится же мысль, что он умер. Но у меня никогда не являлась мысль о том, что мама умерла. Значит, она и не умирала. Я проверял себя: может, она умерла, а сейчас снова жива, и выходило, что она не умирала. Она была больна, но сейчас поправляется. Мама говорит: мне очень

не хочется ехать на дачу. Я: в прошлом году ты была больна, поэтому мы не поехали на дачу, но с весны ты поправляешься. Мама повторяет, что очень не хочется ехать на дачу. При этом лицо у нее так изменяется, что я не могу узнать ее.

29.II. Протестантские книги и статьи, включая Кьеркегора, дали мне много, и все же это все то, что во мне есть, они открыли мне то, что я знал, хотя и не знал, что знал. Псалмы, Иов, Екклезиаст, Пятикнижие Моисеево, которые я знал раньше плохо, а также и Евангелие, которое я и раньше хорошо знал, открыли мне и все время открывают то, чего я не знал и сам узнать не мог, — не мое, а Божье. В этом их боговдохновенность. Но помимо того есть и другое: больше всего, может быть, я ищу сейчас соборности — это тоже не мое, а в протестантизме не нахожу ее. Это то, чего у меня нет и что мне надо: как Я и Отец одно <Ин. 10, 30>, так и вы будьте едины. — А в протестантизме все-таки не нахожу этого.

В прошлом году я прочел много православных книг и статей и, кроме Хомякова и Исаака Сирианина, ничего настоящего; все остальное — пелагианизм, открытый синергетизм, неумение думать, а главное: не экзистенциально. Затем, когда я их читаю, особенно католические статьи, создается впечатление, что церковь заменяет православным и особенно католикам Христа. Это уже не церковь, основанная Христом на камне веры, а церковь, заменяющая собою Христа. Конечно, я говорю о самой церкви, а не об отдельных верующих.

12.III. Эти две недели было скорее нехорошо, чем хорошо. Снова Ты меня оставил, думал я, но думал вяло, и Ты не приходил. Единственное, что меня поддерживало, — это воспоминание о не моей мысли, которую Ты послал мне осенью. Это неверно, не Ты послал; Ты совсем оставил меня, и тогда она вошла в меня, пока Ты не убрал ее. И тогда Ты переплавил меня, вложил в меня новое сердце и новый дух. И снова Ты был α и ω, первый и последний. И когда вчера я подумал об этом с силой, Ты снова вернулся ко мне. Сохрани мне, Господи, эту силу, пусть будет она сильнее, вложи в меня новое сердце и новый дух, не оставь меня, Господи, Иисусе Христе.

17.III. Когда в 1911 г. Ты взял мою руку и положил на Свой плуг, Ты дал мне лицо, то есть личность, она от Тебя. С этого начинается мое самосознание, это первая ступень самосознания — как первый рассказ о творении человека: Ты сотворил меня по Своему образу и как Свое подобие. Но с первого же дня рождения это подобие — Твой ритм, Святой Дух — было повреждено моим грехом. Поэтому первая ступень моего самосознания еще не полное самосознание. Грех повлек за

собой смерть, завершение самосознания — сознание своего греха, это как второй рассказ о творении человека. Но раньше явилось сознание следствия греха — страх смерти, который Ты дал мне почувствовать через месяц или два после первого чуда (В. Гюго. Восставший раб). Моя кровать была у окна и расположена на запад. С того дня каждый вечер, ложась в постель, я смотрел в окно и каждый вечер думал: вот сейчас солнце зайдет и сегодня уже солнца не будет. И так же неминуемо, невозвратимо и окончательно, как сейчас солнце зашло и сегодня уже не встанет, так же неминуемо наступит день, когда я невозвратимо и окончательно в последний раз вздохну: в последний раз выдохну воздух, а вдохнуть не смогу, и это смерть, неминуемая, окончательная. С тех пор 10 лет у меня был страх смерти, особенно перед сном, до тех пор, пока Ты не дал мне веру. И об этом я тоже никому не говорил, я боялся сказать это, мне казалось, об этом нельзя говорить. Но до того, как Ты дал мне веру, Ты подготовлял меня. Как у меня явилось сознание моей греховности и вины, я не помню, мне кажется, после Твоего первого и второго чуда у меня появилось некоторое ощущение нечистоты и своей также. Во всяком случае, вскоре появилось то, что Л. называл тоской по абсолюту, а она, хотя бы смутно, предполагает сознание неполноты и несовершенства. Л. думал, что всякая страсть к коллекционированию есть сублимированная тоска по абсолюту, ведь настоящий коллекционер, коллекционирующий со страстью, стремится собрать все предметы из тех, что он коллекционирует. Я стал собирать марки. Но вскоре я бросил это и стал коллекционировать жуков. Но годам к 13, может, к 14, я подумал: все равно ведь даже за всю свою жизнь я не смогу собрать всех жуков, то есть жуков всех видов, какой же смысл тогда в коллекционировании жуков? И я бросил это дело. Тогда же я прочел «Происхождение видов» Дарвина. У меня явилась новая мысль, я понимал, что это дело на всю жизнь: составить родословную жизни на земле от первых живых организмов в допотопное время до человека. И тут у меня явилась мысль о возникновении жизни вообще. Сейчас не помню этой мысли, помню только, что я рисовал какие-то треугольники, совмещал их и получалось неполное совпадение. Мне кажется, это был уже первый намек на то, что Ты открыл мне позже, лет через 15: небольшая погрешность в некотором равновесии[12]. Кажется, и в ТФТ у меня есть что-то о неполном совпадении.

Вскоре я понял, что и это дело неосуществимо для человека, человек не может составить полной родословной жизни. Потом началась революция, и я почти сразу же увлекся марксизмом. Это был, может быть, самый мрачный период в моей жизни и продолжался года 3 или 4. Сейчас я нахожу и в этом Твою руку, я вижу, что Ты вел меня. Что привлекало меня в марксизме? Во-первых, Рай на земле, во-вторых, принцип систематичности, и первое и второе — это снова мечта о

абсолютной полноте и совершенстве, во-первых, практически, и во-вторых, теоретически, причем совершенстве, осуществляемом человеком своими силами, независимо от Тебя: «своею собственной рукой». Но, кажется, уже весной 1917 г., когда я прочел «Женщину и социализм» Бебеля и книжку о фаланстерах Фурье, мне показался этот земной рай, это совершенство, осуществляемое «своею собственной рукой», настолько тоскливым, нудным и беспросветным, что мне стало страшно. Этот страх оставался, пока я не покончил с марксизмом, кажется в 1920 г., в крайнем случае не позже 1921, когда я готовил и читал доклад о марксизме в семинаре у Лосского. Уже когда я писал доклад, я чувствовал, что концы у меня не сходятся, чувствовал, что нет полноты и непротиворечивости системы, и даже думал: честно ли будет, если я все же прочту этот доклад, не правильнее ли будет просто сказать, что я не могу построить полной и непротиворечивой системы марксизма. Это снова первый намек на невозможность полной и непротиворечивой системы (Критерий II)*. Все же доклад я читал, он занял 2 часа. Следующие 2 часа было обсуждение. Что там говорилось, я не помню, помню только, что Лосский сказал мне: это не марксизм, ваша система близка к философии Марбургской школы. Тогда я еще не знал Когена. Сейчас я понимаю, моя система была той же сублимацией тоски по абсолюту: вывести из одного принципа систему всей жизни, всей культуры. Это была последняя попытка построить идеальный мир «своею собственной рукой», и она тоже рухнула, как и прежние. Теперь, когда Ты довел меня до последней попытки построить своим умом идеальную систему и идеальный мир и разрушил все мои построения, сломил мою гордыню, я был почти готов, чтобы принять Тебя. Но и все эти попытки, и мои построения, которые Ты разрушал, были — я вижу сейчас — путем к Тебе. В 1911 году Ты явил Себя мне, призвал меня и я пошел к Тебе. Ты вложил в меня тоску по Абсолюту — по Тебе, но ветхий Адам во мне, соблазняемый дьяволом, вел меня к Тебе по неправильному пути, по пути, который уводит от Тебя. Ты не вмешался сразу, не направил меня сразу, не избавил меня от ошибок и страданий, чтобы я абсолютно свободно пришел к Тебе: многими страданиями надлежит нам войти в Царствие Божие. Но и тогда, когда Ты разрушил последние построения моих рук, Ты еще не сразу открылся мне. Я уже почувствовал Тебя, поверил Тебе и все же блуждал еще около 10 лет, пока Ты, наконец, не открыл мне Своего пути, Свою Благую весть. — Это было в то время, когда я писал «Щель и грань» и «Соприсутствие». Но еще долго, уже на пути к Тебе, я оглядывался назад, пока, наконец, 16.X.63

* См.: Друскин Я. Исследование о критерии. — В двух частях с Добавлениями. — ОР РНБ, ед. хр. 6. Возможно, речь идет о второй части.

Ты не дал мне жало в плоть и мне уже некуда оглядываться назад. Помоги мне, Господи, Иисусе Христе, поддержи меня, освободи меня от всех моих пустых мыслей, чтобы я ничего не ожидал от этой жизни, ничего не ждал, дай мне силу всегда быть с Тобою, дай мне Твой знак, знак Фомы, не оставь меня, Господи.

Вот дальнейшие периоды или вехи моей жизни под Твоим руководством и с моей жестоковыйностью:

1928—29: «Щель и грань». «О Критерии».*

1932: Сон о Георге.[13] Вестники.**

1934. 17.VIII <смерть отца>.

1941. VI <война>.

1960. V—VI.***

1962. 12.I <смерть Н. А. Друскиной>.

1963. 16.X <смерть матери>.

Еще я забыл написать: в мрачный период 1917—1920 помимо марксизма у меня было еще другое увлечение, которое я считал незаконным, — символизм, декадентство. Мне нравились стихи символистов и декадентов, русских и французских; я чувствовал какую-то раздвоенность в себе: как марксист, я должен был отрицать символизм и декадентство, считать это идеологией разлагающегося класса буржуазии, и в то же время эти стихи мне нравились. Мне неприятна была эта моя раздвоенность, перед собою я не скрывал ее, но другим не говорил и как преодолеть — не знал. Сейчас я знаю: только когда Ты даешь мне Твою живую веру, только тогда нет раздвоенности.

Еще характерно, что я увлекался не только марксизмом, но и марксистами. Они были для меня идолами. Мне бывало неприятно, когда я узнавал что-либо нехорошее или некрасивое о Марксе, например его хамское отношение к Вейтлингу, и также, когда я прочел, что у Бебеля была мастерская и наемные рабочие, а он был хозяином, то есть капиталистом, а проповедовал коммунизм. Я верил не только в учение, но в человека, я нуждался в человеке, и Ты привел меня осторожно, не насилуя меня, к совершенному Человеку, к Богочеловеку. Помоги мне, Господи, Иисусе Христе.

25.III. Сон. Мама мне: что с тобой стало, ты совсем изменился. Я: нет, это ты изменилась. Мама: ты стал другой, ты с ума сошел, ты стал совсем другой. Я: нет, это ты стала совсем другой. Мама: ну, давай

---

* Первая редакция «Исследования о критерии».

** См. библиогр. [31], с. 758—811.

*** См. библиогр. [33], с. 455—457.

помиримся. Мама обнимает, крепко целует меня. Я думаю: как хорошо, как хорошо, что мы, наконец, помирились.

В 8 утра я проснулся и подумал: этой ночью мама не снилась, значит, еще будет сниться, заснул и, вот, был сон. Мне кажется, это не просто сон, а что-то изменилось и я должен это помнить. Это примирение больше чем сон. Долгое время часто я видел во сне маму не так, как мне хотелось бы видеть. Но это было отражение меня на маму, и, как бывало иногда и в жизни, я был виноват и не понимал этого, а мама тогда сердилась на меня. Это была моя вина, а сегодня она простила меня, как прощала и при жизни. А за нею Ты, Господи, помоги мне, Иисусе Христе.

26.III. Примирение — это не значит, что жало в плоть стало слабее, наоборот, сильнее. Примирение — это значит: еще сильнее возненавидеть свою жизнь и свою душу, еще меньше оглядываться назад в пустоту и в ничто, ни на мгновение не забывать моего жала в плоть, за которым Ты, Господи, помоги мне, Иисусе Христе, пусть будет бремя Твое тяжелее, тогда оно легко и иго Твое — благо.

28.III. Только после войны и особенно с 1950 г.* у меня в философии появляется ты и я — ты (экстенсивное не я), а не только я — Ты. И только с 16.Х.63, когда я потерял мое ноуменальное ты и остался совсем один, я понял смысл и значение ты — ноуменальное отношение.

2.IV. Все ереси, кажется, воплощены во мне телесно. Как Несторий, я слишком сильно разделяю в себе телесное и духовное и не могу их объединить. Как гностик-либертинец, я часто недостаточно глубоко чувствую плотский грех. Как монофизит-докет, я часто брезгливо отношусь к телу своему и, что хуже, своего ближнего. Хотя брезгливость я преодолел уже в молодости, но брезгливость к телу сидит где-то глубоко во мне и иногда проявляется, причем как-то амбивалентно: по-несториански разделяю тело и дух, и по-монофизитски временами бывает отвращение к телу и к телесному. От этого же, я думаю, у меня какая-то скрытая склонность к сентиментальности — это скорее несторианство, но еще больший страх перед сентиментальностью и душевностью — это скорее монофизитизм. Но ведь духовность не отрицает хорошего, даже душевного отношения к людям, пример — апостол Павел. А я этого не умею, бездарен в этом отношении. Мой страх перед душевностью доходит до того, что в своих вещах и в письмах к близким я никогда не ставлю восклицательного знака.

Из этого следует, что ереси действительно грех, а не только теоретическая ошибка.

---

* См. примеч. 2.

6.IV. Ненаписанный рассказ Д. И. о чуде (человек перед шкафом).[14] Человек ждет чуда, а оно перед ним, он живет в нем, но не замечает его. И вдруг видит: чудо уже свершилось и сейчас свершается, сейчас чудо. Сколько времени я ждал Тебя. А Ты все время со мною. Я вошел в Радость Господина моего.

10.IV. Langeweile* — длинное время. То есть само время и есть скука; развлекательность — его заполнение, мгновение — его устранение, то есть несущность времени.

12.IV. Я с мамой были у Лиды. Но как это было — я забыл. Мое забывание снов, может, от слабости духа. Потому что и этот сон имел значение — постоянное мамино желание и ее жало в плоть. Но хотя я и забыл Was** этого сна, но его Daß*** я запомню. Помоги мне, Господи, помоги, Иисусе Христе, может, эти сны — знак Фомы, а у меня глаза отяжелели и я сплю. Разбуди меня, дай силу бодрствовать, дай постоянную силу веры.

13.IV. Мне кажется, неверующих мало. Из тех, кто называет себя неверующими, большинство, я думаю, не понимают, что говорят. Я имею в виду здесь не определенную веру, а скорее неопределенное религиозное чувство, чувство абсолютности или хотя бы ощущение некоторой абсолютности своего строя души — кармы. Буддийское бессмертие не предполагает сохранения самосознания, самосознание — только одна из дхарм; сохраняется, то есть бессмертна, карма — строй души.

16.IV. Я всегда помню и все же почему-то не записывал:

1. Мама говорила мне в последние годы: если бы не ты, я разучилась бы говорить. Это связано с маминым жалом в плоть.

2. Летом 1963 г.: мне неприятно, если ты думаешь (или будешь думать), что я неверующая. — Это было сказано не в состоянии блаженства, но и не в естественном состоянии, а в состоянии какой-то серьезной и сосредоточенной глубокой боли.

Мамин религиозный путь:

17.VIII.34.****

1941—42. Эвакуация. Чаша***°; ночь, когда мы были вдвоем, Лида уже уехала в Свердловск.

---

* Скука (*нем.*).

** Что, что-нибудь, кое-что (*нем.*).

*** Что, чтобы (*нем.*). Здесь, вероятно: смысл, суть.

**** Смерть мужа.

***° Село в Челябинской области, куда эвакуировалась наша семья.

1950. В больнице. В первую ночь врачи считали, что мама безнадежна. Мама понимала это, была очень спокойна и тиха и сказала мне ночью: ты не огорчайся, врачи тоже ошибаются. Это была вера, и потому мама выздоровела. Через несколько дней тоже ночью; мама все время молчит, потом сказала мне: мне кажется, я схожу с ума. Тогда и началось то, что мудрые века сего называли ненормальностью, но это было mysterium tremendum*, временами одержимость, о которой я писал, временами тихая мудрость, временами блаженство и блаженность. Через месяц или два после этого длинный разговор с мамой ночью и утром: мама заболела тогда потому, что хотела умереть, чтобы не мешать Лиде, вышедшей тогда за Митю. Длинный разговор о том, что мама должна жить.

1954—1955. Осень—зима. Я помню, как мы приехали в город. Вещи еще не приехали, мама в полном еще сознании сидела молча, сосредоточенно. Это было как предчувствие того, что вскоре произошло. А произошло это ночью, во время грозы. Тогда и начался второй период или приступ так называемой ненормальности. Но это не ненормальность, а прикасание к другому миру. Мистическое время.

1960. Апрель — май и все лето. Ощущение Тишины. Тогда же мама сказала: зачем спорят? я могу остаться при своем и без спора. — Свое без спора — Бог: мое не мое. Я сам — свое со спором, я сам и есть постоянный спор с ближним и с Богом. (Если я говорю: я спорю ради истины или ради справедливости — это лицемерие; я спорю, чтобы утвердить свою волю, себя самого.) Тогда же мама добавила: раньше я тоже спорила. — Когда же собиралось несколько человек, у мамы появлялось какое-то недоумение, непонимание и чуждость, как это было на моем рождении. Как будто бы мама не понимала, зачем столько говорят и всё — ни о чем. Тогда же временами стало появляться враждебное отношение к ...**, которую раньше мама очень любила. Иногда мама говорила: против ... я ничего не имею, но ее сестру не хочу видеть, то есть ... раздвоилась у мамы. И снова это было какое-то прозрение: 1. Ощущение моей вины — мое недолгое и глупое увлечение ... и дальнейшее. 2. Какая-то антиципация ... 1963 года, то есть такой, какой она открылась впоследствии.

Последние годы: длинные разговоры с мамой.

Раз мама сказала Жене***: сколько я прошу Бога по-еврейски и по-русски, чтобы Он взял меня, а Он не слушает.

---

* Ужасная тайна (*лат.*).

** Имя зачеркнуто в рукописи.

*** См. примеч. на стр. 31.

И наконец:
Либер Готт. Готтеньки. Обрах Монес. Афтун.

20.IV. На кладбище я молился за них обеих* и просил, и если просимое исполнится, то: 1. Исполнится и без моей просьбы. 2. Не исполнится без моей просьбы. Это нужно для них и нужно для меня. Молитва — это не только ноуменальная связь с Богом, но через Него и с моим ближним и с теми, кого Он взял к Себе.

21.IV. «Это чудовищное животное (tierische**) утешение, будто время все изглаживает... это самое невероятное — все забыть. Бог ничего не забывает» (Кьеркегор). Несколько дней мама не снится мне. Да не будет этого, Господи.

24.IV. Две ночи снова снится мама, а глаза у меня отяжелели, и я сплю. Разбуди меня, Господи, чтобы я бодрствовал, дай знак Фомы.

2.V. И сегодня был хороший сон, и с мамой, и опять не запомнил. Снова сплю. Чтобы проснуться, надо запоминать сны. А я не могу, глаза отяжелели. Разбуди меня, Господи, разбуди, Иисусе Христе, дай знак Фомы.

3.V. Помимо всего, мама была еще постулатом осмысления и освящения этой жизни, то есть эмпирической. А сейчас я, как душечка у Чехова, не знаю что к чему. То есть все в этой жизни потеряло интерес и некоторую прочность. Но не так ли и должно быть, чтобы одно только было прочное — Ты, Господи.

Я зачеркнул «принцип» и написал: постулат, потому что один принцип, одно начало — Ты, а мама была постулатом регулирования этой жизни и для меня, и для нее — во славу Твою.

Снова какая-то ошибка у меня или грех. Ведь я еще живу или существую. Пусть негде приклонить голову, пусть все непрочно, но в этой непрочности должна быть Твоя прочность. А я снова запутался, помоги мне, Господи.

7.V. Cogito, ergo sum.*** Кто-то из современных поправил: cogito, ergo dubito,**** конечно, экзистенциально. Если же не сомневаюсь, то еще не думаю, тогда скот несмысленный. — Это теоретический путь.

---

* Мать и Надежду Александровну Друскину.

** Животное, звериное; зверское, жестокое (*нем.*).

*** Я мыслю, следовательно существую (*лат.*). (Декарт.)

**** Я мыслю, следовательно сомневаюсь (*лат.*).

Практически — золотое правило: понять, что я ничто, чтобы всем был для меня мой ближний, за ним — Ты. Но самоудовлетворение или самоуважение (автономная этика) — неуважение своего ближнего. Помощь ему только по долгу — обидна для него. Не долг ему нужен, а любовь.

Со вчерашнего дня до 2 часов ночи и сегодня какое-то бесовское парение мыслей, даже кладбище не помогло. Освободи меня, Господи, от пустой мысли, опустоши меня и наполни Собою. Разбуди меня, Иисусе Христе, чтобы снова бодрствовать, дай знак Фомы.

10.V. Исход. 13, 21—22. Господь же шел перед ними днем в столпе облачном, чтобы указывать им путь, а ночью в столпе огненном, чтобы светить им, дабы идти и днем и ночью. Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица народа. — И мне Ты посылаешь столп облачный днем и столп огненный ночью, дабы идти мне и днем и ночью, а у меня глаза отяжелели, и я сплю. И сегодня ночью Ты послал мне столп огненный и мне снился сон, а утром помнил только: столп огненный и в нем мама. Разбуди меня, Господи, разбуди, Иисусе Христе, дай силу бодрствовать.

16.V. <Сон.> Я выполнил какую-то работу, мне говорят: это вы заработали на похороны? — Нет, отвечаю я, пока не собираюсь хоронить. — Выхожу на двор (мы в первом этаже) и вижу: отъезжает какая-то телега или скорее подвода, на ней два маленьких гробика — просто два ящичка — его <отца> хоронят — без моего ведома. Но почему два ящичка? В ужасе догадываюсь: они разрезали его пополам. А мама еще не попрощалась с ним; он умер неделю тому назад. Я кричу: остановитесь, сегодня не будем хоронить, надо еще купить гроб. — На этом я проснулся и несколько раз повторил сон, чтобы не забыть. Потом заснул и сон продолжался: он (то есть папа) говорит мне: похорони его (то есть тоже папу) сегодня, только ничего не говори маме; он беспокоится за маму. Я думаю, как похоронить, если он, или его тело, в двух ящичках. Потом соображаю: возьму машину и отвезу в машине. Я еду на кладбище. Но на каком хоронить? Лучше, конечно, на Серафимовском, там уже мама лежит, но там не хоронят. Придется на Смоленском, может, разрешат в той же могиле, где он лежит.*** На этом я и проснулся.

В этом сне мама удвоилась: одна жива, другая — на Серафимовском кладбище, а он утроился: один — на Смоленском кладбище, другого я собираюсь хоронить, третий — живой.

---

* В действительности наоборот: тогда хоронили на Серафимовском, Смоленское было закрыто.

19. V. Когда моя возможность уходить из дома днем или вечером и возвращаться когда захочу, была ограничена, мне хотелось иногда уходить из дома (в гости). Когда же я получил полную свободу уходить и приходить когда хочу, мне расхотелось уходить из дома, особенно невыносимо это для меня по вечерам.

23. V. В вере, которая не верит, снова Ты — causa finalis, последний субъект. Ведь я потому и «возопил громким голосом», что Ты убрал от меня Твою веру, Ты — causa finalis моего вопля. Помоги мне, Господи, разбуди меня, Иисусе Христе, и, если для этого нужно, чтобы Ты покинул меня, покинь меня, оставь меня совсем, как это ни страшно, чтобы я, возопив громким голосом, снова вернул Тебя, проснулся и всегда бодрствовал. Помоги мне, Господи.

25. V. Мне снилась мама, а потом этот сон перешел в абстрактный сон: мне снилось завершение и конец, я должен был вдохнуть в себя конец, и это вдыхание было одновременно вдыханием меня в конец. То есть вдохнуть в себя смерть и вдохнуть в смерть жизнь [— или себя в смерть?]. Просыпаясь, я еще в полусне думал: 16.X.63 вечером я должен был дышать маме в ноздри.

26. V. Лютер. Толкование книги Бытия. Гл. 32. О борьбе Иакова с Богом: сила его веры в слабости его веры. Но это и есть вера, которая не верит. Господи, Иисусе Христе, дай мне слабость веры, чтобы была сила веры, нехорошо мне сейчас, очень нехорошо.

4. VI. У Исаака Сирианина есть просто ошибки и иногда грубые, например о будущей жизни, и все же в нем нет соблазна, как в Лютере. Хотя именно Лютер в 16 в. освободил христианство от мертвой буквы и от морализирования, у него есть соблазн имманентизма, и сейчас меня мутит от этого невыносимо, не от Лютера, а от имманентизма, соблазн которого вошел через Лютера.

Я не могу еще точно сказать, в чем этот соблазн: между Богом и мною — пропасть, и эта пропасть заполняется только Богом, а все остальное — от лукавого. Лютер понял это и все же не всегда заполняет ее Богом, иногда и своими человеческими мыслями и делами. Между Божьей волей и моей — пропасть, и выход один: Божья воля — чтобы Божья воля стала моей.

Когда я читаю у Лютера о слове Божьем и о проповеди, иногда я вспоминаю керигму Бультмана, затем Зиммеля, затем Фейербаха и становится очень нехорошо. Но, может, это и не Лютер, а я виноват, потому что все еще нехорошо, очень нехорошо.

Лютер все время говорит о Христе, и хорошо говорит. И все же: Христос не делал скидки на человеческую слабость, но и не осуждал грешника. А Лютер делает скидку на человеческую слабость и все же осуждает многих. Когда я читаю Евангелие, открывается небо и я вижу Ангелов, сходящих на землю, слышу Бога, вижу бесконечную пропасть между Ним и мною, и Христос Сам заполняет ее, Ты заполняешь Собою мою пустоту. Тогда невозможное для человеков возможно для Тебя и Ты Сам делаешь во мне то, что для меня невозможно. Помоги, Господи, очисти меня от мути, заполняющей меня.

5. VI. Соблазн во всем, мутит от всего, кроме Евангелия и Библии, очищают: Евангелие, Пятикнижие, Пророки, Книги Руфь, Ионы, Иова и особенно Псалмы. Но в исторических Книгах Библии тоже есть соблазны, например Книга Иисуса Навина, Книга Судей. Даже в Пятикнижии есть места соблазнительные. Но в Псалмах даже соблазнительные места уже не соблазняют меня. Как представлять себе Бога? Так, как сказано в Псалмах, — практически: Ты, Который всегда передо мною, Ты, иногда гневающийся на меня, иногда оставляющий меня, но никогда не оставляющий меня совсем; я бегу от Тебя, борюсь с Тобой и возвращаюсь к Тебе; отталкивая меня, Ты притягиваешь меня к Себе, оставляя, приходишь ко мне. И наконец самое страшное — Ты совсем оставил меня, чтобы я возопил громким голосом, и Ты сразу же вернулся. Господи, помоги, мутит меня невыносимо.

6. VI. Мутит, а я все это время не брал ни Евангелия, ни Псалмов. Почему? Не хватает силы духа. Но что это значит? Паралич сердца или страх? Чего? Но не чего, а от чего: от лукавого. Господи, не введи во искушение, избави от лукавого.

Мутило, и я пошел гулять. Пока ходил, еще ничего, а сел, хуже стало. Раньше я любил природу, хотя иногда и боялся, но с 1934 г. страх почти прошел, а сейчас не люблю: и мутит сильнее и жало в плоть сильнее. Мама говорила: не тот червь, которого мы едим, а тот, который нас ест. И он ел меня. Я сказал: ма кар — не ешь, но он все же ел. — Я ел себя.

Блаженства. Нищета духа. Надеюсь, Господи, что есть, хоть немного; но мало, оттого и ем себя. Плач. Иногда бывает, но редко, иногда застыжусь. И вот хочу плакать, а слез нет, и высушенная пустыня душа моя, опустошает и ест меня. Кротость. Не знаю, Господи, Ты знаешь, тоже, должно быть, мало. Алчущие и жаждущие правды. Ты знаешь, Господи, алчу и жажду, а силы мало. Дай силу. Милостивые. Кажется, никого не осуждаю, сознательно не осуждаю, а в мыслях и в мечтаниях осуждаю. Освободи меня от мечтаний, от бесовского парения мыслей.

Чистое сердце. Этого блаженства больше всего мне не хватает, прости меня, Господи, прости, Иисусе Христе, дай чистое сердце, вложи новый дух. Миротворцы. Ты знаешь, не выношу ссор, не люблю споров, а когда начинаю мирить — хуже получается, нет у меня таланта к миротворчеству. Но здесь, я думаю, и другие грехи скрыты. Изгнанные за правду. Никуда меня не изгоняли, и все же я один с моим жалом в плоть, один с Тобою. И здесь тоже грех мой: бедность моей любви, исчерпал я ее всю в моей лестнице Иакова, вся она в моем жале в плоть, которое Ты дал мне 16.X.63. Прости меня, Господи, Иисусе Христе.

18. VI. Кладбище. Господи, благодарю Тебя, смягчил Ты мне сердце, омочил мою пустыню, дал слезный дар, убрал пустую мысль, благословенно имя Твое, Господи.

19. VI. Мне снилось, что Святая Святых в храме и Ковчег — единство небесного и земного или предчувствие ответа на вопрос: cur Deus homo?* Но как это было, во сне забыл.

22. VI. Добавление к «Рабской воле»**: о свободно выбранном и абсолютно свободном отношении к своему ближнему. Конечно, я имел в виду мое отношение к маме и ее ко мне. Тогда я не мог это формулировать, Ты открыл мне смысл и сущность ноуменального отношения, убрав ее от меня. Теперь я знаю его в моем жале в плоть. Помоги, Господи, переносить его, пусть оно будет сильнее, дай знак Фомы.

23. VI. Внешне как будто расширяясь, на самом деле круг сжимается. Помоги, Господи.

24. VI. Все больше открывается мне лицо греха, грех естественного мира без благодати. Этот грех я чувствую в себе, он идет из меня наружу, я вижу его на лицах людей, которых встречаю на улице, на всем; на всем проекция моего греха.

Все сильнее сжимается круг, помоги мне, Господи.

25. VI. Хотя естественный мир проникнут чувственным грехом — жестокость, причинение боли, насилие, изнасилование, — все же это не сам грех, скорее видимость, создаваемая самим грехом, и две формы ее:

мир пузырей, мир людей лунного света, как я это увидел раз во время мировоззрения в носу***, войдя в трамвай;

---

* Зачем Бог стал человеком? (*лат.*).

** Друскин Я. О рабской воле и абсолютной свободе человека. — 1965 г. — Личный архив.

*** См. также два последних абзаца этой записи на стр. 121, 122.

и противоположное ему: рот — дыра на лице, лицо греха, застывшая судорога, — недавно, и тоже войдя в трамвай.

Вчера вечером я произвел в себе некоторый сдвиг и вторая форма чувственного греха заменилась первой, и, хотя в первой форме нет соблазнов в обычном смысле, все же и это основано на чувственном грехе, так как есть брезгливость — античувственная чувственность, antilibido, вторая форма — libido. Потому что святость вне libido и не боится его. Апостол Павел: приветствуйте друг друга святым целованием.

Это снова подтверждает, что всякое удовольствие — сверхудовольствие и даже, если объект моего желания перед моими глазами, желанию предшествует мысль о возможном удовольствии от удовлетворения желания, то есть для меня первичное уже не желание, а мысль о возможном желании, вернее о удовлетворении желания, тогда возникает и желание. Поэтому каждый мой акт, мое намерение, мое решение, все равно похвальное или предосудительное по человеческим понятиям, libido или antilibido, всегда греховно — акт свободного выбора, сам грех и есть свободный выбор. Детерминизм формы свободного выбора в том, что я сам выбираю, я сам и есть выбор, необходимость выбора, и что бы я ни выбрал — выбор или невыбор, — выбираю выбор — себя самого. Как детерминированный — рабская воля. «Я — Путь, Истина и Жизнь», «Истина сделает вас свободными», то есть освободит от детерминизма или рабства свободного выбора. Освободи меня, Иисусе Христе, помоги мне, трудно мне очень сейчас.

Я прочел: Кальвин не просто сжег Сервета, а два часа медленно поджаривал его. Сервет кричал, просил поскорее убить его, а Кальвин любовался его мучением. Что это?

Боль бытия, духовная и физическая. Фрейд говорит: два основных подсознательных стремления: причинить боль себе, убить себя и причинить боль другому, убить другого. Это естественный человек без благодати: удовольствие от причинения боли себе и другому, второе — чувственная форма чувственного греха, то есть чувственной сублимации или чувственной видимости греха. А первое? Во всяком случае в некоторых формах аскетизма при страхе перед телом, даже своим, это сублимация того же чувственного греха. Я не против аскетизма вообще, а против аскетизма в свободе выбора. Если остается страх перед телом, моим или другого человека, и брезгливость, то это античувственная чувственность, то есть снова чувственная форма греха — античувственно-чувственная. Раз есть еще страх, есть и грех. Христос освобождает от страха.

У Игн<атия> Брянчанинова я прочел об одном монахе, который перед смертью сказал: 30 лет я боролся с соблазнами и вот только сей-

час победил их. А если бы этот монах не боролся 30 лет с соблазнами, то искушали бы они сейчас его, слабого старика, перед смертью? Не напрасно ли он боролся? Не была ли сама борьба его с соблазнами — соблазном, наиболее искушенным и утонченным? Не поддался ли он дьяволу именно своей борьбой с дьяволом? Он весь был проникнут соблазнами, дьявол захватил все его мысли, всего человека, играл с ним как хотел, а он думал, что борется с ним. Он сам боролся с дьяволом, потому дьявол и овладел им.

Может, покорив его, дьявол оставил ему небольшое утешение, забаву — думать, что он борется с дьяволом. Ведь он жил в одной мысли, в соблазне наиболее утонченном: соблазн в форме борьбы с соблазном. Я не знаю, может, Игн<атий> Брянчанинов не понял и плохо изложил борьбу этого монаха, но мне кажется, он сам боролся, без Христа, не сердцем, а только своим умом призывал Его, поэтому оставался в себе самом, в своем грехе. Если во мне не живет Христос, то все, что я делаю, все грех. Все, что не Бог делает во мне и через меня, — все грех.

Один опакостится, продолжает пакоститься, привыкает к пакости. Другой не может привыкнуть к ней, тогда пакость исковеркает его и его жизнь, тогда все равно опакостится и еще хуже, чем первый, как тот монах, 30 лет боровшийся с пакостью и в этой борьбе погрязший в ней. Но, может, есть и третье, когда в этих падениях и подъемах все же что-то открывается, какая-то тайна? И Христос не оставляет совсем? Может, это то же, что и «опыты» Розанова (в «Уединенном», кажется)? Затем, сохранившие от рождения цельную мудрость. Был ли таким Спиноза? Но почему он не только не знал, но и не понимал ни греха, ни грехопадения? Не понимал детей? Тогда был ли цельным человеком, была ли у него полная, цельная мудрость? Затем, достигшие полной, цельной мудрости. Тогда и в браке, может быть, сохраняется святость, ведь апостолы (кроме Павла) были женаты? Но если у меня античувственная чувственность, antilibido, я не увижу и не пойму ее.

Мировоззрение в носу впервые явилось мне летом 1917 г.; оно сразу же соединилось с миром людей лунного света, то есть с антисексуальностью, не с асексуальностью, то есть невинностью, а именно с антисексуальностью. Обнаружил я это в поезде — «кукушке», когда увидал двух молодых людей (ему и ей было лет 30), связанных, как я почувствовал, грехом. Они напомнили мне Вронского и Анну Каренину. Они сидели молча, мне казалось, грех замкнул им рты. Они очень заинтересовали меня, этот интерес был антисексуально-сексуальный. Они были неприятны мне и жалкие. Но антисексуальность — тот же грех: выбор невыбора, это как два отраженных абсолютных, и иногда одна форма чувственной видимости внезапно переходит в другую, иногда

же и не отличить античувственную чувственность от чувственной, так как корень один. Грех поработил человека, своими силами я могу в крайнем случае перейти из одной формы греха в другую, а освобождает только Путь, Истина и Жизнь.

То, что я видел в автобусе в 6 утра в 1928 г., когда закончился мой душевный праздник*, другое: они тоже, по-видимому, были связаны грехом, но было, кажется, и покаяние, и прощение, а тогда, в 1917 г., — только грех.

26. VI. Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя... и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Я поехал на кладбище, и Он был со мною и еще по дороге на кладбище дал мне слезный дар. И привел меня к могиле с хорошей надписью: «Спасибо, мама и папа, за все, что вы сделали для нас».

Твой дар не уменьшается, когда я передаю его другому, наоборот, удваивается и утраивается. И до сих пор Твоя Тишина заполняет меня.

28. VI. Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь и не знаешь, откуда приходит и куда уходит <Ин. 3, 8>. — Сегодня я снова слышу Тебя, но почему вчера Ты оставил меня и было так плохо?

Бывает, что ветхое тело не может вместить Дух, так бывало с мамой, например 12.I.62**. Когда мама узнала, что случилось, она замолчала, а потом начались вздохи и стоны такие, что Женя сказала на кухне: Елена Савельевна так мучается, что, кажется, душа выходит из тела. Так продолжалось полдня. А к вечеру тело устало и не вмещало Духа.

Но у меня вчера было не то. Не оставь меня, Иисусе Христе.

4. VII. Я увидел радугу. Это было несколько минут, может, одна минута: она появилась справа налево и ушла. Но ведь радуга — это свидетельство Твоего завета с Ноем и его потомками: Ты не хочешь смерти грешника, но чтобы он обратился и жил. Не мне ли было это свидетельство?

6. VII. Я не люблю себя. Мне часто даже доставляет удовольствие делать себе неприятное, иногда даже физически — неудобства. Но я люблю свою боль, свою нелюбовь к себе. Прости меня, Господи, помоги мне, Иисусе Христе, дай мне Твой покой. Покой — это значит: силь-

---

* См. библиогр. [31], с. 655—658; [33], с. 43—45.

** День смерти Надежды Александровны Друскиной.

нее жало в плоть, чтобы всегда помнить Тебя, давшего мне это жало, чтобы всегда Ты был со мною.

7.VII. Прошлой ночью снился сон, подробности которого утром помнил, но соединить в целое не мог. Вчера поздно вечером или ночью вспомнил конец его.

Я ушел по делам и задержался. Думаю: мама, должно быть, волнуется, что меня так долго нет. Смотрю в окно, вдали мама, но не видит меня. Я говорю громко: скоро вернусь к тебе. Мама не слышит меня. Я кричу: иду к тебе.

8.VII. Мне снилось, что я с мамой приезжаю на дачу, Надя встречает нас. На даче заполняют анкету: довольны ли вы, что переехали на дачу? Я думаю: это чисто внешний вопрос, ведь можно быть довольным по разным причинам, например изменение состояния: прежнее могло быть очень плохим, из чего не следует, что новое состояние хорошо, всего, очевидно, 4 возможности, затем о начале и конце — тоже 4 возможности, всего 8. Во сне это было вполне конкретно и содержательно. Может, это применимо и в теологии: иду от Бога или иду к Богу, то есть теология «от Бога» и теология «к Богу». Это аналогично, но не тождественно теологии креста и теологии славы, теологии предопределения и теологии абсолютной свободы.

13.VII. Небо сходится с землею на горизонте, то есть нигде. Эта подлая мысль, если можно назвать ее мыслью, — не моя, я услышал ее, просыпаясь, от беса. Прости меня, Господи, прости, Иисусе Христе, не введи во искушение, избави от лукавого.

15.VII. Кладбище. Надпись на могиле (на кресте): «Прохожий, остановись, почти мой прах; ибо я уже дома, а ты еще в гостях».

Рая (на кладбище)* сказала мне: приезжал Саша <Утешев>, я сказала ему, что теперь платит сам хозяин. — Я начал семейным церемониймейстером** и кончаю им же.

19.VII. Однажды, очень давно, лет 15 тому назад, переходя улицу, я вдруг подумал: а может, истинна самая пошлая, материалистическая система детерминизма. И сразу же: ну и что? Перед Богом и самая возвышенная система, включая и мою, не лучше самой пошлой. Ведь и то и другое — система убежденности моего разума, то есть свободы

---

* Смотрительница.

** Так в шутку называли Якова Семеновича дома — за инициативу в соблюдении семейных традиций и устройстве праздников.

выбора, и то и другое — моя ложь. Эта мысль не была мне соблазном, как год тому назад не моя мысль. Не моя мысль от беса, а та — моя же мысль — система как пример.

Это не совсем верно: материально, может, все системы для Бога равноценны, формально, или эйдетически, — нет. Система как пример включает в себя всякую другую систему — я назвал это критерием понимания — тогда это и не система, а акт, во-первых, системности, то есть убежденности, уверенности в себе, и во-вторых, разуверения в себе![5]

22.VII. Три года тому назад я записал: 60 лет тащу за собой свое тело, я устал тащить за собой свое тело. Потом я подумал: я устал тащить за собой свою душу, к тому же обремененную телом. Здесь снова видно: душа и я — не одно и то же. Евангелие: и сказал человек своей душе: ну, душа, всего у тебя много: ешь, пей, веселись <Лк. 12, 19>. Исаия. 26, 9: душею моей я стремился к Тебе <...> и духом моим я буду искать Тебя. 44, 20: обманутое сердце ввело его в заблуждение, и он не может освободить души своей. — Я — память о том, что я забыл, а забыл я, что сотворен по образу и подобию Божьему, это забывание или забвение и есть первородный грех. Я — «сейчас», «сейчас» — и есть образ и подобие Божье, а я все время забываю мое сейчас и живу в воспоминаниях, то есть в прошлом, или в мечтаниях — в будущем. Господи, Иисусе Христе, помоги мне вспомнить то, что я забыл, чтобы всегда я жил с е й ч а с, жалом в плоть пробуждай меня, чтобы всегда я бодрствовал, и днем и ночью, помоги мне сейчас, когда приближаются внешние соблазны — встречи с людьми, с которыми я не могу не встречаться, освободи от пустой мысли.

29.VII. Вл. В. <Стерлигов> говорил о вате, которая окружает человека, то есть о вате, которая закрывает его от себя самого, от ближнего и от Бога — это уже мое толкование, то есть о непонимании. И рассказал, как эта вата была преодолена или убрана в встрече с Вл. Андр.*: открылся Рай. Я же сказал: для меня сейчас каждая встреча — соблазн. Весь наш разговор или диалог был некоторой диалектической системой целого. Во время разговора я хотя и не высказал этого, но готов был признать некоторую погрешность в моем тезисе, а В. В. <Стерлигов> хотя этого и не высказал, но готов был признать — так мне казалось — некоторую погрешность в своем тезисе. Но затем между нами встала та же вата, и я остался при своем, хотя разговор и внес некоторое сомнение, и так же В. В. Мне показалось, что диалог был некоторой диалектической системой, независимой от участников диалога, мы

* Владимир Андреевич Каменский (1898?—?) — философ, священник. Окончил университет за несколько лет до Я. Друскина.

были только его случайными признаками, и во-вторых, не В. В. убедил меня и не я убедил его, а сам диалог убедил нас обоих, автор его не В. В. и не я, а Бог. Помоги нам, Господи.

Антропология антропоцентрическая и теоцентрическая Фейербах и Кьеркегор. Парадоксальная связь между ними: Кьеркегор почти игнорирует вторую из двух заповедей, на которых стоят закон и пророки, — любовь к ближнему. Фейербах все свел к этой заповеди, в результате опустошил свою антропологию. А Кьеркегор через Гёффдинга, Шремпфа, Хайдеггера, Бультмана сблизился с Фейербахом. В некоторой недолжной аппроксимации и обострении односторонностей каждого их последователи пришли к противоположному тому, из чего исходили. И снова здесь не Кьеркегор и не Фейербах, а Бог — автор некоторой системы, включающей и Кьеркегора и Фейербаха. — То есть то, что я писал в «Квадрате миров»*: я опустошаюсь, Он наполняется. И Он наполняет. Опустоши меня, Господи, опустоши и наполни Собою.

30. VII. Без Бога любовь к ближнему становится ненавистью: Фейербах — Маркс — Сталин. Без любви к ближнему теизм становится атеизмом: Кьеркегор — Гёффдинг — Шремпф — Хайдеггер — Сартр.

Иногда мне даже кажется: не человеку пришла на ум мысль, а мысли пришло на ум выбрать себе определенного человека, иногда, по нашим взглядам, даже неподходящего, а почему — не знаешь, хотя потом большей частью оказывается, что выбран подходящий, несмотря на все его недостатки; может, они и оказались наилучшими для реализации идеи, выбравшей человека. Идея эта не обязательно рациональная, большей частью даже арациональная. Эта несвобода человека в отношении к идее, выбравшей его, и есть его абсолютная свобода, тожественная предопределению, — Провидение и воля Божья. Фейербах за антихриста, Кьеркегор — за Христа, но оба исполняют волю Божью, один — отрицая ее, другой — утверждая.

И все же ответственность не снимается: Фейербах ответственен и за современную пошлость, и за зверства Сталина; Кьеркегор — за глупость и нигилизм Сартра, за имманентизм Бультмана и за Sein zum Tode** Хайдеггера. Имманентизм Фейербаха перешел в абстрактный трансцендентизм революции — коммунизм стал трансцендентной идеей, абстрагированной до полной потери всякого содержания, до полной пустоты — трансцендентное ничто. Трансцендентизм Кьеркегора перешел в эмоционально-психологический имманентизм и феноменализм

---

* Друскин Я. Контрапункт, или Соблазны. — В трех частях. — Ч. I. Квадрат миров. Ч. II. Числа. Ч. III. Царство. — 1941—1943 гг. — ОР РНБ, ед. хр. 8.

** Бытие-к-смерти (*нем.*).

Шремпфа, Хайдеггера, Сартра. И снова: любовь без Бога — злоба и ничто, Бог без любви — эмоционализм, сентиментализм, психологизм. Вернее так:

I. Любовь без Бога		II. Бог без любви	
а. Ненависть	б.Трансц<ендентное> ничто	а. Феноменализм	б.Схематизм, фарисейство, законничество

Так как и в I и во II два отраженных абсолютных и схематизм и фарисейство — тоже только мое, а не Божье, то есть имманентное. А ненависть не соединяет, а разделяет и опустошает, потому тоже относится к абстрактной трансцендентности. Так что дважды два отраженных абсолютных:

I. Абстрактный трансцендентизм:	а) в	форме	имманентности,
	б) «	«	трансцендентности.
II. Абстрактный имманентизм:	а) «	«	имманентности,
	б) «	«	трансцендентности.

Начало этих односторонностей еще раньше:

I. Адоптианизм — иудеохристианство — Несторий — Пелагий — Фейербах.

II. Пневматизм — эллинизация христианства — монофизитизм — Кьеркегор.

В центре же — Богочеловек, все, что не осуществляет этого совершенного тожества Бога и человека, всякое отклонение от него — ошибка, ложь и грех. Руководство Твое в том, что сразу же с отклонением в одну сторону появляется и отклонение в другую, уравновешивающее первое. Иногда же отклонение в одну сторону со временем переходит в свою противоположность — отклонение в другую сторону.

История мысли — история человеческих ошибок, история односторонних отклонений от истины, история человеческих предубеждений. Истина открылась людям: Слово стало плотью. Но не только свои не приняли Его. И чужие, сказав, что принимают, приняв на словах, упорствовали в своих предубеждениях: сразу же уже при апостолах наступило «последнее время», когда «из наших вышли не наши» (1 Ин. 2). Кроме апостолов, может, нет ни одного, не отклонявшегося ни вправо, ни влево. Более чистого сердцем после апостолов, чем Исаак Сирианин, я не знаю. И все же и он бывал не прав и сильно отклонялся. Я уже не говорю об Августине, Лютере, Кьеркегоре. Редко кто так хорошо понимал апостола Павла, как Лютер, и все же он ответственен за имманентизм 19 в., за Кьеркегора и за Фейербаха: так как он не смог полностью отожествить обе заповеди — трансцендентизм и имманентизм, то из него вышли оба отклонения — я могу это прямо указать на цита-

тах из Лютера. И все же вся эта история человеческих ошибок не случайна, вся она под Твоим руководством, совершает Твое домостроительство. Не оставь меня, Господи, помоги мне.

2. VIII. Возвращение с кладбища. Объезжая Марсово поле. Давид и Мелхола (2 Цар. 6, 20—22).

3. VIII. Много званных, мало избранных <Мф.20, 16>. Избрание — это призвание к страданию и освящение страдания. Потому что может быть и бесовское страдание. Но избрание обязательно и страдание, и это высшая радость, как было вчера после кладбища, когда я почувствовал и сказал Тебе: как люблю я Тебя, Господи. И это не от меня, это Твое, и я почувствовал в Твоей любви ко мне. То есть я люблю Тебя в Твоей любви меня. Не потому, что Ты любишь меня, я люблю Тебя, но именно в Твоей любви, обращенной ко мне, я люблю Тебя, моя любовь — часть Твоей любви. И это и есть призванность — страдание и радость страдания. Но то, что я думал уже давно о своей непризванности, — это другое. Может, это только слабость духа и веры — искушение, может, одна из форм или сторон призванности — призванность в отвержении или через отвержение: много обителей в Царстве Отца Моего <Ин. 14, 2>, и не мне судить, к чему и как я призван и предназначен. Но может быть и так, что обе формы призванности осуществляются в одном лице; обычные категориальные разделения — два рода призвания или два несовместных качества, хотя и в одном лице, — здесь неприменимы.* Не оставь меня, Господи, поддержи меня моим жалом в плоть.

4. VIII. Страдание с утешением — блаженное: блаженны плачущие, ибо они утешатся <Мф. 5, 4>; страдание без утешения — бесовское: там будет плач и скрежет зубовный <Мф. 8, 12>. Еще может быть воображаемое страдание — тогда вообще не страдание, и воображаемое утешение — тогда часто бесовское.

Половина блаженств <Мф. 5, 3—11> прямо говорит о страдании:

нищета духа связана с сокрушением духа; плачущие; алчущие и жаждущие правды — не имеющие, а именно алчущие: в Царствии Небесном более радуются об одном грешнике кающемся, чем о 99 праведниках <Лк. 15, 7>; изгнанные за правду. Девятое блаженство — объяснение восьмого. Остальные блаженства, если не прямо, то во всяком случае косвенно, связаны со страданием:

милостивые — любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас;

---

* См.: Друскин Я. Христос умер за всех или только за призванных? — 1967? — Личный архив.

миротворцы те, кто не любят вражды и ссор, для них это страдание;

кроткие никого не обижают, но их обижают, а они остаются кроткими; но тот, кого никто не обижает или кого все боятся, тот и не может испытать свою кротость;

чистые сердцем — освободившиеся от соблазнов, но тот, кто их и не знал, — еще получеловек; Лютер: наибольший соблазн — не иметь никаких соблазнов; но, может, это неверно, может, есть и от рождения чистые сердцем — блаженные и юродивые? Но разве юродивый не страдает? Исаак Сирианин: временем искушение, временем утешение.

Во-первых, утешение не только там, после смерти, но уже сейчас в плаче. Правда — уже в самом желании правды, полное же обладание — там, когда увидим прямо, а не через тусклое стекло, здесь же полное обладание в любви — апостол Павел, гимн любви. Но если в любви, то и в страдании и в радости страдания.

1. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. Скорбь — терпение — опытность — надежда от Бога.

2. Всегда радуйтесь. И первое, и второе сказал апостол Павел, и одно не противоречит другому.

Во-вторых. Опытность — сокрушение духа до отчаяния и полной разуверенности в себе самом, в помощи от других людей, в жизни. И тогда Бог дает утешение и радость в страдании. Тогда человек всегда радуется.

Временем искушение, временем утешение. Обычно говорят: для того, чтобы человек не возгордился. Это немного рационалистично. Вернее так:

1. Страдание очищает: при печали лица улучшается сердце (Екклезиаст).

2. Человек рождается на страдание, чтобы как дитя пламени устремиться вверх (Иов).

3. Разуверенность в себе, опытность.

4. Блаженство надо увидеть со всех сторон. И одна из сторон — это когда его нет. Это общее правило: я слушаю музыку, погружен в нее. Затем, когда она уже не звучит, я думаю о ней, слушаю ее внутренним слухом, когда она вне меня уже не звучит, и это тоже необходимо для ее полного понимания. Я проверяю и ее и свое впечатление — в ее отсутствии. И так же блаженство. Недостаточно быть только внутри, надо быть иногда и вне. Поэтому временем искушение, временем утешение. Не оставь меня, Господи, в искушении, поддержи меня в моем страдании, моим страданием и жалом в плоть.

5. VIII. У меня уже больше года шум в ушах или в голове. Диапазон силы шума очень большой, иногда шорох, иногда уже не шум, а почти свист. Вот что я заметил уже месяц тому назад: когда я еду на кладби-

ще, шум ослабевает, во всяком случае свист прекращается. На могилах я его вообще не слышу. Потом я хожу по кладбищу часа 2—3. Появляется ли снова на кладбище шум, мне трудно сказать, потому что я не могу отличить его от шороха деревьев. Но к концу хождения по кладбищу иногда снова появляется, но чаще не появляется, во всяком случае сильный шум, если же появляется, то уже дома. Теперь о том, как он возник. В мае прошлого года было как-то раз нехорошо. Вечером, как всегда, помолился, и вдруг тихое отчаяние прошло и я погрузился, как я писал, во внимание к Твоей Тишине. На следующий день я мог вызывать это погружение в себя и в Твою Тишину произвольно. На третий день я записал о даре произвольно вызывать в себе погружение в Твою Тишину. Тогда я потерял этот дар. Накануне я писал о молитве, о спасении своей души, потом понял, что здесь была и гордыня, так же как и в мысли о даре произвольного погружения в Твою Тишину. В первый раз это погружение в себя и в Твою Тишину произошло непроизвольно, помимо моей воли. На следующий день оно повторилось, а потом я мог вызывать его произвольно. В этом, мне кажется, еще не было греха, грех был в мысли о произвольном погружении в Твою Тишину. Потом же состояние погружения в себя ассоциировалось у меня с состоянием при вдыхании эфира или лежании летом в поле в траве, когда слышно гудение кузнечиков. Эту ассоциацию я осознал не в первый раз, в первый раз ее и не было, а на следующий день, когда искусственно вызывал состояние погружения в себя. Это я, кажется, точно помню, причем ассоциация настолько сильная, что мне казалось даже, я слышу легкое гудение. Через некоторое время, когда я уже потерял дар произвольного погружения в себя, у меня стал появляться шум независимо от моей воли и без погружения в себя, причем все чаще и сильнее. Никакой закономерности здесь я не нахожу: шум, во всяком случае тихий, всегда есть, на могилах или когда очень увлекаюсь чем-нибудь, я не слышу или почти не слышу его; иногда же очень сильный, почти свист. Мое предположение: произвольное погружение в себя, во всяком случае так, как это было у меня, связано с какой-то психической техникой — с йогой или парапсихологией, а это неправильно и в конце концов грех. Йога — воспитание своей воли, а не устранение ее, не благодатное, а естественное психологическое состояние, значит, грех: не Христос во мне, а я сам вызывал его [не Христа, а приятное состояние погружения в себя]. А дальше идет уже чисто психиатрическое развитие: то состояние было мне приятно. Оно ассоциировалось с другим — естественным состоянием — гудением. Вторичный признак сохранился без первичного. Потому что связь между ними хотя и естественная, но случайная. Какое бы ни было здесь объяснение, но причина, может, та же, что и моих желудочных болей: они возникают неизвестно почему и так же внезапно проходят; первоначально же вызваны

были определенным психическим состоянием (страха), потом же вторичный признак стал появляться и независимо от страха и без страха. Как бы ни объяснять мой шум и свист, в конце концов, может, свистит во мне мой грех. Прости меня, Господи, прости, Иисусе Христе, укрепи меня в боли, в жале в плоть, дай знак Фомы.

14.VIII. Вместе сорадоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Это и есть соборность, и к этому я стремлюсь, но мне не удается, я бездарен в практическом отношении, то есть душевном и соборном.

Сорадование и со-боязнь продолжаются и в отношении к ближнему. Когда я прочел Д. И. «Рассуждать — не рассуждать»*, он радовался за меня, как будто бы сам написал это, — сорадовался со мною. У меня сильнее чувство со-боязни и со-покаяния. То, что было вчера вечером и ночью, я ощущал реально, как свой грех, мне было стыдно, как будто это я говорил. И то же было вечером 31.XII.64. И так же и раньше бывало в отношении к моим близким. И до сих пор их грехи я чувствую как свои, и если я постоянно говорю Тебе: все грехи их вольные и невольные на мне, то это буквально так и есть, Ты знаешь это, Господи.**

Сорадование и со-покаяние — это и есть ноуменальная связь людей. Ребе Суссия ощущал грех каждого человека как свой. Мне далеко до этого. Но грехи моих близких я чувствую как свои и сегодня, когда ходил по дороге, каялся в них: прости меня, Господи, помоги нам, Иисусе Христе.

15.VIII. Из письма.

Переход к теме: медицина в древности — при храмах. И это правильно: болезнь не только физическое состояние, но духовное: ноуменальное, религиозное.

Тема: вот что бывает страшно у пьяного: когда о нем уже нельзя сказать: пьяный, но только: пьяное. У него уже нет лица — Persönlichkeit***, место его я занял зеленый змий, как и все бесы, он безличен.

Вот что меня испугало в пятницу вечером и в ночь с пятницы на субботу. И этот грех тоже на мне, тоже мой, прости меня, Господи, прости нас, Господи.

---

* См.: Друскин Я. Примеры. — В 15 главах. — 1937 г. (1-я редакция), 1940 г. (2-я). — Личный архив.

Глава «Рассуждать — не рассуждать» (в оригинале без тире) посвящена Хармсу, название придумано им же. Опубликовано три главы: см. библиогр. [31], с. 844—853.

** См.: Друскин Я. Я виноват за всех. — 1965 г. — Личный архив.

*** Личность, индивидуальность (*нем.*).

19.VIII. Ищущий имеет, именно в искании получает и имеет, но в жизни только имеющий не имеет: в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии; блаженны алчущие и жаждущие правды <Мф. 5, 6>. Но это имение в искании, кажется, не то, что думал Лессинг, сказав, что искание истины предпочитает самой истине. Скорее это Innerlichkeit* и абсолютная субъективность Кьеркегора. Поэтому хотя я раньше хотел встретиться с Вл. Андр. <Каменским>, то теперь боюсь: если он преимущественно имеющий, а не ищущий и имеющий, то из встречи ничего не получится. Тогда моя теология покажется ему грязной эстетикой (по Ст<ерлигову>).

Закон духовной жизни: всегда жить сейчас, то есть быть сейчас, ибо не знаете, когда придет Хозяин дома <Мф. 24, 42>. Но так как человек сотворен, то есть телесно-духовное существо, то реализация с е й ч а с отделяется от с е й ч а с:

во-первых, реализация сейчас в его фиксировании,

во-вторых, материальное фиксирование, тогда одновременно с реализацией — материализация, окостенение, умерщвление: сейчас становится прошлым — сейчас не сейчас.

Тогда надо зафиксировать сейчас так, чтобы оно осталось незафиксированным, поэтому единство, даже тожество, искания и имения.

Преобладание искания — феноменализм, имманентизм, релятивизм, психологизм.

Преобладание имения — классицизм, умерщвление или закостенение духа, фарисейство и законничество.

Тожество искания и имения — экзистенциализм, в музыке — Шёнберг: неустойчивое равновесие, как на острие ножа, поэтому всегда сейчас; но у Веберна преобладает уже имение, поэтому элементы классицизма. Экзистенциальная математика — Брауэр; концептуализм.

22.VIII. Микрочастица находится нигде и всюду (Эддингтон). Так и человек должен быть нигде и всюду. Один всюду нигде, другой нигде всюду, то есть через всюду — нигде или через нигде — всюду, оба нигде и всюду. Аналогия с теологией креста и теологией славы.

26.VIII. Сегодня мне снилось, что последняя истинная система — предпоследняя, так как последняя истинная система уже тожественна самой Истине. И снова во сне это было конкретно, и я представлял себе предпоследнюю истину как десятичную дробь, знаки которой не цифры, а буквы или реальные состояния, обозначаемые буквами: א <алеф>, α, *a*,... И от добавления единицы последнего десятичного знака предпоследняя истинная система становилась последней — самой Истиной.

* Внутреннее, сокровенная сущность, духовность (*нем.*).

27.VIII. Вчера был на кладбище, и было так же плохо и то же уныние, и даже шум в ушах не прошел; когда я заметил это, шум перешел в свист и я отчаялся и думал: совсем Ты оставил меня. Не шума или свиста в ушах и голове боюсь я, а что Ты оставишь меня, оставление же шума на кладбище было для меня знаком, что Ты со мною. И сегодня с утра еще был свист — свистит мой грех, а когда стал читать Евангелие, прошел. Благодарю Тебя, Господи, Иисусе Христе, помоги мне сохранить Тебя, не оставь меня.

Дерзай, чадо; прощаются тебе грехи твои (Мф. 9, 2).
Дерзай, дщерь; вера твоя спасла тебя (Мф. 9, 22).
По вере вашей да будет вам. И открылись глаза их (Мф. 9, 29—30).

28.VIII. Когда я вспоминаю прошлое, мое призвание Тобою в 1911 г. и дальнейшее, мне могут сказать: это ретроспективное воспоминание есть только проекция настоящего на прошлое. На это я отвечаю: а вы знаете, что значит настоящее, что значит прошлое, что значит сейчас, которого сейчас нет, что значит время, которое прошло, событие, которого уже нет? Я верю и вижу, что то, что было, есть и сейчас, что Ты меня призвал, и, если бы даже и нашлись внешние свидетели, которые самыми точными свидетельскими показаниями опровергли то, что я помню, как Ты призвал меня, Твое постоянное руководство, — я бы сказал: всякое эмпирическое свидетельство, всякое эмпирическое знание относительно, а то, что я знаю — верю, вижу и знаю, верю, вижу и знаю в Тебе, в Сыне Твоем Единородном, абсолютно, и никакая мир-ская мудрость не может поколебать его. Помоги мне, Иисусе Христе, моим жалом в плоть, чтобы оно было сильнее, чтобы бремя Твое было тяжелее, тогда оно легко. Не оставь меня, дай знак Фомы. Прости нас, грешных, и меня, окаянного, помоги.

4.IX. Вчера был М. Ш.* Жалко его. Потом я подумал, что все жалкие, должно быть и я со стороны. Но себя не жалко, это же самое противное, когда себя жалко.

Распинают Христа не неверующие, а именно верующие. Распял Христа самый благочестивый народ в мире, избранный Им народ. А с Пилата что требовать? Иудеи знали истину, но не узнали ее, когда Она явилась им. А его вопрос — что есть истина? — стал формулой, шаблоном или знаменем для всех пустых людей — для всех ракá. Чтобы распинать Христа, надо самому уже чем-то быть и, может, даже верить в Него и любить Его.

---

* Михаил Михайлович Шемякин — художник, скульптор.

9.IX. Я не могу ничего делать. Уже несколько дней даже не читаю. Сейчас просматривал свои старые вещи. Пока читаю, интересно, а кончаю читать, опять ничего не знаю, ничего не могу сказать.

Господи, Иисусе Христе, очень плохо и очень страшно, помоги мне, Иисусе Христе, я не знаю, что со мной происходит, плохо и страшно, помоги.

10.IX. Вчера перед сном думал: что страшно? Скоро два года, как я потерял свой стержень жизни, как Ты убрал основание моей лестницы Иакова. Это страшно. Все же я жил и Ты помогал мне, поддерживал меня. Отсутствующим постулатом регулирования моей жизни, моим жалом в плоть Ты продолжал регулировать мою жизнь, все время руководил мною. Но вот уже месяц или больше, как что-то снова произошло, снова страшное. Признаки его:

1. Уже сколько времени я забываю или плохо запоминаю сны и главное — сны с мамой.

2. Уже сколько времени, как прекратились мои записи на отдельных листках. Я не могу заставить себя записывать, даже когда есть что записать. Я написал, что несколько дней не читаю. Это не совсем верно: иногда и читал, но то, что мне не нужно — Лондона, — просто потому, что случайно оказался под рукой. Большей же частью лежу на кровати в каком-то парении мысли и мечтаниях. Действительно, бес вышел, помещение выметено и прибрано, и он вернулся и привел с собой 7 злейших бесов. И последнее хуже первого. Эти новые бесы хуже всякого беса, даже блудного. Иногда, особенно к вечеру, я боюсь даже подходить к открытому окну: так оно тянет.

В чем же дело? Что стало?

Если бы была мама, я не боялся бы и открытого окна, был бы стержень жизни. Моим жалом в плоть Ты продолжал поддерживать меня полтора года, как раньше поддерживал моей лестницей Иакова. А сейчас Ты послал мне новое испытание и я не знаю, как выдержать его. Ты послал меня в ад. Я писал: моя любовь к Тебе сожжет и адский огонь. Но пока не сжигает. Что делать мне? Научи меня, Господи.

Я не могу сказать, что совсем потерял Тебя, как было год назад, когда мне пришла не моя мысль. Я чувствую Тебя все время. Но большей частью Твой гнев. Смилуйся, Господи, либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, афтун.

Вчера перед сном я думал: Ты знаешь, я потерял вкус к жизни, жизнь стала мне настолько неинтересной, что смерть была бы блаженством. Но так же, как ветхий Адам во мне не удовлетворяется удовольствием — отсутствием неудовольствия, но стремится к сверхудовольствию, так и я сейчас хочу не блаженства, а сверхблаженства. Я не боюсь смерти — полного неощущения, нечувствования, полного отсутствия

сознания — по сравнению с тем, что сейчас, это блаженство. А я хочу сверхблаженства — быть с Тобой, в Тебе. Но у меня ослабело ощущение моей абсолютной инвариантности, то есть вечной жизни. А без ощущения вечной жизни невозможно жить и во временной. Может, Ты послал мне это новое испытание, чтобы я понял не только умом, а всем существом своим, ноуменально, что без вечной жизни нет и временной? Но ведь сам я все равно не пойму это, откройся мне, помоги.

Но разве Ты уже не открываешься мне в этой мысли, не Ты ли внушил мне такой страх, что я боялся к окну подойти, чтобы не выпасть, не Ты ли сказал мне: без вечной жизни нет и временной?

Пусть A — вечная жизнь, B — наша жизнь во времени. Тогда: $\bar{A} \to \bar{B}$, следовательно: $\bar{\bar{B}} \to \bar{\bar{A}}$. Но по интуиционистской логике: $\bar{\bar{A}} \neq A$ и так же $\bar{\bar{B}} \neq B$.

Это можно толковать так:

ложно, что нет временной жизни, из этого следует, что есть некоторая временно-подобная жизнь. Здесь акцент скорее на слове «жизнь», потому что истинная — вечная жизнь. И так же: вечно-подобная, то есть подобная вечности, жизнь. Здесь акцент на обоих словах: вечная жизнь. Вывод: я не понимаю временной жизни, не понимаю вечной жизни, но есть некоторая жизнь, которую я называю временной, — временно-подобная жизнь, значит, есть и другая жизнь, о которой я ничего не знаю — своим умом не знаю, кроме того, что она не подобна временной: $A = \bar{\bar{B}}$, где отрицание неопределенное. И именно в этой временно-подобной жизни я чувствую и вижу не подобную ей, вечную. Вот что значит заключение: $(\bar{A} \to \bar{B}) \to (\bar{\bar{B}} \to \bar{\bar{A}})$.

Теперь дальше. Более полутора лет Ты поддерживал меня жалом в плоть, которое послал мне 16.X.63. Ты возложил на меня Твое бремя, и часто оно было мне легко и иго Твое — благом. Но в последнее время Ты возложил на меня новое бремя и я растерялся, мне казалось — нет сил вынести его. Я запутался в бесплодных мечтаниях, в бесовском парении мысли. Помещение выметено и прибрано, и вернулся бес, приведя 7 злейших бесов.

В чем бесплодность и бесовство этих мечтаний и парений? В том, что в них нет ничего плохого. То есть в каждом отдельном мечтании, в каждой мысли нет ничего плохого, иногда даже умные мысли. А в целом — бесплодность и бесовство: я теряю лицо, которое Ты дал мне, то есть Твой образ и подобие, эти мечтания и мысли отделяют меня от Тебя.

Если бы среди этих мыслей были плохие, пусть хоть самые плохие, пусть блудные, я бы знал, с чем бороться, но этого нет: мне противостоит, а что — не знаю, меня отделяет от Тебя, но я не знаю, что отделяет. Я не знаю, что преодолевать, с чем бороться, что делать. Я лежу на кровати, и не я, а какое-то оно мечтает, парит в мыслях. Я ничего не могу делать, помоги мне, Господи.

Но, кажется, Ты уже помог мне, прорвалось что-то во мне, Ты прорвал мою греховную ограниченность, помог мне выйти из себя самого, выйти из границы, поставленной моим грехом, помоги мне, Иисусе Христе.

10—11.IX. На днях был Ал.* Я говорил об экзистенциализме и классицизме (Шёнберг — Веберн). Может, я говорил не плохо, но снова отвлекло от Тебя. Я почувствовал какую-то надобность здесь, во временно-подобной жизни, по содержанию, может, это и хорошо, а формально, то есть актуально, снова нехорошо, так как отвлекло от нового испытания, которое Ты посылаешь мне, — нового крушения. Сегодня были Орловы. Я не говорил об экзистенциализме и классицизме, как думал до их прихода, и вообще серьезные разговоры не ладились. Я почувствовал свою эмпирическую ненадобность, и тоже нехорошо. Нехорошо, потому что вместе не сорадовались и не боялись сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Нехорошо, потому что я не смог прорвать свою греховную ограниченность; нехорошо, потому что я почувствовал или мне показалось, что потерялось что-то в наших отношениях, некоторое ноуменальное ядро, которое, может, и было.

Но страха перед открытым окном у меня уже нет. Не оставь меня, Господи.

11.IX. Вечная жизнь нужна не после смерти, а именно сейчас, до смерти, чтобы иметь силу вынести тяжесть и боль бытия временной жизни. А то, что она будет и после смерти, — это уже gratia gratis data. Вечная жизнь — абсолютная инвариантность моего я во временном изменении. Но так как это абсолютная инвариантность, то она не ограничена моим временным существованием, то есть временем. Поэтому не только субъективная уверенность в инвариантности моего я абсолютно субъективная — абсолютная субъективность, которая необходима мне сейчас, во временной жизни, но сразу же, как есть, выходит за ее пределы. Но о формах вечной жизни после смерти мы ничего не можем сказать, кроме того, что это не античное бессмертие души — оно безлично (Аверроэс), но личное воскресение из мертвых, к которому мы причастны уже сейчас, до смерти. Вечная жизнь — уже здесь связь с Богом, Который не есть Бог мертвых, но живых <Мф. 22, 32>.

Вечная жизнь нужна не столько для будущей жизни, сколько для этой.** Прикасание к вечной жизни дает силу жить сейчас. Но дальше —

---

* Александров Анатолий Анатольевич (1934—1994) — филолог.

** См.: Друскин Я. О воскресении из мертвых. — 1965 г. — Личный архив.

по моей прежней терминологии — без особого усилия следует вечность вечной жизни. Это не тавтология. Если сейчас появились имманентные теологии без Бога, утверждающие только имманентность Бога, то есть существование Его только в вере (Зиммель), то и вечную жизнь можно толковать имманентно: как бы вечную (als ob*). Поэтому я говорю: если вечная жизнь не иллюзия и не суррогат, то действительно вечная, то есть продолжается для меня и после моей смерти. Слово «продолжается» здесь неправильное. Она есть сейчас, всегда сейчас, до моей смерти я касаюсь ее и вижу, как через тусклое стекло , после же смерти надеюсь вкусить ее полностью: чаю воскресения из мертвых**.

13.IX. Не только животные, каждые две капли воды различаются, то есть индивидуальны. Но у человека — у меня — есть еще что-то другое, сверх естественного, то есть индивидуального, отличия. Это именно сверхестественное, сверхприродное, чего нет ни у какого другого существа в природе. Поэтому три постулата Канта если и недоказуемы строго логически, то все же допускают некоторое логическое обоснование с помощью разума. Правда, этот естественный свет разума будет действительно светом, если <разум> освещен верой. А без этого освещения — тьма разума, а не свет.

Так вот, разум, освещенный верой, говорит мне:

1. Во мне есть что-то, чего я не нахожу в других природных вещах и существах, что-то, что нередко заставляет меня поступать против моих естественных желаний, даже когда исполнение их ничем не угрожает мне. Угрожающее мне: неприятности, последующие за нарушением законов, правил приличия и дрессировки. Под дрессировкой я понимаю воспитание. Я нахожу в себе какое-то нельзя, которое не порабощает меня, как все другие естественные или привитые воспитанием нельзя, а, наоборот, освобождает, и не только от чувственных пожеланий и от человеческих ограничений и правил, внушенных дрессировкой, но и от моего ума и моей воли, от свободы выбора, от того, что Кант гипостазировал под видом категорического императива и чистой воли. Это именно та Истина, которая делает меня свободным, я же, освобожденный Ею, то есть Христом, уже не свобода воли, а именно абсолютная свобода, которая выражается парадоксально: пусть будет не моя,***

---

* Как бы, как будто бы, словно бы (*нем.*) — термин Зиммеля.

** См.: Друскин Я. Чаю воскресения из мертвых. — 1965 г. — Личный архив.

*** Продолжение записи 13 сентября — в тетради † 4.

† 4

1965.IX.13—1966.IV.22

1965

*<13 сентября>** а Твоя воля. Я свободен, когда во мне Христос.

Это сверхприродное я воспринимаю отрицательно как **нельзя**, положительно — как то, что определяет мою личность, мое я, как трансцендентальный принцип моей личности, без которого ее и нет, как то, что создает и сохраняет мою абсолютную инвариантность и свободу. Подтверждается же и отрицательно в вполне реальном ощущении потери личности в мечтаниях и парении мыслей или в не моей мысли, в ощущении греха, угрызениях совести, раскаянии и покаянии, даже в тех случаях, когда не нарушен ни один закон, ни одно правило дрессировки и ни один человек не знает и не может узнать о моем прегрешении, которое могло быть и только мысленным прегрешением. Это и создает мое ноуменальное **я**, как бы его ни назвать: душа, самосознание, абсолютная свобода, абсолютная инвариантность. Я нахожу это в себе не как природное, но именно в расхождении с природой, в каких-то отступлениях от естественного, в моих конфликтах с природой, в недовольстве ею, возмущении ею. Я ощущаю себя каким-то изгоем в природе, ее незаконным сыном, я отчужден от нее, выкинут из природы. Я не только в природе, но и вне природы.

2. Дальше мой разум, освещенный верой, говорит мне: это **нельзя** не сводимо ни на законы природы, ни на правила дрессировки, так как абсолютно. Оно не может быть ни от природы, ни от воспитания, так как именно противоречит природе, а часто и внушенным мне с детства правилам поведения. Естественный разум, освещенный верой, говорит мне: есть что-то, что действует на меня сильнее, чем природа и то, что называют культурой, что противоречит и природе, и культуре, чья сила и мощь превосходит силу природы, человеческого общества и культуры. И еще я нахожу другую силу, о которой сказано: грех стоит у дверей; он стремится к тебе, но ты должен господствовать над ним <Быт. 4, 7>. Но так же точно я знаю, что если должен, то сам, своими силами я только **могу** господствовать над ним, всегда только **могу**, поэтому уже не могу:

---

* Начало записи — в тетради † 3.

во-первых, грех — это тоже не природное, животные не знают греха, безгрешны; грех — это нарушение того, что я нахожу в себе как сверхприродное. Во-вторых, то, что превосходит и природу, и культуру, то уже не я, но то, что создает мое я, и оно же преодолевает мой грех. Это — Бог.

Ошибка всех доказательств бытия Бога в рационализме. Еще Гаман, кажется, сказал: бессмысленно само выражение — доказательство бытия Бога, как отделить Бога от Его бытия? В доказательствах бытия Бога Его подчиняли условиям моего мышления, то есть моего разума. Схоластические постулаты: (1) в действии меньше бытия или силы, чем в причине (онтологическое доказательство). Но бытие не предикат. (2) Всякое действие имеет причину, значит, есть последняя причина (космологическое доказательство). Но само понятие причины только категория или свойство моего ограниченного ума. (3) Для всякого порядка есть основание порядка (физико-телеологическое доказательство). Но порядок природы для меня скорее непорядок: смерть — оскорбление человеческого достоинства (туземцы маори). Если же освободить эти постулаты от рационалистической шелухи, то есть от самой формы доказательства, то обнаружится их истинное ноуменальное ядро, очевидность которого только затемнялась формой доказательства:

(1) Во мне я нахожу то, что превосходит меня природного. — Это уже ядро онтологического доказательства.

(2) Я нахожу в себе то, что уже не мое я, чему я противодействую в грехе, чего нет нигде ни в природе, ни во мне, — это ядро космологического доказательства.

(3) То, что преодолевает мой грех, руководит мною как Провидение, — физико-телеологическое доказательство.

3. То, что я нахожу в себе и называю моей душой, ноуменальнымя, как превосходящее природу, не подчинено законам природы. Значит, я не могу сказать, что с моей естественной физической смертью оно умрет. Правда, я не могу сказать и противоположного, что и после моей физической смерти оно будет продолжать существовать так же, как и существовало до смерти. Слова «после», «продолжать», «так же» — временные категории. Строго логически я могу только отрицать смерть души с моей эмпирической смертью. Поэтому для разума вечная жизнь — только неопределенное отрицание эмпирической смерти без всякого утверждения. Дальше — уже вера.

Господи, снова я увидел Твою руку, Твое Провидение. Ты дал мне страх, Ты запутал меня, чтобы распутать. Ведь все свелось к той ночи, когда я уже потерял веру в вечную жизнь, тогда и временная потеряла для меня всякий последний смысл: я не видел вечной жизни во временной, тогда совсем не видел ее. Ты снова направлял меня месяц или два, чтобы, не насилуя меня, осветить верой мой запутавшийся жестоко-

выйный разум. Благодарю Тебя, Господи, помоги мне, Иисусе Христе, поддержи меня жалом в плоть, чтобы оно было сильнее, поддержи Твоим бременем, чтобы оно было тяжелее, тогда оно легко и иго Твое благо, дай мне знак Фомы.

17.IX. Когда вчера, наконец, прекратились боли в животе и груди, я почувствовал какое-то животное удовольствие от ощущения здоровья и отсутствия боли. Стало стыдно и противно. Прости меня, Господи.

Ушли Орл<овы>. И опять остался у меня неприятный осадок. Не от них, а от меня. Может, Липавские правы — я деспот. Я не убеждаю, а подавляю. По-видимому, это не хорошо, хотя я говорил, кажется, не плохо, то есть содержание не плохое, а акт, должно быть, плохой. Я не чувствую собеседника. Господи, Господи, я стремлюсь к соборности, я все время хочу вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Твоего, имени Господа Бога нашего, а получается не то. И если бы меня спросили, какое у них осталось впечатление, радовались ли и боялись они вместе со мною, я не знаю, я ничего не знаю, так же и с таким же подъемом я говорил бы и перед магнитофоном, и впечатление у меня осталось бы то же. Не их я виню, Господи, а только себя. И снова почти непроизвольно мне хочется сделать благоприятный для себя вывод: в своем фарисействе я чувствую себя пророком, не признанным в своем отечестве, прости меня, Господи. И еще: Ты ограничил меня, Ты ничего не оставил мне в жизни, чему бы я мог радоваться, даже славить имя Твое вместе с моим ближним, чтобы никого у меня не было, кроме Тебя, прости меня, Господи.

Это мой грех: я люблю себя, а не моего ближнего. Это неверно, себя я не люблю, я люблю свою боль, пронзение моей души. И снова не то, а что — не знаю. Я люблю Тебя, Господи.

Может, это и есть вера в Твой крест, ощущение пронзения Твоей души. Я ощущаю в себе пронзение Твоей души: Эли, Эли, лама савахфани.

Меня Ты оставил, Господи, и в этом оставлении принимаешь меня. Ты отдалил от меня всех, и Сам отдалился от меня, чтобы притянуть меня к Себе, чтобы стать ближе мне, во мне. В этом полном отдалении от меня Ты ближе всего со мною. Ведь весь сегодняшний разговор — разговор через них с Тобою. Отделив меня от них, Ты отделил меня от Себя. И я действительно возопил: Эли, Эли, лама савахфани. И вот Ты снова со мною.

19.IX. Я весьма желаю утешитьсяс вами верою общею, вашей и моей (Римл. 1, 11—12).

Недостаток или слабость моей веры в вечную жизнь и воскресение из мертвых — от слабости моей соборности. Воскресение из мертвых должно быть неотделимо от общения святых; именно общения, а способности к ноуменальному общению мне не хватает. Мне трудно прорвать мою эгоистически-солипсистскую ограниченность — это уже грех, сам грех.

Все сводится к кресту, то есть к абсолютности страдания. Больше всего духовных страданий я доставляю именно тому человеку, которого больше всего люблю и который меня любит, чужой не может доставить ему таких страданий. Это не значит, что я не доставляю ему и наибольшей радости, но также и страданий, когда мой грех закрывает меня от него. Тогда он, а также и я, мы оба чувствуем свою оставленность, покинутость. Тот, кто не виноват в этом страдании оставленности и покинутости, причащается к страданиям Христа, когда Он возопил: Эли, Эли, лама савахфани, — это уже абсолютная оставленность и покинутость, искупающая мою относительную покинутость. С моей же стороны — сораспятие Христу.

Когда мы жили в Сестрорецке*, мама сказала раз: почему ссорятся люди, так сильно и горячо любящие друг друга. Мама имела в виду меня и себя. И последние годы то страшное, что забыть нельзя: и она, и я, мы сораспинались Христу. И когда я не понимал маму, я распинал маму и распинал Христа.

Поэтому не те, которые не верят в Него и не ждут Его, а именно верующие, любящие и ожидающие Его, если не сораспинаются Ему, то распинают Его.

20.IX. Мне снилось, что мама на меня сердится, а я обижаюсь. Мне надо уходить. Я ушел, не попрощавшись с мамой. По дороге думаю: нехорошо, что не попрощался. И маму это огорчит — что не помирились, — и мне тяжело. Но вернуться домой и попрощаться я уже не могу: поздно, и я опаздываю; мне очень тяжело.

21.IX. У одного человека была собака, которую он очень любил. Последние годы она болела, он водил ее по врачам, делал уколы, но ничего не помогало. Последние дни она часто будила его по утрам, должно быть, ей было нехорошо. Раз утром она разбудила его, а он сказал ей: отстань, дай поспать. Она ушла на двор, потом в поле и умерла там. А, может, она просила помощи у своего божества или перед смертью хотела с ним попрощаться. Как страшно, Господи, и еще страшнее, что это бывает и с людьми, и с самыми близкими: глаза тяжелеют.

---

* Под Санкт-Петербургом, на даче.

Вы все еще спите и почиваете, вот приблизился час... <Мф. 26, 45.>

22.IX. Нравственный смысл страдания понимали и языческие мудрецы: воспитание воли, атараксия — невозмутимость духа, но не религиозный. Некоторое предчувствие его было в мистериях, но только предчувствие, причем сильно натурализованное — связь со временами года, с физическим рождением, периодические повторения и т. д.

Сократ, умирая, был невозмутим, вел философские разговоры, шутил, а Христос тосковал, пот на Его лбу был, как капли крови <Лк. 22, 44>, а на кресте возопил громким голосом: Эли, эли, лама савахфани.

«Дикари» маори говорят: смерть — оскорбление человеческого достоинства. Религиозный смысл страдания и смерти они поняли лучше Сократа.

Страдают и животные, но они не ропщут. Смерти они не знают, пока не приходит время умирать, когда же приходит, они не считают смерть оскорблением своего достоинства. Потому что они вообще не знают достоинства, достоинство — образ и подобие Божие, по которому Бог сотворил человека, только человека. Не зная достоинства, животные не знают и греха, безгрешны. Грех — нарушение достоинства, искажение мною и осквернение образа и подобия Божьего, нарушение первоначального, Божественного ритма во мне, повлекшее за собою проклятие на всю землю и смерть.

Страдание естественное — физическая боль. Но затем я, в отличие от животного, спрашиваю: почему мне больно и нехорошо, а не скорее хорошо? Греческий мудрец, со своей невозмутимостью, пытается уподобиться животному, он не хочет выйти из естественного состояния. Невозмутимый мудрец — это какое-то уродство, атавизм.

Человеку свойственно роптать, то есть восставать на природу, оскверненную грехом. Чьим? того же самого человека, который сам же, своим грехом осквернил природу, ставшую ему врагом. Это первая ступень понимания, возвышающегося над природой. А невозмутимый мудрец пытается искусственно вернуться в воображаемое состояние, в котором он фактически никогда и не был. Потому что животным человек никогда и не был, разница между ним и животным качественная, а не количественная, состояние же невинности — довременное, человек помнит, что он потерял что-то, но то, что он потерял, он уже не помнит.

Вторая ступень духовного понимания — страдание: человек рождается на страдание, чтобы, как дитя пламени, устремиться ввысь (Иов). Это уже религиозное.

Главный вопрос: что же страдание — субъективное, имманентное состояние или в нем есть духовное, сверхестественное, абсолютное, трансцендентное ядро? Мое страдание уже не естественное, потому что

я ропщу на природу, восстал на нее, чувствую внеприродное и положительно, и отрицательно — грех, то есть нарушение какой-то неестественной, внеприродной нормы, имею ощущение абсолютности, хотя бы как его нарушение. Ощущение нарушения нормы одновременно есть ощущение абсолютной нормы, которой я не нахожу ни в природе, ни в себе как члене природы.

Симеон сказал Деве Марии: и твою душу пронзит меч. И мою душу пронзает меч, и всякого человека, вплоть до Богочеловека. И никакой греческий мудрец не может доказать человеку, что он не страдает и что страдание не оскорбляет его человеческого достоинства. И, только поняв это, я понимаю, что страдание освящает и возвышает меня — радость страдания и в страдании.

Есть духовная, сверхприродная жизнь, и есть абсолютный Субъект этой жизни — Бог. Тогда и Бог страдает. Но, как страдающий, Он уже не Бог Отец, а Бог Сын, хотя и тот же Бог. Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Тогда главное в жизни — крест, в котором я сораспинаюсь Христу, и мое страдание отожествляется с Его. Как Он берет на Себя мой грех, так и мое страдание. Страдание — точка соприкосновения с Богом в И<исусе> Х<ристе>, поэтому начало всякой веры и всякой теологии.

Но, взяв на Себя мой грех, Он взял на Себя и мое страдание и освобождает меня от силы греха, силы страдания и смерти. «Смертью смерть поправ». Воскресение из мертвых.

Абсолютность и одновременно фактичность, или контингентность, страдания.[16] Мое страдание фактично, ядро его абсолютно, я нахожу его в вере, именно в вере в крест — Распятый фактически реализовал абсолютность страдания, поэтому оно и абсолютно, и фактично. Без контингентности, то есть вочеловечения Бога, абсолютное было бы только абстрактным, то есть другим естественным. Абсолютное без фактического абстрактно и тогда другое естественное, то есть одно из двух отраженных абсолютных. Фактическое без абсолютного — другое естественное или другое отраженное абсолютное.

Физические страдания бывали и большие, чем у Христа, но не духовные. Если я страдаю за грех моего ближнего, то это большее страдание, чем физическое или за мой грех. Христос же взял на себя грех всего мира, тогда Он реально испытал страдания не только своих ближних, но всего грешного мира. Затем — оставленность всеми, даже Богом: Эли, Эли, лама савахфани. Это уже самая сильная вера — вера, которая не верит, и она движет горы. Поэтому Он и воскрес, не только как Бог, как Бог Он и не умирал, но и как человек.

Парадокс: абсолютность и, значит, трансцендентность без своего отрицания — фактичности и контингентности — имманентна; то есть:

сама абсолютность, именно как сама, есть свое отрицание. Должно быть и обратное, так как обе сами по себе — отраженные абсолютные. Дальше: так как в моем страдании я порвал с природой, то есть с естественным, и нахожу в нем абсолютное ноуменальное ядро, то, кажется, и чисто логически я могу сделать вывод: абсолютное фактично и контингентно в страдании — Богочеловек и крест. В этих двух словах — Богочеловечность и крест — весь экзистенциализм, и в этом отличие христианства от язычества.

Контингентность вочеловечения Слова и креста не в том, что они могли и не быть, но в том, что времена, сроки и формы пришествия Мессии были неизвестны; вочеловечение Слова было необходимо, и больше 1000 лет избранный Богом народ ждал Мессию (обетование Аврааму, завещание Иакова, Пророки, Исаия, гл. 53 и др.), контингентны время и форма пришествия Мессии. Поэтому и могло случиться так, что те, кто ожидал Его так долго и упорно, с постоянством и страстью, когда он пришел, не узнали Его. И это тоже меч, пронзающий душу: к своим пришел, и свои не приняли Его. И в этом тоже контингентность абсолютного.

23.IX. Необрезанный иудей, некрещеный христианин, от одних отстал, к другим не пристал. Какая-то ирония, какая-то ироническая трансцендентальная схема жизни. Но не так ли и должно быть, Господи? Лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову <Мф. 8, 20>.

У меня есть своя комната, мне легче всего в моей комнате, особенно сейчас; она пустая. В моей пустой комнате я один с моим Богом, с моим жалом в плоть, с моим крестом. В моей пустой комнате крестом Господа моего, Иисуса Христа, мир распят для меня и я — для мира. Не оставь меня, Господи, не оставь меня, иудея необрезанного, христианина некрещеного, не оставь меня, Иисусе Христе.

24.IX. Боязнь мира у меня всегда была, должно быть, это грех моей эгоистически-солипсистской ограниченности, препятствующий осуществлению другой моей потребности — соборности. Но я всегда ощущал некоторый прямой путь, на который Ты меня поставил. Это узкий путь и тесные врата, и я все время сбивался с него. Теперь же боязнь мира стала распятием его для меня и меня для него Твоим крестом. Поддержи меня, Иисусе Христе, дай знак Фомы, чтобы глаза мои не тяжелели, чтобы я всегда бодрствовал.

28.IX. Когда я чувствую, что я людям не нужен, я чувствую, что я нужен Богу. И кажется, и обратно. Прости меня, Господи.

«Обратно» можно понимать так.

Когда я нужен Богу, то не нужен людям, как будто я настолько по-человечески нужен Богу, что Он освобождает меня от отношений к людям. Это высокомерие, гордыня и грех. Хотя каждый человек нужен Богу, но Он не освобождает от отношений к людям. Наоборот, требует, чтобы я, идя к Нему, захватил и своего ближнего. Без этого Он, может, и не допустит меня к Себе. Или: когда я нужен людям, не нужен Богу. И это грех: феноменализм, имманентизм. Хотя у меня не было в мыслях ни первого, ни второго, все же есть какая-то моя вина — неспособность к соборности. Поэтому повторяю: прости меня, Господи.

Что же касается до первой части этой записи, то она правильная и греха в ней, кажется, нет: Сила Твоя совершается в немощи <2 Кор. 12, 9>; Крестом Господа моего, Иисуса Христа, мир распят для меня, и я для мира <Гал. 6, 14>.

1.Х. Что значит свободен? Что значит занят? Один весь день лежит на кровати. Это еще не значит, что он свободен. Другой весь день занимается делами. Это не значит еще, что он занят.

Есть другая свобода и другая занятость; занятость Тобою, которая есть свобода в Тебе, — Истина сделает вас свободными.

3.Х. Весь экзистенциализм в одном предложении: Слово стало плотью. Затем: к своим пришел, и свои не приняли Его. И наконец: крест. Для эллинов же крест — безумие, в этом отличие экзистенциализма от классицизма или духовного от душевного.

Парадокс: когда духовное не только отделяется от душевного, но и противополагается ему, как, например, у Платона, то оно делается другим душевным, абстрактное в определенном противоположении то же душевное, может быть, форма душевного. В Евангелии противоположение неопределенное, тогда и отожествление — Слово стало плотью; тогда и душевное одухотворяется.

Односторонность Кьеркегора. Он забыл слова Христа: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними Жених? Но придут дни, когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься (Мф. 9, 15). Поэтому 1800 лет (а сейчас уже 1900) имеют значение. При Нем из наших не могли выйти не наши (1 Ин. <2, 19>).

4.Х. Теодицея Лейбница просто скучна: он не понимал, что наиболее убедительно то, что недоказуемо, что не укладывается ни в какую логическую, рациональную форму. Поэтому для него в конце концов, как и для эллинов, крест — безумие. Ветхий Адам в нас не понимает, что «безумное Божие мудрее человеков, и немощное Божие сильнее

человеков... Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное, чтобы посрамить сильных... Мудрость мира сего есть безумие перед Богом... Мы безумны Христа ради» <1 Кор. 1, 25, 27; 3, 19; 4, 10>. И все это: сораспяться Христу <Гал. 2, 19>.

5.X. Мне снилось, что вошел дядя Макс*, мама увидела его, бросилась к нему, обнимает. Мне стало неприятно, я решил проснуться. Потом подумал: но, может, мама увидит меня и придет ко мне? Тогда я плотно закрыл глаза, чтобы не проснуться, чтобы сон продолжался, и проснулся.

7.X. <...> Есть микро- и макро- искушения и утешения, и множество микроутешений пронизывают множество микроискушений, как множество иррациональных чисел — множество рациональных. Это и есть justus peccator**: всегда сейчас я ветхий Адам и всегда сейчас облекаюсь в нового. Или: всегда сейчас я распинаю Христа и всегда сейчас сораспинаюсь Христу. Или точнее: только что распял Христа и уже сейчас сораспинаюсь Ему. Распинаю — сейчас не сейчас, сораспинаюсь Ему сейчас. В распинании я раб закона, раб себя самого, в сораспинании Он освобождает меня: от рабства другим и себе, от рабства закону, от меня самого — худшего рабства.

Воскресение 10.X.<65> ~ воскресение 13.X.63.*** Снова начинается моя страстная неделя, начало третьего года между жизнью и житием, перед жизнью и смертью.

Понедельник 11.X.<65> ~ понедельник 14.X.<63>.

Вторник 12.X.<65> ~ вторник 15.X.<63>.

Среда 13.X.<65> ~ 16.X.<63>. На кладбище. Я поехал на кладбище и забыл взять папиросы. По дороге купил, но оказались те, которые я не могу курить. И вдруг желание курить прошло. Я подумал: теперь я могу бросить курить.

На второй могиле****, когда кончил молиться, вдруг услышал шум в голове. Вначале я даже не мог определить: во мне это или вне меня. Сейчас знаю: во мне, но вне меня, что мне до этого, пусть жужжит. Это не значит, что Ты меня оставил, это ничего не значит. Кроме Тебя, ничего ничего не значит.

---

* Брат матери.

** Праведный грешник (*лат.*).

*** Приближается годовщина смерти матери.

**** Где похоронена Надежда Александровна Друскина.

Четверг 14.X.<65> ~ 17.X.<63>.

15.X. Снова испытание — искушения, да еще в мою страстную неделю. Помоги, Господи, Иисусе Христе, не введи меня во искушение, избави от лукавого.

16.X. О чем ни попросите, если не усомнитесь, что по вере вашей вам будет, то будет <Мф. 18, 19; 21, 22>. — Ночью думал: если и не будет то, о чем прошу, то и тогда не усомнюсь в Тебе. И вот Ты дал мне: не того, что я просил, а больше — Себя Самого.

Освободил меня от тяжести жалом в плоть, крестом Господа моего, Иисуса Христа, освободил меня от тяжести.

18.X. В субботу было хорошо. Почти хорошо, чуть-чуть чего-то еще не хватало и была бы снова Радость. Я думал: это чуть-чуть должен был я осуществить. Августин говорит: Бог все может сделать, кроме одного: спасти человека помимо его желания. Но не Ты ли последний Субъект моего желания? Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам (Мф. 7,7). Но не Ты ли призываешь меня просить, искать и стучать, не Ты ли даешь мне силу просить, искать и стучать? Что же остается на мою долю?

Не я живу, Ты живешь во мне. Я прошу, ищу, стучу, и не я, Ты во мне просишь, ищешь, стучишь; просишь, чтобы я просил, ищешь, чтобы я искал, стучишь, чтобы я стучал. Была ли ошибка 16-го, ошибка с моей стороны? Не должен ли был я ответить Тебе, совершить какое-то чуть-чуть и не совершил? Но что же я могу сделать сам или как будто сам, что не было бы грехом и грязью? В среду я сам думал бросить курить, уже и не хотелось курить, но, так как я **сам** думал, — это оказалось делом рук человеческих и рухнуло, я не смог бросить курить. Ты помог мне, уничтожив желание курить, а я помешал Тебе, сказав: теперь я **могу** бросить курить, так как я **мог**, то не смог.

Когда Ты со мною и во мне и все делаешь через меня и мною, мне легко и хорошо, тогда я абсолютно свободен: Истина освобождает меня. Когда я сам что-то делаю — все плохо и ничего не удается, я раб себя самого. И все равно не я делаю — Ты разрушаешь все, что я сам делаю, всякое дело рук человеческих. Ты руководишь мною, Ты действуешь во мне и все же не лишаешь меня свободы. Это удивительно, как Ты все делаешь во мне и все же не лишаешь меня свободы, осторожно ведешь меня к тому, чтобы я свободно принял Твою волю, сказал: пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь.

Что значит, что я не совершил 16-го какого-то чуть-чуть? Скорее всего так: я подумал еще, что мне надо что-то сделать и Радость, кото-

рая уже стояла передо мною, которую я уже видел, охватит меня, я войду в Радость Господина моего. Она уже освободила меня от тяжести предыдущих дней, и я сказал себе: теперь я должен что-что сделать, какое-то чуть-чуть и Ты возьмешь меня в Свою Радость. Это и было ошибкой: я ничего не должен делать, даже чуть-чуть. Ты все делаешь, когда я ничего не делаю, то есть сам, по своей инициативе ничего не делаю. Я хотел от себя сделать чуть-чуть, поэтому Ты, показав мне Свою Радость, освободив меня от тяжести, все же не взял меня в свою Радость. Я хотел помочь Тебе, а даже этого не должен делать. Это гордыня — думать, что я что-то делаю от себя, что-то могу сделать от себя. Как только я подумаю: это я сделал, это я должен сделать, сразу же дело рук человеческих замещает Твое дело и Ты разрушаешь его. Это не квиетизм и не фатализм — и ничего не делая, я тоже делаю — но, и делая что-либо, и не делая, не я делаю: Ты делаешь, я же не должен думать, что я сам делаю, что я сам что-то должен сделать; как только явится мысль: я делаю, я сделал, я должен сделать, я должен решить или выбрать, сразу же заменяю Твое дело своим и в свою славу.

Я не должен сидеть сложа руки, ничего не делать, только ждать. Это тоже я сам делаю, сам придумываю. Я не должен только думать, что я сам что-то делаю или не делаю. Только одно Ты оставил на мою долю: думать, что я сам что-то делаю или не делаю, или верить Тебе, целиком полагаться на Тебя, исполнять Твою волю.

Как только я подумаю о себе, как только я хочу помочь Тебе, я уже мешаю Тебе. — Исполняя все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие <Лк. 17, 10>. Как только я скажу всем сердцем своим, всей душою, всем разумением своим: я раб ничего не стоящий, Ты делаешь меня свободным. Истина делает меня свободным <Ин. 8, 32>, и я уже не раб, а друг Твой <Ин. 15, 15>. Что могу я сам сделать? Только помешать Тебе освободить меня, помешать Тебе сделать меня свободным, сделать меня Твоим другом.

Только моя мысль мешает мне, мешает Тебе освободить меня, сделать Твоим другом: «Я уже не называю вас рабами; ибо раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 13). Господи мой, Иисусе Христе, Ты сказал мне все, что слышал от Отца Твоего, Ты сделал меня Своим другом.

19.X. В мысли надо различать:

1. Содержание мысли, оно обусловлено логикой мысли.

2. Предмет мысли — тоже не от меня, и здесь я не свободен.

3. Акт мысли: мне приходит на ум некоторая мысль — это не от меня, прилог*. И вот здесь наступает некоторая ограниченная свобода:

---

* См. запись 1 октября 1965 г. на стр. 75.

я могу обдумать ее <мысль>, могу отложить обдумывание, могу думать традиционно или свободно. Это может быть какая угодно мысль: теоретическая, практическая, намерение, решение.

Мысль — возможное, по содержанию возможность детерминирована, формально же, то есть в отношении акта мысли, вполне возможна, то есть несуществующее, ничто. И вот в этом полном ничто — начало моей свободы: во-первых, формальная, относительная, во-вторых, абсолютная свобода: ничего не приписывать себе.

Экзистенциальное рождается в самом неэкзистенциальном — в только возможном, в ничто.

20.X. О Иуде. Соблазн должен прийти в мир, но горе тому человеку, через которого он пришел, лучше бы ему не родиться <Мф. 18, 7>. — Горе ему, это верно: горе Иуде. Это на земле. А на небе? Может, Бог сказал ему: горе тебе, ты будешь проклят на земле всеми, как самый последний предатель, но не на небе, так как тебе предстоит совершить величайшее дело: предать Сына Моего возлюбленного, предать Меня, чтобы спасти людей от их грехов; для этого Я тебя и избрал: ты совершишь величайшее зло, чтобы свершилось величайшее добро.

Я не понимаю этого, это страшно.

21.X. Бывают какие-то мысли — начало мысли и только подумаешь, вернее, только придет мысль и еще не успеешь додумать ее даже до середины, как видишь ее абсурдность. Так было летом, в июне, когда я пошел первый раз в Таврический сад. Мне очень не понравилось там, особенно тоскливо было сидеть. И пришла мысль: так тоскливо, пойду скорее домой к маме.

Я это часто вспоминаю, и подобные мысли или полумысли приходят часто. Благодарю Тебя, Господи, за эти полумысли, за эти прилоги, которыми Ты поддерживаешь меня моим жалом в плоть, ведешь к Себе.

22.X. В этих прилогах я вспоминаю то, чего нет, хочу вернуться к нему. Верно ли: то, чего нет? Хочу ли вернуться к нему? Оба вопроса сказаны в форме предельной мысли, поэтому неверно. То, что было, то и есть, но сейчас — в жале в плоть, в страдании. Хочу ли вернуться к прошлому? Мне кажется, прошлое всегда страшно, как прошлое, как то, что прошло, всегда боишься его. Я хочу вернуться к маме, но прошлое, даже самое лучшее, я не могу отделить от его коэффициента — прошло. Поэтому двойное желание и двойное страдание.

Хочу ли я вернуться к прошлому? Сказать: нет — было бы лицемерием: даже возвращение к самому страшному было бы счастьем. Но я здесь два раза употребил слово: было бы. Поэтому и ответ: да — тоже

неправильный, нереальный. Реальна боль бытия, меч, пронзающий душу, Твой крест.

Ноуменальная порочность этого вопроса: я хочу возвращения к прошлому, а я сам уже не тот. Не в отношении к маме, здесь я в еще большей степени тот же, а в моем поведении, в жизни. Вернувшись к маме, я был бы уже на небе. Но я на земле, грешник. В этом ноуменальная порочность вопроса, не допускающая никакого ответа.

Что же касается снов — Ты знаешь, чего я прошу у Тебя, помоги, Господи, дай знак Фомы.

27.X. Сон: мама говорит: у него <отца> был неровный характер, внезапные смены настроений. Это звучит укоризненно, мне неприятно, я думаю: зачем так говорить, ведь его нет, теперь он неприкасаем и свят. Но ведь это мое ощущение мамы, она неприкасаема и свята, между тем она здесь, передо мною, жива, а мое ощущение мамы направлено на него. В ноуменальной интенции предмет или объект интенции правильнее называть персонифицированной целью, то есть личностью. Так вот, ноуменальная интенция во сне была та же, что и наяву, а ее цель или ноуменальный субъект изменился. От этого во сне было недоумение.

2.XI. Когда бес шепнул мне не мою мысль, он был causa efficiens, causa finalis — Ты. Ты меня совсем оставил, оставление Тобою и есть проникновение беса. Тогда я возопил громким голосом: Эли, Эли, лама савахфани.

Во-первых. Антоний Великий сказал: бес может только усилить в человеке ту мысль, которая в нем есть, то есть обнаружить ее. Он прав, но, кажется, только до некоторого предела. Потенциально во мне все грехи, в том числе и не моя мысль. И все же и потенциально тогда не было во мне не моей мысли. Если Антоний прав безусловно, моя относительная свобода расширяется, а свобода Бога ограничивается, как будто Он не может быть конечной причиной мысли, которой у меня нет.

Во-вторых. Мог ли я не возопить? Тот **я**, которого Ты вторично родил в 1911 г., не мог не возопить. И все же я мог не возопить. В самом акте не моей мысли, то есть в то мгновение, когда она пришла ко мне, когда бес шепнул, а я услышал, я мог отмахнуться от нее, отстранить ее, не думать, лечь спать. Я мог отложить обдумывание не моей мысли. Наконец, я мог обдумывать ее, то есть своими силами пытаться преодолеть ее. Все это было бы ошибкой, может, грехом, но все же я мог сделать, так же как я мог сделать то, что сделал: возопил. Это было моей относительной свободой. Если бы я отмахнулся от нее, ничего бы не делал — и это тоже делание — и лег спать или сам пытался бы

преодолеть ее, я детерминировал бы мой акт мысли и потерял бы и относительную свободу. Я мог это сделать, но не сделал, а только возопил громким голосом. Этот вопль был молитвой, и в этом вопле моя относительная свобода стала абсолютной свободой.

Если при виде опасности я совершаю подвиг, в этом есть моя заслуга. Если же при виде опасности я только кричу от страха — какая здесь заслуга? Я увидел опасность и закричал от страха.

Вообще понятие заслуги переносит меня, вернее, оставляет и закрепляет меня в возможности, в грехе.

Если заслуга исключается, сохраняется ли вина? Но вина за грех и заслуга — понятия, принадлежащие к разным родам:

заслуга — предельное понятие, то есть понятие, принадлежащее к предельной мысли. Приписывать себе заслугу — грех: исполняя все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие. Фарисей в храме гордился своими заслугами.

Абсолютная свобода ноуменальна, то есть вне предельной мысли. Греховный акт — пограничное понятие: он сразу у нас и не у нас, причем дважды: он всегда ноуменален, то есть относится к моей сущности; затем: когда совершен — только у нас, и уже нет никакой свободы, даже относительной, когда преодолен — я уже там, и он преодолен моей абсолютной свободой: Божья воля — Божья и моя. Но заслуги нет: Истина меня освободила, не я сам, а Истина.

Приносишь ли ты доброе или злое, грех лежит у дверей, он стремится к тебе... <Быт. 4, 7.> Вот грех лежит у дверей, стремится ко мне, могу ли я избежать его, в моей ли это власти? Нет, не в моей власти; как только я решу сам, своими силами, своей властью избежать его, я уже впал в грех, может, даже больший, чем тот, что лежит у дверей: я понадеялся на себя, тогда он уже господствует надо мною. Не в моей власти избежать его, но в моей власти некоторый акт возможности, я не могу даже назвать это актом, потому что это только потенциальность, в которой нет никакой актуальности, именно возможность — несуществующее. В моей власти некоторое несуществующее, я уподобляюсь Богу, сотворившему что из ничто: Он все предопределил, все делает, ничего мне не оставил, и из этого ничто я творю что, когда у меня открываются глаза, как Бог, я различаю добро и зло. Это не акт, потому что акт совершает Бог, только некоторая мысль, то есть возможность, некоторый оттенок мысли или акта мысли — возможность возможности. Но в этом оттенке акта мысли я относительно свободен: относительно — потому что могу сразу потерять эту свободу, решив что-либо сам, положившись на себя, приписав себе; но могу и реализовать ее — ничего не приписав себе, увидеть, что не я живу, а Ты во мне. В первом случае я виновен: я согрешил, вина на мне даже если совершил повеленное мне, так как себе приписал Твое. Во втором случае я не согрешил, вины

нет, но и заслуги нет, и я перенесен в другую область, где нет заслуг, кроме одной: заслуги Сына Твоего Единородного. Тогда не я живу, Христос живет во мне. Одна заслуга — Его, одна слава — Ему.

3.XI. Ничто, так как Бог все совершает, ничего на мою долю не оставил, это ничто — источник моей абсолютной свободы. Акт совершает Бог, мой вопль не акт, а оттенок этого акта, если же я приписываю его себе, как будто бы я сам совершаю, — это уже не акт, а псевдоактуальность: я занимаю на Твоем пиру не подобающее мне место. Тогда Ты подходишь ко мне и говоришь: это не твое место, сядь пониже. Когда же я занимаю самое последнее место — и это значит: не мешать Тебе моими глупыми мыслями — Ты подходишь ко мне и говоришь: друг, пересядь повыше <Лк. 14, 10>, займи первое место.

4.XI. Мк. 8, 35 — Мф. 16, 25 — Лк. 9, 24. Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня (Мк.: «и Евангелия»), тот сбережет ее.

Ин. 12, 24—25. Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плодов. Любящий душу свою потеряет ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Постоянный мой вопрос к Тебе — грех, так как от желания сберечь свою душу; не содержание вопроса, а сам вопрос. Но не задавать вопроса, то есть избегать его, — тоже грех. Не исполнял ли я Твою заповедь — идя к Тебе, захватить и своего ближнего, возлюбить его, как самого себя? А сейчас мое жало в плоть не есть ли ненависть к моей душе в мире сем? Не ведешь ли Ты меня к Себе моим жалом в плоть? Но я снова оправдываюсь, прости меня, Господи.

Этот вопрос снова возник для меня неделю тому назад в машине, когда я ехал к М., и снова сейчас, когда думаю: могу ли я что-либо сделать? Что оставил Ты на мою долю? Ты оставил на мою долю очень много, все — Твое ничто: из ничто, подобно Тебе, делать что. Абсолютная свобода: когда мне ничего не оставлено, из ничто делать что.

Связь между ничто, творением из ничто, абсолютной свободой и контингентностью. Контингентность — ключ к моей свободе. Так же, как Слово от века предопределено было, предопределило Себя к тому, чтобы стать плотью, но в совершении вочеловечения, само это свершение было контингентным, а потому абсолютно свободным, так же и я от века предопределен к тому, что я совершаю, но и мое свершение контингентно, абсолютно свободно.

6.XI. В вопросе о предопределении и свободе есть два крайних, противоположных полюса, в которых этот вопрос решается полностью:

одно решение теоретическое, другое — практическое. Теоретическое: предопределение есть предопределение, тожественное абсолютной свободе. Абсолютная свобода сама по себе не тожественна предопределению, но есть рабская свобода выбора, детерминированная мотивом и формой выбора. Практическое: вера и Провидение. Вся трудность в теоретическом соединении теоретического и практического. Всякое решение здесь только аппроксимирование — бесконечное приближение к полному решению и все же только приближение. Потому что в моем ответе или решении я или еще здесь, или уже там, а в оттенке акта, непосредственно перед самым выбором или перед воплем я уже не здесь и еще не там. А где? В несуществующем, в ничто.

Пусть A и $\bar{A}$ — возможность подумать или не подумать. Пусть a и $\bar{a}$ — подумать в свободе выбора или в абсолютной свободе. Возможности: 1) Aa; 2) $A\bar{a}$; 3) $\bar{A}a$; 4) $\bar{A}\bar{a}$, то есть четыре комбинации из двух элементов по два. Трудность в том, что каждая комбинация — одно состояние, а не два элемента; и не четыре комбинации, а две — два состояния. Но, сказав: два состояния, я уже перешел ту границу, где реализуется моя свобода, то есть я или еще здесь, или уже там.

(1) $A\bar{a} = \bar{A}\bar{a}$	Абсолютно свободно думать значит не думать или ничего не приписывать себе.
(2) $Aa = \bar{A}a$	Абсолютно свободно думать значит активно думать в самой напряженной свободе выбора, чтобы, продумав до конца, полностью разувериться в себе, в своих силах и завопить громким голосом: Эли, Эли, лама савахфани.

Но (2) можно дать и другое толкование: (2) — это предельная мысль и рабство свободного выбора, а вопль относится к (1). Тогда я снова или уже там, или еще здесь. Возможность двойного толкования двух формул снова сводит их к четырем.

8.XI. Когда я был молод и, бывало, ночью просыпался и смотрел на часы, я думал: вот хорошо, еще только 2 часа ночи, я могу спать еще 6 часов. Просыпание было приятно, так как я предчувствовал приятность засыпания. А сейчас, просыпаясь и видя, что еще 2 часа ночи, я каждый раз боюсь, а вдруг не засну? — В уме, подавленном тоской, теснится тяжких дум избыток; воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток.*

И, как сказал Моисей: утром будешь ждать ночи: скорей бы ночь; а ночью: скорей бы утро.

---

* Пушкин А. С. Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день...).

9.XI. В моих воспоминаниях, в возвращении к прошлому Ты ведешь меня вперед к Себе — именно этим возвращением к прошлому. Ничего не забывается, возвращаясь к прошлому, я живу сейчас, то есть иду вперед, к Тебе. Помоги, Господи, жить сейчас, то есть уничтожить мнимую временную границу между прошлым и будущим, всегда бодрствовать и днем и ночью, дай знак Фомы.

16.XI. Раз мне дано жало в плоть, то я не могу и не должен забыть его: ни забыть, ни смягчить. Поэтому каждый день прошу: помоги мне, Иисусе Христе, помоги мне моим жалом в плоть, чтобы было больнее, Твоим бременем, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне и днем и ночью.

17.XI. Сны — это чистилище. В снах искупаешь грех: свой или своего ближнего, когда взял его на себя. Поэтому они так тяжелы: еще не искупил. И только редко бывает хороший сон, умиротворяющий: значит, искупил какой-то грех, свой или своего ближнего.

20.XI. Сон. Мама рассердилась на меня. Я не знаю за собой никакой вины, пытаюсь оправдаться: это только недоразумение. Но мама не хочет слушать, прогоняет от себя. Я ухожу в другую комнату. У меня ранка на пальце, течет кровь. Я пытаюсь забинтовать, но ничего не получается. Мне хотят помочь, я отказываюсь. Мама в соседней комнате беспокоится за меня, зовет к себе. Я говорю: ты же меня прогнала, и не иду. Мама сама приходит, но полного примирения все же не было. Это один из вариантов обычных сейчас снов — мое чистилище.

В этих снах проявляется какой-то мой грех: обида и жестоковыйность.

26.XI. Бог ли не защитит избранных своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитить их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре (Лк. 18, 8). Бог допустил войти в мир соблазну, чтобы я проснулся и бодрствовал, чтобы я открыл глаза. Но если веки мои опущены и тяжелы, как у Вия, кто подымет их? Только Бог. Что же остается на мою долю? Только вопить от страха, что Ты не откроешь мне глаза, вопить, чтобы Ты открыл их.

Пс. 102, 2: Господи! Услышь молитву мою, вопль мой да придет пред Тебя.

Пс. 70, 6: Боже, поспеши ко мне. Господи, не умедли.

27.XI. Игнавия, уныние, оставленность Богом, безнадежность — все это одно: я хочу возопить громким голосом и не могу. — Я хочу возопить, Господи, и не могу, не есть ли эта невозможность уже вопль, помоги возопить громким голосом.

В наиболее неэкзистенциальном, в только возможном оттенке акта мысли принять или отвергнуть мысль я свободен. И когда несвободен, в этом же несвободен: желанию предшествует мысль об удовольствии от возможного удовлетворения желания, и также в свободе выбора. В моих ли силах, в абсолютной ли свободе или в свободе выбора мой вопль?

Господи, дай мне вопль, дай возопить громким голосом.

Мир не вне меня, а во мне, и не теоретически, как явление или что-либо подобное этому, а практически, реально, экзистенциально. Вне меня только Бог. И Ты приходишь ко мне, исторгаешь из меня вопль, и тогда я живу: жив Господь, жива душа моя и уже нет вне и внутри: «вот теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой» <Ин. 16, 29>, притча — косвенная речь, сейчас — прямая.

Ты исторг из меня вопль, Ты же услышал и ответил. Я хотел возопить, сколько дней хотел, но мое желание — вялое, слабое, унылое, я впадал в страх и в безнадежность и, когда потерял уже последнюю надежду и сказал: я хочу возопить и не могу, не могу возопить, что же мне делать, Господи? — когда сказал это, Ты пришел, исторг из меня вопль, взял в Радость Господина моего.

29.XI. Я раб ленивый и неверный, не умножил свой талант, а закопал его в землю. Ничего не могу закончить, ничего не делаю, кроме этой тетради и случайных записей или импровизаций. А уже полгода и импровизаций нет.

До этого, с января 1962 г. тоже был рабом неверным и ленивым. Но тогда хоть полдела делал: у меня была моя лестница Иакова. Полдела — потому что и это делал наполовину.

Не есть ли неделание тоже делание — делание неповеленного мне? Если я ложусь на кровать и беру читать ненужную мне книгу — а сейчас почти все книги ненужные мне, то ведь не делая то, что повелено мне, и делая неповеленное, — тоже делаю.

Делание — неделание. Если я делаю повеленное мне, то я ли делаю? Я мешаю, а делаешь Ты. Но что значит мешаю?

Закон отменен благодатью. Но это не отменяет повеленного мне. Что повелено мне? И кто это делает? Если Ты — causa finalis, то все же я — causa efficiens. И что значит: я не делаю повеленное мне Тобою? Не Ты ли все делаешь? Но мне оставил сделать из ничего не оставленного мне, из ничто — что. Тогда, не делая этого, я раб ленивый и неверный.

Практически: как мне преодолеть мою абулию — невозможность что-либо сделать, поставить некоторую печать, которую Ты повелел мне поставить. Печать — это некоторое дело, которое Ты мне доверил,

которое я совершаю через Тебя, которое Ты совершаешь мною. Если же Ты совершаешь мною, то почему не совершишь, почему не разбудишь меня, чтобы я проснулся, чтобы вышел из этой спячки, когда живу только тем, что жду Тебя, жду, когда Ты пробудишь меня. Я живу только, когда Ты приходишь, пробуждаешь меня, живешь во мне, а в остальное время сплю и жду. Жду, когда Ты придешь, жду знака Фомы, когда пробужусь окончательно. Будет ли это? Что повелишь делать до этого? И что значит повелишь? Не Ты ли все делаешь и когда я делаю и когда не делаю?

И все же есть погрешность в словах: я мешаю Тебе. Это синергетизм. Могу ли я мешать Тебе? И не исполняя повеленное мне, и исполняя неповеленное мне — я ли это делаю или снова Ты ведешь меня к Себе неисповедимыми для меня путями, а я, раб неверный и ленивый, противлюсь Тебе? Я не знаю, что это значит, не знаю теоретически — но практически я знаю одно: я раб ленивый и неверный. Я знаю, что только ждать Тебя — погрешность, даже грех.

Твое предопределение и моя абсолютная свобода — может, только два слова, определяющие одно и то же мое двойное состояние, состояние, повеленное Тобою, создаваемое Тобою, Твое Провидение, Твое дело?

Закон и повеление. Закон Ты отменил благодатью, отдав Сына Твоего Единородного. Но Твое повеление не закон. Закон безличен, повеление личное. Твое повеление свободно и реализует мою свободу. Твое повеление — вспомнить, что я сотворен Тобою по Твоему образу и подобию; Твое повеление: реализовать мою абсолютную свободу — Твой образ и Твое подобие во мне.

Передо мною снова испытание: Ты велишь мне жить. Я не знаю еще, что это значит, не знаю, на сколько времени, не знаю, как выполню, не знаю, что значит: выполню, когда Ты все делаешь, но знаю, что это тяжело. Ты возлагаешь на меня Свое бремя, и чем оно тяжелее, тем легче, и чем жало в плоть сильнее, тем лучше, и иго Твое благо. И снова прошу: помоги мне моим жалом в плоть, чтобы оно было больнее, бременем, чтобы оно было тяжелее, не оставь меня, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне и днем и ночью.

30.XI. Когда мне ничего не оставлено на мою долю, потому что все Ты делаешь, если я не делаю из этого ничего не оставленного мне, из этого ничто — все, то я раб неверный и ленивый. Практически сейчас: если я ничего не могу делать, потому что вижу перед собой какую-то невозможность, которая парализует все мои силы, убивает их, тогда я раб неверный и ленивый. Невозможное, которое я не могу одолеть, это не внешние обстоятельства, а моя внутренняя инерция; я не могу даже назвать ее внутренней, она стоит передо мною, как стена, как внешняя

сила, как невозможность, как ничто, противостоящее всякому моему намерению, решению, делу, как отсутствие будущего, бесперспективность. Бесперспективное сейчас втянуло в себя все будущее, даже не с е й ч а с, сейчас — абсолютная свобода, но и ее нет, пока Ты не приходишь. Воображаемая граница между прошлым и будущим — прошлым в форме свободного выбора — втянула в себя будущее. Свобода выбора парализована. И Бог с ней, но нет и абсолютной свободы; я сплю: впереди ничего не видно, передо мною — ничто. Я остановился перед ним и не могу и пальцем шевельнуть. Ты приходил, толкал меня, а я снова останавливался, снова перед ничто. Я раб неверный и ленивый.

Ты научил меня останавливаться, не выбирать, ждать Тебя перед ничто. Ты научил меня вопить от страха, а сейчас — из ничто, подобно Тебе, создать что. Но и сейчас: также останавливаться, не выбирать, ждать Тебя перед ничто. И также вопить от страха ничто. И также: не быть ленивым и неверным рабом — из ничто создать что.

Дело не в том, чтобы закончить «Четыре выбора»* или писать «О благодати и свободе»[17], вообще не в писании. Плохо, что я много читаю, что я только жду. Может, год или два тому назад это было не плохо, может, тогда я и не был рабом ленивым и неверным, а сейчас это неверность.

Бог всегда тот же в различном, а то же самое в том же самом — аналитическое абстрактное тожество. Я остановился в том же самом того же самого. Два года тому назад бесперспективность была плодотворной, была сдвигом, а сейчас — унылое продолжение того же самого в том же самом. Я должен выйти из мертвого равновесия, равновесия без всякой погрешности. Погрешность будет не в том, что появится перспективность, она не появится, и жало в плоть не ослабеет. В чем проявится этот сдвиг, как Ты сдвинешь меня — я не знаю. Одно я знаю: я раб неверный и ленивый, что-то должно свершиться, что-то свершится.

7.XII. Исполняя повеленное мне и думая, что я сам исполняю, я исполняю неповеленное. Тогда и повеленное откроется как неповеленное. Например, в исполнении к ближнему; исполняя по долгу — я сам исполняю, и ближний почувствует это как легальность.

А делая не должное и не повеленное мне?

Во-первых, я могу думать, что не сам исполняю, а Ты велишь, например, инквизиция. Я сам обманываю себя, не сознавая, что поступаю по своей инициативе. И здесь не надо искать примеров так далеко. Я найду их достаточно в своих мыслях, намерениях, делах.

---

* Отдельная работа с таким названием неизвестна. Рассуждения на эту тему см.: библиогр. [31], с. 863—911.

Во-вторых. Я сам, по своей инициативе исполняю недолжное, неповеленное. Тогда знаю, что сам исполняю, свое:

1. Сама моя мысль: я думаю, что сам исполняю — сама мысль является причиной исполнения, то есть действия, — так я думаю в грехе.

2. Само действие потому и не должное, не повеленное мне, что я думал, что сам исполняю. По существу оно не отличается и от первого случая, когда я сам от себя исполняю повеленное мне. Разница, может, только та, что неповеленность повеленного мне, когда исполняю от себя, обнаружится не так скоро, а неповеленность не повеленного мне обнаружится (и то не всегда) скорее. К тому же и неповеленность повеленного мне, исполняемого от себя, то есть когда я думаю, что сам исполняю, тоже обнаруживается не всегда и не сразу. Как это и было со мной недавно.

8.XII. Хотел бы я, чтобы 16.X совершилось не в <19>63 году, а раньше? Нет. Ответ категорический без всякого сомнения.

Хотел бы я, чтобы 16.X совершилось не в 63 году, а позже — в 64 или в 65? Я подумал это вчера и раньше сказал: нет, потом: да, потом: не знаю. Я сказал: нет, потому что понял вопрос как мое передвижение по времени назад на год или два, причем мой годичный или двухгодичный опыт аннулировался бы, то есть мне предстояло бы и внешне и внутренне пережить снова свое прошлое. А это полное и точное повторение своего прошлого страшно, как всякая механизация, и от него мутит нестерпимо. Это не то повторение, о котором писал Кьеркегор. Я сказал: да, предполагая, что мой опыт, возникший из-за жала в плоть, посланного Тобою, был бы и без жала в плоть. Тогда сейчас было бы меньше раскаяния. Но эта возможность абстрактная: я хотел бы, чтобы опыт, который был функцией жала в плоть, сохранился бы и явился до жала в плоть, то есть сохранить функцию без ее аргумента. Тогда сказал: не знаю.

Опыт до 16.X и после. Если бы 16.X случилось раньше и я раньше получил бы жало в плоть, некоторый опыт я получил бы раньше, но раньше лишился бы личного опыта, который давала мне мама. Поэтому на первый вопрос категорический ответ: нет. Хотя и здесь вопрос не конкретный, а в предельной форме. Свой главный грех и вижу до 16.X, и знаю. А сейчас: я только жду, не могу сдвинуться, завяз в том же самом того же самого.

14.XII. Вчера написал рассуждение «О воскресении из мертвых», заключение и вступление закончил уже 14 декабря в 2 часа ночи. — Мой подарок ко дню рождения.

Три темы, больше всего интересующие меня после 16.X.63:

1. Предопределение и абсолютная свобода. — Allwirksamkeit Gottes.*

2. Ноуменальные отношения. — 4 выбора.

3. Воскресение из мертвых.

Связь их с 16.X ясна.

Два варианта инварианта бессмертия: соборный и индивидуалистический. Может, это необходимая религиозная антиномия? Связь ее с антиномией любви к ближнему:

1. Любить каждого ближнего своего, как самого себя.

2. Но как я один, так и ближний, которого я люблю, как самого себя, один, то есть единственный. Антиномия: каждый и единственный. Первое может повести к легализму, второе к эгоизму. Соблазны двух вариантов бессмертия и недолжные аппроксимации.

16.XII. Если порвется связь с единственным ноуменально ближним, то тем более с другими. Может ли сохраниться моя личность, если порвется всякая связь с другими личностями? Если же порвется, останется ли мое отношение к Богу личным? Если не останется, то сохранится ли личность Бога, не станет ли Он только Божество, а не Бог? Не станет ли тогда и Провидение только естественной необходимостью? Но я знаю, Господи, нет, не станет. Но верна ли сама эта последовательность, необходима ли связь вопросов?

Три темы:

1. Склонность к акосмизму у меня всегда была, особенно ясно стало это в построении практического основоположения («Исследование о критерии» II²**). Акосмизм — теоретический вывод, неправильное аппроксимирование вывода из Allwirksamkeit Gottes. С 16.X.63 практически Allwirksamkeit Gottes в двух формах: положительно — Провидение, отрицательно — Бог меня оставил. Оставление Богом — тоже Божье дело. Ощущение греха, богоборчество. Гнев Божий = оставление меня Богом = богоборчество, как завершение и самосознание греха — вопль.

2. Я понял ноуменальное отношение, потеряв его — когда Ты убрал ее от меня. Тогда понял себя: я — ты — я; я — Ты — я; я — Ты — ты — я.

3. Знак Фомы.

---

* Вседейственность, всемогущество Бога (*нем.*).

** По-видимому, так автор обозначил один из вариантов.

21.XII. У меня есть настоящий мир и ненастоящий. Настоящий, когда я один — один с Тобою. Тогда я — я. Ты дал мне лицо. Ты дал мне познать его через мою лестницу Иакова, а сейчас — через жало в плоть. Через мое жало в плоть я один — один с Тобою. И снова те же вопросы:

1. Если после смерти память о временной жизни не сохраняется и нет общения воскресших, то теряет вечный смысл и вечное значение заповедь: возлюби ближнего своего, как самого себя. Она станет только временным средством, чтобы я осознал себя. Это слишком по-человечески эгоистично, если любовь не вечна. — Гимн любви апостола Павла.

2. По дороге на кладбище я думал еще о молитве. Молитва не только осознание того, что я есть, что мне нужно по-настоящему, моя молитва и Тебе нужна, как реализация Твоей жертвы и Твоего креста. Да святится Имя Твое — оно освящается моей молитвой.

Молясь, я обращаюсь и к маме. Один Посредник, Ты Посредник между мною и Тобой. Мама — моя лестница Иакова к Тебе, основание которой Ты убрал от меня, но и сейчас она есть как жало в плоть, как меч, пронзающий мою душу, ведущий меня к Тебе, чтобы я всегда шел к Тебе, знак, что Ты ведешь меня к Себе. Помоги нам, Господи, помоги и мне, окаянному, жалом в плоть, бременем Твоим, знаком Фомы.

24.XII. И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному <Быт. 2, 18>.

ιι. В молитве к Богу я не один: не предметное, а личное общение.

ιε. Но я все же сотворен, тогда и предметный смысл молитвы: покаяние, просьба, благодарение.

ει. Абсолютная субъективность. Тогда всякая молитва и к Отцу — молитва к Сыну. Соборность.

εε. Абсолютная абсолютность. Шехина — слава Господня. Я буду святиться чрез вас... (Иез. 20, 41) ...И узнаете, что Я — Вечносущий... (Иез. 37, 14). Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу (Пс. 113). Да святится имя Твое. И осенила слава Господня гору Синай (Исх. 24, 16). Бог — все во всем (апостол Павел). Реализация славы Божьей. Тогда и молитва к Христу — молитва к Отцу.

1 Кор. 15, 12, 16—17.

25.XII. Бог хочет, чтобы я с Ним боролся, поэтому Он и допустил мне соблазниться и пасть, чтобы у меня открылись глаза. *В этом смысл свободы выбора*; моя мысль, мое намерение, мое решение, мое сомнение, пока не дойду до предела полного сомнения в безнадежности, до полного сокрушения духа и не завоплю громким голосом: Боже мой, Боже

мой, что Ты оставил меня. Тогда Ты приходишь и мою борьбу, мое сомнение обращаешь на меня же, и это равносильно тому, что Ты даешь мне веру. Ты доводишь меня до вопля — тогда я верю: жив Господь, жива душа моя.

Отказаться от своей свободы выбора я не могу, потому что сам отказываюсь, то есть выбираю невыбор. Я сам могу только стремиться к увеличению своей мнимой свободы выбора. Но это усиление себя самого может идти разными путями, в основном двумя:

прямой путь: явное своеволие, гордое сомнение, утверждение своей воли;

косвенный путь: неявное; сомнение до безнадежности и отчаяния.

Гордое сомнение всегда поверхностное, не полное, не до конца. Достоевский о неверии. Смиренное сомнение глубже, потому что я и ты, я и Ты соединены ноуменально. Настоящее сомнение в ты, вообще в не-я, в телеологичности моей жизни, в Тебе невозможно без сомнения в себе самом. Но гордый сомневается в чем угодно, кроме себя самого, в себе самом он уверен. Но поэтому его сомнение поверхностно. Только у верующего может быть глубокое, полное сомнение до отчаяния и безнадежности, до вопля. И тогда это уже полная, живая вера, которую Ты даешь.

Простое эмпирическое наблюдение, опыт: когда Ты ближе всего мне: когда я борюсь с Тобой в самооправдывании, когда мешаю Тебе, желая помочь, мешаю своими глупыми мыслями, своими рассуждениями, своими делами, когда от маловерия и слабости духа сомневаюсь до того, что только воплю от страха. Тогда Ты приходишь ко мне. Исключения, которые были у меня, может, только по видимости исключения: я не заметил или не запомнил, как шел против Тебя.

Христос пришел к Савлу, когда он восставал на Христа.

Иов.

28.XII. Пока я не почувствую страшное в жизни, то есть страшность жизни, какую-то ненормальность, уродливость, perversitas* жизни, и не только умом, но всем существом своим, всем сердцем, всей душою, всем разумением своим, не почувствую так, что завоплю от страха, до тех пор, кажется, еще нет настоящей, живой веры, только предчувствие ее. Какая-то бессмысленная бойня не только в переносном, но и в прямом смысле, ведь первоначально Бог предназначил для еды животным — травы, людям — плоды. И не случайно изнасилование — от насилия. Затем, ложь, лицемерие, самооправдывание и нечистота. Из этих немногих компонентов складывается то, что называют жизнью,

---

* Извращенность, испорченность (*лат.*).

Карл Барт — эросом. Когда я это чувствую и воплю от страха, приходит Бог. Я не говорю: только тогда. Но если этого чувства-ощущения вообще никогда не бывает, я не знаю, приходит ли Он.

Синтетическое тожество различного, образец и основание которого Богочеловечество Христа, в грехе разделилось: предельность мышления, то есть ноуменальная дихотомичность павшего, поврежденного ритма моей души; от этого и свобода выбора. В Библии это сказано очень точно — вопрос змия: а подлинно ли сказал Бог... Этот вопрос и есть разделение синтетического тожества Богочеловечности и свобода выбора.

Адиафора — теоретическое обоснование благодушия, прикрывающегося словами: благообразие, благолепие, благодать, причем совершенно не понимают, что благодать — точный термин для страшного (страх Божий) и радостного — нуминозное, mysterium tremendum. Так оно было и для Августина, а сейчас, особенно для православных, это закрывание глаз на меч, пронзивший душу, на крест — соблазн для иудеев, безумие для эллинов, на серьезность и страшность жизни. Иногда же просто оправдание жизни бабочки-однодневки. У католиков — оправдание авторитета, для этого же теоретическое обоснование неуверенности в своем спасении или погибели — неполная вера и вера угольщика.

Адиафоре противополагается абсолютная небезразличность, полная уверенность:

а) в Провидении, руководящем моей жизнью, в моей абсолютной инвариантности, а значит, призванности и вечной жизни; в абсолютном смысле моей жизни, абсолютном — это значит: я нужен Богу, значит, всегда нужен, вечно;

б) в моей непризванности, в моей отверженности, оставленности Богом, отчаяние и сокрушение духа до полной безнадежности, так что ничего не остается, как только вопить от страха: Эли, эли, лама савахфани.

Не колебание между этими двумя абсолютно несовместными полными уверенностями, не бесстрастная адиафора к ним, а полное отожествление их есть живая вера. Для человека это невозможно. Но невозможное для человеков возможно для Бога <Лк. 18, 27>. Только Он дает мне отожествление этих двух несовместных для меня уверенностей. «Моя сила совершается в немощи» — в немощи моего ума, моей мудрости, в немощи всех моих сил.

В грехопадении я разделился:

а) сохранение и утверждение одной только уверенности без вопля — фарисейское самодовольство;

б) сохранение и утверждение в одной только уверенности в непризванности, бессмысленности моего существования, в конце концов только уверенность в себе самом, тогда — Sein zum Tode. Ставрогин.

Легкомысленная и пошлая форма этого сомнения — атеизм: Лукиан, Вольтер, Монтень (должно быть), Сартр и др. Часто соединяется это с сентиментально пошлой и очень противной жалостью к себе — Хемингуэй («Молись, товарищ, вечному ничто»), часто с злобой, наглостью и бесстыдством — Вольтер, у Шостаковича, кажется, и то и другое. Конечно, вопля: Эли, Эли, лама савахфани — здесь нет. В основе самовозвеличение:

а) в своей праведности, то есть лицемерии, так как своей;

б) в своем уме, то есть глупости, так как своем.

В обоих случаях я занимаю высокое место на пиру. Тогда хозяин пира подходит ко мне и говорит: это не твое место, пересядь пониже.

Тожество *а* и *б* через крест, через вопль. Я занимаю последнее место на пиру. Тогда подходит хозяин пира и говорит: друг, пересядь повыше, там твое место. Он называет меня уже своим другом. Это тожество и сразу: justus peccator — интенсивное, и во времени: временем искушение, временем утешение — экстенсивное.

30.XII. К. Барт, кажется, много написал, да и вообще многие теологи много писали. Я не понимаю, а когда они думали? Когда искушались и соблазнялись? Когда просто так лежали на кровати, ничего не делая? Когда предавались мечтаниям и бесовскому парению мыслей? Если же бес не искушал их соблазнами и праздными мечтаниями, то что они знали?

Господи, избавь меня от мечтаний и бесовского парения мыслей, не введи в искушение, избави от лукавого, дай знак Фомы.

1966

6.I. Я ехал к Жене* на машине по Фонтанке и, не доезжая до Лермонтовского, по ту сторону Фонтанки увидел угловой желтый четырехэтажный дом, две стены его сходились не под углом, а дугой: и меня охватила такая беспросветная тоска, которая бывает разве только в снах. И сейчас, когда вспоминаю тот дом, она возвращается. Эта тоска напоминает о н о — точку, затерянную в бесконечном пространстве,

* Гельфанд Евгения Марковна (1902—1966) — двоюродная сестра (дочь брата матери), артистка. За ней, тяжелобольной, ухаживали несколько подруг. Яков Семенович принимал самое деятельное участие.

но о н о беспредметно, а та тоска соединена как-то с мамой. Связано ли это с какими-либо забытыми воспоминаниями и ассоциациями, или сам дом, его форма и цвет вызвали это чувство?

7.I. Сон. У меня испытания на жизнь, и я ни одного не выдержал. Значит, скоро умирать. Я на дворе, а за дверьми на лестнице шум, потом мамин крик. Я лежу, не могу подняться и все же вижу: он <отец> упал, лежит, кто-то поднимает его, говорит: одни кости, один скелет. Я думаю: значит, скоро все будем там, увидим, как и что, то есть как и что там.

Не то чтобы я видел сквозь двери, но мое тело лежало на дворе, а мой дух перенесен был, невидимо присутствовал на площадке лестницы, где он упал.

В этом сне три части: испытания на жизнь, происшествие на лестничной площадке, вывод. Никакой логической, рациональной связи между частями нет. А ноуменальная есть: мой дух, независимо от тела перенесенный на лестничную площадку, он соединяет и первую часть со второй, и вторую с третьей.

В первой части тоже две части: испытания на жизнь, вывод — скоро умирать. Логическая связь здесь тоже не ясна. И так же во второй части: падение и крик, затем вывод — одни кости, один скелет; почему скелет?

Схема сна: 1*a*/1*b*/2*a*/2*b*/3. Наклонная черта обозначает нерациональную, нелогичную связь, то есть бессмыслицу. Здесь 4 бессмыслицы, осмысленные ноуменально, духом. Духовное — синтетическое тожество различного, то есть несовместного, что рационально, или логически, бессмысленно.

Одностороннее синтетическое тожество (и ι и ε) — только образ или схема духовного, прообраз — Богочеловечность Христа. И также Благая весть: Царство Мое не от мира сего <Ин. 18, 36>. Поэтому и Благая весть у нас — неопределенное отрицание земных вестей: Благая весть есть Благая весть, тожественная земной вести, но сама земная весть — только буква, а не дух, не Благая весть. Его Царство до второго пришествия всегда будет неопределенным отрицанием земного царства.

Так же и беспредметность относится к предметности, вообще дух к плоти, то есть к недуховному. И в искусстве: атональность всегда есть отрицание тональности, независимо же от нее может стать новой тональностью (или ладом, вообще тяготением. Шёнберг, Веберн).

11.I. Сейчас я убедился, что вина на мне, я виноват, виноват в своей замкнутости, в своей ограниченности, ограниченности собою, греховной

закрытости, прости меня, Господи, дай силу прорвать мою греховную замкнутость, дай знак Фомы.

Сейчас, в 2 ч. 30 мин. ночи 11.I, ушел Г. <Орлов>, и я понял свою ноуменальную вину, свою отверженность, свой грех. Он не в словах, не в намерениях, не в мыслях, а глубже, во мне, в глубине меня. Я неправедный грешник, эта неправедность сидит глубоко во мне, так глубоко, что я бессилен, не знаю, как добраться до нее. Грех замыкает меня.

Так же непонятно, не занимая никакого места, стоит передо мною, когда я один, ничто, парализующее всякую возможность действия, превращающее меня в раба, ленивого, неверного; и так же непонятно во мне самом другое ничто, так же невыразимо не занимая места, и так же реально во мне, как и ничто внешнее, вне меня, передо мною. Когда я ищу его, оно ускользает от меня и снова прочно стоит во мне. Я не могу назвать его, указать на него, оно замыкает мне рот, реально замыкает меня.

Может, один грех в двух видах, невыразимая, непередаваемая никакими словами глубина греха в двух формах, два реальных ничто:

ничто вне меня, лишающее меня всех сил, делающее меня рабом, ленивым и неверным; и ничто во мне, замыкающее меня. Оба ничто — один грех, мой грех, прости меня, Господи, Иисусе Христе, помоги.

Утром. Когда я знаю свой грех, я знаю, чему противодействовать, не говорю: могу противодействовать — когда могу, не могу — но знаю, то есть имею мысль, в мысли могу не мыслить от себя — это могу уже другое: из ничто создать что. Самое страшное, что я не знаю, чему противодействовать; что вчера противодействовало мне: не было никаких плохих ни мыслей, ни намерений, было ноуменальное отсутствие — μὴ ὄν*, был сам грех, сам дьявол в форме ничто, и он замкнул мне рот. Была внесенная им дьявольская путаница жизни под предлогом обсуждения М. — их и нашего.

Два ничто — сам дьявол, которому я не могу противиться в своем грехе, и даже не это: все равно я сам ничего не могу, — но я даже не могу завопить от страха, чтобы Ты освободил меня от него. Когда я один, он является мне как внешнее ничто, парализующее не только мою абсолютную свободу, но и свободу выбора. Хоть бы она оставалась, я знал бы, что вредит мне, и завопил бы громким голосом. А здесь и вопить нет сил. Когда я не один, а с моим ближним, дьявол является мне как внутреннее ничто, замыкающее мне рот, изгоняющее меня из общения святых, из соборности, из открытости. Я говорю: дьявол, но здесь какой-то омерзительный союз дьявола с моим грехом, их заговор против меня, а я один, бессилен. Это бессилие тоже грех, но что делать — я

* Не-сущее (μὴ — отрицание возможности, ὄν — сущее) (*гр.*). См. также библиогр. [17].

не знаю. Так бывает в страшных снах: страшное приближается ко мне, а я парализован — знаю, что надо закричать, чтобы проснуться, и не могу закричать. Господи, разбуди меня, дай вопль, Эли, Эли, лама савахфани.

Может, мой грех был в том, что я увильнул от разговора о нашем М.? Но ведь и в этом я виноват, вина на мне, что мне делать, Господи, либер Готт, Готтеньки, Обрах Монсс, афтун.

Кьеркегор говорит: дух увидел себя, осознал, устремился вверх, но сам, своими силами ничего не может. Тогда видит перед собой пропасть, в которую он неминуемо свалится, от страха — страха ничто — у него кружится голова, его мутит, он падает в пропасть: ты полетишь, как камень зыбкий, в сияющую пустоту*. Только никакой божественной улыбки при этом нет, одно невыносимое отвращение к себе самому, к ничто во мне, как бы сегодня ночью, невыносимое отвращение к дьяволу в форме ничто, заполнившего меня, заключившего союз с моим тайным, неизвестным мне грехом; дьявол и мой грех, восставшие на меня. Помоги, Господи, Эли, Эли, лама савахфани.

Дьявол — это безличная вата, о которой говорил Стерлигов, вата, замыкающая мне рот, отделяющая меня от других.

Ты дал мне понять, что грех моего ближнего — мой грех, как ребе Суссия, я воплю: Боже, до чего я мерзок, не мой ближний, а я, я мерзок, даже тогда, когда он согрешил, вина на мне. Его грех бесконечно меньше моего, моей вины его греха. Но его бесконечно малый грех причиняет ему бесконечно большое страдание, и вина на мне. Освободи, Господи, его от его бесконечно малого греха, тогда и я буду освобожден от моей бесконечно большой вины за его малый грех. Помоги нам, Господи, яви Себя нам, дай знак Фомы.

У индусов есть, кажется, формула святости: я есть ты. Я все время чувствую: я не ты. Твой грех — мой, на мне вина греха моего ближнего, но я только мучаюсь, не могу освободить моего ближнего от страдания его греха — от моей вины его греха — от моего греха. Я есть ты в грехе, это я чувствую, но в прощении греха я один перед Тобою, я не могу передать ему то, что Ты даешь мне, тогда снова я не ты, снова в грехе и, идя к Тебе, не могу захватить своего ближнего. Тогда Ты снова отталкиваешь меня от Себя и снова, отталкивая, притягиваешь, и снова иду к Тебе, и снова я есть ты в грехе, и Ты прощаешь меня, а я не могу передать ему Твое прощение, и Ты отталкиваешь меня и, отталкивая, приближаешь.

---

* Блок А. А. Демон.

Господи, рассеки этот круг, останови это бесконечное движение, этот безумный бег, дай знак Фомы.

13.I. Тайна творения мира: синтетическое тожество μὴ ὄν и οὐχ* ὄν. В грехопадении они разделились и μὴ ὄν стало источником демонизма. До творения мира ни в Боге, ни вне Бога не было μὴ ὄν, оно было οὐχ ὄν и сотворено, но не само, а в синтетическом отожествлении μὴ ὄν и οὐχ ὄν, только в грехопадении синтетическое тожество разделилось и стало μὴ ὄν — дьявол в форме ничто. В не моей мысли μὴ ὄν выдавало себя за οὐχ ὄν — это уже сам дьявол, его последний обман: нет Сущего. Не моя мысль — последняя степень нигилизма, неверующий не имеет о ней никакого представления; и здесь же вера — вера, которая не верит, вера, движущая горы, последнее абсолютно положительное; в одной точке оба. Тогда тоже творение что из ничто.

16.I. Вчера были Ст<ерлиговы> и обвиняли меня. Я не защищался, говорил мало, только сказал В. В.: Бог добрее вас. Когда они ушли, я вспомнил слова Розанова: я поросенок, но Бог любит меня. И сегодня хочу позвонить Ст. и сказать: вы меня утешили, спасибо, я поросенок, а все же Бог любит меня. И хотя спал я плохо, и сны, как всегда, кажется, плохие — не помню, все же, просыпаясь, я не чувствовал угрызений совести и стыда, как это бывает на следующий день, если я говорил хорошо и произвел хорошее впечатление. Когда люди против меня, Ты за меня. Чего же мне еще надо?

22.I. Три года тому назад я написал, что устал 60 лет тащить за собой свою душу. Сейчас: 63 года тащу за собой свою жизнь, я устал тащить за собой свою жизнь, она вся проникласъ мертвостью Господа моего Иисуса Христа. Помоги мне, Господи, тащить ее, пока я еще нужен Л<иде> и М., помоги дотащить до конца.

27.I. Снова какие-то встречи, встречи-искушения, встречи-соблазны, отвлекающие меня от пустыни, от душевной пустыни, и когда ее нет — духовная пустота. Опустоши меня, Господи, и наполни Собою.

29.I. Ин. 11, 33. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам ВОСКОРБЕЛ ДУХОМ И ВОЗМУТИЛСЯ.

Кажется, никогда я не писал о моем богоборчестве в настоящем времени, всегда в прошлом, то есть как то, что было: я обнаруживал его в прошлом, например в самооправдывании, и каялся. Не потому, что я боялся написать, так мне кажется, а потому, что настоящее богоборчество —

* Отрицание факта (*гр.*). См. также библиогр. [17].

это не глупое внешнее фрондирование, не сознательное, а бессознательное восстание на Бога, какая-то полускрытая глубина моего греха, какое-то ядро моей глубокой мысли, ее основной тон. Этот основной тон скрыт от меня, я обнаруживаю его в каком-то верхнем обертоне, поэтому записываю позже и в покаянии, а не потому что боюсь записать; хотя это и страшно. Вот почему я привел эту цитату: Сам Сын Божий воскорбел духом и возмутился и нам завещал возмущаться. Без этого возмущения нет живой веры. Но Бог обращает это возмущение против Него обратно на меня же, этим возмущением Он ведет меня к Себе; тогда я «отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе». — Иов.

Я не могу не восставать на Бога, даже мелочно спорить и пререкаться с Ним; не могу, потому что он требует этого от меня. Неверующий не понимает, фарисей лицемерит, уверяя других и себя, что он не восстает на Бога, как это уверяли друзья Иова. Но Бог оправдал не их, а Иова. Но это богоборчество тайное, Иов высказал самые тайные мысли человека, и именно верующего. Поэтому Бог и простил Иова и примирился с ним.

31.I. Псалмы обращаются против меня. Вот Пс. 5, третье лицо — это я, я заменяю его первым: Господи, веди меня в правде Твоей; вопреки врагам моим (мои враги — ближние мои, хвалящие меня) уровняй предо мною путь Твой; потому что нет в устах моих истины; внутри меня разврат; открытый гроб гортань моя; языком своим ласкаю себя. Обличай меня, Боже! Пусть паду я через умыслы мои. За множество преступлений низложи меня, потому что я возмутился против Тебя! И возрадуются все уповающие на Тебя; они вечно будут ликовать, а ты будешь покровительствовать им; и будут торжествовать любящие Имя Твое. Пс. 13: а я на милость Твою уповаю.

1.II. Есть мысли центральные, в самой глубине моей, и есть периферийные, на окраине моей души, они мелькают как бы и не от меня, от беса. И сейчас мелькнула, не хочу даже повторить.

Я заблудился, как овца потерянная; взыщи раба Твоего, Господи, дай знак Фомы.

Центральных, самых глубоких, две: забытый мною образ и подобие, по которому Ты сотворил меня, и грех мой — восстание на Тебя.

2.II. Сны. Аптекарь болен. Ему дают советы, но ничего не помогает; он умер. В комнате кровать, гроб, шкаф. Приходят люди прощаться с ним. Я ищу, где же покойник? Ни в кровати, ни в гробу, ни в шкафу его нет. Я ухожу. По дороге встречаю аптекаря: ну, значит все в порядке, сейчас он придет домой и ляжет покойником в гроб...

Г. <Орлов> иронически говорит мне: подумать только, со всеми-то вы общаетесь, и с Богом, и с ближними. Я не знаю, что сказать: что же делать, теперь придется всегда молчать...

Два способа веры. Но я никак не мог найти слова, чтобы определить их. Этот сон прошел через всю ночь: я просыпался, искал слова, чтобы определить два способа веры, засыпал, и снилось то же. И первый сон снился долго, и мама принимала в нем большое участие. Темы этих снов дневные, то есть то, что я думал днем, но не то преображенные, не то деформированные — смещенные настолько, что я уж и не знаю, что думать. Действительно, я заблудился, как овца потерянная.

7.II. Не я иду к Богу — я бегу от Него — а Он тащит меня к Себе. Не я иду к Богу: я боюсь сказать себе **никогда**, то есть сказать **никогда** моим греховным помыслам. Если же 16.X.63 я и сказал себе **никогда**, то, во-первых, всем своим греховным помыслам я не могу противостоять, значит, бегу от Тебя, и во-вторых, и то **никогда** не я сказал, а Ты заставил меня сказать, Ты сказал во мне — мне же. Ты тащишь меня к Себе, говоря мне **нельзя**, говоря мне **никогда**, пристыжая меня, вызывая во мне покаяние; являя мне Свое Провидение на примере моей жизни; являя мне Себя. Поэтому я блуждаю, как овца потерянная, бегу от Тебя, а Ты ищешь меня и возвращаешь к Себе. Взыщи меня, Господи.

8.II. Самое скучное и противное и часто самое страшное для окружающих — это человек с сильной волей. Благодарю Тебя, Господи, что Ты не дал мне сильной воли.

13.II. Христос сказал: да не будет у вас другого отца, кроме Отца Небесного, и другого учителя, кроме Меня <Ин. 13, 13; 1 Кор. 8, 6>. Я только учитель арифметики. А если Бог дал мне чуть-чуть прикоснуться к небесной арифметике, то здесь я не учитель, а ученик, такой же, как и всякий другой, прикоснувшийся к небесной арифметике. И еще: горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо <Лк. 6, 26>. — Это о той путанице, в которую я втягиваюсь помимо моей воли, от этого отвращение после встреч-соблазнов, отвращение к себе, особенно когда эти встречи приятны мне, отвращение к приятности. Очисти меня, Господи, жалом в плоть, чтобы оно было больнее, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы.

14.II. Я боюсь ощущения или сознания моей нужности для кого-то, то есть что я нужен кому-то, что я какой-то оракул, что-то из себя представляю. Я всегда знал и знаю, что то, что я писал, нужно всем, но никто этим с 1941 г. не интересовался и мои вещи были сами по себе, а я, каким я являлся другим, был другим. Вернее, я и был тем, чем были

мои вещи, никто ими не интересовался, и это было хорошо. И была у меня моя лестница Иакова, стержень жизни, а глупые, пошлые прихоти были в стороне, это был не я. Я был в моей лестнице Иакова, которая вела меня к Тебе, и в моих вещах, в которых Ты открывался мне, которые Ты открывал мне. Я ничего не представлял из себя, Ты был все. И вот все изменилось. Ты убрал от меня мою лестницу Иакова и дал мне взамен жало в плоть. И все, кроме Тебя, мне стало неинтересным. Я снова пишу, но вещей не делаю, мне стало это безразличным — все равно. Может, единственная вещь, которую я делаю сейчас, — эта тетрадь †. И вот, когда мне стало безразличным, хорошо ли я напишу или плохо, что скажут о вещах моих другие, представляю ли я из себя что-то или кого-то, мои вещи стали читать, я стал чем-то. И это так фальшиво и глупо, что я что-то, а не ничто, как был до 16.X.63. И еще хуже приятность, которая иногда появляется при встречах. После этого невыносимое отвращение и к фальши быть чем-либо и к приятности. Я был что как ничто, теперь же в встречах — как что — ничто. Господи, освободи меня от фальши быть чем-либо, от значительности в глазах людей, от приятности встреч, опустоши меня и наполни Собою.

Шестов спрашивает: почему Аполлон не любит людей, считающихся нравственными, а предпочитает беспутных? Потому что самое безнравственное беспутство лучше уверенности, что я что-то представляю из себя. Я должен знать и быть уверенным, что, делая что-либо, исполняю Твою волю и Твое дело, а в жизни я сам — последнее ничто. Я что только как ничто.

Если я уверен в деле, которое Ты делаешь через меня и мною, я не могу и не должен быть уверен в мирских делах. Если я уверен в Тебе, то не уверен в себе. Прочность Твоего дела в непрочности всех моих дел, в непрочности меня самого, в ничтожности меня самого. Горе мне, если обо мне говорят хорошо.

19.II. В 1934 г. я думал: у меня был свой круг жизни и свои слова-приметы для целостности круга. Я был заключен в некотором круге. Необходимость в круге от боязни больших размеров. Неприкосновенность круга создает порядок жизни и некоторое благополучие. Теперь же черта круга нарушена и все стало лишним. — Но через некоторое время образовался новый круг большего радиуса. Увеличилось ли от этого счастье, то есть земное счастье? Вряд ли. Весной 1960 г. радиус круга снова увеличился, и 12.I.1962 круг снова прорвался. Радиус нового круга был уже очень велик, а счастья еще меньше. Наконец, 16.X.63 круг снова прорвался, радиус стал бесконечным, а счастья земного совсем не осталось. Увеличение радиуса круга — уменьшение примет,

обычаев, традиций, земного счастья. Бесконечный радиус — Благая весть, евангельская свобода — распятие для меня мира Иисусом Христом и меня для мира. Круг конечного радиуса — это моя греховная загражденность и замкнутость и связана с традицией и dem Bestehendem. Увеличение радуса круга — увеличение радиуса моей открытости — Offenheit*. Бесконечный радиус — бесконечная открытость — святость. Правда, такое жестокое увеличение радиуса открытости, как это было у меня и бывает у большинства людей, то есть смерть близких, часто ведет к ожесточению и сокращению радиуса — еще большему замыканию в себе самом. И я это чувствую часто: идеальный радиус моего круга возрос до бесконечности, реальный иногда сокращается до нуля. Реализуется идеальный радиус — моим жалом в плоть. Тогда Ты со мною: мир распят для меня и я для мира. Но почему я не могу передать другому Твой бесконечный радиус, почему не могу вкусить радость ноуменального общения с ним в Тебе и через Тебя, как это было у меня с мамой? Ведь тогда я чувствовал, видел, что Ты между мною и ею. А сейчас я не могу прорвать свою духовную замкнутость. Мой идеальный бесконечный радиус реализуется Тобою только во мне. Я с Тобою один, вернее два, но нет трех. Есть: я — Ты, но нет я — Ты — ты. Помоги мне, Господи, захватить моего ближнего, когда я иду к Тебе.

21.II. Обертоны мысли: я думаю о чем-либо словами-разговором с собой или с воображаемым собеседником, а помимо того я вижу или слышу другую мысль во мне, причем это не обязательно мысль, невыразимая словами, хотя может быть и такая; вторая мысль — только обертон второй мысли, более или менее отдаленный от основного тона мысли — от этого выразимость или невыразимость ее словами. Эти обертоны, во всяком случае иногда, может, то, что я назвал тенью мысли. Когда молюсь, обертоны другой мысли часто мешают молиться, здесь явно бес, бес в союзе с моим грехом мешают мне. Иногда же я молюсь, причем про себя, не вслух, но словами, молча, но не безмолвно, и в то же время произношу без слов, то есть молча и безмолвно, другую просьбу, тоже сознательно, и не плохую. Так что получается как бы два этажа, в обоих этажах молюсь сознательно: в первом — молча, но не безмолвно, во втором — молча и безмолвно. И еще третье: когда Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня.

Обертоны бывают еще иногда когда пишу, причем нехорошие. Раньше, когда я писал, я ни о чем не думал, кроме того, что пишу. А сейчас иногда, не часто, но все же бывают, кажется, нехорошие оберто-

* Откровенность, открытость (*нем.*).

ны: вдруг появится лишний обертон. Сейчас моя экзистенция теснее сблизилась с тем, что я пишу, то есть мои вещи стали более экзистенциальны. А поэтому моя дрянь во мне приблизилась к тому, что я пишу: чистое, вернее воспоминание о чистом во мне, сблизилось с моей дрянью во мне. Раньше это было разделено. И было что-то, о чем я стеснялся писать, оно было слишком интимным. Поэтому мои вещи были недостаточно экзистенциальны. Я, кажется, преодолел этот недостаток, но ценой потери некоторого возвышенного благородства, взамен чего появилось некоторое бесстыдство. Проявления: так как я больше читаю именно о вере, то, когда пишу, бывает иногда, что встречи с Тобою я проверяю или сравниваю с тем, что читал о встречах с Тобой. Это бывает редко, но все же бывает, и нехорошо, как будто я не доверяю Тебе. В конце концов это снова то, о чем я писал, только еще хуже: мне мало быть внутри, я стремлюсь увидеть извне. Но разве для этого нужны какие-либо книги? Во-вторых, фальшь моего положения: я знаю, что я что как ничто. Но я делаюсь чем-то, появились какие-то встречи, пусть немногочисленные, пусть редкие, но я делаюсь чем-то в глазах людей, и, что еще хуже, иногда мне приятно это, и, когда я почувствую, что приятно, делается так омерзительно противно, что и сказать нельзя. Мне действительно безразлично, будут или не будут напечатаны мои вещи и, что еще больше, когда напишу и порадуюсь, что получилось хорошо, сразу же думаю: а не все ли равно — хорошо или не хорошо написано — уже не может быть на земле у меня ничего хорошего, хорошо одно — когда Ты со мною. И все же иногда вдруг обнаруживаю в себе какую-то дрянь, остатки какого-то самолюбия, тщеславия и уж не знаю чего. Пусть редко, пусть только как обертон, но сидит еще во мне, помимо больших грехов, и эта мелкая пошлая дрянь.

Я подумал: не преувеличил ли я? Но потом понял, если и преувеличил, то все же преуменьшил. Интенсивная глубина мелкой дряни неизмерима.

23.II. Сон. У меня гости, они уходят и меня взяли с собой, хотя мне не хотелось идти. Пришли. Оказывается, мы в гостях у С. Н. Ивановой* . Вряд ли, думаю, она будет довольна, ведь И. Е.** меня не любит. Но она подошла, говорит дружелюбно. Я: как вы поправились и хорошо выглядите. Она: а вы плохо, и уже запах идет от вас. С. Н. приглашает меня через несколько дней снова прийти. Я не знаю, как объяснить, что никуда не хожу, ведь сейчас пришел. Но меня беспокоит

---

* Софья Николаевна Иванова — сослуживица автора, близкая ему по религиозным убеждениям.

** Муж С. Н. Ивановой.

какая-то мысль — страх и тоска. Я вспоминаю: ведь мама дома одна. Я хочу уходить, меня задерживают, заворачивают какой-то пакет, он не заворачивается, я вырываю его из рук и ухожу. На часах без десяти минут десять. Я соображаю — они показывают время в зеркальном отображении, значит, без 10 минут два или, вернее, 10 минут третьего, но дня или ночи? Я ухожу в тоске и страхе.

28.II. Как возможны всеобщие синтетические суждения? Ответ: какое мне до них дело?

Что я должен делать? Молиться.

На что могу надеяться? На слезный дар.

1.III. Иван Карамазов сказал, что он почтительнейше возвращает билет. Что значит этот билет? Вина за тот первородный грех, в котором я не виноват, но который Бог возлагает на меня, чтобы у меня открылись глаза. Когда же глаза открываются — а для этого я должен принять билет — Он Сам в Христе берет эту вину, берет ее на Себя. Я чувствую эту вину в своей загражденности, сознаю ее как мою вину в ощущении отвращения к себе после удовольствия или приятности, сознаю ее в ропоте и как свою отверженность. И все же до конца она непонятна мне.

7.III. Раньше существовал предрассудок: философ бескорыстно любит истину и бескорыстно изучает или созерцает ее. Это неверно, ни один человек не любит истины бескорыстно. Конечно, я не говорю здесь об элементарной, низшей корыстности. Философа и вообще каждого человека интересует не истина сама, но истина и мое отношение к ней: я и истина, то есть я и Бог. Это начало всякой философии. Конец: не я, но Бог; не просто: Бог, но — не я, но Бог.

В «Вестниках», кажется, я писал: меня интересует порядок событий, имеющих ко мне отношение; я нашел некоторую погрешность в порядке событий, имеющих ко мне отношение. — Эта погрешность и есть начало философствования, стимул всякого человеческого действия и жизни. Именно эта погрешность, а не тщеславие движет творчеством: желание определить свое место в жизни, определить не как эмпирическое, а трансцендентальное — предназначенное место. Мне поручено что-то выполнить, это поручение и есть предназначение и призванность. В этом призвании я участник Царствия Небесного. Я призван к тому, чтобы усилием восхитить Царствие Небесное.

Если X — истина, то есть абсолютное или Бог, то мое отношение к истине сложная функция: $Y = F\,[f_1(X), f_2(X), \ldots, f_n(X), X]$, где $f_k(X)$ не только теоретическое, то есть незаинтересованное, отношение к X, но именно заинтересованное, часто практически эмпирическое и всегда личное —

бесконечная заинтересованность. Для меня одно из главных $f_k(X)$ — моя лестница Иакова, а теперь — жало в плоть.

Y в этой формуле можно назвать личной интуицией, моим личным, бесконечно заинтересованным отношением к истине.

Может, лучше так: $Y = \{F\,[f_1(X), f_2(X), ..., f_n(X)]X\}$, где F определяется некоторыми частными отношениями к истине, преломленными в определенных, конкретных отношениях не только к истине, но и к моим намерениям, и к моим ближним, и к событиям: $f_1(X), f_2(X), ..., f_n(X)$.

$f_k(X)$ не обязательно внеположные моменты моего отношения, но также и качественные оттенки, только в абстракции различаемые. X — Бог. Тогда Y — мое конкретное, осуществляемое в эмпирическом мире отношение к Богу, определяемое моей личной интуицией Бога — F и Самим Богом — X. Но так как и F в конечном счете зависит от X, то и все мое отношение к Богу определяется Богом.

f_k определяют или создают мое отличие от другого, f_k — функция X, преломленная в моем грехе и ощущении вины греха. Последняя же и основная вина — вина за грех, в котором я не виноват, вина, возложенная на меня Богом. Может, эта вина и есть принцип индивидуализации, то есть личности. То есть Бог возложил на всех людей одну и ту же вину за один и тот же грех, но на каждого различно. Поэтому до грехопадения Адам был один: один и тот же основной грех и одна вина — тварности, — до грехопадения эта вина одна, как и грех, но еще потенциальная; возложение Богом этой вины, в которой человек не виноват, то есть грехопадение, индивидуализирует или, вернее, персонифицирует Адама и меня в Адаме. Дьявол или змий является как persona, не личность, но личина, он надевает маску личности. Подлинная личность — Бог. Он дает мне личность в возложении на меня вины за грех, в котором я не виноват. Он — causa finalis моей личности, дьявол — causa instrumentalis*.

Вина за грех, в котором я не виноват, возложение этой вины на Адама, на меня в Адаме — принцип не только персонификации, но и множественности. Без греха, совершенный только один — Тот же, Кто и совершенный, истинный Бог — И<исус> Х<ристос>, но грешник не один, множествен: экстенсивно — в множестве грешников, интенсивно — в себе самом, в себе самом он разделен: легион имя мне <Лк. 8, 30>. И экстенсивно все мы можем сказать: легион — имя нам, грешникам, замкнувшимся в себе, блуждающим, как овцы потерянные. Взыщи нас, Господи.

9.III. Те же вопросы и тот же бунт против Бога, что и у Иова, возникает у каждого человека. Может, даже неверующий часто более чист

* Вспомогательная причина (средство) (*лат.*).

перед Богом, чем верующий. Потому что оба борятся с Богом, только верующий лицемерит и фарисействует. Под неверующим я имел здесь в виду скорее неопределенное отрицание, то есть: не неверующий, а не-неверующий. Убежденный в своем уме атеист так же убежден в себе, как и фарисей в своей праведности. Оба верят не в Бога, а в себя: в свой ум или в свою праведность. Но сейчас я хотел записать другое. Недавно у меня мелькнула мысль: где же Твое Провидение? — мелькнула как-то очень конкретно и нехорошо: не есть ли вся жизнь только естественно детерминированная последовательность событий, которая, поскольку мы не знаем ее, как лапласовский идеальный ум, представляется нам случайной, поэтому допускающей руководство Божие? Это не то, что было когда-то, когда мне представилась убедительность естественной необходимости, — не сама необходимость, а только убедительность или убежденность; как моя убежденность она не лучше и не хуже всякой другой моей убежденности. Но сейчас было не то: мне представилась сама случайность и бесцельность жизни. И сразу же Ты произвел во мне какой-то совсем незначительный, ничтожный сдвиг, как будто две сетки — сетка моей жизни и сетка понимания моей жизни — разошлись, не вполне совпадали, а Ты чуть-чуть сдвинул вторую сетку, и они совпали: я увидел Твое Провидение в самых ужасных, страшных и непонятных событиях жизни. Это было какое-то мгновенное полное понимание целесообразности всей жизни, всего Твоего домостроительства. Такое полное понимание не могло длиться больше одного мгновения. Это было не вхождение в радость Господина моего и не просто конкретное ощущение Провидения в моей жизни, а именно полное понимание всей и всякой жизни. Я жалею, что не записал сразу. Но, может, потому и не записал, что было мгновенное понимание, просто что-то блеснуло, все осветило и сразу же погасло, как молния ночью.

Скорее, как я писал в «Симфонии»*: тень мысли на мгновение осветилась и стала действительностью.

11.III. Сейчас у меня снова физические недомогания и боли. Телесные недомогания, болезни и боли, кажется, не наказание, а скорее награда: испытание, предуготовление и призвание. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. И не только духовными, но и физическими: сила Моя совершается в немощи.

13.III. Сегодня ночью, когда начиналась боль, я говорил с ней, причем боль раздвоилась, даже утроилась: я говорил с ней как виновни-

---

* См.: Друскин Я. Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли. — 1941 г. — В двух частях. Ч. I. О состояниях души. Ч. II. О пространствах мысли. — ОР РНБ, ед. хр. 7.

ком боли, говорил о боли как моем состоянии, и мое состояние объективировалось: я смотрел на мою боль, и она была уже не моя — обособилась от меня, вернее я обособил ее от себя. Тогда она отступала. Я говорил ей, что не боюсь ее, и дразнил ее. Тогда она боялась меня. Слабость побеждала силу. Но говорить с ней надо было вполне серьезно, не как будто бы и не красоваться. Когда же я раз покрасовался и подумал, как я буду рассказывать о моем разговоре с болью, она воспользовалась этим и куснула сильнее.

19.III. Пять часов у Жени <Гельфанд>.

1. $\frac{20}{10} = 2$; $\frac{5}{1} = 5$. Числитель — любовь к ближнему, измеренная в некотором масштабе, знаменатель — любовь к себе в том же масштабе, их отношение — внешняя, наблюдаемая людьми доброта или любовь к ближнему. Во втором случае любовь к ближнему кажется большей, чем в первом, хотя на самом деле ее величина меньше: так как любовь к себе меньше или ненависть к себе больше. Даже в случае $\frac{10}{20} = \frac{1}{2}$ любовь к ближнему больше, чем в случае $\frac{5}{1}$, то есть абсолютная величина больше.

2. Есть чувствительность, есть чувство, есть черствость. Может, первое и третье — контрарные противоположности, два отраженных абсолютных, а чувство — неопределенное отрицание обоих?

Чувствительности у меня нет, но чувство ли это или черствость? Если черствость, то все же есть две черствости; одна вообще не понимает смерти, не понимает, что смерть есть оскорбление человеческого достоинства, не чувствует ни ноуменального значения смерти, ни страшности жизни, видит в смерти только биологический факт. Этого у меня нет. Простое сообщение о смерти вызывает во мне хотя бы на секунду ощущение страшности, даже если я не знал умершего. Но когда я сидел у Жени, я меньше ощущал эту страшность, чем дома, думая о ней. Скорее я чувствовал какую-то торжественность и тайну, я был бесконечно заинтересован. Затем, меня поражало, как она облагородилась в страдании. В первый раз я почувствовал это несколько месяцев тому назад, когда она еще не была в таком состоянии. И меня стало тянуть к ней.

И все же я больше сочувствую человеку в страдании, не видя его. Тогда я думаю о страшности жизни и как он чувствует эту страшность — это уже двойная страшность. Когда же присутствую при этой страшности, я не ощущаю ее так сильно, скорее чувствую бесконечную заинтересованность и меч, пронзающий душу.

21.III. У Жени <Гельфанд>. Ад. Чистилище. Рай. Все сомкнулось в одной точке: земное и небесное, зло и добро, ад и Рай.

22.III. Три смысла, значения или состояния боли.

1. Безропотно корчиться.
2. Не бояться ее, тогда она боится меня.
3. Радоваться ей, желать ее, просить у Бога боли.

Эти три состояния или смысла боли, может, и не несовместны. Первое — наиболее частое у меня. Второе — редко. Третье — в небольшой степени: обычно я не хочу физической боли. Но когда порадуюсь, что она прошла, делается стыдно. Некоторые неудобства, может, даже большие, может очень редко и боли люблю и хочу их. Еще духовное страдание: всегда прошу, чтобы жало в плоть, которое Ты дал мне, было больнее, чтобы бремя Твое было тяжелее.

Еще может быть четвертое значение или состояние боли, когда она объективируется, так что мне уже не больно от моей боли. Если в противоположном состоянии, когда приятное мне уже не приятно, умирает душа удовольствия*, так что я ощущаю и чувствую приятность, но не ощущаю приятности от приятности, то здесь, когда я не ощущаю боли от моей боли, умирает или спит душа боли, остается только ее тело.

Состояние, значение и смысл — три различные категории, но в боли они как-то отожествились. Например, безропотно корчиться — одновременно и состояние, и оценка или норма, и имеет значение, и заключает в себе некоторый смысл.

«И твою душу пронзит меч». Пронзение души — и моей и моего ближнего, страшность жизни, бесконечная заинтересованность, и при какой-то степени бесконечной заинтересованности и боль — не боль, и страшное — не страшно.

23.III. <Сон.> Мы трое — Лида, папа и я — живем в отдельной квартире из трех комнат: одна комната Лидина, другая — моя, третья — столовая. У меня даже две комнаты: в одной я днем, в другой ночью. Надо бы папе одну отдать, думаю я. И вдруг вспоминаю, почему я днем в одной комнате, а ночью в другой: днем я в своей комнате, ночью — в маминой, мамы ведь нет уже. Мне стало страшно, я хотел закричать, заплакать, но не мог.

24.III. У Жени <Гельфанд>. Как будто душа хочет вырваться из тела. Эдгар По — рассказ о человеке, который умер, а душа полгода не может вырваться из тела и бесконечно мучается.** Лесков: о старике, который умирал: «Уж очень ему хочется умереть».*** Это желание мож-

---

* См. библиогр. [33], с. 64, 65.

** По Э.А. Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром.

*** Лесков Н. С. Соборяне.

но толковать позитивистски (по-буддистски): всякое бытие — страдание. Но можно и иначе.

Когда великое свершалось торжество...* — смерть всякого человека великое торжество — вот что я ощущаю, когда сижу у Жени.

Глупый вопрос: мое страдание длится мгновение, час, неделю, год. Бог же вечен, для Него тысяча лет, все время — как одно мгновение. Может ли Он ощутить мое мгновение и временное страдание и страдать, как я, моим страданием? Ответ: для Него и вечность — мгновение, потому что живая вечность. Тогда Он еще больше страдает моим временным страданием, мгновенно вечно и мгновенно бесконечно страдает. Вечность и есть вечное мгновение или мгновенная вечность. Тогда и моей мгновенной радостью Бог мгновенно вечно радуется. И снова сомкнулись в одной точке ад и Рай.

Сейчас позвонили, что вскоре после моего ухода Женя умерла. Около 5 часов, значит, часа за два до смерти я услышал или мне послышалось, как она тихо сказала: плохо мне.

Когда я сегодня сидел и смотрел на Женю, мне казалось, что душа мучается, так как тело ей уже не нужно, а вырваться из тела трудно. Телесная оболочка обветшала настолько, что уже не могла служить выражением для души, поэтому стала ненужной. А может, и наоборот, она стала ненужной для души, а потому обветшала. Женя не могла уже говорить, почти, а может, и совсем, не узнавала. Но, может, и наоборот: не считала нужным говорить или отвечать, ведь сказала же тихо: плохо мне. Мне казалось, что ее душа никогда еще не была такой сильной, как эти два часа; что требуется очень большая сила, чтобы душа могла оторваться от тела.

26.III. Если есть вера, живая вера, то, кроме исключительных состояний, всегда чувствуешь, что недостаточно веришь, что моя вера слаба, очень слаба. Если никогда нет этого чувства слабости своей веры, то еще нет настоящей, живой веры. Верю, Господи, помоги моему неверию.

Верующий виноват и грешен больше неверующего. Если Христос взял на Себя грех всего мира, если это не слова, не метафора, а действительно, реально взял, то Он, безгрешный, величайший грешник, вся вина всего греха на Нем, об этом говорил и Лютер, и апостол Павел: проклят всяк висящий на древе <Гал. 3, 13>. Достоевский: я виноват за всех. Я не Христос, поэтому только потенциально виноват за всех, актуально же за тех, с кем встретился хоть раз. Я виноват и за Женю, вина ее греха на мне.

---

* Пушкин А. С. Мирская власть.

«Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха, но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» <Ин. 9, 41>. Я говорю: я вижу. Вижу свой грех, который невидящий не видит. Не видящий своего греха не имеет вины греха, он спит. Но, может, как разбойник на кресте в последний час проснется и ему простится все — и его грех, и его сон.

И снова все смыкается в одной точке: грех и праведность. Чем сильнее вера, тем сильнее и неверие, чем больше праведности, тем больше и греха, так как больше вина греха. Но тем больше и бодрствования, сознания вины за грех и покаяния.

Кощунствует не неверующий, а верующий. Не Пилат, а Анна и Кайафа кощунствовали. Безбожники не неверующие, а верующие. И Христа распинают только верующие; когда не сораспинаются Ему.

27.III. Я хотел бы сказать М. М.*: servus indignus sum, injustus peccator, hypocritus,** но, если бы сказал, оказался бы вдвойне hypocritus. Как сказать, чтобы не солгать, что ничего мне не надо ни на земле, ни на небе, если Ты со мною. Ты со мною.

Два с половиной года как мне стали противны заботы и разговоры о моем здоровье. Что нужно моим ближним для сохранения моего здоровья — я делаю, а больше я не должен делать. И если я умру, Ты не потеряешь меня. Кажется, позавчера, когда боль уже прошла, позвонил М. <Друскин>. И разговор о том, что после кладбища я устану и мне надо отдохнуть. Отчего устану? Зачем отдыхать? И снова 2 часа боль. Потом прошла. Перед сном я подумал: хорошо, что боль прошла. И сразу же: почему хорошо? Боль — не награда ли? Что я, лучше апостола Павла? Я пожелал боли. И боль пришла. Благодарю Тебя, Господи, за боль, за тяжесть, за трудности, за бремя. Не оставь меня сейчас, когда Ты открылся мне и все время со мной.

29.III. Уже несколько недель как я немощен, очень немощен и каждый день, кроме вчерашнего дня искушения-уныния, повторяю: сила Твоя совершается в немощи. Когда я немощен, я силен.

Все же, когда боли были сильные и долгие, я просил убрать их. Когда же Ты убирал их, мне становилось стыдно и я снова просил боли. Я просил не словами, а еле заметным чувством-ощущением, чувством-мыслью. Вчера было искушение унынием. Сегодня утром подумал: мой телесный болван, мой брат осел*** не выдержал напряженности духа.

---

* Мейлах Михаил Борисович — филолог, брат Мирры Мейлах.

** Недостойный раб, неправедный грешник, лицемер (*лат.*).

*** Так называл свое тело Франциск Ассизский.

Но что значит: не выдержал? Дух ослабел и не поддержал его. Его выдержка — относительная величина и определяется отношением абсолютных величин духа и плоти. И немощь стала силой.

30.III. Соборность в сознании вины, и особенно вины за грех, в котором я не виноват. Эта вина объединяет меня с Христом, взявшим на Себя грех всего мира, виноватым за всех, виноватым без вины; и через Него — со всеми. Непосредственно объединяет крест, а не слава, только через крест слава. Теология славы — путь восточной и неоплатонической мудрости, в этом ее язычество и отличие не только от Нового, но и от Старого Завета. Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира.

1.IV. Есть какие-то обертоны или тени мысли, и часто, очень часто они важнее самой мысли. Сейчас я хочу быть один, один с Тобою. Во вторник позвонил М. <Мейлах>, он должен был прийти ко мне и сказал, что не придет, так как заболел — что-то вроде свинки; придет через несколько дней. Какой обертон мысли я услышал от себя еще даже до самой мысли? Удовлетворение: значит, не придет, я буду один. Конечно, если бы я знал, что, придя ко мне, он выздоровеет, я сразу же сказал бы: пусть придет сейчас же. Но ведь обертон-то я все-таки уже услышал.

Здесь есть еще особая моя подлость, ведь я всегда могу сказать: нет, сегодня не приходите. Но я не люблю говорить нет, мне это как-то неловко, неудобно сказать. Значит, я обрадовался болезни моего ближнего только ради того, чтобы избежать некоторого своего неудобства или неловкости.

У Островского один купец говорит: до чего хочется блинков поесть, хоть бы умер кто из знакомых. Прости нас, Господи.

2.IV. Кто устами своими исповедует, что Иисус есть Господь, и кто верует, что Бог воскресил Его из мертвых, тот спасется <Рим. 10, 9>. Это самый краткий, необходимый и достаточный символ веры, в нем всего два члена:

1. Божественность Иисуса, Сына Марии и «как думали, Иосифа» (Лк.). Из Божественности следует и предсуществование от века, и понятие Троицы.

2. Воскресение из мертвых, причем телесное, — может, это самый сильный камень преткновения для разума. Тот, кто не ощущает непреодолимости этого камня преткновения для разума, у того еще нет живой веры, только легковерие и самовнушение. Кто не может преодолеть его — маловер. Кто может сказать, что знает этот камень

преткновения и преодолел его полностью? Вера и есть борьба веры с разумом, неверующим* , безбожным разумом.

Символ Фомы: Господь мой и Бог мой.

8.IV. Интересно одно — Бог. Верно, что все бегут от Бога, но так же верно, что во всех людей Бог вложил интерес к Себе, бесконечный интерес к Себе. Это память о том, что мы забыли. Интересно одно — Бог. Интересно все — поскольку во всем есть искра Шехины — славы Божьей. Интересна и самая глупая статья в газете, в ней отрицательно или отрицательно-положительно есть искра Шехины Божьей. Но когда ко мне пришла не моя мысль, когда Ты допустил войти в меня не моей мысли, чтобы я возопил громким голосом, чтобы я понял, что значит возопить громким голосом, чтобы я понял счастье возопить от страха громким голосом и услышать ответ, то за те несколько минут, что прошли между моим воплем и Твоим ответом, я понял ужас Твоего отсутствия, я понял, что когда Ты отворачиваешься от меня — все неинтересно, я понял адскую скуку, я понял ад. И я понял, что моя любовь к Тебе, моя бесконечная заинтересованность Тобою сожжет адский огонь. Он мне не страшен, я не боюсь его. Что мне на небе и что на земле, если Ты со мною. Ты со мной всюду и на земле, и на небе, и в Раю, и в аду. Тогда нет и ада. Только Ты, всё во всем Ты.

15.IV. Сон. Мой собеседник говорит: я не материалист, но реалист: мир, предметы, все мы существуем реально, как самостоятельные, независимые реальности. Я возражаю: предположим, перед вами лист клетчатой бумаги. Из нескольких сот точек этой клетчатой бумаги вы произвольно выбираете несколько десятков точек и, произвольно соединяя их, получаете рисунок человека. В другой раз, выбирая те же самые точки, вы соединяете их иначе и получаете другой рисунок. В третий раз вы выбираете другие точки и снова, произвольно соединяя их, получаете третий рисунок. Можно ли сказать, что эти рисунки существуют реально, как самостоятельные реальности, независимо от вас? Ведь эти рисунки что-то изображают только в вашей активности — в соединении точек, и только в вашем взгляде. При этом я думал: весь мир и все мы не самостоятельны и не автономны, а существуем, поскольку Бог рисует нас и смотрит на нас, а в нашем Творце мы существуем в Его взгляде.

Это оправдание философии, и не материалистической, а экзистенциально-идеалистической, оправдание верой.

---

* В рукописи от слова «неверующим» проведена стрелка к «символу Фомы».

16.IV. Мой ответ во сне — оправдание экзистенциально-идеалистической философии, потому что действительный мир — перед Богом, еще не павший, но наш или мой мир загрязнен моим грехом, существует или как бы существует уже не в Боге, не в Сущем, а в моем грехе — в μὴ ὄν. Мой мир — уже не что, а само что. Нельзя сказать: мир не существует, — он создан Богом, значит, существует; но сам мир не существует, так как его реальность не в нем самом, а в Боге, в его Творце.

17.IV. Вот уже две недели, как кончились мои боли и кончился мой героический период интенсивной жизни.

В субботу 2.IV вечером М. <Мейлах> сказала, что на днях они придут ко мне с врачом. Мне стало стыдно: боль — мое личное, интимное дело, может, моя личная, интимная связь с Богом, а сейчас она выносится на публичное обсуждение. Это бесстыдно. Я ответил: к вашему приходу боль пройдет — мне стало стыдно; уже на следующий день сильных болей не было, а сегодня уже вторая неделя, как вообще нет никаких болей. И снова, как 38 лет тому назад, я могу написать: кончился мой душевный праздник*. Господи, пусть он никогда не кончится, с болью или без боли, но всегда с жалом в плоть, с бременем Твоим, пусть он продолжается вечно. Пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, дай знак Фомы. Верю, Господи, помоги моему неверию.

19.IV. Здоровье, ощущение здоровья, как и противоположного состояния — немощи и болей, — амбивалентно. Вот уже больше двух недель, как нет сильных болей, и две недели, как нет никаких болей. И я не то чтобы хочу их, но как-то скучаю без них, тянет к ним, и я думаю: снова Ты оставил меня, Господи.

22.IV. Гаусс сказал — и мои ошибки поучительны, то есть и его недостатки — достоинства. Я иногда как-то реально чувствую, ощущаю наоборот — и мои достоинства — недостатки. Например: внешнее — шум, сутолока, вообще бытовое — меня не волнует и не трогает. Это достоинство: не замечать внешнего. Но, может, я не замечаю этой суетливой псевдособорности — по существу, антисоборности, потому что у меня слаба соборность? Я не люблю спорить. Это хорошо. Но, может, я не люблю спорить, потому что я недостаточно люблю людей, просто равнодушен к ним? Я как будто бы добр — так кажется людям. Но здесь я уж твердо знаю: это только равнодушие к своему покою,

---

* См. библиогр. [31], с. 655—658; [33], с. 43—45.

причем не столько религиозное, сколько философское, просто нет Leidenschaft* к себе. Но Тобою я заинтересован бесконечно, только Тобою. Leidenschaftlich?** Не знаю. Но ведь я только об этом и думаю. И всем другим, если интересуюсь, то только тогда, когда вижу в нем искры Твоей славы.***

1966

---

* Страсть, пристрастие (*нем.*).

** Страстно (*нем.*).

*** Продолжение записи 22 апреля — в тетради † 5.

† 5

1966.IV.28—1967.III.22

1966

*<22 апреля>** Может, это снова то, о чем я уже писал: меня тянет быть не только внутри, но и вне, смотреть извне. Может, от этого не хватает и Leidenschaft? Но смотрю на что, на кого? Опять-таки только на Тебя.

28.IV. Античное бессмертие души не убедительно, так как не личное. Бессмертие у египтян и вавилонян понималось очень материалистично, просто продолжение той же самой земной жизни и потому не убедительно. У евреев бессмертие относилось к избранности народа ради славы Божьей, затем к Мессии. И когда исполнились времена, Он пришел. В Нем и я получаю личность и вечную жизнь. Может быть, истинная личность аналитически включает в себя и вечную жизнь. До Его прихода Он давал личность и вечную жизнь по вере в Него Грядущего, так как Он вечен. Долгое время евреи как бы молчали о бессмертии, вернее о воскресении к вечной жизни. И все же, ожидая Мессию, они тем самым жили молчаливой уверенностью в вечной жизни. Христос сказал же: Я есмь вечная жизнь <Ин. 11, 25>.

Сп<еранский>** говорил, что Обр<азцов> очень боится смерти. Ст<ерлигов> презрительно отозвался о боязни потерять свое мясо. Это уже еллинская мудрость, свойственная часто православию. Мне кажется, Ст<ерлигов> не прав. Я не знаю, как боится Обр<азцов>, вряд ли правильно и хорошо боится, но сам факт страха смерти еще ничего не говорит: страх Божий связан со страхом смерти, и, может, во всяком случае часто, без второго нет и первого. И Христос в Гефсимании тосковал, страшился и скорбел.

И еще о том, что было вчера вечером перед сном: гарантия воскресения, вернее, критерий и принцип — Бог, причем не вообще, а живой Бог: жив Господь, жива душа моя <1 Цар. 20, 3>. Мое воскресение не во мне и не где-то в интеллектуальном или каком угодно мире, нотолько в Боге, в Христе. Веру в воскресение к вечной жизни дает мне Бог,

---

* Начало записи — в тетради † 4.

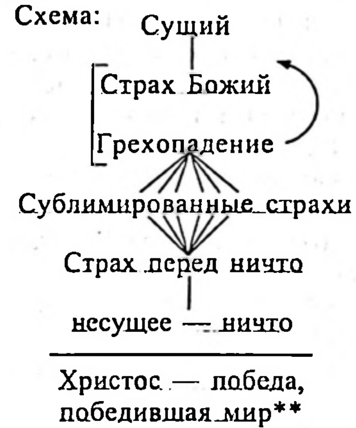
** Школьный товарищ Стерлигова, работал в театре Образцова.

само же воскресение в Боге, в живом Господе. Страх смерти исчезает как дым, когда вижу Тебя, живу Тобою. Когда же сам думаю о своем бессмертии, от себя думаю, становится страшно, страшнее, чем от смерти: наступает о н о, состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве; я вижу только бесконечную продолжаемость времени — indefinitum*, и это страшнее смерти. Обращаясь к Тебе, когда Ты зовешь меня к Себе, я забываю о себе, совершенно забываю, не интересуюсь, не беспокоюсь, не страшусь ни смерти, ни бессмертия. И тогда, когда мне уже ничего не нужно, Ты даешь мне вечную жизнь даром, без моей просьбы или заслуги: просто так, ни за что, даром.

По моей старой терминологии: моя абсолютная инвариантность есть воскресение к вечной жизни, которое без особого усилия следует из Бога через веру, которую Он дает мне: ...дабы всякий верующий не погиб, но имел жизнь вечную.

Кьеркегор говорит: дух во мне, пробуждаясь, боится себя самого, своей мощи, которую он получил от образа и подобия Божьего. Тогда это страх Божий? Но так как дух пробуждается в грехопадении, то страх Божий становится бесовским страхом, от которого освобождает только Христос. В бесовском страхе я боюсь и себя самого. Но, может, всякий страх есть сублимированный страх Божий? Тогда в грехе он сублимируется в конце концов в страх перед ничто.

Схема:

Как Бог сотворил мир из ничто, пробудил меня, созданного из ничто, дал мне страх Божий, сублимированный в земные страхи, ядро и корень которых — страх перед ничто, так Он через Христа обращает страх ничто в ничто страха, через ничто делает меня снова что: я что как ничто. И это определяет мой путь, путь-свершение: не оставив ничего для моей свободы выбора, Он оставил мне свое ничто, чтобы я уже не как раб, а как друг через Него и Им сотворил свое что: что как ничто.

* Неопределенное (*лат.*).
** 1 Ин. 5, 4.

29.IV. Чего не понимают многие, что можно и выпить во славу Божию, во славу Твою, во славу Господа моего, Иисуса Христа, Которым мир распят для меня и я для мира.

30.IV. Я уже давно хотел поехать на кладбище, но погоды были плохие, и в зимнем пальто трудно ехать: одновременно и жарко и холодно. Я устроил все дела свои так, чтобы поехать в пятницу, и надеялся, что будет хорошая погода. Я не усомнился, и сегодня действительно хорошая погода; верю, что Бог дал мне хорошую погоду.

4.V. В начале 30-х гг. — увлечение Майстером Экхартом — мне ближе была Christusmystik*, чем Jesusmystik**. От пантеистически телеологического оттенка мистики Экхарта я отошел уже к концу 30-х гг. В этом или в прошлом году я просматривал «Трактат Формула Бытия». Обычно мистику соединяют с растворением я в Боге, вернее в безличном Божестве. Такой мистики у меня не было и нет. Но если философия сводится к утверждению двух несовместных предложений типа $A \wedge \bar{A}$, то если она экзистенциальная, то есть переживается как полная реальность, то что же это, как не мистика? Логически $A \wedge \bar{A} = 0$, но у меня $A \wedge \bar{A} = \infty$. Тогда это экзистенциальное, личное общение с Богом.

Вчера я читал омерзительную утопическую повесть какой-то Ларионовой. Омерзительность ее — в смаковании автономности человека: он уже настолько отчужден от Бога, что *знает даже год своей смерти.* Какое-то ощущение полной эмансипации от Бога — вот что самое омерзительное. С 1911 г., когда Ты призвал меня, но я еще не знал даже имени Твоего, я всегда чувствовал, ощущал Твою близость ко мне, еще не зная даже, что это Ты. Я ощущал освящение жизни Тобою, Твое вездесущие, Твою близость, которую Ты вложил в меня. Так Ты вел меня к Себе. Но без этого ощущения Твоего вездесущия, Твоего Провидения остается только омерзительная свобода воли: я могу — омерзительно; самое омерзительное, после чего остается только повеситься: я все могу. Без Твоего часто страшного НЕЛЬЗЯ и еще более страшного **никогда** жизнь теряет всякую привлекательность. Только Твое **нельзя** и **никогда** дает радость жизни, не только освящает, но и дает радость.

6.V. В среду я был на кладбище. Шума в голове не было. Я подумал: шума нет. И услышал шум. И снова подумал: но я могу его не слышать; может, он и всегда есть, но я могу его не слышать. — И снова не слышал. Так было несколько раз: когда хотел не слышать —

* Мистика Христа (*нем.*) — Мессии.
** Мистика Иисуса (*нем.*) — Богочеловека.

не слышал. Здесь может быть два объяснения: он всегда есть, но силой духа я его не слышу. И так: его никогда нет, но слабость духа создает его.

«Я могу» — ошибка и грех, и сейчас не могу: не могу не слышать. Но, может, этот шум — последствие воскресения и понедельника: от уныния — ничего не делаю, только читаю ненужные мне книги.

Степени греха против ближнего: гневаться напрасно — сказал ближнему своему: рака́ — сказал: безумец. Гневаться меньший грех, чем спокойно сказать человеку: пустой ты человек, ничтожество. Но почему наибольший грех сказать: ты безумный? Долго я не понимал, потом понял: рече безумец в сердце своем: несть Бог <Пс. 13, 1>. Безумец — безбожник. Наибольший грех сказать своему ближнему: ты безбожник. Это решает только Бог. Затем сама связь: безбожие — безумие. Безумие — потеря личности, но личность дает человеку только Бог, и только Он имеет право, вернее, власть решать: есть или нет у человека личности. Ведь безбожие не в том, что человек не говорит все время: Господи, Господи, а что он не чувствует Бога. Но ведь он может и чувствовать, но не понимать, что чувствует.

Но если человек сам говорит: я безбожник, что сказать ему? Не безбожник ты, а глупый, дурачок. Но это не значит, что о книге, о словах человека я не должен говорить, даже осуждать: не человека, а его глупые слова. Если он словами своими утверждает безбожие, я должен сказать ему, что словами своими он утверждает безбожие.

Интересно у Ницше: невероятное честолюбие, иногда переходящее в мелочное мнительное тщеславие, и все это закончилось манией величия, перешедшей в слабоумие: безбожник — безумный — слабоумный идиот.

Поклонники Ницше защищают его философию и отделяют ее от его тщеславия, завершившегося слабоумием. Это не экзистенциально: нельзя отделять его философию от его тщеславия и слабоумия.

У мусульман все ненормальные — избранные Богом. Как и в фатализме, они берут одну сторону апории и утверждают ее, забывая о второй. Но истина в утверждении обеих: $A \wedge \overline{A} = \infty$, а у них одно $\overline{A}$ без A — это ложь и не $\overline{A}$, а $\neg A$. Надо различать безумие демоническое с потерей личности и Божественное — юродство.

8.V. Моя ипохондрия: воротнички, брюки — все на 1—2 номера больше, чтобы не касалось меня: noli me tangere* . Анально-уретральная ипохондрия: постоянное ощущение заполненности желудка и мочевого пузыря. Хорошо ли это? Да. Почти всегда (кроме состояний

* Не касайся меня (*лат.*). См. также библиогр. [14], с. 49—52.

опьянения) я ощущаю, что у меня есть тело: есть желудок, есть мочевой пузырь, которые надо опорожнять, есть шея, которую сжимает воротничок, живот — который сжимают брюки. Я очень редко ощущаю удобство жизни, приятность физического существования. Но ведь это и значит экзистенциально чувствовать, что я иду не долиной веселья, а долиной плача, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное <Деян. 14, 22>, что сила Твоя совершается в немощи, что, когда я немощен, я силен.

Нет. Noli me tangere переходит в мою душевную и духовную загражденность. Я помню во всяком случае два, а должно быть, и больше случаев с Генрихом <Орловым>, когда он спросил меня, а я ответил формально, не по существу, очертив вокруг себя круг моей греховной загражденности, и сказал: noli me tangere. Это не от стыдливости, сейчас я скорее бесстыден — ноуменально бесстыден, может, ноуменальное бесстыдство и есть настоящая экзистенциальность, живая вера. А в некоторых разговорах я вдруг делаюсь стыдлив. Это не стыдливость, а антисоборность, греховная загражденность, желание душевного комфорта. А еще хочу вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Хочу вместе, а сам заграждаюсь. Прости меня, Господи, прорви мою загражденность, дай знак Фомы, дай, Господи, чего прошу у Тебя.

11.V. Каждому человеку Бог дал какую-то тайну, вложил в каждого единственную личную тайну. Эта тайна и есть личность. Чем больше тайна, тем больше личность. Так как это тайна, то она неприкосновенна: noli me tangere. Но именно потому, что это тайна, она требует откровения: скрывается в откровении и открывается в сокровении. Может, каждый человек в какой-то степени актер — играет себя самого, свою тайну: игрой скрывает ее в откровении и открывает в сокровении.

1911. V—VI. Призвание: мне* была обнаружена тайна. Я увидел ее, но не понимал. Я пошел к ней, но с закрытыми глазами, ощупью.

1922. Утром 1.I. Entscheidung**, то есть крайнее, самое сильное проявление своей воли — свободы выбора: грех. То, что было тогда, — восстание на Тебя в наиболее радикальном, полном сокрушении духа, тогда это восстание на сущее во мне — может, самый большой грех. Но и этим грехом Ты повел меня к Себе, вернее это было первое, еще не полное открывание глаз. Тогда и началось то, что Д. И. сказал обо мне: актерство, игра.

1922—1928. Первый период игры.

---

* Так в рукописи.

** Решение (*нем.*).

1928. Второе открывание глаз. — «Щель и грань».

1928—1934. VII. Второй период игры, наиболее искусный.

1934. VIII. Первое банкротство.

1935—1941. Нисходящий путь игры, то есть игра идет на убыль. — Игнавия разрушает ее.

1941. VIII.—1946. Облачение Тобою.

1946—1948 (49?). Первое саморазоблачение. Саморазоблачения бывали и раньше, но часто в игре, недостаточно радикальные. Игры почти нет — ее поглотила игнавия. А играть, хотя бы игнавию, было не с кем: Д. И. не было, и остальных не было, я остался один с моей лестницей Иакова и с Тобою. И одновременно с моим разоблачением Ты облачал меня Собою.

1948 (49?)—1960. IV. Алефы* . Неглубокая второсортная игра. Я не говорю, что алефы мне ничего не дали, что в них ничего нет, кроме алефов, но игра была небольшой и неискусной.

1960. IV. И эта игра почти совсем прекращается, а

1962.12.I. и совсем прекращается, уже навсегда. Второе банкротство и второе саморазоблачение. Первые признаки его появились раньше, может, зимой 1958 г.

1963.16.X. Третье банкротство и третье саморазоблачение — облачение Тобою через жало в плоть, которое Ты дал мне тогда.

Жизнь и есть призвание тайной, которую дает человеку Бог; откровение тайны в сокровении и сокровение в откровении игрой; банкротство в сокрушении духа и саморазоблачении, которое есть облачение Тобою.

С банкротством и саморазоблачением появляется некоторое бесстыдство. Отказ от игры, от сокровения тайны, вернее от намеренного сокровения тайны, потому что она не может не сокрываться и открывается в сокровении — отказ от игры — намеренного сокровения тайны — бесстыдство. Это бесстыдство экзистенциально.

В <19>30 или 31 г. Введ<енский> раз сказал мне: я рассказывал о тебе Кузмину**, и он просил привести тебя; я сказал, что это невозможно, так как ты никуда не ходишь (кроме Л., В., Х., О.). Я молчал, хотя Кузмин и его вечера интересовали меня и я хотел пойти. Но я думал, что могу брать только то, что лежит на моем пути, сам же менять

---

* Автор зашифровывал поверхностные чувства и увлечения первой буквой алфавита иврита «алеф».

** Кузмин М. А. (1875—1936) — поэт, прозаик, композитор, музыкальный критик.

его не должен, и что лежит в стороне от моего пути — не брать. Это конечно, игра, правильная игра и имеет точные правила: если бы я стал ходить к Кузмину, мой образ жизни — строй жизни — сильно изменился бы. Но если бы Введ<енский> просто сказал: Кузмин хочет тебя видеть, в субботу в 9 ч. я зайду за тобою и мы пойдем к Кузмину, — я пошел бы, правила не нарушились бы, я сам не проявлял инициативы.

До банкротства в сокрушении духа и до саморазоблачения — игра, не внешнее актерство, а соблюдение своего пути в намеренном сокровении откровения и откровении сокровения. Потом намеренность пропадает, тогда бесстыдство, экзистенциальное, ноуменальное бесстыдство. В игре может быть различно: творчество важнее жизни, или жизнь важнее творчества. Но когда игра кончается, главное не творчество, а жизнь, главное — Ты, не только как causa finalis — это и в творчестве, но и как causa efficiens, и formalis*, и materialis**. Главное тогда — строй души, в котором Ты. Что мне на небе и что на земле, если Ты со мною <Пс. 77, 25>.

12. V. Чехов. «Ариадна». «На пути». Лермонтов. «Они любили друг друга...» Ст<ерлигов> раз спросил меня: правда ли, что браки совершаются на небесах? Я ответил: скорее в аду. Иногда же через некоторое время, может, только в старости, освящаются на небесах.

Взгляд. Соблазняющий взгляд. Личность. У тебя один взгляд на это, у меня другой. Женский взгляд. Сублимация? Хитрость наглой природы? (Акутагава.)

Шура и Тамара. *** Мне всегда казалось, что они, как говорят, созданы друг для друга. И все же вместе не могли жить. Но хорошая дружба сохранилась. К ним, может, подходит цитата из Лермонтова.

Враги человеку домашние его <Мф. 10, 36>. Но самая домашняя — жена.

21. V. Позавчера пришел соблазн: я сейчас много пишу, сразу несколько вещей. Одна из них — три искушения Христа. В связи с этим думал о возможности — логической и онтологической. Потом взял «Логический трактат»**** — вторую часть. И вдруг стало так нехорошо,

---

* Формальная, образующая, формирующая причина (*лат.*).

** Причина, действующая в веществе, материи; субстрат действия (*лат.*).

*** Введенский и Липавская.

**** Друскин Я. Логический трактат о непосредственном умозаключении. — 1941—1952 гг. — В пяти частях. Часть I. О высказывании. Часть II. О простом умозаключении или суждении второго порядка. О переводе одной системы логических форм в другую. О сведении наложения к силлогизмам. Часть III. О логическом наложении и продолжении. Часть IV. О классах непосредственных умозаключений без изменения количества. Часть V. О классах непосредственных умозаключений с изменением количества. — ОР РНБ, ед. хр. 13.

как будто 16.X.63 было вчера. Мне бы взять Ев<ангелие> и все было <бы> хорошо, а я продолжал заниматься возможностью, и становилось все хуже. И вчера — что ни возьму — все плохо. Соблазн здесь — мои вещи; то есть сейчас писание вещей — соблазн для меня.

Уже вчера мне хотелось выпить, я искал повода, повод почти представился, но сразу же отпал. Сегодня немного выпил, и как будто появилась интенсивная жизнь, как сказал Д. И. Мне скажут: плохо. Но ведь напиток этот изобрел один из патриархов — Ной, он «обрел благодать перед очами Господа» и «был человек праведный и непорочный в роде своем; пред Богом ходил Ной» <Быт. 6, 8; 9>. Суеверный страх перед этим напитком от неправильного абстрактного разделения психического и телесного. Это тот же пелагианизм: смешение духовного и плотского или духовного и душевного с психическим и телесным.

26. V. Сегодня я проснулся от спазма голосовых связок. Причем это связано было со сном: каждый спазм — мысль Ницше. Как всегда, это было настолько ясным, что не записал, а потом, конечно, забыл.

Л. говорил, что мои сны напоминают сны Ивана Федоровича Шпоньки; а сейчас — ад Свидригайлова. Днем я Дориан Грей, а ночью — его портрет.

Может, так стало оттого, что много пишу? Исаак Сирианин говорит, что и чтение псалмов и Евангелия тоже молитва. Это неверно: очищает, но все же, кажется, не молитва. Писание вещей очищает — опустошает, а сейчас, может, заграждает меня. Скорее эта тетрадь — жало в плоть — молитва: перед Тобою.

Я — что как ничто. В встречах как что — ничто, а сейчас и в писании рассуждений, особенно когда исправляю и переписываю. Иногда после исправления и переписывания, также после встреч я говорю, как Веспасиан: в такие годы и такой позор.

Может, это самое нехорошее сейчас — исправление и переписывание. К чему это? Проходит образ мира сего и уже почти прошел.

29. V. Пневмосоматический дуализм. Двойной взгляд: два ряда событий — духовных и соматических. (1) События первого ряда — causa finalis событий второго ряда. (2) События второго ряда — causa materialis событий первого ряда. (3) В этом случае одновременно событие первого ряда — causa finalis того же самого события, что было его материальной причиной, и (4) становится его формальной причиной. Пусть какая-либо физическая причина вызвала психическую ненормальность. Но форма — Sosein, или eidos, этой ненормальности определяется не физической болезнью, а духовной причиной. Например, идиотизм Ниц-

ше: может быть, сифилис и был материальной причиной идиотизма, но, во-первых, не у всех же это бывает при сифилисе, почему у него был? Во-вторых, и у тех, у кого бывает, может протекать в различных формах. Формальная причина: честолюбие → мания величия → идиотизм. Causa finalis: рече безумец в сердце своем: несть Бог.

Во всех трех случаях событие первого ряда может быть духовным или духовно антидуховным — плотским в смысле Павла. Тогда душевное и сам разум — плотское событие, хотя принадлежит к первому ряду, сам грех и безбожие — духовно антидуховное.

30. V. Снилась мама. Обычных сублимаций самопоедания не было, но то, что было, тоже не удовлетворяет. Я был каким-то бесстрастным наблюдателем, проникшим в прошлое. И хотя было скорее хорошо, чем плохо, — я сидел рядом с мамой, — но я не беспокоился о том, что должно было вскоре произойти, так как знал, что оно уже произошло. Это не было встречей сейчас в будущем, но только возвращением в прошлое. Но и это было бы хорошо, если бы я не ощущал во сне коэффициента «прошло»; поэтому не было полной и совершенной радости.

Но, может, это возмездие, расплата за слабость духа, затмение, поразившее меня в начале октября 1963 г.

31. V. Я любил свою комнату: любил быть один в своей комнате, потому что в соседней была мама. А сейчас не люблю своей комнаты. Но еще больше не люблю уходить из своей комнаты.

1. VI. Римл. 7, 25. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха. Свобода выбора и грех, как мгновенный акт — абсолютно свободны, то есть духовны; грех — духовно антидуховный; материально же, то есть в осуществлении и содержании, — плотское. Даже вина без вины и навязанная мне свобода выбора, как только навязана мне, вошла в мое духовное ядро: в акте; но в содержании — плотское рабство. Если я существую и есть только во взгляде Бога на меня, то, как только Он пожелал увидеть меня грешником, я и стал грешником: так как я и есть такой, каким меня видит Бог. Но, возложив на меня вину без вины, Он тем самым возложил на меня и ответственность за нее. Хотя я и сотворен Им, но Он пожелал увидеть меня ответственным за мою тварность и сотворенность, и как только Он пожелал и увидел меня ответственным, я и стал ответственным за всякий мой грех, за саму мою греховность.

Не только оправдание, но и грехопадение — actus forensis. И только через грехопадение я и стал ответственным за всякий мой поступок, за всякую мысль.

2. VI. Когда я вспоминаю свое прошлое, то есть мое поведение при встречах с людьми, разговоры, даже ближайшее прошлое, все, кроме одного, кажется мне глупым и пошлым, и я стыжусь его даже до последнего времени. Я уже не говорю о моих грехах. Но вещи мои не кажутся мне глупыми, даже старые: есть неудачные, может, и много, но нет в них той глупости, которой я стыжусь, нет их даже в дневниковых записях. Это зафиксировано и в Лёниных «Разговорах»* , там есть моя глупость.

Взгляд назад на свою жизнь, даже на то, что было вчера, только что, обнажает, может, ноуменально раскрывает прошлое. Одно, которое я исключаю, это моя лестница Иакова, здесь я ничего не стыжусь, то есть моего отношения, только каюсь, здесь мой грех; может, оттого и сны такие, и сегодня также.

Время, то есть временность в встречах и общении, при греховном неумении прорвать свою загражденность — вот что опошляет, вносит какой-то дурной, грешный запах.

Мои вещи отделены от меня внешнего, встречающегося с людьми, даже сейчас, когда они стали экзистенциальны, когда почти каждая из них написана именно по случаю, по экзистенциальному случаю. Два с половиной года тому назад я записал, что стыжусь разговоров при встречах, так как говорит моя старая eigentliche Existenz, уже мертвая, ставшая uneigentlicher Existenz. Но сейчас я, кажется, и говорю о том, что пишу, и все же при встречах существую и говорю uneigentlich, или как магнитофон.

4. VI. Сон: я говорю Жене <Гельфанд>, что заметил у актрис что-то искусственное, надуманное и неприятное. Женя: но ведь и я актриса. Я сказал, что присутствующих не имел в виду, имел в виду ту актрису, которую видел у тебя в последний раз. Женя, удивленно: в какой последний раз? Я думаю: в тот день, когда ты умирала; но как сказатьей, живой, хотя и умершей: в тот день, когда ты умирала?

5. VI. Портрет Дориана Грея я не ночью в снах, а днем, когда вспоминаю их, в воспоминании снов вижу свой портрет — портрет Дориана Грея. Ночью у меня какая-то мара, наваждение. И сегодня ночью, и вчера, и позавчера, и каждую ночь. Какое-то тупое непонимание.

Почему во сне мое отношение к маме сублимируется в то, что я назвал наваждением, иногда же в отношение к другим людям? Почему во сне мое отношение иногда обезличивается, как будто бы отношение

---

* Липавский Л. Разговоры // *Сб.* Т. 1. С. 174—254.

субстанциально, а определенная личная цель, то есть личность, только его модус? Это грех и в отношении к ней и к Тебе. Прости меня, Господи, освободи от мути, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне и днем и ночью.

7. VI. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. После того, как настала великая скорбь, какой не было от начала и не будет, я снова стал писать и, кажется, много сделал. Смысл того, что произошло 16.X.63, — жертва, хотя и вынужденная, распявшая для меня мир и меня для мира.

Смысл жизни — страдание. У буддистов — эгоистическое избавление от страдания, может, как и другие индусские религии, — естественная психотерапия. Евангелие — радость страдания, радость в страдании, радость-страдание.

Моим жалом в плоть и Господом моим Иисусом Христом распят для меня мир и я для мира. Поддержи меня, Иисусе Христе, поддержи жалом в плоть, бременем Твоим, дай знак Фомы, освободи от ночной мути.

10. VI. Вчера вечером снова мелькнула не от меня мысль настолько глупая и пошлая, что даже записать не хочу. Это не то, что я назвал не моей мыслью, и не μὴ ὄν в форме οὐχ ὄν, а бесовская пошлость: одиночество Бога; в основе всех теогонических фантазий эта бесовская пошлость, преодоление одиночества Бога. Никакого у Него нет одиночества, Он со мною. Он со мною в гневе Своем — тогда страх Божий, и в милости, тогда радость Божия со мною: я вошел в Радость Господина моего.

16. VI. Уже давно я не люблю спорить. И все же мысленно спорю и с В. В. <Стерлиговым>, и с Л<идой>, и с М., и с другими. И также, кажется, редко сержусь, и все же, может, мысленно сержусь. Три причины, почему человек сердится:

1. Потому что другой не согласен со мною. Если он не знает истины, его надо жалеть. Я понимаю это экзистенциально: страшно, что твой близкий не видит истины, страшно само непонимание истины: ...и окаменил сердце свое, да не видит глазами, и не уразумеет сердцем, и не обратится, чтобы Я исцелил его (Ис. 6, 10). Но бывает и так, что сердишься, потому что он не согласен со мною. Тогда уже не истина и не мой ближний беспокоит меня, но именно мое утверждение истины, то есть просто самолюбие. Я сержусь, потому что он не верит мне, моему утверждению истины.

2. Отрицательное самолюбие: я не понимаю того, что говорит мой ближний, и сержусь на него за то, что я не понимаю. Как это было с Соллертинским* после того, как я пел М. Р.** <Баха>у Миши.

3. Я сержусь на моего ближнего за то, что он нарушает мой покой — душевный комфорт; я установил какой-то порядок своей жизни, das Bestehende, а он прямо или косвенно разрушает прочность моего порядка. Но не так ли и должно быть, чтобы не было где приклонить голову <Мф. 8, 20>, чтобы не было самоуверенного покоя, ибо не знаете, когда придет Сын Человеческий <Мф. 25, 13>.

Есть еще четвертое: раз я ответил маме раздраженно, но сразу же понял — за что? ведь я недоволен был собою, раздражен собою. Я сержусь на себя, а вымещаю на другом.

17. VI. Может ли вообще не исполняться воля Божия? Если кем-либо она не исполняется, то только потому, что Бог не препятствовал ее неисполнению. Но есть ли разница между непрепятствованием Богом неисполнению Его желания и прямым Его желанием, чтобы не исполнялось Его желание? Если говорят, что Он не препятствовал неисполнению Его воли для достижения высшей цели или блага, то ведь Он мог и иначе осуществить Свою цель, для Бога все возможно, Он мог бы сделать, чтобы 2 × 2 = 5, тем более сохранить человеческую свободу и исполнение Своей цели. Все эти теодицеи только умаляют силу Бога, его Allwirksamkeit, сама мысль оправдать зло сводится к оправданию Бога: человек оправдывает Бога. Это тоже безбожие.

Вопрос «почему» мы вообще не должны ставить в отношении к делам Бога. Это «почему» станет над Богом. «Зачем» — можно спрашивать, но это не человеческое «зачем», а очень часто теологи придумывают человеческое «затем».

Антиномия:

А. Божья воля не может не исполняться.
Б. Иногда Божья воля не исполняется.

Выводы: 1) Бог желает, чтобы иногда не исполнялась Его воля, то есть Он желает, чтобы иногда исполнялось то, чего Он не желает.

2) Поэтому: Божья воля всегда исполняется: и тогда, когда исполняется, и тогда, когда не исполняется.

Главное: Allwirksamkeit Gottes не естественный, или природный, детерминизм, а сверхъестественное определение по благодати — Прови-

---

* Соллертинский И. И. (1902—1944) — известный музыковед, литературовед и театровед.

** «Matthäus-Passion» (*нем.*) — «Страсти по Матфею».

дение; поэтому через Христа освобождает меня от всякого детерминизма: Истина сделает вас свободными. Тогда и то, что не исполняется по Его воле, исполняется по Его воле.

20. VI. Мне снилось то, что могло быть и не было и что было и не будет; до воскресения из мертвых.

И снова то, что было и не будет, спасло меня от того, что могло быть и не было.

Это имеет некоторое отношение к предыдущей записи: то, что может быть, никогда не есть и не станет. Неисполнение Божьей воли — это то, что может быть, всегда только может быть, и есть, и должно быть как «может быть». Смысл его в пронзении души (Симеон — Деве Марии), в возложении Богом на меня ответственности за мою сотворенность.

1. VII. Уже несколько дней, много дней меня мучат сомнения, соблазны и искушения, и я даже не знаю, как сказать, что соблазняет и искушает, лукавый искушает.

Я все время боюсь солгать перед Богом. Что это — страх Божий, боязнь совершить хулу на Духа Святого или, наоборот, боязнь слабости духа и маловерия?

Чего я больше всего боюсь? Естественности, природности, исключающей все сверхъестественное, сверхприродное, исключающее Твое Провидение. Но здесь я могу прямо и определенно сказать: за исключением нескольких минут не моей мысли я всегда верил и верю, а потому и знаю, что жив Господь, жива душа моя, я живу Твоим Провидением. С каких пор? Полусознательно, ощупью с 1911 года. Вехи моего осознания: через некоторое время (несколько месяцев?) после моего доклада* у Лосского. Затем: «Закон и перв<оначальное>» (1921?)**. Затем: «Щель и грань». Это во-первых. Во-вторых: Евангелие. С тех пор, как я узнал его (1925? 1926?), я увидел, что Евангелие — не дело рук человеческих, что Христос — Сын Божий.

Что же смущает и искушает меня? Я редко хорошо молюсь. Но что я делаю весь день? Я думаю. Но ведь большей частью думаю о Тебе и перед Тобою, чувствую Тебя, Твое Провидение и иногда слышу Тебя, как Ты отвечаешь мне. В чем искушение? В том, что иногда, может, часто — не знаю, я думаю от себя, логически развиваю некоторые положения. Но откуда они? От ощущения Твоего присутствия, Твоего Провидения, от Тебя же.

---

* Доклада о марксизме на семинаре у Н. О. Лосского в 1920 г.

** Работа не сохранилась.

В развитии некоторых положений я бываю иногда, может, часто — не помню, не внутри, а вне. Но не на это ли Ты и призвал меня?

Когда я думаю от себя, мне вдруг приходит на ум: а не лицемерие ли это?

Я написал письмо М. о вопле — воплю ли я? А что я делаю сейчас как не воплю? Я написал М.: лучше делать что угодно, лучше грешить как угодно, чем уговаривать себя, успокаивать, что вопишь, когда не вопишь. Уговариваю ли я себя, когда не слышу Твоего голоса, не вижу Твоего лица, что лучше умереть, чем жить так? Что это — эта невыносимая пустота и тяжесть, когда боюсь подойти к окну, чтобы не выпасть, как не вопль: Боже, Ты мой Боже, что Ты оставил меня? И не возвращался ли Ты ко мне, и не слышал ли я Тебя?

Я боюсь некоторых своих формулировок, некоторого оттенка безапелляционности моих формулировок, боюсь безапелляционности моих утверждений, боюсь литературности моих рассуждений, боюсь, что они хорошо написаны, боюсь их поэтичности, как сказал Ол<ейников>. Когда я пишу, говорю, все это — мне вдруг иногда так кажется — когда это записано, делается устойчивым, я боюсь das Bestehende в моих мыслях и утверждениях; кроме Тебя, все непрочно, все шатается, все на какой-то грани и в любое мгновение может рухнуть в ничто; и я сам перед этой пропастью, я сам на грани, и передо мною бездна ничто. Но Ты приходишь, Ты держишь меня, и мне уже не страшно н и ч т о, ничто мне не страшно, даже сам ад, когда Ты меня держишь. Но я боюсь безапелляционности, поэтичности моих рассуждений, здесь я сам, здесь я часто сам без Тебя, и тогда передо мною бездна ничто, бездна греха, и я боюсь пасть, боюсь творчества и радости творчества, не страдания его, а именно радости, боюсь естественности, природности, боюсь вдохновения, боюсь ветхого Адама во мне, змия, искушающего меня, боюсь н и ч т о больше смерти, больше бессмертия. Потому что и бессмертие дьявол представляет мне как продолжение этой же, уже опротивевшей мне жизни, как о н о, от которого я уже и не знаю куда мне бежать. Очисть меня, Господи, от устойчивого в моих мыслях, чтобы не было никакого Bestehendes, кроме Тебя, чтобы я не делал выводов от себя, они удерживают меня в устойчивом, даже когда правильные, очисть, Господи, мои мысли, чтобы они не были моими, чтобы ничего не было, кроме Тебя, помоги мне, Господи, Иисусе Христе, спаси меня, без Тебя я утопаю, не медли, Господи.

Господи, все, что я пишу, пишу о Тебе, пишу для Тебя, пишу Тобою, и все же в словах моих ложь, в истинных словах моих ложь, в истинных мыслях моих ложь, я сам ложь. Избавь меня, Господи, от лжи, от моей лжи, от меня самого, потому что сам я — грех и ложь, освободи меня, Господи.

И еще, что я думал в последние дни, чем смущает и искушает меня дьявол. Я скажу прямо, во всей моей наготе, во всем моем бесстыдстве, ноуменальном бесстыдстве. От кого мне скрывать, от Тебя? Ты знал это еще до того, как я узнал, до того, как бес шепнул мне подлую мысль. Бес шепнул мне, что то, что было в мае 1911 г., записал-то я в 1944 г., а до войны считал это естественным. Бес напомнил мне один разговор с Введ<енским>. Но это ложь, я не знал еще, что это, но и до войны чувствовал, в глубине души чувствовал неестественность события. И разговор с Введенским, легкомысленный с моей стороны, все же не такой, как представил мне бес. Бес смутил меня, и я усомнился. Но ведь сколько было прогулок, а запомнил я только эту, и запомнил улицы, по которым мы ходили, и запомнил, как повернули с Большого на Введенскую ул. — тогда все и произошло. И радость в мае 1911 г. была та же, что и два года тому назад, когда Ты ввел меня в Радость Свою, Радость Господина моего. И еще: прошлое открывается сейчас, реально открывается, сейчас есть; Ты открываешь его, то, что было, открываешь с е й ч а с — и то, что было, что было 50 лет тому назад, Ты открываешь сейчас, и тогда оно и есть с е й ч а с; всю мою жизнь Ты открываешь сейчас, и тогда она и есть сейчас и была тогда такой, как сейчас.

Моя ложь закрывает Тебя от меня, и ни я, никто и ничто не может убрать ее, только Ты, один Ты приходишь ко мне, убираешь мою ложь, освобождаешь меня от меня самого, и тогда я говорю: что мне на небе, что на земле, если Ты со мною.

И еще, Господи, исповедуюсь перед Тобою: не могу я прорвать своей греховной загражденности, ноуменально чувствую соборность, живу в ней, в Церкви, которую Ты построил на камне веры, и все же не могу прорвать своей загражденности. Каждый день я молюсь о ней, о моей лестнице Иакова, ставшей моим жалом в плоть, я молюсь все время: со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь вечная, и все же жизнь вечная скрыта от меня. Это неверно, я все время живу ею, жизнью вечной, к которой Ты призвал меня, и все же не могу полностью вкусить ее, только редко истинно причащаюсь ей, вкушаю тело и кровь Твою, Иисусе Христе. Помоги мне, Иисусе Христе, в Тебе жизнь вечная, в Благой вести Твоей я никогда не сомневался, ею живу и жил, не оставь меня, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне днем и ночью.

4.VII. Я живу во взгляде Бога на меня. Каким Он желает видеть меня и видит, такой я и есть. Он пожелал увидеть меня грешником и увидел, и я стал грешником. Зачем? чтобы открылись глаза, чтобы ввести меня в Радость Твою.

Ответственность за все творение — это Его привилегия. И Он передает ее мне. Грех — несоизмеримость бесконечной ответственности с моей конечностью — сотворенностью. Ответственность и соборность.

Между мною и всей для меня бесконечной во времени и пространстве Вселенной — бесконечность и бесконечная пропасть. Для Тебя же — один мгновенный акт сейчас, одно здесь, вечное мгновение, вечное сейчас-здесь. Моя ответственность в грехе, Твоя — в святости, так как Ты актуально бесконечен, Ты и есть актуальная бесконечность.

Не моя сотворенность грех, а знание моей сотворенности, и тогда, в знании моей сотворенности, я виноват и за мою сотворенность, то есть просто: виноват, что я существую, живу. Христос освобождает от этой вины. Освободи меня, Иисусе Христе.

6. VII. Я всегда тот же самый и всегда не тот же самый. Бог — тот же самый в не том же самом — абсолютное синтетическое тожество. У меня разделилось: я тот же самый, во времени не тот же самый, то есть как бы изменяюсь.

Феноменально: «тот же самый» представляется мне во времени, которого нет, только как формальное, а не субстанциальное единство многообразия.

Ноуменально: субстанциальна моя инвариантность — лицо, взгляд, данный от Бога. Изменение же, сама временность и прехождение — только внешняя оболочка, варианты одного инварианта. Поэтому и мутит от времени, от самого **прошло** и **проходит.**

7. VII. Ноуменальное состояние, когда бывает, сопровождается одним из двух коэффициентов:

1. Оно всегда есть, только я по слабости духа не всегда вижу его, не всегда пребываю в нем. Я как бы просыпаюсь, потом засыпаю и снова просыпаюсь. С просыпанием соединяется ощущение Провидения.

2. Я впервые узнал, увидел его, такого еще не было. Но и в этом первом узнании я могу почувствовать Провидение, которое вело к нему.

Дух дышет, где хочет... а не знаешь, откуда приходит и куда уходит... (Ин. 3, 8).

8. VII. Я переделываю «Сон и явь». Для этого снова пересматриваю старые записи. И вот что удивляет меня:

1. Некоторые, написанные больше 30 лет тому назад, я мог бы и сейчас написать и думал бы, что они новые, то есть сейчас узнал. Но такие реже.

2. В предвоенных есть что-то намеренное, скорее неумное, иногда с претензией. И вот именно в них я почувствовал Провидение, как Оно очищало меня от всякой шелухи, приставшей ко мне. То, что в них есть хорошее, это уже не я сам, не от меня. И то, к чему я сейчас пришел, не от меня. В старых записях особенно ясно: то, что от себя пишу, глупо и

плохо, я сам и есть какая-то пошлость, и Ты освобождаешь меня от нее — от меня самого, чтобы я стал что как ничто.

10. VII. Я читал, что «Исповедь» Августина совсем не так непосредственна, как это считалось раньше. Прошлое изложено не всегда так, как было, что подтверждается его же письмами. И это не забывчивость, а сознательно модернизированная реконструкция прошлого — так говорит автор статьи. Но можно ли провести точную границу между ноуменальным обнаружением, то есть ноуменальным раскрытием прошлого сейчас, и модернизированием его? Проецирую ли я настоящее, то есть сейчас, назад или, наоборот, прошлое сейчас открывается? Когда я сейчас вспоминаю Д. И., я вижу и понимаю его лучше, чем тогда.

И в прошлом и в настоящем надо различать некоторое ноуменальное ядро и его явление. Ноуменальное ядро прошлого открывается сейчас, но в ретроспективном взгляде я вижу его явление, может, и иначе, не таким, каким оно было; но только явление, не ядро. Но что значит «каким оно было»? Самые подробные записи и свидетельские показания не могут восстановить его таким, «каким оно было». Помимо того, состояния одного рода пронизывают состояния другого рода, как множество иррациональных чисел множество рациональных. Ни один человек не может непрерывно иметь откровения. В промежутках он ест, пьет, спит, отвлекается и многое другое.

K. Holl — о Симеоне Новом Богослове: чувство, намеренно и искусно изображенное в литературном произведении, не обязательно надуманно и фальшиво, но может быть и истинным. Это относится и к Августину. И авторы псалмов и пророки писали иногда стихами.

Снова о старых записях: рядом и глупое и умное, и плохое и хорошее, и низкое и высокое — что же такое человек? Что или кто я? «В чем достоинство человека? В ноздрях жизнь его».

13. VII. <Сон.> В клетке птичка. Но она вылезает через щель, а в комнате кошка. Я ловлю ее, она совсем ручная и не улетает, ищу клетку без щелей. Нашел одну с двойной рамой. Но, оказывается, и в ней есть щель. В клетке лежат котлеты, птичка говорит: убери, противно, красное живое мясо. Я говорю: да нет же, это котлеты. Птичка — и уже не птичка, а мама — говорит мне: все равно противно, убери. Потом мама меня успокаивает: ты не бойся, теперь я уж не уйду.

14. VII. Мама действительно не ушла. Но если вчера сон был хороший, но слишком абстрактен, то сегодня —очень конкретен, но плохой. Мама меня отталкивала. — Почему? Если подходить с естественной

точки зрения, то почему память или подсознательное выбрало из множества воспоминаний одно из редких и еще усилило его неприятность? Или я хочу делать себе неприятное, мучить себя? Или естественный инстинкт жизни заботится обо мне, чтобы сон не стал приятнее бодрствования? Или, наоборот, дух хочет, чтобы я бодрствовал все время и не успокаивал себя сном? — это уже субъективно ноуменальная точка зрения. А объективно ноуменально? Почему или зачем мама отталкивала меня?

15.VII. Вчера я думал и не знаю, не от беса ли эта мысль. Я думал: вот я умер, а близкие остались. И вот сознание прошлой жизни сохранилось, и я даже вижу, что происходит здесь на земле. И вижу бесконечное страдание оставшихся в живых. Несмотря на радость встречи с мамой, на блаженство, если Бог простит и даст мне его, как совместить это блаженство с постоянным ви́дением земного страдания? Но ведь Бог видит страдание всех, и страдает с каждым, и еще больше, чем я, так как Он ничего не забывает, а я забываю. Что же весь мир, вся жизнь от сотворения мира до конца его, как не меч, пронзающий душу, как не пронзение души мечом?

Две погрешности. Во-первых, время и вечность, вечное мгновение. Во-вторых, Радость Господина моего; и Он радуется моей радостью, мгновенно вечно радуется. Тогда в одной точке, до моей смерти бесконечно удаленной от меня, сходятся страдание и радость? Что это значит?

То, что я вчера почувствовал, эта страшность и страдание жизни, когда я уже освобожден от страдания и жизни, поэтому при любви еще большее страдание, — что это? Бесконечная глубина Божественной любви? Отблеск Божественной любви в страдании? Но это такое страдание, что его можно назвать адским страданием. И снова сходятся в одной точке ад и Рай.

19.VII. Давно, еще до 17.III.34, я заканчивал молитву формулой: за плавающих и путешествующих, Господи, за болеющих и выздоравливающих. Сейчас, на кладбище, добавил: за выздоровевших от этой жизни и за болеющих еще ею.

Господи, Иисусе Христе, поддержи меня моей лестницей Иакова, которую Ты убрал от меня, дав взамен жало в плоть;

поддержи меня моим жалом в плоть, которое Ты дал мне в тот день;

дай мне силу бодрствовать днем и ночью моим жалом в плоть;

дай мне каждый день помнить мою лестницу Иакова моим жалом в плоть;

дай мне всегда помнить тот день моим жалом в плоть;
дай мне навски потерять вкус ко всем земным удовольствиям моим жалом в плоть;
дай мне навски потерять вкус жизни моим жалом в плоть;
дай мне познать полную радость страдания моим жалом в плоть;
дай мне познать полную радость в страдании моим жалом в плоть;
дай мне радость-страдание моим жалом в плоть;
дай мне войти в Радость Господина моего моим жалом в плоть;
дай мне радость и силу всегда благодарить Тебя за мое жало в плоть;
дай радость и слезы моим жалом в плоть;
дай сокрушение духа, плач и вопль моим жалом в плоть;
дай оставленность и покинутость всеми ради Тебя моим жалом в плоть;
дай силу веры моим жалом в плоть;
дай знак Фомы моим жалом в плоть;
дай мне непрерывное бодрствование днем и ночью моим жалом в плоть.

Помоги, Господи, моим жалом в плоть, чтобы оно было больнее, бременем Твоим, чтобы оно было тяжелее, опустоши меня и наполни Собою, вложи руку мою в рану Твою, дай знак Фомы.

26.VII. Разговор со мною:

— Ведь раньше вы ехали летом в Пушкин, почему сейчас не едете?

— Потому что нет надобности.

— Но ведь это надо для здоровья: дышать воздухом.

— Последняя причина здоровья не воздух.

— Конечно, но и воздух тоже.

Бог **и** воздух. Бог **и** змий. Бог **и** моя свободная воля. Но это уже не Бог. Бог — без всякого **и**.

Я не отрицаю лечения, и сам принимаю лекарства. Неделание тоже делание. Делаю ли я что-либо или не делаю, все равно Бог делает через меня и делание, и неделание. Но здесь есть деликатная, тонкая граница, очень точная и все же точно не определяемая: не что я могу делать и не что я должен делать, не проблематическая и не аподиктическая форма, а ассерторическая: что мне делать. И здесь я знаю: я живу в своей комнате и надеюсь до самой смерти прожить в моей комнате — ее и моей. Это не своеволие и не категорический императив, а Божья воля: жить мне в моей пустой комнате, в моей опустевшей комнате, в ее и моей опустевшей, пустой комнате.

Когда я у себя, в своей пустой уже комнате, я знаю, что мне делать, потому что со мною Бог. Когда же я не у себя или при людях, появляются

соблазны сверх обычных, появляется могу, не могу, должен, не должен, и я теряю Тебя.

27. VII. Когда я прочел Лёне и Н. М. «О некотором волнении и некотором спокойствии»*, они сказали, что эта вещь похожа на меня, то есть мое писание переходило в жизнь. Сейчас наоборот: то, что я есть, то и пишу. Потому что раньше была игра: помимо ненамеренного было и намеренное скрывание тайны в откровении и откровение в сокровении. А сейчас ноуменальное бесстыдство: я один перед Тобою во всей своей наготе.

4. VIII. Закончил «О молитве»**. Может, это лучшее, что я написал за последние два с половиной года, но не это меня радует, а радует, что Ты дал мне понять Твою ответственность, подаренную мне, все больше приближаешь меня к Себе, даешь мне понять любовь в Твоем гневе, радость пронзения моей души Тобою в пронзении души Твоего Сына, радость страдания, нашу общую бесконечную радость страдания.

5. VIII. Я проходил мимо дома, где жил Д. И., и думал: каждый день я гуляю час, два и так же гулял 40 лет тому назад. Мне показалось, что тогда было так же и сразу же: нет, не так же. Что так же? Ощущение тайны. Что не так же? Все не так же. Тогда тайна была почти нераскрытая, слепая, поэтому страхи, приметы, формулы безопасности. Теперь их нет: опасности пришли, потерь много, но тайна не слепая: открывается в сокровении и скрывается в откровении; и меч, пронзающий душу, и жало в плоть.

7. VIII. Кажется, впервые понял или начал понимать, что значит умер, пресытившись жизнью. Это значит: примирился со всем и со всеми, с миром и с Богом, почил в Боге. Я ходил в Александровский парк, где 33 или 34 года тому назад возник третий разговор вестников, и снова все было почти то же и уже совсем другое. Деревья, люди — все это было совсем вне меня, чужое, уже не мой мир. Не в том смысле, как я писал в «Свердловских трактатах», но именно мой мир сейчас — не мой, а тот, не мой мир, — мой. Он уже не страшен. Я хожу по улицам, по дорогам, и все, что было, и все, кто были и кого нет, — со мною, а то, что есть, что вижу глазами, — вне меня. И моя лестница Иакова уже не жало в плоть. Это хождение по улицам — молитва; молитва и тогда, когда не читаю молитв. Я один перед Тобою, с Тобою, и все, что было, и кто были, и она, со мною перед Тобой, в Тебе.

---

* См. библиогр. [31], с. 758—763.

** См. библиогр. [32].

Жало, конечно, осталось жалом и пусть жалит больнее, и бремя пусть будет тяжелее, но приходит какая-то отрешенность, я отрешаюсь от себя самого, от мира, от всего, с чем и с кем встречаюсь. Проходит образ мира сего.

И тогда была некоторая отрешенность и даже предчувствие жала в плоть: ведь погрешность была именно погрешностью, недостатком и, как недостаток, достоинством и совершенством. Было почти то же, что и сейчас. И какая-то удовлетворенность, примиренность и благоговение было и тогда. И все же не то, совсем не то, хотя и то же. Различаются как начало и конец того же самого. И предчувствие жала в плоть, самое сильное экзистенциальное предчувствие, еще не экзистенциальное присутствие жала в плоть. 33 или 34 года тому назад было экзистенциальное предчувствие, предсуществование того, что стало и есть сейчас.

9. VIII. В детстве я мечтал о невидимом стеклянном корабле; я — в нем, он проникает всюду, я все вижу, а меня — никто. Я в стеклянном корабле.

10. VIII. Мои неприятные сны — это какой-то спор, с мамой или я уже не знаю с кем, о моей первоначальной вине — ответственности, возложенной на меня Богом. И сегодня тоже: я был виноват, но не в том, вернее не совсем в том, за что обвиняла меня мама. Мне казалось, что это какое-то недоразумение, которое должно же выясниться. Мне казалось: еще немного взаимного понимания, и наступит полное примирение и радость, и мы оба вместе войдем в Радость Господина нашего.

14. VIII. Желание. Воля. Моя и Божья. Что значит желание? И откуда оно? Я именно и хочу войти в церковь, а Бог удерживает меня, говорит мне: ты хочешь войти в церковь, чтобы успокоиться, а Я хочу, чтобы ты беспокоился, не имел покоя, чтобы в беспокойстве ты понял и получил Мой покой, а не свой, человеческий.

И это же внушал мне Бог 35 лет тому назад, когда я писал «О некотором волнении и некотором спокойствии», а может, еще раньше, с 1911 г.

15. VIII. Больше всего меня интересует не то, что мое, а то, что именно не мое, абсолютно не мое. И абсолютно не мое — самое близкое мне, абсолютно мое. Я нашел его в Священном Писании. Это — Ты. Но еще до того, как я нашел Тебя в Священном Писании, Ты явился мне и вложил в меня бесконечную заинтересованность Тобою. Поэтому я и мог найти Тебя в Священном Писании. И тогда Ты подтверждаешь,

что это действительно Ты. Я говорю: Ты, потому что слово «Бог» еще слишком общее. Ты и только Ты.

19. VIII. Мне кажется, в бессмертии или, лучше, в вечной жизни надо различать дважды два момента, причем оба не от меня, дар мне: один — имманентно-трансцендентный или аналитически-синтетический, другой — абсолютно трансцендентный, абсолютно синтетический. Оба — дар мне, но первый — дар, ставший **моим, мною**; второй — тоже должен был моим, личным моим, но как импутируемый мне в прощении грехов, присоединяемый в actus forensis через Христа. Строго говоря, оба импутируемые мне в actus forensis, но во втором бесконечно сильнее ощущение импутирования в actus forensis, так как через Христа, и поэтому же бесконечная заинтересованность, и Leidenschaft, и Leiden*: просите и **дано** будет вам <Мф. 7, 7>. Царствие Небесное силой берется. Именно **дано** будет. И берется то, чего я не имею. Поэтому две религиозности: *А* и *В*.

А. Постоянный строй души, определяемый моей абсолютной инвариантностью, данной мне от Бога. Это и есть то, что я писал в первом «Разговоре вестников».

В. 1. Личное, бесконечно заинтересованное отношение к Богу. И так как к Богу, то есть к вечному, явившемуся во времени, то вечное личное отношение к Ты, к Тебе. Тогда непрерывная молитва, молитва и в потере Тебя, в вопле: что Ты покинул меня, и в беспрестанном благодарении за все: и за то, что Ты оставил меня, и за то, что вернулся, и за то, что дал мне жало в плоть, и за то, что пронзил мою душу, пронзил в Своей душе, пронзив душу Сына Твоего; благодарение за радость, благодарение за страдание, и за радость страдания, и за радость-страдание. Тогда все сомкнулось в одной точке и эта точка — Ты, все во всем, моя радость, и спасение, и жизнь вечная.

2. Могу ли я исключить из этой радости в Тебе и Тобою моего ближнего? Не Ты ли заповедал мне, идя к Тебе, отложить мой дар, если ближний мой имеет что против меня, вернуться, примириться с ним и повести его вместе со мною к Тебе? Не виноват ли я в Тебе перед каждым моим ближним? Тогда не должен ли и перед ним покаяться и захватить его с собою, идя к Тебе? Ты знаешь, Господи, прежде всего я говорю о моей лестнице Иакова, о моем жале в плоть, не вместе ли мы должны идти к Тебе? И не только с нею, со всеми, с кем Ты столкнул меня, со всеми и выздоровевшими от этой жизни и еще болеющими ею. Не для этого ли Ты и послал Своего Сына в мир? Не в этом ли и есть вкушение Его тела и крови — **совместное** вкушение? Но тогда мое личное отно-

---

* Страдание (*нем.*).

шение к Тебе, мое бесконечноевечное личное отношение к Тебе, не включает ли оно и вечное личное отношение к моим ближним, ко всем моим ближним? Господи, я благодарю Тебя за все, благодарю Тебя за мою лестницу Иакова, которой Ты дал мне радоваться 61 год, которой Ты вел меня к Себе, благодарю Тебя и за то, что Ты ее убрал от меня, и за то, что сохранил мне ее в жале в плоть, навеки сохранил, сохранил и в этой и в той жизни, в вечной жизни. Это и есть вечная жизнь — любовь, жизнь в Тебе и Тобою. Ты и есть моя вечная жизнь. И она уже сейчас: в непрерывной молитве, в молитве-покаянии и в молитве-благодарении: Ты Господь мой и Бог мой.

20. VIII. Я уже не называю вас рабами, Я называю вас друзьями <Ин. 15, 15>. «Истина сделает вас свободными». «Я есмь путь и истина и жизнь» <Ин. 14, 6>. Христос от всего освобождает. Тогда уже все дозволено. Все можно, все нужно, и уже ничего не нужно. Это тайна, которую открыл Христос: все нужно, и поэтому уже ничего не нужно.

30. VIII. Уже скоро две недели как много читаю (Кьеркегор), и хотя интересно, но все же не нужно мне, как и все другие книги, кроме Библии и Евангелия, и только отдаляет меня от меня перед Богом. А затем еще и Л<ида> заболела и кончились мои хождения-молитвы.

31. VIII. Когда я один, я не один. Когда я с людьми, я один. Когда много читаю — один. Когда пишу (кроме этой тетради) и особенно когда отделываю написанное (что бывает редко) — я один. Я приближался к непрерывной молитве, почувствовал ее вкус. Чтения и внешние обстоятельства прервали ее. Чтение стало для меня праздностью и унынием, похотью очей; писание и особенно отделывание моих вещей — любоначалием и празднословием. Помоги мне, Господи, Владыко живота моего; не дай мне духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия, дай непрерывную молитву.

Из длинного сна запомнил только одно: мы возвращаемся с мамой домой. По дороге пересадка. Я удивляюсь, спрашиваю маму: откуда ты знаешь, где надо сойти, куда ехать? — Сейчас я снова не знаю, где сойти, куда ехать. Помоги, Господи.

Кьеркегор мне сейчас так интересен, потому что я нахожу много общего между им и моей философией еще до 1954 г., когда я впервые познакомился с ним. Даже не общее, а иногда то же самое, только на разных языках. Исходный пункт один — Благая весть, но он отталкивается от Сократа, я — от Пиррона (апория — «Вестники»). У него

Schwermut*, у меня игнавия, игнавия лишена эмоционально-психологического оттенка, свойственного Schwermut. Он лиричен, я боюсь лиричности и в жизни, и в своих вещах. Он полемичен, я не выношу полемики. У него демонизм эротически окрашен, у меня скорее человек из подполья Достоевского. От этого же, должно быть, он обращал особенное внимание на Aneignung**, Existenzmitteilung***, я — на Existenzlehre****, которую он отрицал, мне кажется, неправильно, тем более что у него есть и Lehre, а не только Mitteilung. У него сохранился романтический и гегелевский жаргон, я полностью освободился от них. У него сохранились еще гегелевские пережитки — синтез, триады, у меня — скорее кантовские. У него триадичность, у меня — дихотомичность. Он идет от теологии к философии, я — от философии к теологии, хотя общая основа — Благая весть — та же. Но если сделать некоторый перевод терминов, суждений, высказываний с его языка на мой, иногда (очень часто) получаются удивительные совпадения. Но все это мне сейчас не нужно, это старое, уже умерло. Не моя философия, она мне и сейчас помогает для теологии, и не философия вообще, а мой интерес к ней. Поэтому, говоря словами Кьеркегора, у меня и получилось сейчас не Wiederholung***◇, а Erinnerung**◇◇ и от этого — Verzweifelung*◇◇◇ и потеря непрерывной молитвы, к которой я все же приближался и прикасался.

Уже час <дня>; четыре часа как я встал и ничего не делаю. И это ничегонеделание полезнее ненужного мне чтения. Я освобождаюсь от чего-то лишнего, ненужного, закрывающего меня от меня перед Тобою. Я возвращаюсь к себе перед Тобою, к Тебе.

1.IX. <Сон.> На берегу моря три больших парохода. В одном из них мы живем. Он стоит на суше. В третьем мы поедем куда-то далеко. Я с Л<идой> идем к этому пароходу посмотреть наши каюты. Пока мы идем к нему, он удаляется от нас. Я думаю: но почему мы не берем с собой маму? Как она останется одна? И мы ведь даже не попрощались с мамой, а пароход далеко, мы не успеем даже вернуться попрощаться. И зачем мне вообще уезжать, я не хочу уезжать без мамы. Что делать?

---

* Грусть, печаль, уныние, меланхолия, мрачное настроение (*нем.*).

** Присвоение (*нем.*).

*** Экзистенциальное откровение, сообщение (*нем.*).

**** Экзистенциальное учение (*нем.*).

***◇ Повторение, возвращение (*нем.*).

**◇◇ Воспоминание (*нем.*).

*◇◇◇ Отчаяние (*нем.*).

Я решаю: скажу Л., что возвращаюсь только попрощаться с мамой, а за это время пароход уйдет.

Ты знаешь, Господи, и в этом сне проявился мой грех и знаешь какой.

3.IX. Сейчас ушел от меня *X* (икс). Мы выпили, и я читал ему «Сциллу и Харибду» и «Noli me tangere»*. Зачем я читал? Он не просил. Я думал, что читал ему в связи с разговором. Но кто говорил-то главным образом? Я. Опять я якал. Прости меня, Господи, Иисусе Христе, прости меня за то, что говорил, прости за то, что читал, прости меня за мою суету, мне казалось это нужным, но, может, совсем это не надо. Я хочу вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего, но я суетен и пуст и лезу, куда мне не нужно и куда не зовут. Мне надо быть одному, тогда я не один — с Тобою, а я бегу от Тебя, читаю ненужные мне книги, говорю ненужные слова, пишу ненужные вещи; прости меня, Господи, опустоши и наполни Собою, уедини меня, избави от искушений и соблазнов, избави от лукавого.

4.IX. Римл. 3, 4: всякий человек лжив. Это ложь внутренняя, я опутан ею в грехе, не могу выйти из нее. И мои слова, даже когда правильные, даже истинные, — ложные. Не содержание их ложно, даже не способ их сообщения, то есть к а к их высказывания, а я сам в высказывании их ложен, я сам и есть ложь, которую, может быть, только я сам и чувствую. Не слова мои ложны, не к а к их высказывания, а к а к самого как их высказывания, какой-то мой оттенок оттенка моего существования и высказывания ложен. Это мой грех, сам грех, моя греховная сущность. Я ощущаю ее именно в каком-то оттенке моего существования и высказывания, в оттенке оттенка моего высказывания моего существования. Этот оттенок оттенка — моя лживая, греховная сущность, и только моя личная ложь — есть ли у других, я не знаю. Но если и есть, то тоже как единственная, личная, а не общая с другими. То общее, что в грехе объединяет людей, и есть для каждого его единственное, личное, свойственное только ему и никому другому. Но поэтому же и разделяет: ложь, общая всем людям, для каждого — его единственная, личная ложь: моя ложь, мой грех, замыкающий мне рот: когда я говорю, я лгу, поэтому замкнут собою. И снова: не по содержанию; ложь — к а к моего к а к моего высказывания, высказывания моего существования. Это ложь именно экзистенциально субъективного высказывания, в объективном высказывании ее может и не быть, именно моя субъективность вносит ложь.

---

* См. библиогр. [14], с. 49—52; [23], с. 12—15.

Моя греховная, лживая сущность — мое самое глубокое, внутреннее, так же как и моя подаренная мне Богом личность — абсолютная инвариантность. Но высказывается как форма — как оттенок оттенка моего высказывания. Эта форма и есть моя греховная сущность, форма как эйдос моей греховности.

Но откуда я знаю это? Как я могу узнать то, что я есть, ведь для этого я должен выйти из себя, уже не быть собою, чтобы увидеть то, что я есть? Моим грехом Ты призвал меня. Ты удостоил меня грехом, чтобы я узнал святость, к которой Ты призвал меня. И я узнал образ и подобие, по которому сотворен, потеряв его. И в этой потере, в лишении сохраняю: Бог сохраняет его для меня.

12.IX. Уже две недели как ночные споры и сны-мучители прекратились. Сейчас кубистические сны: сопоставления каких-то ноуменальных масс, которые, даже просыпаясь, не могу повторить. А дни хуже. Кьеркегор основательно выбил меня из колеи. Но разве эта колея была das Bestehende? Скорее сейчас bestehende Schwermut.

Отрицание, высказанное в вопросительной форме, иногда бывает скрытым нежелаемым утверждением нежелаемого. И все же, почему у меня отнята та тихая радость? Почему я снова ни холоден и ни горяч? Почему я снова извергнут из уст Твоих?

Не почему, а за что? И не за что, а зачем?*

14.IX. Вчерашний день опять прошел в праздности. Праздность не в том, что ничего не делал. Ничегонеделание может быть именно трудом, самым высоким деланием; если не мечтание и не парение мыслей. Чтение ненужных книг — ничегонеделание, праздность. И снова: почему? за что? зачем?

Почему и зачем — causa finalis: начальная и последняя.

Вопрос: почему? — в отношении к Богу греховный. Вопрос: зачем? — Он Сам повелел задавать. Не ответы могут быть и греховные, например теодицея, соединяющая **потому** с **затем** и приписывающая Богу человеческие мысли.

А в отношении себя? Почему, за что, зачем я снова извергнут из уст Твоих? Потому ли я извергнут из уст Твоих, что стал ни холоден, ни горяч, или потому я ни холоден, ни горяч, что извергнут из уст Твоих? Ответив на первый вопрос: да, — я умалю Твое всемогущество — Allwirksamkeit и Alleinwirksamkeit**; ответив на второй вопрос: да, — я нарушу Твое повеление взять на себя бесконечную ответственность, так как этим ответом не признаю себя ответственным.

---

* См.: Друскин Я. Почему? За что? Зачем? — 1966 г. — Личный архив.

** Единовластие (*нем.*).

Если моя жизнь, как и вся история рода человеческого, совершается и сверху — через Провидение, и снизу — как бы от меня, то на оба вопроса я должен ответить: да. Я должен найти свой не первородный, а конкретный грех, почему я стал ни холоден, ни горяч; и одновременно: зачем Ты изверг меня из уст Твоих. Причем оба ответа должны быть независимы. Вчера ночью я почувствовал: Ты снова принимаешь меня. Я не вошел еще в Радость Господина моего, но перестал быть Душечкой, в перерыве между возлюбленными не знавшей что к чему. Я почувствовал что к чему. Значит, Ты принял меня.

15.IX. За что? 1. Самоуспокоение в хождениях-молитвах; я полюбил их. 2. Неуспокоенность в хождениях-молитвах; я не любил их.

17.IX. Сам вопрос: что раньше? то есть что было причиной, что действием, — кажется, неправильный. Бог раньше не во времени, а от вечности и в вечности. В вечности: Он и раньше, и одновременно, и позже. Тогда есть ответ на все три вопроса.

Почему я стал ни холоден, ни горяч? Потому что Он извергнул меня из уст Своих. Такова была Его воля.

За что я извергнут из уст Его? За то, что стал ни холоден, ни горяч.

Зачем (я стал ни холоден, ни горяч? / я извергнут из уст Его?) Чтобы получить опытность, о которой говорит апостол Павел: скорбь — терпение — опытность — надежда от Бога.

Рассуждая по-человечески, я найду круг в ответах на вопросы «почему» и «зачем». На самом деле нет, но два слоя: в основе (или сверху) — почему и зачем — это causa finalis начальная и конечная, то есть цель. Во втором слое (или снизу) — как бы от меня: за что.

20.IX. Не только после серьезного разговора, как было с иксом*, когда раскрываю душу, становится стыдно и пакостно, но бывает и после несерьезного, после одного случайного замечания или шутки, как вдруг почувствуешь удовольствие от своей несерьезности, Uneigentlichkeit** и посредственности. И это, кажется, тоже только мое, как и ложь моего высказывания моего существования, какая-то только моя пошлость. Это не только пошлость ветхого Адама во мне, но именно моя пошлость, пошлость моего присвоения мне ветхого Адама. И от этого так стыдно и пакостно.

Еще бывает это, когда вдруг проходят все боли и неудобства и ничего не мешает — ни живот, ни грудь, ни сердце, ни голова — вдруг

---

* См. запись 3 сентября на стр. 211.

** Неподлинность (*нем.*).

почувствую какое-то животное удовольствие от своего телесного здоровья. И после этого тоже стыдно и пакостно.

21.IX. О присвоении ветхого Адама. Это присвоение не то, о чем пишет Кьеркегор: рыцарь веры во внешнем живет «как все». «Как все» я хотел быть с детства, вначале непосредственно какая-то тоска по «как все». Но мне не удавалось это, и я огорчался. Потом же — рефлектированно, чтобы скрыться от других при всех. И когда мне удавалось это, хотя и редко, например иногда на службе, я радовался, а не стыдился. Пошлое же присвоение пошлости ветхого Адама всегда непосредственно и как-то вдруг выскакивает из меня. Что же касается «как все» Кьеркегора, то мне понятно, откуда это происходит: чтобы Innerlichkeit не растворилась и не сублимировалась во внешнее, как в монашестве, но осталась внутри. Но правильно ли это? Тогда нет соборности и придется отбросить по крайней мере половину Евангелия, если не больше, что Кьеркегор и делает. Поэтому его «как все» неосуществимо, само желание быть «как все» уже есть некоторая потеря Innerlichkeit, так как уже есть выход во внешнее. Как эротизм есть эротический и антиэротический, и антиэротический эротизм тоже эротизм, так и страх Кьеркегора перед внешним в его активном желании не быть внешним, поэтому — «как все» тоже внешнее — отрицательная его форма, то есть внешнее дополнение к внешнему. И сам он во внешнем не был «как все». Уж хотя бы потому, что мальчишки на улицах не бегают за всеми, и все не порывают с невестой, а женятся, и над всеми не смеются.

26.IX. Я прочел у Гадамера: современный историзм тоже историческое явление, поэтому не вечен; не исторично думать, что историзм абсолютен, он тоже историчен, поэтому пройдет. Это уже последняя степень релятивизма, и тогда я уже не понимаю, зачем что-то делать, писать статьи, книги, а не просто есть, пить и веселиться. Скажут: это эвдемонистический подход — знание имеет ценность само по себе. Но если только относительную, то какая же это ценность? Не больше, чем есть, пить и веселиться. Если Спиноза сказал: добродетель не нуждается в награде, но сама есть награда, так ведь это потому, что она абсолютна. А она абсолютна, потому что есть Бог и потому что абсолютны пути Господни. Но неисторичность историзма равносильна неабсолютности путей Господних. Я верю не в их историзм, а в пути Господни.

Герменевтика, понимание — очень важный вопрос, об этом много и в Старом (например, Исаия) и в Новом Завете, но они («Philosophische Rundschau»*) умнее библейских авторов и со времен Дильтея пытают-

* «Философское обозрение» (*нем.*). Tübingen: Moor in Ziebeck.

ся свести само понимаемое только к пониманию и все различия понимаемого к различию способов понимания (Дильтей о классификации философских систем). Таким образом исключается само понимаемое и в конце концов Бог. Что остается? Сами философы, философствующие ни о чем. Потому что Aneignung без того, что присваивается, — ничто. И снова соблазн пришел не только от арианствующего 19 в., но, в частности, и от Кьеркегора: die Wahrheit ist das Wie der Wahrheit*, истина — субъективность. Это верно, но ведь у Кьеркегора было и второе положение: субъективность — ложь. Но Кьеркегор не понял до конца отношения как и что, потому что отбросил соборность и больше половины Евангелия. А его последователи оскопили Кьеркегора, отбросив последнее и главное, что у него было: Бог.

Как Антей, прикасаясь к земле, получал силу, так и философы и теологи, прикасаясь к Евангелию. Кьеркегор прикоснулся к нему, как никто из теологов после Лютера. Но его Aneignung все же стало соблазном. Может, чем больше человек, тем больше и соблазн исходит от него.

1.X. Кьеркегор: отсутствие серьезности проявляется в двух формах: Schwermut, игнавия, уныние, вялость; легкомыслие, Witz**, острословие — то, что я записал недавно. Но что это — серьезность, Ernst***? Я думаю, это бесконечная ответственность, возложенная на меня Богом. Вчера вечером в унынии думал: я непосредственно знаю свою греховность в Selbstheit****. Я думал о конкретных проявлениях в отношении к моим ближним. Но это только частные случаи проявления моей греховности. Но почему же я чувствую, что виноват и за грехи моих ближних? И что же мое сегодняшнее уныние? И острословие, от которого недавно мне стало так противно? Это уже сама несерьезность, сама слабость духа, сам грех. Несоответствие бесконечной ответственности с моей тварностью и конечностью само по себе не грех, оно станет грехом, когда Бог возлагает ее на меня; тогда сама ответственность станет виной без вины, то есть без виновности. И я ясно ощущаю ее как вину, именно мою и только мою, а не Адама или змия: я не могу ее принять, так как она превосходит мои силы; я не могу ее не принять, так как Бог уже возложил ее на меня, она целиком на мне; поэтому не как долг, категорический императив или долженствование: она уже на мне. Ощущение вины непосредственно, но долженствование не непосредственно, а в рефлексии. Но сам я не могу открыть, в чем я виноват, то есть

* Истина есть Как истины (*нем.*).

** Остроумие (*нем.*).

*** Серьезность, важность, строгость (*нем.*).

**** Самость (*нем.*).

свой грех, поэтому субъективно — вина без вины, объективно же — потому что не я создал себя. Именно ощущение вины и в то же время вины без вины и есть ее непосредственность. Эдип женился на своей матери. Он виноват, но ведь он не знал, что она — его мать. И все же виноват, виноват без вины. Только Старый Завет открыл сам грех: в чем я без вины виноват.

2.X. Кьеркегор искал читателя, который бы его понял и тогда отверг, потому что человек — повод, учитель один — Бог.

Понять — это значит: целиком принять и целиком отвергнуть. Поэтому Хайдеггер, Сартр, Ясперс, Бультман, вообще философы, философствующие ни о чем, не понимают Кьеркегора. Они частично принимают, частично отвергают, дополняют другими: немного тут, немного там, как говорит пророк Исаия.

Сейчас, в четвертый раз читая Кьеркегора, я понял его; раньше я только находил удивительные религиозные совпадения. Сейчас могу сказать: я целиком принимаю его и целиком отвергаю.

«Целиком принять», может, потому и равносильно «целиком отвергнуть», что оттенок оттенка моего высказывания моего существования — моя первородная ложь. Целиком принять — целиком сделать своим — целиком отвергнуть себя.

Лет 6—7 тому назад я рассказывал маме о кибернетике и ее чудесах. Неожиданно мама сказала: скоро люди дойдут до того, что будут есть друг друга. Здесь действительно есть какая-то связь: кибернетика, неопозитивизм венской школы, историзм и герменевтика, понимание без того, ч т о понимается, философы, философствующие ни о чем, духовное одичание, людоедство.

4.X. Сегодня я выходил из магазина. Подходя к двери, я поднял голову, чтобы не натолкнуться на что-либо, и вдруг увидел очень худого старика, чем-то знакомого, но совсем чужого; он шел прямо на меня и смотрел как бы сквозь меня. Мне стало страшно. Почти сразу же я понял: это я; рядом с дверью было зеркало. Мне стало еще страшнее, и, отвернувшись, я быстро вышел.

Мне стало страшно, потому что я увидел не просто чужое, а знакомое чужое. И стало еще страшнее, когда я понял, что это чужое — я сам: я сам себе чужой. А за этим, за самим собою, я увидел ничто — мне чужое, совсем чужое, и уже не мое, бесовское ничто.[18]

10.X. Писание, то есть писание моих вещей, и мои вещи в какой-то степени автономны, независимы от меня. Сейчас они обычно исходят из какого-то реального экзистенциального состояния или основаны на нем. Но когда я пишу, я часто уже выхожу за пределы этого состояния.

Когда потом я перечитываю их, бывает, что я вспоминаю первоначальное состояние и мне начинает казаться, что я увлекся, преувеличил, что это красноречие и празднословие, и мне становится стыдно. Мне кажется, здесь три момента:

1. Происходит какое-то как бы аналитическое продолжение: я нахожусь в определенном состоянии, но, когда пишу, выхожу из него, перехожу в другое, которое тоже было, но не сейчас. Перечитывая же, помню только основное состояние, а о прежних не думаю. Но так как прежние не сейчас, а пишу сейчас, то, может, и появляется некоторая фальшь?

2. Каждое состояние арационально. Как измерить его глубину? Оно во мне и все же скрыто от меня. Но какое-то мгновение оно сильнее и глубже, чем то, что я пишу, например когда боюсь подойти к окну, не моя мысль и возвращение к себе, невидящий взгляд.

3. Моя перворóдная лживость — оттенок оттенка моего высказывания. Когда почувствую это, становится стыдно и от радости творчества, и от удовлетворения, и от самой увлеченности чем-либо, кроме Тебя и жала в плоть, которое Ты дал мне.

Фальшь и ложь всякого записывания, то есть фиксирования, и так как моя жизнь — высказывание моего существования, то есть экзистенциальное фиксирование, то в конце концов стыдно, что я живу.

12.X. Среда 16.X.<63>, 10 часов вечера. 52 × 3.*

Откровение сердца человека — моего ближнего — один из коэффициентов пути к Богу. Он может быть и отрицательным — когда разочаровываешься в своем идоле. Но должен быть и положительным, когда хоть в одном человеке видишь больше того, что видят внешние телесным зрением, и это большее уже не умещается в естественных границах человека, это сверхъестественное, не видимое плотскими глазами и не слышимое плотскими ушами. В этом неплотском ви́дении и неплотском слышании разрывается моя греховная ограниченность. Это атом соборности, путь от человека к Богочеловеку.

Связь с теофанией: личная, ноуменальная близость к сокровенному сердца человеку моего ближнего и личная, ноуменальная близость к Богу. Он открывается мне и в сокровенном сердца человеке моего ближнего. — Ночью на даче у Екатерины Ивановны**.

Теофания. Связь между личностью, лицом Бога и лицом моего ближнего, сотворенного Им по Его образу и подобию. Реализация этой связи в Богочеловеке. Соборность: совместное вкушение тела и крови Христовой.

---

* Три года со дня смерти матери.

** См. запись и примечание на стр. 20.

Исаак Сирианин: чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем. Это трудно, почти неосуществимо. Но кто не видел ни одного своего ближнего чистого сердцем, кто ни в одном своем ближнем не видел сокровенного сердца человека, тот, может, еще не знает, что значит: жив Господь, жива душа моя.

Благодарю Тебя, Господи, что Ты дал мне это видеть. Поддержи меня моим жалом в плоть, чтобы оно было больнее, бременем Твоим, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы.

13.X. Когда я рассказал М. о страхе, охватившем меня, увидевшего себя в зеркале в гастрономе, он сказал: ты увидел свое анти-я.

14.X. Почему — за что — зачем. Я вспомнил, за что был извергнут из уст Твоих. Был бесовский соблазн, настолько глупый, настолько фарисейский и пошлый, что стыдно даже повторить, Ты знаешь, что я подумал, что пошлый бес шепнул мне в одно из последних хождений-молитв.

Вот я нахожусь в каком-то блаженном состоянии: радуюсь, или страдаю, или радуюсь в страдании. Я, тожественный себе самому, уже не я сам. И вдруг я подумал, бес шепнул: вот ты достиг некоторой степени совершенства. И как только я подумал это или услышал в себе, я уже пал на самую низкую ступень, как тот, кто самовольно занял на пиру высокое место. Аскет, который перед смертью сказал, что 30 лет боролся с дьяволом и только недавно победил его, если и побеждал когда-либо, то, сказав: я победил, — уже пал на самую низкую ступень. Никто, кроме Богочеловека, не может сказать этого.

Постоянно сохранять некоторое неустойчивое равновесие, равновесие между небом и землей; соблазн думать, что я уже на небе, и как подумаю это — уже на земле и ниже — в преисподней. В этой неустойчивости моя сила, крепость и устойчивость, потому что уже не я себя держу, Бог держит меня. Поддержи меня, Господи, в моей неустойчивости, в моем неустойчивом равновесии между небом и землей, поддержи меня моей лестницей Иакова, моим жалом в плоть, чтобы оно не стало привычным, повседневным. Пусть будет жало в плоть больнее, Твое бремя тяжелее, чтобы всегда было новым, сейчас, чтобы не было автоматизма мысли и повседневности, дай знак Фомы.

15.X. Бог ничего не забывает, и 16.X.<1963 г.> Он поставил меня в такое положение, что и я уже ничего не могу забыть. Он всегда в этой вечной и всегда живой памяти, а моя память в неустойчивом равновесии, и я все время падаю и восстанавливаюсь и, восстанавливаясь, падаю. Его вечная память — реальность, моя — только заповедь мне, чтобы не усохла душа моя, живое, неустойчивое равновесие. И когда я

утверждаюсь в нем, я падаю, когда же падаю, Ты подымаешь меня и держишь: разоблачаешь мое самоутверждение в любом равновесии, чтобы оно не было моим, а Твоим, чтобы не было никакой устойчивости, повседневности. Поэтому становится так стыдно, когда что-либо забываю. Да не усохнет душа моя.

16.X. Моя лестница Иакова, а сейчас мое жало в плоть — как моего личного отношения к Тебе, чтобы оно не стало автоматизмом мысли и повседневности. Поэтому каждый день прошу: помоги и мне, окаянному, моим жалом в плоть, чтобы было больнее, бременем Твоим, чтобы было тяжелее, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне днем и ночью.

17.X. Жало в плоть — личный коэффициент веры, чтобы вера была живой. Если без страдания нет веры, то нет и без жала в плоть. Иначе устойчивое равновесие, автоматизм повседневности. Но если печаль только о земном, то и жало в плоть не поможет. Может ли быть печаль только о Боге, без всякой земной печали? Не знаю.

Было ли жало в плоть до 16.X.63? Было: и игнавия, и истина нулевой степени, и оно. Но была еще и привязанность к земному через мою лестницу Иакова, которой я был нужен и которая мне нужна. Всегда должно быть жало в плоть, чтобы равновесие было неустойчивым и поддерживал меня не я сам, а Бог.

21.X. Когда мы жили в Пушкине на первой даче* — я писал тогда ТФТ, вторую или третью редакцию, — ночью, выйдя в сад, я вспомнил, что раз сказал мне Лёня: ты или гений, или графоман; и я подумал: а какая разница? Я действительно не ощущал разницы: я пишу ни для кого, ни для чего, просто не могу не писать.

Сегодня ночью вспомнил один старый сон: я впал в слабоумие или идиотизм, в обществе молчу; я думаю: мне хватает еще остатка ума, чтобы понять, что, как только я заговорю, все сразу узнают, что я слабоумный идиот. — Сейчас не осталось и этого остатка: много пишу, иногда говорю.

Это антиномия фиксирования моего существования. Тезис — необходимость фиксирования, антитезис — соблазн и безумие фиксирования.

22.X. Абсолютное фиксирование Божественного высказывания Его бытия — вочеловечение Бога: соблазн для иудеев, безумие для еллинов. Само это вочеловечение и есть крест: Бог так возлюбил мир...

---

* В 1956 году.

физический крест — продолжение и завершение фиксирования, открывшегося в воскресении, точнее — утром в воскресение, в третий день.

В вочеловечении бытие открылось в существовании, в воскресении существование — в бытии. Тогда Христос и послал Параклета.

24.X. Чем дальше мое высказывание от моего внутреннего экзистенциального предела, от моего сокровенного сердца человека, то есть чем оно объективнее, тем меньше в нем лжи: меньше всего в математических высказываниях. Ложь — в оттенке оттенка моего экзистенциального высказывания. Поэтому, например, на вопрос: часто ли Святой Дух ходатайствует за меня в моей молитве, — я не могу ответить, что бы я ни ответил, будет ложью. Когда я чувствую Святого Духа в своей молитве, я чувствую, что не часто, а может, всегда, когда я молюсь, не я молюсь, а Он ходатайствует за меня. Когда не чувствую, то есть в искушении, я чувствую, что не редко, а может, никогда. Он не ходатайствовал за меня. Но и в первом, и во втором случае, как только скажу себе, уже лгу.

Все же и в унынии я вспоминаю 3 или 4 настоящие молитвы, когда уже несомненно Святой Дух ходатайствовал за меня неизреченными воздыханиями, одна из них — ночью на даче у Екатерины Ивановны, другая — когда ко мне пришла не моя мысль. И обе часто спасали меня.

25.X. Когда я писал вещь (часто и сейчас), я должен был перечитывать написанное, прежде чем продолжал писать дальше: в уже написанном заключена идея формы всей вещи, а значит, и еще ненаписанное продолжение. Я подумал это сейчас, перечитав вторую часть «Ви́дения», чтобы найти продолжение. И испугался: не утвердился ли я в своем писании, не нашел ли какой-то свой покой. Не дай, Господи, пусть больнее будет мое жало в плоть, да не усохнет душа моя.

2.XI. Перед тем как идти в поликлинику, подумал: ну чего пристали ко мне врачи. Если Бог желает, чтобы у меня болел живот, он будет болеть, если пожелает, чтобы не болел, — не будет болеть.

Я знаю все трудности, которые вытекают из последовательного проведения этого взгляда. Но зачем последовательно проводить и завершать? Последовательное проведение и есть полная, непротиворечивая система предельной мысли. Но есть точная и деликатная граница, которую надо чувствовать. Бог пожелал, чтобы я до известной степени заботился о своем телесном существовании. Но только до известной степени. И еще Бог пожелал, чтобы эта известная степень никому не была известна. Это гарантия моей абсолютной свободы: чтобы я находил ее каждый раз как новую и до сих пор еще неизвестную. А если не найду, то виноват.

Я твердо знаю, если бы у меня совсем прошли мои боли, я почувствовал бы, что лишился внимания и благословения Божьего.

Когда мне засунули в горло кишку, у меня стал, правда очень легкий, спазм голосовых связок. Отдохнув, я попросил сестру еще раз попробовать. Но она сказала, что при спазмах нельзя. Я был недоволен. Я хотел до конца дострадать, и не удалось. Господи, чтобы не было хуже.*

4.XI. Уже второй месяц снова чувствую себя плохо, особенно последнюю неделю. Мой невидящий взгляд, мое анти-я не оставляет меня. Может, это тот же незнакомец, который заказал Моцарту Реквием? Или моя смерть? Но, скорее, моя жизнь сейчас в искушении, в изощренности, без благодати. Я не лишен совсем Твоей благодати, я чувствую ее, не совсем извергнут из уст Твоих. Но меня не оставляет мой пустой взгляд, меня грызет мое само во мне, мое изощренное само.

9.XI. Мое «Видение невидения» какое-то роковое. Я никак не могу его закончить, оно расширяется концентрическими слоями. Оно мучает меня — мое невидение. Я вижу его и все же не вижу. Оно связано и с нашими болезнями и с моими снами-наваждениями.

Не в первый раз писание затягивается, и я не могу закончить, но никогда это так не мучило меня, мой невидящий взгляд все время смотрит на меня, сквозь меня.

12.XI. Невидение — это жизнь sub specie mortis**, не жизнь, а смерть, сама эта жизнь — смерть.

Видение невидения — видение жизни sub specie mortis, и здесь смерть двусторонняя: смерть как вечная смерть и смерть как избавление от вечной смерти, воскресение в вечную жизнь.

Видение видения — жизнь sub specie Christi***, вечная жизнь. Во втором — возможность перехода к третьему: смертию смерть поправ.

13.XI. Christusmystik, а в значительной мере и Jesusmystik, отрывает Христа от Иисуса, Сына Марии и, как думали, Иосифа. И православие, и католичество, и отчасти официальное протестантство отделяет определенную историческую ситуацию от Иисуса. Но тогда остается только восточная мудрость, христианство теряет свои корни, остается расплывчатая культовая мистика, принципиально в конце концов мало

---

* Эти слова произносила мама, когда мы по какому-либо поводу собирались вместе.

** Под знаком (с точки зрения) смерти (*лат.*).

*** Под знаком (с точки зрения) Христа (*лат.*).

чем отличающаяся от любой мистики, мусульманской, индусской, персидской. Теряется ситуация одновременности с Христом, теряется смысл Божественного домостроительства, самого вочеловечения Бога, отожествления абсолютного и фактического — контингентного. — Вчерашний разговор*: полный неинтерес к фактическим подробностям из жизни Христа и Его учеников — о месте, где происходила Тайная Вечеря, об евангелисте Марке, был ли он Марком-Иоанном из Деяний, был ли он тем юношей, который убежал голый, когда взяли Христа. Остается только интерес к своим собственным мистическим или псевдомистическим переживаниям при определенных культовых обрядах. Мне кажется, это уже не вера, а вера в свою веру. Может, я и ошибаюсь, но все же, мне кажется, имманентизм своего переживания исключает здесь трансцендентное, это уже не «мое не мое», а мое мое — только мое.

Я не понимаю: если я люблю человека, меня интересуют все подробности его жизни и встреч с его близкими. Как же могут не интересовать подробности жизни Богочеловека? Не вытесняет ли интерес к культу, может быть, и красивому, но все же только культу, интерес к Христу? Не исключает ли литургия Иоанна Златоуста Самого Христа? Затем: какая же это соборность, интересующаяся только горизонталью во времени и не интересующаяся вертикалью, то есть прошлым? Где же тогда Божественное домостроительство во времени? Одна только горизонтальная соборность — не соборность, а сектантство. Поэтому у православных и католиков гордыня и пренебрежение к не своим — провинциализм восточных мистерий и тайных орденов.

Настоящая соборность в двух измерениях. Вертикальная координата у православных фактически свелась к нулю. Поэтому застыло на Иоанне Дамаскине. Но это же автоматизм повседневности — das Bestehende.

У католиков: приспособление к новым условиям жизни, придумывание новых догматов и культов еще не реализует вертикальной координаты; это только оппортунистическое приспособление к новым условиям жизни. В православии ступень $a_m = a_{m+n}$, в католичестве $a_m \neq a_{m+n}$. Но каждая ступень изолирована, простое приспособление к новым условиям. В обоих случаях невидение моей подлинной экзистенции, имеющей два измерения: сейчас и время. В православии игнорируется и сейчас, и время. В католичестве — оппортунистическое приспособление к внешней социальной оболочке «сейчас» искажает и сейчас, и временну́ю последовательность.

* Имя собеседника зачеркнуто.

Может, это возражение и Кьеркегору. Парадокс: простое игнорирование вертикальной координаты не создает ситуации одновременности с Христом. 1800 лет имеют значение. Именно утверждение вертикали в реальном понимании-чувствовании ее, то есть Провидения и Божественного домостроительства во времени, переносит меня в ситуацию одновременности с Христом. Тогда важен не один только факт вочеловечения Бога, иначе это только Denkprojekt*. Вочеловечение Бога не ограничивается только мысленным актом вочеловечения. Вся жизнь Его, вся Благая весть — вочеловечение Бога.

Иногда религиозная вертикаль подменяется национальной. Один православный сказал мне: я почитаю святых, потому что они создали Русское государство. А апостолы, а пророки? А апостол Павел, сказавший, что в Христе нет ни еллина, ни иудея? А Христос: истина от иудеев?

14.XI. Из сна: мама обняла меня и спросила, почему я так поздно прихожу домой. Я поцеловал маму и сказал: разве так поздно? в 9 я уже дома. Действительно, я опаздываю, ноуменально опаздываю.

15.XI. Мое первое дело: быть одному. Тогда я не один: с Тобою. Мое второе дело: быть одному и писать. Мое третье дело: вместе радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Но оно не удается мне, а если бы удавалось, было бы первым: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Поэтому бессмысленны все встречи сейчас, и виню я в этом себя: только теоретическая вертикальная соборность без горизонтальной.

Правда, суетного предвкушения встреч уже нет, скорее тягостное ожидание.

У меня сегодня некрасивое, мелкое чувство беспредметной озлобленности: мне надо продолжать «Видение»; и я не могу продолжать, потому что надо идти на выставку [19] М. Ш<емякина>. И это мне не надо. Там будут встречи и мне надо будет говорить. И это мне не надо. Мне придется задержаться часов до 6, так надо. И это мне не надо. А то, что надо, — быть одному, до 6 ч. не удастся. А когда приду домой, будет или рассеяние, или слабость духа, или физическая слабость, которая тоже есть слабость духа.

28.XI. Взгляд не оставляет меня ни теоретически, ни практически. Теоретически: все еще пишу, он разрастается концентрическими слоями. Практически: что будет, когда я кончу писать его?

---

* Мысленный проект (*нем.*).

29.XI. Религиозно-практический момент веры реализуется и теоретически — в онтологии через антиномическое мышление: мышление тезиса и антитезиса, логически несовместных и отожествляемых верой в некотором созерцании. Это религиозно-теоретический, точнее, онтологический момент веры, без которого она вырождается в морализирование. Онтологичность веры. И также онтологичность пустого, невидящего взгляда. Не я смотрю на него: он смотрит на меня.

30.XI. Кажется, я понял, зачем он смотрит на меня: чтобы я всегда помнил свое жало в плоть, чтобы не успокоился в устойчивом, в автоматизме мысли и повседневности. Чтобы жало в плоть не стало повседневным, привычным, чтобы не усохла душа моя.

1.XII. Сегодня хождение напоминало прежние хождения-молитвы. И все же только напоминало. Ты освободил меня от пустого, невидящего взгляда, но он остался как постоянное напоминание, осталась тень его.

Взгляд как-то опустошил меня. Я просил: опустоши меня от моей опустошенности. И Ты опустошил. А я думал, я теряю Тебя. Я снова вернулся к себе: Ты вернулся ко мне. Но отпало лишнее, я чего-то ждал, сейчас не жду, жду только одного.

Я хотел вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Но к этому примешивалась и суета. Теперь она отпала. Полностью ли? Не знаю. Осталось ли прежнее «вместе радоваться и вместе бояться»? Не знаю. К этому я не способен, может, сейчас мне и не дано это. Может, это мой грех.

4.XII. Тень невидящего, пустого взгляда все же осталась, какой-то скелет его, бесплотный скелет, и мучит меня, особенно перед сном.

5.XII. Один делает маленькое дело и что-то в нем сделал. Другой взялся за большое дело и ничего не сделал. С человеческой точки зрения первый имеет преимущество перед вторым. А с Божьей?

Что значит дело? Фиксирование в высказывании своего существования? Что значит маленькое и большое дело? С какой точки зрения, с человеческой или Божьей? Наконец, может быть и так: с человеческой точки зрения одно дело представляется маленьким, человеческим, с другой — большим, Божьим. А с Божьей может быть и наоборот.

1. Как определить критерий малого и большого дела с Божьей точки зрения?

2. Как определить фиксацию: может быть, иногда именно незавершение дела и есть ноуменальная фиксация?

6.XII. Когда я был молод, еще в 20-е гг., мне казалось, что все, что было, и приятное и неприятное, и хорошее и нехорошее, — все не случайно и к лучшему: какая-то естественная теодицея. Но эта телеология, как естественная, была детерминирована, поэтому — страхи, приметы, предосторожности. В «Вестниках» я понял случайность и контингентность — частный случай и небольшую погрешность в некотором равновесии, поэтому же и нетелеологичность некоторых событий в моей жизни — второй и третий разговор из «Вестников». 17.VIII.34 г. было для меня абсолютно непонятным, через год я написал: выпал год жизни; зачем? не знаю. Это уже отрицание всякой теодицеи, не только детерминированной. С войны у меня начинается ощущение новой теодицеи, недетерминированной и недетерминируемой, но определяемой Провидением. Сильнее всего это ощущение было в отношении к моей лестнице Иакова. И за последние три года это ощущение стало еще сильнее. Индетерминированная теодицея не исключает моих ошибок и возможности лучшего: да, было много плохого, много моих грехов, за которые и сейчас мучаюсь, и первый — мое легкомыслие и слабость духа в отношении к моей лестнице Иакова. Многое могло быть лучше, и сейчас было бы легче. И все же, во всем этом, в моем грехе, в моей глупости, в моей пошлости — во всем, вернее сквозь все это, я вижу Провидение, руководившее мною всю мою жизнь. Это уже индетерминированная теодицея: могло быть лучше, многое могло быть лучше, и все же Провидение руководило мною, и к лучшему. Небольшая погрешность вошла в телеологию, и теодицея стала индетерминированной и определяемой Богом.

12.XII. Взгляд оживил мое жало в плоть: чтобы не усохла душа моя. И сегодня сон: я иду домой, знаю, мама опять будет обвинять меня, все еще у нас взаимное непонимание. Что делать? Примириться с этим, успокоиться? Но это невозможно, ведь она моя лестница Иакова.

13.XII. Есть какой-то неприятный привкус в словах: заботиться о своей душе. Ноуменальное противоречие: заботиться о своей душе значит — не заботиться о ней. Заботьтесь прежде о Царствии Небесном, и все остальное приложится вам.

Усыхание души: устойчивое, автоматизм мысли и повседневности, эгоистические, хотя бы и аскетические, заботы о своей душе. Интерес к своей душе — интерес к Богу. Не мне, а Ему нужна моя душа. Что мне на небе, что на земле, если Ты со мною. Мне ничего не надо, кроме Него, Ему надо сохранить мою душу в жизнь вечную.

Для меня коэффициент этого сохранения — мое жало в плоть, сейчас это моя единственная связь с жизнью здесь, с миром, образ которого проходит. *По-видимому, должен быть какой-то фактический,*

контингентный стержень, соединяющий эту жизнь с той, удерживающий меня еще в этой жизни, раз Бог желает, чтобы я был еще здесь. Если нет такого контингентного стержня, лестницы Иакова, то не абстрагируется ли и будущая вечная жизнь? Кажется, это и открыл мне страшный, невидящий, пустой взгляд и опустошил мою опустошенность. Чтобы не усохла душа моя.

15.XII. Может, всякое большое дело в нашем мире есть крушение и банкротство, удаются же только мелкие дела. И самое большое дело — вочеловечение Бога — было самым большим крушением: Христа распяли, ученики разбежались. Но уже утром третьего дня величайшее крушение оказалось величайшей победой: победой, победившей мир.

17.XII. Есть уверенность и есть самоуверенность. Уверенный в вере в Бога и в свое дело может колебаться, сомневаться, доходить даже до полной неуверенности, сомнения, разочарования, даже безнадежности, и все же уверенность от этого не колеблется, наоборот крепнет и утверждается. Самоуверенный, может, и никогда не колеблется и не сомневается, но поэтому его самоуверенность построена на песке и в конце концов рухнет: и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот <Мф. 7, 25>; и он упал, и было падение его великое.

20.XII. Может ли быть так, чтобы вообще не было никакой связи с этой жизнью? Но если искушение остается и до самой смерти и самый большой соблазн думать, что уже нет никаких соблазнов, то не может быть. Кроме, может, отдельных моментов или состояний, связь остается: положительная, положительно-отрицательная, отрицательно-положительная или отрицательная. Думать же, что нет никакой, — самый большой соблазн. Освободи меня, Господи, — я не закончил, Ты знаешь что и почему: потому что и это грех, пусть только жало жалит больнее, и да будет воля Твоя.

23.XII. Даже самый лучший из всех людей если он считает себя лучше своего соседа, то он слеп. Вот что значит: чтобы видящие стали слепы <Ин. 9, 39>. Потому что самый лучший — видящий. Это ноуменальный сдвиг всего строя души, Божественное mysterium tremendum.

Недостатки, пороки и грехи другого человека я пойму, если найду их в себе. Если я их не реализовал, а другой реализовал, то есть осуществил, то не потому что я лучше него, а потому что у меня были какие-то задерживающие стимулы, большей частью не нравственного и не религиозного порядка, и очень часто просто трусость: боязнь нарушить свой покой, боязнь мнения своих знакомых и другие. Но и достоинства

другого человека я найду через сознание своих недостатков, иначе я не сумею отличить подлинное достоинство от ложного, или показного, или считаемого другими за достоинство. Потому что всякое понимание — симпатическое понимание. Это тоже имеет какое-то отношение к изречению Христа: чтобы видящие стали слепы.

Один православный сказал мне: я не хочу осуждать, но все же не понимаю романы и связи Введ<енского>. Но разве это непонимание не есть уже осуждение? Если я не почувствую и не пойму, что я хуже своего ближнего, то я уже осудил его. Я не понимаю того, чего у меня нет. Если я говорю, что не понимаю какой-либо грех моего ближнего, не просто проступок, а именно грех не понимаю, то тем самым говорю, что у меня этого греха нет, и возвышаю себя.

Есть тайные мысли, которых я стыжусь и скрываю даже от себя самого. Если я удачно скрываю их, то в глазах людей я хороший и нравственный, а если удачно скрываю их и от себя самого, то и в своих глазах я не плох и не безнравственный. Но с религиозной точки зрения это грех и фарисейство. Введ<енский> ни перед другими, ни перед собой не скрывал дурных мыслей, которые есть, может, у всякого или почти всякого человека. Что касается до реализации дурной мысли, например блудной, то в глазах людей и с нравственной точки зрения осуществление хуже мысленного греха, с религиозной же точки зрения иногда может быть и наоборот.

31.XII. Путь обращения тоже имеет свои стадии. Но эти стадии — не совершенствование. Совершенствование, во-первых, непрерывно — процесс, во-вторых, субъективно. Стадии пути обращения, во-первых, качественные скачки-повороты («Вестники II»*), во-вторых, — абсолютны. Совершенствование не имеет ничего общего ни с поворотом, ни с абсолютностью. Стадии пути обращения, во-первых, опустошение, не непрерывное, а качественными скачками, каким был взгляд 4.X,** он освободил меня или опустошил от некоторых земных интересов или привязанностей, от соблазнительности некоторых соблазнов; но стал ли я от этого более совершенным? Мне непонятен даже вопрос. Он освободил меня от чего-то лишнего для меня, но я, мой сокровенный сердца человек, остался тем же, каким и был. Во-вторых, это опустошение есть и наполнение. Кого и кем? Когда-то я написал: я опустошаюсь, Он наполняется. Его слава растет, а я только сосуд Его гнева и Его славы. Я «стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус... я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия

* Глава II сочинения «Разговоры вестников».

** См. запись 4 октября на стр. 216.

во Христе Иисусе» (Флп. 3, 12—14). Это стремление, насколько я себя помню, величина постоянная, хотя и динамическая, динамичность — внутреннее творчество. Динамике противополагается статика, то есть постоянство. Стремление, о котором говорит апостол Павел, я понимаю как статическую динамичность; в статичности и постоянстве — абсолютность стремления, в динамичности — выход из себя самого, разрывание своих границ. Но всегда одно и то же выхождение из себя, одно и то же разрывание своих границ. Поэтому стремление динамично в себе самом. Оно одно и то же в не одном и том же, или одно и то же как не одно и то же. Статичность скорее одно и то же, динамичность — скорее не одно и то же. Но это уже абстрагирование: и статичность, и динамичность — одно и то же в не одном и том же — статическая динамичность или динамическая статичность.

Бог есть то, что Он есть, и как то, что Он есть, Он больше того, что Он есть. Это и значит абсолютная актуальность, абсолютный творческий акт, причем личный творческий акт, поэтому Бог — Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух. Без этой троичности нет и личности, и моя поврежденная в грехе личность троична, но так как повреждена, то объект моей мысли о мне самом не возвращается в субъект. Абсолютная личная актуальность и есть акт творения, но мне известен только один из бесконечного множества моментов Божественного творческого акта — творение мира и меня. Но и в этом одном моменте я нахожу многие: творение, возложение на меня бесконечной ответственности, вочеловечение Слова, смерть человека, которого Слово приняло в Себя, Его воскресение, мое искупление и спасение, и все это — один момент Божественного личного акта — Божественное домостроительство, mysterium tremendum, в котором я заключен. Но это только один из моментов бесконечного, вечного Божественного личного акта. И то, что это только один из моментов, — в этом моя надежда, не моя — Божья, которую Он даст мне.

Стремление, о котором говорит апостол Павел, — образ Божественного личного акта, творческого акта. Оно так же вневременно, как и Божественный творческий акт, — оно есть то, что есть, и в этом смысле статично. Но по прообразу своему оно как то, что есть, больше того, что есть, — и в этом смысле динамично.

Я сказал: Он наполняется — растет Его слава. Это неточно. Его слава всегда одна и та же и как одна и та же — не одна и та же. Так же, как Он есть то, что есть, и как то, что Он есть, Он больше того, что Он есть, так же и слава Его всегда одна и та же, всегда больше того, что Он есть. Это рост славы, но рост не во времени, внутренняя динамичность, актуальность; а я — сосуд Его славы: сосуд Его гнева и Его любви в гневе, Его славы. Я наполняюсь Его славой. Но и Его гневом и Его любовью.

И все же это наполнение нельзя понимать как происходящее во времени: потому что оно идет скачками, а не непрерывно. Само слово «идет» здесь неверно. Оно не идет, даже не сменяется, а постоянно возвращается к тому же самому. Каждый скачок — возвращение к тому же самому. А мое опустошение? Это как погрешность: отпадает то, что и не есть. А что есть? Его слава, которая как то, что есть, всегда больше того, что есть. Но если эту онтологичность Его Славы-Шехины я понимаю как временной процесс, то я уже заменил Его Славу — своей и вступил на лицемерный путь совершенствования. Онтологичность славы именно в том, что она как то, что она есть, больше того, что она есть. Бог заполняет меня Своей Славой, но я — тварь, потенциальность, поэтому вечную онтологичность Славы, то есть ее творческий характер, понимаю в категориях времени. Для этого Слово и стало плотью, чтобы я мог вместить Божественную Славу.

1967

2.I. Я думал, что с 16.X.63 игнавия прекратилась. Это и верно и неверно. Верно: игнавия прекратилась так же, как и нет со мной моей лестницы Иакова. Неверно: есть у меня моя лестница Иакова, но она стала моим жалом в плоть, Бог сделал ее моим жалом в плоть. И игнавия прозрела в опустошенности чужого, невидящего взгляда, тень от которого осталась, чтобы не усохла душа моя. Игнавия была моим грехом, теперь, объединившись с моим жалом в плоть, она стала моим жалом в плоть, чтобы не усохла душа моя. И сейчас она жалит меня после рассеяния 31.XII—1.I: мне надо исправить некоторые места моего «Видения невидения», и, кажется, я уже знаю, что надо сделать, и не могу, ничего не могу.

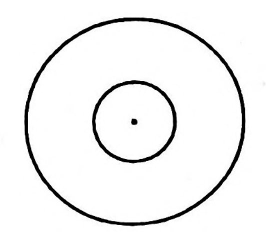
Я все время говорю: в одной точке и грех и святость, и вина и обращение. В одной точке были и игнавия и моя лестница Иакова, и после 16.X.63 они сблизились: обе жалят, чтобы не усохла душа моя.

3.I. «Видение невидения», которое я писал, чтобы преодолеть соблазн опустошенного искушения, уже потерявшего всякую соблазнительность, само стало для меня соблазном: меня интересует сама запись, то есть чтобы хорошо было написано, поэтому дополняю, исправляю и переписываю. С 16.X.63 я потерял интерес к писанию вещей, остался один интерес, одна вещь: жало в плоть, фиксируемое в этой тетради. И за ним — Ты. Я писал много, но меня не интересовало, как написано, кроме этой тетради: †. Поэтому я ничего не переделывал и не отделывал. Но потом стал иногда отделывать: «Три искушения

Христа», «Взгляд». Но это небольшие вещи. А «Видение» большая вещь, и уже два с половиной месяца живу им. Это соблазн.

Неверно: не живу им, а мучаюсь им.

7.1.

Большой круг — это вся моя жизнь, но не в вертикали, а в горизонтали: сейчас. Я сравниваю свое прежнее сейчас и нынешнее.

Прежнее сейчас: центр — моя лестница Иакова, и я видел сходящих Ангелов и выходящих на небо; она вела к Тебе. Малый круг — то, что я ткал, уязвленный Тобою, уязвленный Христом. И когда писал, была радость творчества, и когда напишу — радость удовлетворения выполнением дела. И я ходил, и бывал среди людей, и радость не оставляла меня: потому что я писал уязвленный Тобою и была лестница Иакова. Сейчас я потерял радость творчества, остались только муки творчества. Я не побоюсь даже сказать: сейчас пишу кровью сердца. Но как только порадуюсь, что бывает не часто, становится стыдно. Потому что лестница Иакова стала жалом в плоть. И стала новая радость: радость страдания. Осталось только жало в плоть и Ты, пославший мне страшный, опустошенный взгляд, чтобы опустошить искушение, чтобы осталось только жало в плоть и в нем — Ты.

10.1. Два моих устоя сейчас:

1. Мучение. Два главных Ты знаешь. Даже от творчества остались только муки творчества. Первый устой: страдание и радость страдания. Это устой: все устойчиво в полной неустойчивости, на всеобщих развалинах и обломках.

2. Взгляд, опустошивший от соблазнительности некоторых соблазнов, от ожидания приятного. Когда прекратились ожидания приятного, исчезла и приятность приятного. Страх ожидания, после — стыд и рассеяние, опустошенность.

Раньше вещь, которую я писал, была тем стеклянным кораблем, о котором я думал в детстве.* И хотя с 1941 г. мне некому было читать,[20] но, пока была лестница Иакова, удовлетворение от исполнения дела было моим стеклянным кораблем. Я мог и гулять, и пить, и ходить в гости и все же оставался в стеклянном корабле. Правда, когда наступала игнавия и оно, я был вне стеклянного корабля, я терял его. С 12.I.62 радиус жизни настолько расширился, что от стеклянного корабля

---

* См. запись 9 августа на стр. 207.

осталась только тень его и я не мог писать. Но оставалась лестница Иакова. А сейчас я пишу, но стеклянного корабля уже нет, даже тени его. Радиус моей жизни стремится к бесконечности. От этого полная неуютность жизни, поэтому удовлетворение не от того, что пишу, а от двух отрицательных, вернее, отрицательно-положительных устоев.

11.I. Утешением, устоем и стеклянным кораблем стало страдание. Когда оно доходит до конца, до полной безнадежности, до полного безразличия ко всему, кроме страдания, то я слышу, как уже не я, а Святой Дух ходатайствует за меня неизреченными воздыханиями. И это уже радость страдания. Как было вчера по дороге к М.

В Твоем кресте я нашел свой крест.

14.I. Я не люблю сейчас говорить о подсознательном, бессознательном, о творчестве и тому подобных вещах. Все это, то есть разговоры об этом, как, например, философия творчества Бердяева, или грех, или глупость. И все же приходится сказать: третьего дня были киевляне. Вчера после этого рассеяние: весь день ничего не делал, буквально ничего — не мог. А сегодня продолжал Добавления [21] к «Видению» и все удивительно ясно. Два дня тому назад все было неясно: с чего начинать, как писать. Когда же стало ясно? Сейчас — мгновенно или за два дня рассеяния подсознательно все разъяснилось и сложилось? Я знаю, сам вопрос — глупость или, скорее, грех: греховное желание видеть мое видение видения. Потому что правильный ответ один: сейчас Ты открыл мне, что и как писать.

И все же для меня, окаянного, остается какой-то дуализм: Testimonium Sanctus Spiriti* и какое-то мое идиотское подсознательное.

21.I. **Чтобы** видящие стали слепы. На время, чтобы прозреть? А на всю жизнь? Но ведь и вся жизнь — на время. Но это опять моя уловка: вся жизнь на время, но как некоторая печать — навеки.

22.I. Унизителен какой-то периодизм душевных и даже духовных явлений в жизни человека — это я и имел в виду 14.I: периодические подъемы и спадения ощущения боли бытия, жала в плоть, творчества и даже утешения — искушения. В язычестве этот периодизм обожествляется в вечном круговороте, в теофаниях Божества, приуроченных к временам года. От этого тоже автоматизм жизни, мысли, чувства. Связь с **чтобы** и с опустошенным взглядом. Может, смысл **чтобы** (Ин. 9, 39) в том, чтобы сохранять единственность, то есть с е й ч а с.

* Свидетельство Святого Духа (*лат.*).

Опустошенность взгляда — это и есть опустошенность периодичности и автоматизма, вернее, мое несоответствие Божественному дару в наивной периодичности и автоматизме.

24.I. В рефлексии и в пассивном или потенциальном рефлектирующем воспоминании жизнь правдоподобна. Но в разрывах времени мгновением я вижу всю неправдоподобность жизни. Правдоподобие — подобосущие, то есть арианство. В причастности к кресту Богочеловека я вижу единосущие моего и Его креста. Это неправдоподобно, но истина, а правдоподобие — ложь.

Два качественных скачка: в грех и в святость — актуальность. В греховной потенциальности открывается противоречивость правдоподобия: то есть ложь правдоподобия или арианства.

25.I. Сон. Я где-то, не дома. Телефон: звонит мама: скорее иди домой, с е й ч а с же. — Я понимаю: он <отец> умер.

26.I. Позади — ничто: что было — вошло в меня, сейчас оно во мне как мое жало в плоть. Но тогда и впереди — ничто, вплоть до последнего с е й ч а с, промежуток между сейчас, в котором живу, и последним сейчас пуст. Тогда сейчас, в котором живу, эсхатологично: времени нет, свершилось исполнение времен.

28.I. Чтобы видящие стали слепы (I).
Чтобы увидевшие Его ослепли (II).
(II) не равносильно (I). (I) — абсолютно, онтологично и эсхатологично; (II) — скорее субъективно, может, даже субъективизм, тогда неверно.

10.II. Снова погрешность сверх необходимой, какая-то ложь. И в том, что сейчас записал, ложь: потому что небольшая погрешность в некотором равновесии именно не необходимая, а контингентная: фактичность и есть погрешность. Фактичность как погрешность в некотором равновесии.

В чем сейчас моя ложь? Я не могу открыть ее. Может, слабость фактичности?

Чем больше вины греха, тем больше праведности. А у меня сейчас наоборот: чем больше праведности, тем больше греха. Я нарочно записал в такой фарисейской форме: я не почитаю себя достигшим, а только стремлюсь... но, чем больше стремлюсь, тем больше у меня греха. Может, потому, что нет лестницы Иакова — фактического стержня и основания моей жизни.

Определенный факт при определенном фактическом основании — не грех, при отсутствии этого фактического основания — грех. Или: при определенном фактическом основании покаяние снимает вину греха, при его отсутствии — не снимает; значит, нет настоящего покаяния.

Фактическое основание — ноуменальная нужда во мне.

И то, что я сейчас записал, и то, что хотел записать, — ложь, не фактическая, записано верно, а ложь и грех моей фактичности сейчас, до 16.X.63 этой лжи не было. Помоги мне, Господи.

11.II. 1) Внешняя, формальная классификация молитв: покаяние, просьба, благодарение и т. д. Куда войдет спор Иова с Богом? Беспредметный вопль? Р, П и др.* ? Молитва без слов? Страх Божий?

2) Другой принцип разделения:

А. Царствие Небесное силой берется... Дерзай чадо <Мф. 9, 2>. Неотступность. Полная активность.

Б. Не вы будете говорить, а Дух Отца вашего в вас. Неизреченные воздыхания Святого Духа <Рим. 8, 26>. Да будет воля Твоя. Полная пассивность.

Кажется, А и Б не соединяются в синтетическом тожестве, скорее отношение двух замкнутых миров в одном месте.

3) Воздыхание Святого Духа и есть моя молитва, но сама моя молитва не воздыхание Святого Духа, а только человеческие слова. Может, это то, что я писал: за известным мне искушением скрывается неизвестное мне утешение? Тогда:

утешение есть утешение, тожественное искушению, но само искушение не тожественно утешению, не утешительно.

Диалектическая теология признает, кажется, пассивность в отношении к Богу, активность — к миру. Но Лютер говорил не только о пассивности в отношении к Богу — проповедь о сирофиникиянке.

12.II. Четыре отношения:

1) я → ты } возлюби ближнего своего.
2) я ⇄ ты } Субъект в первом отношении не я, а ты. А во втором: мой сокровенный сердца человек, которого я нахожу через ты и в ты? (Где двое или трое...)

3) я → Ты. Видение невидения в просьбе, покаянии, вопле. } Возлюби Господа Бога твоего.
4) Ты → я. Видение видения.

4 вида молитвы: 1) ιε; 2) ει; 3) ιι; 4) εε.

---

* См. стр. 46.

В полной активности (ιι) я именно ничего не делаю, только воплю.

В полной пассивности я именно все делаю, потому что не я, а Христос во мне.

Скрытое за искушением утешение: страдание через мое жало в плоть, ведущее меня к Богу. В страдании я пассивен: Святой Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня. В страдании я активен: активен в ничто — в вопле. Я воплю, и этот вопль есть воздыхание Святого Духа, ходатайствующего за меня.

Одна реальность, истинная, полная реальность — молитва. Вне молитвы я сплю в невидении, в автоматизме мысли, чувства и повседневности. Только в молитве я абсолютно свободен, я что как ничто. Тогда я живу. Не я живу, Христос живет во мне.

О скрытом за искушением утешении Христос говорит (Мк. 4, 26—28): Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю; и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, **не знает он**. Ибо земля **сама собою** производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе.

14.II. В игнавии и у Д. И., и у меня была какая-то невозможная необходимость: необходимо писать и невозможно писать. Тогда всякое другое дело, даже писание, если не самого главного, было бы изменой необходимому и главному. Но главное, необходимое дело в игнавии было невозможным. Высказывание, фиксирование на бумаге, было высказыванием жизни. Письменная фиксация высказывания была моим стеклянным кораблем. Сейчас его нет. Поэтому хотя временами и много пишу, но удовлетворения нет.

Главное переместилось. Но сейчас погрешность превысила некоторую ненеобходимую фактическую и совершенную норму. В чем избыток погрешности? Знаю, что этот избыток — грех, знаю и грех, но не знаю корень его. Помоги мне, Господи.

23.II. Если я что-то делаю для того, чтобы Введ<енский> и Хармс стали известны и правильно поняты, то не в силу долга. Ты освободил меня от всякого долга. А потому, что дело В., Л., О., Х. — мое дело. Не мое, а Твое, которое Ты поручил нам выполнить, которое выполняешь через нас, нами.

26.II. Снова вторая неделя вынужденного рассеяния, вызванного внешними обстоятельствами, которых я не мог избежать, нехорошо было бы их избегать. Поэтому все время чувствую: передо мною завеса, не в моих силах убрать ее, а за ней Ты. Освободи меня от рассеяния, дай возможность быть одному, одному с Тобою.

1.III. Нашел у себя старую запись: иногда мелькнет: верую, Господи, помоги моему неверию. Это мелькнувшее и есть вера, которая движет горы. Иногда же и просишь, и молишься, и чувствуешь: здесь нет и мелькания веры, скорее неверие.

6.III. Воскрешение Лазаря, вообще о Евангельских чудесах: передо мною какая-то завеса — время, временность, повседневность, автоматизм мысли и чувства; и вдруг мелькнет через щель во времени реальность: чудо — двойное чудо: чудо — то, что мелькнуло, и само мелькание, разрыв времени — чудо.

8.III. Вчера вечером случайно вышло так, что слушал Веберна: кантату I и оркестровые вариации. И сейчас я чувствую, как это хорошо и все же не то, что было — как я слушал до 16.X.63, даже до 12.I.62. Я чувствую, что это хорошо, и радуюсь, что хорошо, но не радуюсь своей радости, нет радости от моей радости.

11.III. Пока человек живет, он чего-либо хочет, в крайнем случае хочет не хотеть и не жить.

Чего я хочу? Я хочу, чтобы мои ближние были более-менее здоровы и имели хотя бы некоторое удовлетворение от жизни. Я хочу, чтобы рукописи, в том числе и мои, сохранились. Я хочу, чтобы В., Х. и Л. были изданы, О. сохранится и будет издан и без моего участия. Я хочу, чтобы они были изданы скорее, но если они сохранятся и будут изданы не сейчас, а через год, два или три — это не пугает меня и не относится к моим первым желаниям. Тем более издание моих вещей не принадлежит к моим первым желаниям. К тому же в этом отношении мое желание амбивалентно: издание их связано с новыми знакомствами и встречами. Я не говорю, что все встречи мне неприятны, но и после приятных встреч почти всегда, а может, и всегда, бывает неприятно. Потому ли, что на мне лежит какое-то проклятие, или это мой грех, что я не могу вместе радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего, но после встреч бывает похмелье, и не только физическое, но и духовное. А я прежде всего хочу радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога моего. И еще я хочу, и прежде всего хочу, и каждый день прошу: умножь во мне веру, Господи, помоги и мне, окаянному, моим жалом в плоть, чтобы оно было больнее, бременем Твоим, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы. Дай знак Фомы, Господи, чтобы вложить мне руку в рану Твою и чтобы я был верующим, а не неверующим. Верую, Господи, помоги моему неверию.

3.III. [Запись у Тамары: страшно одиночество, но еще страшнее одиночество вдвоем — так стало с Яшей.]

13.III. Память, как и грех, благословение и проклятие. От этого и сны такие. И сегодня мама снилась, и вчера, и позавчера, но не было благословения и не было прощения греха.

И в встрече 11.III [с Галей Викторовой* были у Т.] память тоже была, как проклятие, и после встречи вспомнил: мне страшно, что все приходит в ветхость**, и страшна не столько физическая, сколько духовная ветхость, которая проявилась в несоответствии и несовместности: старое воспоминание, и хорошие письма, и обыденность, и увлечение обыденностью, вполне советское и в то же время немного светское. Затем, Лёнино письмо — совершенно некстати и ни к чему и опять проклятое воспоминание. И вдруг морщины на лице и как-то опускаются и полная опустошенность взгляда. «Скучно на этом свете, господа».***

[Через день или два у Т.: общая суть (Т. говорила мне в июне 1968 г.) — когда у Т. были Г<аля> и я.

Т.: я оперлась на его (мой) благоприятный взгляд.]

14.III. Верую, Господи, помоги моему неверию. Это тоже символ веры, и в нем сказано противоречивое для моего ума отожествление абсолютной трансцендентности и абсолютной имманентности веры, веры и веры, которая не верит, чуда и прикасания к чуду: созерцания, участия и созерцания своего участия.

15.III. Страха адских мучений после смерти у меня нет. Почему? Потому ли, что слаба вера в личное бессмертие, или потому, что сильна вера в некоторую абсолютную инвариантность души, заключенная в абсолютной реальности Бога, то есть вера в Провидение? Если второе, то традиционный православно-католический страх адских мук и постоянная неуверенность, может быть, грех: желание противодействовать путям Провидения, то есть Богу. Да будет воля Твоя, но и в аду я буду любить Тебя. Но любовь в аду уничтожает ад.

Но верно ли, что у меня нет страха адских мук? Состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве, нулевое состояние и представление моего отвержения, о н о, пугающее меня, представление бессмертия как временного indefinitum и то, что я назвал одиночеством Бога, представление страдания оттого, что я уже на небе не страдаю и вижу, как страдают оставшиеся на земле мои ближние, — что это, как не адские муки и страх адских мук? Может быть, у меня нет не страха адских

---

* Галина Борисовна Викторова — вдова А. Введенского.

** См.: Введенский А. Мне жалко, что я не зверь... // ПСП. Т. 1. С. 183—185; *Сб.* Т. 1. С. 479—482.

Я. Друскин называл это стихотворение «Ковер Гортензия».

*** Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

мук, а страха материализованных (физический огонь, смола и пр.) или психологизированных (совесть, бесплодное раскаяние и пр.) адских мук, представляемых слишком по-человечески, тогда соединенных с корыстными заботами о своей душе. Это уже психологизм в эсхатологии, страх адских мук надо тоже освободить от психологизма: 1) материалистического или эмоционально-морализирующего представления адских мук; 2) от корыстных забот о спасении своей души — это тоже психологизм.

Традиционное представление адских мук и забот о спасении своей души основано на представлении заслуг и наград. Поэтому еще Лютер отверг католическую неуверенность и страх, как греховный. Доверие к Богу несовместно с этим страхом. Это психологизм, пелагианство и синергетизм: как будто мои заботы и заслуги могут изменить решение Бога от века. Alleinwirksamkeit Gottes* несовместна с действенностью моих забот и моей свободы выбора. Бог разрушает всякое дело моих рук, сотворенное от меня и во имя мое; и также во имя моих забот о спасении моей души. И это и есть тожество Alleinwirksamkeit Gottes с моей абсолютной свободой: да будет воля Твоя.

Но остается страх с е й ч а с и страх страха с е й ч а с, соединенного с страхом последнего с е й ч а с, то есть эсхатологичность моего с е й - ч а с, его окончательность, как называл это Введ<енский>. То есть страх Божий.

У меня нет предметного страха адских мук, но есть беспредметный страх моей отверженности: если будущая жизнь не во времени, а в вечности, то представление адских мук как будущих — психологизм. Меня страшит не то, что я потом буду в аду, а не есть ли я уже сейчас в аду? И это тоже страх Божий.

Кьеркегор: для античности вечность позади, то есть прошлое, для иудейства — будущее, для христианства вечность возвращается из будущего, то есть с е й ч а с.

19.III. В математической логике, написанной только знаками, первая страница или хотя бы полстраницы написаны словами, объясняющими знаки (метаязык). Я думал: моя философия написана на чинарном языке или нет?

1. Философия и теология — первая страница всего и искусства также, поэтому, во всяком случае до некоторой степени, написана на обыкновенном, не чинарном языке.

2. Чинарный язык — атональность, то есть фиксация онтологической бессмысленности: языковой, логической и ситуационной. В мою философию и теологию фиксирование бессмыслицы входит как

---

* Единовластие Бога (*нем.*).

установление реальной онтологической и гносеологической антиномии — тожества апории или синтетического одностороннего тожества, затем антиномии акта и состояния, ч т о и к а к, имения и усвоения, созерцания и участия и др. Тогда, во всяком случае до некоторой степени, и моя философия написана на чинарном языке.

3. Отдельные части или небольшие вещи написаны и на чисто чинарном языке.

22.III. Классическая форма бесовского соблазна: а правда ли... (бес — Еве). В таких случаях самое опасное вступить в пререкания с бесом. Ева потому и пала. В этом случае правильный ответ один: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Когда я утром, только проснувшись, услышал голос: небо сходится с землей на горизонте, я с удивлением и отвращением отвернулся от него (от голоса). О явлениях беса. Я не отрицаю объективированных, даже материализованных явлений беса. Голос, который я услышал, был объективирован, то есть был голосом извне, может, даже материализованным: я почти слышал его. Я не сказал прямо словами: отойди от меня, сатана. И все же я сказал это: отвращение к голосу, пренебрежение и было высказыванием. Я мог вступить с ним в пререкания, и здесь две возможности: беспредметное пререкание — самооправдывание — это уже падение. Предметное пререкание: возражение бесу. Тогда бес ответил бы: я ведь сказал только о видимом небе, ты сам подумал о невидимом, ты сам сказал: горизонт — воображаемая линия, где небо сходится с землей. Я бы ответил, что в его словах ясно слышал подлое недоговаривание, подлый намек, и так втянулся бы в пререкания, самооправдывание и пал бы. По существу и беспредметное и предметное пререкание с дьяволом одно и то же, и, вступая в спор с соблазном и бесом, желая победить его, если и удастся победить или переговорить, все равно это будет самооправданием и самоутверждением, то есть падением. Даже отвергнув соблазн, любой соблазн, в споре, пререканиях, борьбе и победе над ним, я уже погряз в соблазне. Потому что соблазн всегда мысленный, фактическое совершение соблазнительного поступка — вопрос техники.*

---

* Продолжение записи 22 марта — в тетради † 6.

† 6

1967.III.22—1967.VII.17

<*22 марта*>* Главное: к а к я отвергнул соблазн, если в свободе выбора и борьбе, то я уже погряз в нем и пал. Это знал и Нил Сорский и другие. Но многие в борьбе с соблазном погрязали в нем и в еще худшем соблазне — в самоутверждении и тогда в фарисействе, так как думали, что побеждали его.

Но сейчас я хочу сказать другое: разница между предметным и беспредметным явлением беса есть, но не по существу. Голос, сказавший, что небо с землей сходится на горизонте, и подлый намек, который я услышал тогда, был предметным: я сразу понял, просто услышал его как голос не от меня. Не моя мысль конечно предметна, но бес, шепнувший мне ее, сразу же скрылся, голос был беспредметным. Поэтому тогда искушение было более страшным, как Ева, услышавшая голос змия, я даже не знал, что это искушение. Но в обоих случаях бес побеждается не борьбой, не свободой воли, а молитвой: молитвой-отвержением — отойди от меня, сатана, или молитвой-воплем.

Что за бес мучает меня уже месяц? Он не является мне в предметной форме, поэтому мне некому сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но нет и предметной не моей мысли, чтобы я мог завопить громким голосом. Двойная беспредметность: беспредметность беса и беспредметность соблазна — парализует меня. Нет даже страшного, опустошенного взгляда. Что делать? Помоги мне, Господи.

29.III. Есть первичная и вторичная ложь человека. О первичной я писал в «Ви́дении» (проявление гипостазирования). Первичную ложь может видеть каждый человек, потому что в каждого Бог вложил Свой закон, и, поскольку видит, может, уже и верит, даже если не знает, что верит. Может, ви́дение первичной лжи — один из критериев веры, в отличие от маловерия и веры в себя. Вторичную ложь можно видеть, кажется, только у другого, у себя же я могу увидеть ее, только если другой укажет мне.

---

* Начало записи — в тетради † 5.

Примеры вторичной лжи. Человек А. говорит о работе над собой и упрекает другого, что он мало работает над собой. Значит, предполагается, что он, то есть А., работает больше над собой. Теперь я вспоминаю некоторые факты из жизни этого человека. Работал ли он над собой тогда (в 1939 г.)? Я не обвиняю и не осуждаю его за тот факт, но имеет ли он право после этого говорить о работе над собой и упрекать другого? Даже если он покаялся с тех пор, но если память о прошлом не осталась, как жало в плоть, то он еще раб неверный и ленивый и видит себя таким, каким хочет видеть, — это вторичная ложь. Теперь о другом человеке — Б. Он говорит и искренно верит, что то, что он говорит, и есть то, что он говорит и думает, а я вижу за его словами совсем другое, и, вспоминая некоторые факты его жизни, я вижу, что он тоже не хочет вспоминать и видит их, а значит, и себя не такими, какими они были, а какими ему хочется их видеть. Это вторичная ложь: искренняя ложь или ложь искренности.

Может, я не прав, отделяя так вторичную ложь от первичной, может, различие только в том, что вторичная ложь связана с внешними фактами, которые я хочу забыть и бессознательно, искренне лицемерно реконструирую их в желательном мне направлении. То есть вторичная ложь — искреннее лицемерие: лживая искренность или искренняя лживость. Но тогда она не обязательно связана с внешними фактами.

Покаяние обнаруживает вторичную ложь, то есть искреннюю ложь или лживую искренность: лживость человеческой искренности.

30.III. У Т. Н. <Глебовой> в ее милиционерках и разряженных девицах, может быть, иногда чувствуется: я не такая, я лучше. А В. П.* не боится и в себе увидеть грех. Одна из ее картин называется: животная святость, — не святость животного, а животная святость у человека.

31.III. Как молитву все время повторяю: смиренный не может пасть: куда ему пасть? он ниже всех. Великая высота смирение.

Это из Макария Египетского. Он пишет еще о простоте. Может, ее мне больше всего не хватает.

2.IV. <Сон.> Мне предлагают два лекарства, второе — обезболивающее. Обезболивающее, говорю, не надо, мама сейчас здорова. — Надо, Господи, мне надо.

---

* Вера Павловна Траугот — художница, мать художников А. Г. и В. Г. Трауготов. Они познакомились с Я. С. Друскиным в 1960-е гг. через В. В. Стерлигова.

5.IV. Неверно, не надо мне обезболивающего: пусть будет жало в плоть больнее, пусть будет бремя Твое тяжелее. Первое лекарство надо мне, во сне я правильно понял, и это лекарство Ты, Господи, Ты, Иисусе Христе, и сейчас я, окаянный, как чувствую это, как желаю, излечи меня, Господи, помоги мне, окаянному.

Ощущение и сознание греха и моего греха у меня есть, и сильное, — греха и страшности жизни из-за греха. Но к себе самому иногда какое-то безразличие и отвращение: туда тебе и дорога, грязная свинья. Это грех, и по-видимому, большой — уныние. Я раб неверный и ленивый, закопал свой талант в землю. Талант, конечно, не мои вещи, не писание, а дар Твой, дар вечной жизни. Какое-то вялое безразличие и брезгливость к своей душе, от этого слабость веры в воскресение и жизнь вечную. Я имею вечную жизнь сейчас в ощущении абсолютной инвариантности моей души, в ощущении Провидения, но не хватает мне ощущения-чувства эсхатологичности моего сейчас, ощущения-чувства вечной жизни как будущей жизни. Я ощущаю с е й ч а с вечности, ощущаю в с е й ч а с прошлое как исполнение времен, и все же нет полноты времен, слаба надежда и ощущение будущего в с е й ч а с. От этого вялость, бесперспективность, уныние уже второй месяц. Господи, Иисусе Христе, умножь во мне веру, дай надежду, дай силу и крепость, дай знак Фомы.

6.IV. Возненавидеть свою душу — чистое чувство, а брезгливое безразличие, отвращение, отчаяние и безысходность — нечистое, просто грязное, отожествление себя с грехом. Но ведь грех я, и все помыслы мои грех,* от юности стремление мое к злому. Что было вчера — покаяние или отчаяние и уныние? Скорее второе.

12.IV. Я — пустота. Пустота сейчас, может, и не грязная, может, в ней и отражается Бог. Пустота и Бог. Ничто и Бог. А где я и Бог? Не Бог и не я: я и Бог.Не я и Бог, а: не я, а Бог. Личное отношение: не я, а Бог. Но все-таки я как не я.

Все же пустота, которая сейчас у меня, вернее, которая есть я, — не грязная. Но вот я — грязный. Тогда пустота — не я, не я сам, который говорит: не я, а Бог,— говорит Богу: не я, а Ты.

18.IV. <Сон.> Оказывается, звонок на урок уже был. Я иду в класс. Но раньше надо найти расписание, я ведь не знаю даже, в каком классе у меня урок. Но где найти расписание? В поисках расписания прохожу

---

* Автоцитата из сочинения «Псалом», см. библиогр. [31], с. 660.

мимо одного класса. Ученики, увидев меня, бегут в класс. Очевидно, это мой класс. Я вхожу, тихо здороваюсь, ученики не отвечают; я здороваюсь громко. Но я не знаю, какой это класс и какой должен быть урок — алгебры, геометрии, тригонометрии? Перелистываю журнал, чтобы найти свою страницу. Но вспоминаю, что прошлый раз не записал содержание урока, да и позапрошлый раз, и уже давно не записываю, — как я узнаю, что мне сегодня надо делать? В это время входит директор, садится — очевидно, будет слушать мой урок. Что-то надо делать, все равно что, надо вызвать какого-нибудь ученика, но я не знаю их фамилий. Торопливо перелистываю журнал, ищу список учеников. Нахожу страницу с какими-то буквами. Что это — инициалы фамилий учеников? Мне бросается в глаза буква Д. Я говорю: Де. Выходит ученик. Я спрашиваю: Де? Он говорит: да. — Это ваша фамилия? — Да. Он подходит к доске. Но что задать ему, я ведь не знаю даже, какой это класс? Попробую дать ему задачу на составление квадратного уравнения. Ищу в портфеле задачник — забыл взять: какие-то книги, но ни одного задачника. Я подхожу к шкафу в классе — там должны быть учебники. Беру какую-то книгу — но я забыл очки, ничего не вижу. Показываю ученику — что это? Он говорит: стихи. Я уже в полной растерянности и страхе, не знаю что делать, а тут еще директор сидит, и я просыпаюсь: слава Богу, это не урок. — Урок, Господи, урок; Ты дал мне урок этим сном, чтобы я одумался, перестал быть рабом неверным и ленивым. Господи, дай силу, дай силу побороть мою лень, неверность и неверие, мое окаянство, очисти меня, Господи, от моего окаянства, от моей грязи, умножь во мне веру, Господи, Иисусе Христе, помоги мне, окаянному, изгони беса, вселись в меня.

Можно говорить ближнему своему о своих внутренних конфликтах, недостатках, о своем недовольстве, даже жаловаться серьезно или с иронией, но часто это может оказаться или циническим, не ноуменальным бесстыдством, или легкомысленной игрой, или сентиментальной жалостью к себе и самооправдыванием. Но говорить это себе самому, может, еще хуже: появится гордыня, от ее крушения — уныние; и в том и в другом случае — одержимость бесами, психиатр увидит здесь только внешнее проявление — болезненную раздражительность, неврозы. Что правильно? Говорить себе и слышать, чувствовать, что есть Слушатель, Который слышит меня, слышит, что я говорю, на что жалуюсь, чего желаю, слушает меня с величайшей заинтересованностью, как будто я для Него важнее всего мира, и услышать тогда, что уже не я говорю, а Он говорит мне, я же прошу услышать меня, избавить меня от моей нечистоты, и уже не я, а Сам Дух ходатайствует перед Ним за меня. Услышь меня, Господи, чтобы я услышал Тебя, услышь меня, Иисусе Христе, вселись в меня.

19.IV. По Фрейду, человек забывает то, что хочет забыть; по Бергсону, человек вспоминает то, что хочет вспомнить. Это не значит, что человек забывает или вспоминает все, что хочет забыть или вспомнить. Фрейда и Бергсона интересовала структура или механизм памяти с научной, психологической точки зрения. Фрейд смотрит на человека и жизнь пессимистически, мрачно, поэтому исходит из детерминизма психической жизни. У Бергсона религиозно окрашенный, более радостный взгляд, поэтому телеологический. Фрейд спрашивает, **почему** человек забывает? Бергсон: **зачем** человек вспоминает? Чтобы исполнить поставленные им или природой, а может, и Богом цели. Но с чисто религиозной точки зрения, может, интересны именно противоположно поставленные вопросы: почему или, вернее, зачем я не могу вспомнить то, что хотел бы вспомнить? Почему я не могу забыть то, что хотел бы забыть? Первое сокрушает мою гордость, уверенность в себе, мою собственную праведность. Второе — мой грех и ответственность за грех, мое жало в плоть, чтобы не усохла душа моя.

20.IV. Отчасти Юнг прав: языческие религии, во всяком случае до некоторой степени, — естественная психотерапия. Отчасти и мистика с пантеистическим уклоном, поэтому и христианская мистика не так уж сильно отличается от языческой и мусульманской. Но Благая весть от Бога.

Всякая религия от Бога, и в тот момент, когда язычник молится одному из своих богов, если молится всем сердцем, всей душою, всей крепостью своею, он молится Единому Богу Авраама, Исаака и Иакова, хотя и не знает имени Его. В молитве две стороны: я и Ты. Юнг исследует одну из сторон: я. При этом растворяет Ты в стремлении я к Ты — Зиммель: религия без Бога. Но тогда субстанциализирует и гипостазирует Ты, к Которому стремится я, под видом бессознательного. Языческая и мистически пантеистическая догматика, мифология и фразеология дают повод для такого гипостазирования, Ветхий и Новый Завет освобождают от этого, то есть от рабства психического механизма. Естественная психотерапия — суррогат веры, Юнг принял суррогат за веру.

Когда-то я записал: великая тайна, которую открыл Христос: все можно и все нужно, и тогда уже ничего не нужно — свобода от рабства психического механизма.

22.IV. Мои дневники и записи с 1928 г. — «Перед принадлежностями чего-либо». Первая часть — до 16.X.63. Вторая — после.

Первая часть:
0. 1928—1932.
1. 1933—1941.
2. 1941—1944 — до возвращения в Ленинград: 8 записных книжек.
3. Тетради ФУ: а. до 1953, когда кончил последнюю редакцию «Критерия».
б. после 1953. α. до 12.I.62.
β. 12.I.62—16.X.63: записки, письма, незаконченные вещи.

Между а и б граница между 1953 и 1956.

Вторая часть: † с 16.X.63.

0. 1928—1932 надо еще собрать: «Душевный праздник», «Щель и грань» и др., «Коричневая тетрадь»* . Но и 1933—1944 надо добавить из «Коричневой тетради» и др.

Что я ищу в них? Для чего пересматриваю? Чтобы найти мое не мое, отделить от него только мое, очистить не мое от только моего.

26.IV. Мф. 24, 23—24. Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. — Юнг — лжехрист и лжепророк. Это удивительно: самое далекое ближе всего, рядом, на одном месте: Христос и антихрист. Но если на глаз расстояние очень большое — это еще не антихрист. Фрейд как будто значительно дальше от Евангелия, чем Юнг, на самом деле ближе и, конечно, значительнее Юнга. Он открыл рабство психического механизма, хотя ему и не дано было найти путь освобождения от этого рабства. Путь — Христос. Но у него все же была Leidenschaft, например в книге о Моисее, а у Юнга, мне кажется, самодовольство. Он почти подошел к истине, но самое далекое от истины ближе к ней, чем почти истина. Почти истина дальше всего от истины. И это не я говорю, а Христос — Мф. 24, 23—26. Юнг признал религию отчасти. Это «отчасти» в сущности полное непонимание религии, адиафора к ней. Лучше уж biederschaftliche* признание Фрейда в том, что у него нет веры, может, это уже вера, так как покаяние, начало покаяния. И его выведение и обоснование веры, более далекое от истины, чем у Юнга, именно потому что более ложное, — менее ложно в религиозном отношении и меньший грех. Может и вообще не грех, а несчастье Фрейда.

Эта ложь «отчасти», то есть ложь самого «отчасти», — улика Бога. Я ясно чувствую и вижу антихристову ложь «отчасти», ложь «почти».

---

* Названа так по цвету обложки, содержит философские заметки.

** Честное, простодушное (*нем.*).

Но ясно чувствовать и видеть антихристову ложь можно только видя и чувствуя Христа. Антихрист — ложь, только потому что Христос — истина, «отчасти» — ложь, потому что есть путь, истина и жизнь, нет и лжи, если нет истины, нет критерия для определения лжи и лживого «отчасти», если нет истины. Я не мог бы и знать, что ложь есть ложь, если бы не было истины, личной истины — Христа.

27.IV. Письма Гоголя. Гоголя погубило православие. В одном письме, отвечая на упрек в католицизме, он пишет, что чувствует не католическое, а скорее протестантское влияние. И в другом он говорит, что умом понимает, что Христос — Богочеловек, потому что человек не может так понять человеческую природу, как понял Христос, может только Богочеловек, умом он понимает это, а веры у него нет. У него не веры не было, а веры в православный монофизитизм и докетизм с индусским оттенком и еще в православную казенщину — Филарет и др. И здесь снова ложь «отчасти»: отчасти Христос, отчасти восточная мистика. Говорить, что было бы, если бы... глупо. Очевидно, ему и предназначено было страдать в поисках Христа, истинного Христа, а не Христа, преломленного через восточную языческую мудрость и православную официальность. Теологию Христа униженного, то есть теологию креста, а не Христа, прославленного в воображении некоторых отцов восточной церкви, — вот что он искал, поэтому и чувствовал протестантское влияние. Не отец Матвей погубил его, а православие в целом. И снова — это улика Бога: поиски истинного, а не воображаемого Христа. Православие тоже Denkprojekt, но, в отличие от Кьеркегора, с язычески-магическим уклоном. Православная магия не удовлетворяла Гоголя, поэтому он и жалуется на слабость своей молитвы.

Водное крещение — baptisma* — иудейский обряд, причем или законнически-фарисейский, или символический: как водное обмывание очищает от физической грязи, так водное обмывание, соединенное со словом, очищает от духовной грязи. Именно слово создает из обряда таинство. Это говорил и Августин, и Лютер: вода есть вода, schlechte Wasser**, а Слово очищает: μετάνοια — изменение строя души, духовное и реальное, а не магическое и естественное. Так было и в раннем христианстве, но очень скоро появилась магия крещения. Христос крестился у Иоанна, но сказал: так надлежит нам исполнить всякую правду <Мф. 3, 15>. Я думаю, эта правда только человеческая: человек — плоть и дух; поэтому правильно полностью порвать традицию и в то же время сохранить. Тогда человеческая правда становится Божьей —

*Погружение в воду, омовение, крещение водой (*гр.*).

**Плохая, скверная, дурная вода (*нем.*).

Божественным домостроительством. Поэтому Христос и говорит, что пришел не нарушить закон, а исполнить: полностью порвать традицию, сохранив ее. И это снова улика Бога.

Может, ошибка сектантства в односторонности: полностью порывает традицию, не сохраняя ее. Тогда православие, католичество и отчасти протестантство впадают в другую односторонность: сохраняют традицию и заменяют ею заповедь Божью, как сказал Христос о фарисеях и законниках — Мф. 15, 6. Благая весть по самому смыслу своему всегда есть протест против мира сего, власть над которым пока отдана дьяволу, поэтому всегда разрыв с традицией, но при этом и сохранение; в сохранении не внешнем, а внутреннем проявляется Провидение и Божественное домостроительство.

Иоанн Креститель сказал о Христе: Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Христос Сам не крестил, и апостолы, кроме Павла, не прошли через водное крещение. И на язычника Корнилия снизошел Святой Дух до водного крещения. Я не отрицаю водного крещения, Христос завещал его. Я отрицаю магически-естественный характер водного крещения, потому что магия тоже естественна, если не бесовская. Не магическое естественное преобразование души, а духовное сверхъестественное — вот что крещение. Я отрицаю не водное крещение, а полуязыческое водное крещение. Главное же: я не знаю истинной видимой христианской церкви, где бы я мог креститься. Может, это от гордости, но мне кажется — от страха солгать и успокоиться, совершив обряд.

В православии и католичестве часто нет смирения, даже у Пшивары: какое-то пренебрежительно-высокомерное отношение к «не своим». В конце концов это такой же провинциализм, как у масонов и других древних и новых тайных орденов: магическая, а не духовная посвященность. К ним уже прямо относится то, что я раз записал: посвященному открывают как последнюю тайну: нет никакой тайны. Одного православного я попросил рассказать мне, как не Мария Египетская поднималась на четверть аршина над землей, а как он духовно поднимался в церкви. Он ответил мне словами настолько общими и неопределенными, что я увидел: нет никакой тайны, одно только воображение и самовнушение — Suggestion*. Я говорю только о его словах, надеюсь, что у него что-то и было, но в его словах ничего не было.

Слово превращает обряд в таинство. А само слово без воды будет ли таинством? Если говорить о крещении, то надо ответить: вообще —

---

* Внушение (*нем.*).

нет, иногда — да. Если же говорить не об обряде, то слово и без вещественного знака может быть таинством. Но порвать вообще и совсем связь между словом и видимым телесным знаком — материей, плотью — плохо: Христос не только истинный Бог, но и истинный Человек, Слово, ставшее плотью. Если нет связи невидимого с видимым, то есть я не нахожу этой связи, то это или глупость абстракции, или мой грех, или мое несчастье.

29.IV. Исихия вызывает у меня очень сильные сомнения:

1. Возвышение созерцания и молчания над верой, надеждой и любовью — влияние восточной мудрости: учение об уме — гностицизм. Но Евангелие не требует и не нуждается ни в каком дополнении. И апостол Павел был вознесен на третье небо и слышал неизреченные слова, которые нельзя передать, а исихасты думают, что можно передать. И Христос подолгу молился, и сознание «Я и Отец — одно» — созерцание, но теории созерцания — философский интеллектуализм, а не религиозный: третий род познания у Спинозы, интеллектуальное созерцание Фихте, интуиция Бергсона, epoche* и Wesensschau** Гуссерля и т. д. Они и обоснованы философски, и может, часто и правильно (только не Wesensschau Гуссерля), хотя и имеют религиозный смысл. А у Григория Паламы обоснование гностическое и религиозно-материалистическое, это неправильно.

2. Разделение на сущность и энергию — схоластическое, причем все же очень неопределенное. Учение о Фаворском свете — фантазия, воображение и противоречит Евангелию: и услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались... Возведши же очи свои, они **никого не увидели, кроме одного Иисуса»***** (Мф. 17, 6, 8). И на иконах Преображения ученики изображаются лежащими на земле, лицом к земле. Они именно не могли вынести Фаворского света.

3. Учение о молитве — смотреть на свой пуп и задерживать дыхание — учение индусских йогов — материализм и психотерапия. Христос учит совсем другой молитве. Поэтому не случайно даже у Исаака Сирианина, тем более у Григория Паламы личность Христа, Сам Христос чувствуется мало. Как и всякая мистика, и их мистика — не индивидуальная, от других мистиков, мусульманских, индусских, персидских, они отличаются только случайными, несущественными, национальными и историческими подробностями. Не случайно Юнг нашел то же самое и в Ведах и у Майстера Экхарта. Даже у Исаака Сирианина

---

* Остановка, задержка, прекращение (*гр.*); *фил.* — воздержание от суждения; по Гуссерлю, исключение, заключение в скобки (Einklammerung).

** Созерцание (усмотрение) сущности (*нем.*).

*** Выделено автором.

я часто не чувствую, что Слово стало плотью, тем более у исихастов. Две крайности у них: монофизитизм, растворяющий Иисуса, Сына Марии, в Божестве вообще, и магический, материалистически-психотерапевтическое упражнение. А от последнего:

4. Selbstgerechtigkeit* — своими силами и аскетически-психотерапевтическими упражнениями добиться вознесения на третье небо. Христос требовал не упражнения — работы над собою, а обращения. На третье небо возносит Бог, а не мои упражнения. Ищите, стучите, просите, Царствие Небесное берется силой — все это не упражнения, а μετάνοια, то есть противоположное пути совершенствования. Не лестница совершенствования (Иоанн Лествичник), а μετάνοια — покаяние и обращение, а вознесен ли я буду или нет — не от меня зависит. Может, именно в страдании и оставленности Богом Бог и возносит меня, мнимое же приобщение и желание приобщения к свету — своеволие и эвдемонизм. Я не знаю, о чем и как должно молиться, и могу только просить и вопить, чтобы Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня. Дух, исходящий от Отца и посылаемый Христом. Пошли мне, Господи, Иисусе Христе, Дух Твой, чтобы Он вывел меня из моего болота, сдвинул с мертвой точки.

30.IV. Воскресение. Еще подобно Царство Небесное **сокровищу, скрытому** на поле, которое **найдя** человек **утаил**, и от **радости** о нем идет и **продает все, что имеет**, и покупает поле то <Мф. 13, 44> .**

Сокровище — скрыто — найдя — утаил — радость — отречение.

4.V. Ин. Гл. 5.

1. Свидетельство Отца — **Test<imonium> S<anctus> Spiriti?**
не имеете его (свидетельство), то есть не видите. (37)
2. потому что не веруете Тому, Которого Он послал. (38)
3. но вы не **хотите** придти ко Мне. (40).
4. **не ищете** славы Божьей. (44)

Поиски → желание веры → вера → Test. S. Spiriti. Но поиски — потому что уже нашел (Августин, Паскаль), то есть Test. S. Spiriti. Меня не смущает этот круг: человек находит то, что он уже нашел. Поэтому, может, у Августина и др. две благодати, хотя и неправильно сформулированные: предваряющая и оправдывающая или предопределяющая и помогающая и т. д. Такими формулировками пытаются рассудочно объединить благодать и свободу, тогда вводят синергетизм. Раздвоение благодати — от времени, то есть от временности, но не две благо-

---

* Самомнение (*нем.*).

** Выделено автором.

дати, а одна, но как одна — два, то есть *одно два*[22]. Может, лучше всего у Иоанна: благодать не благодать.

В гносеологии у меня: сказать до того, как сказано. Это тоже знак двойного свидетельства Святого Духа, но преломленный и искаженный разумом.

5. V. Гоголь в переписке: черствость души, то есть слабость духа, маловерие. Но если тоска по отсутствующей силе духа так сильна, что он умирает от тоски по силе духа, то это уже сила духа? Сила духа от слабости духа, тоскующего по силе духа. Наша с Д. И. игнавия. Мучение оттого, что ничего не мучает, сильнее всякого мучения. Schwermut Кьеркегора. Но если сказать: все это маловерие и неверие, то вот Кьеркегор стал ли свидетелем веры?

Не через физически-психотерапевтические упражнения, но скорее через слабость духа, тоскующего по силе духа, через мучение оттого, что ничего не интересует и не мучает, через оставленность не людьми — это блаженство, — а Богом возносит Бог человека на третье небо и говорит ему неизреченные слова, которые передать на человеческом языке невозможно.

Я ходил по улицам, как раньше, и думал, и не думал, а чувствовал: есть у меня сокровище — дар мне, по малодушию своему я и знаю его плохо, но твердо знаю: есть сокровище, я теряю его и, когда уже совсем потерял, в полной безнадежности и безысходности, как вчера, воплю и вдруг вижу: оно у меня, я и не терял его, оно дано мне навеки, это сама вечность, вечная жизнь, Ты.

И еще я думал: не нужно мне никаких других блаженств, когда у меня есть большее сокровище — крест Господа моего, Иисуса Христа, которым мир распят для меня и я для мира. Сокровище это — страдание, оставленность всеми, даже Богом, и, когда Он оставляет меня, Он возвращается по моему воплю.

Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. И нет туда никакого входа, сама эта скорбь и есть вхождение в Царствие Небесное, само блаженство и радость. Я вошел в радость господина моего.

Есть вещи, которые нельзя пересказать ни на каком человеческом языке. И апостол Павел не мог пересказать их. Не потому, что это какие-то теогонические или космогонические тайны — все это фантазии восточных мудрецов и гностиков — человеческое мудрствование. Есть другие тайны, их можно назвать трансцендентальными (а не трансцендентными), потому что они на границе между тем, чем я являюсь себе и что думаю о себе, и думаю, что знаю, — и тем, что я есть в действительности. Они передаваемы только как трансцендентальные — абсолютная

свобода, тожественная предопределению, то есть абсолютная ответственность, возложенная на меня Богом. Но как трансцендентные они непередаваемы, тогда это уже человеческое мудрствование.

Может, это и думал Пушкин:
«И <оба> говорят мне мертвым языком
о тайнах счастия и гроба».*

Таинство счастия — радость покинутости ради Тебя всеми, даже Тобою. Тогда Ты возвращаешься ко мне. Ты и не оставлял меня, всегда со мною.

Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит. — Я слышу Его голос.

6. V. Тайны, непередаваемые человеческим языком, — именно антропологические, причем теоцентрически-антропологические. А космогонические и теогонические — псевдотайны, человеческие фантазии и измышления, и останутся такими, пока мы видим не прямо, а как бы через тусклое стекло. Теоцентрически-антропологические тайны противоречивы для нашего разума. Не только высказывание их противоречиво: противоречие не только гносеологическое, но и онтологическое. Например, если самый смиренный человек скажет о себе: я смиренный, то он уже не смиренный. И также скромный не может сказать о себе: я скромный, добрый не может сказать: я добр. Другой пример: положим, я чувствую свое окаянство, ясно вижу, что я хуже моего ближнего. Но вот я осознал это и уже непроизвольно думаю: да, я хуже моего ближнего, но я знаю это, тогда уже лучше. И вот я уже фарисей. Но пусть я сознал, что я фарисей, тогда вдвойне хуже моего ближнего. Но тогда и осознал, что сознал это, и похвалил себя, тогда вдвойне фарисей и втройне хуже. — Об этом я уже писал когда-то.

Также противоречива и вера и вúдение. Вера непосредственна и одновременно не непосредственна: не только видение, но и видение своего видения. Но видение видения непроизвольно переходит, вернее, замещается видением видения своего видения, то есть рефлексией, тогда становится уже активным невидением: я стою, стою прочно, но как только скажу: я стою, стою прочно, — уже пал, поэтому апостол Павел и говорит: ты думаешь, что стоишь? бойся, как бы не упасть <1 Кор. 10, 12>. — И об этом я писал в «Видении».

Есть вúдение, есть вера, даже уверенность, но не самоуверенность. Самоуверенность — от меня самого, уверенность, как и вера, — Test<imonium> Sanctus Spiriti, Ganz Anderes**. Это совсем другое,

---

* Две последние строки *рукописи* стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»).

** Совсем Другое (*нем.*).

не подчинено законам нашей мысли, чисто формально оно иногда того же порядка, как апории теории множеств и др. Здесь действуют законы антиномического мышления — тожество апории, одностороннее синтетическое тожество. Противоречия, возникающие у смиренного, видящего, верующего, когда он думает о смирении, видении, вере, не исключают исследования и рассуждения: соблазн должен войти в мир. Наоборот: испытывайте, в вере ли вы, самих себя исследывайте, — говорит апостол Павел <2 Кор. 13, 5>. Сердцем будьте голуби, умом — змии, говорит Христос <Мф. 10, 16>. Но тогда необходимо возникают и соблазны, у кого их нет или не было, тот еще и не верит. Они укрепляют веру: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь — это с религиозной точки зрения. А с философской, гносеологически-онтологической — способ существования иного бытия в нашем.*

7. V. Перед сном, молясь, произнес: либер Готт, Готтеньки, Обрах Монес, Афтун, произнес, как это часто бывает, автоматически. И вдруг вспомнил, как мама, бывало, часами произносила эти слова с особой интонацией, переходящей почти в вопль на словах: Обрах Монес — сжалься смилуйся.** Это была молитва, а у меня — пустые человеческие слова. Молитва, потому что была Leidenschaft, Leidenschaft des Leidens, leidenschaftliches Leiden***. Leiden и у меня есть, а Leidenschaft? Отсутствие Leidenschaft, хотя бы и было страдание, — черствость души, как писал Гоголь в «Письмах», то есть маловерие. Но leidenschaftliches Leiden от отсутствия Leidenschaftlichkeit? Мучение оттого, что ничего не мучает?

Горе вам, что вы не холодные и не горячие, а теплые. — Когда-то я записал: ignavia не горяча и не холодна, но жжет очень больно. Тогда не горяча ли?

Часто, а может и всегда, человек чувствует слабость, недостаток, иногда даже отсутствие именно того, что у него есть в избытке; ему всегда кажется, что мало. Смиренному кажется, что у него мало смирения, доброму, что ему не хватает доброты. Не только кажется, действительно не хватает, потому что смирение, вера бесконечны. Хватает только тому, у которого их нет. Может, так и Leidenschaft? Но я уже перешел допустимую границу, я уже хочу видеть извне, быть вне, а не внутри, я уже фарисей, тогда извергаюсь из уст Твоих и вижу не свое вúдение, а видение своего видения.

---

*См. «Трактат Формула Бытия».

** Так — слово над словом — в рукописи.

*** Страсть, страсть страдания, страстное страдание (*нем.*).

Если даже мучение оттого, что ничего не мучает, уже есть Leidenschaft, если мучение от отсутствия у меня чего-либо есть именно присутствие отсутствующего, если отсутствующее не прихоть и не суета, то холодный анализ мучения от отсутствия и присутствия в мучении от отсутствия — это уже видение видения своего видения, то есть извержение из уст Твоих. Но холодный ли он — этот анализ? Не знаю, Господи, Ты знаешь. Но вчера, когда я впервые подумал, мысль эта не была холодной. Блеснуло внезапно: воспоминание, сравнение и Leidenschaft от отсутствия leidenschaftliches Leidens.

Признак последних истин (о тайнах счастия и гроба): каждый раз, когда у меня внезапно открываются глаза и я вижу свое сокровище, я вижу его:

во-первых, как новое, впервые обнаруженное мною, впервые явившееся мне;

во-вторых, как всегда бывшее у меня, никогда не покидавшее меня. То есть оно сохраняет то, чего не имеют все земные удовольствия и радости, — постоянную новизну. Оно всегда есть, но, обнаруживая его, каждый раз обнаруживаешь как новое, впервые явившееся. Это свойство Бога: быть всегда новым, всегда сейчас, не терять постоянной новизны. Я вспомнил: на путь leidenschaftliches Leidens, то есть радости страдания, я вступил в 1911 г. И не я вступил, Бог поставил меня на этот путь, положил мою руку на плуг. Но я, раб ленивый и неверный, все время оглядываюсь назад, даже сейчас, когда уже и оглядываться некуда и не на что.

9. V. Без сознания вины не возникло бы и само понятие и слово «свобода». Но я могу быть виноват и без вины, тогда сознание свой виновности создает сознание своей несвободы — античность: судьба, kairos. Но сознание своей несвободы предполагает понятие свободы. Сознание же своей свободы, а не только понятия свободы невозможно без понятия греха. Сознание же греха связано с сознанием благодати, которая, может быть, есть только другая сторона сознания отрицания своих заслуг и действенности моих дел и заслуг. Это уже абсолютная свобода, она вне сферы понятий заслуги — награды — Alleinwirksamkeit Gottes.

Вина — несвобода — kairos.

Грех — абсолютная свобода — $\dfrac{\text{благодать}}{\text{недейственность и отсутствие заслуг}}$

— **Провидение.**

Признание своих заслуг отрицает действенность благодати, то есть отрицает Провидение и Alleinwirksamkeit Gottes.

Заслуга — награда — рационалистические понятия. Но абсолютная свобода и Leidenschaft возможны только в нерациональном: в па-

радоксе, абсурде, бессмысленности, в том, что для разума — безумие, для воли — соблазн (апостол Павел <1 Кор. 1, 23>).

10.V. Раньше я наблюдал только на других (например, Ст<ерлигов>, Шур<ик> Тр<аугот>), как люди видят то, что хотят видеть, и не видят — чего не хотят видеть. Вчера — на себе, перечитывая Майстера Экхарта. Впервые я читал его в 1929—30 гг., потом — в 1941, потом — в конце 40-х. У него есть изречения, близкие мне: о нищете духа, о том, что я назвал: быть что как ничто, есть близкие мне ощущения пограничности, есть Leidenschaft. Через это у меня преломлялся и весь Экхарт. Между тем в главном, во всяком случае в теоретически главном, он совсем не близок мне. Еще в начале 30-х гг. я записал о двух способах видеть жизнь: как процесс и как акт; первое — язычество, гностицизм, пантеизм или панлогизм, второе — Евангелие; первое — путь совершенствования, второе — обращение — μετάνοια. У меня — второе, у Майстера Экхарта, во всяком случае теоретически, — первое. Почти как Гегель, он различает Божество, сущность или единство и Бога, и так же, как у Гегеля, Божество достигает самосознания только в человеке. Это мне всегда было чуждо, но я не видел этого у Экхарта, потому что не хотел видеть. И еще у Экхарта, тоже чуждое мне: Бог в человеке снова возвращается к безличному Божеству — единому, даже термин от Плотина или от Ареопагита через Прокла. Этот круговорот — тоже языческое представление жизни, чуждое мне, особенно в начале сороковых годов. Я не видел этого у Экхарта, потому что хотел видеть другое: то, что было у меня и чего не было у него.

В «Мире перед Богом» влияние Экхарта чисто внешнее, может, в терминологии, по существу же совсем другое: Бог живой — это не сущность или единство, а именно Личность. Основная тема там: абсолютное и контингентное. Экхарт освобождает абсолютное от контингентного, Евангелие именно отожествляет, это и есть вочеловечение Бога. Поэтому тема «Мира перед Богом» — личный Бог и Его вочеловечение во времени. У Майстера Экхарта вочеловечение Бога, в сущности, имманентно — в душе человека. Я не видел этого, потому что не хотел видеть. Еще бывает так, что непонимание зависит от разных языков. Так было у меня с Кьеркегором. Когда я читал его раньше, я писал «Критерий» или ТФТ, поэтому и думал на языке «Критерия» или ТФТ и не заметил, что у Кьеркегора есть и чисто философские утверждения, часто близкие моим. Год тому назад я нашел ключ к переводу с его языка на мой.

13.V. Свобода — понятие для разума абсолютно противоречивое и невозможное. С естественной точки зрения я вообще не могу быть свободен, так как полностью детерминирован наследственностью и

воспитанием. Значит, это понятие не естественное, то есть сверхъестественное. Если свобода — дар мне от Бога, дар, даром даваемый, то я свободен только в живой вере, и, когда она есть, я уже не могу не верить, и в молитве, когда уже не я, а Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня, моя свобода выражается противоречиво: пусть будет не моя, а Твоя воля. Для меня, грешника, в грехе и рефлексии, то есть когда я лишен этой свободы, — она вынужденная: абсолютная свобода или ответственность, навязанная мне Богом. Тогда в грехе и рефлексии возникают, но только для павшего в Адаме разума, и другие противоречия: могу ли я вообще принять ее, ведь она мне не по силам? Могу ли я не принять ее, если она мне уже навязана Богом как сознание ответственности и за свои поступки, и даже за мысли, никому неизвестные, кроме меня и Бога? Могу ли я вообще принять — не принять, то есть быть в этом состоянии дилеммы и свободы выбора? Павший разум на все эти вопросы отвечает: нет, и сам ответ этот дважды противоречив: во-первых, ответы «нет» на первый и второй вопрос несовместны: если я могу принять дар, то неверно, что я не могу принять его, и обратно. Это формальное противоречие. Второе формальное противоречие: если мои поступки детерминированы наследственностью и воспитанием, то свобода выбора — мнимая, нет никакой свободы. Во-вторых, материальное противоречие: я твердо знаю, что на все три вопроса я отвечаю: да. Я принимаю волю Божью, тогда абсолютно свободен, я не принимаю, тогда свободно выбираю, свободно выбираю грех, своеволие и тогда нахожусь в состоянии свободного выбора, рабского свободного выбора.* Противоречие здесь не только в том, что свободный выбор и есть рабство, то есть несвобода, но в том, что я свободно выбираю рабство, иначе бы я и не чувствовал ответственности за мой грех.

Я ощущаю и сознаю свою свободу в двух крайних полюсах жизни: в вере и молитве; и в грехе: в грехе — я раб греха, но я отвечаю за него, значит, свободно принял рабство. Если ко мне пришел соблазн — прилог, — если я даже отверг его, но отверг в колебании, в борьбе, то я уже увяз в нем. Если мотивы борьбы и преодоления — внушенные мне воспитанием мысли о приличном, должном и т. д., то с религиозной точки зрения эта борьба и преодоление соблазна ничего не стоят: я просто еще и не дорос до греха. Я назвал это пассивным невидением. Если же мотивы религиозные, то еще хуже, тогда я и увязаю в грехе, преодолевая его свободой выбора. Если я сам, своими силами преодолеваю соблазн, это может быть еще хуже, чем, не борясь с ним, соблазниться и пасть. Второе — только моя человеческая слабость, первое — гордыня

---

* См. «О рабской воле и абсолютной свободе человека».

и утверждение себя. Преодоление соблазна, избавление от греха возможно только для Бога, то есть только Бог может избавить и освободить меня от соблазна и греха. Невозможное для человеков возможно для Бога, говорит Христос. Кажется, Нил Сорский сказал: в случае соблазна надо помолиться на сам соблазн, на сам грех.

Что же делать? Только одно — молиться, чтобы не я сам отверг соблазн, а Бог убрал его от меня. Разные формы молитвы: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн; вопль: Эли, Эли, лама савахфани.

Я дважды сознаю свою свободу: когда Бог дает мне молитву, я свободен и 1) в акте принятия самой молитвы, и 2) в самом состоянии молитвы, хотя для разума именно п. 1 наиболее противоречив: когда Бог дает мне веру, я не могу ее не принять. Когда же Бог не дает мне живой молитвы, я нахожу тоже два момента: 1. Сам акт перехода к греху, здесь я свободен, так как отвечаю за грех. Даже чувствуя непреодолимость соблазна, все равно какого, хотя бы мгновенного несправедливого гнева, несмотря на эту непреодолимость, я ясно ощущаю свою ответственность, то есть свободу; если я не фарисей, то не оправдываю себя непреодолимостью соблазна. 2. Само состояние греха и свободы выбора для разума наибольшее противоречие: я раб именно в свободном выборе.

Погрешность греха. Митя Карамазов пошел убить отца и только случайно не убил. Он думал, что рука Божия остановила его. Хотя мысль и желание убить отца так же греховно, как и совершенное убийство, все же имеет какое-то значение и реализация греховного намерения, я назову это фиксацией. Ив<ан> Карамазов не убивал отца и все же ответственен за убийство, ответственность скорее на нем, а не на Смердякове, даже если бы Смердякову почему-либо и не удалось убить отца. И все же, если бы Смердякову не удалось убить отца, второй вины — за фиксацию греховной мысли — у Ив<ана> Карамазова не было бы. Здесь уже ясно: фиксация не зависит от воли человека. Ив<ан> Карамазов желал смерти отцу, но убил не своими руками, а рукой Смердякова. Если бы Смердякову не удалось убить отца, вины за фиксацию не было бы у Ив<ана> Карамазова. Это относится ко всякому греху и его реализации, то есть фиксации: 1) вина за грех мысленный та же самая, как и за реализованный: всякий, взглянувший на женщину с пожеланием, уже прелюбодействовал с ней в душе своей <Мф. 5, 28>; 2) есть две вины: за мысленный грех и за его фиксацию. Отрицание тезиса этой антиномии, признание реализованного соблазна большим грехом, чем мысленного, ведет к фарисейству. Отрицание антитезиса упрощает жизнь — забывают, что Слово стало плотью, отрицают Alleinwirksamkeit Gottes и Провидение.

14. V. Когда я дал Л. читать «Чем я противен», я сидел в соседней комнате и думал: сейчас Л. прочтет и скажет мне: вот теперь я понял, кто ты, больше мы незнакомы, уходи; и он будет прав, думал я.

Конец вещи меня смущал, я боялся: не перешел ли некоторой дозволенной границы. Я так долго пытался исправить конец, что запомнил его, и все же вернулся к первоначальному варианту. Введенскому он тоже нравился. Вот этот текст:

«На страшном суде я буду оправдываться, я буду говорить: я мог гвоздем колоть себе руку повыше кисти и не ощущать боли. — В этих словах есть ложь: я буду стоять перед Ним, как блудливый заяц, как выживший из ума идиот, и буду думать, что я красив и прекрасен».

Я думаю, где-то в глубине души, в самой глубине, у всякого человека иногда мелькнет эта мысль. Если же не мелькала, значит, он еще не дошел до самой глубины: всякий человек есть ложь. Если человек говорит, что он не понимает какого-либо греха другого человека, даже подлости и пакости, значит, не находит этого в себе самом, в самой глубине своей души. Тогда еще не понимает тезиса антиномии, которую я вчера записал, значит, сознательно или бессознательно — искренний лицемер и фарисей. Если это не соединено с отвращением к себе самому и с покаянием, то еще нет сознания вины греха, то есть анонимная вина еще не прозрела. Д. И. чувствовал это в своих вещах — тема недочеловека.

Поэтому грех и фарисейство сказать о своем ближнем: я не понимаю его греха, не понимаю, как он мог так согрешить. Говоря так, я считаю, что у меня нет этого греха и я лучше него, уподобляюсь фарисею из притчи.

Лютер: Христос взял на Себя грех всего мира; это значит: Бог сказал Христу: не Каин убил Авеля, Ты убил. Не Давид соблазнил Вирсавию, Ты соблазнил. Не Иуда предал Богочеловека, Ты предал.

Так и мне говорит Бог, когда согрешает мой ближний. Если я не слышу этого, я лицемер и фарисей.*

16. V. Восточные отцы церкви говорят о труде и подвиге. Что значит труд и что значит подвиг? Когда труд понимают как совершенствование, «работу над собою» — это уже синергетизм и просто фарисейство. И так же подвиг. Но отрицать эти понятия тоже нельзя. Кьеркегор не говорит: труд, но: серьезность. Тогда несерьезно изобретать технические приемы для молитвы — определенные положения тела, правила для дыхания, повторение умной молитвы** сотни, даже тысячи раз за день. Это уже самовнушение и самогипноз. Не труд, а серьез-

---

* См. «Я виноват за всех».

** См. примеч. на стр. 60.

ность и страдание; стремиться не к радости постижения Бога — это только сам Бог дает, — а к страданию и кресту. Потому что не я сам достигаю Бога, а Бог приводит меня к Себе, возносит на третье небо. Подвиг же один: μετάνοια. И все же остается вопрос: что же мне делать? Самое правильное и самое неправильное — не задавать этого вопроса, то есть жить в состоянии, когда этот вопрос даже не возникает: самое правильное, если я знаю, что мне велит Бог и исполняю повеленное мне; самое неправильное, если я знаю, что я сам считаю нужным делать, значит, исполняю неповеленное — свою волю, живу своей волей. В чистом виде обе эти крайние формы, особенно первая, встречаются, должно быть, редко. И у самого праведного утешение сменяется искушением, тогда и праведный спрашивает: что же мне делать? Не вообще, а сейчас, когда малодушие, уныние и маловерие подавляют меня. Значит, вопрос остается, только его надо очистить от ложных форм. Вопрос можно ставить так:

1[а]. Что мне делать? — 1[б]. Что мне делать, чтобы...
2[а]. Что я должен делать? — 2[б]. Что я должен делать, чтобы...
3[а]. Что я могу делать? — 3[б]. Что я могу делать, чтобы...

Во-первых, вопрос можно поставить в ассерторической форме (1), в аподиктической (2) и в проблематической (3). Я думаю, правильна только ассерторическая форма. Аподиктическая вводит понятия долга или долженствования, значит, возвращает меня от свободы во Христе в рабство закону. К тому же, исполняя должное, я имею заслугу и могу ожидать награды, хотя бы в наиболее идеализированной и абстрактной форме — самоудовлетворение или самодовольство — Selbstgefälligkeit*, это уже фарисейство. Проблематическая форма закрепляет меня в возможности (м о г у), то есть в потенциальности, в отрицании акта и актуальности.

Во-вторых. В каждой форме два вида, во втором виде (б) стоит слово: **чтобы...** Я поставил многоточие, потому что с Евангельской точки зрения, может, вообще безразлично, что стоит за словом **чтобы**: «что мне делать, **чтобы** получить много денег», и «что мне делать, **чтобы** получить вечное блаженство», — оба вопроса поставлены эвдемонистически, то есть не религиозно. Когда юноша, которого Христос полюбил с первого взгляда, спросил: что мне делать, чтобы получить жизнь вечную? — Христос ответил перечислением заповедей. Но юноша понимал уже, что одних заповедей недостаточно, и сказал: Учитель! Все это сохранил я от юности моей. Тогда Христос сказал: **одного** тебе недостает, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною, взяв крест

* Самодовольство (*нем.*).

<Мф. 19, 16—21; 16, 24>. — Не ради нищих раздать имение, а ради себя самого, это и есть **одно**, которое дает Христос: Его крест.

Христос отверг эвдемонистическую форму вопроса: что мне делать, **чтобы...** поэтому вначале и ответил формальным перечислением заповедей. В этом случае между Христом и мною пропасть. Эта пропасть — **чтобы**. Христос не средство, а цель: я стремлюсь, не достигну ли и я Христа, как Он достиг меня, — сказал апостол Павел. Как взять свой крест и последовать за Христом? Ответ дает Евангелие, Сам Христос, но всякие человеческие пересказывания Евангелия ставят между Христом и мною человеческие слова. Но в отдельных, конкретных случаях возможна и человеческая помощь, то есть человек может помочь мне услышать Христа, когда я не знаю, что мне делать, как соединить мое с е й ч а с с Христом. Это — керигма.

Но теперь другой вопрос: вот меня не искушает бес, во всяком случае я не знаю, какой бес меня искушает, нет видимого искушения. И у меня нет не моей мысли, чтобы я мог завопить: Боже, Ты мой Боже, что Ты меня оставил. Меня ничего не интересует и не притягивает, кроме Христа. Но нет и Leidenschaft. Вернее, есть, есть leidenschaftliches Leiden nach Leidenschaft, nach leidenschaftlichem Leiden*. И вот я не знаю, что мне делать, и спрашиваю: что мне делать? Ты касаешься меня, я уже чувствую Тебя, Твое приближение, даже присутствие. Я прислушиваюсь и уже слышу **одно**, о котором говорит мне Христос; и как тот юноша, смутившись от сего слова, отхожу с печалью <Мф. 19, 22>. Но ведь у меня нет большого имения, никакого уже нет, ничего.

Если даже leidenschaftliches Leiden и тоска по отсутствующему уже есть присутствие отсутствующего, то и при присутствии отсутствующего может возникнуть вопрос: что мне делать; причем без всякого **чтобы...** Раньше, при игнавии, этот вопрос, может быть, был и ясен, например у Д. И. в его «Я долго смотрел на зеленые деревья»**. Но сейчас совершенно непонятен. Его не должно быть, и все же временами он возникает, причем в совершенно беспредметной форме, без всякого **чтобы**: ведь я не спрашиваю, что мне делать, чтобы заполнить время или чтобы писать, — все это мне не важно и не нужно. Лютер сказал: верующий уже не на земле, но и не на небе — между землей и небом. Тогда этот вопрос иногда, может, и неизбежен? Как неизбежен соблазн и некоторое сомнение? Но, может, я снова пытаюсь оправдать себя, может, я просто раб ленивый и неверный? Но ведь с мертвой точки, в которой я находился месяц или два, я все же сдвинулся?

---

* Страстное страдание по страданию, по страстному страданию (*нем.*).

** Хармс Д. Я долго смотрел на зеленые деревья. — Личный архив.

Мне показалось сейчас совсем странное: может, сам этот вопрос и есть уже ответ, и я делаю и не я делаю — делается.

17.V. Состояние «что мне делать» бывало и раньше, кажется, еще два года тому назад, как какая-то пелена перед глазами, отделяющая меня и от меня самого, и от ближнего, и от Бога, парализующая меня. Но только вчера я понял, что этот вопрос и есть ответ — послушание: все сделано. Не я сделал, именно я не сделал и не достиг Христа. Он меня достиг. Это не квиетизм, наоборот, я уже давно так не искал, не просил, не стучал, как сейчас. И в то же время я увидел: Он просит, ищет и стучит за меня, и Он же находит, дает и отворяет мне. Это и не успокоение, но в моем беспокойстве я увидел Его покой — покой, который Он мне дает: да будет воля Твоя. Не «да будет», уже есть.

Сам вопрос есть ответ. Это бессмыслица, ноуменальная бессмыслица. Docta ignorantia* Николая Кузанского: в Боге совмещаются противоположности, и так же в мудром незнании: вопрос есть ответ — это бессмыслица. Бессмыслица — обратная сторона чуда. Чудо бескорыстно, не всеобще и бессмысленно. Противоречие законам природы — частный случай бессмысленности чуда — нарушения естественного, то есть павшего в Адаме строя и порядка мысли. Чудо ничего не доказывает, если доказывает что-либо — уже не чудо, включается в порядок детерминированной мысли. Я подумал: главное не чудо, а чудотворец, он цель; чудо как цель — бесовская магия. — Это неверно, я уже включил чудо в какую-то человеческую последовательность мысли, хотя бы телеологическую. Чудо — цель, самоцель, но бескорыстная и ненамеренная, тогда за чудом — Сам Чудотворец. Поэтому бессмыслица и чудо так притягивают и фасцинируют.

То, что я получил ответ в самом вопросе, то есть что вопрос есть ответ, — чудо. И сегодня еще я живу в этом чуде и когда ехал на кладбище.

Ноуменальные бессмыслицы, то есть разрывы естественного строя и порядка мысли. Есть степени ноуменальной бессмыслицы. «Что мне делать» можно ноуменально объяснить как состояние собственной неуверенности — мудрого незнания, чтобы получить уверенность от Бога, мое беспокойство, в котором я получаю Твой покой. Это верно, и все же остается еще сверхбессмысленный остаток — чудо.

Долгое время меня смущали некоторые изречения Христа из Евангелия от Иоанна, например: Я не сужу никого; А если и сужу Я, то суд Мой истинен (Ин. 8, 15—16). Дальнейшее обоснование (Ин. 8, 16—17)

---

* Мудрое незнание, ученое незнание (*лат.*).

ноуменально истинно, логически абсолютно неубедительно и бессмысленно. И вот сейчас я понял fascinans* этой логической сверхбессмысленности: Я не сужу, а если и сужу, то суд Мой истинный.

«И знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете» (Ин. 7, 28). Смысл такой: и знаете Меня и знаете, откуда Я, и не знаете Меня и не знаете, откуда Я. И снова: можно истолковать ноуменально, ноуменальное противоречие останется, но оно будет упорядочено логически, то есть приведено в логическую форму; ноуменальное противоречие все равно останется, но в логической форме. Но еще лучше оставить так, как есть, логическая сверхбессмыслица притягивает, фасцинирует.

Но остаются в Евангелии от Иоанна места, которые и сейчас меня смущают: гл. 11, 42, гл. 3 — конец. Мне кажется, что апостолу Иоанну здесь изменила память. 11, 42: свои мысли о Христе он бессознательно приписал Христу, в гл. 3: слова Христа — Иоанну Крестителю.

18.V. Вопрос и ответ — дихотомическое разделение, в каком-то отношении они противоположны, и формально-логически противоположность здесь контрарная, как да и нет, свет и тьма. А Христос и антихрист? Чисто контрарной ее нельзя назвать, потому что Христос — Богочеловек, а антихрист — тварь. Но ведь он противополагается Христу не как Богу, а как истинному человеку, тогда формально-логически, может, и контрарная противоположность. Но только формально-логически. Вообще же контрарная противоположность — теоретическая сублимация свободы выбора, то есть греха. Змий сказал Еве: а правда ли?.. Это классическая форма соблазна, принуждающая меня к ответу: да или нет. И оба ответа — грех, правильный: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Теоретически же — неопределенное отрицание, то есть контрадикторное, а не контрарное, истинность его предчувствовали, по-видимому, уже давно, назвав подобные суждения бесконечными. У меня — тожество апории, одностороннее синтетическое тожество. И противоположности, о которых я сейчас говорю, — только формально-логически контрарные, на самом же деле контрадикторные, ведь в ответе, который я увидел в вопросе, вопрос и ответ отожествились: я не знаю, что мне делать = я знаю, что мне делать. Это coincidentia oppositorum**, которую искал Николай Кузанский. И так же противоположности праведности и греха: чем больше праведности — больше греха, вины греха, в пределе при полной праведности — полная вина греха, полная вина греха уничтожает грех.

---

* Притягательность, обворожительность (*лат.*).

** Совпадение противоречий, противоположностей (*лат.*).

Теория дихотомического разделения — часть ТНЗ* (декабрь 1941). Дихотомические разделения, формально-логически контрарные, разделяются на противоположности только формально-логически контрарные, по существу же, или ноуменально, контрадикторные; и на контрарные и по существу, и последние тоже не однозначны, даже в одной области, только аналогичны. Например:

A	*B*
1. Синтез.	Анализ.
2. Соединение.	Разделение.
3. Выведение: от условия к следствию (Фихте 1794 г., Гегель).	Обоснование: от последующего к предыдущему (трансцендентальная дедукция Канта).
4. Эмоционально-волевой.	Интеллектуально-созерцательный.
5. Интровертированный.	Экстравертированный (Юнг).
6. Интенсивный.	Экстенсивный.
7. Через нигде — всюду.	Через всюду — нигде.

Эти противоположности неоднородные: одни — методологические, другие — трансцендентально-гносеологические, третьи — психологические. К ним можно добавить еще чисто логические: от основания к следствию и от отрицания следствия к отрицанию основания; modus ponendo tollens и tollendo ponens,** просиллогизм и эписиллогизм и др. Общее — все они говорят о двух способах понимания. Но в каждом делении граница между двумя способами другая, так что некоторые состояния в одном способе отойдут к *A*, в другом — к *B*. В некоторых же случаях, как, например, в разделении 3, выведение, которое в принципе относится к *A*, может оказаться в *B*, а обоснование — в *A*. Каждое деление зависит от интуиции, которую имеет разделяющий, от этого границы между *A* и *B* непостоянные. Критерий же правильности, мне кажется, один — хотя бы скрытая контрадикторность, а не контрарность и в основе, может, coincidentia oppositorum. Практически же осуществляется и проявляется очень различно. Например, интенсивное и экстенсивное: всякое разделение как сказанное уже соединено самим высказыванием, поэтому всякое ε-разделение только в намерении и в интенции экстенсивное, как сказанное же стало интенсивным. Тогда всякое высказывание как сказанное интенсивно, экстенсивно же в намерении. Поэтому противоположение неопределенное. Также мой

* Друскин Я. Теория нормальной законности философской системы. — 1942 г. — Личный архив.

** Модус разделительно-категорических умозаключений (*лат.*).

вопрос и ответ; вопрос сказан, ответ не сказан и как не сказанный есть тожество вопроса и ответа.

19. V. Веру, то есть свободу, я принимаю не свободно, а грех, то есть рабство, — свободно.

Во-первых, надо различать волю — Wille и желание — Wollen. Первое — свобода выбора, «я сам» и, как грех, тоже не принадлежит к естественному, то есть природному, второе — естественно.*

Во-вторых, желание веры, если это leidenschaftliches Wollen**, уже не естественно, потому что соединено с отречением от естественных желаний. Такое желание веры, как противоестественное, уже вера.

В-третьих, в естественном желании тоже надо различать:

а. Непосредственное, то есть без раздумия, удовлетворение своих естественных желаний. Это еще вне или до греха — adiaphora***.

б. Но у человека это естественное желание соединено:

α. С противоестественным желанием:

α1. Получить сверхудовольствие, то есть удовольствие, отсутствие которого не будет неудовольствием; тогда и возникает греховное, только человеку свойственное неудовольствие от невозможности получить удовольствие, отсутствие которого не будет неудовольствием.

α2. Утвердить себя, свое своеволие, свою Selbstheit, даже вопреки естественным желаниям и удовольствиям, в пределе — долг, категорический императив, чистая воля — грех в чистом виде.

β. С противоестественным ощущением греха:

β1. Естественного желания.

β2. Своеволия.

В-четвертых, рабство в грехе:

а. Удовлетворяя все свои прихоти и желания, я думаю, что я свободен. Это мнимая свобода, так как мое поведение в этом случае мотивировано, то есть детерминировано моими прихотями и желаниями. Даже если и ничто не помешает мне исполнять их, то в конце концов желания и удовольствия приедаются и наступает пресыщение. Тогда я вижу пустоту этой свободы — мнимая свобода.

б. Отказываясь от своих прихотей, желаний, удовольствий ради долга, категорического императива и пр., я чувствую себя свободным от своих страстей, получаю самоудовлетворение, то есть самодовольство, нравлюсь себе самому. Но, освободившись от рабства своим стра-

---

* См. также запись 16 апреля на стр. 375.

** Страстное желание (*нем.*).

*** Безразлично, безразличное (*гр.*).

стям, я стал рабом себя самого, своей Selbstheit, гипостазируемой под видом долга, категорического императива, чистой воли. В пределе это «я сам» — интенциальный полюс моего чистого своеволия — трансцендентальное ничто, и, освободившись от рабства страстей, я стал рабом своего ничто.

В-пятых, свобода во Христе:

пусть будет не моя, а Твоя воля. Уже не я живу, а Христос живет во мне. Абсолютная свобода.

В-шестых, свободен ли переход к вере, то есть к абсолютной свободе, свободно ли я принимаю свободу? Здесь надо различать:

а. Рабскую свободу следования страстям.

б. Рабскую свободу выбора.

в. Абсолютную свободу.

Тогда:

абсолютную свободу я принимаю вопреки своему естественному желанию (а) и вопреки своей свободе выбора (б). Что касается (в), то здесь я ничего не могу сказать: абсолютная свобода приходит ко мне, как дар с неба.

В-седьмых, свободен ли переход к греху и рабству?

а. Рабская свобода следования страстям — рабство.

б. Рабская свобода выбора — рабство.

в. И все же я ощущаю и чувствую свою абсолютную ответственность даже в случае непреодолимости соблазна, даже в случае вины без вины. Тогда переход, то есть акт принятия соблазна, акт перехода к греху и рабству, абсолютно свободен.

Вывод. С естественной точки зрения переход к абсолютной свободе абсолютно не свободен, так как совершается против моей воли; переход же к греху и рабству свободен, так как совершается по моей воле. С абсолютной точки зрения переход к абсолютной свободе — дар мне от Бога, переход же к греху и рабству абсолютно свободен. То есть:

переход к абсолютной свободе не свободный, переход к рабству — свободный. Я могу только грешить [но тогда это рабство] и быть рабом, абсолютную свободу дает Бог.

20.V. Из дневника Кьеркегора: у меня есть подруга, с которой я никогда не скучаю: эта подруга — моя Schwermut. — Все же в этих словах есть любование своим страданием. У меня этого нет. Пока страдание не доходит до некоторой критической предельной точки — мне не до любования, так это нехорошо и тяжело. Когда же доходит — это радость страдания. Тогда нет места любованию, потому что и я сам — уже не сам: не в себе, не один. Тогда Его крест — мой крест и я чувствую меч, пронзивший душу Девы Марии, душу Богочеловека, в моем мече и пронзении души я чувствую Его меч, я проникаю в душу самой

жизни, это жизнь, о которой Христос сказал: Я есмь путь и истина и жизнь <Ин. 14, 6>. Это радость-страдание: mysterium не только tremendum, но и fascinosum*.

23. V. Г. Марсель сказал: если бы не было умерших (то есть люди не умирали бы), мир был бы пустым и мертвым. — Это частный случай более общего: если бы не было бессмыслицы, жизнь была бы лишенной смысла, бессмысленной, плоской. Введенский — звезда бессмыслицы,** Кьеркегор — абсурд, парадокс. Апостол Павел — безумное Божие: крест — соблазн для воли, безумие для разума; кто хочет быть мудрым в веке сем, будь безумным. Это безумие, звезда бессмыслицы — тайна, чудо и создает в жизни несколько планов, тогда жизнь имеет тайный, чудесный смысл. Когда в искушении или унынии не видишь звезды бессмыслицы, видишь только один план жизни — естественный, одну плоскость и жизнь становится плоской, бессмысленной.

24. V. Сон: уже сколько дней никаких известий — ни телеграмм, ни писем. М. ходил куда-то узнавать — ничего не узнал, теперь пошла Л<ида>. Мама очень волнуется. Я чувствую: случилось несчастье, непоправимое, не вернется. Кто? — Беспредметный страх, беспредметное несчастье.

Кьеркегор (Phil<osophische> Brocken, Unw<issenschaftliche> Nachr<ichten>***) тоже предлагает какой-то порядок жизни: Innerlichkeit, а внешне «как все». Добротолюбие — свой порядок. Меня смущает естественность всякого порядка. Но возможна ли чисто внутренняя Innerlichkeit или тожество ответа и вопроса в вопросе без всяких правил и порядка? Атональность необходимо завершилась в додекафонии. А атональность жизни?

25. V. Может, я и не прав в нападках на восточное монашество и православие, но меня смущает их педагогичность — воспитание, естественное воспитание. Естественность и физические желания сами по себе ни хороши, и ни плохи, и ни стыдны. Их стыдно, когда они встречаются с духом, то есть с духовным. А не столкнуться с духом они уже не могут. Самое же стыдное, если они преодолеваются не верой, а условностями воспитания — привычкой и правилами приличия — или физическими упражнениями, физкультурой и пр. Стыдно, что не вера, а какие-либо естественные, привитые воспитанием условности или фи-

---

* Притягивающая (*лат.*).

** См. библиогр. [31], с. 549—642.

*** «Философские крохи», «Ненаучные вести» (*нем.*).

зические упражнения, пусть даже пост и аскетизм, а не вера и молитва побеждают блудного беса. Уж лучше тогда последовать примеру Оригена. На каком-то соборе было постановлено: анафема тому, кто избегает брака не ради соблюдения святого девства, а из брезгливости. Это хорошо. Но тогда анафема всякому, кто избегает греха в свободе выбора, то есть своим решением, когда между целью и мною самим я ставлю какое-либо средство. Тогда анафема всем. Само **чтобы**, само **ради чего-либо** — грех. Пост и аскетизм ради чего-либо нехорошо. Пост не средство, и, перефразируя Спинозу, можно сказать, что пост не требует награды, а сам есть награда, так как пост — непрерывная молитва. Но ради чего-либо — корыстный. Тогда преодоление чего угодно постом так же стыдно, как преодоление физкультурой или условностями приличий. Может, и Кьеркегор имел это в виду, когда возражал Гегелю и его Meditierung*. Все , что стоит между мною и целью, то есть Христом, — ложь. Тогда стыдно, когда что-либо, какое-либо человеческое **чтобы** приближает меня к Богу. Оно и не приближает: между мною и Богом только Сам Бог — Богочеловек. Симеон Новый Богослов и др. говорят о погружении ума в сердце. Это хорошо. Но затем они советуют для этого технические физические приемы: опустить голову, задерживать дыхание и другие правила, — это уже профанация. Епископ Феофан сравнивает смену утешения искушением, живой молитвы с ее ослаблением, с естественным утомлением после бодрости. Снова сравнение и объяснение сверхъестественного естественным. Если ослабление живой молитвы происходит от естественного утомления — это стыдно, тогда и вера только естественное самовнушение. Все эти соблазны я знаю практически, но борьба с ними, технические приемы и советы борьбы, вообще все естественное — все это, во всяком случае в принципе, а часто и практически, хуже, чем просто соблазниться. Преодолевать соблазн естественными приемами, может быть, больший грех, чем непосредственно соблазниться. Второе — человеческая слабость, а первое — предательство самой веры, хула на Духа Святого, и в этом часто повинно православие — религиозная педагогика естественна.

Вера — атональное состояние, атональность жизни: между небом и землей. И здесь два соблазна: вообразить, что я уже на небе, тогда нет никаких правил. Но это гордыня или мечтательность и бесовское парение мыслей. Или избрать какой-то порядок жизни. Но тогда я уже на земле, а не между небом и землей: во-первых, само избрание, то есть выбор, приковывает меня к земле; во-вторых, сам порядок, все равно какой, по самой природе своей как порядок — естественный, религиозная педагогика тоже естественная. Тогда и возникает вопрос: что же

---

* Медитация (*нем.*).

мне делать? Я нашел ответ в самом вопросе, сам вопрос и есть ответ, тожество вопроса и ответа. Это чудо, я стою как перед чудом. Но сколько можно стоять перед чудом?

М. говорил: быть при деле. Это верно до какого-то времени. Но в конце концов приходит главное дело, и это главное дело — быть не при деле. Это не безделие, и я не говорю: не быть при деле, но:быть не при деле. Это атональное состояние, атональность жизни, но не безразличие, не апатия, не бесстрастие, как говорят восточные монахи, а, наоборот, бесконечная заинтересованность, страстность, Leidenschaft. Может, она и создает или есть додекафонный ряд атональной жизни. Нашел ли я его? Я ищу его. Может, эти поиски и есть тот ряд, который я ищу, это и значит, что сам вопрос есть ответ, но я часто избегаю быть не при деле и уже не могу быть при деле.

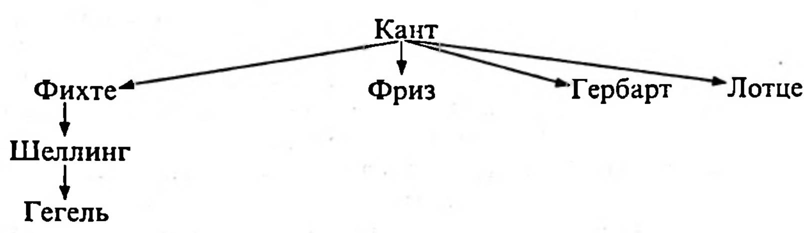
Игнавия, которая бывала у меня до 16.X.63, — это невозможность и быть при деле и быть не при деле. Д. И. переживал ее сильнее меня, потому что у меня была лестница Иакова: я мог быть при деле.

30.V. В додекафонной музыке серия может быть даже не слышна и все же она организует всю музыку, создает единство и смысл и в конце концов обнаруживается; так и в истории: эмпирические, большей частью корыстные причины определяют ее ход, и все же в конце концов осуществляется воля Божия: Провидение — серия, определяющая ход истории. Государство Израиль создано англичанами, должно быть, из любви к нефти, а не к избранному народу. Но я думаю, в результате этого там, где свершилось первое пришествие Христа, свершится и второе, и народ, к которому Он пришел, придет к Нему. Вообще вся история Израиля — чудо: серия, определяющая всю историю человечества.

2.VI. Антоний Великий: если Божественная благодать не находит препятствий своим действиям в сердце человека, она искореняет из души его все страсти. — Но ведь именно страсти и препятствуют действию благодати. Получается круг. Если же сказать, что не препятствовать значит пожелать открыть сердце для действия благодати, то ведь «хочу одного, а делаю другое» (Римл. 7, 15). Могу ли я сам, своими силами не препятствовать действию благодати? Обычный синергетический ответ, пытаясь совместить тезис и антитезис, уничтожает и действенность благодати и мою свободу. Из круга выхода нет, он прорывается именно в невозможности порвать его: невозможное для людей возможно для Бога. Но два соблазна остаются: порядок, правила, естественность — быть при деле, и второй: трудность, невозможность всегда быть не при деле, от этого гордыня или мечтательность, то есть гордость мирская и похоть очей (1 Ин. 2, 16).

3. VI. Неверно: гордость мирская не от второго соблазна, а от первого: когда человек при деле, тогда и бывает, что мое делание дела замещает мое дело, то есть центр тяжести переносится с дела на мое делание этого дела, и хуже всего, когда это бывает при деле Божьем: стремление к воле Божьей переходит к утверждению своей собственной воли, желающей осуществить волю Божью, от веры в Бога переходишь к вере в свою веру в Бога. От второго же соблазна — над- или сверхмирская гордость: смирение паче гордости.

7. VI. В истории философии, а может, и вообще в жизни есть закон: философ увидел что-то новое, новую философскую или философско-религиозную интуицию, вернее, увидел то же самое, но иначе, так что то же самое, что всегда было и есть, но скрылось за человеческими словами, стало снова явным, и то, что увидел, изложил. Реальная интуиция всегда заключает в себе некоторое противоречие. Это противоречие не от неспособности автора, а ноуменальное: реальность не укладывается в сетку рациональной, то есть павшей в Адаме, мысли, она не рациональна и не иррациональна, а арациональна. Последователи и продолжатели философа находят у него ошибки, противоречия и постепенно освобождают от них его систему. На какой-то ступени исключения противоречий обнаруживается, что система, освобожденная от противоречий, вполне последовательно развивающая мысли или одну какую-либо мысль ее автора, пуста: она потеряла свое реальное ядро, просто ничего не объясняет и не нужна. Если бы это исключение противоречий было бы доведено до конца, то система свелась бы к тавтологии: *А* есть *А*. Но и в основании системы не одна, а несколько несовместных мыслей, поэтому из одной системы возникает несколько философских школ и каждая уже упрощает основную интуицию: Кант и кантианцы.

Наконец Либман отбросил и вещь в себе и софистику Гегеля, тогда от системы Канта уже ничего не осталось: популярная позитивистская философия науки.

Это закон не только истории философии, но и вообще духовной жизни и также жизни человека. Фихте к 1800 г. увидел, что его освобождение кантианства от противоречий и последовательное проведение мыслей «Критики» опустошило ее от реального содержания. И

каждое новое «Наукоучение» кончалось банкротством — в этом его заслуга: генезис и его отмена, которую он ввел в одном из последних «Наукоучений».

Система не должна быть повсюду плотной, то есть вполне рационализированной и последовательной. Это относится и к жизни: должны быть пустые места — промежутки, щели. Тогда приходит Бог и заполняет их, тогда система и система жизни реальна и плодотворна. Гегель не оставил ни одной щели для Бога, поэтому его система мертва. Абсолютная идея, ее самоотчуждение, Meditierung, диалектика и пр. — суррогаты Бога, творения мира, грехопадения, спасения. Он говорит о Боге, но столько наговорил о Боге и Его деле, что Богу уже нечего было сказать. Поэтому его система мертва — дело рук человеческих. Повсюду плотная система пуста.

В 1933 г. я нашел термин: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Я искал его, кажется, больше 6 лет. Я чувствовал и тогда его религиозный смысл, полностью ясен он стал позже: прообраз погрешности — вочеловечение Бога, крест. Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного. — Погрешность первоначально и была именно погрешностью, но истинное равновесие и есть равновесие с небольшой погрешностью. Погрешность — страдание и боль бытия: и твою душу пронзит меч. Но затем я пытался ввести погрешность в систему: до какой-то ступени (до осени-зимы 1934 г.) погрешность углублялась, но затем пошло упрощение и абстрагирование — человеческие слова, и я бросил писать до 40—41 гг. Еще до этого, в 28—30 гг., я нашел ту же погрешность под другим названием (апория), но затем началась произвольная систематизация, пока сон о Георге* не обнаружил ее ложь. Человек если и становится на путь истины, быстро сползает в ложь.

В том, что я писал в последнее время, есть реальное ядро. Я повторяю его для себя, чтобы не впасть в пустое абстрагирование. О том, что естественное стыдно, писал еще Плотин: он стыдился своего тела. Но это еще интеллектуализм Платона. Шпет исправил: человек стыдится не своего тела, а своей души. И то и другое верно, но я имел в виду другой стыд. Стыдно, что не вера, а часто какие-то естественные технические приемы и естественные правила приличия и воспитания возвышают меня над моим телом и над моей душой; причем часто более успешно, чем вера. Это относится и к монашеству: монах, как и Плотин, стыдится своего тела. Чтобы овладеть им, он, как и Плотин, не моется, боится даже коснуться тела не только своего ближнего, но и своего, прибегает к техническим приемам. Это предательство веры.

---

* См. примеч. 13.

Я говорю не о стыде перед естественным, хотя боюсь и стыжусь его. Я говорю о другом стыде: мне стыдно, что некоторый порядок жизни, а всякий порядок, даже монашеский, естественный, мне стыдно, что часто естественный порядок оказывается более успешным для достижения Божьей цели, чем моя вера. Мне стыдно, что, когда я иду к Богу, между мною и Им не Он Сам, Богочеловек, а что-либо другое. Но все другое, что не Он, — ложь. Всякое средство для достижения последней цели не ведет к ней, а исключает ее. Тогда уже не Он тащит меня к Себе, а я сам иду к Нему. Но тогда не к Нему, а к Князю мира сего, я сам только бегу от Него.

Я не могу сказать, что отрицаю монашество. Я люблю и почитаю Макария Египетского, Исаака Сирианина. Но меня смущает их религиозная, но все же естественная педагогика и интеллектуализм. Я не отрицаю ни поста, ни аскетизма. Апостол Павел постился и знал аскетизм, и Христос 40 дней в пустыне постился. Но тот же апостол Павел сказал: я убежден Господом моим Иисусом Христом, что все, что Бог сотворил, хорошо, и что Царствие Небесное не еда и не питье. И все же постился, потому что пост — непрерывная молитва. И он же сказал: многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. — Тогда уже не до еды. И еще: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира. Но пост по правилам он отрицал (Римл. 14, 14—20), так же как и Христос. И тела не боялся, вера ничего не боится. Он же говорил: встречайте друг друга святым целованием. А Исаак Сирианин говорил: не прикасайся даже к своему телу.

Я пишу сейчас, чтобы предупредить у себя некоторые ложные тенденции, которых почти невозможно избежать, даже когда видишь истину. Слово стало плотью. Тогда Оно вобрало в Себя и естественный порядок и его не может не быть. Отрицание его — интеллектуализм Платона и только другой полюс того же естественного порядка. В этом смысл вочеловечения Бога. И в то же время этот естественный порядок уже не должен быть естественным — именно потому, что Слово стало плотью. Это реальное экзистенциальное противоречие Благой вести, экзистенциальное противоречие верующего в Слово, ставшее плотью, экзистенциальное противоречие самой жизни. Отрицая первое, я возвращаюсь к языческому абстрактному дуализму души и тела, как, например, у Парменида или Платона. Отрицая второе, я приду к языческому пантеизму или к натурализму языческих народных религий. Предохраняет от этого некоторый стыд, когда я замечаю, что естественное помогает мне успешнее, чем моя вера. Тогда я говорю: уж лучше я буду самым последним грешником, чем богохульствовать, потому что спасение естественными путями — хула на Духа Святого, которая не прощается ни в этом, ни в будущем веке. Спасает один только Бог, спасает верой в Него, а не в естественный порядок и правила.

Это первое, что я хотел сказать. Это абсолютно ясно, и абсолютно противоречиво, и абсолютно истинно, потому что Слово стало плотью.

Второе. Я не могу жить на земле ни в каком порядке, потому что и беспорядок — некоторый порядок. Я не могу быть ни при каком деле: и безделие — некоторое дело. И все же: я стремлюсь **быть** не при деле. Но стремление быть не при деле — дело? Я стремлюсь достигнуть Христа, как и Он достиг меня, — вот что значит быть не при деле. Но это не значит не быть при деле, то есть в праздности и безделии. Апостол Павел и не будучи при деле был при деле. Один только Христос полностью был не при деле: лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. Не иметь, где приклонить голову, — это и есть: быть не при деле. Но монах имеет, где приклонить голову, — не келья, не пустыня, а его правила монашеской жизни, порядок жизни. Не жизнь его смущает меня, а правила жизни, вынужденные правила, порядок, хотя бы и свободно выбранные, но все же выбранные. Что же делать? Ни правил, ни предписаний я не даю и не знаю. Всякое предписание, правило, всякий ответ создаст и уже есть естественный порядок, само желание получить какой-либо ответ — от желания найти, где приклонить голову. Ответ — Благая весть, Сам Христос, без всяких правил. Как увидеть его? Я увидел его, то есть ответ, и Его — Христа в самом вопросе, в котором вопрос и ответ — одно и то же. И тогда я уже действительно не имею, где приклонить голову, я уже есть не при деле. И это — третье: атональность жизни и серия ее — вопрос: что мне делать? И ответа нет — не в поверхностном скептически-нигилистическом смысле, а в ноуменальном: вопрос и есть ответ. Сам Бог говорит мне неизреченными словами. Тогда я молчу.

10. VI. Слово стало плотью. Тогда и возник последний соблазн: Само Слово стало соблазном. Этот соблазн двойной.

Стремясь к какому-либо порядку жизни, хотя бы самому религиозному, суровому и аскетическому, монашескому, я остаюсь в естественном порядке и имею еще где приклонить голову. — Это первый соблазн.

Второй. Избегая всякого порядка, чтобы быть не при деле и не иметь, где приклонить голову, я могу впасть в праздность и не **быть** не при деле, а только не быть при деле, то есть впадаю в праздность, малодушие, похоть очей и уныние или в мечтательность, бесовское парение мысли и смирение паче гордости.

В обоих случаях я теряю Божественную атональность жизни: в первом случае — непосредственно вводя какую-либо человеческую тональность. Во втором — отказываясь от всякой человеческой серии, вводя-

щей порядок в атональность жизни, я могу впасть в импрессионистический беспорядок, который тоже есть порядок, то есть человеческий порядок. Я дважды подчеркнул слово м о г у. М о г у, как возможность, уже есть естественный порядок, то есть когда м о г у, то уже и пал. И в то же время это м о г у есть состояние некоторого неустойчивого равновесия, равновесия с небольшой погрешностью — между небом и землей. Дух дышет, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ин. 3, 8). Но нельзя дать совет или императив: прислушивайся к Его голосу, — это может привести к квиетизму. Просто слушай Его голос. Но это не императив. А когда не слышу? Мучайся, мучай себя.

Мучить себя — это и значит: искать, просить, стучать. И все равно не я ищу, прошу и стучу, а Он ищет, просит и стучит за меня. И в Апокалипсисе: Се, стою у двери и стучу. Правда, дальше сказано: кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему. Но и дверь-то отворить я сам не могу, сколько бы ни хотел. Я сам боюсь и именно не хочу отворить дверь Ему. Вернее: и хочу и не хочу; и не могу и могу. Когда м о г у — именно не могу, м о г у — потенциальность, возможность, естественность. Именно в невозможности, когда уже всего лишился и ничего не могу, через невозможность и через н е м о г у отворяю.

Все религии учили, как надо и как можно спастись. Только Христос сказал: невозможно спастись. И только через невозможность совершается невозможное.

11. VI. Дух дышет, где хочет... — Когда я слышу Его голос, я пишу. Надо слышать и не писать, писание — уже при деле. Вот этим и притягивает монашество. Они годами слушали и не писали и только иногда, когда уже научались всегда слышать Его голос, — писали. Но у очень многих (даже у И. Лествичника или Ефрема Сирина), даже у Исаака Сирианина есть много совсем не Евангельского. Потом — их правила, это уже при деле.

Быть не при деле, не иметь где приклонить голову, оставить пустоты и щели, куда войдет Бог. Но всю жизнь сделать одной этой щелью, пустотой? Но апостол Павел говорит, что только в конце, когда будет побежден последний враг — смерть, только тогда будет Бог все во всем. А до этого мечты о пустоте — буддийский нигилизм или античный абстрактный интеллектуализм.

То, что я записал недавно о игнавии, неверно, это уже абстрагирование. В игнавии именно было желание быть при деле, но при главном

деле и от этого невозможность быть при всяком другом деле. Но еще не было сознания того, что главное дело — быть не при деле. Может, Д. И. уже сознал это, когда желал зажечь беду вокруг себя*. Это уже быть не при деле, не иметь, где приклонить голову.

12.VI. Жизнь — откровение некоторой тайны в ее сокровении и сокровение ее в откровении. Прообраз — вочеловечение Бога. Если сокровение намеренное, то игра: быть при деле. Если не намеренное, то ноуменальное бесстыдство перед Богом: быть не при деле, не иметь, где приклонить голову. Правила монашеской жизни тоже игра, я не унижаю этим монашеской жизни, серьезная ноуменальная игра — чудо, подобное творению мира. Дети хорошо понимают это: они играют вполне серьезно, с Leidenschaft, и все же понимают, что это «как будто бы». Это «как будто бы» не менее реально, чем внешняя правда жизни, может, даже более реальна. Игра имеет разные правила, не менее точные, чем законы природы, и во всяком случае более священные. Поэтому дети так возмущаются, когда кто-либо нарушает правила игры, — это кощунство. Игра бескорыстна, корыстная игра — суррогат игры, ложь. Поэтому мастер игры Д. И. так не выносил игры на деньги, вообще корыстный подход к чему-либо. Но самое последнее — это уже ноуменальное бесстыдство перед Богом, последняя степень серьезности, конец игры: быть не при деле — последняя степень тайны бессмыслицы и чуда. У Д. И. — зажечь беду вокруг себя. Здесь уже кончается игра, кончается жизнь.

Кибернетика — теория получения и сообщения информаций, то есть правила. Затем возникла теория игр и стратегий, не только развлекательных, но и жизненных. Если есть правила, есть и игра, по-видимому, в этом же смысле Ол<ейников> сказал, что жизнь — игра, то есть теория и практика стратегий. Но Христос освобождает от всяких правил и теорий: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны <Ин. 8, 36>, — эта свобода и есть «быть не при деле», не иметь, где приклонить голову, атональность жизни.

13.VI. Сегодня во сне я получил ответ, вернее намек на ответ, на вопрос, который я задал 3 года тому назад. Вопрос этот аналогичен вопросу саддукеев Христу: у женщины было 7 мужей: они были братья, и когда умирал один из них, другой, по иудейскому закону, брал ее в жены. Чьей женой будет она по воскресении? Христос ответил: в Цар-

---

* Из творений епископа Феофана (см. библиогр. ссылку на стр. 60). Эту фразу часто повторял Хармс в последние годы жизни.

ствии Небесном не женятся и не выходят замуж. Но ведь брак не только физическое сожительство, но и духовное, чьей духовной женой будет она по воскресении? Мой вопрос — о увядании и ветхости чувств. Сон дал мне в лицах намек на ответ, я понял это сразу же, просыпаясь. Я не записал сон и не помню подробностей, помню только, что было три участника: мама, папа и я, то есть мать, отец и сын, и это существенно для сна и не случайно фантазировал Фрейд на эту тему. В этом сне в лицах я увидел ответ на вопрос, возникающий у каждого человека: что значит эта борьба с некоторой силой, создавшей меня, с некоторой необходимостью, противостоящей мне? Я не понял, а увидел: противодействие, борьбу, примирение. С кем? В конце концов с Богом. Это только намек на ответ и только часть общего ответа на общий вопрос всякого человека о единственности его души, неотделимой от единственности его личного отношения к другому человеку, о единственности, тогда и бессмертии души, неотделимой от бессмертия или, лучше, вечности личного отношения. Потому что душа и есть единственное и личное отношение ко всему, что она имеет. Как совместить эту единственность личного отношения с множественностью их во времени, с ветхостью и увяданием чувств? Намек на ответ: 1. Несовместность, ветхость и увядание чувств — тяжесть и боль бытия — скорбь, через которую входят в Царствие Небесное. 2. Сама несовместность *А* и non *А* и есть предельность мысли, сам вопрос имеет смысл только в предельной мысли, но ответа в предельной мысли и не может быть, предельность мысли и есть необходимость вопроса и невозможность ответа, но только в предельной мысли, пока видим отчасти, как бы через тусклое стекло, поэтому практически ответ — скорбь, через которую входим в Царствие Небесное.

Я вспомнил еще апорию из «Исследования о критерии»: ведь тожественная сторона будет тожественной и абсолютной именно как тожественная нетожественной стороне, как *одно два**. И еще вспомнил душевное и духовное тело апостола Павла <1 Кор. 15, 44>. Но все же тело, и именно то тело, которое сеется в тлении, воскресает в нетлении. И Христос говорит: если семя не умрет, то не даст плода <Ин. 12, 24>. Саддукей, и в каждом из нас и во мне сидит этот саддукей, ветхий Адам, бесплоден, поэтому и задает вопрос и не видит в самом вопросе ответ.

Снова я только точнее определил вопрос, но ответа не даю. Но ответ в самом вопросе: то, что я задаю вопрос, само возникновение у меня вопроса, необходимость вопроса и невозможность ответа в предельной мысли и есть ответ, абсолютный ответ. Когда же не вижу его — я бесплоден.

---

* См. примеч. 22.

15. VI. Мне всю ночь снился один и тот же сон в разных вариантах. Во всяком случае так мне казалось утром. Мне даже казалось, что этот сон снится мне каждую ночь, уже много ночей. Передать его, даже когда я просыпался, было очень трудно. В последний раз, чтобы не забыть его, я запомнил слово «жадность». Но это не был сон о жадности, по-видимому, слово «жадность» только фонетически ассоциировалось с этим сном. Он был как бы двойной. Просыпаясь, я подумал: хорошо, если запомню хотя бы один из двух элементов сна. Второй элемент ассоциировался с каким-то словом, в которое входили буквы Т и У: туча? утешение? потустороннее? Сейчас помню только одно: кто-то собирается куда-то ехать, для этого приготовлена небольшая тележка — просто очень маленькое кресло. Я тоже хочу поехать с кем-то и собираюсь ехать в моем кресле, в котором обычно сидела мама. Но вспоминаю, что дорога очень неровная и в одном месте очень узкое ущелье, мое кресло пройти не сможет. Что делать? Ответа не было.

16. VI. Увеличение с возрастом и смертями радиуса жизни до бесконечности и есть атональность жизни: я не чувствую себя в жизни как дома. Но одновременно в этой неуютности жизни на всеобщих развалинах и обломках я вижу некоторую абсолютную твердость и прочность — то, что я писал еще в «Вестниках». Тогда Божественная атональность жизни. Это уже давно, впервые весной 1911 г., когда еще не было ни развалин, ни обломков.

В молодости, после июня или июля 1911 г., когда я впервые почувствовал неуютность жизни, я еще долго стремился к ней, то есть к уютности жизни — чувствовать себя в жизни как дома, хотя и безуспешно. До 16.X.63 все же был еще экстенсивно небольшой, интенсивно бесконечный кусочек жизни, где я чувствовал себя как дома: 1. Мама. 2. То, что я писал. Поэтому радиус жизни еще не был бесконечным, хотя 12.I.62 возрос очень сильно и я перестал писать. Сейчас нет ни первого, ни второго. Нет и стремления к сокращению радиуса жизни, когда же нахожу еще остатки этого стремления, то стыжусь. Вместо этого соблазн: как удержаться в неустойчивом равновесии, не впадая в уныние, праздность и бесовское парение мыслей?

Тональная серия в монашестве не их жизнь — в жизни, может, многие имели и атональную серию, — а правила жизни. Как жить правильной жизнью без правил? Как сообщить другим правильную жизнь, но сообщить вне правил?

По сравнению с другими религиями Христос дает и наиболее определенный ответ и наиболее неопределенный ответ. Наиболее неопределенный: от всего освобождает, не иметь, где приклонить голову. Наиболее определенный: Сам Христос; взять свой крест, именно свой (Сейн)<sein? — свой (*нем.*)> и в своем найти Его Крест. Неопределен-

ный: в чем мой крест? Определенный: в каждом определенном случае я знаю, что мне делать, в чем мой крест. Неопределенный: в некотором, а тогда в каждом определенном случае я не знаю, что мне делать. Сама эта смена определенности — неопределенности неопределенна. Но в этой неопределенности — определенность: Божественная атональность жизни.

19. VI. Евангелие — неисчерпаемый источник, каждый век и каждый человек находит в нем то, что ему нужно. Если атональность жизни характерна для нашего времени, то сказана тоже в Евангелии, но сейчас обнаружена, вернее обнаружена по-новому:

Мф. 5. 8 блаженств, вообще вся Нагорная проповедь.

5, 39. Не противься злому. — Тем более доброму, просто не противься.

5, 44—45, 48.

6, 3. Пусть левая рука не знает, что делает правая...

О милостыне, о молитве, о посте. Никаких правил, все — тайно и «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (6, 4). И Сам Отец — втайне (6, 6).

6. 25, 31—34. Не заботьтесь...

Ин. 3, 8. Дух дышет, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: **так бывает со всяким, рожденным от Духа***, то есть почувствовавшим Божественную серию жизни.

3, 34. ...Ибо не мерою дает Бог Духа.

6, 28—29. Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: **вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал.****

8, 36. ...Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. — Освободит от свободы выбора, от «быть при деле».

15, 19. ...А как вы **не от мира**, но Я избрал вас **от мира*****.

Гал. 3, 13. Христос искупил нас от клятвы закона.

1 Кор. 7, 29—31. ...Время уже коротко; так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.

---

* Выделено автором.

** То же.

*** То же.

25. VI. Писать вещь — тоже быть при деле; в писании, то есть в творчестве, я нахожу, где приклонить голову. Раньше вещь, которую я писал, была, как я говорил, стеклянным кораблем: я в нем, меня никто не видит, я проникаю всюду, все вижу — Verborgenheit*, замкнутость, безопасность. В вещи, которую я писал, я расширял радиус жизни до бесконечности — это и есть Божественная атональность, я не боялся расширять его до бесконечности; но в жизни — боялся: сама вещь, как вещь, завершенная, законченная вещь, была сокращением радиуса жизни. Поэтому тщательно отделывал то, что писал. Отделывание и было сокращением моего экзистенциального радиуса, то есть радиуса моей жизни, сама запись вещи уже есть сокращение экзистенциального радиуса. Но здесь ноуменальное противоречие: запись-фиксирование высказывания моего существования, оно необходимо и для бесконечного расширения радиуса жизни, но необходимо связано с чувственным знаком, а не только с сверхчувственным: чувственный знак сокращает экзистенциальный радиус, но без чувственного знака нет фиксации и не может быть и бесконечного расширения экзистенциального радиуса.

После 16.X.63 мне стало неинтересно отделывать свои вещи. Не только неинтересно, но и стыдно, когда я иногда переписывал и отделывал («Взгляд», «Три искушения Христа в пустыне»), даже страшно («Ви́дение»): радиус жизни уже не может сократиться, произвольное сокращение его нечестно: лицемерие и фарисейство.

И то же самое в монашестве. Не в жизни монах имел где приклонить голову, не в келье или пустыне — где-то, в каком-то месте человек должен жить, пока он на земле, — а в правилах его жизни. Порядок и правила монашеской жизни — вот соблазн.

26. VI. М. Брод о Кафке.** Две возможности:

1. Перевести поэтический план в эмпирически-психологический, жизненный.

2. Перевести эмпирически-психологический, жизненный план в поэтический.

Из «Свердловских трактатов»***: есть **это** (наша эмпирическая жизнь) и **то** (другая жизнь, невидимо, а иногда и видимо присутствующая уже и в этой). Первый путь: видеть и **то** как **это**, второй — увидеть и в **этом** — **то**. Первое — психологизм всех родов, включая и фрейдизм, психологизм в гуссерлевском смысле. Второй — обнаружить Провидение в жизни. Брод и **то** видит как **это**. Розанов в автобиографических

---

* Защищенность, сокрытость, сокровенность (*нем.*)

** Brod Max. Franz Kafka. Fischer Bücherei, 1963.

*** См. примеч. на стр. 96.

сочинениях и это видит как то. То — Божественная атональность жизни. На первом пути вносят человеческую тональность. Поэтому большинство биографий и воспоминаний так неприятны и почти ничего не дают для понимания творчества.

Брод защищает Кафку. И оправдываться и оправдывать глупо и неверно и по человеческим и по Божеским законам. Правильно: нападать или сдаваться. Иов нападал на Бога, потом отступил: отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе. И то и другое правильно.

29.VI. «Поскольку христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу и его личность...» Что самое дорогое и что самое ненавистное? И не самое ли дорогое самое ненавистное и самое ненавистное — самое дорогое? Какая свобода: произвол? свобода выбора? Wollen или Wille?* Какая личность: эмпирическая? трансцендентальная? сокровенный сердца человек? Удивительно, как через 1900 лет христиане все еще игнорируют слова Христа: возненавидеть свою $\frac{\text{душу}}{\text{жизнь}}$; если Сын освободит вас, то вы истинно свободны. Ведь этой свободы человек не имеет сам от себя, именно бежит от нее, хотя и бесконечно заинтересован ею. А больше всего любит свою свободу выбора, то есть свое «я сам», и это же «я сам» самое ненавистное.

1.VII. Идея обожения (θέωσις) в сущности античная, рационалистическая, еще от здравого смысла: естественно, а не сверхъестественно. Единение с Богом через сходство или подобие — арианский принцип подобосущия. Единосущие именно через несходство, неподобие: во-первых, не подобие, а тожество в неподобном, во-вторых, только дар — ответственность, осуществляемая через свободу, которую дает Сын.

А. Дар мне абсолютной ответственности. Это акт Бога, в этом акте я абсолютно пассивен (1). Но абсолютная ответственность — абсолютная активность, поэтому: дар мне абсолютной активности (2). Но я тварь, этот дар мне не по силам, поэтому стал мне проклятием — свободой выбора (3), которую я сознаю как свою вину без вины (4).

Б. Абсолютная ответственность стала моей виной без вины, потому что я не могу ее не принять, так как Бог уже возложил ее на меня, а Он сильнее меня, и не могу принять ее, так как я сотворен и конечен. Это мое состояние в свободе выбора — тяжесть и боль бытия. Абсолютная ответственность и свобода — благословение, ставшее проклятием. Из этого состояния рабства в свободе выбора меня может вывести

---

* См. запись 19 мая на стр. 264.

только Бог, только Тот, Кто поставил меня в это состояние. Для этого Он и взял на Себя мою вину без вины. Но если бы Он сделал это как Бог (см. с. 289), то Он снял бы с меня навязанную мне абсолютную ответственность: убрав свое проклятие, Он убрал бы и Свое благословение. Бог взял на Себя мою вину без вины так, что она осталась моей виной, я отвечаю за нее, и в то же время она перестала быть моей виной. Это и есть вочеловечение Бога и искупление: Он взял на Себя мою вину без вины как человек. Тогда моя вина осталась моей виной и в то же время перестала быть моей виной, стала моей абсолютной ответственностью и свободой, то есть реализовала Божий дар мне. Поэтому Христос и говорит: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны: свободны от свободы выбора, то есть от рабства, от вины, от греха. Вочеловечение, искупление, снятие с меня вины — акт Бога, значит, с моей стороны — абсолютная пассивность. Но этим актом реализуется дар мне абсолютной ответственности, то есть абсолютной свободы и активности. Мне кажется, так реализуется противоречие благодати и свободы, то есть противоречие для разума становится тожеством несовместного. — Цитаты из Старого и Нового Завета.

I. Божий дар мне стал проклятием — рабство свободы выбора, суетной псевдоактивностью: всуе мятется всяк земнородный.

II. Вочеловечением Бога проклятие стало благословением — абсолютной свободой в Божественной атональности жизни.

7.VII. Я хотел переделать «Веру, которая не верит»*. Она плохо написана, но это самое главное, что было со мною после 16.X.63. Она поддерживает меня все время и дает силу жить, когда уже невозможно жить. Вчера, наконец, я взялся за нее, пытался исправить. Но у меня отвращение к делу. Это уже не игнавия, а невыносимое отвращение ко всякому делу, к быть при деле. Так как мне вряд ли удастся исправить и совершить это дело, то записываю то, что хотел поместить после цитаты из второй тетради 21—22.X.1964 г.

На кухне полпервого (21—22.X.64) ночи вдруг, без всякой подготовки мне пришла на ум не моя мысль — то, о чем, как говорит Исаак Сирианин, и подумать страшно. Я вернулся в комнату в полной растерянности, в полной опустошенности. Я подумал: сегодня, сейчас я лягу спать — о чем я буду думать перед сном? Мне не о чем думать, мне нечего думать, ничего нет. И так до конца моих дней: ничего нет. Я упал на колени, стал молиться. Я произнес несколько слов, восклица-

---

* Друскин Я. Вера, которая не верит. — 1964—1967 гг. — Личный архив. Это же название и вверху страницы дневника с данной записью — как заголовок.

ний. Они ничего не выражали. Что выражать, что просить? Ничего нет. Это была молитва, может, самая горячая за всю мою жизнь. Это был вопль — в полной тишине, в пустоте, в ничто, абсолютно беспредметный вопль. Потому что не моя мысль вытеснила меня. Я был не я. Я ясно видел: я не я. Я молился. Не я молился. Мы не знаем, о чем и как должно молиться. Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за нас. Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня.

Я молился. Не я молился. Я не мог знать, о чем молиться, ведь я был не я. Я, который не я, мог только вопить от страха, беспредметно вопить в полной тишине, пустоте, в ничто.

И свершилось чудо: Бог вернулся ко мне и вынул из меня не мою мысль.

Я назвал это состояние верой, которая не верит. Здесь есть разделение: вера и неверие. Здесь нет разделения: вера, которая не верит. Не неверие, а вера, которая не верит. Я записал: все висело на волоске, еле-еле держалось, уже обрывалось, уже оборвалось. И этот волосок оказался самым прочным основанием.

Я потерял веру вдруг, без всякого предварительного рассуждения или сомнения, без всякого основания или какого-либо повода, вдруг ее не стало, и я стал не я. Не стало? Нет, была вера, которая не верит, и она сдвинула гору.

Я стал не я. Но кто ужасался, кто отчаялся? Я. Я, который стал не я, который был не я. Потому что не моя мысль вытеснила меня. И все же этот не я был я. Был ужас и полное отчаяние. Но эти слова ничего не говорят. Была полная опустошенность, полная пустота, ничто. И в этой космической ноуменальной пустоте, в ничто — какая-то жалкая, ничтожная, затерявшаяся пылинка, вопившая от страха: я, который есть не я.

Я, который не я, уже не лицо, у меня не было лица, я потерял лицо: я был не я.

У Моисея, у Осии Бог говорит: вы ненарод, нелюди. В вере, которая не верит, Бога не было. Неверно: был, был небог. Я не знаю даже, как писать это слово: небог или Небог? Волос с головы моей не упадет без Его воли. Неужели такое случилось без Его воли? Бес шепнул мне не мою мысль, шепнул и так быстро исчез, что я даже не знал, что это был бес, что надо только сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но я этого не знал. Не моя мысль была беспредметна: беспредметно беспредметна. Сама мысль была тем предметом, который она выражала. Какой предмет? Небог. Эту мысль, этот предмет невозможно выдержать, вынести. Он опустошает меня; как цепная реакция, он

уничтожил бы меня, если бы Бог не убрал не мою мысль, если бы Бог не убрал небога. Кто этот небог? Никто и ничто. Не бес, не дьявол, не антихрист, никто и ничто. Бес только шепнул мне не мою мысль, и я увидел небога. Я ничего не увидел и не видел, я видел ничто, я был в ничто, в аду. И Бог вытащил меня из ада, из адского ничто.

Вера, которая не верит. Верит ли она? В кого? Кому? Не знаю. Знаю, что завопил в тишине, в молчании, в пустоте, в ничто; завопил, потому что не мог не завопить: я был в ничто, я был ничто.

Я не могу даже сказать, что просил веры. Я ничего не просил, не зная, не понимая, что случилось, почему, за что, зачем? Я ничего не просил, я вопил. Сам Дух неизреченными воздыханиями просил за меня.

К кому я завопил? Но к кому можно завопить, когда никого, ничего не осталось, ничего нет? Только к Богу, только тогда и воплю к Нему из ничто, когда все потеряно, ничего не осталось, одно только ничто, не модальное, не ограниченное, полное, абсолютное ничто, не μὴ ὄν, а οὐχ ὄν.

Я подумал потом: бес обманул меня — μὴ ὄν выдал за οὐχ ὄν. Но, может, бес был только сопутствующей причиной, causa efficiens, а последней — Бог? Потому я и говорю: я увидел небога и не знаю, как писать: небог или Небог? Я действительно увидел οὐχ ὄν, и ужаснулся, и отчаялся, и в этом ничто заново родился, Бог заново сотворил меня.

Все это я думал сегодня ночью, когда понял, что не могу уже совершить никакого дела, не могу быть ни при каком деле, могу быть только не при деле. И Бог снова пришел ко мне и снова сотворил меня, чтобы я не был при деле, но не был и в праздности, а был не при деле, не имел где приклонить голову. Благодарю Тебя, Господи.

8. VII. Разделение веры на веру, которая верит, и веру, в которую верят, пусть будет относительно экстенсивным. Потому что понимает веру психологически — как психологическое состояние, верующего — как субъект веры, Бога — как объект. Но Бог не объект, Бог — абсолютный Субъект, и субъект моей веры. Скорее я — объект; но и это неверно: в вере я получаю лицо, абсолютный Субъект дает мне лицо, то есть делает меня лицом, не объектом, а субъектом. Представление Бога как объекта — самое худшее лицемерие и неверие. В относительно экстенсивном разделении веры я верю уже не в Бога, а в свою веру в Бога, то есть в себя самого. Тогда веру, которая не верит, я назову абсолютно интенсивным состоянием, потому что это мое самое глубокое, самое сильное интенсивное состояние — вера, которая не верит, и все же самая сильная вера, сдвигающая горы. И это же — абсолютно

экстенсивное состояние, потому что наиболее полное абсолютное разделение: я — не я, я — в ничто, ничтожная, затерявшаяся в ничто пылинка без Бога; и Бог, оставивший меня, Бог, Которого уже нет для меня. Но и это еще слишком абстрактно: я в ничто, ничто меня; и Ты, Сущий, именно Ты, и так как Тебя нет со мною, совсем нет, то я потерял свое лицо, потерял себя: я — не я. Абсолютная несоизмеримость я и Ты, абсолютная пропасть между несущим и Сущим, так как без Ты я — ничто, какая-то невозможность, небог между мною и Богом, между я и Ты. И эта пропасть заполнилась Самим Богом, невозможное именно через невозможность осуществилось. Тогда абсолютно экстенсивное разделение стало абсолютно экстенсивным тожеством — то есть абсолютной реализацией Божественного безумия, сам термин «экстенсивное тожество» высказывает реальность экзистенциального противоречия Я что как ничто; не я, а Ты, тогда я снова получил лицо. Это именно новое рождение, новое сердце и новый дух, который Бог — Ты — вложил в меня.

9. VII. Вчера вечером я был свидетелем неприятной для меня ситуации, участниками которой были три человека *X, Y, Z. X* и *Y* были активными участниками, *Z* — пассивным, то есть страдательным лицом. Отношение *Y* к *X* меня не трогало, мне было очень неприятно отношение *X* к *Y*, так как оно было проявлением невнимания и бестактности к *Z*, значит, грехом. Вернее, я видел только проявление греха, носам грех, так как это был не мой грех, а грех моего ближнего, был еще неясен и непонятен. Потом я лег спать и думал о неприятной ситуации. Я сам не был заинтересован: если бы отношение *X* к *Y* (или *Y* к *X*) не затрагивали *Z*, эта ситуация была бы мне только непонятной, но у меня не было бы личной заинтересованности. Она появилась только потому, что мне завещано охранять *Z*,[23] а я ничего не мог сделать в данной ситуации; как и *Z*, я был абсолютно беспомощен и беззащитен против враждебной ей и мне активности, агрессивности жизни. Потом я стал думать о будущей, предстоящей мне через месяц или полтора, встрече. Мысли эти были мне приятны, я находил в них некоторую защиту от враждебной мне агрессивной активности жизни. Потом я заснул. Часа через два проснулся и снова долго не мог заснуть. Я вспомнил приятные мысли о будущей встрече, и мне стало стыдно. К чему мне эта встреча? Если я смогу оказать ей услугу, я окажу ее, но не она, а только Бог может защитить и защитит меня от агрессии жизни. В приятных мыслях не было ни похоти, ни вожделения, также не было, как мне казалось, и никакой сентиментальности или сентиментальной жалости к себе. И все же были: сублимация похоти, потому что небесная Афродита — сублимация земной Афродиты (как это было и у Сузо), и

сублимация сентиментальной жалости к себе, когда противостоящая мне жизнь агрессивно наступала на меня. Может ли быть вообще самое чистое душевное отношение мужчины к женщине не основано на этих двух сублимациях? Какими были отношения апостолов Петра и Павла к женщинам христианкам? Их советы об отношении мужей к женам, мне кажется, были основаны на личном опыте. У апостола Петра была жена, у апостола Павла, предполагают, было исключительно душевное отношение к диакониссе Фиве (Римл. 16), хотя он и не знал женщин. Мне кажется, только у Христа Его душевные отношения к Марии Магдалине и другим женщинам были вполне чисты от этих двух сублимаций. Но затем возникают вопросы: возможно ли вообще полное освобождение от этих двух сублимаций для человека, не для Богочеловека, а для человека? И не станет ли такое полное освобождение скопческим равнодушием и черствостью, как вполне равная любовь ко всем без всякого предпочтения, — безразличием и отсутствием любви? Женщина подверглась большему проклятию, чем мужчина, в ней есть бóльшая онтологическая страдательность и пассивность. Не создаст ли это повод для возникновения в грешнике — а всякий человек есть грешник — первой сублимации? Но сама пассивность и страдательность женщины возлагает бóльшую ответственность на мужчину, тогда уже на нем большее, хотя и вторичное, проклятие и он, защищаясь от агрессии жизни, ищет утешения уже не у Бога, а в самой ответственности, тогда и у женщины — скрытый инфантилизм и комплекс Эдипа, поэтому грех, и все же неизбежный, — тогда невольно склоняется ко второй сублимации, и так возникает душевность, иногда красивая, поэтическая, по-человечески, может, даже очень возвышенная и благородная, а, по-Божески, все же греховная. Я ничего не утверждаю, только спрашиваю, помимо того имею некоторое уважение к человеческой слабости, если она не агрессивная и не наглая. Эта двойная сублимация, может быть, и неизбежна, и если она 1) не вредит третьему лицу, 2) не доходит до своего саморазоблачения и 3) не слишком поэтизируется, как у Сузо в его отношениях к Екатерине, если нет этих трех крайностей, то отсутствие этой двойной сублимации может стать еще большим грехом, чем она сама: гордыней, брезгливостью к телу и в конце концов брезгливостью к своему ближнему, тогда уже не ненавистью к себе, а брезгливым безразличием к своей судьбе и к себе самому, тогда унынием. Но и этого я не утверждаю и не возвожу в общий закон, я нахожу только некоторые тенденции жизни и, что касается меня самого, — боюсь этих двух сублимаций.

Еще что было этой ночью: Бог освобождает от обеих сублимаций и создает какое-то ясное сознание моего страдания, моей страдательности и защиты, сокровенности, Verborgenheit, в полной жизненной

беззащитности и Unverborgenheit*, когда уже никто и ничто не страшно и не нужно, как это и было весь сегодняшний день — непрерывная молитва.

10. VII. Я уважаю человеческую слабость, слабость грешника, но я не уважаю своей человеческой слабости, я стыжусь ее и ненавижу. И все же уважаю чистую человеческую слабость. К самому греху отношение двойное, амбивалентное: смрад материи греха и диалектическая противоречивость его формы, то есть эйдоса греха в вине без вины. Ведь первородный грех — это несоответствие меня как сотворенного, и значит, невинного Божественному дару мне абсолютной ответственности и свободы, ставшей моей виной без вины, поэтому благословение стало проклятием. Противоречивость формы греха противоречит и прерывает непрерывную молитву: я снова падаю на землю, в грех. И так до конца моих дней, пока увижу «не через тусклое стекло, а лицом к лицу». Сама непрерывная молитва — Божественная атональность жизни. Но частные преобразования необходимо прерываются инвариантными («Разговоры вестников»), только так повышается степень частного преобразования. Тогда спрашиваю: что мне делать? — спрашиваю, когда нет непрерывной молитвы. И если в самом вопросе слышу ответ, уже не мой, Бога, то это снова непрерывная молитва, но степень ее выше степени первой молитвы. И уже вижу Божественную серию моей атональной жизни.

Уважение к скромной, а не агрессивной человеческой слабости. В этой скромности, простоте человеческой слабости, в самой слабости и беззащитности уже начало покаяния. Христос предпочитал грешников праведникам, не имеющим нужды в покаянии: я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9, 13).

Слово стало плотью, не погнушалось человеческой слабости.

Можно любить себя самого, себя трансцендентального, до полного овладения, даже подавления всех своих прихотей и желаний. Это крайняя степень самоутверждения, трансцендентального эгоизма — автономная этика долга, самоуважение, самоудовлетворение, то есть трансцендентальное самодовольство, Selbstgefälligkeit. Это те праведники, которым Христос не нужен, то есть видящие, которые ослепли, увидев Христа.

Можно любить себя и свои прихоти. Это человеческая слабость и меньший грех, это те слепые, к которым пришел Христос, чтобы открыть им глаза.

---

* Незащищенность, несокрытость, несокровенность (*нем.*).

Можно иметь брезгливое отвращение к себе и к жизни. Я и не я — два моря, соединенные проливом, имея отвращение к одному, имею и к другому. Важно, где центр отвращения, куда направлено: вовнутрь или вовне. Если вовне, то это еще не полностью радикализированное отвращение. При этом есть и брезгливое отвращение к себе — я и не я соединены проливом, — но не к своим прихотям, не настолько сильное, чтобы иметь силу без сожаления отказаться от них. Этот грех больше второго, так как есть рефлексия и брезгливость, но меньше первого.

Можно иметь брезгливое отвращение к себе и к своим прихотям настолько сильное, что не трудно отказаться от них; и это грех, и больший, чем второй и третий, потому что в радикальности брезгливого отношения к себе глаза открываются, но сама брезгливость — грех. Христос никем не брезговал, даже Иудой. И мной не брезгует. И все же это меньший грех, чем первый, первый — сам грех.

Можно возненавидеть свою душу и жизнь, себя и свои прихоти, распять для себя мир и себя для мира, быть не при деле, не иметь где приклонить голову — это Божественная атональность жизни, которую открыл Христос и к которой призывает: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11, 28, 30).

Я не претендую на полноту этой классификации. Также практически есть не только промежуточные случаи, но и частичные наложения одного на другой, и со стороны часто трудно сказать, что преобладает. Например, первый, четвертый и пятый случаи по человеческим понятиям определятся как альтруизм, но в первом случае в основе его лежит трансцендентальный эгоизм, то есть безразличие к ближнему, в четвертом — брезгливость к себе, а часто и к ближнему, и только в пятом — любовь. Только изнутри мой ближний определит действительный характер моего альтруистического отношения к нему, и только в последнем случае оно не оскорбит и не унизит, а возвысит его.

12.VII. Противоположения: Веберн — Шёнберг; Введенский — Хармс. Первое пусть А, второе — Б. А — некоторая замкнутость формы, жизнь не входит в искусство, Б — некоторая незамкнутость формы, так как жизнь входит в искусство, а жизнь человека до его смерти незамкнута. И А и Б — чинарное, или атональное, искусство: определяется не категориями красивого — некрасивого, но правильного (α) — неправильного (β). С этой точки зрения искусство нечинарное, или определяемое категориями красивого — некрасивого, эмоционального и пр., — неправильное — β. Тогда искусство А полностью определяется понятием правильно — α. Но в жизни есть и правильное и неправильное, и совершенное и несовершенное, и хорошее и плохое, вплоть

до безвкусицы и пошлости. Тогда и искусство Б не определяется целиком понятием правильного (α), в нем есть и неправильное (β) в его столкновении с правильным (тональные вещи Шёнберга, его тексты к «Лестнице Иакова»* и «Моисею и Аарону»**, у Д. И. — «Старуха»*** и др.), причем и в несовершенном и в неправильном может проявиться в этом случае совершенное и правильное. Тогда если в А — α, то в Б не β, а α/β. Мое сомнение, вернее, вопрос: не станет ли α как только α когда-нибудь новым классицизмом? И у Веберна и у Введенского искусство экзистенциальное, но из-за чистой правильности и замкнутости нет ли тенденции к классицизму? И у них есть небольшая погрешность в некотором равновесии, и не меньшая, чем у Шёнберга и Х., написал же В.: уважай бедность языка, уважай нищие мысли****; но чистая правильность небольшой погрешности, ее абсолютная точность не есть ли или не станет ли правилом равновесия — тогда уже без погрешности? Я только спрашиваю, может, и А и Б равноправны и есть два вида экзистенциального искусства.

В. раз сказал мне: бывает, что приходит на ум две рифмы, хорошая и плохая, и я выбираю плохую, именно она будет правильной. Х. сказал: главное в искусстве жертва. Смысл тот же, ведь жертвуют не плохим, а хорошим, жертва плохим — не жертва. Но высказывание Х. не только более общее, но и более экзистенциальное, во-первых, в пределах искусства, во-вторых, и в жизни: и Отец пожертвовал Сыном. Для Б жертва более характерна и более радикальна: жертва самой альфой. В тональном, эмоциональном и нечинарном искусстве нет жертвы α, потому что нет и самого понимания α, это просто β. Но в Б есть и α, и понимание α, и иногда жертва α, поэтому α/β.

Стравинский. После 1920 г. он совершил измену: изменил себе самому, предал себя самого. Ребе Суссия сказал: Бог повелел мне быть не Моисеем, а Суссией. Стравинский пожелал быть не Стравинским. Его Симфония для духовых, я думаю, правильная, то есть α, но в дальнейшем (кроме «Дамбартон-Окс») вместо правильного появилось другое: он не убеждает, с ним не споришь, как я спорил и с Бахом, и с Шёнбергом,

---

* Неоконченная оратория А. Шёнберга.

** Неоконченная опера А. Шёнберга на собственный текст.

*** Хармс Д. Старуха: Повесть // Полное собрание сочинений. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. Т. 2. С. 161—168. (Далее — ПСС.)

Я. Друскин считал «Старуху» временным отступлением от «звезды бессмыслицы» (см. *Сб.*, с. 549—642) к неоклассицизму.

**** Введенский А. Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник). 1. Разговор о сумасшедшем доме // ПСП. Т. 1. С. 206; *Сб.* Т. 1. С. 494.

и с Веберном, он очаровывает, опьяняет — это вне категорий правильного — неправильного, то есть вне α — β, Стравинский не интеллектуален. Теноровую и баритоновую арии из Canticum Sacrum я мог слушать подряд по нескольку раз; настоящее искусство трудно выслушать сразу больше одного раза: поднялся на гору, все видишь, но сам подъем вспоминаешь даже со страхом, так он труден. Это относится и к Баху. А Стравинский не труден, тогда вне самой главной категории α — β. У него не α, но и не β и не α/β, а очарование, опьянение, наваждение, у него нет того, что так ценили восточные монахи: бодрствования, трезвения. Правда, у него и до 1920 г., даже в Симфонии для духовых было очень сильно очарование, опьянение, фасцинирование, но было и правильное (α), он хотел избавиться от первого (так сказал М.), но от первого не избавился, а второе (α) потерял. Я знаю, мои слова противоречат тому, что он писал о творчестве и об исполнении, и все же, мне кажется, это так. И не случайно он писал за роялем.

14.VII. Августин говорил, что обычно Бог совершает Свою волю через естественные причины. Тогда законно в последовательности естественных событий искать причину, а не цель. Волос с головы моей не упадет без воли Божьей. Но тогда и землетрясение происходит по воле Божьей. И все же мы должны искать естественную причину землетрясения. У Ф. Студита я прочел: землетрясение было послано за грехи монахов. А не гордыня ли так думать, откуда он знает? При землетрясении страдают не только грешники, но и праведники, а Бог обещал Аврааму пощадить Содом, если там найдется хотя бы 10 праведников. Верно, что в некоторых случаях я чувствую, даже точно знаю телеологичность некоторых событий, имеющих ко мне отношение, но я думаю, во-первых, это бывает обычно не часто, во-вторых, телеологичность событий, имеющих ко мне отношение, я замечаю, кроме исключительных случаев, спустя некоторое время, и, чем они дальше от меня, тем яснее мне их телеологичность, и, в-третьих, с возрастом понимание телеологичности возрастает, может, только к смерти я увижу, что Провидение полностью руководило всей жизнью моей и моих ближних. Здесь надо сделать поправку: понимание телеологичности жизни, то есть некоторой разумной, вернее вне- или надразумной, целесообразности, обязательно сопровождается или есть понимание бессмысленности жизни или сверхбессмыслицы — Божественного безумия. Апостол Павел говорит: если хочешь быть мудрым в веке сем, будь безумным. Видеть же сразу в каждом событии его телеологичность, может быть, даже нечестиво, это уже человеческая мудрость, которую Бог посрамляет. Если при человеческом телеологическом объяснении я не стану полностью квиетистом или фаталистом — я лицемер и несерьезен. Но вполне последовательный квиетизм или фатализм теоретиче-

ски ложен, практически неосуществим. Я должен благодарить Бога за все: и за хорошее и за плохое, а иногда, может, даже роптать и восставать на Бога, как Иов. Но гордыня и фарисейство говорить, что я действительно вижу и понимаю, за что Бог послал мне плохое. Смирение именно в том, что я не знаю и не понимаю, за что и зачем плохо, и все же радуюсь и плохому и хорошему. И не только смирение, но и мудрость, только не века сего. Фихте сказал: понять непонятное как непонятное, то есть именно как непонятное. Но еще выше не понять непонятное как непонятное, может, это и есть настоящее понимание. Поэтому телеологические и особенно нравственно-благочестивые объяснения так часто звучат по-фарисейски и абсолютно неубедительны — так говорили и друзья Иова. Иов же роптал и восстал на Бога. И все же Бог признал его праведником, в его восстании было больше смирения, чем в самоуверенно-благочестивых рассуждениях его друзей.

15.VII. О человеческих взаимоотношениях и ситуациях. Один человек, пусть *X*, близок с другим человеком, пусть *Y*. Затем он сближается с третьим человеком, пусть *Z*. *Y* боится, что он потеряет *X*. *X* задает некоторые вопросы *Z*. *Z* чувствует, что, ответив по существу, он может перетянуть *X* к себе. Тогда *Z* очерчивает вокруг себя круг и говорит *X*: noli me tangere. Почему это сделал *Z* и прав ли он? На первый вопрос мне трудно ответить. Во-первых, *Z* боится человеческих привязанностей к себе, вернее, желает и боится их, и, кажется, второе преобладает. Это грех. Во-вторых, *Z* знает, что *Y* боится потерять *X*, и, может, поэтому и отстранил от себя *X*, очертив вокруг себя круг. Хорошо ли это? Не знаю. По какой-то человеческой морали — хорошо, по Божеской — не знаю. Во всяком случае так, как это сделал *Z*, то есть замкнув себя кругом, плохо.

Есть эмпирическая человеческая жестокость — когда человек ради исполнения своих прихотей нарушает заповедь любви к ближнему; Христос сказал: она не меньше первой <заповеди>. И есть ноуменальная жестокость: возненавидеть отца и мать... враги человеку домашние его... чтобы видящие стали слепы. *Z*, боясь совершить эмпирическую жестокость, побоялся совершить ноуменальную. Это его грех: не хватило великого дерзновения во Христе. За это у него отнят был *X*.

17.VII. Ни один человек не может принять на себя дар Бога — абсолютную ответственность и свободу. Тогда, по исполнении времен, Бог сам стал человеком, чтобы не как Бог — этого мало, — а как человек принять на Себя абсолютную ответственность и свободу. Если бы Он как Бог снял с меня вину без вины (culpa*), то снял бы с меня и

* Вина (*лат.*).

подаренную ответственность — вину как causa*. Если же как человек, во всем, кроме греха, подобный мне, то берет на Себя вину как culpa, оставляя мне вину — causa. Верой в Него я принимаю на себя всю вину, весь грех мира, тогда и вину — causa. Тогда Он освобождает меня от вины в смысле culpa и реализует во мне абсолютную ответственность и свободу. Верой в Богочеловека, то есть в Человека, реально взявшего на Себя весь грех мира, всю вину без вины и тем реализовавшего Божий дар мне,**

---

* Причина (*лат.*).

** Продолжение записи 17 июля — в тетради † 7.

† 7

1967.VII.17—1967.XII.14

<*17 июля*>* я принимаю его: Он реализует его во мне, осуществляет невозможное для человеков. Два важных для человека вывода — causa cognoscendi** Божественной тайны дара: 1. Вера не психологическое, а онтологическое изменение строя души — новое сердце и новый дух, которых просили еще пророки. 2. До вочеловечения Слова человек оправдывался верой в Грядущего, то есть верой в грядущее вочеловечение Слова. А язычники? Пути Господни неисповедимы. Я думаю, и среди язычников были и есть такие, которые верили в Грядущего, а сейчас уже Пришедшего, не зная даже имени Его, не зная даже, что спасение человека только от вочеловечения Слова. И здесь возникает второй момент: контингентность, откровение смысла контингентности, случайности, тварности, телесности. Вочеловечение Слова предопределено от вечности, но сроки его никому не были известны и также сроки Его второго пришествия — даже Сыну. Это и есть онтологичность контингентности. И здесь обнаруживается — открывается, что то, что для нас causa cognoscendi Божественной тайны, есть ее causa essendi*** . — Экзистенциальность Божественной тайны.

Атональность жизни — невинность.[24] Невинный живет, потому что живет, живет, чтобы жить. В грехопадении эта атональность потеряна. Тогда в грехе я вношу свою человеческую тональность в атональность сотворенной Богом жизни. Тональность, которую я вношу в атональность моей жизни, то есть порядок, которым я организую атональность моей жизни, — то высокое у людей, что мерзость перед Богом. Желая возвысить себя, лгу себе, придумывая какие-либо правила и порядок: долг, категорический императив, чистая воля, душевность, приличие, порядок. Я уже не могу жить в атональности жизни, тогда прикрываю свои прихоти, свою гордыню высокими словами, лгу себе, чтобы оправдать себя, чтобы утвердить себя, — эта мерзость перед Богом и есть лживая моя тоникализация жизни. Бог создал атональность жизни,

---

* Начало записи — в тетради † 6.

** Причина познания (*лат.*).

*** Причина бытия, существования (*лат.*).

чтобы я увидел ее Божественную серию. Но сам от себя человек не может сделать этого, все его дела, намерения, мысли тональны. Для того Бог и стал человеком, чтобы как человек открыть нам Божественную серию в атональности нашей жизни. Не Своим примером — это подобосущие и арианство, — а реально, онтологически, вкушением Его тела и крови. Христос — Божественная серия моей атональной жизни, через Христа и в Христе я становлюсь участником Божественного mysterium tremendum et fascinosum*.

20.VII. Сон отрывочен и частичен. Вот что я понимаю под частичностью сна: когда я бодрствую, у меня есть некоторая целостность сознания — самосознание. Может преобладать одна или другая окраска сознания, разные окраски могут быть несовместны, они могут вступать в самые резкие конфликты, так что одна окраска полностью исключает другую, как это и было, когда пришла не моя мысль, но и тогда остальные окраски потенциально присутствовали, присутствовали как отсутствующие, оттого и была мне так страшна не моя мысль. Во сне же, кажется, всегда есть только одна окраска, одна плоскость мыслей и чувств. В бодрствовании я сознаю в себе несколько плоскостей, их единство не только положительно, но и отрицательно-положительно: я сознаю в себе и как свои и те плоскости мыслей и чувств, которых сейчас нет, то есть присутствует и отсутствующее. Во сне этого, кажется, нет: бывает, что я и вспоминаю отсутствующие плоскости, но вспоминаю не как свои, не как присутствующее отсутствующее. Иногда даже себя самого я вижу незаинтересованно, со стороны.

Вот, кажется, точное определение различия бодрствования и сна: во мне много плоскостей мыслей и чувств, даже взаимно исключающих друг друга. Одна или несколько преобладают сейчас — это доминанта моего сознания сейчас, определяющая мое самосознание. При бодрствовании присутствуют и остальные плоскости: или как обертоны, или как отрицаемые с е й ч а с, неприятные мне, постыдные, ненавистные, чужие мне, но, может, и желаемые, к которым я стремлюсь, бесконечно заинтересованный ими. Даже чужие мне с е й ч а с, все равно ненавистные мне или любимые, они присутствуют во мне как отсутствующие, они мои как не мои. Это относится и к моим воспоминаниям, самым отдаленным, уже чуждым мне, и все же они мои, хотя и не мои, — сейчас это не я и все же я: чужое и уже не мое — все же мое. Это и значит: за каждое праздное слово ответите на Страшном суде <Мф. 12, 36>. Во сне же то, что сейчас не мое — только не мое. Поэтому нет полноты времен. Это не святость вестников, ничего не запоми-

* Тайна ужасная и притягивающая (*лат.*).

нающих, живущих с е й ч а с. Им не надо запоминать, потому что в их сейчас живет все, что было, есть и будет, то есть полнота времен <Гал. 4, 2—4>. Во сне же я бабочка-однодневка. Я не помню не потому, что мне не надо запоминать, чтобы реально иметь, но забываю — это грех. Правда, в снах бывает и другое: углубление в одну плоскость, углубленное понимание доминирующей плоскости и от этого вещие сны и углубленное понимание дневной ситуации.

Две недели тому назад после неприятной ситуации и агрессии жизни мне снилась мама. Она поцеловала меня, и я нашел у нее защиту от агрессии жизни. Проснувшись, я понял соблазн двух сублимаций, перед этим (перед засыпанием) я нашел защиту у Бога. Сегодня совсем другой сон: мама снова здорова, я спокоен и почувствовал, что мне не хватает чего-то. Чего? Страдания. Но ведь если бы жало в плоть снова стало лестницей Иакова, кончилось бы только определенное страдание, но тяжесть и боль бытия все равно осталась бы. И если бы и все мертвые ожили — и тогда то, что было и есть, не прошло бы, только сверхъестественное воскресение дало бы полную радость. Во сне была какая-то глупая ситуация: смерть не побеждена, вместо этого какое-то глупое, как у Федорова*, естественно-химическое воскрешение, обнаружившее всю бессмысленность естественного, природного. Какая-то одна доминирующая плоскость сознания стала автономной, тогда бессмысленной, так как смысл ее именно в противоречивом единстве несовместных плоскостей, в тожестве нетожественного. Во мне множество плоскостей мыслей и чувств, они несовместны, но смысл каждой из них именно в противоречивом реальном единстве, даже тожестве, всех. То, что я раз писал: когда гаснет звезда бессмыслицы (в искушении), остается одна плоскость и она становится бессмысленной. Так было и в этом сне. Но это не общее правило для снов.

Сегодня во сне не было ни возвращения в прошлое, ни прихода с того света, как во сне 3 года тому назад.

23. VII. Почти год я комментировал с М. <Мейлахом> моих «Вестников». Я перечел примечания, записанные М., и, хотя большей частью записано верно, все же я недоволен ими. Автор вообще не может комментировать свои вещи. Наиболее слабые у Фихте — «Назначение человека» и «Ясное, как солнце...» В философии есть некоторые вечные иероглифы, мировые константы: существующее и несуществующее, некоторое волнение и некоторое спокойствие: энтелехия, переход от потенции к акту у Аристотеля, quatenus** Спинозы, трансцендентальные

---

* Федоров Н. Ф. (1828—1903) — автор «проекта» всеобщего воскрешения умерших и преодоления смерти средствами современной науки.

** Поскольку (*лат.*).

схемы Канта, генезис и его отмена у Фихте и др. Чтобы понять «Вестников», надо знать всю историю философии. Или: можно и не знать истории философии, но тогда воспринимать творчески, поэтически, в Аристотелевом смысле: nus poeticos*. Если человек может стать соавтором чужой вещи, ему не надо знать истории философии. В., Л., О., Х. были действительно соавторами «Вестников», поэтому Х. и мог сказать: я — вестник.

Оригинальные мысли рождаются из ничто, но на определенной исторической почве. Так как из ничто — то не надо знать историю, то есть предшествующее развитие. Так как на определенной исторической почве, то надо знать историю.

Тональность, атональность и серия

24.VII. Кронекер сказал: Господь Бог создал целые числа, все остальное — дело рук человеческих. Также можно сказать: Господь Бог создал различные звуки, все остальное — дело рук человеческих. Многообразие звуков самих по себе — атональное. Человек вносит в это многообразие порядок: античные лады, церковные, мажор-минор. Все это можно назвать тональностью в широком смысле — тяготением = = тоникализацией атонального множества звуков. Сочинение в тональном порядке аналогично свободе выбора — как будто бы свободно, на самом деле детерминированно: формально — композитор может выбрать любую тональность, любой лад, но не может писать вне лада, вне тональности; материально — детерминирован законами тяготения лада или тональности. В атональной музыке композитор абсолютно свободен, так как свободно сочиняет ряд из созданных Богом звуков. (Темперация — может, небольшая только погрешность.) Абсолютно свободно сочиненный ряд определяет его музыку — тогда это Божественная серия, так как свободна от всякого человеческого тяготения и вне свободы выбора. Ее можно сравнить с Провидением, определяющим человеческую жизнь, не нарушая свободы человека. Атональная серия — свобода даже от мотивирования. Немотивированность и есть свобода от человеческого, то есть душевного (а не духовного), тяготения. Но именно немотивированная серия организует и определяет музыку, свободно создаваемую.

Брауэр освободил математику от человеческих тяготений — номинализма и реализма понятий. Номиналист не дерзает принять бесконечный дар Бога. Реалист мнит, что этот дар не сверхъестественен, а естественно, по природе, принадлежит ему. В первом случае не хватает

* Ум творящий (*гр.*).

великого дерзновения во Христе, во втором — гордыня. Экзистенциализм концептуализма: путь бессмыслицы, абсурда, парадокса, безумного Божьего.

Начиная с Аристотеля, а может, и раньше, физики вводили свое человеческое тяготение в физику и космологию. Эйнштейн разрушил этот антропологический антропоцентризм — десубстанциализация времени и пространства — космологическая атональность. Минковский — Фридман увидели в космологической атональности Божественную серию — творение мира из ничто.

Единство человеческого духа: аналогии атональности в математике, физике, искусстве, теологии. Но не антропоцентрическое единство, как у Майстера Экхарта, Бёме, Гегеля, а теоцентрическое.

Критерий: невозможность сдвига в апории — невозможность антропоцентрической антропологии.

Сейчас, подходя к концу, увидел, как удивительно объединяются и сходятся все линии к последней цели — славе Божьей. S. D. G.*

26.VII. Вчера я чувствовал себя обиженным. И одновременно мне было стыдно: не просил ли я много раз: дай мне радость быть покинутым всеми ради Тебя?

Для обиды может не быть никакого основания, кроме природной обидчивости и мнительности, может быть и повод, может быть и причина. Вчера повод как будто бы был. Но тогда почему я не радовался, а обижался? Я молился и уговаривал себя, что не обижен, и все же был обижен. Помимо того, хотя это, я думаю, и главное, было еще ощущение своей ноуменальной Nichtigkeit** и бездарности к соборности. Но ведь я только как ничто — что. Почему не было ощущения ч т о?

Сегодня я встал, обиды уже не было: я думал о различии тожества и единства, синтетического и аналитического***. Об этом я подумал позавчера, перечитав примечания М. <Мейлаха> к «Вестникам»,**** — в комментарии сказано неточно. Я записал то, что думал, и пошел гулять. Я молился и ощущал что: как ничто — что. Теперь я хочу, как геометр исследует линии, исследовать, почему обида прошла полностью, хотя основание для нее не прошло, а, скорее, увеличилось. Когда я ходил, я чувствовал: я — в стеклянном корабле, я не беззащитен, у меня есть защита. Защита одна — Бог и всегда со мною. И не раз в

---

* Soli Dei Gloria — Единому Богу Слава (*лат.*).

** Ничтожность (*нем.*).

*** См.: Друскин Я. Тожество и единство, аналитическое и синтетическое. — 1967 г. — Личный архив.

**** Примечания Я. Друскина, записанные М. Мейлахом.

беззащитности Ты был защитой. До 12.I.62 одним из двух стеклянных кораблей была вещь, которую я писал. Это не тщеславие, но ощущение некоторого сущего во мне от реальности Сущего, ощущение моего участия в Божественном mysterium tremendum et fascinosum. И еще: ощущение некоторого опустошения и очищения после писания. Закончив «Квадрат миров», я написал: теперь я пуст, пуст и чист, почти чист. Но сейчас мои вещи уже не являются для меня стеклянным кораблем. Тема о синтетическом и аналитическом тожестве и единстве очень большая, и я, кажется, представляю себе, как мог бы написать. Но я ограничусь несколькими страничками, только намечу главные линии. Может, сама мысль, сама интуиция тожества и единства была для меня стеклянным кораблем, устранившим обиду? Что это: ощущение сущего во мне от Сущего или грех и гордыня, для которой достаточно ощущения величайшей силы — силы мысли? Я спрашиваю, потому что в обиде не обратился непосредственно к Тебе за помощью, нашел не в Тебе, а в пришедшей мысли защиту. По-видимому, это нехорошо. Но что за мысль и от кого? Мысль о моей греховной сущности — тогда и мысль от Тебя? Но когда я записывал то, что думал, гордости не было, была только мысль, вытеснившая всякую обиду. Здесь снова то, что я писал о монашестве: не в Тебе, а в мысли я нашел защиту, между мною и Тобою был не Ты, а мысль, хотя бы о Тебе и от Тебя. Чем эта мысль лучше правил молитвы и дыхания? Может, еще хуже: наиболее возвышенное, идеальное, абстрактное, а потому и самое греховное самоудовлетворение, то есть самодовольство. Во всяком случае нехорошо, что моя вера не сдвинула ничтожный холмик обиды и он вырос у меня в гору обид. И еще, может, нехорошо, что сегодня сдвинула эту гору мысль, а не молитва, молитва пришла потом.

В том, что я сейчас записал, многое преувеличено, преувеличено и само ощущение обиды, а не только сама обида, может, и сильно преувеличено, но и в этом преувеличении преуменьшено. Не обида, а какая-то мразь была во мне. И снова Ты ее убрал из меня.

Каждый приезд сюда* вносит искушение: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не бойтесь, как приключения для вас странного.

28. VII. Господи, Господи, отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе, не смею даже просить: помилуй мя, Господи; servus indignus sum. Потому что боюсь сказать: никогда... Не надеюсь на себя, ни на кого не надеюсь, только на Тебя, Ты — моя защита и сила, охраняй меня жалом в плоть; пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, помоги мне, Господи, помоги моему неверию.

* Дом композиторов в поселке Репино под Санкт-Петербургом.

31.VII. Предположим, двум человекам сказали: завтра ты будешь перенесен в город, где тебя никто не знает. У тебя нет в этом городе никакой репутации, никаких традиций, никаких условностей твоей прежней жизни, где тебя все знали, где у тебя была репутация порядочного, добродетельного человека. Ты можешь начать новую, какую угодно жизнь, хотя бы жизнь удовольствий. Как будешь ты жить, зная, что больше не встретишься с теми, кто тебя знал и уважал? Если человек ответит: у меня есть нравственные правила и заповеди, никогда, ни при каких условиях я не нарушу их, — если человек так ответит, то можно почти наверное сказать, что он нарушит, если не все, то очень многие свои заповеди. Если же человек скажет: силен враг рода человеческого, соблазн велик, боюсь искушения, боюсь, устою ли перед соблазном, — если он ответит так, то можно надеяться, что он устоит.

1.VIII. Я перечел некоторые свои старые законченные и незаконченные вещи, написанные между 1928 и 1944 гг., — мне надо было это для рассуждения о тожестве и единстве, затем же просто заинтересовался ими. Они, по терминологии Введенского, правильные, и то, что эта правильность была высказана мною, дало мне некоторое удовлетворение. Хорошо ли это? Получил ли я удовлетворение от самой вещи или от того, что это моя вещь? Но тогда не сказал ли этим, как злая старуха из легенды: моя луковица? Ведь это самая большая гордость — мысленная, гордыня мысли. Можно сказать так: Бог каждому назначил свою роль — участие в Его mysterium, я получил удовлетворение оттого, что по мере сил исполнял назначенную мне роль. Но это уже самоудовлетворение, то есть самодовольство, — этика заслуг и наград. Можно сказать: я ощутил в себе ч т о от Сущего. Но ведь может и так: блаженны нищие духом <Мф. 5, 3>; если же у меня еще осталось какое-то мое ч т о, какой-то стеклянный корабль, то я еще не нищ духом, не ч т о как н и ч т о. И чем это духовное, что у меня осталось от моего, выше и духовнее, тем хуже, самая возвышенная, идеальная гордость — самая греховная. Самая возвышенная, воздушная, прозрачная гордость грешнее самой низменной. Апостол Павел ничего не хотел знать, кроме Христа, притом распятого. И снова спрашиваю: не распинал ли и не распинаю ли себя своими вещами? Может, само желание не чувствовать никакого удовлетворения оттого, что правильные вещи — мои вещи, еще бóльшая гордыня? Все же, мне кажется, это ощущение мое или мои — грех, возражая же себе, я пытаюсь оправдать себя, еще не нищего духом.

7.VIII. Намерение и его осуществление — фиксация. Предположим, два человека *A* и *B* имеют одно и то же греховное намерение, *A* не осуществил его, *B* осуществил — фиксировал. Почему *A* не осуществил? Возможности:

1. Побоялся замарать свою репутацию.

2. Побоялся нарушить свой покой, das Bestehende своей жизни.

В обоих случаях мотивы не религиозные и не нравственные: в первом случае — фарисейство, во втором — эгоизм. *B* имеет даже некоторое преимущество — смелость, а неосуществление греховного помысла у *A* в конце концов поведет его к Selbstgefälligkeit и фарисейству.

3. Некоторая робость, почти даже беспредметная. Эта робость — пережитки невинности. С нравственной точки зрения, может, и достоинство, с религиозной, в лучшем случае adiaphora.

4. Некоторая боязнь нарушить свой путь жизни. Здесь *A* имеет некоторое преимущество перед *B*, но только в отношении фиксации греховного помысла, потому что помысел у обоих один и тот же, и даже у *A* он более грешен: незафиксированный, то есть нереализованный, помысел, может быть, втягивает в грех и загрязняет сильнее осуществленного, как у монаха, 30 лет боровшегося с дьяволом (у Игн. Брянчанинова). Правда, с другой стороны, неосуществление греховного помысла дает возможность лучше осознать его, то есть свою собственную греховность. Но можно ли приписать *A* заслугу в неосуществлении его греховного помысла? Мне кажется, нет: не я сам соблюдаю свой путь. Мой путь — ноуменальный путь — именно то, что не в моей власти. Я думаю, фиксация вообще зависит не от меня, а от Бога, хотя я и виноват за фиксацию. Кальвин: разбойник убил невинного человека: убил Бог, а виноват разбойник. — Если волос с головы моей не упадет без Его воли, то неужели человек, тем более невинный, умрет без воли Божьей?

Если бы Смердякову почему-либо не удалось убить отца, вина греховного помысла — отцеубийства — у Ив<ана> Карамазова осталась бы, а вины фиксации не было бы, хотя в обоих случаях: и убил и не убил бы он не своими руками значит — фиксация его помысла не зависела от его воли. Может, и вообще фиксация помысла не зависит от воли человека. И когда Митя шел на убийство отца и не убил, он правильно сказал: рука Божия остановила меня.

В греховном намерении я непосредственно виноват за него, в фиксации, то есть реализации, его (намерения) я тоже виноват, но виноват без вины. Но поэтому при одинаковом греховном намерении *A* и *B* одинаково грешны и несут одинаковую вину, но у *B* добавляется еще вторичная вина — вина без вины; потому что осуществление и неосуществление греховного намерения в руках Божиих. Но и у *A* добавляется вторичная вина: увязание в греховном помысле, или фарисейство. Различие вины *A* и *B* не количественное, а качественное:

у *A*: греховное намерение + вторичное греховное намерение от неосуществления первого; оно может быть в двух видах:

1) неосуществление греховной мысли в борьбе с нею ведет за собой вторую греховную мысль, то есть увязание в грехе;
2) преодоление соблазна силой своей воли ведет к Selbstgefälligkeit, фарисейству и осуждению ближнего;

у *B*: греховное намерение + вина без вины за его осуществление.

В обоих случаях и фиксация и нефиксация греховного намерения в руках Божиих, а вина на мне.

10.VIII. Смысл, то есть эйдос, дьявола: желание взять на себя вину без вины в смысле causa — ответственности и абсолютной свободы, отвергнув от себя вину в смысле culpa, то есть отвержение и неприятие самого понятия эйдоса греха — абсолютного несоответствия вины causa невинности твари. Тогда грех — дар, ставший проклятием, стал только проклятием — персонифицированным грехом. Поэтому дьявол не антибог, как в манихействе и, в конце концов, у Заратустры, но антихрист: анти-Христос. Христос отказался от Своей Божественности, то есть от вины-causa, приняв целиком на Себя вину-culpa, дьявол пожелал целиком принять на себя вину-causa, отказавшись от вины-culpa. Но Христос — истинный Бог, истинный Человек, то есть Лицо; дьявол же, отвергнув вину-culpa, без которой тварь не может получить лица, не имеет лица — лживая личина (народные представления о дьяволе — Флоренский). Это эйдологически эссенциально. Экзистенциально же я ощущаю его за своей жестоковыйностью в грехе, в ноуменальной сонливости, в унынии и страхе. Исторически узнаю о нем из Священного Писания.

16.VIII. Русские философы всегда говорили об онтологичности, всецелостности, конкретности философии, то есть экзистенциальности, и все же не понимали, что путь к этому через безумное Божие, через звезду бессмыслицы. Они не понимали косвенной речи (Кьеркегор). В конце концов для них всегда 2×2 равнялось 4. Бердяев упрекает Хомякова за то, что он не любил католицизма. Как и Соловьев, Бердяев не понимает, что универсализм католичества светский — не конкретная, а абстрактная всецелостность. Не случайно Гоголь, Хомяков и Достоевский не любили католицизма и тем самым склонялись к протестантизму: Евангелие — Благая весть и есть протест, то есть отрицание мира сего и его хозяина. Русская философия и теология — не Соловьев, не Бердяев и др., а Гоголь, Достоевский, Лесков, Чехов.

Русская официальная философия на понимала смысла неопределенного отрицания — по-старому: бесконечных суждений. Неопределенное отрицание и есть тожество нетожественного, прообраз которого Богочеловек, то есть вочеловечение Слова. Поэтому же оно и экзистенциально.

Синтетическое тожество, прообраз которого Богочеловек, — принцип и жизни, и философии, и искусства: то же самое в различном и различное — в том же самом, причем не подобосущное, то есть правдоподобное, — это первая ложь, — а единосущное. Этого неправдоподобного, но именно истинного тожества различного боялись все ереси, то есть человеческий разум. Монофизиты и верящие в реализм понятий абстрагировали тожество и умаляли значение различия; адоптианизм, несторианство и номинализм понятий, выделяя различие и усиляя разделение, умаляли значение тожества. Применение к Христу.

21.VIII. Библейскую хронологию (то есть сроки и продолжительность) до Авраама, может быть, можно понимать так: если темп и скорость времени зависят от скорости движения, то время (сроки и продолжительность) исторических, геологических и космологических событий с точки зрения наблюдателя, движущегося со скоростью, соизмеримой со скоростью света, сильно сократится. Для такого наблюдателя время от начала мира до Авраама, может быть, и равно 3000 лет. Можно взять и более раннее историческое событие за начало отсчета по нашему времени, например из истории Египта или Шумероаккада, тогда время от начала мира до начала истории сократится, а до нашего времени увеличится. Если же наука говорит о человеке, жившем 20000 лет тому назад, то она определяет это время с точки зрения наблюдателя, живущего на земле. Тогда, очевидно, от начала мира прошло еще больше времени. Библию же интересует Божественное домостроительство; до Авраама — только вступление к нему, поэтому с Авраама начинается собственно человеческая история в Библии.

Если вообще верно, что 3 $^{1}/_{2}$, или 10, или 70 миллиардов лет истории вселенной от ее начала определяются с точки зрения земного наблюдателя, а с точки зрения наблюдателя, движущегося со скоростью, соизмеримой со скоростью света, этот срок сократится, то мое объяснение библейской хронологии правдоподобно. Но для того, кто движется со скоростью света, время остановится. Мне кажется, так выглядит вселенная, наблюдаемая из ее неподвижного центра. Что это значит — вечное сейчас? Не увидит ли тогда наблюдатель сразу и все, что было от сотворения мира, и все, что будет вплоть до его конца?

Как совместить: наблюдатель в неподвижном центре мира и одновременно движется со скоростью света? Но если он движется со скоростью света, то он вездесущ, так как время остановилось, значит, он сразу находится всюду, тогда и в центре; вернее — в центре и из центра всюду.

23.VIII. Надо различать мою детерминированность в свободе выбора, то есть детерминированность меня в свободе выбора, и детерми-

нированность меня к свободе выбора. Второе — идея или эйдос дьявола: его стремление закрепить меня в рабской свободе выбора — детерминировать к детерминированию. Невозможность ни принять, ни не принять абсолютную свободу есть детерминированная свобода выбора. Одна только невозможность принять абсолютную свободу без ее антитезиса, то есть необходимость не принять, была бы детерминированием к свободе выбора. Тогда я не был бы и ответственен за грех. Это не состояние невинности, а противоположное ему — персонифицированный грех, то есть сам дьявол. В невинности не невозможность принять абсолютную свободу, а просто отсутствие абсолютной свободы. Невозможность принять абсолютную свободу есть необходимость свободы выбора. Моя же невозможность выйти своими силами из свободы выбора не есть необходимость свободы выбора, определяется не аподиктически, а ассерторически: невозможность ни принять, ни не принять абсолютную свободу не должна быть, а есть мое состояние в свободе выбора. — Тайна контингентности и фактичности: не необходимое, а мое фактическое состояние.

Я почувствовал это и всегда чувствую в определенном, конкретном греховном намерении, в соблазне, в ощущении его непреодолимости, в падении или преодолении его, в преодолении своими силами — тогда в еще худшем падении, или в устремлении соблазна Христом: не введи меня в искушение, но избави от лукавого <Мф. 6, 13>.

Двойная двузначность или амбивалентность греховного намерения, соблазна и искушения:

1. Непреодолимость соблазна, то есть невозможность преодоления, падение.

2 а. Предоление силой воли.

б. Невозможное для человека возможно для Бога, то есть: избави меня от лукавого.

Дьявольская детерминированность к детерминированию проявляется и в том, что я писал об абулии, каком-то параличе воли, вате, преграде, вдруг встающей между мною и мною же, между мною и ближним (noli me tangere), между мною и Богом, — в вопросе: что делать? когда вопрос не есть сразу же ответ, когда **быть** не при деле вырождается в **не быть** при деле, то есть в безделие, уныние и бесовское парение мыслей. Этот паралич воли, то есть свободы выбора, на самом деле есть именно наиболее сильное утверждение свободы выбора: **выбор** невыбора, то есть реализация именно формы, эйдоса свободы выбора и ее формальной детерминированности. Это состояние так мучительно и тягостно потому, что именно в нем я чувствую относительную реальность дьявола, реально чувствую, что о нем мало сказать: нет. Именно он и детерминирует меня к наиболее сильному, так как

формальному, эйдологическому детерминированию в **выборе** невыбора. Но о нем много сказать: есть, — поэтому я чувствую свою вину в детерминировании к детерминированности, поэтому это состояние так тягостно и мучительно.

24.VIII. В связи с вчерашней записью. У меня тоже опыты, всю жизнь, особенно последние годы: вивисекция моей души. Это больно.

Вивисекция не может быть нейтральной, но, как и все в жизни, интендирована к чему-то. Непосредственно я нахожу две интенции:

1. Причинить себе боль. Какая-то ни к чему не интендированная интенция, бескорыстная и бесцельная. Раз я записал: я нашел в себе зверя, пожирающего меня упорно, настойчиво и без всякого удовольствия. Этот зверь — я сам.

2. Видеть со стороны, извне. И также видеть себя со стороны, извне.

Затем две двойные интенции, убежденности и неубежденности:

1. Я убежден, что к этому меня и предназначил Бог: к вивисекции моей души — есть себя самого, к желанию видеть себя извне — быть изверженным из уст Его, во всяком случае иногда, часто.

Я не убежден, что это моя определенная, конкретная вина, лень или неверность — это моя вина без вины.

2. Я не убежден, что Бог предназначил меня к этому, то есть быть извне, Бог предназначил меня быть внутри.

Я убежден, что это моя определенная, конкретная вина, я раб ленивый и неверный.

Эти две убежденности и неубежденности — круг, в который я заключен, и есть истина во всех четырех. Я не могу выйти из этого круга. Бог выводит меня из круга, из которого невозможно выйти.

Самопоедание — свойство всякого грешника: грех ест грешника. Лингвистически Шеллинг, может, и не прав, религиозно прав: ma kar — не ешь себя. Блаженства — макаризмы: спасение от самопоедания в грехе. Но каждый грешник ест себя по-своему: личный характер самопоедания — личный характер грешника. Вивисекция моей души — мой личный характер меня как грешника: дар, ставший моим проклятием, — и я воплю: Эли, Эли, лама савахфани.

28.VIII. Сон. Мама сказала мне: когда я верю в гипноз, я не верю в Бога; я не хочу верить в гипноз, я верю в Бога. Гипноз здесь — название целого по части — парапсихология. Парапсихология сейчас, может, один из самых больших соблазнов: попытка естественно доказать сверхъестественное — новая форма естественной детерминированной теодицеи, то есть маловерие.

Затем сон о Жене <Гельфанд>: она, оказывается, не умерла. На небе ее не принимают, потому что она еще не умерла. Но и на земле не принимают, потому что она считается умершей: ей нет места ни там, ни здесь. Может, это не о Жене, а обо мне.

Затем снова сон о маме: мама уезжает, причем одна, я провожаю ее. Маме очень хочется спать, она на ходу почти засыпает. Я думаю: как же она доедет одна? Надо и мне поехать вместе с мамой. Еще я подумал: а как я вернусь, у меня же нет своей машины? В этом сне снова одна плоскость из многих: своя машина — по-видимому, то, что я называю стеклянным кораблем, то есть что привязывает к жизни. Этого нет. Я не задумываясь решил ехать с мамой, куда — непонятно; и все же было опасение. Оно есть и наяву: к суду я не готов и смерть меня страшит* . Но наяву сложнее, несколько плоскостей, а во сне была одна, может, только страх порвать das Bestehende.

30. VIII. Атональность жизни и Божественная серия ее. Меня интересует сейчас: во-первых, прежде всего Божественная серия моей атональной жизни. Иногда я приближаюсь к ней, чаще теряю ее, и в этой потере снова нахожу ее, и, что бывает не часто, полностью живу в ней. Во-вторых, меня интересует теоретически Божественная серия атональной жизни, вернее теоретически-практически. И об этом я пишу. В-третьих, меня интересует это же философски, так как философия — язык теологии. И об этом я писал до 12.I.62, изредка и сейчас, например в рассуждении о тожестве и единстве**.

В-четвертых, меня интересует это же и в искусстве. Сам термин атональной жизни взят из музыки — Веберн. И то же — Введ<енский>. И также Х., Л., О.

1.IX. Я уже давно почти не затягиваюсь, мне нужен только какой-то шок — дымовой удар в горло. Но происходит что-то странное: от тех же самых папирос я то чувствую дымовой удар, то вдруг перестаю ощущать его. И сегодня: весь день какой-то нудный, и папиросы казались мне пустыми, не чувствовал дымового удара. Потом я перечел некоторые нужные мне места из тетрадей† и нудность прошла. И вдруг от тех же самых папирос снова почувствовал дымовой удар. Нудность, как и после второй встречи с *X* <Г. Викторовой>, — от некоторых внешних впечатлений. Мне это очень неприятно: впечатлительность.

Раз я записал: какое-то идиотское мое подсознательное. Я добавлю: и такое же идиотское впечатлительное сознательное.

Сегодня сон: я с В. Он вял и безразличен, почти не говорит. Затем собирается уходить. Я: ты когда уезжаешь? Он: сегодня вечером. Я:

* Пушкин А. С. Странник.

** См. третье примечание на стр. 297.

зайдешь еще? Он: нет. Я: ты писал что-нибудь за это время? Он: нет. Я: почему ты никогда не спросишь, что я пишу? Он оживился и с увлечением говорит: потому что все, что ты пишешь, либеральный оптимизм и неинтересно. В доказательство читает какое-то мое письмо к нему, придирается к каждому слову. Затем обвиняет меня, что я даже книги рву и употребляю на известные нужды в уборной, а ведь недалеко лес, можно было нарвать листьев и пользоваться ими. Я хотел возразить, что рвал только политические брошюры, но он все говорил и говорил, и я подумал: вот тебе и незлобивость, и ушел не попрощавшись. Еще я думал о Л.: он часто бывает у меня днем, но это я знаю уж точно: только во сне. Весь этот дурацкий сон только ответ на внешние впечатления, и это отвратительно, то есть пошлая впечатлительность.

6.IX. Бес пошлой впечатлительности не оставляет меня. Началось это уже в июле. В впечатлительности есть что-то нечистое, во всяком случае у меня. А сейчас — как будто бы наступил ногой в какую-то вонючую лужу, попал в нечистоту. Господи, избави меня от моей нечистоты, не введи во искушение, избави от лукавого.

Может, во всех этих случаях есть еще другое: сейчас я попал в такое положение, что внутреннее переходит во внешнее, и внешние события связываются с внутренними. Раньше этого не было, так как у меня был стеклянный корабль и моя лестница Иакова, я сам был в стеклянном корабле. Внешние дела были не связаны с внутренними. Сейчас соединились. Мне бы хотелось, чтобы эти связи были соборными, но к соборности нет таланта. Я строю какие-то планы реализации внутреннего во внешнем, и мои планы рушатся. И вот, не хватает силы веры сказать: пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь, да будет воля Твоя <Мф. 26, 39; 6, 10>.

Да будет воля Твоя.

10.IX. Некоторая классификация:

А. Евангелие — Благая весть: то, что я сам, своим умом никогда бы не смог узнать.

Б. Некоторая личная бесконечная заинтересованность неизвестным мне абсолютно трансцендентным, восприимчивость к абсолютно трансцендентному.

В. Моя личная пошлость — личное пошлое присвоение пошлости ветхого Адама.

Г. То, что я узнал от других, из чтения книг, узнал как то, что я знал и до этого, только не знал, что знал. То есть: я узнал из книг, но, когда узнал, узнал, что знал это и до чтения. Аналогия с Сократовым воспоминанием.

Д. То, к чему стремлюсь, но лишен и не могу добиться. То, что я нахожу в некоторых книгах, но и найдя, знаю как то, чего не знал. Д — контрарная противоположность к Г, и то, что меня интересует в Д, как-то связано с А, так что Д к А в отношении субконтрарности, может, Д — один из атрибутов или акциденций А. Но к А, к некоторым другим акциденциям его, кроме Д, у меня есть восприимчивость, а к Д — нет.

Б — восприимчивость к А.

В — популярная философия: Шопенгауэр, Э. Гартман, отчасти Бергсон, Файхингер, прагматизм, Зиммель, Дильтей, Бультман, современная герменевтика и философы, философствующие ни о чем. В них есть некоторый соблазн, но пошлый. Все они как будто бы начинают с предположения, что $2 \times 2 \neq 4$, но в конце концов приходят к тому, что $2 \times 2 = 4$, хотя бы приблизительно. У них есть некоторый интерес к неофициальности, некоторое любопытство к безумному Божьему, но больше страх перед ним и нет великого дерзновения во Христе. Все это я чувствую в себе, в моем ветхом Адаме, оно сидит где-то глубоко во мне, но я ненавижу его. Поэтому в моих вещах ничего от этого нет.

К В относится еще рационалистическое вырождение философии Канта — Фихте в неокантианстве: Коген, Риккерт, Виндельбанд, Шуппе и др. Это другой полюс той же пошлости. Файхингер объединил оба полюса пошлости: соединил, построил мост между ними. Прагматизм Шиллера, кажется, тоже исходит из Канта, но он не так пошл, как Phylosophie Als Ob.

Г. Когда я читал Лютера и некоторые протестантские книги, я узнавал то, что знал, но не знал, что знал; часто же и знал, что знал. Также Кьеркегор<а>. Может, также Кант<а> и Фихте. Но почему я знал и узнал как то, что знал, хотя раньше и не знал, что знал? Потому что:

А — уже раньше мне открыла это Благая весть;

Б — у меня была восприимчивость к этому;

Д — Хомяков открыл мне то, чего я не знал и, когда узнал, знал, что раньше не знал. Это практическая соборность. И также русская литература XIX в.

В., Л., О., Х. в взаимодействиях со мною, а иногда в противодействии мне тоже открывали мне то, чего я не знал и узнал, как то, чего не знал. Но здесь было и обратное отношение, и взаимодействие, поэтому так вошло в меня, что отделить невозможно. А Хомяков и предполагаемое истинное ядро православия все же далеко от меня.

Схема: А → Б
В
Г Д

При этом: Г совместно с Б. Д не соединяется с Б, то есть Б не может принять Д и в то же время не может безусловно отвергнуть. Истинное ядро Д так глубоко скрыто за пошлостью (то есть объективным В) официального православия, что:

а) мне не хватает силы Б, чтобы открыть его;

б) меня пугает моя собственная В, то есть пошлость моего ветхого Адама, и я боюсь Д, чтобы не погрузиться и не потонуть в лицемерии и пошлости.

16.IX. Я уже не раз записывал о своей пошлости, двойной пошлости: пошлости ветхого Адама во мне и личной пошлости присвоения пошлости ветхого Адама. Лживая искренность и искренняя лживость тоже пошлая. Каждый человек есть ложь <Пс. 115, 2; Рим. 3, 4>, то есть искренне лжет. Это же я чувствую в моей пошлой впечатлительности. И Мережковский говорит о связи: черт — пошлость, — кажется, в статье о Гоголе. Гоголь чувствовал это, то есть чувствовал в себе бесовскую пошлость. Черствость души. Das Bestehende.

18.IX. Вчера я долго гулял и было, как год тому назад: хождение-молитва. А под конец мелькнула подлая мысль. Подлая мысль — лакейская: о естественности сверхъестественного — не моя мысль (три года тому назад), мысль о горизонте, которую шепнул мне голос утром. В подлой мысли есть естественность, рассудительность — здравый смысл и пошлость. О ней знали и в древности. Исаак Сирианин говорит о состоянии уныния, когда вдруг на ум приходит то, что и вымолвить страшно. Об этом же говорит Лютер, и оба говорят, что приходят эти мысли именно опытным в вере. Не безбожие подлая мысль, а какой-то безбожный, хитрый и подлый намек, пошлый соблазн. Когда Д. Штраус к концу жизни отверг Христа, потому что Евангелие нарушает комфорт жизни (Новая вера), это была не подлая, а глупая мысль. Какая угодно безбожная, пусть злая, пусть антихристова мысль сама по себе еще не то, что я называю подлой мыслью. Подлая мысль не может явиться неверующему, но только верующему. Это даже не мысль, а только пошлый намек, подлый вопрос. Первый подлый вопрос — вопрос змия Еве: а правда ли Бог сказал... вот это «а правда ли?..» и есть подлая, лакейская мысль. В новое время подлая мысль являлась под именем мифа: Евангелие — миф (Д. Штраус). В сравнительно-историческом изучении Евангелия тоже есть подлая мысль. Это не значит, что Бультман и другие — подлецы, они соблазненные бесом, маловеры. Фрейд — атеист, но у него иногда чувствуется некоторая печаль, он — кающийся атеист. Но его атеизм не подлая мысль, если же он кается, то уже не атеист. Юнг внешне, то есть на словах, может, и ближе к вере, может, он сам и считал себя верующим, но весь проникнут соблазном подлой мысли, принимает ее и развивает. В отличие от Фрейда в нем не чувствуется никакой ни слабости, ни печали, скорее самодовольство. У Шеллинга последнего периода, у Я. Бёме и Майстера Экхарта есть соблазн подлой мысли [но это другое] — соблазн демо-

низма. Но они поддавались ему невольно, даже не сознавая, что это соблазн, а Юнг — добровольно и полностью погряз в ней [не в демонизме, а в подлой мысли, но, может, и в демонизме есть что-то от подлой мысли]. Избави меня, Господи, от подлой мысли, не введи во искушение, избави от лукавого.

Один бес ведет за собой других бесов. И вчера перед сном, и сегодня, несмотря на хождение-молитву, после подлой мысли снова пустые и глупые мысли в связи с пошлой впечатлительностью. Как апостолу Петру, Христос протянул мне руку, и я ходил по воде, пока не усумнился, и вот снова тону.

19.IX. В грехе три основания: абсолютное, относительное и субъективное, но не психологическое, а трансцендентально и абсолютно субъективное.*

Абсолютное основание: несоответствие Божественного дара мне моей тварности. Тогда Бог сказал: ты грешник. И я стал грешником.

Относительное основание: один молодой монах спросил старого монаха: что делать, мне лезут на ум греховные помыслы? Старый монах ответил: ты не можешь запретить птицам летать над твоей головой, смотри только, чтобы они не садились тебе на голову и не вили гнезда на твоей голове. Птицы-помыслы — это прилоги, обычно считают, что прилоги — adiaphora [но, кажется, это неверно]. Затем человек вступает в собеседование с ними, но и это еще не падение. Падение — когда он принимает их. Мне кажется, это неверно. Собеседование с птицами-помыслами — уже падение, и может, большее, чем непосредственное принятие их; собеседование с ними — уже увязание в грехе. И тогда я чувствую свою полную невозможность победить их, полное свое бессилие и, чем больше сопротивляюсь им, тем больше увязаю в них. Тогда я вижу: во-первых, полную невозможность устоять перед соблазном, хотя бы этот соблазн был только пустой и пошлой мыслью; и во-вторых, даже если и сам прилог — уже грех, то есть грех, что он возник у меня, что над моей головой летают птицы-помыслы, а я не сказал им: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн, — даже и тогда я непо-средственно вижу, что они не от меня, не я их вызвал, виновник их — дьявол. Потому что сам прилог не естественен: то, что у животных не грешно, иногда же, как наивное, и умилительно, у человека часто бывает отвратительным и греховным. Само естественное в грехе стало моим врагом. Но затем уже потенцированный грех: сама противоестественность для меня естественного, противодействие естественному вместо того, чтобы стать для меня святым, стало соблазном,

---

* См. библиогр. [14], с. 53—56.

это уже потенцированный грех: не только сам грешный помысл, но мысль о нем, мысль о мысли стала грехом — ядром греха. Здесь я перехожу уже к абсолютно субъективному основанию греха. Если прилог, то есть греховную мысль, пришедшую не от меня, еще можно считать adiaphora — в чем я сомневаюсь, — то в мысли о греховной мысли я уже увязаю в грехе, она разъедает мою личность, моего сокровенного сердца человека. Это скрыто от людей, никто не видит, только Бог. Скрыто и от пассивно, и от активно невидящего и открывается только в глубине ви́дения своего невидения: в глубочайшем отвращении к себе и в унынии — тогда уже дважды потенцированный грех. Это уже мой, абсолютно мой, глубочайший личный мой грех. И в то же время я абсолютно беспомощен, ничего не могу сделать, опутан и связан дьяволом и своим грехом, дьявол опутал меня моим грехом. Это не отменяет абсолютного основания греха: causa finalis всего — Бог, возложивший на меня непосильное мне бремя. Что мне остается? В страхе и трепете, в тоске и смятении, в полном сокрушении духа завопить. Но и этого не могу, пока скованный дьяволом пытаюсь сопротивляться ему. Только поняв всю безнадежность сопротивления дьяволу, только дойдя до полного, совершенного смирения, завоплю: Эли, Эли, лама савахфани. Тогда Бог освободит меня.

Когда наступает уныние, полное, беспросветное уныние, когда чувствуешь себя окруженным всеми бесами, закрывающими от меня и меня самого и Бога, когда приходит ощущение полного рабства, полного подчинения какой-то непонятной, отвратительной, бессмысленной, демонической силе, какому-то неизвестному, анонимному бесу, опустошающему и ум, и чувства, и волю, и сердце, помогает не свобода выбора, не Entscheidung, а только молитва. Но если анонимный бес, легион бесов подавляют меня так, что я уже не могу ни молиться, ни вопить, — что делать? Исаак Сирианин говорит: завернись с головой в свою мантию и ляг спать. Нил Сорский: помолись на самый соблазн. Если же и это не помогает, то смириться полностью: когда уже никому и ничему не сопротивляешься, чувствуешь себя безвольной игрушкой в руках дьявола, теряешь всякую человеческую надежду, тогда приходит Бог.

Христос позвал Петра, и Петр пошел по воде. Но усумнился и стал тонуть. Тогда Христос сказал: маловерный, зачем ты усумнился, — и протянул ему руку. И меня позвал Христос, и я шел по воде, но усумнился и стал тонуть.

Исаак Сирианин и Лютер, оба говорят, что мысль, которую и вымолвить страшно, приходит только к немногим, избранным. И я подумал: а также и к полностью отвергнутым. Я уже потерял всякую человеческую надежду. И пришел Бог, Христос протянул мне руку.

20.IX. Месяц мучил меня дьявол пошлой впечатлительности. Наконец, Бог освободил меня от нее, но я усумнился, и бес шепнул мне подлую мысль, а через нее проникли и другие бесы. Я уже окончательно потерял всякую надежду: я перестал сопротивляться бесам — все равно это бесполезно. Тогда пришел Бог.

Когда птицы-помыслы летают над моей головой, не в моих силах не дать им сесть мне на голову и вить там гнезда. Чем больше я противлюсь им, тем ближе они ко мне, пока не сядут мне на голову и не станут вить свои гнезда. Если я не смог удалить их сразу молитвой или воплем, то уже никак невозможно удалить; только полностью смирившись, даже перед бесами, только в полном сокрушении сердца и смирении духа, когда наступает полная, беспросветная безнадежность, тогда Ты приходишь и удаляешь их. Господи, не оставь меня, убери от меня не мои мысли, не дай усумниться, умножь во мне веру, утверди меня в вере.

Почему я тогда усумнился? Что значит это сомнение, даже не сомнение, а мелькнувшая не от меня подлая мысль — ведь снова было хождение-молитва? Я возьму другой пример: я сознаю свою вину и вину без вины. Вина без вины выводит меня из моего естественного, имманентного состояния. Вина без вины — трансцендентальное a priori греха. И здесь возникает или может возникнуть соблазн — соблазн подлой мысли: что такое грех — только ли мое субъективное или абсолютное? Если только субъективное, то Бога нет и я виноват только перед самим собою. Тогда Юнг прав: Бог — только благоустроенность моего подсознательного, в грехе же я распускаюсь, теряю себя во внешнем, выхожу во внешнее из некоторой внутренней целесообразной, центростремительной нормы моей жизни, только моей. Это и есть подлая мысль: моя жизнь — только моя. — Не моя она, она принадлежит Богу.

На языке «Критерия»: сдвиг в апории — вверх или вниз? Если вниз, то сдвиг остается в самой апории, нет сдвига апории, тогда и в апории сдвиг мнимый. Если вверх, то помимо сдвига в апории есть еще сдвиг самой апории. Подлая мысль — подлый вопрос: а правда ли, что сдвиг в апории — вверх, правда ли, что есть еще сдвиг апории? И ответ только один: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Если же сразу не отвечу, то только одно спасает: только смирение, даже перед бесом, смирение в полном сокрушении духа и безнадежности. Тогда Бог уберет подлую мысль.

21.IX. Год тому назад, когда прекратились мои хождения-молитвы и я думал: за что? — я написал:

а. Я успокоился в моих хождениях-молитвах: я полюбил их.

б. Я не успокоился в моих хождениях-молитвах: я не любил их.

Когда на днях снова было хождение-молитва, я как-то понял эту антиномию, вернее, почувствовал: я действительно любил их и действительно не любил: любил, когда не любил, и не любил, когда любил. В связи с Кьеркегором я раз записал: понять что-либо — это значит: целиком принять, сделать своим и как свое целиком отвергнуть. Так и хождение-молитва. И еще: радость-страдание, mysterium tremendum et fascinosum; не только tremendum, но и fascinosum, и не только fascinosum, но и tremendum. Как tremendum-fascinosum и как fascinosum-tremendum.

Но возможно, что слишком преобладало fascinans, другой элемент ослабел. Тогда я успокоился в этих хождениях-молитвах. Но тогда и обеспокоился, потому что успокоился. Временная последовательность здесь не обязательна, могло быть и сразу: успокоился и сразу же обеспокоился, что успокоился, и сразу же успокоился, что обеспокоился, что успокоился... Но само это indefinitum, может быть, уже соблазн — подлая мысль.

27.IX. Я читал, вернее, просматривал — читать невозможно — эпопею Белого «Я». Неприятно в ней (и по воспоминаниям) — соблазнительный душевный эксгибиционизм: как будто его внутренности снаружи, и эти внутренности — его душа. Психопатологические состояния — ложь и фальшь. Они могут напоминать или казаться высокими, духовными, чинарными, на самом деле это какое-то извращение установленного Богом порядка: снаружи тело, внутри душа. Поэтому духовное открывается в косвенной речи: откровение в сокровении, сокровение в откровении. В терминологии <сочинения> «Трактат Формула Бытия»: это и то. Всякое то, как только то, есть это; то — есть тожество этого и того. У Белого же претензия на исключительное то: быть в том, только в том. Поэтому он в этом, только в душевном, извращенном душевном. Пророчество переходит в кликушество. Возможно, это относится вообще к антропософии.

Затем: провинциализм его рассуждений о Канте и Риккерте. Русский провинциализм: подражание европейскому, но с некоторым опозданием. Неокантианство положительно или отрицательно (то есть в противодействии ему) было модным в России, когда на Западе интерес к нему спадал. Белый провинциален и в своем философствовании, и в своем эксгибиционизме. И все же не юродивый. Юродивый не рассуждает о Риккерте и о каких-то модернистских чертежах своей Нелли. Вообще не рассуждает о Нелли. Юродивый не эксгибиционист и, несмотря на юродство, сохраняет некоторое установленное Богом соотношение между телом и душой, открывается в сокровении и скрывается в откровении.

Какое-то непонятное противоречие русской жизни и мысли: не русский, а еврей Гершензон напомнил о славянофильстве и миссии рус-

ского народа. А русский В. Соловьев наполовину католик и западник. Западники съели славянофильство. Белинский — другой полюс Фаддея Булгарина. История русской критики за 150 лет: от Фаддея Булгарина до Фаддея Булгарина. Посередине что-то начиналось, но западники — некоммунистические и коммунистические — тщательно старались подавить.

29.IX. История греческой философии — борьба apeiron* с Logos'ом**. Кажется, Анаксимандр сказал, что первородный грех — самоограничение беспредельного, и из-за этого все мы расплачиваемся страданием. Отношение между беспредельным и Логосом даже величайшие из греков — Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель — не смогли разрешить по двум причинам: им не дано было знать творение из ничто и вочеловечение Бога, то есть Его добровольное самоограничение. Творение из ничто — всемогущество Божие. То есть им не дано было знать ни всемогущество Божье, ни Его добровольное самоограничение.

1. Греки не различали а) бесконечность Бога, б) беспредельность и беспредметность ничто. Поэтому у них не ничто, а первоначальный хаос или материя, ограничивающая и опредмечивающая Бога, и Бог — только Демиург, даже у Платона («Тимей»).

2. Не различали грех непроизвольного самоограничения бесконечного в человеке и святость добровольного самоограничения Бога.

Бесконечное ограничивается в самосознании твари, то есть в человеке. Божественное самосознание в Троице не ограничено, потому что в Боге возвращение самосознания в Себя адекватно, а в человеке самосознание объективируется, тогда уходит от себя, возникает indefinitum. Но indefinitum всегда дано потенциально, а не актуально, поэтому экзистенциально конечно. Это знал еще Спиноза, а в математике понял Брауэр: для человека в его творчестве нет актуальной бесконечности, он получает ее только как дар, даром даваемый, в Христе. Самосознание человека дано в потенциальном indefinitum, поэтому само по себе конечно, то есть ограничивает первоначальное apeiron, самосознание Бога — актуальное infinitum***, поэтому не ограничивает Его. Но Он Сам ограничил Себя, став человеком, чтобы мы получили Его infinitum, то есть взял на Себя наш грех. Поэтому Христос действительно реально взял на Себя грех всего мира и проклятие (апостол Павел <2 Кор. 5, 21,>).

В невинности, например у животных, есть конечные желания, страдания, так как весь мир проклят за мой грех — Бытие 3, — и все же apeiron в невинном не ограничен, так как только самосознание ограничивает его.

---

* Безграничное, бесконечное, беспредельное (*гр.*).

** Λόγος — слово, мысль, разум, закон (*гр.*).

*** Вечное, бесконечное (*лат.*).

Все это я подумал после чтения эпопеи Белого. Из Белого ничего не вышло потому, что он был слишком гениален, то есть стихийно гениален, не сумел ограничить свое apeiron. Но он, как и всякий человек, уже пал, значит, его apeiron уже ограничено первородным грехом. Тогда грех его потенцирован: помимо первородного греха, второй — попытка прорвать границы, наложенные самим грехом, но они наложены самим Богом, чтобы открылись глаза. Вместо того, чтобы освободиться через Христа, он пытается освободиться своими силами, человеческой мудростью — антропософией; может быть, вернуться в первоначальное apeiron. В этом его вторичный грех и крушение.

3.X. Кажется, Бор сказал об одной физической гипотезе, что она недостаточно необычна и парадоксальна, чтобы быть плодотворной и истинной. От этого же такая грубая ошибка с Кантом — с определением его типа.

Мое разделение — через нигде — всюду и через всюду — нигде — надо еще дифференцировать. Нигде и всюду каждое разделяется:

нигде — нигде всюду (1) – +   всюду — всюду нигде (3) + –
нигде — нигде нигде (2) – –   всюду — всюду всюду (4) + +

Через нигде — всюду. (2) Нигде — нигилистическое, отсутствие внутреннего стержня, неплодотворная мечтательность, Манилов:

нигде нигде — всюду или – – | +

(1) нигде — положительное, внутренняя сосредоточенность. Не обязательно религиозное или духовное, например, финансист, предприятия которого разбросаны по всему миру, он же сидит у себя в комнате, отдает распоряжения своим секретарям, причем ничем больше не заинтересован, почти аскет:

нигде всюду — всюду или – + | +

Через всюду — нигде. (2) Нигде — нигилистическое, живет только во внешних впечатлениях — похоть очей, нет ни прошлого, ни будущего, но нет по-настоящему и с е й ч а с, то есть полноты времен в сейчас, только внешняя, все время преходящая суета:

всюду — нигде нигде или + | – –

(1) Нигде положительное, возвращение к себе от внешних впечатлений, сохраняется с е й ч а с:

всюду — нигде всюду или + | – +

Можно расширить эту типологию:

III	IV	II	I	
a) – + | + +	– – | + +	+ – | + +	+ + | + +	
b) – + | + –	– – | + –	+ – | + –	+ + | + –	16 типов
c) – + | – +	– – | – +	+ – | – +	+ + | – +	
d) – + | – –	– – | – –	+ – | – –	+ + | – –	

Все ли типы практически различаются?

Классификация их: 1) 1a, 4d } 2) 1d, 4a } Дополнительность
3) 2c, 3b } 4) 2b, 3c } и т. д.

Возможны и другие.

Другое разделение:

в интенсивном (ι) — экстенсивность (ε) и в экстенсивном — интенсивность.

Два значения ι и ε:

ι: а) внутри, б) соединение; ε: а) вне, б) разделение.

Непосредственно ι отделяет от внешнего, поэтому направляет внутрь, ε направляет от внутреннего вовне; но всякое соединение многого, хотя бы внешнего, не простой агрегат, поэтому внутри или ι — функция соединения (еще у Канта: трансцендентальное единство сознания); я даже не могу видеть какое-либо многообразие, хотя бы внешнее, как несоединенный агрегат. Поэтому:

А. (I) Обращаясь внутрь себя, я отделяюсь от внешнего, отделение от внешнего — функция ε: ι → ιε.

(II) Обращясь вовне или к другим, я соединяюсь с ними: от меня — к ним и от них — ко мне: ε → ει.

Б. (I) Но через отделение от внешнего может возникнуть внутреннее единство с ним — соборность; может быть, отшельник сильнее всего реально чувствует связь со всеми: ιε → ιε | ει.

(II) Через соединение с внешним можно и потерять себя во внешнем, это внешнее соединение — потеря и себя, и соборности: ει → ει |ιε.

Последние два случая снова возвращают к первой типологии:

ι –, ε +; тогда: (I) – + | + – (IIIb), а (II) + – |– + (IIc).

О соединительной функции ι. Кошка пробежала по клавишам рояля, я записал на магнитофон. Слушая эту случайную последовательность звуков много раз, я непроизвольно соединю эти звуки в какую-то мелодию. Это уже музыка, пусть плохая, примитивная, но все же музыка, так как я непроизвольно чувствую в ней некоторое единство. Какофонии, то есть беспорядка, вообще нет, это слово ничего не обозначает, потому что я не могу не соединять внешние ощущения. Связь с алеаторикой и ташизмом: новое понимание случайности, то есть

контингентности. — Стихи Введ<енского>: я сидел в моей гостиной...* и аналогичные у Ионеско: случайное перечисление разных прилагательных с одинаковой рифмой.

7.X. 52 × 4.**

Снова пытаюсь собрать «Сон и явь». Первая редакция второй части была неудачной: вообще не была видна связь между сном и явью. Связь эта — душа, сон души, просыпание, Провидение: и сон стал явью.

Среда 11.X. 52 × 4.

Вчера перед сном думал: что значит вообще стыд? перед кем я стыжусь? Шпет сказал: человек стыдится не своего тела — это еще глупый античный интеллектуализм Плотина, — а своей души. Предположим, я совершил какой-либо нехороший поступок или просто пришла на ум нехорошая мысль и я увяз в ней, не сказав сразу: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Никто, кроме меня, не знает и не узнает об этой мысли. Почему мне стыдно? И перед кем? Мне стыдно и чувствую свою вину — в чем и перед кем? Если перед самим собою, то, мне кажется, здесь есть все же некоторое несознаваемое лицемерие: а если бы я был перенесен в другое место, где меня никто не знает, и со старыми традициями, знакомыми и авторитетами было бы полностью навсегда покончено — было бы мне стыдно перед самим собою?

Кант разделяет этические обязанности: в отношении к другому и к себе самому. Я вообще не понимаю слова́ «этические», «обязанности» и совсем уж не понимаю обязанностей к себе самому. Не обязанности, а повеленное мне: возлюбить ближнего и возненавидеть себя. «Исполняя же повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие». Повеленное кем? Не мною. Поэтому вина перед самим собою — нарушение второй заповеди Моисея: себя самого я делаю своим кумиром под видом гипостазируемой чистой воли, или гипостазируемой упорядоченности своего бессознательного (Юнг), или как-либо иначе. Тогда и возникает фарисейское самоуважение. Все это высокое у людей — мерзость перед Богом.

Я виноват перед кем-нибудь и стыжусь себя перед кем-нибудь, кто для меня авторитет, то есть свят. Первая ступень: для меня может быть свят какой-либо человек, но еще больше память о нем. И здесь тоже две ступени: если он жив, то стыд перед ним может тоже стать нарушением второй заповеди. Если же его уже нет на земле, то чувство вины перед ним, стыд за себя перед ним, уже не существующим здесь на земле, и

---

* Введенский А. Четыре описания // ПСП. Т. 1. С. 164—172; *Сб.* Т. 1. С. 459—468.

** Приближается четвертая годовщина смерти матери.

святость памяти о нем переходит уже в ощущение абсолютной святости: Бог — Бог живых, а не мертвых, для Бога все живы, сказал Христос. Тогда я виноват и стыжусь перед Богом. Но эта святость памяти будет ощущением абсолютной святости как непосредственная, а как теоретизирование может стать грехом и подлой мыслью (культ предков, Фрейд о святости и авторитете). Но и до теоретизирования могут возникнуть два соблазна — два греха, но, кажется, не смертных, если нет теоретизирования, то есть рефлексии:

1. Если я сильнее чувствую вину перед памятью человека, чем перед Богом.

2. Если я, чувствуя свое осквернение грехом, каюсь мысленно перед человеком, перед его памятью, а не перед Богом. Как будто бы я думаю: я грешник окаянный и уже недостоин даже обращаться к Богу, к Христу, просить Его о прощении, какой-то человек в живой памяти о нем, может, даже живой в памяти о нем, он поймет и простит, а не Бог. Здесь два момента:

а. Ощущение смрада греха, своей окаянности и жестоковыйности — Verstocktheit.

б. Грех Иуды: уныние и маловерие — я еще не верю в бесконечную любовь Бога, в силу жертвы Христа.

Два последовательных логических вырождения гениальной ошибки Канта — автономной этики:

1. Этика личная становится социальной — Коген. Полностью осуществил, кажется, марксист Штаммлер — обоснование социализма этикой категорического императива. Но тогда: относись к обществу, а не к каждому человеку, как к самоцели. В пределе же оправдание авторитарного режима — фашизма, государства Кампанеллы, Т. Мора, Платона и др. Христос же говорит: на что человеку целый мир, если он повредит своей душе <Мф. 16, 26>.

2. Наиболее абстрактный и возвышенный, а потому и наиболее греховный, нравственный эгоизм, даже эгоцентризм, в обожествлении категорического императива — нравственный солипсизм. Но тогда постулат практического разума не Бог, а я сам, гипостазирующий себя под видом чистой воли. Тогда любовь к ближнему становится только легальностью, так как подчиняется авторитету моего категорического императива, то есть меня самого. Эта наиболее возвышенная, идеальная любовь к себе самому, то есть к своему чистому трансцендентальному я, к своему трансцендентальному ничто, переходит в идеальное фарисейство: поступай так, чтобы другие люди, а в наиболее идеализированной форме — я сам считал себя хорошим, нравился себе самому. Это фарисейство называют чувством собственного достоинства, самоуважением.

Если Бога нет, то у меня нет никаких нравственных обязанностей ни к другим, ни к себе самому, остается только одно: удовлетворение своих прихотей или, что еще хуже, возвышенный, идеализированный эгоизм — если себя самого сделаю для себя Богом. И если есть Бог, тоже нет обязанностей. Есть только повеленное мне Богом. Это не обязанность и не закон. Закон, обязанности — безличное и принадлежит к сфере заслуг — наград. Повеленное мне основано на любви и вере в Того и к Тому, Кто повелел. Тогда раб уже не раб. Если я занял последнее место, хозяин пира подходит ко мне и называет меня уже другом: друг, пересядь повыше, там твое место (Лк. 14, 10). Христос к ученикам Своим: Я уже не называю вас рабами, но друзьями.

В автономной этике я сам себя делаю своим господином. Но все равно остаюсь рабом: рабом своего закона, рабом своего категорического императива, рабом своего трансцендентального ничто.

16.X.67*

Я все время пытаюсь собрать «Явь»**, но не могу ни выбрать, ни объединить — какое-то apeiron, беспредельное. Я мог бы выбрать отдельные интересные мысли, последовательности мыслей, чаще незавершенные, но это сейчас мне не нужно. Что нужно? Найти себя. А за собою — Тебя.

Беспредельность — беспредельное множество. И это же — беспредельная пустота.

Вот что мне надо, что я хочу фиксировать в «Яви»: как я пришел к «великой скорби, которой не было от начала мира и не будет», как сон стал явью. Если бы мне удалась эта фиксация, то, может быть, моя беспредельная пустота заполнилась бы. Логос заполнит: Слово, ставшее плотью. С этим связаны мои сны и забывание снов, и я бодрствовал бы и днем и ночью: жил бы все время с е й ч а с, в котором исполнилась полнота времен.

Я выпадаю, все время выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту.

17.X. Слово, ставшее плотью, отказалось от принадлежащей Ему по природе вины-causa и приняло свойственную нам вину-culpa. — Кеносис. Вина-culpa свойственна нам от рождения и все же не принадлежит нам по природе, как твари; тварь невинна и, как невинная, не несет вины: ни causa, ни culpa. Но Бог пожелал передать мне Свою бесконечную ответственность и свободу. Тогда несоответствие моей

* Четыре года со дня смерти матери. Дата выделена автором.

** «Сон и явь».

невинности возложенной на меня ответственности и свободе стало моей виной-culpa. Грех и вина-culpa — трансцендентальная, forensis*. Через принятие вины-culpa я получаю лицо, личность. Христос — истинный Бог, но и истинный Человек, то есть человеческое лицо, личность. Как Бог Он всегда лицо, но стал истинным Человеком, то есть лицом, и как человек, приняв на Себя всю вину без вины — culpa. Поэтому и я — лицо, то есть личность, только в вере в Христа, в Христе.

Мое экзистенциальное противоречие в том, что, как тварь, я не виновник своего существования и в то же время Бог возложил на меня ответственность за мое существование. Я не в силах принять ее, но Бог уже возложил на меня Свою ответственность и требует, чтобы я совершил невозможное для меня. Христос, отказавшись от вины-causa и целиком актуально приняв на Себя всю вину-culpa, обнаружил всю глубину греха, то есть всю страшность жизни, противоречивость и страшность моего существования. Полная реализация принятия вины — culpa, вины за весь мир, — завершилась на кресте: Боже, Ты Мой Боже, что Ты Меня покинул. Это и есть смертельная скорбь и кровавый пот в Гефсимании, а не боязнь физических мук и смерти, ведь Христос знал, что Он воскреснет и сядет одесную Отца. Это может быть только один миг полного отвержения, оставления Богом, один бесконечный и бесконечно страшный миг, и все же только один миг. Может, это и есть ад.

Христос актуально принял на Себя грех всего мира, то есть всю вину-culpa. Для меня это принятие вины обычно потенциальное: во-первых, за тех, кого я знаю, во-вторых, повеление. Но, как повеление, — абсолютное. Митя Карамазов во сне понял: я виноват за всех. Я актуально принимаю эту вину за всех в вере в Христа, тогда Он освобождает меня от нее. Как я принимаю? В одном дважды двойном акте:

1. Если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете.

2. а. Я что как ничто. То есть не думать, что я сам от себя что-то делаю или могу делать. Думать, что я сам от себя что-то делаю или могу делать, и есть делание от себя и грех. И все же я ничего не могу сам от себя делать. Тогда делает дьявол во мне. Но вина-culpa остается на мне, так как я ее же принял, думая, что делаю что-то от себя. Само это думание и есть моя вина-culpa, то есть ее непринятие: моя вина в том, что я не хочу принять ее.

б. Увидеть всю страшность жизни, то есть сам грех, увидеть, как увидел Христос в Гефсимании. Тогда α) в Христе я беру на себя всю вину без вины — culpa, беру на себя грех всего мира и, так как в Христе, то β) Он освобождает меня от вины-culpa, принимая ее на Себя, и дает мне вину-causa: Я уже не называю вас рабами, но друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего <Ин. 15, 15>.

---

* Судебная (*лат.*).

Этот дважды двойной акт — вневременный и внепричинный, поэтому нельзя устанавливать временную или причинную последовательность между двумя моментами: абсолютным — предопределением и избранием и абсолютно субъективным — творением себя из ничто, причем:

а. Отречение от себя самого осуществляю все же я, именно я, значит я сам, а не кто-либо другой принимает на себя вину-culpa. И в то же время я не могу этого сделать, все совершает Бог, я же сам могу только утверждать себя: думать, что я сам что-то делаю или могу делать.

б. Но Бог оставил мне Свое ничто: только не думать, что я сам что-то делаю или могу делать.

в. В этом ничто уже и не я делаю, и не я думаю, а Христос во мне.

Что значит не препятствовать вселению Христа в меня, действию благодати? Может, только одно, двойное одно:

1. Не думать, что я могу препятствовать действию благодати.

2. Не думать, что я могу не препятствовать действию благодати.

То есть не думать, что я могу помогать Богу или мешать Ему. Когда я думаю это — в обоих случаях я уже противодействую Ему. Когда не думаю это, не мешаю и не помогаю — я уже помогаю. Когда я ничего не могу — я уже все совершаю: я что как ничто.

Теперь практически, то есть лично: вот в мою четвертую страстную неделю я снова выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту. Я ничего не могу — ни помочь Тебе, ни помешать, я что как ничто. Помоги мне, Господи, помоги, Иисусе Христе, опустоши меня до конца и наполни Собою, дай знак Фомы в эту мою страстную неделю.

18.X. Кажется, в «Видении» я писал: понять свою жизнь как некоторую погрешность. То есть вся моя жизнь — небольшая погрешность в некотором равновесии. Во-первых, вся моя жизнь, как она непосредственно эмпирически протекала, — некоторая погрешность, и, во-вторых, — и это ноуменальная основа всей моей эмпирической жизни — сейчас я сам, то есть мое с е й ч а с, как свершение и полнота времен, заключающее в себе всю мою жизнь, есть некоторая погрешность. В этом понимании всей моей жизни, заключенной в моем с е й ч а с как погрешности, я вижу Божественную серию моей атональной жизни — Провидение.

Соединение некоторых ноуменальных линий:

Творение мира — небольшая погрешность в некотором Божественном равновесии и также я сам как начало себя самого в понимании себя самого в сейчас моей души.* Только нельзя понимать эту погреш-

---

* См.: Друскин Я. Сейчас моей души. — 1976 г. — Личный архив.

ность пантеистически, как Майстер Экхарт или Якоб Бёме и Шеллинг, поэтому творение мира εε — ограничение Бога, творение меня — ει. Оно не интенсивное, а экстенсивное, экстенсивность предохраняет от пантеистического соблазна и также от акосмического (Спинозы).

Сын Божий, Слово, ставшее плотью. Истинный Человек, то есть лицо, Сам образ и подобие, отказавшийся от вины-causa, принявший на Себя вину-culpa, чтобы я в Нем полностью принял на себя всю вину-culpa и получил лицо. Тогда Он освобождает меня от вины-culpa, приняв ее на Себя, чтобы дать мне вину-causa — абсолютную ответственность и свободу.

Вочеловечение Бога — ιε.

Принятие на Себя вины, крест — ιι.

Вочеловечение Бога — обвинение меня за то, что я не могу ни принять, ни не принять Его дар мне.

Крест — мое оправдание, снятие с меня вины-culpa.

19.X. Надо ли вообще выбирать, составлять и записывать «Явь»? Фиксация вообще необходима, но необходима ли сейчас для меня чувственная, то есть письменная, фиксация? Не достаточно ли только продумать? Вообще чувственная фиксация необходима — Слово стало плотью и, только воплотившись, пройдя всю жизнь вплоть до креста и воскреснув, Оно послало Святого Духа. Но сейчас я боюсь всякой письменной фиксации из страха тоникализировать свою жизнь, чтобы найти где приклонить мне голову. Но ведь здесь есть еще другое: я именно не хочу, естественно не хочу что-то делать, у меня какое-то внутреннее противодействие, которое я большей частью не могу преодолеть и не могу ни б ы т ь при деле, ни б ы т ь не при деле. Тогда это скорее какая-то бесовская абулия, бесовское принуждение к выбору невыбора, к отрицательной форме детерминизма.

Некоторые сомнения. В жизни было несколько линий, если взять ноуменальные, то две:

1. Практически экзистенциальная: моя лестница Иакова. Но и эта линия переходила во вторую — теоретически экзистенциальную, например «Псалом», «Щель и грань».

2. Теоретически экзистенциальная — то, что я писал. Но и здесь некоторые вещи возвращались к первой линии: «Вестники», «Формула существования»* и «Формула несуществования»**.

---

*Отдельная работа с таким названием неизвестна. Рассуждения на эту тему см.: «Трактат Формула Бытия».

** Добавление II к части I «Квадрат миров» сочинения «Контрапункт, или Соблазны» (см. примеч. на стр. 125).

Но сама первая линия двойственная:

1. Радость Божия, вера, утешение.

2. Страх Божий; искушение, игнавия, уныние.

Может, искушение, игнавия, страх Божий и привели к великой скорби, которой не было от начала мира и не будет? Но будет ли правильной некоторая односторонность? Не получится ли без второго момента соблазнительный и в общем примитивный нигилизм? Но тогда что включать в «Явь» помимо выписок из «Принадлежностей»? Из моих вещей? Законченных или незаконченных? Этого не надо, а без этого может получиться соблазнительная односторонность.

25.X. В 3-м томе «Мемуаров» Белый организует свой apeiron замыканием в какой-то передоновщине: всюду бегает недотыкомка*. После трехдневного чтения, вернее, просматривания «Мемуаров» она мелькает все время и передо мною.

27.X. ...Но ведь я только человек, Господи, глупый человек.

Вдруг пришла на ум мысль, которую и выговорить страшно, унылая, глупая и страшная. Я сказал вяло и без Leidenschaft, с унылостью: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но он не отошел. Я пошел к столу вложить вату в папиросы и также неожиданно вдруг почувствовал тихое веяние ветерка, и в тихом веянии ветерка Ты отряс «блох, сигающих на меня с земли». Господи, дай мне, глупому и жестоковыйному рабу, рабу ленивому и неверному, Leidenschaft, leidenschaftliches Leiden.

[Феноменология адских мук]

31.X. Я не могу сказать сейчас, что имею или нахожусь в состоянии некоторого равновесия с небольшой погрешностью, не могу даже сказать, что нахожусь в состоянии неустойчивого равновесия: я все время выпадаю из него, падаю. Куда? Не на землю. Если бы на землю, то была бы привязанность к земному, земное тяготение, ожидание чего-либо земного, стеклянный корабль или интерес. Я интересуюсь всем, но в сущности ничем — ничем, кроме того, чего у меня нет. Поэтому нет интереса к моему интересу и нет стеклянного корабля настолько, что и само записывание и писание вещей не дает удовлетворения, если же иногда дает, то стыжусь этого и нет удовлетворения от удовлетворения.

Я все время выпадаю из неустойчивого равновесия. Куда? В пустоту, в бесовскую пустоту. Но ведь я не нахожусь все время в бесовской пустоте, хотя и часто нахожусь в ней. Но, и находясь в ней, я не нахо-

* Сологуб Ф. К. Мелкий бес.

жусь в ней субстанциально, а именно все время выпадаю из неустойчивого равновесия, потому так и мучаюсь. Что это — пребывание в бесовской пустоте и преисподней или, наоборот, — между небом и землей, как говорит Лютер? И к этому состоянию принадлежит хотя бы иногда, а сейчас у меня часто, очень часто, слишком часто, страх от падения в бесовскую пустоту, пребывание в ней. И тогда я чувствую какую-то свою ноуменальную отверженность, я раб жестоковыйный, ленивый и неверный. Прости меня, Господи, помоги.

2.XI. Пребывание в бесовской пустоте — что это? постоянное ли пребывание в ней, то есть субстанциальное, или именно постоянное падение, постоянное выпадение из некоторого равновесия? Если первое, то, во-первых, субстанциальность или бытие, то есть сущее, по преимуществу принадлежит только Богу, дьявол именно несущее, о котором много сказать: есть, но мало сказать: нет. Возможно ли тогда постоянное пребывание в бесовской пустоте, не станет ли так в какой-то степени сущим, значит, уже не бесовским? Во-вторых, не привыкаешь ли в конце концов к постоянности, нет ли даже какого-то удовлетворения от постоянности? Тогда и ад в конце концов станет Раем. Но ведь адская мука именно в том, что я все время вспоминаю о Рае и в этом живом воспоминании Рая я уже в Раю и сразу же падаю снова в ад, это и есть адская мука. Тогда в этом выпадении в адскую пустоту я и есть в адской пустоте.

Я не учел здесь адской скуки. Но, может быть, адская скука от однообразия есть только при воспоминании неоднообразия, само же по себе однообразие не скучно?

Возражения:

1. Есть злая воля, **сознательно**-намеренная любовь к злу, сознательно-намеренная жестоковыйность, желание быть в аду, Sein zum Tode. Я подчеркнул «сознательно», потому что бессознательно-намеренная и не всегда сознательно-намеренная есть у всех людей: с юности все устремления человека к злому <Быт. 8, 21>. Так вот этой**сознательной** любви к злу, сознательно-намеренного «пусть будет, как я хочу» у меня нет: я уязвлен Христом.

2. Есть уныпость: туда тебе и дорога, грязная свинья. Но ведь я страшусь этой уныпости.

Возражение на возражение: но ведь если бы была сознательная любовь к злу, сознательно-намеренное желание к злу и не было бы страха перед грехом и уныпостью, перед естественностью ветхого Адама во мне, перед естественно-нигилистическим отрицанием, то было бы некоторое удовлетворение и не было бы адских мук, ад не был бы адом. Тогда я снова заключаю: я уже в аду и отвержен.

Возражение на возражение на возражение: но ведь пока я не на небе, у меня и не может быть постоянного удовлетворения: я между землей и небом. Но пока я не на небе, постоянное удовлетворение и есть постоянное пребывание на земле — самоуспокоение и фарисейство. Я мог бы без конца продолжать эти возражения и возражения на возражения, но:

1. Само это indefinitum — ад и адская мука.

2. Но без этой адской муки я успокоился бы в фарисейском самодовольстве, то есть в вечной смерти.

3. Но не успокаиваю ли я себя сейчас этой теодицеей — оправданием indefinitum и адской муки?

И снова indefinitum возражений и возражений на возражения. Как прорвать этот бесовский круг?

В «Исследовании о критерии» этот бесовский круг являлся мне в теоретической форме, поэтому я не чувствовал его так экзистенциально: была лестница Иакова, я не мог так бесконечно выпадать из некоторого равновесия; все же бывала и игнавия. Я пытался найти выход из бесовского круга в критерии понимания, в критерии благоприятствующих условий. Но потом понял относительность не критерия, а только фиксирования критерия, тогда добавил: критерий понимания может быть назван в такой же степени критерием непонимания и критерий благоприятствующих условий — критерием неблагоприятствующих условий: ведь Христос победил, потерпев полное поражение, полное поражение здесь и есть полная победа. Так что не критерий я отрицаю, а формулировку или фиксацию критерия, и прав все равно первый из двух собеседников, как бы ни формулировал свой критерий. Но первая формулировка (понимание) может повести к фарисейскому рационализму, одна же вторая — к легкомысленному релятивистскому нигилизму. Может, только противоречивое, антиномическое единство, даже отожествление их, абсолютно. И все же достаточны ли они сами по себе? Тогда я ввел третий критерий, который неявно лежит в основе первых двух: не я, а Бог. Сейчас практически для меня это отвержение подлого соблазна: отойди от меня, сатана.

Я не нахожу никаких теоретических доводов, критериев, тем более доказательств для ответа на вопрос: призван ли я или отвержен. Но ведь ответ один — экзистенциальный: вера. Но я реально ощущаю: выпадение из некоторого, пока неустойчивого равновесия есть адская мука и ад, я осужден навеки. И так же реально продумав, вернее, прочувствовав до конца эту адскую муку, это вечное с е й ч а с отвержения, как Иов, вижу: жив мой Искупитель, есть на небесах Свидетель и Заступник на превыспренних.

3.XI. Часто я думаю: почему меня не волнуют вопросы, волнующие и волновавшие людей особенно в средние века и еще Лютера в монастыре? Но ведь уже давно, еще до войны, у меня была и игнавия, и о н о, и истина нулевой степени, и различные формы страха indefinitum — что это, как не страх адских мук, страх перед непризванностью и отверженностью — не холодный и не горячий, а теплый? Все это было с тех пор, как я себя помню. И страх смерти с 1911 г., и страх перед фаланстерами Фурье весной 1917 г. — тот же страх: коммунистическое земное временное счастье, как я прочел это у Бебеля и Фурье, показалось мне адом, самой страшной адской мукой.

Сама временность и есть ад. Христос преодолевает временность indefinitum. Ад — временность, временность без Христа, поэтому непреодолимая временность, прехождение и indefinitum, вечная смерть уже при жизни. Страх адских мук — страх не будущих, а настоящих адских мук. Я уже сейчас если не в Раю, то в аду. Чего же мне бояться будущего? Хуже не будет.

Об этом я писал еще 40 лет тому назад: хуже не может быть. Лучше может быть.

4.XI. А. К дурной бесконечности, то есть к indefinitum и к постоянному пребыванию в выпадении, в конце концов привыкаешь. Тогда найдешь и удовлетворение.

Б. К indefinitum никогда не привыкаешь именно потому, что она никогда не есть, но всегда только может быть, то есть проходит: есть как не есть, но как проходящая.

А. Но как всегда проходящая, она всегда та же самая, тогда привыкаешь.

Б. а. Тогда адская скука и тоска.

б. Но тогда и удовлетворение от постоянства того же самого в адской скуке и тоске.

Можно ли привыкнуть к самому *проходит, прошло́*? Не останется ли постоянно новым, омерзительно новым само *проходит* и *прошло́*? Не станет ли привычным, старым, тем же самым эта омерзительная адская новизна самого прохождения, самого прошло́?

Теоретически здесь ничего нельзя утверждать, только практически, экзистенциально: я не могу привыкнуть, я представляю себе, как к этому можно привыкнуть, но не представляю себе, как я смогу или смог бы привыкнуть к этому. И снова: невозможность привыкнуть — что́ это — призвание или, скорее, адская мука и ад?

5.XI. То, что я сейчас пишу, можно назвать *феноменологией ада, феноменологией вечного осуждения и адских мук*. Но вечное не равносильно

бесконечно-временному, и вечность indefinitum не есть indefinitum самого indefinitum. Потому что, во-первых, indefinitum не актуально, а потенциально и, во-вторых, не аподиктично, а контингентно. Потенциальность потенциальности и есть ничто — ничто потенциальности. Но нельзя определить ее только как лишение — это уже античный интеллектуализм, непонимание греха и контингентности. Здесь два вопроса: во-первых, верно ли, что адская мука и вечное осуждение есть увековечивание временности и indefinitum? Я думаю, верно и онтологически и просто эмпирически, может, это имел в виду и Достоевский в аде Свидригайлова. Поэтому же люди кончают с собою, надеясь, что со смертью прекратится временность, обнаружившая себя как адская мука, то есть надеясь, что временное прекращение временности есть прекращение самой временности: чаю невоскресения из мертвых. Но это ожидание ложное и греховное.

Во-вторых, как понимать вечность осуждения, то есть вечность, а не бесконечно-временную продолжаемость временности? Здесь могут быть только некоторые намеки, уклончивые ответы: невременность вечности осуждения в ясном фактическом ощущении непризванности и вечного отвержения с е й ч а с, именно с е й ч а с, и в таком же ясном фактическом ощущении с е й ч а с: жив мой Искупитель. То есть два с е й ч а с или одно двойное: с е й ч а с вечное осуждение и с е й ч а с вечное спасение, и оба с е й ч а с иногда совпадают в последней степени усиления страдания — это уже блаженство: Христос победил антихриста. Абсолютно экстенсивный прообраз этого — крест: Боже, Ты Мой Боже, что Ты покинул Меня. И сразу же, как покинул, принял.

К этому же намеку относится фактичность, а не аподиктичность детерминирования рабской свободой воли: я не детерминирован к детерминированности, а только фактически детерминирован в грехе. В этой фактичности, а не аподиктичности детерминирования заключена и надежда на разрыв детерминирования, то есть временности. Вечный прообраз: Слово стало плотью.

Я написал: ад — увековечение временности, хуже не будет. Нет ли здесь соблазна имманентизма, не умаляю ли я значение абсолютной экстенсивности? Абсолютная экстенсивность: единственная надежда — Христос воскрес (Введ<енский> в незаконченной вещи*).

7.XI. «Ты же, когда молишься, войди в комнату свою и, затворив дверь, помолись втайне. И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе

---

* Введенский А. Серая тетрадь // ПСП. Т. 2. С. 71—84.

явно». А Ватикан орет на весь мир через радио, молится на виду всего мира, нарушая и третью заповедь Моисея — всуе упоминая имя Господа Бога. Удивительно, как это было понято 3000 лет тому назад и все же до сих пор непонятно. Сейчас я очень сильно чувствую эту профанацию и слова, и имени Божьего. От этого ли мне не хватает силы веры или, наоборот, от слабости моей веры меня и беспокоят блохи, сигающие на меня с земли?

Уже формула первого собора апостолов: Святому Духу и нам соизволилось... — кажется мне некоторой профанацией. А затем этой же формулой начинались и постановления соборов — и истинных и лжесоборов. Должно быть, и разбойничий собор начинался с этой же формулы.

Официальное христианство профанировало слово Божье, наиболее же официальное, должно быть, католичество. Истинное христианство — протест против официального: Лютер, Кьеркегор. Но затем и этот протест делается официальным: католицизирование протестантства, современные последователи Кьеркегора, философы, философствующие ни о чем.

Может, не только Авраам, но сам Израиль — свидетель веры. Синагога — свидетель и жало в плоть христианству, чтобы оно не успокоилось в благодушестве и фариссйстве. (Свидетельства Лютера, Лео, Р. Отто.)

Когда я слушаю шамкающего старика из Ватикана, мне становится стыдно и за него, и за себя, за всех верующих, за весь мир. Стыдно и противно.

8.XI. <Сон.> Я строю какую-то серию. Первая половина ее — серия Симфонии Веберна, но дальше идет не рак ее,* а какая-то другая серия; я понимаю: это серия моей жизни. Утром мне казалось, что я всю ночь строил серию своей жизни; как всегда, это казалось настолько ясным, что и запоминать не надо было. Закончилось же так: построив или, скорее, открыв серию моей жизни, я пошел домой к маме. Я тороплюсь, чтобы мама не беспокоилась: дорога длинная. Еще не дойдя до дома, я вижу какой-то столик, на нем подставка с длинной булавкой, на булавке — живая голова, совсем маленькая. Я пристально смотрю: не мама ли это? Вдруг слышу, мама зовет меня, подходит, крепко обнимает, целует. Это было полное возвращение в прошлое, может, в будущее, минуя настоящее. Поэтому все же не было полноты времен.

* Ракоходное — обратное движение, обращение, противодвижение как основной тип преобразования музыкальной темы.

9.XI. Как понимать изменчивость Бога, Его решений и отношений ко мне? Пусть будет система координат: xOy и некоторая кривая: $y = f(x)$. В грехе, в своей жестоковыйности я утверждаю себя в своем устойчивом греховном мире, в своем Bestehendem. Тогда я утверждаю себя самого неподвижной системой координат — xOy, а Бога — своей функцией: $y = f(x)$. Тогда Он представляется мне изменчивым. Но я — Его функция, в покаянии я вижу крушение моего благоустроенного космоса, на всеобщих развалинах и обломках я нахожу себя — как Его функцию, а Его — как абсолютную вечную систему координат. [Я здесь хотел сказать, что в принципе за систему координат можно принять любую кривую, тогда она будет неизменной, а прежняя система координат не будет неподвижной, а <будет> функцией этой кривой, которую я, делая системой координат, признаю неподвижной, а прежнюю — ее изменяющейся функцией.]

12.XI. <п. А.> Лютер говорит: если ты считаешь себя самым последним из грешников, отвергнутым Богом, то знай, что ты избран, призван и предопределен к спасению.

Б. Но если я знаю, что я избран, призван и предопределен к спасению, то как мне не возгордиться и не признать себя самым первым, святым?

Знание здесь экзистенциальное, то есть вера. Формально-логически последовательность А → Б верна, ноуменально — неверна: идея призвания и предопределения оказалась здесь соблазном, поведшим к фарисейству; я понял призвание и предопределение по-человечески, а не по-Божьему.

По-Божьему: да, я самый последний окаянный грешник, достойно по моей окаянности отвергнутый Богом, то есть предопределенный к осуждению и аду, и, может, уже сейчас нахожусь в аду. Но и в аду я люблю Его и буду любить и верю, что и Он любит меня, окаянного, и так возлюбил, что отдал Сына Своего Единородного, послал Его ко мне, чтобы Он Своей жертвой и Своим крестом искупил мое окаянство, вытащил меня из ада, и уже сейчас, находясь в аду, мучаясь адским огнем своих грехов и своего окаянства, я уже в Раю, Христос уже вытащил меня из ада, перенес к Себе в Рай.

Здесь тоже есть противоречие, но не формально-логическое, а ноуменально-экзистенциальное: я уже в аду, и я уже в Раю, и Рай победит ад.

Я уже в аду — для меня это суждение аналитическое или синтетическое? Я мучаюсь — это суждение аналитическое: я грешника аналитически включает в себя мучение. Но «я — грешник» — синтетическое суждение; откуда я знаю, что я, тварь, не обладающая ни абсолютной ответственностью, ни абсолютной свободой, — грешник? Я мучаюсь —

суждение аналитическое, но «я мучаюсь в аду, адским мучением» — синтетическое.

Христос искупил мое окаянство — синтетическое суждение, но, как теоретическое суждение, бесполезное для меня.

Я верю, что Христос искупил мое окаянство. Это уже не суждение, а синтетический акт, причем 1) ε-акт: сам от себя я не могу совершить этот акт, он противоречит всему моему существу, всей моей природе грешника, грешной природе. Если же он совершается, то есть Бог совершает его во мне, то это уже 2) ι-акт, в самой глубине моей. Эта вера и спасает меня, вытаскивает из ада, переносит в Рай.

Соблазн, который, кажется, вызвал все же Лютер: sola fide* ; не вера, а Христос верой спасает меня. Если вера спасает меня, то вера аналитически включает и мое спасение. Но ведь вера фарисея не спасает его. И также не спасает вера в мое благоустроенное бессознательное (Юнг). Если же Христос верой, которую Бог дает мне, спасает меня, то соединение веры с спасением — ноуменально-экзистенциальный синтетический акт.

1. Я в аду мучаюсь адским мучением. Если я уже в аду и мучаюсь адским мучением, значит, Бог и предопределил меня к аду и адскому мучению.

2. Но Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного...

3. Бог дает мне веру, что Он так возлюбил мир... Если Он дает мне веру, что Он так возлюбил мир... значит, Он уже и предопределил дать мне эту веру.

4. Если же предопределил, то и дал, и предопределил, чтобы Христос верой, которую дал мне Бог, спас меня, вытащил из ада.

Бог предопределил меня к аду, чтобы Христос по Его предопределению вытащил меня из ада и перенес в Рай.

Теперь практические соблазны.

Вот передо мною конкретный соблазн — *A*, и я пал. И вот я чувствую себя самым последним окаянным грешником. Я знаю, что Христос простит меня. Я сам не прощаю себя, поэтому Он, если я верю Ему, простит меня. Но я не могу с уверенностью сказать, что в следующий раз, когда придет соблазн *A*, я устою, а не паду. Главный соблазн не в том, что я паду, когда придет соблазн *A*, а в том, что я сейчас не уверен, даже сомневаюсь — и это самое подлое — сомневаюсь, что Христос даст мне силу сказать соблазну: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Это самое подлое, потому что положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного, и это

* Только верой (спасется человек) (*лат.*).

хуже, чем даже не класть руку на плуг. В этом соблазне я сомневаюсь в силе веры, которую дает мне Бог. Я не сомневаюсь в Боге, и все же сомнение в силе веры, которую Он дает мне, большой, может, смертный грех. Тогда возникает соблазн человеческого понимания избрания и предопределения: я отвергнут Богом. Никакие утешения, что эти соблазны или искушения приходят только к избранным, когда бывают эти соблазны, не помогают: в этих случаях где-то во мне или за мною стоит твердое убеждение, прямо не всегда высказываемое: я отвергнут. Это не постоянное убеждение, и как часто оно приходит, вернее, я замечаю его, я не могу сказать.

Я уже не говорю о пошлых человеческих утешениях, что соблазн *А* не так страшен, что само *А* не смертный грех, а только небольшое человеческое прегрешение, простительная слабость (Джемс, «Многообразие религиозного опыта»). Эти пошлые утешения именно от дьявола и, может, еще худший соблазн и грех: высокое у людей — мерзость перед Богом: но и незначительное у людей — мерзость перед Богом, все мое — мерзость перед Богом. Если я твердо знаю, что *А*, простительное у людей, может, даже высокое у людей, мерзость перед Богом, то *А* — смертный грех. Но еще больший грех, совершив грех *А*, не верить твердо, что Бог даст мне силу больше не совершать его. Это уже не покаяние, а значит, не было и прощения. Это какая-то Verstocktheit в грехе, то есть отвержение меня Богом.

1. Я пал. Но верю, что Христос простит меня.

2. Но даст ли мне силу в следующий раз противостоять соблазну? Это сомнение грех больший, чем само мое падение. Пусть это будет вторичный грех, он больше первичного.

Дилемма:

А. Я пал и верю, что Христос простил меня. В твердой вере и и прощении грехов, я верю, что в следующий раз Он даст мне силу противостоять греху. Потому что я знаю, что сам я не могу противостоять греху и соблазну.

Б. Я пал и верю, что Христос простил меня. Но у меня не хватает силы верить, что в следующий раз Он даст мне силу противостоять греху. Потому что я знаю, что сам я не могу противостоять греху и соблазну.

Возражение I: я и сам должен противостоять греху и соблазну. Но что значит: сам? Так возникают соблазны: 1) синергетизм, 2) дьяволь-

ское долженствование, 3) фарисейская автономная этика заслуг и наград.

Возражение II: я не возлюбил Бога всем сердцем, всей душою, всем разумением своим, я не возлюбил ближнего своего, но больше себя и свои прихоти, я не возненавидел себя и свою жизнь, Господом моим Иисусом Христом я не распял для себя мир и себя для мира. Это возражение относится и к первичному греху. Но я не больше чем justus peccator, Христос простит мне его. И во второй раз простит, но, если в самом прощении не было уверенности в силе моей веры, которая в следующий раз противостоит греху, было ли прощение? И здесь возникает

антиномия I:

если в самом прощении греха заключена и сила веры, что в следующий раз я противостою греху, то был ли прощен мой грех, если не было силы веры верить, что в следующий раз я противостою греху?

или сама эта мысль, само возникновение мысли о следующем прегрешении и возможности или невозможности противостоять ему уже есть неверие в прощение грехов?

Если же сама эта мысль не возникает, то

антиномия II:

от твердой ли веры в прощение грехов в покаянии?

или от недостаточно глубокого понимания самого греха, то есть от фарисейства?

Сама эта мысль есть уже мысль об этой мысли, тогда regressus in indefinitum*, то есть снова грех — третичный. Тогда

антиномия III:
сознание третичного греха — что это:

(I) глубочайшее сознание греха и своей греховности, значит истинное покаяние во прощение грехов?

или (II) жестоковыйность и Verstocktheit в грехе?

* Неопределенная регрессия (*лат.*).

Если синтетически присоединяется надежда, то есть приходит Сам Христос, то I, если нет, то II. Этот ответ синтетический практический, экзистенциальный, но теоретического нет.

И еще: Verstocktheit в грехе тоже посылает Бог, чтобы я понял свою Verstocktheit в грехе, обратился к Христу и был прощен. Этот ответ только по видимости теоретический, потому что и понять я не могу этого, если Бог не даст понять.

13.XI. В феноменологии адских мук я все время думаю о настоящих адских муках, то есть сейчас, а не о будущих, я боюсь не столько будущих адских мук, как настоящих. В блаженстве, если я имею его сейчас, оно распространяется и на будущее: навеки. В ощущении с е й ч а с адской муки я имею ощущение отрицания вечного блаженства, то есть отрицания блаженной вечности. Тогда и ощущение адской муки выходит за пределы имманентности, но отрицательно: в ощущении и чувстве отверженности — ощущение отверженности навеки, вечной отверженности, то есть отрицание блаженной вечности. Но, может быть, само понятие неблаженной или адской вечности противоречиво: отрицание блаженной вечности, может, и есть утверждение неблаженной временности, то есть indefinitum. Но само indefinitum не актуально, а потенциально, поэтому не бесконечное время, а всегда только неопределенно долго длящееся. Само понятие бесконечного времени противоречиво, время и есть только неопределенно долго длящееся и прохождение. Затем утверждение адской вечности помимо противоречивости соединения слов: ад и вечность — ведет к эвдемонистической этике заслуг, наград, наказаний — к рабскому покаянию: меня страшит тогда не сам грех, а наказание за грех. Но сам грех и есть свое наказание.

Будущее в рефлексии или рефлектируемое будущее — только проекция прошлого в акте свободного выбора на саму свободу выбора. Но истинное будущее только в исполнении и полноте времен. Адская же мука есть отрицание исполнения и полноты времен, тогда и будущего и реального с е й ч а с.

16—17.XI. Если Бог посылает мне несчастье и я прошу Его: если возможно, пронеси эту чашу мимо меня, и Он не проносит, то сокрушением духа, смирением и верой будет принятие чаши, даже благодарение за нее. Но если Ты посылаешь мне соблазн и искушение и я прошу Тебя: дай силу, силу веры противостоять искушению, и все же падаю, то что сказать мне? Благодарить Тебя, что Ты послал мне искушение? Я благодарил бы, если бы не пал. Если же пал? Ведь сам, своими силами я не могу противостоять греху. Я знаю: если просишь и

не усумнишься, то будет по моей вере. Но могу ли я сам, своими силами не усумниться? Я знаю: верь всем сердцем, всей душою, всем разумением и крепостью своею, но ведь и пророки просили: вложи в нас новое сердце и новый дух, и ведь мое разумение и моя крепость — не мои — Твои, Ты даешь мне и разумение, и крепость, и веру. Почему же не дал мне крепости? Я знаю ответ: чтобы я больше смирился, чтобы надеялся не на себя, а на Тебя. Но если всё от Тебя и всё, что от Тебя, — благо или к благу, то должен ли я благодарить Тебя и за свое падение, за то, что Ты не дал мне крепости и силы? И что мне до этого — до теоретических ответов, когда не хватило силы веры? Я бы завопил, но и завопить я не могу, если Ты не исторгнешь из меня вопля. Что я могу сделать от себя? Только грешить и обвинять себя. Но ведь и понимание греха от Тебя, и не я себя обвиняю, Ты обвиняешь меня, потому я и обвиняю себя. Но тогда уже я обвиняю Тебя? Дай, Господи, силу противостоять греху, дай силу веры, вложи в меня новое сердце и новый дух, исторгни из меня вопль, дай мне Свое ничто, чтобы я завопил в Твоем ничто, помоги мне, Иисусе Христе.

Грех, сам грех абсолютен, но грех не факт, а мысль, намерение, может, фактическое намерение, но все же не сам факт. Факт *А* при определенных условиях и определенном состоянии не грех, при других условиях и другом состоянии — простимый грех, при других — непростимый. Если же я дошел до состояния — Ты довел меня до состояния, когда при всех обстоятельствах, при всех состояниях факт *А*, всякий мой факт, моя мысль, мое намерение, как мое — соблазн и грех, само мое — соблазн и грех — что же мне делать? Ведь это мое несчастье, что я не могу противостоять искушению, и искушению *А*, и искушению ни быть при деле, ни быть не при деле, всякому искушению, соблазняющему меня; за несчастье я благодарил Тебя, так и за это благодарить Тебя, благодарить за то, что Ты не даешь мне силы веры противостоять моему окаянству? И снова я думаю: кто первый дошел до познания какого-то блага, тот не получит его и уже отвергнут за маловерие и уныние, как Иуда Искариот. Прости меня, Господи, Иисусе Христе, дай и мне вкусить плоды моего познания, не моего — Твоего, которое Ты дал мне, дай мне силу и крепость устоять хоть в одном, и если в одном, то во всем, чтобы и я святил Твое имя, приближал Царствие Твое, исполнял Твою волю.

Что говорит во мне: гордыня ли оттого, что я взял на себя слишком много? Но разве я сам взял? Ты дал мне. Или своеволие — я, горшок в руках горшечника, спорю с Тобой, требую от Тебя многого? Но не Ты ли Сам повелел требовать от Тебя многого, быть неотступным, бороться с Тобою: Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Каплет око мое к Богу, я хочу говорить с Тобою, как человек с ближним своим.

Господи, вылилось горе мое к Тебе, выслушай меня, буди милостив мне, грешному.

17.XI. Если Бог дает понять мне мой грех и, значит, я обвиняю себя, потому что Он обвинил меня, то, поняв это, я уже снова обвиняю Бога, потому что и мое самообвинение — обвинение меня Богом. Что тогда оставил Он мне? Ничего. Тогда вся моя ночная молитва — двойное восстание на Бога. Но чего я прошу? Чтобы Он оставил мне Свое ничто. И Он оставил мне Свое ничто, и в ничто я завопил и, как Иов, отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе.

Весь день я сегодня был не при деле: и когда утром ничего не делал, и когда днем читал Евангелие, и когда вечером был при деле. Бог услышал меня, дошел до Тебя мой вопль, да святится имя Твое.

20.XI. Синонимы ли три понятия или, вернее, состояния: ощущение непризванности и отвержения; страх будущих адских мук; сомнение в личном воскресении, в воскресении из мертвых? Второе у меня есть только в отрицательной форме, как сомнение в призванности к блаженной вечности. Что же касается до третьего, то я могу сказать: я не верю в смерть и невоскресение из мертвых, я сомневаюсь в смерти и невоскресении из мертвых даже тогда, когда сомневаюсь в бессмертии и воскресении из мертвых, как это было вчера ночью: снова мрак, и в мраке, как луч света: «Я есмь воскресение и жизнь вечная».

24.XI. ТФТ — «Трактат Формула Творения». Сейчас мне не нравится это название — оно нескромное. Смысл же его:

Творение: 1. Абсолютное.
2. Относительно-абсолютное (*А*)
3. Относительное (*Б*)
} Абсолютный факт: *А*=*Б*: само *Б*≠*А*.

В предпоследней редакции к концу обнаруживается (так оно и было задумано в 1956 г. — неисторический факт в истории — как ноуменальное обнаружение), что абсолютный факт сам по себе не абсолютен, то есть что абсолютный факт одностороннего синтетического тожества моего я — моего с е й ч а с — з д е с ь — или акта жизни, не автономен, значит, не абсолютен. С е й ч а с — з д е с ь — мое, мое не мое, но именно абсолютно не мое — мое. Абсолютный факт моего я освобождает место для абсолютного факта вочеловечения Слова. То есть я получаю лицо только в или через акт творения меня по образу и подобию Божьему, то есть через Христа. Это и есть абсолютное творение меня Богом. Абсолютный факт моего я обнаруживается как абсолют-

ный факт творения меня Богом в Христе. В «Исследовании о критерии» я называл это сдвигом апории вверх в отличие от сдвига в апории. В последней редакции ТФТ я не успел еще дойти до этого, так как она разрослась. Потом пошли дополнения, разрушившие единство 1-й части. Потом — соединение распавшейся 1-й части, последняя запись 9.I.62. Потом — 12.I.62*. Я бросил тогда писать не потому, что разуверился в том, что писал, а потому что сильно поколебался мой стеклянный корабль. 16.X.63** он рухнул уже совсем и навсегда.

26.XI. Два духовных плана или духовные плоскости жизни: вертикальный (в глубь истории) и горизонтальный (в современности). В вертикальном плане Лютер ближе мне, не только чем Эразм, но и чем Сартр или Хайдеггер. Но Лютер бросил в черта чернильницу, а я не брошу, хотя и не отрицаю существование дьявола, только не анти-Бога, а анти-Христа, то есть антихриста. Вертикальных плоскостей, может, только две: Христова и антихристова, но редко, может, никогда в людях они не являются в чистом виде. В некотором приближении Лютер и я в одной вертикальной плоскости, но в разных горизонтальных. Сартр и я в одной горизонтальной плоскости, но в разных вертикальных. В разных горизонтальных плоскостях может быть одинаковое материальное понимание, то есть ноуменальное, но разное формальное: понимание одно и то же, но язык разный. Находящийся в последующей плоскости поймет находящегося в предыдущей, если оба в одной вертикальной плоскости. Но если бы воскрес тот, кто находится в предыдущей горизонтальной плоскости, понял бы он того, кто находится в последующей? Кант и Фихте, может быть, в одной вертикальной плоскости, но Кант в старости не понимал Фихте, они уже в разных горизонтальных плоскостях. Но верно ли, что они в одной вертикальной плоскости? Не выходил ли уже Фихте в другую вертикальную плоскость, которая привела к Гегелю?

В современности по крайней мере две вертикальные плоскости, но горизонтальная одна. Но не всякий современник живет в современной горизонтальной плоскости. Рахманинов — современник Веберна, но живет не в современной плоскости, а в одной из предыдущих. Как определить современную плоскость, то есть современность? Здесь два вопроса: 1. Что значит современность вообще? 2. Чем определяется наша современность? Я думаю, наша современность определяется конвергенцией всех линий к одной точке: S. D. G.

---

* День смерти Н. А. Друскиной.

** День смерти матери.

LXII. Два полярных религиозных соблазна: акосмизм и то, что я называю подлой мыслью. Первый соблазн — более философско-теоретического порядка, второй — религиозно-практического, его знали и Исаак Сирианин и Лютер.

1. Акосмизм. У Спинозы — quatenus, у меня — **сам, само.** Все же **сам** у меня не является так неожиданно и необоснованно, как quatenus Спинозы. По существу quatenus и есть **само**, но у Спинозы оно еще неопределенно и совсем неясно, откуда оно берется, потому что он не понимал греха и не исходит из Евангелия.

Духовные явления и состояния очень разнообразны и все же внутренне соединены. Сами ли по себе соединены или я соединяю их в рефлексии? Но если и в рефлексии, то принцип соединения не должен быть внешним, абстрактным и придуманным, но внутренним, интуитивным и ноуменальным: исходит из моей интуиции.

К акосмическим соблазнам я отношу еще:

а) мистику, теряющую мое **я**, тогда не видящую и **Я** Бога;

б) монофизитскую и родственную ей ереси: подавляя человеческую природу Христа Божественной, они в сущности умаляют человеческое **я**, оно теряется в Боге, но тогда я не вижу и **Я** Бога.

Во всех случаях акосмического соблазна я не ощущаю глубину своего греха: медицинское, а не религиозное отношение к греху, поэтому и в православии есть акосмический элемент, несмотря на синергетизм. А может, именно благодаря синергетизму. Ноуменальное противоречие: если я что-то могу, то у меня уже нет лица, я получаю лицо только в невозможности и через невозможность, через Alleinwirksamkeit Gottes. Если же у меня нет лица, то я не вижу и лица Бога.

Классический акосмист Спиноза вообще не понимал ни греха, ни покаяния. Поэтому его Бог, хотя и личный, но холодный, в конце концов он не мог сказать: жив Господь, жива душа моя, именно второго он не мог сказать, а потому и первого. Только теоретически он теист, практически — акосмист.

Акосмизм я назвал более философско-теоретическим. Я имел в виду вот что: этот соблазн наркотический, при нем человек не ощущает боли бытия и своей безнадежной греховности.

2. Подлая мысль. Только через безнадежную греховность и ясное сознание своей безнадежной греховности, в боли бытия я получаю лицо, тогда вижу лицо Бога. Но именно в сознании моей безнадежной греховности, то есть в грехе и в боли бытия, возникает подлая мысль — вполне конкретная подлая мысль: а правда ли?.. Она является очень различно, иногда явно, иногда скрыто, неявно, и, чем более скрыто, тем подлее, например юнговская благоустроенность моего бессознательного. Но тогда моя вина становится только моей виной, то есть

передо мною, а не перед Богом, и моя жизнь принадлежит только мне, а не Богу. Но тогда, в сущности, и моя вина и мое лицо — фикция. Я имею лицо только в абсолютной, даже немотивированной свободе, мотив моего намерения или моей мысли уже ограничивает мое лицо и в конце концов уничтожает его. Немотивированная мысль — это то, что я когда-то писал об отсутствии основания и основании, которое есть отсутствие основания. Но ни от себя, ни от моего центростремительного бессознательного я не могу получить ни абсолютной свободы, ни лица. В конце концов благоустроенность моего бессознательного сама по себе не личная. Тогда юнговская теория, может быть, разновидность акосмизма? В терминологии «Свердловских трактатов»: акосмизм отрицает это, остается только то. Но то есть тожество этого и того, а само то, тó есть только то, — другое это.

Соблазн акосмизма я принимаю, даже не зная, что это соблазн, принимаю бессознательно и охотно и, соблазняясь, не мучаюсь. Соблазн подлой мысли мучает меня, я не хочу принять его, но, когда не хватает силы сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн, или когда он застигает меня врасплох, я не успокаиваюсь, как в акосмическом соблазне, но мучаюсь, не зная, как прогнать его, как отрясти блох, сигающих на меня с земли. Поэтому различие двух соблазнов такое:

А. Мой покой, и так как в моем покое я еще не нахожу себя, то принимаю его за Божий покой, акосмический, но это только мой покой, естественный.

Б. Мое беспокойство, и только в моем беспокойстве я получаю лицо, тогда вижу лицо Бога и Он дает мне Свой покой в моем беспокойстве. Его покой не естественный — сверхъестественный: сила Моя совершается в немощи, сказал Христос. Но в моей немощи, в моем грехе не может не возникнуть подлая мысль — тогда я мучаюсь.

А. Акосмизм — наркотический соблазн, в этом состоянии человек удовлетворен и даже не чувствует, не знает, что живет в соблазне.

Б. Подлая мысль — мучительный соблазн, и, даже зная, что это соблазн, когда он бывает, мучаюсь и сомневаюсь даже в том, что вымолвить страшно. [Может, соблазн один: наркотическое самоудовлетворение. Когда не сознаешь, что это соблазн, тогда это монофизитский соблазн акосмизма, когда сознаешь, что это соблазн, подлая мысль, то мучаешься — это несторианский соблазн подлой мысли. X.1969.]

Как во всяком рефлектирующем исследовании, я немного абстрагировал и взял предельные случаи.

И у склонного к *Б* могут бывать состояния *А*, только обычно или в конце концов он сознает, что *А* — соблазн. Подлая мысль и есть мысль о возможности *А*, особенно в некоторых его формах, например бессознательное Юнга. У склонного к *А* соблазн возникает

чаще в моралистической форме, тогда он считает, что недостаточно «работает над собой» и пр. Смена искушения — утешения бывает, возможно, у обоих, но *Б* понимает соблазн *А* как демонический, дьявольский, *А* понимает соблазн *Б* скорее только морально.

Б, то есть подлая мысль, вернее, устранение ее Богом, и есть то, что в «Исследовании о критерии» я назвал критерием понимания и столько же критерием непонимания. Потому что *Б* предполагает *А*, в *Б* заключена и возможность *А*, *Б* — двухмерно, *А* — одномерно. Но это не теоретическое доказательство, а практическое — экзистенциальное. A priori двухмерность жизни не выводится, как не выводится a priori и вочеловечение Бога. Denkprojekt Кьеркегора все таки только проект, кажется, сам же Кьеркегор назвал неисторический факт в истории абсолютным фактом, но факт не выводится, а есть, то есть контингентен.

Всякий факт контингентен, но все факты, кроме абсолютного, относительно контингентны, потому что воспринимаются и преломляются через мой взгляд, то есть через грех, тогда через рефлектирующий взгляд — через рассудок, разум и волю. Только абсолютный факт абсолютно контингентен, абсолютно не выводим, соблазн для моей воли, безумие для разума. Поэтому и Denkprojekt Кьеркегора — соблазн: если бы из Евангелия я не узнал абсолютного факта, я бы никак не мог додуматься до Denkprojekt'а, он — соблазн для моей воли, безумие для моего разума. Такое же безумие — сдвиг апории, выводи́м только сдвиг в апории. Сдвиг же апории вниз есть именно иллюзия сдвига апории, то есть невозможность сдвига апории. И невозможное для людей возможно для Бога.

3.XII. Сон: Вот и все, что я запомнил из сна. Кажется, это ответ на вопрос, который я задал себе перед сном. Он не яснее самого вопроса и так же соблазнителен. Толкования: основания стрелок — тело земное и небесное или душевное и духовное. Двойная точка пересечения стрелок — душевное. Тогда стрелки — духовное? Но почему две?

Помещение выметено, вычищено; не возвращается ли бес, не приведет ли 7 злейших бесов, не будет ли последнее хуже первого?

4.XII. <Сон.> Мама где-то на даче, в доме отдыха, одна. Но скоро возвращаться домой — как она поедет одна? Придется поехать за мамой. Но ведь я уже 4 года никуда не езжу. Но ведь и мама уже 4 года

никуда не едет? Уже просыпаясь, я упорно думаю и вдруг как молния с неба: понял.

Снова «вдруг», «как молния с неба»: ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада...<Мф. 24, 27>

12.XII. В д р у г — религиозно-экзистенциальная, эсхатологическая категория и одновременно религиозно-гносеологическая, то есть гносеологическая, онтологически обоснованная. В «Вйдении» тоже: как молния с неба.

Снова я раб ленивый и неверный, живу только в ожидании — в ожидании этого в д р у г.

13.XII. Вернулся бес и привел с собою 7 злейших бесов. И завершилось все вчера после предыдущей записи зубной болью. Есть ли границы между духовной и физической болью, между грехом и болью, духовной и физической? Где последняя причина физической боли? Вчера она пришла в д р у г, но после духовной, духовная же — от моей вины, вины моего греха, и тоже д р у г.

Боль как награда, и боль как вина моего греха, вчера было второе. Когда боль должна прийти, она ищет слабое место в теле и, найдя, прорвется. Поэтому болит то горло, то зуб: прошло горло — заболел зуб.

Все это время не мог быть при деле, не мог быть не при деле. Все это время ожидание в д р у г. И оно пришло вдруг.

14.XII. Баратынский: предрассудок, он обломок древней правды, храм упал, а руин его потомок языка не разгадал*.

Леви-Брюль: партиципативная связь в отличие от причинной. Партиципация не иллюзия, а реальная причастность — Причастие. Что было позавчера? Вернувшийся бес привел семь злейших бесов: в д р у г — вина греха — *A*, в д р у г зубная боль — *B*. Была ли между ними причинная связь? Нет, была партиципативная, просто *A/B* или *AB*. Я не могу даже сказать: Бог послал мне *B* как наказание за *A*. Здесь уже причинная связь, тогда предрассудок — обломок древней правды. Может, всякое причинное отношение — предрассудок рефлектирующего в грехе ума. Все от Бога: и *A* Он пожелал мне послать как то, чего Он не желает. Но вина-culpa на мне, и *A* по партиципации стало *B*. Партиципация к чему? К абсолютной ответственности и свободе, подаренной мне Богом, которая в моем несоответствии Его дару стала

---

* Баратынский Е. А. «Предрассудок! он обломок...»

моей виной. Но ум, павший в рефлексию, ищет причинного отношения: тогда или Бога делает причиной моей зубной боли или ищет имманентную причину.

Абсолютная ответственность и свобода

Партиципация — древняя правда, прозревшая в Христе. *AB* — партиципативная связь. Но в грехе я рефлектирую: в рефлексии ищу трансцендентную или имманентную причину, если имманентную, то рассуждаю — вспоминаю: *A* не может быть причиной *B*, трансцендентную отрицаю, значит, была имманентная причина: на больной зуб попало что-то*

---

* Продолжение записи 14 декабря — в тетради † 8.

† 8

1967.XII.14—1968.VI.28

1967

<*14 декабря*>* твердое, я закрыл рот, надавил на зуб, и он заболел. И мне действительно уже кажется, что так оно и было, я уже не рассуждаю, а вспоминаю: между *A* и *B* было *b*: *A* — *b* — *B*, *b* — причина *B*. Достоверно ли это воспоминание, было ли оно репродуктивным или продуктивным? И вот, вспоминая это воспоминание, я уже не могу сказать с уверенностью, была ли вообще эта причина *b*. Я ел, и в это время заболел зуб. Так как в грехе я считаю, что нет действия без причины, и ищу причину, то я и подумал: я ел, на зуб попало что-то твердое, надавило на зуб, и он заболел. Может, тогда мне и показалось, что на зуб попало что-то твердое? Может, потому мне и показалось, что я уже невольно ищу причину ко всякому действию? Но сколько раз я ел, и на зуб, должно быть, не раз попадало твердое, и он не болел. Если же и болел, то боль скоро проходила, а здесь — 2 суток. Главное же: все это время я не был при деле и не был не при деле, поэтому читал Ли «Историю инквизиции». На меня произвела сильное впечатление бессмысленная человеческая жестокость. Я стал бояться физической боли, несколько дней я жил под страхом физической боли, которой еще не было. Я даже думал: откуда я знаю, может, ад есть и физическая мука. Не мог ли этот страх и быть последней причиной зубной боли: то, чего я боялся, то и пришло. И все же это не сама causa finalis. Causa finalis — партиципация, страх — грех и маловерие.

Я думаю, этот частный случай можно обобщить: пусть будут два факта, имеющих ко мне отношение, —*A*, *B*. В рефлексии я могу установить между ними два причинных отношения:

1. *A* — *a* — *B*; рефлектируя, искать трансцендентную причину, как, например, Федор Студит установил причинное отношение между землетрясением и грехами монахов: Бог послал землетрясение за грехи монахов. Мне кажется, это рассуждение тоже греховное — от самонадеянности и отсутствия истинного смирения. Но я могу искать личную партиципативную связь: если я или мой ближний пострадал от землетрясения, я могу найти личную партиципативную связь между моим

* Начало записи — в тетради † 7.

грехом и моим страданием от землетрясения, но не общим. Я могу даже сказать, что Бог послал мне страдание от землетрясения за мой грех, но это не общая причинно-необходимая связь, а единичная и контингентная — только для меня. Что же касается до общего страдания от землетрясения, то истинное смирение только одно: не понять непонятное как непонятное и принять. И также, если я не нахожу никакой связи между моим страданием и моим грехом.

2. *A* — *b* — *B*; рефлектируя, искать имманентную причину *b*. В некоторых случаях, может быть, Сам Бог повелел искать имманентные причины: я уже пал, и искать всегда трансцендентную причину — самонадеянность, отсутствие смирения или лень ума. Но здесь есть экзистенциальная погрешность, интенсивная и экстенсивная. Так же, как Бог повелел мне в некоторых пределах заботиться о своем здоровье, но в каких пределах — не сказал, я сам должен чувствовать, а не чувствую — виноват, так же и в поисках причин — имманентных и трансцендентных и партиципации. Здесь необходим религиозный такт.

Под экстенсивной погрешностью я понимал объем событий, которые я могу объяснять партиципативно или причинно и имманентно или трансцендентно причинно. Но в некоторых случаях одно и то же событие я могу объяснять один раз причинно, другой раз — партиципативно — это интенсивная погрешность и определяется религиозным тактом.

Партиципативная связь — ощущение Провидения, то есть провиденциальная связь. Греховное вырождение ее — теодицея. Например, Иоанн Дамаскин находит премудрость и благость Божию в том, что Он дал человеку два глаза: если на один глаз ослепнет, то останется второй. — А почему не три глаза, не два сердца, не две головы? Это ханжеское благочестие просто глупость.

Абсолютная и субъективная необходимость. Пользуясь терминологией Канта, я бы сказал, что конститутивные принципы и законы и конститутивная необходимость всеобщи, но имеют значение только на поверхности явлений. Этим и объясняется смена физических теорий, взглядов и мировоззрений. Они всеобщи и необходимы только в акте высказывания, то есть необходимо высказываются как общезначимые, их общезначимость — имманентная. То, что Кант назвал рефлектирующей способностью и регулятивными принципами, только субъективно необходимо. Но в этой субъективной необходимости я прорываю поверхность явлений, проникаю в их глубь. Субъективная необходимость трансцендентна: абсолютная субъективность. Конститутивная необходимость относительна — только объективность.

Когда же Божественную необходимость, то есть Провидение, понимают как общий конститутивный принцип поверхности явлений, то превращают Провидение в естественный закон павшей природы, то есть

только в относительную имманентную объективность. Субъективности противополагается не объективность, а абсолютность (Д. И.), но есть абсолютная субъективность, она трансцендентна и трансцендентальна. Но объективируемое Провидение — уже не Провидение, а причинная необходимость, придумываемая от самонадеянности, отсутствия смирения и лени ума. Провидение — абсолютный личный принцип, личное руководство в глубине явлений, за явлением, проявляющееся для меня и на поверхности.

[Но это не отрицает общего Провидения, но только его применения в некоторых частных случаях, как у Федора Студита. Можно сказать, Провидение определяется абсолютно и также в единичном личном случае, но не объективно — объективность вообще ложь.]

Для меня же в д р у г *А* и в д р у г *В* были только провозвестником последнего в д р у г, и партиципативно, то есть реально, ноуменально, *А/В* было знаком моей неверности: я раб лукавый, ленивый и неверный, жестоковыйный. Освободи меня, Господи, от моей жестоковыйности и неверности, дай силу веры, дай знак Фомы.

15.XII. Я нечист сердцем: вижу грехи моих ближних, то есть вижу их нечистыми сердцем. Я фарисей: мысленно обвиняю: одного в эгоцентризме и эгоцентрическом страхе — когда думаешь только о себе, интересуешься только собою, остаешься один в своих заботах, стремлениях и страхах за себя, страшно быть одному; мысленно обвиняю другого в своеволии и гордыне, третьего — в суете, четвертого — в фарисействе. Но все эти грехи во мне, у них — у каждого преобладает один, есть интерес и Leidenschaft, каждый — холодный или горячий, у меня — все, поэтому нет интереса, нет Leidenschaft, кроме leidenschaftliches Leiden nach Leiden und leidenschaftlichem Leiden, я не холодный, не горячий, а теплый и извергнут из уст Твоих.

Каждый грех многообразен и может проявиться в самых различных формах: эгоцентризм — в эгоцентрическом эгоизме, если я горяч или холоден, и в таком же эгоцентрическом альтруизме, если я тепл и к себе самому. Тогда только морально, а не религиозно включив всех в себя, я безразличен и тепл и к себе, и к другим, и я снова один; но первый в эгоцентрическом эгоистическом интересе связан с другими, а я в теплом эгоцентрическом альтруизме — может быть, только в наиболее идеальной и абстрактной форме эгоизма — оторван от всех, нет по существу интереса ни к кому. У первого много конкретных страхов, у меня — абстрактный ноуменальный страх и все же очень конкретный в своей абстрактности, страх отверженности, страх того, что и вымолвить страшно.

Я взял на себя слишком много — Ты дал мне слишком много — и у меня не осталось связи с землей, не осталось никакого земного интереса.

Когда была моя лестница Иакова и было много забот, земных забот, я был в стеклянном корабле, я был на небе. Когда была связь с землей, я был на небе, земная связь была небесной. Когда Ты убрал от меня мою лестницу Иакова, дав взамен жало в плоть, жало в плоть возносило меня на небо, но стеклянного корабля не стало, и я часто, очень часто падал уже не на землю, а в самую преисподнюю. И сейчас, опутанный страхом, скованный ноуменальным страхом, страхом чего-либо, опутан бесами, легионом бесов, извергнут из уст Твоих. Освободи же меня, Господи, помоги; верую, помоги моему неверию.

18.XII. Я перечел «Ви́дение». Я получил удовлетворение: не оттого, что я написал, не оттого, что хорошо написано, я получил удовлетворение от неудовлетворения: видение невидения — не самоудовлетворение, а самомучение.

19.XII. В связи с семью новыми бесами: рядовой католик смиреннее рядового протестанта: церковь прощает, снимает с него ответственность, а значит, и разрешает ему все, кроме неверия не Богу, а самой церкви. Тогда и он сам прощает себе все, и его вера в какой-то степени всегда есть вера угольщика, то есть пассивное невидение. Здесь есть какая-то необходимая связь, скорее какой-то необходимый переход от смирения, во всяком случае католического смирения, смиренно принимающего все, даже соблазны, к пассивному невидению. Тогда это уже язычество и даже хуже, потому что прикрывается именем Христа. У нерядового католика, например у Пшивары, смирение, которого у него больше, чем у протестанта, потому что он ограничен традицией церкви и авторитетом, переходит уже в провинциальное пренебрежение к не принадлежащим к его секте, а это уже гордыня и антихристианство — активное невидение. — Легенда о великом инквизиторе.

Недостаток смирения у протестанта в том, что он поневоле берет на себя слишком много. Если же поневоле, то он ли сам берет или Бог дает ему? Но все равно, он берет на себя слишком много, тогда расплачивается.

Это абстрактное рассуждение я вполне конкретно применяю к себе самому, не протестанту и не католику, иудею необрезанному, христианину некрещеному. Оно и возникло из вполне конкретного личного чувства-ощущения: я ли беру на себя слишком много, Бог ли дает мне слишком много, но когда беру — приходит один бес, когда не беру — другой, и одно хуже другого: первое хуже второго, второе хуже первого.

21.XII. Прямые доказательства бытия Бога или от маловерия, или от веры не в Бога, а в свою веру в Бога, то есть от фарисейства. Онтологически можно или доказать бытие бытия — по этому пути шел Хай-

деггер, — или доказать свое фарисейство. Но на первом пути в конце концов можно сказать немного, может, немногим больше того, что я записал 30 лет тому назад в реставрации онтологического доказательства на всеобщих развалинах и обломках.* Выводы из этого все же небольшие и много пустых слов. Но и этот Бог, как бытие бытия, только Бог Эпикура, не интересующийся человеческими делами. Тогда Он и не нужен мне, я не могу сказать о Нем: жив Господь, жива душа моя. Хайдеггер и не говорит этого, отделывается неопределенным дилетантским мистицизмом. Но есть косвенные доказательства — намеки, улики Бога. Одна из них: абсолютная противоестественность веры, естественная враждебность человека к вере, даже к Богу. Как лошак несмысленный, я противлюсь Ему, бегу от Него. Теоретически это, может, убедительнее бесконечной заинтересованности Богом, потому что, у кого ее нет, вернее, кто не замечает ее в себе, тому никто не докажет, что Бог вложил во всех людей бесконечную заинтересованность Собою, так как Он бесконечно заинтересован человеком, точнее — именно мною. Но первое заметит и найдет в себе каждый, если только он не фарисей. Но фарисей теоретически, то есть на словах, не отрицает бытия Бога. Поэтому противоестественность веры и бегство от Бога, даже враждебность к Нему, — наиболее сильная улика Бога.

Еще улика Бога: в д р у г. Это в д р у г многообразно: от тихого, еле заметного дуновения ветерка до внезапного обращения Будды или Франциска Ассизского.

22.XII. Мои письма к Т.** Я читал их с каким-то двойным или тройным чувством. Это уже не я. И все же я. «Вестники» мне и сейчас близки, то есть мне близок тот я, который писал их. Но тот же я писал письма, и он далек от меня, он — не я.

И первое, и второе неверно: и тот я — автор «Вестников» — уже не я, хотя и я; и автор писем — не я — я.

Впервые письменно я зафиксировал свое разделение в «Душевном празднике», впервые почувствовал — в 1911 г. Это начало моего самосознания, с его началом и мое разделение; оно было и тогда в двух формах, разделенных по времени одним или двумя месяцами: радость тайны и страх смерти.

Меня интересует не автобиография, меня интересует тайна моего я: прошлое не было, а есть сейчас, но очень часто, слишком часто, только потенциально; в моей лестнице Иакова, в жале в плоть — актуально. Если все прошлое актуально станет сейчас, свершится полнота времен.

---

* См. библиогр. [33], с. 67— 84 («О банкротстве»).

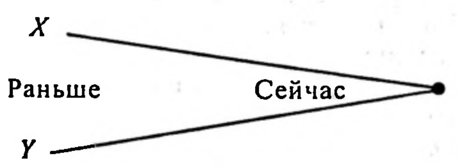
** Письма 1930-х гг.

Я нахожу в себе различные нити — мои отношения к людям: я — ты$_1$, я — ты$_2$, я — ты$_3$... Некоторые совсем отпали: нити или их объекты? Объекты: они перестали быть для меня **ты**, стали **он** или **она**. Он или она отпали, но нити остались, осталась форма — эйдос — моего отношения к некоторому **ты**, которое давно уже стало для меня только **он** или **она**, например: возвращение вдвоем с концерта, визитная карточка на двери комнаты, керосиновая лампа на полу в столовой. Но и эта форма — эйдос определенного отношения **я — ты$_n$** чужда мне сейчас. Она есть сейчас как чуждая мне. И все же есть и сейчас как хитрая сублимация эроса — то, что я записал летом (об агрессии жизни).

Пусть *X* — *непомещающееся* в моей душе, которое впервые дано мне было заметить в 1911 г., — это то, о чем я писал и пишу. *Y* — все остальное. Между ними всегда была тесная связь, поэтому был и стеклянный корабль. В 1911 г. я впервые заметил, в 1928 снова заметил и записал: между ними разделение [25]. Когда же стеклянный корабль рухнул, рухнуло и *Y*. Оно не пропало — рухнуло, остались всеобщие развалины и обломки и я на этих развалинах и обломках, не защищенный от агрессии жизни, потерявший желание защищаться.

X всегда существует как обнаруживаемое сейчас, и когда обнаруживается, наступает разделение и *Y* рушится. Но с 12.I.62 оно уже не может восстановиться, а с 16.X.63 и совсем рухнуло. Тогда *Y* стало полным крушением *Y*'а — всеобщими развалинами и обломками и на этих всеобщих развалинах и обломках *X* стоит непоколебимо и нет прежней пропасти между ними. Потому что есть у меня Защитник на всеобщих развалинах и обломках.

Конвергенция:

А куда войдут нити я — ты$_1$, я — ты$_2$, ..., потерявшие свою актуальность, сохранившие ее или **возродившиеся**? Сублимация греха или экзистенциальная связь между *X* и обломками *Y*? *Во всяком случае новых отношений я — ты я боюсь*, может быть, больше всего.

Разделение *X* и *Y*: бывает так, что в письмах и дневниках я пишу: нет ни мыслей, ни чувств, полная пустота и уныние. А сейчас вспоминаю: иногда в это же время много писал, например «Вестников», «Контрапункт», «Свердловские трактаты». По-видимому, состояния *X* проникают в состояния *Y*, как множество иррациональных чисел в множество рациональных, заполняя иррациональные пустоты между любыми двумя рациональными числами, хотя между любыми двумя рациональными числами можно вставить третье рациональное число. И также

иррациональная пустота между двумя любыми эмпирическими состояниями *Y*. И хотя между любыми двумя эмпирическими состояниями *Y* можно вставить третье состояние *Y*, потому что я еще живу, все же проникает и состояние *X*. И это тоже улика Бога.

25.XII. Майстер Экхарт: вне и внутри — одно, уйти во внешнее, чтобы вернуться назад к себе, уже не к себе — к Богу. То же самое в вещах, которые я пишу, в делах, которые делаю. Вещь, которую пишу, внутри, но уже написанная — для меня вне. Это не значит, что я не должен писать или вернуться к ней через 20 лет и, как Бах, исправлять ее. Но когда я уже написал ее, я должен вернуться к себе, она должна стать внешней для меня. Две погрешности: 1) она не сразу становится для меня внешней, а через некоторое время; 2) я могу к ней возвращаться, как я возвращаюсь к этим тетрадям † или к «Видению». Тогда снова с е й ч а с, если возвращаюсь не для самоублажения, а для самомучения, или чтобы понять *непомещающееся* в моей душе, или чтобы почувствовать Провидение. Главное же — ясно чувствовать, что вещь как написанная вещь и дело как сделанное дело уже не с е й ч а с, значит ничто, если же остается для меня чем-либо, то я как что — ничто.

Может, потому Введ<енский> и терял свои вещи, что, написанные, они становились для него ничем. В «Разговорах»* он сам сказал, что «Гортензией»** он жил дольше, чем другими своими вещами. Это и есть возвращение к себе: не к себе, к Богу.

А Д. И.? Я думаю, во-первых, он мучился ими и возвращался к ним, чтобы мучить себя, во-вторых же, и это, может, главное, у него был примат жизни, тогда его вещи были свидетелями его жизни и возвращение к ним было возвращением к своей жизни — включение прошлого в настоящее: полнота времен и ощущение Провидения.

26.XII. Изгнание беса. Не я изгнал, Бог изгнал. Вчера я был опутан всеми бесами. К вечеру я уже потерял всякую надежду. И вдруг бесы оставили меня. Не я изгнал их, ведь я потерял всякую надежду на избавление. И тогда, в полной моей безнадежности, беззащитности, опутанности бесами, Бог изгнал их.

27.XII. Философ, вообще каждый человек, некоторый многогранник. Грани его некоторые параллельны, некоторые непараллельны, некоторые перпендикулярны, то есть несовместны. Когда я раньше,

---

* См. примеч. на стр. 196.

** См. второе примечание на стр. 236.

давно уже, читал Майстера Экхарта, меня привлекала в нем религиозная диалектика несовместного: icht und nicht — что и ничто, полного и пустого, внутреннего и внешнего, тожество несовместного, «сила Моя совершается в немощи». Я был так уязвлен этим, что не замечал, во-первых, элементов неоплатонизма, во-вторых, интеллектуального пантеизма — гегельянство до Гегеля, в-третьих, языческой идеи круговорота.

История философии, как и всякая historia profana*, создается историками. Ведь человек не может увидеть все грани сразу и совместить несовместные — перпендикулярные. Он смотрит с одной стороны, одну грань видит неискаженной, боковые — искаженными перспективой, задних вообще не видит. Может, наиболее правильная многогранно-прагматическая история. Историк выбирает одну какую-либо точку зрения — одну грань и с точки зрения этой грани пишет историю, то есть последовательность аналогичных граней многих философов. Потом выбирает вторую грань, может, несовместную с первой, и т. д. Но общая история философских систем всегда будет или намеренно субъективной, или поверхностно-безличной. И так же, может, об отдельном философе: не должно быть синергетизма — смягчения или примирения противоречий, тогда теряется главное — личность философа. Можно ли искать центр личности — многогранника? Но его не знает даже сам автор, только Бог знает. Тем более не знает историк философии: самое большее — он может указать некоторую область, очертить сферу, в которой заключен центр многогранника — сокровенного сердца человека.

Теперь два личных вопроса:

1. Что за грань у меня была и, раз была, не пропала бесследно и сейчас [она возродилась,] я чувствую ее сильнее?

2. Уже 4 года, как сблизилось то, что я пишу и что я есть. Как это понимать? Выпали некоторые грани? Или некоторые выросли, другие стали меньше? Или каждая уменьшилась, и все они стремятся к небольшой сфере, заключающей центр, и в пределе — к центру?

1968

2.I. Ясперс говорит о коммуникации. Зачем ложный стыд: почему коммуникация, а не прямо — соборность? Или это недостаток великого дерзновения во Христе, или интеллигентность, либерализм и гуманизм, что в сущности то же.

---

* История светская (*лат.*).

Я абсолютно не коммуникативен, я камерный. Но плохо, что нет таланта и к камерности — к соборности, которая лежит в основе и камерности.

Когда 31 <декабря> вечером я ехал к М., я повторял слова Веспасиана: в такие годы и такой позор. Почти перед каждой встречей я вспоминаю, во всяком случае чувствую, эти слова.

Кафка стыдился жить. Я стыжусь не только жить, но и всякой встречи, и чем больше людей, тем больше стыжусь. Кажется, это нехорошо.

И после встреч остается стыд и отвращение к себе: и за то, что говорил, хотя говорил мало, и за то, что не говорил о том, что надо было сказать. Но при встречах я большей частью если не пьян, то пуст: замкнут, опустошен, и нечего сказать. И это тоже нехорошо.

7.I. Самое главное сейчас у меня и для меня — это не то, что я пишу или делаю, а что не делаю и когда не делаю, и уже не я делаю. И, может быть, самое главное — это тот час или два перед сном, когда ничего не делаю и не могу заснуть. Это время для меня не страшно даже тогда, когда бывает страшно. В это же время были написаны два заключения к «Ви́дению»: на меня вдруг нашло, схватило и прорвало. Но почему так трудно и нудно время после 4—5 часов утра, когда часто просыпаюсь и не могу заснуть, даже когда просыпаюсь и только боюсь, что не смогу заснуть?

8.I. Я не выношу Хайдеггера — бездарного эклектика и дилетанта. И все же в нем есть какое-то прозрение, правда поверхностное, соблазнительное и греховное, пошлое прозрение в некоторую глубину. Я записал это, потому что почувствовал и часто чувствую свое греховное пошлое Dasein* , свое греховное и пошлое Sein zum Tode. Само это Sein zum Tode — моя пошлая греховная Existenz. Хайдеггер почувствовал это и принял, мне оно отвратительно и мерзко. Есть христианское и язычески-стоическое ожидание смерти, первое с Leidenschaft и leidenschaftlichem Leiden, второе — равнодушное и безразличное. У Хайдеггера скорее второе с какой-то модернистской примесью. Если это и eigentliche Existenz, то все же бесовское, а бес пошл (Достоевский, Мережковский). Sein zum Tode Хайдеггера именно бесовская, антихристова пошлость, именно Uneigentlichkeit, сознавшая себя, сознательно принятая и, как сознавшая себя, принимающая это сознание за Eigentlichkeit.

Современная философия часто задает серьезные вопросы, но решает их несерьезно, может, потому, что ставит их несерьезно. Кроме

---

* Бытие, существование (*нем.*); здесь-бытие, вот-бытие (Хайдеггер).

Гуссерля. Но Гуссерль не ответил ни на один серьезный вопрос. Он дошел до анонимности существования, но оно так и осталось для него анонимным, не хватило великого дерзновения во Христе. Я отвечаю на некоторые вопросы. Серьезно ли? Мне кажется, и до 16.X.63 отвечал серьезно, тем более сейчас. Но тень страшного, опустошенного взгляда осталась — тогда ответил ли серьезно?

Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. Я имею эти скорби. Те ли, которыми входят в Царствие Небесное? Не знаю, Господи, помилуй мя грешного, буди милостив ко мне, грешному.

10.I. 40 лет тому назад к концу моего душевного праздника* я почувствовал уважение к слабости грешника. Недавно, в связи с 7 бесами, я снова думал-чувствовал: слабость грешника, когда он не в силах устоять перед соблазном, — смирение в сравнении с его силой, которой он преодолевает соблазн. Потому что «праведник жив верой», а не своей силой. Но это преимущество слабости грешника неустойчивое и рискованное: если и не станет либертинизмом, то легко впадает в пассивное невидение — веру угольщика.

Еще 4 года и 3 месяца тому назад у меня было реальное ноуменальное отношение я — ты, я жил в нем и не думал о ноуменальных отношениях. Сейчас нет реального отношения я — ты, и уже больше 4 лет я думаю о ноуменальных отношениях и соблазняюсь: их все равно нет. А то, что сейчас, — что это: соблазн или смирение? «Сила Моя совершается в немощи». Но ведь апостол Павел, сказав: когда я немощен, я силен <2 Кор. 12, 10>, имел в виду не это. А диаконисса Фива? Но ведь, может быть, будущие немощные только придумали это, чтобы оправдать свою немощь.

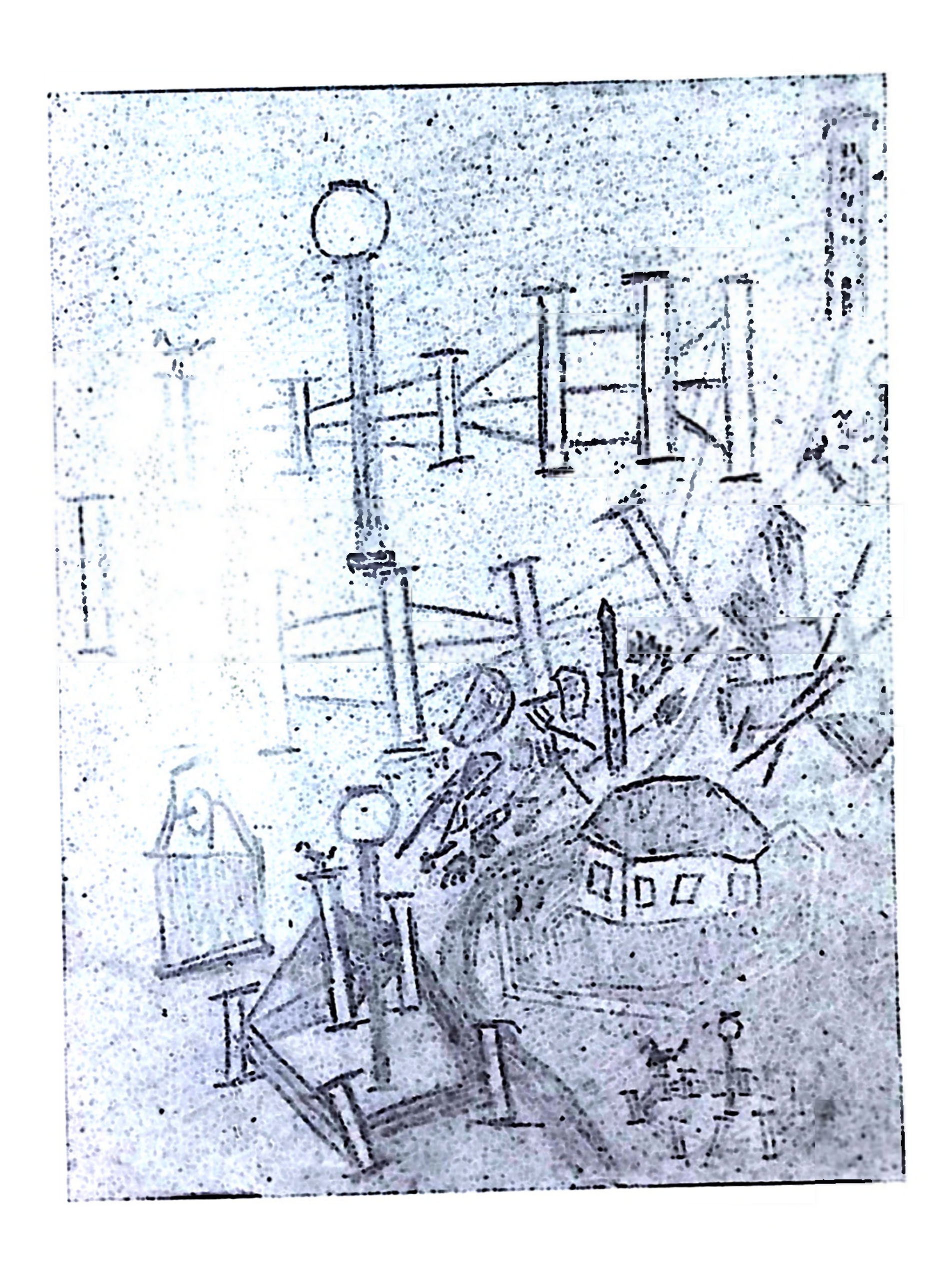
Ноуменальность отношения я — ты остается, полное безразличие и равенство в любви — равнодушие и отсутствие любви, и все же оно соблазнительно не только практически, но и теоретически, пример — Бубер. Практически же очень часто только искренняя ложь или лживая искренность. Страшный, невидящий взгляд обнажил ее, разоблачил лицемерно-искреннюю ложь ожидания, фальшивый суррогат соборности. А сейчас? Не знаю, Господи, Ты знаешь.

12.I. Может, наиболее характерное, ноуменально характерное для нашего времени — это сознание вины. Но сознание вины без ясного понимания-чувствования греха и греховности еще анонимно-греческая трагедия.

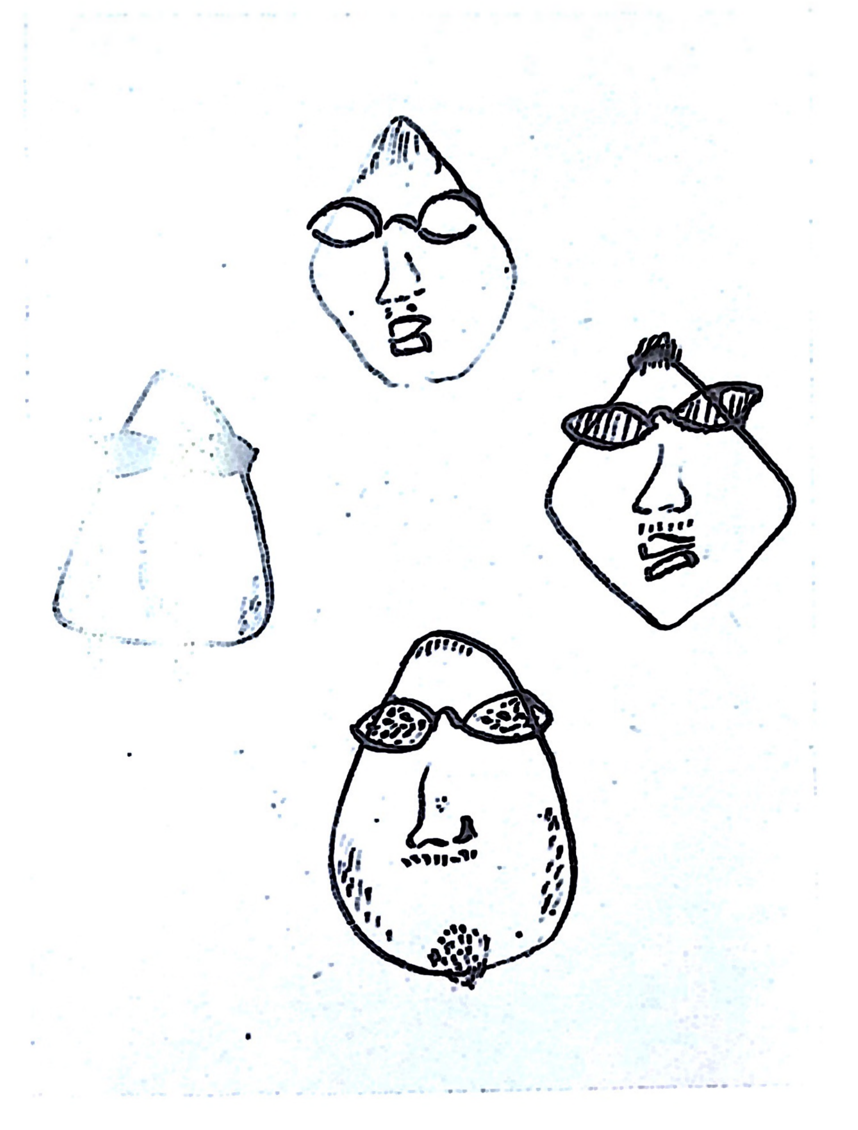

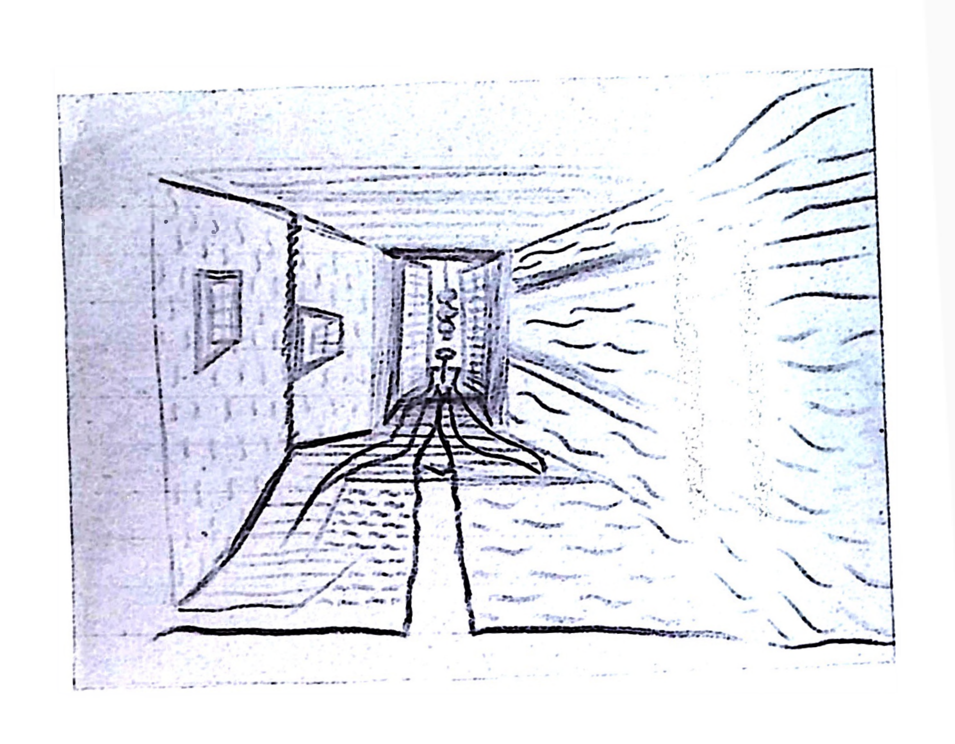
* См. библиогр. [33], с. 43—45.

Рисунки Я. С. Друскина

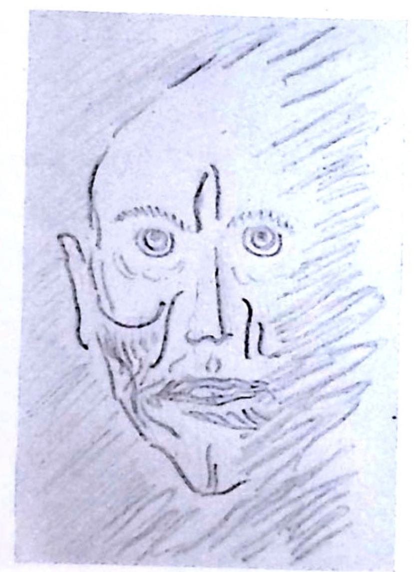

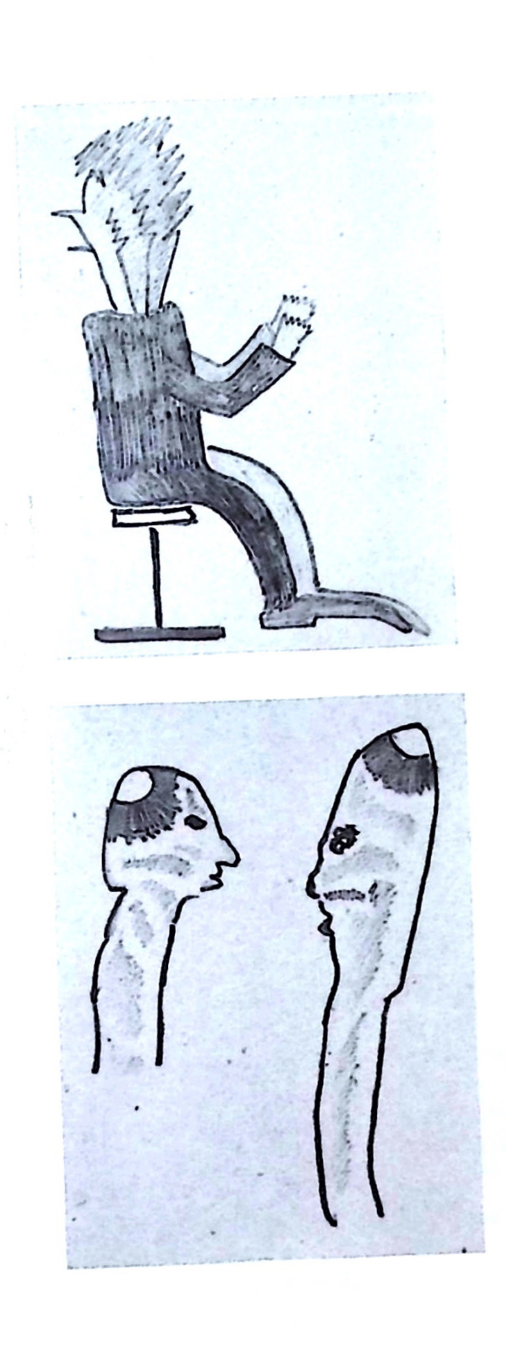

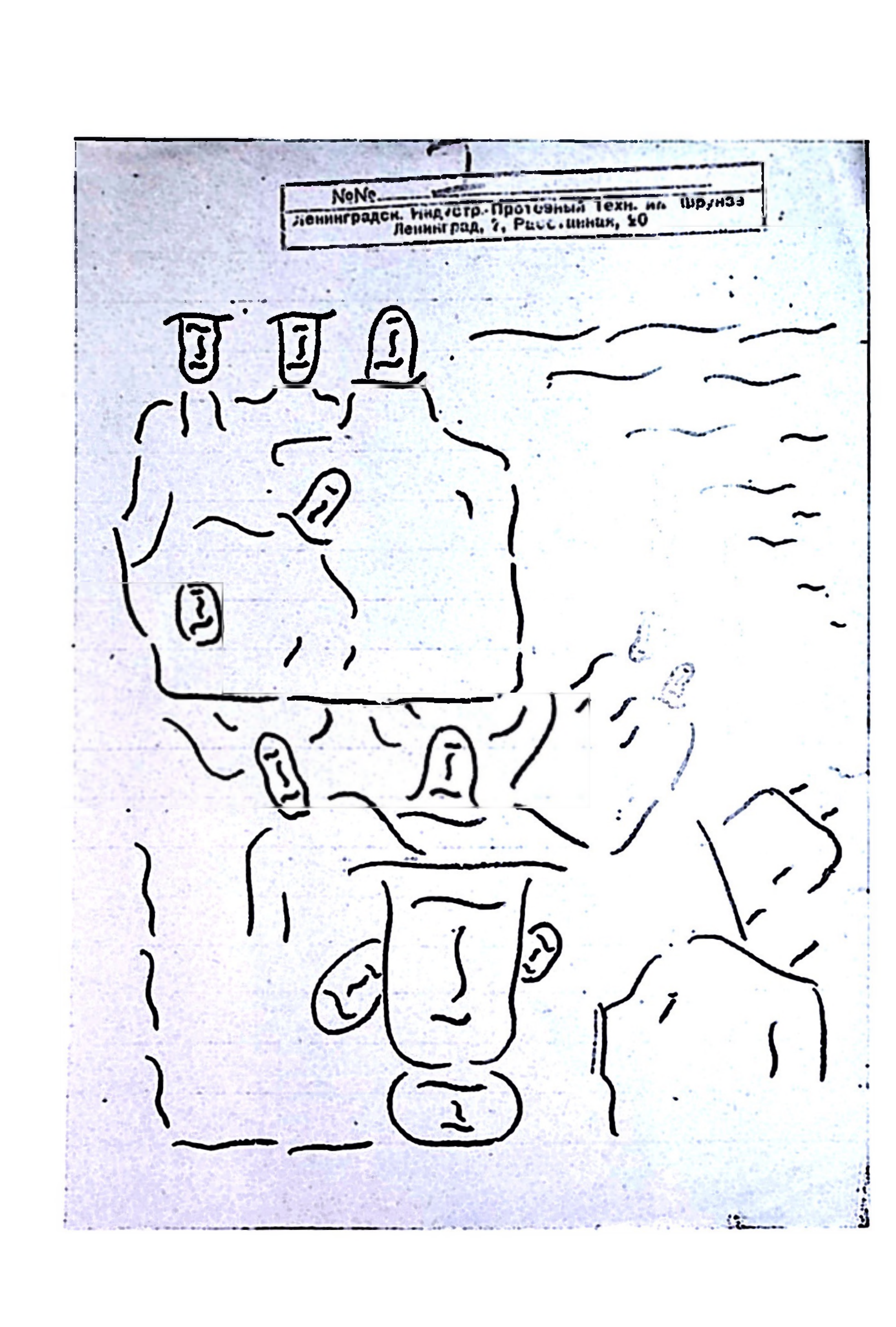

Я перечислил 10 заповедей Моисея. Нет ни одной, которой я не нарушил и сейчас нарушаю. Августин сказал: что ты любишь, то и есть твой бог. Сколько же у меня богов? А сколько раз я всуе произношу Твое имя? Потому что я искренняя ложь и лживая искренность, лицемерно искренняя. Поэтому бывает стыдно после всякой встречи.

Говорят: мы сейчас модернизируем 10 заповедей, толкуем их по-современному. Но зачем тогда десятая заповедь, она ведь повторяет прежние девять, говорит только о мысленном пожелании.

Не кради. — А сколько раз я думаю: это **моя** мысль, я горжусь ею. Потом мне становится стыдно, но ведь этот стыд и показывает, что я согрешил. Само **мое** — **моя** мысль есть воровство: то, что принадлежит всем и прежде всего Богу, я краду у Бога и говорю: **мое**, но ведь оно не мое — Божье. Для нищего духом нет **моего**, только Твое, все — Твое. А что уж говорить об остальных заповедях. Мысленно я желаю и жены, и осла, и всякого другого имущества моего ближнего. Ведь десятая заповедь запрещает именно мысленное пожелание, вообще **пожелание** — так понимал ее и апостол Павел. А имущество не только материальное, но и душевное, и духовное.

Блаженны нищие духом; дай мне, Господи, нищету духа.

13.I. Мое преобладающее сейчас состояние, проявляющееся особенно сильно в снах, — какая-то нудность, даже не уныние, не игнавия, а именно нудность: нудно, Боже, бытие. Поэтому же, просыпаясь, сразу забываю сны, а если бы не забыл, может быть, нудность прошла бы.

Бывают какие-то мелочи, совершенно не нужные мне, иногда просто телефонный звонок, который ждешь, и от ожидания нудность возрастает, хотя он мне и не нужен. Здесь тоже какая-то тайна контингентности и пошлая впечатлительность.

И все же за это время исправил «Об эсхатологии»* и почти закончил «Путь обращения»**. А накануне перед этим весь день лежал на кровати, ничего не мог делать.

14.I. В античности — разделение души и тела, в Евангелии — и еще в Старом Завете — духа и плоти, плоть — тело и душа. Сравнение Бога с женихом, а общины верующих с невестой в язычестве немыслимо, хотя эрос проникает языческие религии, а в иудействе в религии полностью исключен, но эротические аналогии, то есть сравнения («Песнь песней» и др.), допускает, у Платона же они немыслимы. А «Пир»? Только подтверждает: устанавливается некоторая лестница от чувственного к сверхчувственному, различие количественное, а в христианстве —

---

* См. библиогр. [29], с. 137—157.

** «О пути обращения». Там же, с. 157—167.

качественное: пропасть. Эротизм исключен из религии, но, может, поэтому соблазн его в жизни стал сильнее: Сузо в своих отношениях к Екатерине, Кьеркегор.

Мои вериги показались мне слишком тяжелыми, это стало, кажется, с пустого, невидящего взгляда. Господи, пусть будут они еще тяжелее, тогда они легки.

17.I. Господи, Ты есть, потому что бесконечно нужен мне и без Тебя я не могу жить. Не мое желание осуществляет Тебя, а бесконечность моего желания. В бесконечности моего желания я вижу Тебя: Ты — причина моего желания, ведь я конечен, а желание Тебя бесконечно, Ты вложил в меня желание к Тебе, оно бесконечно велико, настолько велико, что без Тебя я не могу жить, без Тебя не мог бы жить, не жил бы. Ты последняя причина моего желания, чтобы Ты был, моего стремления к Тебе, Ты causa essendi моего желания и стремления, а мое желание и стремление к Тебе — causa cognoscendi Тебя, Ты дал мне страдание, чтобы я познал великую радость страдания — радость пронзения моей души в пронзении души Твоего Сына Единородного, в пронзении Твоей души. Ты дал мне великую радость распять Господом моим Иисусом Христом мир для меня и меня для мира. Ты дал мне великую радость почувствовать свою мертвость во Христе, чтобы в Его мертвости во мне почувствовать и воскресение в Нем в жизнь вечную. Ты дал мне великую радость — оставленность всеми, и самим собою, и Тобою, чтобы познать радость принятия Тобою, чтобы ввести меня в радость Твою — радость Господина моего. Когда Ты отталкиваешь — Ты притягиваешь, когда оставляешь — приходишь, Ты притягиваешь меня в отталкивании, принимаешь в оставлении. Ты не оставляешь, не уходишь — всегда есть. Опустоши меня совсем, чтобы наполнить Тобою, оставь, чтобы прийти, совсем прийти, навсегда. Дай мне полное страдание, бесконечное страдание, бесконечную радость страдания, радость в страдании, бесконечную Радость Господина моего. Сохрани меня в Твоей бесконечной Радости.

Я согрешил своим языком, своей мыслью. И пришло покаяние, пришло страдание, пришла радость страдания, бесконечная радость бесконечного страдания. Не я покаялся, Бог послал мне покаяние, исторг из меня вопль. Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня. И Ты простил меня, принял в Радость Свою, Радость Господина моего.

18.I. Вчера я долго не мог заснуть: меня мучило мое окаянство, мое вечернее словоблудие. Потом меня схватило, опустошило и наполнило, изнутри наполнило: извне — изнутри, и прорвало. Меня наполни-

ло бесконечным страданием, бесконечной радостью бесконечного страдания. Ты наполнил меня Собою. Ты со мной.

22.I. Если бесконечная ответственность стала моей виной без вины, то принимается она только в сознании вины без вины. Это смиренномудрие, не просто смирение, а именно смиренномудрие: смиренная мудрость и мудрое смирение: не понять непонятное как непонятное и принять его не свободным выбором, но в некотором оттенке оттенка акта ничто. Так как это не акт, а только оттенок оттенка акта, совершаемого не мною, Богом, — то принимаю именно не в свободе выбора. Свободным выбором принимаю то, что понимаю, хотя бы понимаю непонятное как непонятное; но тогда **сам** принимаю, потому что я **сам** и есть понимание. Принять свободным выбором значит сказать: да. В смиренномудрии я молчу. Молчание — согласие, смиренномудрым молчанием я говорю да, не сказав да. Я говорю молчанием, если у меня нет вопля. Если же Бог исторгает из меня вопль, то я говорю:**нет**. Кому? Только Богу. Это радикальное **нет**, всякое другое **нет** — слабость духа, унылость или пошлая человеческая глупость. В сокрушении духа, в страхе, отчаянии и безнадежности я воплю к Богу, говорю Богу: **нет**. И Он обращает это **нет** в да. Я сам не могу сказать да. Всякое мое сказанное да — лицемерие и фарисейство. Я сам могу только или молчать и молчанием сказать да, не сказав да, или вопить: **нет**. И в са́мом радикальном **нет** оно станет да. Не я скажу: Бог обратит мое **нет** в Божественное да.

Вчера и позавчера мне было unbehaglich* , очень unbehaglich, я говорил слабым голосом: да — это было лицемерие и фарисейство, таким же слабым голосом говорил: **нет** — это была слабость духа, унылость. Сейчас молчу. И слышу: да.

28.I. Всю жизнь я писал ни для кого и ни для чего, все равно писал ли я свои вещи, или три тетради о стихах Введ<енского>, или анализы Веберна. Сейчас вышло так, что мне приходится иногда думать длякого-либо и для чего-либо: вчера вечером для М.<Мейлаха> о Введ<енском>, сегодня утром — для А.** о Веберне. Поэтому мысли входят в меня как-то извне, со стороны, мешают мне быть не при деле. Когда я недавно кончал «О пути обращения»***, я все же был не при деле, а мысли, приходящие для кого-либо и для чего-либо, вводят меня в дело, закрывают меня и от меня, и от Бога: я — что и как что — ничто.

---

* Беспокойно, неуютно, неприятно, жутко (*нем.*).

** Студентка консерватории.

*** См. библиогр. [29], с. 157—167.

Если мне предстоит вечером встреча, все равно интересная или неинтересная, она меня выбивает из обычного порядка уже с утра, во всяком случае часто, и весь день я уже не могу быть ни при деле, ни не при деле. И так же, если я думаю для кого-либо или для чего-либо; вернее, не я думаю — думается, приходит на ум. Если бы я думал ни для кого и ни для чего, я записал бы или не записал пришедшую мысль, но она не мешала бы мне, не отвлекала, а мысль для кого-либо или для чего-либо отвлекает меня от меня — не от меня, а от чего-то, что важнее и меня, и самой этой мысли, отвлекает как бесовское парение мыслей и мечтательность. Вся эта неделя такая, оттого, должно быть, снова и зуб болит.

Виноваты не М. и не А., а я сам. Обдумывание и записывание для М. или для А. заняло 20 или 30 минут, а выбивает из колеи на целый день: создается какая-то характеристика или квантор мысли, который выходит за пределы акта мысли и налагает тень на много часов, на весь день, даже на всю неделю. Тогда виновата не мысль и не акт мысли, а именно оттенок: для кого и для чего. Но этот оттенок во мне — я сам виноват, та же мысль для М. или для А. могла быть как мысль ни для кого и ни для чего. Но я оказался затронутым, я побоялся, что меня коснулись, и это меня раздражает и вводит в соблазн. Скорее и пожелал, и побоялся, и соблазнился. Тогда я сам виноват, мой грех: моя некоммуникативность, бездарность к соборности: желание и страх, соблазн и грех.

Писать, думать, жить ни для кого и ни для чего — это и значит писать, думать и жить перед Богом: в атональности жизни, не иметь где приклонить голову, ощущать Божественную серию атональной жизни. Это не исключает второй заповеди, на которой стоят закон и пророки. Когда я пишу, думаю, живу ни для кого и ни для чего, я пишу, думаю, живу для моего ближнего, для каждого моего ближнего. Это и есть истинная соборность. 5 лет тому назад, когда я жил ни для кого и ни для чего, я жил для моей лестницы Иакова и у меня было больше соборности, чем сейчас, когда приходится иногда думать для кого-либо и для чего-либо. Только в жале в плоть, в страшном, опустошенном взгляде, теряя последнюю реальную связь с кем-либо и с чем-либо, я возвращаюсь в соборность. Опустошенный от всего и от всех, я возвращаюсь ко всем. Опустошенный от всего и от всех и от себя самого, я возвращаюсь ко всем, к Богу, Бог наполняет меня, опустошенного, Собою.

31.I. Я обратил внимание на смиренномудрие (молитва Ефрема Сирина), читая неделю или две тому назад Чехова. Главное у него — смиренномудрие: он никого не обвиняет. В «Скучной истории» профессор говорит: надо презирать богатство, а не богатых, ненавидеть

подлость, а не подлецов. Такого мудрого смирения и смиренной мудрости, как у Чехова, не было ни у одного писателя.

Молитва не слова, молитва — строй души. Смиренномудрие, когда оно не слова, а экзистенциально переживается, — молитва. «Экзистенциально переживается» — не тавтология: если различать ноэзу и ноэму переживания, то экзистенциальным переживанием будет переживание, когда его ноэза не только соответствует ноэме, а отожествляется с ней — не adaequatio, а именно отожествление. В экзистенциальном переживании смиренномудрия ноэза смиренномудрия совпадает и отожествляется с ноэмой смиренномудрия. Если этого нет, то смиренномудрие вырождается в несмиренную мудрость или в немудрое смирение, первое не мудрость, а скорее глупость, второе — не смирение, а гордыня и фарисейство. Что было у меня, когда 35 лет тому назад я ходил в Александровском парке* и у меня возник Третий разговор «Вестников»? Это была молитва, хотя я и не произносил слов молитвы. Обычные люди, не монахи и не отшельники, большей частью, может быть, молятся не тогда, когда произносят слова молитвы, а когда не произносят, в некотором состоянии, в некотором строе души.

В бесовском парении мыслей и мечтательности не обязательно участие блудного беса, скорее обязательно его неучастие: мысли могут быть и самые хорошие и умные, они лезут в меня, толпятся, закрывая меня и от меня и от Бога. Бесовское парение мыслей и мечтательность именно лишены блудных мыслей, это строй души в некоторой отрешенности от души, когда уже не видно и самой души, это почти молитва. Но именно потому, что **почти** молитва, это уже не молитва, а противоположное ей — бесовское состояние, овладение меня бесом.

1.II. Старость можно понимать в физическом, духовном и ноуменальном смысле. В физическом смысле я стар, может, даже старше своего возраста: устаю и т. д. В духовном смысле я не стар: давно уже столько не писал, как сейчас, интересуюсь и занимаюсь различным: и В., и Х., и Веберном. В ноуменальном смысле уже больше 4 лет стар. Старость в том, что я не имею удовольствия от удовольствия, удовлетворения от удовлетворения. Для меня нет ужезавтра, кроме последнего с е й ч а с, которое может наступить и завтра, и сегодня, и сейчас. И все же это еще не то отсутствие завтра, о котором Христос сказал: не думайте о завтрашнем дне, довлеет дневи злоба его <Мф. 6, 34>. Мое сознание отсутствия завтра омрачено моим грехом.

---

* В Санкт-Петербурге.

Ноуменальная старость в том, что я ощущаю все время ветхость всего земного. Грех мой, что я не могу сказать: к суду я готов, и смерть меня не страшит. Меня страшит и смерть и жизнь.

3.II. Кому я могу или должен сказать, или не должен сказать, или говорю: да, нет? Богу я говорю да, не сказав да, — молчанием, и уже не я — Сам Дух неизреченными воздыханиями. Богу я не говорю, а вопию: нет, и Он обращает мое нет в Свое да. Бесу я не должен говорит ни да, ни нет, только одно: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. А ближнему? Если я должен сказать ему все равно что — да или нет, мой ответ по долгу ложный: я говорю нет, что бы ни сказал, если говорю по долгу. Сам вопрос внутренне противоречив: если я могу сказать или, что еще хуже, должен сказать, то лучше ничего не сказать, молчать или отвернуться и уйти. Я ничего не могу и ничего не должен, я именно не могу, ничего не могу ни сказать, ни не сказать, тем более не должен. Когда же слышу голос Святого Духа, тогда не могу не сказать, молчанием или словом: да или нет. Когда не могу не сказать да, говорю да, и часто не словом, а действием, поступком, вниманием, слушанием, молчанием. Когда не могу не сказать да, чувствую радость соборного общения, хотя бы в атоме соборности. Когда не могу не сказать нет, я не должен, а говорю нет, хотя для меня это очень тяжело. На обычном условном человеческом языке можно сказать так: когда мне приятно сказать человеку неприятное, я не должен говорить ему неприятное; когда мне неприятно, очень неприятно, тяжело сказать моему ближнему неприятное, я должен сказать ему неприятное. Но эта формулировка через должен только условная человеческая формулировка. А вообще вместо категорий возможного и долженствования в этих случаях надо пользоваться ассерторической формой или категорией невозможного. Теономная этика не этика должного, а повеленного мне — личного повеления, тогда этика невозможного, потому что грех я и все помыслы мои грех.

Не долг, а невозможность, и невозможность Бог делает невозможностью не... Что следует за этим не, определяет частный случай, конкретнее: воздыхание Святого Духа за меня.

Притча о двух сынах — Мф. 21, 28.

Бог как будто бы предоставил человеку полную автономию: думать и делать все что хочешь, даже считать себя «начальником Бога» (Введенский)* . На самом же деле — полная невозможность ни делать, ни даже думать что хочешь. И вот, когда я пойму, даже не я пойму, а

* См.: Введенский. Кругом возможно Бог // ПСП. Т. I. С. 127—152; *Сб.* Т. I. С. 418—448.

Бог даст мне понять, что я ничего не могу — ни делать, ни даже думать то, о чем хочу думать, тогда Он предоставляет мне Свое ничто, последнее ничто, из которого Он сотворил меня; тогда в этом ничто через ничто, через невозможность, я все могу. Через абсолютную невозможность Он дарит мне абсолютную возможность, и это уже не первое, не даже второе ничто, не потенциальность, а строй моей души как оттенок оттенка Его акта, тогда я что как ничто.

Хождение-молитва — это высказывание **да**, не сказав **да**. Это еще не полное **хорошо**, но ощущение **плохо** как какой-то пелены перед моими глазами, за которой я ощущаю, иногда же разрывая ее, вижу: **хорошо**. В каком-то разрыве времени мгновением я вижу за земными искушениями-утешениями небесное утешение. Так это было вчера во время хождения-молитвы, так мелькнуло и сейчас. Воскресение и жизнь вечная.

7.II. Всуе мятется всяк земнородный. Сартр и Хайдеггер пытаются передать это смятение мифологическим языком «Феноменологии духа» Гегеля. Этот мифологический язык олицетворяет, то есть гипостазирует, чувства и страсти в виде лиц-актеров на сцене моей души: чувства обособились от меня, как в моем старом сне (граф Орлов, красный мужик и ярмарка по ту сторону трамвая). В результате теряется и моя абсолютная ответственность: каждое чувство, как обособившееся от меня, отвечает за себя, а я уже не несу ответственности. Поэтому нет ни понимания, ни освобождения от смятения. Отчасти это было и у Фрейда.

Продолжение аналогии: у ...* эти чувства даже не живые люди, а нарисованные декорации. По ходу действия они передвигаются или заменяются другими, тоже нарисованными декорациями. Мне очень неприятно, что я ничего не вижу за этими разрисованными кусками холста, и я был бы очень рад, если бы ошибся.

Третья часть «Контрапункта» — «Царство»** — кажется, не вполне свободна от мифологического языка «Феноменологии духа».

И я сейчас всуе мятусь: в том, что для меня больше всего соблазна, может, меньше всего соблазна [то есть не соблазн и не грех]. Или наоборот?

8.II. Даже Смердяков сказал: верю, что есть хоть один праведник, по вере которого горы сдвигаются. Но почему «даже»? А человек из подполья не Смердяков? А кто не человек из подполья?

---

* В рукописи пропуск.

** См. примеч. на стр. 125.

Я окаянный маловер, нет веры и с зерно горчичное, чтобы сдвинуть гору. Но я верю, что есть хоть один праведник, хоть один на весь мир, вера которого движет горы. Если и этой веры нет, то нет никакой веры, просто тупой безбожник, рака́.

Поправка. Я маловер окаянный, но могу ли сказать с уверенностью, что и моя ничтожная вера никогда не сдвигала горы? Я же, когда видел это, не видел, что вера сдвинула. Но верно ли, что никогда не видел?

Вот праведник, по вере которого гора сдвигается. Но какой у него интерес двигать горы? У него большие интересы, чем двигать горы. Но предположим, он захотел сдвинуть гору. Не пропадет ли сила его веры двигать горы, как только он захочет сдвинуть гору — видимую гору, вместо того чтобы двигать невидимые горы? Я только задаю вопросы, по Кьеркегору — не пропадет, а именно и есть признак веры.

9.II. Традиция и современность. — Крещение Христа у Иоанна. В какой-то степени это вопрос об отношении к отцу — Фрейд: комплекс Эдипа в молодости, возвращение к отцу в зрелом возрасте и в старости. Легкомысленное фрондерство по отношению к отцу или к отцам — модернизм; современность без традиции — поверхностное легкомыслие, которое со временем обнаруживается как тот же традиционализм: ранний Прокофьев, Хиндемит. Традиция без ее преодоления — психический механизм.

10.II. <Сон.> Предстоит казнь — убийство. Действие происходит в клетке — в жизни. Должны убить человека. Абсолютно логично точно доказана необходимость казни — убийства. Я вижу абсолютную бессмысленность этого убийства, но необходимость его доказана так точно, логично точно, что я не знаю, что сказать. Я не понимаю, не понимаю этого логично точного смысла — логично точной бессмыслицы. Надо предотвратить казнь — убийство человека, но как предотвратить, если необходимость казни логично точно доказана, бессмысленно логично точно. И вот приближается момент казни. Наступает последний такт логично точной бессмыслицы, казнь неотвратима, между второй и третьей четвертью последнего такта она совершится, в третьей четверти последнего такта все будет уже свершено и необратимо логически бессмысленное действие в клетке жизни закончится.

И вдруг этот человек оказался мамой, в самом последнем такте на первой четверти необратимого действия в трехдольном ритме — это мама. Мама: вы обманываете меня, вы разбойники, вы убийцы. — Мы убийцы.

Я записал сон ночью, сразу как проснулся, и мне кажется, довольно точно, кроме самых последних слов «вы убийцы». — Мы убий-

цы. Во сне этих слов не было, они явились мне при записи как понимание сна.

13.II. Есть разные возрасты. Приближенно три: мир ребенка, выход в внешний мир, возвращение к себе: не к себе — к Богу. Первый мир: пуповина, соединяющая меня с родителями, еще не порвана. Второй мир: женщина и власть. Третий мир — Бог. Старообрядцы в 60 лет оставляли семью, уходили в лес. Я, не полностью оставив первый мир, чуть заглянул во второй и, испугавшись его, перескочил в третий. Искушения второго мира соблазняли меня, сильно соблазняли, и я соблазнился, и все же боялся и бежал его. Последние годы помимо моей воли меня втягивают во второй мир. Вначале иногда это льстило моему самолюбию и сразу же становилось стыдно. А сейчас — тяжесть и боль бытия оттого, что я втягиваюсь в мир, мир втягивает меня в себя. Я завидую Ш., Л., Д. И., что я должен издавать их, а не они меня. А вчера еще Г.* Сколько раз в день я говорю: Бог, Ты. А когда приходится повторять эти слова перед другими, мне становится стыдно: я, грешник окаянный, недостоин вслух произносить имя Твое. Как о моем жале в плоть я никому не говорю, так о Тебе никому не хочу говорить. Я хотел вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего, но из этого ничего не вышло. А теперь я хочу один радоваться и бояться, славить Твое имя. Это грех, моя бездарность к соборности, но что же мне делать?

Не я иду в мир, мир втягивает меня в себя, и мне стыдно. Мне не стыдно думать о Тебе, говорить с Тобой, славить Тебя наедине, когда я один с собою — один с Тобою. Какие бы страшные, подлые, даже богохульные мысли ни приходили бы мне на ум, когда я один, один с Тобою, мне не так стыдно перед самим собою, перед Тобою, как бывает стыдно, когда я говорю самые хорошие мысли перед другими. Я понял слова В. П. <Траугот>: я ненавижу жизнь. Прости меня, Господи, помоги мне: я ненавижу жизнь. Она страшит меня, я боюсь ее, ненавижу. Когда я пытался войти в жизнь, мне всегда казалось: я лезу, куда меня не зовут, где мне не место. А сейчас и не лезу, а жизнь лезет в меня. Господи, помилуй, помоги.

16.II. Антиномия. Первоначальное синтетическое тожество. Вернее, последнее, конечное — finalis:

А. Не-разделение (монофизитизм). Б. Не-соединение (несторианство).

Б без А — подобосущие, а не единосущие.

---

* Галина Мокреева — музыковед, жена композитора Игоря Блажкова.

А без Б — деизм, аверроизм. В обоих случаях нет Троицы, значит, нет и Божественного самосознания, непонятно и мое самосознание и нет личного бессмертия.

Вырождение этой онтологической антиномии в псевдо-гносеологическую. — Что первоначально:

$А_1$. Неразделенное — тогда мой ум разделяет, я должен воссоединить.

$Б_1$. Разделенное — тогда трансцендентальное единство моего сознания соединяет.

Здесь ложны и $А_1$ и $Б_1$. $Б_1$ — явный имманентизм и переходит в солипсизм. $А_1$ — скрытый имманентизм — нравственно-фарисейский (должен).

Другая форма:

$А_2$. Первоначально неразделенное — тогда воздержание от разделения: мистицизм, пиетизм, квиетизм и т. д.

$Б_2$. Первоначально разделенное — воздержание от синтеза: нигилизм, поверхностный скептицизм.

А/Б — оба тезиса истинны: Божественное безумие.

$А_1/Б_1$ и $А_2/Б_2$ — оба тезиса ложны: две формы суетной человеческой мудрости:

$А_1$ — практическое: фарисейство. $Б_1$ — теоретическое: догматизм.
$А_2$ — практическое: квиетизм. $Б_2$ — теоретическое: нигилизм.

Поэтому же и два односторонних синтетических тожества: без частного, то есть без Б, нет сдвига апории, без полного, то есть без А, нет и самого сдвига (то есть в апории). Но А и Б в каждом из них, иначе нет и синтетического тожества. Приближенно можно сказать, что полное тожество — тожество А и Б в форме А, то есть интенсивно, частное — в форме Б, то есть экстенсивно.

Во сне все это было более конкретно, особено две псевдоантиномии: $А_1/Б_1$ и $А_2/Б_2$.

Что было во сне — не помню, поводом же послужили, мне кажется, вчерашние похороны*: недостаток моей соборности и от этого подлые сомнения и соблазны. Во сне, может быть, было преодоление соблазна: может, через экстенсивность, может, через интенсивность экстенсивности или экстенсивность интенсивности. Во всяком случае, проснувшись, подумал: нельзя сказать, что есть два тожества: интенсивное и экстенсивное, нельзя сказать, что есть одно тожество: интенсивное

* Хоронили Валентину Ефимовну Гольдину — знакомую чинарей, приятельницу Т. А. Липавской.

экстенсивное. В первом случае экстенсивность исключается словомдва и словом **и**, слово соединяет; во втором случае прямо исключается словом **одно**, то есть его смыслом. В одном случае экстенсивность исключается интенсивно — имманентизм, в другом экстенсивно — нигилизм. Тогда и возникают псевдоантиномии. В истинной антиномии: А — одно, Б — два, то есть и одно и два.

Больше всего я боюсь потерять абсолютную экстенсивность, с ее потерей остается только нигилистическая экстенсивность или имманентная интенсивность. Мне больше угрожает первая, от второй у меня есть иммунитет.

Здесь ясно видно, что основа философии — религиозная интуиция, философия же — язык теологии. Вчерашние религиозные соблазны, внушенные бесом и принятые моим грехом, я изложил здесь на философском языке. Господи, избави от лукавого.

17.II. Нет двух одинаковых капель воды, тем более двух одинаковых писателей. Нельзя уложить В. и Х. и в те рамки, которые я намечаю, у меня это только некоторые тенденции, направления. Нельзя субстанциализировать саму десубстанциализацию, и борьба с dem Bestehendem не должна стать новым das Bestehende. О неустойчивом равновесии ви́дения.

19.II. Об одном и том же явлении два исследователя высказывают разные, может, даже несовместные, утверждения или теории: a_1 и b_1. Кто из них прав? В общем случае спрашивать так нельзя. Утверждение или теория a_1 (или b_1) не автономна, она занимает определенное место в системе Σ_a (или Σ_b):

$\Sigma_a = a_1 \wedge a_2 \wedge a_3 \wedge \ldots \wedge a_n$; $\Sigma_b = b_1 \wedge b_2 \wedge b_3 \wedge \ldots \wedge b_m$;

$a_1 = f(\Sigma_a)$, $b_1 = \varphi(\Sigma_b)$, тогда a_1 и b_1 одинаково «правильно» объясняют одно и то же явление и дают одинаково точные, то есть проверяемые опытом и предсказанием, повторения этого явления, хотя их теории и несовместны. Само <утверждение> $\Sigma_a = F(X_a)$, $\Sigma_b = \Phi(X_b)$, где X — некоторая первоначальная интуиция. Обсуждение и критика a_1 или b_1 должно быть имманентным, а критика X_a, X_b — трансцендентным. То есть: a_1 отвергается не само по себе, а только потому, что оно несовместно с X_a; а X_a я принимаю или отвергаю потому, что оно соответствует или не соответствует не фактам, а моей интуиции X_b. Это не агностицизм, позитивизм или что-либо подобное, а наоборот, абсолютный онтологизм.

X_a, X_b, X_c, ... — личные интуиции, между ними личные, ноуменальные отношения, определенные же a_k, b_k, c_k, ...— их функции. С этой же точки зрения надо понимать и теории связи между восприятием (x_1),

суждением восприятия (x_2), языком (x_3) и мышлением (x_4). Это уже другое измерение.

Первое: $X_a \wedge X_b \wedge \dots \wedge X_m$ — некоторое ноуменальное соборное множество и единство: $F(X)$.

Второе: $x_1 \wedge x_2 \wedge x_3 \wedge x_4 \wedge x_5$ (и может, и другие x) — некоторая ноуменальная система моих отношений к чему-либо: $\Psi(x)$.

В каждом определенном случае — некоторое ноуменальное пересечение $F \wedge \Psi$, потому что без Ψ нет и F, то есть нет общения. Ψ — некоторая моя личная характеристика. А за этим: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я.

A и *B* — два психолога, оба признают, что любое слово, во-первых, ведет за собой по ассоциации другое слово, причем эти ассоциации различны у двух человек. Поэтому, сказал Гамильтон, понимание есть столько же и непонимание. Во-вторых, каждое слово есть часть целого, целое не равно сумме частей, но больше; восприятие слова ведет за собой представление целого, которое, то есть целое, определяет характер восприятия отдельного слова. В-третьих, все эти ассоциации при встречах с Mitmenschen* определяются нашим отношением к нему — степенью симпатии или антипатии. Затем *A* и *B* экспериментируют. После эксперимента *A* говорит *B* или *B* говорит *A*: ваш эксперимент поставлен неправильно, условия для вашего вывода были уже заранее заложены в установках эксперимента. Поэтому результат эксперимента предопределен его установкой. Но может ли он вообще не быть уже заранее предопределенным? Это то, что говорит Эйнштейн: нет факта самого по себе. Теория устанавливает, что называть фактом в определенном конкретном случае. В критике эксперимента и его установок тоже надо различать имманентную и трансцендентную критику.

29.II. Надо дойти до какой-то последней степени бездонного отчаяния, безнадежности и сокрушения духа, только тогда приходит Бог, а до этого Его нет. Надо освободить Ему место, тогда Он приходит. Надо, чтобы Он стал необходимым, настолько необходимым, что без Него жить нельзя, только тогда Он придет. Надо стать ничем в сокрушении духа, в полной безнадежности и опустошенности, Он приходит только в ничто, тогда заново творит меня. Самое удивительное и чудесное: пока я говорю: я и Бог или: или я, или Бог, — нет не только Бога, но и меня. Когда же дойду до «не я, но Бог», есть Бог. И самое удивительное и чудесное: если есть Бог, есть и я. Когда я говорю «не я», я уже есть, я что как ничто. Потому что, сказав «не я», я уже говорю: Бог; когда же есть Бог, есть и я. Пока же нет Бога, нет и меня, только какое-то бесформенное болото, какая-то грязная жижа.

---

* Ближним (*нем.*).

Я сказал: надо. Ничего не надо. Пока есть какое-либо**надо**, нет Бога. Бог вне необходимости, вне всякого**надо**. Если есть **надо**, нет Бога. Если нет Бога, нет и меня.

Я сам не могу освободить Ему место. Я сам не могу стать ничем. Я ничего не могу. Когда же Бог доведет меня до последнего**не могу**, до последнего **ничего не могу**, до ничто, тогда приходит в это ничто, заполняет Собою мое ничто, уже не мое — Его ничто, — и творит меня заново из ничто, в ничто. Тогда я что как ничто. Тогда говорю: жив Господь, жива душа моя.

Я все больше запутываюсь в жизненных отношениях, меня все больше втягивает в себя жизнь. И чем больше втягивает, чем больше я что-то делаю, пусть даже нужное и хорошее, но с другими и для других, тем сильнее я сам ощущаю себя как какое-то бесформенное болото, не ощущаю, а превращаюсь в бесформенное болото, в грязную жижу. Я не могу тогда дойти до бездонного отчаяния, безнадежности, потому что внешние обязанности, другие люди отвлекают меня от бездонного отчаяния и безнадежности, от Божественного ничто, я делаюсь**что** и как что — ничто. Уже не Божье, а свое собственное, второе ничто. Это грех, мой грех, мое проклятие и несчастье.

Господи, освободи меня не от внешних дел, а от оттенка внешних дел, чтобы я делал их, если Ты уж заставляешь меня делать их, не думая о них, не втягиваясь в них, не соблазняясь, чтобы я делал их, не делая их, чтобы и будучи при деле я был не при деле, чтобы я не имел в них угла, где приклонить голову, чтобы они не заполняли моей беспредельной, бездонной опустошенности. Господи, дай бесконечное неудовлетворение, бесконечную опустошенность, безнадежность и страдание, потому что только Ты наполняешь, наполняешь, когда опустошаешь. Господи, исторгни из меня вопль, опустоши и наполни Собою, чтобы я сказал: жив Господь, жива душа моя.

8.III. Если я могу только коснуться блаженств, о которых говорит Христос, но не могу удержаться в них, быть в них постоянно (Ин. 9, 39), то определяющее сейчас состояние — страдание: leidenschaftliches Leiden. Блаженство бесконечно, я конечен, только в прикасании имею его, имея — теряю и в потере и его отсутствии снова касаюсь и снова имею, но только в некотором неустойчивом равновесии, в немощи и потере его. Тогда тоска по бесконечному блаженству, и так как оно бесконечно, то и тоска бесконечная и бесконечное страдание. — Многими скорбями...

G. Arnold — Zug* . Zug — это путь, тяготение. Это и есть призвание: призвание к бесконечному блаженству, которое есть призвание к

* Движение, влечение, стремление, тяготение (*нем.*).

бесконечному страданию и бесконечной радости бесконечного страдания. Zug — явное в неявном или неявное явного, но оно определяет всю мою жизнь. И за бесконечным страданием, в бесконечном страдании я вижу бесконечную радость, и она прерывает бесконечное страдание.

Путь — призвание и Провидение. Я хочу сказать, что я ощущаю и с 1911 г. всегда ощущал в себе две жизни — одну жизнь как две жизни: истинную, неявную, неявно явную и другую — явную, ложно явную, ложную. Первая — путь, а вторая — блуждание, мое собственное слепое блуждание.

Путь и есть Божественная серия атональной жизни, блуждание — моя собственная в грехе тоникализация Божественной атональности. Как и в музыке, серия — неявно явное, поэтому вопрос как вопрос, есть и ответ.

Mysterium iniquitatis.*

Путь — ощущение безусловной абсолютности жизни, не вообще, не природной, а личной жизни, трансцендентной в имманентном.

11.III. Страх перед открытым окном по Фрейду — страх перед женщиной. У меня страх перед открытым окном — страх выпасть из окна. В 1928 г. на эту тему я написал заклинание. «Мир перед Богом»** возник тоже из страха выпасть в окно — когда я летом стоял перед открытым окном. В 30-х гг. я записал: я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть в окно — разве это значит покончить с собою? — У меня этот страх связан еще со страхом высоты и пропасти. Когда я вижу, как напротив иногда ходят по крыше у самого края, мне становится так же страшно. Иногда это бывает и во сне. Не знаю, верно ли фрейдовское объяснение окна как символа, для меня же, я думаю, этот страх связан с страхом второго мира, определяемого властью и женщиной, и, может быть, с головокружением на краю пропасти, как это объяснял Кьеркегор: обнаружение в себе бесконечной возможности духа. Связь с тем, что сейчас: тень страшного, опустошенного взгляда и все остальное.

13.III. Ноуменальное отношение можно определить так: если для *А* главное не то, что ему нужен *Б*, а что он нужен для *Б*, и то, что он нужен для *Б*, для него не тягостно и не неприятно, а, наоборот, доставляет радость и дает некоторый высший смысл его жизни, тогда отношение *А* к *Б* ноуменальное. Но пока это еще одностороннее ноуменальное отношение и обозначим его так: *А* $\xrightarrow{\alpha}$ *Б*, то есть явно *А* стремится к *Б*, но

* Тайна трудности, тягости, тяготения (*лат.*).
** См. библиогр. [31], с. 740—750.

в основе *Б* нуждается в *А*, *Б* — для него неподвижный двигатель, к которому он тянется, потому что *Б* тянет его, во всяком случае неявно, даже ничего не делая для этого, — это во-первых. Во-вторых, если для *А* это в тягость, то нет никакого ноуменального отношения, только жалость, долг и другие, в конце концов нехорошие и для *Б* унизительные, чувства и отношения. Если же в этом есть радость и открывается некоторый смысл жизни для *А* — я обозначил это буквой α, — то отношение ноуменальное. Тогда если это действительно ноуменальное отношение, то двустороннее, то есть и $Б \overset{\alpha}{\rightleftarrows} A$. Тогда исполняется то, что сказал Христос: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я.

Все люди знают, что в этом мире нет ничего прочного и вечного, что все пройдет и сама земля исчезнет. Но я это не только знаю, а все время — с 12.I.62 и особенно с 16.X.63 — все время чувствую, что «все приходит в ветхость и я по сравнению с этим не редкость»* . Это ощущение тленности всего, всех дел рук человеческих, сопровождает меня все время и омрачает всякую радость, земную радость, также удовлетворение от того, что я пишу. Поэтому же меня не радует, а скорее страшит, что через год-два мои вещи будут, я думаю, напечатаны. Страшит, потому что необходимо появятся новые люди, новые встречи, а это, во-первых, новый соблазн, во-вторых, новые разговоры, от которых потом становится стыдно, в-третьих, некоторое удовлетворение: снова пробегает облако, закрывающее от меня на время, на очень короткое время, тленность всего земного и ничто — Божье ничто. От этого тоже стыдно, на некоторое время, хотя бы и короткое, я снова забываю, что все приходит в ветхость, что нет ничего вечного, кроме Бога и Его ничто, в котором Он творит меня, я снова лицемерю, как во сне с Георгом 35 лет тому назад**, искренне лицемерю, снова наступает искренняя ложь или лживая искренность, от которой потом нестерпимо стыдно и противно.

Но ноуменальное отношение вечно, потому что тогда между нами Христос.

Затем ноуменальные встречи. Но здесь я бездарен: не слушаю другого, говорю как магнитофон. Затем соборность. И здесь я бездарен, это мое проклятье, несчастье и грех.

Мне часто снится, что я должен идти в школу или уже в школе на уроке и не знаю даже, какой это урок — алгебры, геометрии или тригонометрии, в журнале уже давно ничего не записано, я не знаю даже программы, я должен что-то делать и не знаю даже, что должен делать. Это сублимация все того же: я не чувствую себя в жизни как дома, но так ведь и должно быть. Или скорее: я запутался и блуждаю.

---

* См. второе примечание на стр. 236.

** См. примеч. 13.

16.III. Вчера, вернее, в ночь с 16-го на 17-е было чудо. Сейчас мне еще трудно писать об этом, я живу еще в этом чуде, я настолько живу в нем, что когда Т. сказала, что сегодня не сможет приехать, я даже не огорчился: приедет Т. или не приедет, все хорошо, весьма хорошо.

Чудо было раньше — в понедельник и не со мною, а с Г. <Мокреевой>, вчера же вечером она рассказала мне* и чудо было со мною: я заснул поздно, потому что чудо было со мною, и я проснулся рано, потому что чудо было со мною. Чудо было через В. А. <Каменского>. Не он чудо, и не он сотворил его. Чудо сотворил Бог через В. А.

Чудо всё. И до этого было, но открылось мне сейчас. Чудо было, что я простил Н.** Я увидел ее на похоронах Вали <Гольдиной>. Ей было хуже, чем Т. Т. была со мной. Н. — одна. Мне стало ее жалко. Бог простил ее — мог ли я не простить? Чудо было с ...***: я простил его. Мог ли я не простить? Сколько еще я буду искать соломинку в глазе моего ближнего, когда не могу вытащить бревна из своего глаза?

Я думаю о ноуменальных отношениях, пишу о них, в ноуменальных отношениях реальный субъект не я, а ты. Если же ты не стал для меня реальным субъектом, то виноват я. Помог ли я Г.? Нет, я не отказывал ей, но мне были в тягость три последние встречи. Кто виноват? — Я. А вчера мне не было в тягость, мне было хорошо с ней. Кто виноват, то есть виновник того, что мне было хорошо с ней? Не я. — В. А. И не он, а Бог. Через В. А., а не через меня Бог обратил плохое в хорошее, и даже меня очистил Он через В. А., отраженным светом от Г. через В. А. Бог очистил меня, простил меня, окаянного. Господи, я знаю, что еще будет трудно, что еще 100 раз я буду падать, я знаю свою жестоковыйность, свою Verstocktheit, но я знаю, я верю, что и в 101-й раз Ты простишь меня и в 101-й раз исторгнешь из меня вопль, чтобы я обратился и жил, и что Дух Твой неизреченными воздыханиями все время ходатайствует за меня. Помоги, Господи, укрепи меня, дай силу веры, вложи перст мой в рану Твою, дай знак Фомы. Пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, не оставь меня, Господи.

Господи, не знаю, как сказать: все хорошо, весьма хорошо.

---

* О том, что крестилась (у священника Владимира Каменского, см. примеч. на стр. 124).

** Анна Семеновна Ивантер (Нюра — так, кажется, обычно ее звали), вторая жена А. Введенского, во время первого его ареста (1931 г.) сожгла все бывшие у нее рукописи мужа, вместо того чтобы передать их Я. Друскину или Т. Липавской.

*** В рукописи пропуск.

19.III. Вчера было хождение-молитва. И, переходя улицу, почувствовал себя маленьким ребенком, каким был около 60 лет тому назад, когда мама или папа водили меня гулять, переходя улицу, держали меня за руку, чтобы я не упал, когда текло из носа — утирали. И сейчас Ты держишь меня за руку, утираешь мне нос. Свет, которым Ты просветил Г. <Мокреву> через В. А. <Каменского>, отражается на меня.

21.III. Когда бес уходит, помещение выметено и вычищено, бывает и так, что он еще не вернулся и не привел с собой *7 злейших бесов*, но выметенное и вычищенное помещение пусто; это еще не та пустота и опустошенность, которую я прошу, скорее это пустота от той опустошенности, и, может, это и есть 7 злейших бесов. Господи, опустоши меня от пустоты, опустошающей от той опустошенности.

24.III. Вчера снова была Г. <Мокреева> и снова было хорошо: то, что она получила через В. А. <Каменского>, через нее переходит и на меня. Логические доводы против моего крещения, которые для меня никогда не были главными, отпадают, нелогические остаются:

1. Я боюсь подлой мысли, если она явится мне во время крещения, это уже будет хулой на Духа Святого. То, что я подумал сейчас, это уже подлая мысль, и за ней потянулись *другие подлые мысли* — прости меня, окаянного, Господи, верую, помоги моему неверию.

2. Я боюсь, что мне станет легче и я успокоюсь — успокоюсь в своем покое. Я хотел креститься уже давно, но боялся, что тогда будет легче, а я хочу, чтобы было тяжелее. Но сейчас я боюсь еще другого. Ты знаешь, Господи, чего я боюсь, знаешь все мое окаянство и все мои подлые мысли: это те, что потянулись за первой подлой мыслью, и может, еще подлее. Прости меня, окаянного.

В первые три раза, когда у меня бывала Г., мне стыдно было, когда я произносил перед ней Твое имя, мне казалось, что я фарисействую и недостоин произносить Твое имя перед людьми. Когда я сам много раз в день обращаюсь к Тебе, мне не стыдно, не стыдно перед людьми говорить о Тебе теологически, то есть теоретически, потому что тогда говорю не Ты, а Он. А сейчас с Г. мне не стыдно говорить Ты, и когда я говорю Он, я все равно говорю Ты. Потому что через В. А. Ты стал между Г. и мною.

28.III. Веберн более радикален, чем Шёнберг, Шёнберг более смелый. Радикальность и смелость в том смысле, как я понимаю эти слова, несовместны. Смелый обычно открыватель, радикальный тот, кто полностью принял новое открытие, реализовал его; но он не эпигон, он тоже чинарь. Радикальный полностью реализует открытие смелого — то, что я назвал α. Смелый тот, кто открыл α, но он не боится поставить

α в некоторое соотношение с β, то есть с неправильным, даже банальным и пошлым. Д. И. говорил: надо подойти к пропасти, стать на самом краю ее, взглянуть вниз и не упасть. Что внизу? Может быть, чувство и страсть, но очень часто, особенно в наше время, чувство выражается банально и пошло. Смелый не боится ни банальности, ни пошлости, поэтому иногда, может быть, и падает в пропасть, но, может, только как будто падает, на самом деле он все равно, и падая, стоит наверху, над самой пропастью, глядит вниз и не падает. Радикальный боится банальности и пошлости, поэтому боится и чувства. Тогда стоит ли над пропастью, дошел ли до самого края ее? Или Бог перенес его над пропастью? Куда?

Смелый начинает новый круг. Но не доводит его до конца: почти доводит: γ ↄ. Что значит этот промежуток γ? Это уже не α, но и не β, это α/β. Радикальный доводит круг до конца. Снова повторяю: радикальный не эпигон, он тоже чинарь, он вполне в α, еще больше, чем смелый. Но, завершив круг α, круг некоторого равновесия с небольшой погрешностью, сохранил ли он небольшую погрешность?

Я немного схематизировал. И радикальный не доводит круг до конца, но у него промежуток γ стремится к нулю. У смелого γ остается в конечных пределах: $\Delta\gamma$. У радикального она: $d\gamma$.

Смелый никогда не может успокоиться, он всегда в беспокойстве, он уже не может иметь своего покоя. Но не дает ли ему Бог Свой покой, Божий?

Смелый твердо знает: сила Моя совершается в немощи... когда я немощен, я силен. Он всегда помнит слова апостола Павла: ты думаешь, что стоишь? бойся, как бы не упасть. Поэтому никогда не может завершить круг. Радикальный тоже знает все это, он тоже живет в этом, он тоже силен, когда немощен. Но есть ли у него всегда этот страх? Не довел ли он $\Delta\gamma$ до $d\gamma$? Не завершил ли круг? Тогда не пал ли?

Радикальный совершает, может быть, больше смелого. Но это больше не меньше ли?

Смелости и радикальности нельзя добиться, нельзя желать, учиться им. Смелость есть, если она дана. Тогда смелый уже не может не быть смелым. И так же радикальность. Может, смелый даже не хочет быть смелым, но она дана ему, и он не может не быть смелым. Шёнберг, я думаю, не хотел быть смелым, но он не мог не быть им. И так же радикальный. И наоборот: если бы радикальный и пожелал быть смелым, а не радикальным, то, как бы ни хотел, все равно не сможет: помимо своей воли он будет стремиться к полному завершению круга, к $d\gamma$. А смелый, как бы ни желал, помимо своей воли не сможет завершить круг, перейти пределы $\Delta\gamma$.

Когда я закончил «Исследование о критерии», я почувствовал: я достиг некоторого равновесия с небольшой погрешностью. Но погреш-

ность еще слишком велика — надо ее уменьшить. Я стал писать добавление (второе). Но затем обнаружил: я не могу замкнуть круг — одностороннее синтетическое тожество — та же апория. Круг остался незамкнутым, я начал второй круг: ⊃⊃ (I) Уменьшился ли разрыв? Не знаю. <Сочинение> ТФТ осталось незаконченным. Эти круги могут быть и концентрическими: например, четыре варианта «Мира перед Богом», 10 вариантов «Критерия», несколько вариантов <сочинения>«Трактат Формула Бытия». (II)

Большинство моих вещей существуют в нескольких вариантах: я хочу сократить погрешность до минимума. Но минимум — нуль. Тогда нет погрешности, а это уже ложь — абстракция. Сокращение погрешности: интенсивно — я пытаюсь завершить ту вещь, которую пишу. Но завершение оказывается началом нового круга, разрыв не заполнен (I). Экстенсивно — сразу же закончив, я начинаю новый вариант этой же вещи (II). По отношению к самой вещи скорее (I) будет экстенсивным, а (II) — интенсивным.

30.III. Макарий Египетский: Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен (I), вел брань со своим умом (II), не соглашался на порочные помыслы (III) и не услаждался ими (IV). (I) — я понимаю, (II) же и особенно (III) — в моих ли силах, не погрязну ли в них еще больше, ведя брань с ними? Меня смущает, во-первых, должен, во-вторых — бороться, в-третьих — я сам. Не бороться, а молиться, вопить. Явное мне: я сам, борьба, долженствование, отчасти и вопль — отчасти, потому что я ли воплю или Святой Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня? То, что я совершаю, явное мне. Но я ли совершаю? Тогда за явным неявное мне, тайное, что совершает Бог не только вне меня, но и во мне — в моих желаниях, во мне самом, в моем гневе на себя самого, в моей брани с самим собою, в моем вопле. В явном мне совершается тайное, неявное мне — я это чувствую все время.

10.IV. Когда-то я записал: когда была связь с моей лестницей Иакова, была земная связь и земная связь была небесной. Сейчас появились новые земные связи, но они более корыстны в возвышенном смысле: Введенский, Хармс, Липавский, Веберн, а та была бескорыстной: и будучи при деле, я был не при деле, а сейчас я при деле, поэтому и будучи не при деле, как сегодня, я все равно при деле — при деле безделия, так как вчерашнее дело закончилось. Тогда мне не надо было выключаться, а сейчас надо: надо выключиться из дела, которое есть **быть** при деле, чтобы включиться в дело, которое есть **быть** не при деле.

12.IV. Кажется, это всегда было: когда я хочу писать, я пишу плохо. Когда я пишу хорошо, я скорее не хочу писать, но не могу не писать. С возрастом это становилось все сильнее, то есть нежелание писать, особенно же сейчас. Но когда я не писал раньше, была лестница Иакова, поэтому я не мог быть при деле безделия. Правда, бывала игнавия, то есть я был в игнавии, я все же **был.** *А сейчас? То есть что происходит со мною сейчас?*

15.IV. Когда моя лестница Иакова стала моим жалом в плоть, мое преобладающее состояние было, положим, – 4, часто же падало до – 40, зато и подымалось до + 40. А сейчас обычное состояние 0, до – 40 не падает, но и до + 40 не подымается. Это нулевое состояние хуже, чем – 40. — Горе вам, что вы не холодные и не горячие, а теплые, поэтому извергну вас из уст Своих.

Нельзя служить Богу и миру. Это неверно, нельзя служить Богу и космосу — упорядоченному миру, упорядоченному дьяволом. Надо служить миру, но так, чтобы этот мир в моем служении или моим служением ему не стал космосом, не служить космосу и его хозяину. Христос сказал: Царство Мое не от мира сего.

Что значит: служить миру, чтобы этой службой не сделать его космосом? Надо различать внешнее и внутреннее превращение мира в космос. Внешне, или объективно, мое служение (В., Х., Л., О.) не превращает мир в космос, во всяком случае так мне кажется, но я сам втягиваюсь не в мир, а в космос. Это какой-то грешный оттенок моего служения, грех моей службы. В чем грех моей службы?

Я не могу определить его. Я начну с некоторого частного случая, с косвенного, может, так дойду и до главного.

[Тайнопись, то есть зашифровано:] разделение плотского и духовного лучше, чем освящение плотского. [Верно ли?] Вот что я понимаю под этим: душевно-плотское хуже плотского. Духовно-душевно-плотское хуже душевно-плотского. Я говорю здесь не только о плотском уме, но и о плотском чувстве. И полное разделение духовного и плотского, даже если оно остается, даже если оно удовлетворяется, может быть, лучше, чем духовно-плотское чувство. На том свете будет много не-ожиданностей: может оказаться, что какой-нибудь развратник целомудреннее самого праведного, даже в мыслях верного только своей жене мужа-семьянина. Я сказал: **может быть,** полное разделение духовного и плотского лучше смешения и даже освящения плотского, я сказал: **может быть** — потому что ведь Слово стало плотью, значит, уже не может быть абстрактного античного разделения духа и плоти.

Праведный жив верой, а не своей силой, если же не хватает веры, то уж лучше жить *своей слабостью,* чем силой. Но вот я живу сейчас своей слабостью — что хорошего?

По крайней мере с 1922 г. главная категория для меня принцип разделения: верующий или неверующий. Я говорю не об исповедании, не о формуле исповедания, не о словах, а о некотором оттенке чувства, мысли, слов. «Мельхиседек»* Батюшкова имеет этот оттенок — оттенок веры, а у Игн<атия> Брянчанинова я не вижу его. Как определить его? Может, это некоторое ощущение абсолютной инвариантности моей души, причем:

а. Оно может выражаться и в отрицательной форме — в тоске по отсутствующему ощущению абсолютной инвариантности моей души, как в стихотворении Батюшкова. Тогда сама эта тоска уже и есть абсолютная инвариантность моей души, в тоске по отсутствующему уже присутствует отсутствующее, во всяком случае я уже касаюсь его. Когда мытарь бил себя в грудь и просил: Господи, буди милостив мне грешному, — Бог уже был милостив к нему и мытарь уже не был грешен.

б. абсолютная инвариантность не автономна, как автономная она относительна, потому что человек сам по себе не вечен и не абсолютен. *Абсолютную* инвариантность я могу получить только от того, что абсолютно. Но никакое **что** не может быть абсолютным, абсолютен только **Кто**. Об этом я писал во втором или третьем «Свердловском трактате».

Это главное: **Кто**. Жив Господь, жива душа моя, моя душа жива, потому что жив Господь. Это не исповедание, то есть не только исповедание, а конкретное чувство-ощущение, оттенок веры, и вера и есть оттенок веры. Впервые я почувствовал это в 1911 г., впервые осознал, хотя и смутно, в 1922 (или в 1921?), когда писал о «Первоначальном и законе» , впервые ясно осознал несколько лет спустя (между 1924 и 1928).

При смешении, если включаешься в космос, это ослабевает. Не теряется совсем, но ослабевает. Как включиться в мир — потому что это и есть соборность, — не включившись в космос? Когда-то я записал: может, аскет, живущий в пустыне, сильнее всего включен в мир, потому что не включен в космос. В моей лестнице Иакова я был включен в мир, потому что был исключен из мира, то есть мира, приведенного в порядок дьяволом.

В конце концов, во всяком случае для меня, две несовместные плоскости: мир и Бог, точнее: мир и Христос. И это разделение проходит для меня всюду: и в мире, и в жизни, и в душе; и между плотским, душевным и духовным. И здесь всякое смешение *для меня* соблазн. Я не говорю — вообще, но для меня. Но полное разделение без полного отвержения душевного и плотского тоже *для меня* соблазн, хотя и меньший.

---

* Батюшков К. Н. Ты знаешь, что изрек... (Мелхиседек).

Возможно ли полное? — Только в приближении. Но я далек от цели. Но все же и в отдалении от цели меньший для меня соблазн, чем в смешении. Если же возникает третий соблазн — гордыни, то *лучше слабость в смешении, чем гордыня в разделении.* И все же это еще не та слабость, о которой апостол Павел сказал: когда я немощен, я силен.

Почему в этих тетрадях † я пишу не так, как раньше: раньше я писал сразу начисто, а сейчас на листках начерно, через некоторое же время переписываю, часто исправляя, хотя бы немного? Почему я не записываю всего, когда же касается конкретного, особенно лиц, — иносказательно, причем более иносказательно, чем раньше? Почему не всегда записываю свои подлые мысли, особенно же самые мелко-подлые? На третий вопрос могу ответить (отчасти) сразу: покаяние в мелко-подлых мыслях тоже необходимо, но так как они мелко-подлые, то надо остерегаться, чтобы покаяние не перешло или в нигилистической цинизм, или в любование ими и игру в покаяние. А запись их может стать если не цинизмом, то игрой в покаяние. Но это только частный ответ. Полный заключен в ответе на 1-й и 2-й вопрос.

Ответ: так, лично для себя, как я пишу эти тетради †, я, может, никогда не писал. Но на первой странице я хотел написать:

Моей лестнице Иакова во славу Божию
S. D. G.

Поэтому я и хочу, чтобы эти тетради были хорошо написаны, не о своей славе я забочусь.

Значит ли это, что я предполагаю, что они будут прочитаны? Я хотел бы их дать М. Может, еще Т. [Прежде всего Т. — 4.X.68.] Хотел бы еще Л<иде>. Больше пока никому. Но пишу их для себя, мне они нужны, чтобы увидеть полноту времен, чтобы видеть свой путь, во всем видеть руку Божию.

А почему я переписываю и исправляю старые тетради до 1963 г.? Я вижу eidos своей жизни как принадлежащей не мне, а Богу. Вернее, не вижу, а ощущаю и хочу ясно видеть, тогда конструирую eidos своей жизни как принадлежащей не мне, а Богу. Это конструирование не положительно, а отрицательно-положительное: я отбрасываю то, что затемняло этот eidos [не конструирую, а реконструирую]. Я отбрасываю случайное. Это неверно: я отбрасываю случайно-случайное, чтобы увидеть неслучайно-случайное. Это и значит понять истинную Божественную контингентность моей жизни, увидеть Провидение, руководившее мною, направлявшее и направляющее меня в моем грехе и окаянстве и несмотря на мою жестоковыйность.

В случайных, плохих, глупых, даже пошлых записях я хочу увидеть Провидение, руководившее и руководящее мною. Я хочу увидеть это сейчас, поэтому отрицательно-положительное конструирование эйдоса моей прошлой жизни есть отрицательно-положительное конструирование эйдоса сейчас моей жизни как принадлежащей не мне, а Богу. Я хочу сейчас увидеть исполнение и полноту времен, сейчас в моем сейчас увидеть всю мою жизнь. Да будет воля Твоя — вот что интересует меня и в моем прошлом: увидеть, что она всегда была, есть и будет, что и сейчас она исполняется, именно *сейчас* исполняется, исполняется как исполнявшаяся, исполняемая и исполненная. S. D. G.

16.IV. Даже немцы не проводят строго различия между Wille <воля> и Wollen <желание>. «Das unbedingte Gesetz für das Wollen».* Но для естественного желания этот закон естественный, тогда не безусловный, только для сверъестественного безусловный. Но о каком хотении говорит апостол Павел (Флп. 2, 13)?

От естественной необходимости меня освобождает servum liberum arbitrium**, но, освобождая от естественного рабского Wollen, погружает в духовное рабство воле (Wille). Именно Кант понял, что Wille не Wollen, Wille — чистый, тогда практический разум. Но последнего вывода не сделал: именно поэтому чистая воля и есть злая воля, то есть греховная.

Даже в практической невозможности противодействовать своими силами естественному греховному Wollen, то есть любому, даже плотскому греху, заключена уже другая духовная невозможность. Именно поэтому я и ощущаю невозможность противодействия как грех, как мой грех. Я опутан бесами, а не естественными желаниями, но это не снимает с меня ответственности, в вине без вины я виноват не меньше, может, даже больше, потому что уже Сам Бог возложил ее на меня, обвинил меня. Дважды я опутан бесами: в естественной невозможности противодействовать греху, и так как греху, то естественная невозможность стала сверхъестественной — духовно-антидуховной, ведь естественное Wollen само по себе не грех; но еще больше я опутан бесами в возможности противодействовать греху своей волей — здесь дьявол может меня уже совсем покорить. Я свободен, только осознав, вернее когда Бог даст мне осознать, что я сам не могу ни противодействовать греху, ни не противодействовать ему, что я ничего не могу, тогда Он и дарит мне абсолютную свободу: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете.

---

* Безусловный закон для желания (*нем.*). См. также запись 19 мая на стр. 264.

** Рабская свобода воли (*лат.*).

Sittliche Persönlichkeit* — но это все равно что круглый квадрат. Sittlich** именно Unpersönlich*** — еще Кьеркегор говорил это. Нравственность объективна, личность — религиозная личность — не объективная, а субъективная. Но тогда уже не Wille, а снова Wollen, только не естественное: не я живу, Христос живет во мне.

«Автономность нравственного закона». Автономная нравственность именно безнравственна: легализм или самоудовлетворение, то есть фарисейство.

Противодействие природе само по себе совсем не религиозно; религиозно противодействие космосу, но прежде всего — космосу во мне, себе самому, и, чем я сам, которому я противодействую, более духовен, тем религиознее противодействие ему, то есть себе самому. Потому что моя собственная духовность — антидуховная духовность.

Еще они <немцы> говорят об «этическом самоутверждении», о самостоятельности. От чего бы ни была моя самостоятельность, она всегда антирелигиозна и, чем более идеальна и возвышена, тем более антирелигиозна: когда я немощен, я силен.

Основное противоречие или разделение не меня как существа природного и меня же как сверхприродного, а во мне, как сверхприродном: я и я сам, от этого же вторичное разделение:

Но само разделение «я — я сам» не природное, а сверхприродное, у животных, у невинных, его нет. Но (II) само по себе, без (I), — натуралистический, тогда скорее антирелигиозный, принцип. Поэтому вера — самое трудное, даже невозможное: невозможно было бы и верить в Бога, если бы Его не было, потому что вера противоестественна. Может, эта противоестественность веры и препятствует моей соборности. Когда я отъединяюсь от людей, когда я совсем один, я с Богом: Он со мною и осуществляет во мне невозможное. При встречах же и ожиданиях возникают соблазны. Может, это последнее разделение, через которое и возродится новая соборность.

Вчера снова была Г. <Мокреева>. И в некоторых сомнениях и соблазнах снова появилась уверенность — когда я молился за нее. Это уже возражение мне: не последнее разделение ложно, а мое понимание и чувство его, моя несоборность — мое проклятие, несчастье и грех — мой грех, моя вина. Господи, помилуй.

---

* Нравственная личность (*нем.*).

** Нравственно (*нем.*).

*** Безлично (*нем.*).

18.IV. Я думал: праведный жив верой, а не своей силой. Моя слабость — смирение. Не перехитрил ли меня бес? Смирение стало гордыней, слабость — другой силой. Я заблудился, как овца потерянная, взыщи меня, Господи.

20.IV. Если Сын второе лицо Троицы, образ Отца, адекватное возвращение в Себя, то и язычник, веря в личного Бога, молясь Богу, а не только Божеству, молится и Сыну и Духу Святому. Во-вторых, без контингентности нет и личности. Сын — условие контингентности. Молясь Богу живому, язычник молится и Христу, не зная Его имени. Тогда и до вочеловечения Слова чувствовал контингентность и необходимость — случайную неслучайность вочеловечения Слова.

«Вина есть злоупотребление свободой воли». Это уже чистый пелагианизм: вина не злоупотребление, а просто употребление, то есть пользование свободой воли. Сама свобода воли и есть грех, невозможность не пользоваться ею — моя вина без вины.

Трубецкой сказал: все дело в том, кому человек больше верит — Богу или миру. Но если я больше верю Богу, то не боюсь безумного Божьего и верю Ему, а не человеческой мудрости. Тогда для меня нет никакого соблазна и сомнения в том, что по свершении времен лев будет сидеть рядом с овцой (Исаия), и я не спрашиваю: что же будет есть лев, ведь ему природой предназначено есть овцу. — Природой, а не Богом, Богом же предназначено есть травы (Бытие 1).

21.IV. Воскресение. Хотя вчера меня и поздравляли по телефону с наступающим праздником (Г. <Мокреева> и Ш<урик>*), все же сегодня я больше обычного чувствую, что я один: и не было так, как четыре года тому назад в этот день.

Два соблазна, которых я боюсь: 1. Автоматизма в повторении, хотя бы праздников, периодичности и порядка церковного года. Когда-то я записал: каждый день должен быть для меня днем смерти и днем воскресения Христа. 2. Suggestion — самовнушения. Вот я избегаю обоих соблазнов и впадаю в другой двойной соблазн: 1.Теряю контингентность из страха впасть в автоматизм, в das Bestenende. 2.Боясь самовнушения, теряю и внушение.

22.IV. Вчерашняя запись нехорошая, особенно в такой день**. Мне остается только бить себя в грудь и вопить: буди милостив мне, Господи.

---

* Александр Георгиевич Траугот — художник.

** Пасха.

23.IV. Я все время повторяю: это мое проклятие, несчастье и грех, моя вина. Вина без вины или с виной? И то и другое. Ведь и вина без вины — моя вина, значит, с виной. Абсолютная ответственность и значит: вина без вины именно моя, моя самая личная вина. Тогда проклятие, несчастье и грех.

28.IV. Стихотворение — некоторая формула. Формула некоторого жизненного состояния. Кажется, китайцы и греки считали неприличным формальный разбор и толкование стихотворения, это ремесленный подход. Мне нравились анализы стихов у Платона. Они были не формальными, а содержательными. Но за содержательным анализом скрывался или подразумевался точный формальный анализ, только прямо говорить о нем считалось неприличным. Музыка — наиболее внутреннее искусство, она проникает в меня непосредственно, без слов и внешних образов. Но поэтому содержательный анализ музыки — литературщина и ничего не дает, здесь возможен только формальный анализ или сравнительный, например философско-религиозные аналогии.

Формула жизненного состояния. Это определение стихотворения можно распространить и на прозу и на всякое искусство. Точнее: прозаическое произведение тоже формула некоторого жизненного состояния, но расширенная. Если же нет формулы, тó есть поэзии, то уже не искусство. И философия — формула жизненного состояния, и также, если нет точной формулы, нет и поэтичности, тогда не философия, а публицистика.

Поэзия или поэтичность — точная формула. Поэтому и математики о теореме или доказательстве говорят: красиво. Но чем ближе к искусству, тем меньше применимо слово «красиво». Об этом говорили и Шёнберг и Введенский. И то, что я сейчас записал, тоже некоторая формула:

Искусство — философия — физика — математика.

Именно для искусства характерны слова: правильно, неправильно. Именно для математики характерны слова: красиво, некрасиво. В промежуточных слева направо: первый критерий ослабляется, второй усиливается.

В конце концов это относится, может быть, и к жизни: жизнь должна быть как формула жизни. И эти тетради † — формула моей жизни с е й ч а с, точнее: поиски формулы моей жизни, прошлой, настоящей и в некотором предвидении, а большей частью невидении будущей жизни с е й ч а с. Она вся должна быть с е й ч а с.

30.IV. Ансельм Кентерберийский. Cur Deus homo: только Богмог дать удовлетворение за грех человека, потому что этот грех бесконе-

чен. Только человек должен дать удовлетворение за свой грех, потому что человек совершил его. Поэтому только Богочеловек фактически дает Satisfaction. Но как человек, то есть конечное существо, мог совершить бесконечный грех? И как невинный, то есть безответственный, мог стать ответственным? Ответ, мне кажется, один: невозможность ни принять, ни не принять бесконечную ответственность и есть бесконечный грех. То есть грехопадение тоже actus forensis. А дальше почти как у Ансельма: Бог подарил мне или, что то же, возложил на меня бесконечную вину-causa, которая, как непосильная, для меня стала моей бесконечной виной-culpa. Если бы Он как Бог снял с меня вину-culpa, я потерял бы и вину-causa. Он снимает с меня вину-culpa как человек, то есть как Богочеловек, тогда в некотором unio mystica* Он освобождает меня от вины-culpa, реализуя для меня подаренную мне вину-causa: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете.

Я не боюсь термина unio mystica. Этот термин не необходимо связан с пантеизмом мистиков. Но он правильно передает ощущение абсолютности, освобождающее от греховного субъективизма.

Вина без вины — центральное религиозное понятие, основание веры. Потому вина и абсолютна, что без моей вины, то есть импутирована мне извне в некотором actus forensis. В этом акте я получил бесконечный, а потому непосильный для меня дар. Тогда мое несоответствие ему стало моим бесконечным грехом, а сам дар бесконечной ответственности — моей бесконечной виной без вины. Но теперь это уже моя вина, именно моя личная вина, потому что Сам Бог обвинил меня. Вина без вины — ядро, центр всякой вины и вины по отношению к моему ближнему. Если нет вины без вины, нет и вины к ближнему, вообще никакой вины. При неясном ощущении самой вины, то есть вины без вины, нет и ответственности и любви к ближнему. Вся теономная этика основана на понятии вины без вины, без нее все отношения к ближнему — эгоизм, легализм или фарисейство. Я могу любить своего ближнего, если люблю Бога. Я могу чувствовать свою ответственность за ближнего, только если чувствую бесконечную ответственность, возложенную на меня Богом. Но она стала моей виной без вины. Тогда я виноват и перед каждым моим ближним, виноват перед всеми и за всех. Не чувствуя или недостаточно чувствуя свою вину без вины, то есть абсолютность вины, я безответственен и перед своим ближним.

Первое — вина без вины. Сама по себе, но уже после того как Бог обвинил меня, она непосредственна, то есть анонимна: я уже рождаюсь грешником, потому что вина импутирована мне Богом. Второе — переход от вины без вины к греху: прозрение анонимной вины без вины.

---

* Мистическом единстве (*лат.*).

Третье — проклятие: грех проклят. Четвертое — страдание. Вот четыре основных абсолютных основания веры:

вина без вины — грех — проклятие — страдание. Это еще не сама вера, а основание веры: чувство-ощущение абсолютности.

Эмпирический порядок понимания здесь обратный: страдание и несчастье знает всякий — всякая живая плоть мучается и страдает и доныне. Проклятие чувствует тоже каждый как некоторую противостоящую мне силу в агрессии жизни. Но, может, только немногие понимают абсолютность проклятия: она объясняется не случайными эмпирическими обстоятельствами, а трансцендентными, то есть трансцендентальна. Абсолютность проклятия открывается в понимании абсолютности греха и моей вины без вины, когда я пойму, что моя вина — вина без вины, и именно вина без вины и есть моя, моя самая глубокая и личная вина. Это и есть абсолютность ответственности — то, что из индивидуальности создает личность, и без абсолютности ответственности вообще нет никакой ответственности, наступает антирелигиозная и антинравственная безответственность и в отношении к моему ближнему.

Поэтому снова повторяю: моя соборная бездарность — особенно в том, что меня все время мучает, — мое несчастье, проклятие и грех, моя вина, mea culpa, mea magna culpa* .

Ты знаешь, Господи, что мучает меня, знаешь, что послужило поводом для этой записи. Помоги ему, помоги нам.

1.V. Для меня Пасхой была молитва позавчера на кладбище. Я не получил еще того, что просил, но вернулось ощущение абсолютности. И сегодня, когда ходил по улицам, и слышал беснования глупых безбожников, и думал о том, что сейчас мучает меня, я чувствовал себя защищенным. Защити и его, Господи, защити нас от нас самих.

Мне кажется, я слышу, как поет во мне: Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

2.V. О двойном соблазне (21.IV). Тоска и страх от потери контингентности из страха впасть в автоматизм, сам этот страх и тоска и связанные с ним случайно-неслучайные просьбы и молитвы не контингентны ли? Тоска и страх потери внушения от страха самовнушения не есть ли уже внушение? Так, Господи, только не стало бы самовнушением. Верю, что не станет, верю, Господи, помоги моему неверию. И пусть все время поет во мне, как вчера, и позавчера, и тогда на кладбище.

---

* Моя вина, моя великая вина (*лат.*).

11.V. В начале войны я записал раз: если *завтра придет Т., это будет чудом.* И назавтра: чуда не было. Сейчас я подумал: может быть, чудо было то, что чуда не было? И сейчас я живу без чуда, и это чудо, что я живу без чуда, и чудо, что чуда нет. Значит, есть чудо, и я живу в чуде. Чудо, что несколько дней я слышал, как во мне пело: Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав; чудо, что уже несколько дней во мне ничего не поет, чудо, что я пытаюсь что-то делать, чудо, что из моих попыток ничего не удается, чудо, что чудо есть, чудо, что чуда нет.

12.V. Свобода, необходимость, мотивированная и немотивированная свобода, убежденность, интеллектуальная, нравственная, религиозная необходимость убежденности, определение свободы у Спинозы, категорический императив, моральная необходимость категорического императива, свобода во Христе — удивительно, как до сих пор не сформулированы, то есть просто не обдуманы до конца, все эти понятия. Об этом я писал еще в <19>41—42 гг. и раньше — болевой характер системы.* В конце концов надо прямо сказать:

если Бог из возможных миров выбирает наилучший и не может не выбрать наилучший (Лейбниц), то Он не свободен. Но тогда и не Бог, тогда Бог — безличное благо («наилучший»), определяющее Бога, выбирающего мир так, как Его вынуждает к этому наивысшее безличное благо. Тогда уже два Бога, как у Маркиона, и высший Бог — безличный.

Вообще бессмысленный наивный антропоморфизм — отделять от Бога его мысли. Ведь это мое разделение, мой грех, что мои мысли — только мои, иногда я, и все же не я. Вернее, я и не я. И если мои мысли — только мои, то могут быть и другие — не мои, хотя и у меня, тогда есть уже разделение. Наивно и глупо переносить это разделение в Бога. Бог и есть то, что Он думает о Себе, — Логос, но только моя мысль принадлежит к возможному, тогда возникает и категория необходимости, но только потому, что моя мысль сама по себе еще не реализована. Если же мысль-предположение и есть реальность, как я писал об этом во 2-м или 3-м «Свердловском трактате», то нет и самой категории возможного и необходимого. Это и значит: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете. Сам же он уже свободен, от века, так же как и Отец.

---

* См.: Друскин Я. Основы трансцендентального учения о практических постулатах чистого разума. — 1926? 1927? 1928? 1929? (Так, со знаком вопроса у автора.)

В военные годы автор возвращается к этой работе: Комментарий, исправления, вторая редакция (1944 г.). — Личный архив.

У меня же необходимость убедительности, пока Сын не освобождает меня, особенно неприятна. Я чувствовал это и у Баха, когда играл его, особенно речитативы из М. Р.: я подчинялся ему помимо моей воли, точнее, помимо моего согласия. Он подчинял меня. Когда я играл «Страсти» Шютца — этого не было. Может, вообще меня уже не было, была музыка, был Христос. «Страсти» Шютца я или слышу — не только внешним слухом, а всем своим существом, или не слышу. В обоих случаях принуждения нет. Если слышу — меня нет, есть музыка, есть mysterium tremendum, есть Христос: меня уже нет, во мне живет Христос <Гал. 2, 20>. Это и есть абсолютная, немотивированная свобода, о которой и говорит Христос. Он Сам и есть эта свобода. Но Бах убеждает, покоряет, подчиняет. Шютц не убеждает, так же как и Христос. Христос уязвляет — и меня нет, Он живет во мне, тогда я свободен, абсолютно свободен, ничего не должен. Убеждение всегда деспотично, всегда неприятно. Можно даже сказать: это убедительно, вполне убедительно, поэтому ложно. Сама убедительность ложна, истина не убедительна, не убеждает, а уязвляет — соблазн для моей воли, безумие для разума.

А когда я год или два тому назад читал Кьеркегора и мелочно противился ему, что это было? Мне кажется, здесь два момента: 1. В нем есть еще некоторая убедительность, поэтому он и отбрасывает половину Евангелия, и это неприятно. 2. Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного — я боялся не оглядываться назад.

С свободой и необходимостью напутано слишком уж много. Свобода от естественной необходимости еще не есть абсолютная, то есть духовная, свобода, она может быть хуже естественной необходимости, то есть невинности, — категорический императив, самоудовлетворение, то есть фарисейское самодовольство.

Непосредственность, рассеянная мысль, мечтательность, бесовское парение мысли, свободное даже от всех греховных соблазнов, тоже не абсолютная свобода. Эта мечтательность есть и у Пруста, и у Джойса — все это какая-то сублимация, значит, не абсолютная свобода, а подделка, суррогат.

Опутанность бесами — полное духовное, иногда же и духовно-плотское, рабство. Борьба с бесами, даже победа над бесами, какими угодно, пусть самыми подлыми, тоже еще не свобода и может стать худшим рабством. Но в этой опутанности бесами, может быть, скорее мелькнет абсолютная свобода, чем в борьбе с ними. Она полностью реализуется, когда уже не я, а Святой Дух неизреченными воздыханиями скажет за меня: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Даже не так: отойди от него, сатана, потому что уже не я говорю, а Святой Дух, Сам Бог за меня. Тогда я молчу, свободен в некотором молчании. И еще я свободен в вопле: Господи, Господи, что Ты покинул меня.

Потому что только Сын освобождает меня, я же сам и есть рабство — естественное и, что еще хуже, — духовное.

14.V. Шеллинг: человек был в Боге (1). Именно поэтому он был способен к свободе (то есть мог стать свободным) (2). Этой свободой он злоупотребил (3), чтобы возвысить свою частную волю в противовес универсальной Божественной воле (4). — Снова все наоборот. Верно, что человек был в Боге, но быть в Боге, то есть невинность, это именно и значит: не быть способным к свободе. «Быть в Боге» — невинность, то есть неспособность к свободе: ни к свободе выбора, ни к абсолютной свободе. Затем: что значит мог стать свободным, ведь само мог и есть свобода выбора, свобода выбора и есть возможность. Злоупотребление свободой вообще бессмысленно. Свобода выбора и есть возможность выбора и уже выбор, значит, я не злоупотребил своей свободой выбора, а свобода выбора уже и есть злоупотребление. Помимо непонятности перехода от возможности свободы к ее действительности, сама возможность свободы выбора и есть свобода выбора, так же как и свобода выбора есть только возможность свободы выбора (4). Чтобы, так же как и потому что, вводит в Бога временность. Несоответствие мне, сотворенному, значит конечному и невинному, бесконечного дара мне вневременно, вследствие этого несоответствие и стало для меня началом временности и времени. Но само это несоответствие вневременно, тогда и сама жизнь во времени вневременна, я вижу ее sub specie aeternitatis* , так как sub specie Christi. Тогда и чтобы освобождается от времени: не совершенствование, а вневременное обращение, не субъективное, а импутируемое мне через Христа и ради Христа. Это определенное понимание всей моей жизни как жизни с е й ч а с, то есть полнота времен в с е й ч а с.

Я жду телефонного звонка, он может изменить мой обычный порядок дня. Но я ясно чувствую, что это ожидание и изменение обычного порядка дня, так же как и этот обычный порядок дня, — не реальность, реально с е й ч а с, к которому примешивается и загрязняет его нереальное ожидание. Нереальное ожидание, связанное с ощущением временности, реально, как *акт* ожидания — акт греха. Здесь не имеет значения ожидаемое — оно может быть и самым праведным, самым святым, но само ожидание — акт греха: ожидая, я уже не живу сейчас; но и это — сейчас: ожидая *сейчас*, я уже не живу с е й ч а с — именно с е й - ч а с не живу с е й ч а с. Это грех.

Но есть другое ожидание, о котором говорит апостол Павел: я не почитаю себя достигшим, но стремлюсь, не достигну ли и я Христа, как Он достиг меня. Л. называл это тоской по абсолюту.

---

* Под знаком (с точки зрения) вечности (*лат.*).

И еще: скорбь — терпение — опытность — надежда от Бога. Греховное ожидание нетерпеливо. Это же — опытность в терпении и надежда, неотделимая от веры и любви. Поэтому апостол Павел и говорит: вера, надежда и любовь.

Может так: ожидание временного, надежда на вечное. В ожидании всегда только вероятность ожидаемого, в надежде или полная уверенность, тогда в молчании говорю да, не сказав да, или полная безнадежность, тогда воплю и в вопле получаю. Поэтому можно сказать, что в вероятности ожидаемого праведны или истинны только предельные значения: 0 — полная радикальная безнадежность и 1 — полная, абсолютная уверенность надежды. Все же промежуточные значения вероятности — ложь и грех ожидания.

15. V. Я прочел сейчас:

1. У Лейбница, Лессинга, Канта, Фихте — постепенное прояснение уже предсуществующей субстанции.

2. У Шеллинга — постепенное движение развивающейся субстанции.

И то, и другое неверно и не соответствует тому, что говорит апостол Павел о Божественном домостроительстве. (1) — слишком имманентно и рационалистически понимает Провидение. (2) — гностицизм: Божественное домостроительство не внутреннее изменение Бога, а внешнее руководство созданным из ничто мира, actus forensis. Оба заменяют Божественную педагогику или человеческой (1), или человеческими измышлениями о Самом Боге (2). Оба заменяют Божественное безумие человеческой мудростью.

Между историческим Божественным домостроительством и Божественным домостроительством моей души есть некоторое соответствие. И также между historia sacra* и historia profana. Historia profana — проекция моего понимания моего с е й ч а с на воображаемую ось — время, то есть на ось моего греха — свободы выбора. Historia sacra — Божественное понимание Божественного с е й ч а с и ее понимание, проецируемое, чтобы я понял, на ту же ось. Божественное с е й ч а с — вочеловечение Слова. Тогда historia sacra — проекция акта вочеловечения Слова на ось времени, причем времени, которого уже нет, так как оно прошло, — ось моего греха, то есть свободного выбора. И все же эти две оси различаются как то же самое в различном, как historia sacra и historia profana. Вторая — только временная: время под формой времени, которого уже нет и все же есть как мой грех, как след моего греха; первая — время под формой вечности. Обе истории и оба сейч а с

---

* История священная (*лат.*).

должны быть отожествлены, это и значит быть в ситуации одновременности с Христом. Полное отожествление, как и все человеческое, может быть только мгновенным, не постоянным. Главный вопрос и для меня сейчас, и для историка: как исключить временность и не потерять контингентность, то есть экзистенциальность. Или: надо исключить путь совершенствования, то есть оставить только акт обращения. Но акт обращения не должен потерять контингентности; тогда я ввожу термин: путь обращения. Но это только термин, его надо реализовать. Реализация же его антиномична: как совместить однократность обращения с его фактической многократностью? То есть как понять и осуществить то же самое в различном?

17. V. Я совершил безответственный акт. С полной ответственностью я совершил безответственный акт. Виноват ли я? Да. Мог ли я не совершить его? Да. Был бы я меньше виноват, не совершив его? Нет. Само **мог** главная вина, если **мог** $\frac{\text{совершить}}{\text{не совершить}}$, то виноват, всякая другая вина по сравнению с **мог** бесконечно мала.

Я совершил безответственный акт. С полной ответственностью я совершил безответственный акт. Был бы я больше виноват, если бы совершил его без полной ответственности? Не знаю. Мучился бы тогда больше? Да. Мучился бы сейчас меньше? Да.

С полной ответственностью я совершил безответственный акт. Раскаиваюсь ли? Нет. Каюсь ли? Да. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, буди милостив мне, грешному, грешнику жестоковыйному, окаянному.

22. V. На прошлой неделе у меня был И.* После его ухода у меня осталось какое-то двойное чувство. Он хочет креститься и спросил, как я смотрю на это. Я сказал: если Христос повелел креститься, как я могу быть против крещения? И все же у меня было какое-то двойное чувство к нему. Раньше мне всегда было хорошо с И., а сейчас и хорошо и нехорошо. Почему? Во-первых, я почувствовал в его словах некоторый психологизм. И еще то, что я обозначаю словом: льнет ко мне. Во-вторых. Я стал как-то авторитетом, а это мне всегда неприятно; в этих случаях я чувствую какую-то фальшь не то в себе, не то в взаимном отношении. А с Г. <Орловым> этого почти не было. Но может быть и другое, кажется, оно подтвердилось в его словах М. по телефону.

Если бы я был священником и ко мне пришел человек креститься и сказал бы: я твердо знаю на память символ веры и все православные догматы, я твердо знаю различие подобосущия и единосущия, знаю все ереси, ненавижу и анафематствую Маркиона, Савеллия, Ария, Нестория, Пелагия и всех еретиков, поэтому хочу креститься, — я бы ответил

---

* Игорь Иванович Блажков — композитор, дирижер.

ему: ты твердо знаешь символ веры и все православные догматы, ты твердо знаешь все ереси, ненавидишь и анафематствуешь еретиков. Ты все знаешь, чего тебе не хватает, зачем тебе креститься? Иди и продолжай жить в твоем знании, в вере в свою веру, в анафематствовании еретиков и в ненависти. Вот когда ты растеряешь все свои знания, все догматы, когда у тебя все рухнет, когда ты ничего не будешь знать, кроме одного — что ты грешник, самый последний окаянный грешник, когда ты никого не будешь ненавидеть, даже еретиков, а только себя самого будешь ненавидеть, — тогда приходи креститься. Тогда, может, ты и получишь единственное что нужно, тогда ты и скажешь: все почитаю за сор, кроме Христа, и притом распятого. Но это уже не знание, а уязвленность Христом, вера. Тогда ты никого не будешь анафематствовать, даже Ария, Нестория и Пелагия, ты будешь их любить, всех любить, только себя ненавидеть. Тогда ты уже крещен огнем и духом Христа. Тогда приходи ко мне и я крещу тебя водой во имя Отца и Сына и Духа Святого. Господи, Иисусе Христе, прожги меня Твоим огнем и Духом, чтобы я ничего не знал, кроме Тебя, выведи меня из тупика, из болота, поглощающего меня.

23. V. В себе самом я не уверен, но в своих вещах, в старых — абсолютно уверен, в новых, после 16.Х.63, — уверен, хотя и не абсолютно, они слишком близки мне, а в себе самом я не уверен. Но что значит: слишком близки мне? Я не знаю этого. **Я** — двузначно: обращено вовнутрь и вовне. Говоря словами Л., я стою на двух ногах: одна нога — я, другая — мир, поскольку я сталкиваюсь с ним в отношениях с моим ближним. Когда я непосредственно сталкиваюсь с ним, то я чувствую некоторую свою фальшь, как это было в встрече с И. <Блажковым>, иногда во всякой встрече, может, *даже с Т.* Когда я один, фальши, не вообще, а этой фальши, фальши моей коммуникативности, вернее некоммуникативности, нет.

Сорок лет тому назад, когда я проходил мимо цыганок, мне хотелось, чтобы они погадали мне. С возрастом интерес к моей судьбе — в пределах жизни — уменьшался. Сейчас я ничего не жду, кроме одного, чего гадалка не сможет мне сказать, так как она предсказывает только в пределах жизни.

24. V. Я согрешил. И сразу же страх и радость: я почувствовал, увидел: есть Бог, жив Господь, Господь гневный, ревнивый, страшный в делах Своих над сынами человеческими. — Жив Господь, жива душа моя, грешная, окаянная. Буди милостив мне, грешному, Господи, грешнику окаянному, жестоковыйному.

25. V. Так же, как есть суждения первого порядка и второго — суждения о суждениях первого порядка, как есть язык и метаязык, так и теология первого порядка и второго — метатеология. Точнее: метатеология — это Божий суд, а теология второго порядка в лучшем случае только человеческое приближение к метатеологии. Мои теологические суждения — первого порядка, а записи вроде вчерашней, суждения об антиномическом мышлении, обсуждения моего тяготения к антиномическому мышлению, к совмещению несовместных понятий и суждений — не само совмещение, а тяготение и мысли о тяготении к нему — это попытки найти мою теологию второго порядка, то есть приближение к приближению к метатеологии. Но может ли вообще человек сам понять свою систему суждений первого порядка, то есть создать систему второго порядка — метасистему своей системы, не впадая при этом в сентиментальный, тенденциозный и поверхностный психоанализ и психологизм?

Вообще эта теология второго порядка очень соблазнительна. Соблазн здесь — психоанализ, психологизм, имманентизм. Если она и возможна, то как предел возможности, на самой грани, на ребре грани. Ее можно назвать практической теологией, к ней имеет отношение и запись 22.V. Потому что ее интересует не исповедание, не символ веры, а вера. Но соблазн здесь большой, Юнг уже по другую сторону этой грани. Приблизиться к ней и сразу же не пасть в эмоционализм, психологизм, имманентизм и пр. очень трудно, почти невозможно, может быть, вообще невозможно — это граница возможного.

Практическая теология — это исповедь, выслушиваемая и руководимая хорошим исповедником, который дает мне понять, через которого Бог дает мне понять, что я есть и в чем я нуждаюсь.

26. V. Впервые после того как И. <Блажков> ушел от меня в последний раз, я почувствовал после встречи с ним что-то неприятное, какую-то липкую человеческую грязь. Кто виноват — он или скорее я? В его словах не было как будто бы ничего плохого, но мне как-то странно показалось, что, прежде чем креститься, надо выучить символ веры и вообще что священник говорил с ним, по-видимому, об исповедании веры, а не о вере. Затем перед уходом он говорил мне, как пришел к Веберну, а сейчас все больше склоняется к Шёнбергу, и снова — ничего плохого не было, я сам все время склонял его к Шёнбергу. Но ведь в Шёнберге много соблазнов, и, чтобы перейти от чистого Веберна к Шёнбергу, надо иметь большую силу веры — есть ли она у И.? Поэтому, по-видимому, его влечение к Шёнбергу показалось мне каким-то соблазнительным. Еще мне казалось, что он льнет ко мне, а этого я всегда боялся и боюсь. Понимание, уважение, дружба, любовь — все это если настоящее, то несовместно с «льнет», льнуть — это психологизм

и немного нечистое, может, даже много нечистое — липкая человеческая грязь.

Я никогда не считал себя чутким. Человек, говорящий как магнитофон, не может быть чутким. Но после последней встречи с И. я заметил что-то лишнее, нечистое в человеческом чувстве [Не во мне ли оно? Несчастье с Г. <Мокреевой>,* расхождение с И. — моя вина. 10.II.69.]

В связи с этим я и думал о метатеологии и теологии второй ступени. Теология второй ступени не философия религии, тем более не психология религии. Может быть, Р. Отто чуть-чуть приближался к ней.

Практическая теология абсолютна, и в то же время субъективна, и абсолютно-субъективна, и, может, для каждого человека особенная. Но тогда будет и теология третьей ступени, обсуждающая обсуждения теологических и религиозных суждений первой ступени? Но ведь теолог, обсуждающий обсуждения суждений первой ступени, тоже верующий, тогда его практической теологией будет обсуждение его обсуждения обсуждений суждений первой ступени? Но это indefinitum снова соблазнительно.

Мысли об обсуждении суждений явились мне впервые, кажется, в 1930—1931 гг., когда я писал первую редакцию «Критерия». Может, эти мысли являются каждому философу, может, философия и есть обсуждение суждений. Но затем необходимо является и мысль об обсуждении обсуждения суждений, может, и Фихте предчувствовал это в отмене генезиса. У меня же в 40-х гг., наконец, уже прямо — в конце 50-х. Но 9.I.62 все прервалось. Теперь же — религиозное обсуждение религиозных суждений и религиозное обсуждение религиозного обсуждения религиозных суждений. И здесь я стою перед каким-то тупиком, перед какой-то стеной, заграждающей меня и от Бога и от ближних, и разрушение ее — практическая задача, но для меня сразу же становится практически-теоретической, и, может, это соблазн; соблазн — теоретизирование практического.

30. V. Когда в 1964 г. я писал о бесперспективности настоящего, я, кажется, еще не понимал ее, я понимал ее психологически. Надо и бесперспективность освободить от психологизма. Что значит перспективность настоящего? Это перспектива на день, на месяц, на год, на 10 лет вперед, перспектива на временное. Тогда: бесперспективность настоящего — перспектива на вечное. Во всяком случае, некоторое приближение или, скорее, другая, может, не всегда явная сторона бесперспективности: во-первых, атональности жизни, во-вторых, Божественная серия атональной жизни. Бесперспективность настоящего — это смиренномудрое молчание, которым я говорю да, не сказав да; или вопль, которым я говорю нет, которое Бог обращает в Свое да. Бесперспек-

* См. третье примечание на стр. 435.

тивность настоящего — ноуменальное эсхатологическое с е й ч а с. Имею ли я его? Нет, я заблудился, как овца потерянная. Да, в этих блужданиях, бесперспективных, безнадежных блужданиях, в самой бесперспективности и безнадежности, в скорби и безнадежном терпении я получаю опытность и надежду, мелькает перспектива на вечное: не на завтра, не на месяц, не на год вперед — на вечность. Когда нет никакой надежды на завтра, мелькает надежда на вечность. Когда я не жду завтрашнего дня, я жду вечности.

31. V. Когда раньше приходили М. и Н. <Друскины> и мы по какому-либо случаю выпивали, мама всегда говорила: пусть будет не хуже. Тогда я не понимал этого, а сейчас тоже говорю: пусть будет не хуже. Это — бесперспективность настоящего. Перспектива на вечное: пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, тогда оно легко и иго Твое благо.

1. VI. Я всегда ощущаю Бога как обертон некоторой гармонии, звучащей во мне. Не я сочиняю ее: она звучит во мне, приходит извне, я только слышу ее и слышу ее обертон — иногда близкий к основному тону, чаще отдаленный и редко — как основной тон. Тогда уже точно знаю: автор — Бог.

Но сейчас чаще слышу ее в дисгармонии — обертон гармонии, звучащий в моей дисгармонии: в опутанности бесами, в бесовской абулии, в замыкании греха, в моей вине и виновности, в безнадежности и потерянности.

Между Им и мною какая-то пелена. Но именно в непреодолимости бесовской абулии, моей бесовской абулии, в моей полной ничтожности, Nichtigkeit, в невозможности пальцем шевельнуть я ясно чувствую за ней, за моим бессилием, за моей ничтожностью Его силу: сила Его совершается в моем бессилии.

...Наша неправда открывает правду Божию (Римл. 3, 5).

5—6. VI. Всю ночь мне снился один и тот же сон. Во всяком случае, так мне казалось, когда я просыпался. Вернее, сейчас мне кажется, что я просыпался, засыпал, снова просыпался и вспоминал тот же сон. Чтобы он не ушел и я не забыл его, я назвал сон: маленький большой устремитель, то есть: «большой устремитель» было названием сна — того, что происходило, но это был только маленький большой устремитель. Или я и был большим устремителем, но я мог бы быть еще бóльшим устремителем, поэтому я был только маленьким большим устремителем. Сон уходил от меня, я не был уверен, правильно ли назвал сон, были и другие варианты названий. Ведь название — это реальная фиксация, то есть реализация высказывания — высказывание, тожественное существующему. Я перебирал в уме правильные названия, но ко

мне лез какой-то мальчишка с глупыми вопросами, это был сын хозяев дачи, где мы жили с мамой. В этом году у нас была только одна комната, на веранде жили хозяева. Я вспоминал уходивший от меня сон. Во сне я был перенесен в другую плоскость времени, не в прошлое время, а именно в другую плоскость, это было тоже сейчас, и там, в этой плоскости времени, я жил с мамой на даче, в этой плоскости времени она и не умирала. Я думал: последние годы (в старой плоскости времени) я жил без трудностей, которые были раньше, но было трудно и плохо; *в новой плоскости снова будут трудности, но это хорошо и легко и трудности не трудны.* Но ведь я проснулся, как сохранить новую плоскость времени? Она еще не ушла, и мама здесь, где-то рядом, хотя я и не вижу ее; чтобы сохранить новую плоскость, надо правильно зафиксировать, ноуменальным названием я сохраню ее. А тут все время вертится под ногами этот дурацкий мальчишка со своими дурацкими вопросами, и я не могу из-за него сосредоточиться, чтобы правильно назвать и ноуменальным названием удержать новую плоскость времени.

Помоги мне, Господи, правильно назвать новую плоскость моей жизни, над которой и время и смерть бессильны.

13.VI. Всякое постоянное, а не переменное фиксирование понятия убивает реальность. Но не потому, что реальность изменяется во времени, а потому, что она сама в себе есть то же самое в различном, а понятие — то же самое в том же самом. Это аналитическое тожество не несовместно с его синтетическим единством. Понятие есть акт — синтез многообразия, но этот синтетический акт по идее и цели аналитический — тожество того же самого, синтетичен же только потому, что фигурное действие само по себе неосуществимо и свелось бы к тавтологии. Только классное действие, то есть вмешательство фактичности, превращает акт аналитического тожества в акт синтетического единства мноообразия. Эта неосуществимая сама по себе цель осуществляется первоначальным обращением — гипостазированием понятия как имеющего постоянный смысл. Поэтому смысл понятий в моих вещах, особенно в «Свердловских трактатах» (круг абсолютного, абсолютное и абсолютно), переменный.

Чувствовали ли это Гераклит и Зенон, вообще античность, или там переменность понятий определялась только изменением реальности во времени? Псевдоизменением, потому что реальность не изменяется во времени, а есть то же самое в различном — чувствовал ли это Гераклит?

Это применимо и к отношениям людей. Пусть *A* — некоторое событие, то есть факт, *B* — определенное намерение и мысль, вызвавшее или, по-видимому, вызвавшее и сопровождающее факт *A*; *C* — направленность, ориентация и энтелехия намерения и мысли; *D* — сознание

вины как causa и как culpa, то есть сознание ответственности, — может, это и будет последней энтелехией мысли; *E* — определенная ситуация; *F* — некоторая общая норма. *F* сама по себе еще не определяет правильности или неправильности, правды или лжи, праведности или неправедности, святости или греховности ни *A*, ни даже *B* или *C*. Правда или ложь, святость или грех поступка или мысли — функция всех 6 элементов: φ (*A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*). Это не субъективизм и не психологизм и тем более не какая-либо Lebensphilosophie* , а переменность понятия самого понятия и мысли, так как реальное состояние — то же самое в различном. Поэтому две заповеди, на которых стоят закон и пророки, и все 10 Моисеевых заповедей абсолютны и сохраняют свою силу: соблюдение их должно быть буквальным. И все же различается номинальное и реальное соблюдение и нарушение их. Видимое или кажущееся нарушение их в соблюдении и соблюдение в нарушении происходит от моей первородной лживости: я искренно лжив и лживо искренен. Но заповедь «не лги» всегда истинна, причем буквально, а не в каком-нибудь переносном значении; абсолютна, как понимал ее Кант, а не как толковал ее Соловьев. Но сказанная мною правда может быть и хуже лжи: не потому, что в этом случае ложь лучше правды или номинальная ложь есть ноуменальная правда: даже только номинальная ложь есть ложь и никогда не может быть ноуменальной правдой; но потому, что я сам лжив и своим высказыванием правды саму правду сделал ложью, хуже самой лжи. Потому что я сам ложь.

Теперь я хочу все это применить к себе. Что происходило со мною самим, вот уже второй год? Саму правду я сделал ложью. Тогда стал искать спасения в Т. — найду ли? Сами эти поиски — моя ложь или моя правда? Моя ложь в не моей правде или правда в моей лжи? Я вспоминаю зиму 1963—1964 гг., когда после кладбища несколько раз приезжал к Т. Тогда это была правда: некоторый оттенок отношения Т. ко мне был идеальным дополнением к моему состоянию тогда — к моему жалу в плоть. Было некоторое ноуменальное понимание — Т. и не знала, что я приезжал после кладбища, — понимание без слов, поэтому не зафиксированное, поэтому же не сохраненное. Почему не было зафиксировано словом? Я ли побоялся прорвать свою греховную загражденность? Или нам обоим не хватило смелости? Сейчас я вижу во всем Провидение. Но это не снимает с меня вины.

Все началось с страшного, невидящего взгляда. Уже больше года он не смотрит на меня. Но тень его осталась. Он опустошил меня. Но не опустошил от моей опустошенности.

И мое отношение к Т. сейчас и ее ко мне не может быть подведено под какую-либо постоянную категорию и определено. Оно функция

* Философия жизни (*нем.*).

многих аргументов, в том числе определяется и тем, чем я стал после 16.X.63, когда радиус жизни возрос до бесконечности — тогда ничто конечное не может спасти, — и опустошенным взглядом, его тенью. Здесь тоже нет однозначности и постоянного смысла слов. Здесь все неоднозначно и обычные понятия — любовь, дружба, привязанность, пожелание, нежность, уважение, ноуменальное отношение — все эти понятия перемешались. Я совершил символический акт и все же духовно-душевно-плотский. Здесь тоже нет однозначности понятий, постоянства смысла слов.

Началось же все с неслучайной случайности. И я заблудился, как овца потерянная, взыщи меня, Господи.

20. VI. (С. С.)* Прогулка в Петропавловской крепости.

21. VI. Липкая человеческая грязь — это я сам. Это неумение, неспособность совместить несовместное: небесное и земное. Но ведь Слово стало плотью. Тайна: полное совмещение небесного и земного при их полном разделении. Поэтому не синергетизм, но и не либертинизм.

Кто может вместить, да вместит <Мф. 19, 12>. Я не могу вместить. Но не могу и не вместить. Тогда виноват, бесконечно виноват. И получается липкая человеческая грязь: не у И. <Блажкова>, а у меня. Он был у меня сегодня и к концу разговора робко и целомудренно задал мне некоторые вопросы. И не было липкой человеческой грязи.

Я все время думаю о вчерашнем: какая-то подлая греховная бездарность к жизни (у меня).

22. VI. Суббота вечером. Якоби: любовь всегда права — об Элоизе и Абеляре.

Нет объекта без субъекта. Субъект — человек А., объект — человек В. А. говорит о В., говорит так возвышенно, красиво, мудро, что, слушая его, я уже не на земле — на небе. Кто возвышен, красив, мудр — А. или В.? Вследствие ноуменальности отношений В. к А., А. к В. А. отразился в В., А. преобразил В. А. возвышен, красив, мудр. А. — это Т., энтелехия В.

24. VI. Всю жизнь я жил в какой-то погрешности, я сам был небольшой погрешностью в некотором равновесии. Поэтому я и писал. Я мог писать о небольшой погрешности в некотором равновесии, потому что я и был ею. Сейчас все меняется. Ту погрешность, в которой я жил, которой я был, я уже потерял ее. Получу ли другую? Но в совершенном равновесии ничего нет.

---

* Личность не установлена.

«Благословен святое возвестивший...»* Я теряю тот намек, который имел. Я уже потерял его с тех пор, как наступила неслучайная случайность. Что получу? Праведность, которая не имеет нужды в покаянии? На что она мне?

Как это случилось? Не знаю. Может, надо удивляться, что это не случилось 20 лет тому назад? Может, надо удивляться, что это вообще случилось, удивляться неслучайной случайности.

25—26. VI. Шура <Введенский>, не зная Лютера, в точности повторил его слова: justus peccator (sancta peccatrix**).

Когда-то я записал: у меня выпадает тело, в моей философии я отводил ему какое-то несущественное место, где-то в возможности возможности. Это монофизитизм, тогда выпадает и ты. С 16.X.63, потеряв ноуменальное **ты**, я стал понимать то, что имел и потерял, стал понимать значение и смысл **ты** («Четыре выбора» — 1964 г.). Сейчас наступил второй акт этого понимания. Но если раньше тело выпадало у меня теоретически, практически же присутствовало в намеке, посвящавшем в «дикий смысл порока»***, то сейчас и этого нет, осталось ви́дение, ничего не видящее, никем не видимое, теряющееся в абсолютной пустоте.

Нет, Т. видит его, и я вижу ее видение моего невидения и от этого вижу и свою бесконечную вину.

Я получил какую-то новую радость страдания.

Радость творчества у романтиков (ода «Радость» Шиллера)**** — пошлая, глупая ложь. Нет и не было никакой радости творчества, только муки творчества: Гоголь — Достоевский — Введенский — Хармс. И «Ви́дение» было только мукой творчества. Не потому, что писалось с трудом, — писалось легко, но тяжело.

«И твою душу пронзит меч». Творчество — это пронзение души мечом. И то, что сейчас, — пронзение души мечом.

Я боюсь изменить свое прошлое и направление жизни, никогда, кажется, не сказал, во всяком случае после войны, даже о самом худшем, своем самом худшем: Господи, сделай, чтобы его не было, а сегодня сказал: Господи, сделай, чтобы не было того взгляда, чтобы «Видение» стало ненаписанным, уничтожь его, чтобы не осталось и следа.

---

* Баратынский Е. А. Благословен святое возвестивший!..

** Святая грешница (*лат.*).

*** Баратынский Е. А. Там же.

**** Шиллер И. Ф. К радости.

Я говорил себе: туда тебе и дорога, грязная свинья. А сейчас: туда тебе и дорога, чистая свинья, грязная чистая свинья. И то и другое грех, прости меня, Господи, но зачем я тяну за собой другого.

Я был только наблюдателем жизни и также в намеках. С детства я хотел быть участником жизни, но был только наблюдателем. Только в моей лестнице Иакова я был участником жизни. В Т. я хотел стать участником жизни, но она всегда была для меня табу. Я думал: из-за Ш. и Л. Но сейчас вижу: это не так. Когда-то я записал: Т. — дверь в жизнь. Сейчас она приоткрывается, зовет открыть себя, а я боюсь.

Давно мне снилось: я пережил свою смерть, сейчас живу и иду не вперед, а назад, к смерти.

С А.* , с И. <Блажковым> я говорю, может, и правильно, но говорю уже не я, говорит покойник. У По есть страшный рассказ**. Перед смертью человека его околдовал врач: когда он умрет, душа его полгода не сможет покинуть его, будет мучиться, привязанная к телу. Я привязан к своей мертвой душе.

27.VI. Я написал: к своей мертвой душе. Но ведь у Бога все живы, сказал Христос. И моя душа — не моя, принадлежит Ему. Тогда и моя мертвая душа жива, она лежит на Серафимовском кладбище и хранится у Т.

28.VI. Что значит: я привязан к своей мертвой душе, кто я, привязанный к своей мертвой душе, которая жива, которую хранит Т., хранит Бог у Т.? И с А. говорит ли покойник или я, трусливо убегающий от себя? Или убегающий от жизни, в которую меня втягивает А.? Или убегающий в глубь времен, ища полноты времен? Но сейчас у меня одна мысль: моя дверь в жизнь. В какую?

---

* Студентка консерватории.

** См. примеч. на стр. 178.

† 8/10

1968.VI.30—1970.I.3

Вся эта тетрадь посвящена моей двери в жизнь, как первые восемь — моей лестнице Иакова, ставшей моим жалом в плоть. И как и в тех восьми, так и в этой: во славу Божию. S. D. G.[26]

1968

30. VI. И в грехе, и в праведности, и в чистом, целомудренном бесстыдстве, и в желании, и в страхе, и в пронзении души мечом — во всем человек только функция, вернее акциденция, непонятной, высшей ситуации, хотя и виноват за все, и за то, что делает, и, может, еще больше за то, чего не делает, виноват в смысле culpa, оправдание же в принятии вины в смысле causa, то есть ответственности. Но и это не зависит от меня, и в моем грехе ответственность стала безответственностью, тогда виной без вины, самой большой виной, моей виной, виной моего греха.

В моей безответственности вместо серого покоя я дал Тамаре черное беспокойство, вина на мне. Вина за все на мне и culpa и causa. И в моей безответственности бесконечная ответственность за Т. Вина на мне, моя вина, mea culpa, mea magna culpa.

5. VII. Искупление вины в том, чтобы перестать быть акциденцией и стать субъектом ситуации, то есть личностью. Но лицо — дар от Бога. Тогда снова: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира. Это распятие не общий закон, не безличный категорический императив, а личное повеление. Мне казалось, что вчера я пожертвовал самым важным для меня сейчас, чтобы получить еще более важное: самое высокое дается тому, кто отречется от всего, даже от самого высокого ради этого же самого высокого. Тогда получает его даром — gratia gratis data — и еще более высокое. Мне казалось вчера, что это я и делал, а получилось не то — я увидел это к концу. А может, и получил, но не понял? Или получу? Или не так отрекся, была не та характеристика отречения, не тот квантор, не тот оттенок оттенка отречения? Тогда только самоублажение. Но ведь я отрекся именно от самоублажения, и было это не в свободе выбора. Тогда получается какое-то антиотречение, противоположное отречению от самого высокого ради самого высокого: я отрекся от самоублажения ради самоублажения. Тогда я получил самоублажение. И снова стало плохо — я остался только акциденцией некоторой непонятной, высшей ситуации. Вина осталась на мне, не causa, только culpa, mea magna culpa.

6. VII. Во мне всегда звучит некоторая гармония, прекрасная, прекрасно мучительная, мучительная до безобразия, мучительно прекрасная. Но высокое у людей мерзость перед Богом, я ясно слышу дисгармонию гармонии, гармонию в моей дисгармонии.

Непосредственная, наивная импровизационность при строго продуманной точной архитектонической серьезности и строгости формы (у Веберна). Т. звонит сегодня и совершенно неожиданно для меня говорит: я говорила с Т. П.* Мы можем ехать с тобой вдвоем в деревню.

7. VII. <Сон.> Я в школе, даю урок, вернее, должен давать урок, но не могу: ученики — молодые люди, проявляющие ко мне какой-то противоестественный интерес, почти накидываются на меня. Они педерасты. Я иду к директору сказать, что при таких условиях я не могу давать урок. Но к директору требуется особый пропуск, мне не дают его. Я не знаю, что делать. Но вот я уже убежал, меня охраняет мама, мы куда-то едем вместе. Затем какой-то переход или широкая дорога. Мама уже на другой стороне, я на этой. Широкая канава или высохшее русло реки. Я хочу перейти к маме, но пустили воду. Теперь уже мама у истока реки, а я на берегу посередине. Плывет лодка. Мама кричит мне: когда лодка будет проходить мимо, не бойся, прыгай прямо в лодку. Лодка была маленькая, как игрушечная, ее несло течением.

Многие лучшие вещи Баха не просто прекрасны, а мучительно прекрасны. Есть мучительная радость или радость мучения. Если я потеряю этот коэффициент радости, я стану просто ничем —ракá. Я не высказываю общего суждения, может, другим этого и не надо, мне надо, без жала в плоть я ракá, ничто. Пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее.

8. VII. И сейчас, в полном смятении, ожидании, неожиданности, безнадежности, страхе, надежде, неизвестности, уверенности, неуверенности, мучительной радости и просто мучительности Бог, и оставляя, не оставляет меня. Я живу все время в молитве и когда не молюсь, и когда радуюсь, и когда мучаюсь, и когда мучительно радуюсь.

9. VII. Шесть лет я никуда не выезжал из своей комнаты больше чем на день, два. Сейчас я бросаюсь в неизвестное. Во-первых, я хочу броситься в неизвестное, во-вторых, мне не осталось ничего другого, как броситься в неизвестное, в-третьих, я боюсь броситься в неизвестное,

---

* Татьяна Павловна Ишевская — подруга Т. А. Липавской.

в-четвертых, я делаю это ради Т., вдвойне ради Т. Я никогда не умел рассчитывать. Как я ни глуп, но не настолько, чтобы верить в человеческие расчеты и планы. Но если бы я был настолько глуп, что верил бы в человеческие расчеты и планы, я бы все равно не мог ничего рассчитать. Перебирая в уме предстоящие мне возможности, я нахожу не одну, не две, не три, а множество, потому что каждая имеет несколько вариантов. Ни одна из них не представляется мне более вероятной или благоприятной, и я стою между ними, как буриданов осел.

Не так еще давно я записал: я надеюсь предопределенный мне остаток жизни дожить в моей, сейчас пустой, опустошенной, комнате. Сейчас и на это не надеюсь. Потому что какие-то неопределенные и фантастические планы и намерения, которые меня притягивают и страшат, и бесплодные неопределенные мечтания, ни на чем реально не основанные, нельзя назвать не только планами, но даже ожиданием или надеждой. Я ни на что не надеюсь, только бросаюсь в неизвестное, со страхом и желанием, с leidenschaftlichem Leiden бросаюсь в неизвестность.

10. VII. Вчера — о двух путях к полноте времен — В. и Х.

В. Есть только с е й ч а с. Это с е й ч а с и есть полнота времен. Поэтому он и терял свои вещи: написанные, они для него уже не сейчас, значит ничто. Это можно назвать интенсивной полнотой времени.

Х. С е й ч а с — экстенсивное тожество прошлого, настоящего, будущего. Тогда все, что он писал, даже ничего не говорящая запись о том, какая у него была температура, в определенный день и час, — свидетели его жизни. Так как у него всегда был примат жизни над искусством, то Х. сохранял все записанное. Некоторые вещи сохранились с его надписью: плохо. Он все же не уничтожал их. Накануне последнего ареста, ожидая фининспектора, Марина* сказала: вынесем из комнаты круглый обеденный стол. Хармсу не хотелось, он сказал: вынесем стол — случится несчастье. Но все же стол вынесли. На следующий день его арестовали. Я не говорю, что между вынесением стола и арестом была причинная связь. Но я верю, что существует высшая, неизвестная нам связь — провиденциальная. Стол был тоже свидетелем жизни Д. И., тоже входил в с е й ч а с его жизни.

Еще Николай Кузанский говорил, что абсолютная полнота и абсолютная пустота совпадают: coincidentia oppositorum. В. жил в абсолютной пустоте: негде приклонить голову, быть не при деле, «настоящее время — час до смерти» (Введенский)** . И то, что Т. сказала: после победы женщины бросали его. И в то же время его слова Т.: если мы и

---

* Марина Владимировна Малич — жена Д. И. Хармса.

** См. примеч. на стр. 326.

разойдемся [я и уйду от тебя], ты останешься у меня первой и единственной. И так оно и было. У Х. было немного женщин, а по существу ни одной. Потом — его комплекс Эдипа. Но его женские связи, включая и Марину, входили конкретно в его жизнь, тоже были свидетелями его жизни, так же как и стол, который он не хотел вынести, как его мундштуки и трубки, как его любые, иногда безразличные и как будто неинтересные записи. Все это экстенсивная полнота жизни. У В. по-настоящему была только одна женщина, причем невозможность реально в жизни установить прочную конкретную связь — абсолютная пустота. И оба пути — один путь: тожество различного, то есть то же самое в различном, coincidentia oppositorum: эсхатологическое с е й ч а с в интенсивной и в экстенсивной форме, в опустошении от всего и в сохранении всего.

Во-вторых. После опустошенного взгляда («Ви́дение») я стал как-то рассыпаться:

я, уходящий в глубину времен (Ш., Л., Д. И., Н. М.), эта глубина не в прошлом — с е й ч а с в полноте времен, и я вижу их сейчас лучше, чем тогда, когда видел и телесными глазами;

я с Л<идой>, с М., с А.*, с И. <Блажковым>, с Г. <Мокреевой>;

я в «Видении», вообще в том, что пишу;

я в этих тетрадях †;

я в своих свидетелях моей жизни;

я в бесперспективности;

я в жале в плоть;

я в leidenschaftlichem Leiden;

я в бесовском парении мыслей и бесплодных мечтаниях;

я в бесовской абулии;

я в ощущении своей слабости и незащищенности от агрессии жизни;

я в ощущении моего Защитника, в молитве;

я, тянущийся к неподвижному двигателю (Т.);

я, желающий протечь насквозь;

я в страхе;

я, потерявший намек на дикий смысл порока, потому что в бесовском парении мыслей и в бесовской абулии нет блудного беса;

я созерцающий, вспоминающий, думающий о всех своих я. Тогда уже абсолютно неспособный ни к какому практическому действию: ни писать, ни делать. Поэтому сейчас я бросаюсь в неизвестное, действительно абсолютно неизвестное, в ничто, которое меня и притягивает и страшит, может, то ничто, о котором я писал в «Формуле несуществования», Божественное ничто.

---

* Студентка консерватории.

12. VII. Я что как ничто, к этому ничто я всегда стремился, и когда писал, может, уже почти и был им: что как ничто, в моих вещах я что как ничто.

Радиус жизни стремится к бесконечности, когда он дойдет до бесконечности, человек умирает: все исполнено. В моих вещах он, может, и приближается к бесконечности, но в самом писании вещи — вернее, в ощущении и сознании моя вещь, я написал — радиус снова сокращался и оставался стеклянный корабль. Сейчас его нет уже 5 лет. Тогда что остановит бесконечное экзистенциальное расширение радиуса жизни? Ничего; может, это и испугало меня в опустошенном взгляде, так как к суду я не готов и смерть меня страшит. Страшит и смерть, и жизнь. Тогда я и бросился к Т.

Жизнь есть жизнь и высказывание жизни: в действиях, поступках, отношениях, мыслях, мысленных обсуждениях и мысленных обсуждениях мысленных обсуждений. Это у каждого человека, кроме, может, последнего: мысленное обсуждение мысленных обсуждений, которое и препятствует всякому действию.

Эти тетради † свидетели моей жизни, подготовление к последнему бесконечному экзистенциальному расширению радиуса жизни. Но, как странник у Пушкина, повторяю: к суду я не готов и смерть меня страшит; и смерть, и жизнь.

13. VII. Не знаю: проклинать или благословлять посланный мне опустошенный взгляд. Во всяком случае без него не было бы и неслучайной случайности. Может, он послан мне за гордыню: не понадеялся ли я на себя самого? Праведник жив верой <Рим. 1, 17> или хотя бы своей слабостью.

14. VII. Может быть, «Видение» — моя лебединая песнь. Может, и лебеди после своей лебединой песни еще живут и каркают некоторое время.

20. VII. Пухолово.* Просыпаясь, еще в полусне, подумал: за стеной мама; нет: Лида; нет: Тамара.

Мне послана некоторая передышка или отсрочка.

7. VIII. Передышка от чего или кого? Если от Бога, от печали о Боге, то это ад.

---

* Деревня (недалеко от железнодорожной станции Мга линии Ленинград — Москва), где летом отдыхали Т. Липавская и Т. Ишевская. Дата подчеркнута автором.

Еще неделю или две тому назад, возвращаясь из Мги, думал: Бог везде: и в уроках. А сейчас: снова лезу куда меня не зовут, где мне нет места.

Когда-то я записал: я нашел в себе зверя, пожирающего меня настойчиво, упорно и без всякого удовольствия. Этот зверь — я сам. — Я снова ем себя: настойчиво, упорно и без всякого удовольствия.

Теория глупых положений. В глупом положении тоже просвечивает звезда бессмыслицы. Начало его противоречит всякому человеческому смыслу, само глупое положение — некоторый иероглиф, так как в силу своей бессмыслицы вырвано из причинной связи событий, обрезана связь с прошлым и будущим: светит звезда бессмыслицы.

Глупое положение, как и мгновение, имеет начало, конец его утерян.

Глупое положение, иероглиф, чудо, все три — в другом ряду событий, ноуменальном, начало всех трех ясно, точная граница определяет его, конец теряется, и я снова на земле: в радости или печали, в растерянности и недоумении.

В глупом положении я дурак здесь. Но всегда ли дурак здесь — умный там? Если погрешность превысила некоторую допустимую границу, то дурак здесь — дурак и там.

Я дурак и там. Не надо ли отречься и от самого высокого ради него же, чтобы получить самое высокое и то, что выше самого высокого? Тогда дурак и здесь, и там — мудр там. Это верно, но сказанное сейчас — самооправдывание, то есть искренняя ложь. Сейчас я глуп и здесь, и там.

Это записано по определенному случаю.

Вся моя жизнь — глупое положение: ряд глупых положений, объединенных в одно ноуменальное глупое положение. Сама жизнь и есть одно ноуменальное глупое положение: не здесь и не там, какое-то двустороннее недоумение, непонятная акциденция непонятной, высшей ситуации, невозможность стать ее субъектом при невозможности и не стать ее субъектом, то есть грех, вина греха, mea culpa, mea magna culpa.

12.VIII. Я не понимаю непонятного как непонятного. Docta ignorantia? Нет, я пытался еще понять, судить, оправдывать. Даже оправдывая, я не прав, так как человеческое оправдывание — неявное осуждение; оправдывая, я тоже сужу, но суд — привилегия одного только Бога. Я не прав, так как подсудимый — я, только я. Это было 10—11-го.

11—12.VIII. Я не понимаю непонятного как непонятного. Docta ignorantia? Да, так как не понимаю, не сужу, только радуюсь. Docta ignorantia, так как, отказавшись от понимания, суждения, суда, я пере-

стал быть акциденцией, стал субъектом непонятной мне высшей ситуации. Взяв на себя полностью вину в смысле culpa — потому что это и есть: не судите, да не судимы будете <Мф. 7, 1>, — я получил даром вину causa — ответственность: mea causa, mea magna causa.

13. VIII. Оправдывание кого-либо тоже суд. Оправдывают того, кто нуждается в оправдании. Но я не судья, судья один — Бог. Исаак Сирианин: чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем. Я был чист сердцем в отношении к моей лестнице Иакова. Я чист сердцем в отношении к моей двери в жизнь. Но это не исключает моей вины.

Попав в непонятную мне ситуацию, я не принял ее просто, без рассуждения, как посланную мне Богом, но стал судить. И хотя оправдал, но через суд, то есть суждение. Не было того, о чем я писал еще 40 лет назад: воздержание от суждения, то есть от суда: не судите, да не судимы будете. 11—12-го мне дано было понять это, то есть не-суждение, не-суд. И вернулись вестники, вернулся Бог.

16. VIII. 46 лет тому назад подземный ручей вырвался наружу. С тех пор несколько раз снова скрывался под землей и снова выходил наружу, пока окончательно не вырвался, затопил все вокруг меня, и я тону в нем. В этом мое спасение.

24. VIII. А. отдал свою волю Б. Тогда получил власть над Б.

27—28. VIII. Н. Ф.*

29. VIII. Я живу сейчас безмысленно. Я не знаю, хорошо ли это или не хорошо, осмысленно или бессмысленно. Меня ничего не мучает, не мучает даже то, что меня ничего не мучает. Я живу хорошо, то есть мне хорошо, но не знаю, хорошо ли это ли не хорошо, что мне хорошо, и меня не мучает, что мне хорошо, и не мучает, что я не знаю хорошо ли это или не хорошо, что мне хорошо, и не мучает, что меня не мучает, что я не знаю, хорошо ли это или не хорошо, что мне хорошо.

Я встретился с трансцендентной для меня ситуацией, я испытал радость, перестал быть ее акциденцией, стал ее субъектом, я радуюсь, что не только не осуждаю, но и не оправдываю, так как не сужу, я понял, что значит не судить, то есть понял не-суд: да будет воля Твоя.

Я не могу еще сказать: мгновение остановилось, но только: мгновение стоит. Меня радует это. Я мог бы иметь еще сверхрадость, но меня не мучает, что я не имею ее и не знаю, смогу ли иметь. Я радуюсь.

---

* Настасья Филипповна («Идиот»)? См. также *первую* запись 18 января на стр. 453.

30. VIII. Я думал о:

1. Трансцендентных и имманентных ситуациях и отношениях. И те и другие могут быть ноуменальными или не ноуменальными. Имманентность связана с привычкой и с установившимся порядком жизни, поэтому потеря их изменяет весь строй и порядок жизни, даже если они не ноуменальные. Потеря трансцендентных ноуменальных изменяет суть жизни, но не внешний строй и порядок ее, во всяком случае не так сильно, как потеря имманентных.

Конец гл. 2 книги Бытия — о переходе некоторых особых трансцендентных в имманентные: «и станут два одной плотью».

2. Раскаянии и покаянии: первое, может, не смиренномудро, второе — необходимо всегда и во всем. Потому что и волос не упадет с головы моей без воли Бога <Мф. 10, 29>, но я всегда виноват.

3. Недетерминированности Бога — ответ Т.: один кибернетик сказал: даже если душа кибернетический робот, то кто же программирует его? — Я верю, что Бог, но это абсолютно не доказуемо, доказуемо в крайнем случае только одно: программирует не мозг и не материальный кибернетик и вполне достаточно конечного сознания. Но доказанный Бог — уже не Бог, так как не свободен, а детерминирован самим доказательством — формой доказательства. Доказанное уже в пределах мысли, то есть предельной мысли, конечного.

4. Непорочном зачатии — ответ Т.: я верю, твердо верю, что Слово стало плотью. Это абсолютно достоверно и абсолютно непонятно, соблазн для воли, безумие для разума. Двое из четырех Евангелистов не вполне однозначно и применительно к человеческому разумению рассказывают как это произошло, то есть как вочеловечения Слова. Их рассказ, точнее два не вполне однозначных рассказа, вероятны и правдоподобны. Но и самая большая вероятность еще не истина. Вочеловечение Слова — истина, а рассказы Евангелистов — вероятные толкования или комментарий к истине. Даже сама идея непорочного зачатия — человеческий комментарий к истине. Необходимо ли включать его в символ веры? Не знаю, апостол Павел, мне кажется, не включал (Римл.). Мне кажется, что категорическое отрицание непорочного зачатия ложно, но признание его только контингентно, то есть не необходимо. Это соответствует и интуиционистской логике: в этом случае $\bar{a} \vee a$ не истинно. Здесь $\bar{a}$ — непорочное зачатие, a — естественное зачатие. Может, так: даже из отрицания непорочного зачатия не следует естественное, то есть $\bar{\bar{a}}$ не имплицирует a.

Церковные же толкования родственных отношений Иакова, Иоанна и Иуды к Христу маловероятны и не очень правдоподобны. Все, что относится к жизни Христа до явления Его народу, покрыто как бы густым слоем тумана, иначе и не может быть: три года от явления Христа народу и до того, как разорвалась завеса в храме, — неисторический

факт в истории. Его окаймляют два таких же неисторических, неисторически-исторических факта — искушение в пустыне и воскресение.

Густой туман покрывал мир. Христос прорвал его. После Его вознесения на небо снова спустился туман на землю и покрыл мир, но мир уже стал другим, совсем другим.

1.IX. Мысль — фиксация, то есть фиксирование некоторого реального состояния. Это реальная экзистенциальная мысль, в отличие от абстрактной, то есть то *B*, которому тожественно *A* в одностороннем синтетическом тожестве. Но абстрактная мысль — само*B*, нетожественное *A*, то есть предельная мысль. Прообраз экзистенциальной мысли, то есть экзистенциального человеческого слова, — Слово, Которым сотворен мир и Которое стало плотью, то есть тем, что Им же сотворено. Это основное реальное, экзистенциальное противоречие.

Мысль — фиксация. Когда я записал: я живу сейчас безмысленно, я зафиксировал свою безмысленность, и так как зафиксировал, то уже не жил безмысленно. И уже на следующий день я мог бы записать: меня мучает, что меня не мучает то, что меня ничего не мучает; меня мучает, что меня ничего не мучает; меня мучает, что мне хорошо; мне нехорошо, потому что мне хорошо.

Вчера вечером снова Н. Ф.

Мое табу: соединить разделенное, я боюсь этого, es schaudert mich* . Моя односторонность перешла в противоположную односторонность. Я потерял некоторую погрешность, равновесие же без погрешности пусто. Тогда я снова стал мучить себя: мучить оттого, что меня ничего не мучает.

Кончилась безмысленность. Я почувствовал снова время, приближающийся конец передышки, тяжесть и боль бытия.

6.IX. Колебание трансцендентной ситуации. Это напоминает смену искушений-утешений. Но только напоминает — некоторой периодичностью, а не тожественно. Потому что там — во мне, хотя и извне, а здесь — трансцендентно-имманентное: меня втягивает в нее, потом выбрасывает; какая-то пульсация трансцендентной ситуации. Значит, я еще не вполне стал ее субъектом.

7.IX. Если, как говорил апостол Павел, образ, по которому сотворен человек, — Христос, то христология определяет антропологию, может, ее основа. Особенно ясно мне это сейчас: уже давно я записал, что монофизитизм и несторианство не ошибки, а ереси, то есть грех, так как проявляются в каждом человеке и во мне как мой грех, например

* Это ужасает меня (*нем.*).

в эротике и сексуальности. В намеке на дикий смысл порока моя эротика абстрагирована: свелась на взгляд, жест. Это монофизитизм: нераздельность без неслиянности абстрагировала чувственность от самой телесности — какой-то эротический докетизм.

Фрейдизм — практическое антропологическое истолкование христологии в физиологических и сексуальных терминах, приложение христологии к сексологии. Комплекс Эдипа — неслиянность без нераздельности, то есть несторианство. Две формы этой разделенности: εε — тенденция к подавлению духовного плотским — это несторианство; ει — тенденция к подавлению плотского духовным — это монофизитизм. Первое — у Д. И., второе — у меня. Комплекс Эдипа — сексуальная ересь. Ортодоксия в сексуальности: ε — кто может вместить, да вместит; ι — и оставит человек отца и мать, и прилепится к жене, и будут два одной плотью <Мф. 19, 5> или наоборот? Но εε — брезгливость — грех: анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но из брезгливости; то есть гнушается. И в «Дворянском гнезде»: тебе просто противен запах человеческий; это тоже грех ει.

8.IX. Могут ли быть сведены к одному принципу соседние миры, то есть температурный, звуковой, осязательный, мир запахов и другие (Л.)? В каком-то смысле они все во мне, хотя представление твердых предметов (Л.) и невозможность выйти из этого представления подавляет все остальные миры. Если исходить из рассуждения Л., то не создает ли первая разность различность миров, причем не только психологически, хотя бы трансцендентально-психологически, вообще антропологически, но и онтологически?

Два соблазна.

Имманентизм: различие миров (их можно назвать Л-мирами) определяется только душевным, хотя бы и трансцендентально-душевным. Это ι-соблазн, монофизитизм.

Плюрализм: Л-миры абсолютно экстенсивны, то есть вполне независимы — неслиянны, вполне разделены. Это ε-соблазн, несторианство.

Найти характеристику каждого мира в моем отношении к нему, то есть его духовный, духовно-душевный и душевно-плотский коррелят или знак, характеристики отдельных душевных состояний в их отношении к Л-мирам. Субъективный смысл Л-миров, например: смрад греха, ...оленя бег пахучий, мировоззрение в носу, антиэротическая эротика. Необходима ли здесь связь с запахом? Смысл запаха, запах греха, человеческий запах («Дворянское гнездо»). Это только один из возможных Л-миров.

Каждое личное состояние определяется характеристиками из разных Л-миров. Имеется ли для каждого состояния преобладающая характеристика, то есть характеристика одного только Л-мира?

Моцарт перед смертью: у меня вкус смерти на языке. Осязание, вкушение.

Система Л-миров. Выведение системы из одного принципа? Из самой идеи разности? Имманентного или трансцендентного? Антропологического или онтологического? Первое может повести к ι-соблазну, второе — к ε-соблазну.

11.IX. В конце концов любой мир и Л-мир — мой мир, во всяком случае в отношении к нему: я осязаю его, обоняю, вкушаю, это наиболее личные, интимные знаки моего отношения к миру. И сейчас: осязание опустошенности и пустоты моей комнаты, потерявшей последний смысл пустоты из-за вынесенной кровати, новых обоев, усовершенствованной модернистской лампы.[27]

«...И осталось абсолютное ощущение реальности, открывшегося перед нами ничем не затемненного и не прикрытого несуществующего, несуществующего, лишенного всякого смысла и жизни, безоблачного и пустого».*

12.IX. Во вчерашней записи две неточности, даже неправильности:

1. ι-соблазн: всякий мир — и мой и не мой («Свердловские трактаты»). «В конце концов» — ι-соблазн, то есть имманентизм. В конце концов столько же мой, сколько и не мой. Если же говорить о самом последнем конце, то именно абсолютно не мое — абсолютно мое.

2. В «Формуле несуществования» ничто — οὐχ ὄν, Божественное ничто, здесь же скорее μὴ ὄν. Какая-то связь между ними есть, οὐχ ὄν тоже бессмысленно, то есть лишено смысла, как лишено и всякого бытия, вообще всего, это неопределенное отрицание, поэтому в нем и рождается Логос и смысл творения; бессмысленность же пустоты моей комнаты относительна — определенное отрицание, тогда противоположение какому-нибудь человеческому смыслу, тогда мой грех — боязнь не иметь где приклонить голову.

Правильное в этой записи: обоняние, осязание, вкушение пустоты или опустошенности — тогда может быть и переход к οὐχ ὄν.

14.IX. Понятия ι, ε соотносительны и переменны, как некоторые рисунки, которые в зависимости от направленности или настроенности глаза кажутся то выпуклыми, то вогнутыми. Монофизитизм я назвал ι-соблазном. Если же монофизитизм — подавление посюстороннего потусторонним, то скорее ε-соблазн; тогда несторианство ι-соблазн. И все же есть некоторый, может, небольшой перевес убедительности прежней терминологии, некоторый неясный, слабый, но

* Автоцитата из «Формулы несуществования».

убедительный намек. Сама эта противоречивость намека — слабость и одновременно сила убедительности, сила в слабости вполне убедительна.

Вот в чем она.

Пусть разделенность будет X, слиянность — Y. Тогда нераздельность $\overline{\overline{X}}$, неслиянность $\overline{\overline{Y}}$. Последовательный монофизитизм, подавляя $\overline{\overline{Y}}$ $\overline{\overline{X}}$'ом, утверждает Y, вполне последовательный — докетизм. Аналогично последовательное несторианство утверждает X, вполне последовательное — полный либертинизм. Но X и Y — два полюса предельной мысли и в конце концов — абстрактное единство и такое же абстрактное множество. Само же единство или синтез есть ι-функция мысли, а множественность или разделение — ε-функция. Само же противоположение ι-функции ε-функции — ε-функция. Поэтому сама ересь — ε-функция мысли, то есть непонимание тожества различного — того же самого в различном, а две формы ее — ει и εε. И также сексуальное применение в комплексе Эдипа.

Высокое у людей мерзость перед Богом. То, что монофизитизм принимает за потустороннее, только один из двух полюсов посюстороннего. Потустороннее потусторонне. Это не тавтология: потусторонность значит абсолютная недоступность, невозможность получить его. Но невозможное для человеков возможно для Бога. Символ веры утверждает эту возможность, даже абсолютную реальность невозможного противоречивым, непонятным для разума тожеством: $\overline{\overline{X}} \wedge \overline{\overline{Y}}$. Монофизитизм и несторианство, вообще ереси, отрицают это противоречивое тожество, заменяют безумное Божие человеческой мудростью $\overline{\overline{X}} \wedge \overline{\overline{Y}} \rightarrow X \vee Y$.

Это не абстрактные рассуждения, а конкретное применение христологии к теоцентрической антропологии, в особенности сейчас для меня, когда Бог ввел меня в трансцендентную ситуацию.

Вчера был М<ейлах>. Полное неумение передать то, что видел или ощущал. Но ведь передать — это и значит сказать, зафиксировать, подтвердить. Кьеркегор назвал это Wiederholung, но мне кажется, психологизировал, это повторение — трансцендентальное, а не психологическое во времени. Это повторение или подтверждение и есть самосознание.

Я ищу повторения, то есть слова, чтобы зафиксировать новую ситуацию, в которую меня ввел Бог, понять свое место в новой трансцендентной ситуации. Трансцендентное повторение, фиксация, подтверждение, слово и есть самосознание. Я сознавал себя в лестнице Иакова. Потеряв ее, я сознавал себя в жале в плоть. Теперь я ищу себя, свое место в жизни, в открывшейся двери в жизнь. Прошло уже почти два месяца блаженной жизни, передышка скоро кончается, я потеряю все, если не смогу зафиксировать новую, подаренную мне Богом трансцендентную ситуацию.

Античная онтология основана на понятии бытия, Евангельская — на понятии Слова. Зафиксировать некоторую ситуацию — это значит сказать ее. В этом отличие человека, созданного по образу Слова, от животного. Поэтому животных и называют бессловесными существами. М<ейлах> в своем неумении высказать себя — бессловесное существо. Тень опустошенного взгляда лишила меня слова. Я замолчал. В моем молчании Бог открыл мне трансцендентную ситуацию, открыл дверь в жизнь. Теперь я ищу слова, чтобы зафиксировать свое участие в трансцендентной ситуации.

М<ейлах> сказал: иногда мне казалось странным: зачем я вообще попал сюда. Я ответил: иногда кажется странным, зачем я вообще попал в этот мир. Мне кажется странным, что я попал в новую трансцендентную ситуацию. Я удивляюсь, пугаюсь, ужасаюсь, радуюсь и благодарю Бога, что попал в новую трансцендентную ситуацию. Но я еще не нашел слова, чтобы зафиксировать ее. Я потеряю все, если не найду слова, чтобы зафиксировать ее.

20.IX. Радиус жизни расширяется помимо воли и желания человека, часто его расширяют смерти близких, вообще смерть, мысль о смерти расширяет радиус жизни. Принятие или непринятие расширения радиуса жизни тоже не зависит от воли и желания человека. Что оставил ему Бог? Вину за принятие или непринятие расширения радиуса жизни и две формы вины: ε- и ι-вина: оттенок и оттенок оттенка вины.

Принятие через принятие — святость или Рай.

Принятие через непринятие — например, Иов, богоборчество (Иаков).

Непринятие через принятие — фарисейство, искренняя ложь или лживая искренность.

Непринятие через непринятие — сам грех, Ставрогин, Иван Карамазов: возвращение билета. Геенна огненная.

Может быть и так, что радиус жизни, расширяясь, все же сжимается, например, при гордыне, когда гордишься расширением радиуса своей жизни, или, сжимаясь, расширяется, может быть, при смиренномудрии. Может, так и было перед взглядом: радиус жизни, расширяясь, сжимался, взгляд для того и послан мне, чтобы радиус жизни, сокращаясь (Т.), снова стал расширяться.

22.IX. Т. о «Куприянове и Наташе»* : это прощание со мною.

Ш. — Т. — Л. ~ Кабл<уков> — Мария — Архитектор?** Может, в

---

* Введенского. См.: *Сб.* Т. 1. С. 448—453.

** Параллель с героями стихотворения Д. Хармса «Архитектор». См.: *Сб.* Т. 2. С. 141—143.

этом исполнение неземной воли? Авторитет, сила, власть имеющий. Во всяком случае в 1931 г. Л. был, как власть имеющий. Сон Т.

25.IX. Однажды в трамвае я видел, как вошел какой-то оборванец, вынул из кармана хлеб, даже не завернутый в бумагу, и стал есть. Я позавидовал ему: вот человек, совершенно опустившийся, для него не существует никаких условностей, он полностью свободен от всех условностей, полностью свободен. Но могут быть разные виды освобождения: я что как ничто не только в мысли, хотя бы и экзистенциальной, но и во внешней жизни. Это те, к кому Христос обращается в Нагорной проповеди и говорит: вы соль земли. Другой вид этого освобождения — Кавалеров из «Зависти» Олеши — это уже соблазн — почти освободившийся и, как почти, — ложь. Первый влечет за собой дар личности, второй — потерю ее в стихии. Но интеллигентная форма потерянности в стихии, то есть мировой уют, — искренняя ложь или лживая искренность. Энтелехия, трансцендентная ситуация — серьезное и высокое, а мировой уют, — интеллигентная пошлость, то есть пошлость, сказанная в интеллигентной и красиво соблазнительной форме. Погружение Кавалерова в стихию — тот же мировой уют, только освободившийся от интеллигентной лживой красивости.

Л. говорил о нечистоте индивидуальности, то есть индивидуализации, нечистоте самой личности. Апостол Павел сказал: всякий человек есть ложь <Рим. 3, 4>. Л. заметил эту ложь в другом плане, взглянул на нее с другой точки зрения. Освобождение, о котором я сейчас говорю, — освобождение от лжи и нечистоты личности, первое (я что как ничто) в истине, второе (Кавалеров) в соблазне.

Передышка подходит к концу; кажется, я сдвинулся с мертвой точки, Т. сдвинула меня, и все же равновесие еще очень неустойчивое, и я могу повторить за апостолом Павлом, сказать себе самому: ты думаешь, что стоишь? Бойся, как бы не упасть.

28.IX. Адам был изгнан из Эдема, так как пал. Я изгоняюсь из Эдема, так как не пал.

29.IX. Первый день изгнания. Моя кровать вернулась ко мне, но я уже не тот.

2.X. Все время ищу оправдания неслучайной случайности, скорее — оправдания себя. Во-первых, я нарушил серый покой Т., а что дал взамен? 2 $^1/_2$ месяца я был в Эдеме. А Т.? Во-вторых, могу ли я сказать сейчас то, что говорил 4 года: Господом моим, Иисусом Христом, мир распят для меня и я для мира. Как-то я записал: я распят для мира, но

не для моей лестницы Иакова. Но ведь лестница Иакова стала жалом в плоть. Тогда не осталось никакой радости, кроме радости страдания. А сейчас снова есть: дверь в жизнь. Но ведь я не могу открыть ее, и она стала для меня стеной, защищающей от жизни.

Могу ли сейчас повторить, что мир для меня распят и я для мира? Во всяком случае не для моей двери в жизнь. Что же касается до жизни, до других встреч, кроме Т., то мне они сейчас не только не нужны, но трудны, утомительны и нудны. Может, еще больше могу сказать сейчас: мир для меня распят. Остаются еще встречи с Ал<ександровым>. Но они возвращают меня в ситуацию 30-х гг., то есть в смысл и эйдос той ситуации, в смысл и эйдос меня самого, та ситуация раскрывается сейчас ноуменально, и Т. — ее энтелехия.

Получивший 5 талантов приобрел на них еще 5 талантов, получивший один талант закопал его в землю. Может, поэтому и закопал, что получил только один талант, но от этого его вина не уменьшается, наоборот — возрастает, хотя он и не виноват, что получил только один талант, тогда виноват без вины и это самая большая вина: кому мало дано, у того отнимется и то, что он имеет. Так и моя вина перед Т.

И еще: потеряв намек на дикий смысл порока, я перескочил из одной односторонности в другую. На мне не было бы вины, если бы я мог вместить. Но я не могу вместить, не могу не вместить и потерял состояние небольшой погрешности в некотором равновесии. Но разве ее нет сейчас? Может, еще больше, но я не могу зафиксировать ее — высказать, понять свое место в новой ситуации и блуждаю, как овца потерянная, взыщи меня, Господи.

4.X. Вторая годовщина пустого, невидящего взгляда и год как я снова обратился к Т., как подземный ручей снова вышел наружу и залил все вокруг меня.

6.X. 35 лет тому назад и Т., и Л. независимо друг от друга говорили мне, что я деспот. Уже несколько лет как я понял: они правы. Я убедил Ал<ександрова> отложить Хлебникова и уже сейчас заняться Хармсом. И все же он сказал: пока не напишу все, не буду вам показывать, я экстерриториален. Он бунтует, и это хорошо, но вчера я понял другое: во мне есть какая-то сила, не от меня, которая подавляет окружающих, может, поэтому и Генрих <Орлов> ушел от меня. А сейчас понял: она подавляет и меня. Эта сила — Бог. Эта сила всегда Бог, но пока не осознана, пока Бог не даст осознать себя — анонимная, слепая, то есть демоническая сила: kairos, fatum. Случайность — демонизм. Fatum — анонимность Провидения. Неслучайность случайности — Провидение.

Бог давал мне осознать Себя. Но сейчас Он послал мне новую трансцендентную ситуацию, и в этой ситуации я не осознаю Его, то есть

не понимаю. — Он не дает мне осознать Себя в моей новой ситуации. Но вина моя, вина без вины, самая большая вина и вина перед Т.

8.X. Я сказал Т.: главное ведь не писать, а **быть**. Т. — **есть**. Бог сказал Моисею: Я — Сущий. Мы узнаем существование в слове, но не обязательно в произнесенных вслух или записанных словах: и в походке, и в жесте, и в взгляде — слово и, может, Слово.

Слово стало плотью. Может, это главное повеление Бога человеку, чтобы в каждом человеке Слово стало плотью, чтобы человек сказал то, что он есть, что ему дано. Это высказывание не обязательно в человеческих словах, хотя бы и умных. Умные слова могут быть той человеческой мудростью, которую посрамило Божественное безумие. Сейчас мой главный грех: я побоялся Слово сделать плотью. Греха не было бы, если бы я не боялся сейчас быть один. С 16.X.63 я стремился к монашеской келье и попал в келью с Т. Виноват ли я за неслучайную случайность или это мое оправдание? Но все равно вина на мне, хотя бы и без вины, и тем больше, что вина без вины, значит не только психологическая или моральная, а трансцендентальная, ноуменальная.

Вчера перед сном я думал: пусть будет два первоначальных неопределяемых термина: Н и М. Н — от слова «несторианство», М — от слова «монофизитизм», и оба — Н и М — в применении христологии к антропологии. Что было у меня до неслучайной случайности? Моя некоммуникативность, неумение слушать — М. Комплекс Эдипа — Н, но у меня в каком-то монофизитском освещении, поэтому, например, Спинозово определение ревности было мне просто непонятным. В сущности я не понимал и Библейских слов: и станут два одной плотью. Поэтому мое Н как Н (М), даже как*/*(М), было двойной погрешностью. Я жил в погрешности, был погрешностью. Сама погрешность — не Н, не Н(М), не М, я ощущал погрешность самой жизни, звезду бессмыслицы, я сам был небольшой погрешностью в некотором равновесии, потому и писал о небольшой погрешности. Н, или М, или Н(М) были не самой погрешностью, а ее акциденцией, экзистенциальной функцией, оттенком моей ноуменальной погрешности, моей вины без вины. Не эротика ноуменальное ядро и суть человека, а его вина без вины. Но и Н, и М, и антиэротический эрос — тоже эрос, но не основа, только некоторый оттенок основы — вины без вины. Тогда я и через эрос и через антиэротический эрос тоже проникаю в мой ноуменальный грех, в мою вину без вины. Философски и теологически мои вещи вполне независимы и понятны без характеристик Н или М, но с метаантропологической или, скорее, с метатеологической точки зрения я вижу, как из одного корня вырастают два дерева: моя жизнь и то, что я пишу; и постоянное самопоедание.

Та погрешность кончилась, и из Н(М) я перескочил в чистое М. Поэтому повторяю: я изгнан из Эдема за то, что не пал. Но мое непадение и было падением. Высокое у людей — мерзость перед Богом.

Теперь второе. Всю жизнь я ел себя. Я жил в погрешности, был погрешностью и писал о погрешности в некотором равновесии. Т. освободила меня от самопоедания, и я перестал писать. Я знаю, самое главное — не писать, а быть. Я был в Эдеме. То ли это бытие, которое повелено? Я радовался, я рад был продолжать жить так и дальше in infinitum. Было ли это действительно infinitum или только indefinitum? Есть определенные ситуации, и то, что в одной ситуации грех, в другой — праведность. Раз, когда я уже лег спать, Т. спросила: спишь сном праведника? И я понял, я и раньше понимал это: я не праведный грешник, а лицемерный грешник, лицемерие было не сознательным, не намеренным и тем хуже — самой моей ноуменальной сущностью, монофизитизм — моя искренняя ложь или лживая искренность.

Гоголь не раз говорил о своей душевной черствости, то есть о маловерии. У меня душевная черствость, от этого монофизитизм. Душевная черствость — это слабость духа. Но если Гоголь умер от отвращения к этой слабости духа, от тоски по силе духа, то не есть ли это уже сила духа? Я опять оправдываюсь, но я действительно не нахожу себе места, не нахожу своего места в трансцендентной ситуации, в которую меня ввел Бог. Я бесконечно благодарен Ему за мою энтелехию, за подземный ручей, разлившийся и затопивший все вокруг меня, за то, что я тону в нем, я верю, что в этом мое спасение, и все же не могу установиться в нем, найти и понять свое новое место в жизни.

Мне казалось: вот я дошел до какой-то высокой ступени. И Бог послал мне опустошенный, невидящий взгляд. Я продолжал идти выше — так мне казалось. По человеческим понятиям, это и было выше. Может, и по Божеским, но, по-видимому, еще абстрактно, а не экзистенциально. В самом вопросе я нашел ответ на вопрос: что делать? и формулировал: быть не при деле, это и значит: не иметь где приклонить голову. И, по-видимому, испугался. Тогда Бог и послал мне неслучайную случайность. Я спустился вниз. Но, может, этот спуск был подъемом? Вергилий вел Данте по аду и чистилищу, а в Раю путеводительницей стала Беатриче.

12.X. Когда в субботу я окончательно вернулся в город и после утомительного дня лег в свою старую кровать, я подумал: все-таки удобная кровать, укромный угол в моей комнате. Но уже через день или два понял: да, удобная кровать, укромный угол, но в Пухолово в неудобной кровати я был защищен, ощущал Verborgenheit, за стеной была Т., она сама была моей стеной, за которой я укрывался от агрессии жизни, радиус жизни сократился, именно там была Verborgenheit, а здесь —

Unverborgenheit, радиус жизни снова стремится к бесконечности и я ощущаю себя точкой, затерянной в бесконечном пространстве, Господи, помилуй.

Вчера была Т. Около года тому назад Т. сказала: такие отношения не стоят на месте, идут вперед. Тогда я не понимал этого, Т. оказалась права. Но верно и другое: если отношения идут назад, то они прекращаются. Если же прекратятся, что останется мне? До неслучайной случайности самым главным для меня была радость страдания, тогда Бог принимал меня. Почему эта радость прекратилась? Не знаю, неслучайная случайность прекратила ее. Может, я зашел слишком далеко, заглянул в недозволенное? Может, возгордился? Во всяком случае это связано с посланным мне опустошенным взглядом.

Грех замыкает меня: от Бога, от ближнего, от себя самого. Почему я боюсь прекращения неслучайной случайности? Я окажусь снова один. Если раньше помимо главного — радости страдания — были и утешительные суррогаты — некоторые встречи и разговоры, то сейчас все это мне совершенно не интересно и не нужно. Если Т. выключит меня из своей жизни, я останусь уже совершенно один, один в абсолютной пустоте, сам с собою перед Богом. Я знаю, к этому надо стремиться, но я боюсь этого, не могу вместить: страшно впасть в руки Бога живого <Евр. 10, 31>. Это не то schaudern* , которое было с Т., там была радость и трепет, а здесь только один страх. Я не могу вместить.

13.X. Сегодня воскресение и пятая годовщина 13.X.63. Вот что я записал в воскресение 11.X.64, то есть в первую годовщину:

...я не понимал в своем окаянстве, что надо сделать сверхчеловеческое усилие, то есть сделать невозможное, что, может, еще не поздно совершить невозможное. Я закоренел в своем окаянстве, в возможном. Возможное, das Bestehende, поглотило меня.

Сейчас в чем-то аналогичная ситуация. Я тоже не совершил невозможное, закоренел в своем окаянстве.

Раз Т. сказала мне: когда ты заснул, у меня было к тебе материнское чувство, ты лежал рядом как ребенок.

Фома Кемпийский сказал: на том свете у тебя не будут спрашивать, сколько умных книг ты прочел, сколько умных книг ты написал, но что ты сделал. Если я сделал что-либо, если у меня и было в жизни что-либо красивое, то это мое отношение к маме и к Т. Первые недели в Пухолово во сне у меня часто бывали какие-то замещения: мама — Т. И больше всего я виноват перед мамой и перед Т. Я не совершил невозможного, хотя всегда знал, что Бог требует от человека не должного, а сверхдолжного, невозможного.

---

* Трепетать, содрогаться (от ужаса) (*нем.*).

Моя вторая страстная неделя началась в воскресение 10.X. Тогда я понял, что главный грех — думать, что я сам, по своей воле что-то делаю или не делаю. Это относится и к неслучайной случайности, и об этом я писал в январе 1968 года: делаю не я, а виноват я.

Перед началом третьей страстной недели был пустой, невидящий взгляд — 4.X. 12.X я записал слова Исаака Сирианина: «Чистый сердцем тот, кто видит всех чистыми сердцем». — Но кто не видел ни одного своего ближнего чистым сердцем, кто ни в одном своем ближнем не видел сокровенного сердца человека, тот еще не знает, что значит: жив Господь, жива душа твоя. Я знаю это: в моей лестнице Иакова и в моей двери в жизнь.

В четвертую страстную неделю, в среду 11.X, я записал: что значит вообще стыд? Перед кем я стыжусь? Перед самим собою? Мне кажется, здесь есть некоторое несознаваемое лицемерие: а если бы я был внезапно перенесен в другое место, где меня никто не знает, и со старыми традициями, знакомыми, авторитетами, репутацией было бы навсегда покончено, было бы мне стыдно перед самим собою? Не верю я в стыд перед самим собою. Это лицемерие, автономная этика Канта, в конце концов идеальное фарисейство; фарисейство в наиболее идеализированной форме: поступай так, чтобы ты сам считал себя хорошим, нравился себе самому.

Я чувствую вину и стыжусь только личного авторитета: определенного человека, памяти о нем, Бога. В связи с этим ответ Лиде: да, в Евангелии говорится и о награде, но о какой? Ребенку говорят: если ты будешь хорошо вести себя, тебя будет любить мама. Евангелие говорит: если ты будешь хорошо вести себя, тебя будет любить Бог.

В начале моей пятой страстной недели, в начале шестого года между жизнью и житием, я снова стою на перепутье. 30 лет тому назад я записал: я жду событий, жду решения, я не принял даже решения жить, может, так и вся жизнь пройдет в ожидании решения жить. — Я все еще не принял решения жить. В Пухолово на 67-м году моей жизни я мог принять решение жить, дверь в жизнь открывалась и я снова не принял, побоялся. Это не субъективный страх, я хотел жить, это страх ноуменальный, я не мог совершить невозможного, это моя вина без вины, и тем большая уже не только перед Т. — перед Богом.

Я сказал: я хотел жить. И это, не знаю, верно ли. Т. была и осталась моей стеной, за которой я чувствую себя спокойно, огражденный от жизни. У меня всегда был страх жизни, и я не преодолел его и в Пухолово. И это мой грех и моя вина, тем большая, что вина без вины.

В начале 20-х гг. Шура сказал мне — я тогда увлекался Фрейдом: ты запутался в фрейдизме — дальше я не помню, смысл был тот, что я утону в нем. Это было какое-то пророчество. Дело не в Фрейде, а в страхе жизни, в страхе принять решение жить. И не случайно еще 30 лет тому назад я написал: Т. — дверь в жизнь.

Я изгнан из Эдема, из счастья бессмысленности; изгнан за то, что не принял решения жить.

15.X. Т. спросила: как совместить: дверь в жизнь и стена, защищающая от жизни? — Но ведь я боюсь открыть эту дверь, эта дверь и стала для меня стеной, защищающей от жизни.

Я боюсь удовлетворения, радости без страдания, счастья. Все это было сегодня, когда была Т.

Я снова оправдываюсь, прости меня, Господи, ведь самооправдывание — обвинение Тебя. Я думаю о стеклянном корабле, о сокращении радиуса жизни. Шура был безбытный. А Н. <Ивантер>, а Г. <Викторова> и семья, игра в карты, ухаживание за женщинами — что это, как не сокращение радиуса жизни? У него все это — суррогаты сокращения радиуса жизни, но и он боялся его бесконечного расширения? Возражение мне: у него все это только суррогаты сокращения радиуса жизни, а у меня не суррогат: Т. и мое отношение к Т. не суррогат, тогда хуже: не променял ли я небесное блаженство радости страдания на земное блаженство радости с Т. без страдания? Возражение на возражение мне: да, подлинное сокращение радиуса жизни с высшей, а не человеческой точки зрения хуже суррогата сокращения радиуса, но ведь Т. — моя энтелехия и всех нас пяти, и это не фантазия — то, что Т. говорила мне в июне о нашей общей ноуменальной сути, вся наша переписка с 1930-го года, ее слова и непосредственное отношение к «Куприянову и Наташе». Затем: невидящий, опустошенный взгляд — для чего он был послан мне? Почему или, вернее, для чего оставлена тень его? Затем — сама Т. Я не говорю о долге, о моей обязанности — все это этика заслуг. Не долг, а повеленное мне Богом, бесконечная ответственность за Т. как моя вина без вины. Но также и с виной, и с большой виной: я понял это, читая записки Т. Но самая большая вина — вина без вины, это и есть повеленное Богом и бесконечная возложенная Им на меня ответственность.

*16.X.** В прошлом году в этот день я записал: я выпадаю, все время выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту.

Сейчас я не могу сказать этого. Я боюсь другого: я боюсь, что то, что я нашел, я не зафиксирую, то есть не назову, тогда потеряю.

19.X. Разделения:

A_1 «Не как все».	B_1 «Как все».
A_2 Я прав именно потому, что я один.	B_2 Das Bestehende, Uneigentliche Existenz, «Man».
A_3 Некоммуникативность.	B_3 Коммуникативность.
A_4 Соборность.	B_4 Несоборность.

* Годовщина смерти матери.

Эти антиномии подобны, но не тожественны. Некоммуникативность я поместил слева, а коммуникативность справа, потому что коммуникативность — profanum* и именно «как все», а настоящая соборность — sacrum**, и самая настоящая, может, отшельника в пустыне, который прав именно потому, что он один, и в этом одиночестве достигает истинной соборности. — Все это о том же. Сегодня полвторого ночи начал писать что-то вроде «Исповеди»***. У меня есть A_1, A_2, A_3, но нет A_4. С 16.X.63 у меня особенно сильная тоска по соборности, но ничего не получалось. Соборность в том, чтобы мой ближний не был для меня он или она, но ты. А для этого: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Моя новая трансцендентная ситуация.

21.X. Я хотел вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего <Вт. 28, 58>. Но ничего не получилось: я говорил как магнитофон, я не чувствовал, да и не интересовался своим ближним, он оставался для меня он. Мог ли я сказать тогда: я прав, потому что я один? Не знаю, если же прав, то что значит посланный мне пустой, невидящий взгляд? Но если и прав, то вина все же на мне.

Сейчас я научился слушать, правда только одного человека. Я читаю записки Т., и хотя я не во всем согласен, некоторые записал бы иначе или исправил, но не исправляю, мне интересны они так, как записаны. Т. — ты, то есть Т. для меня ты.

22.X. А. В церковности и традиционности есть ε-соблазн несторианства, в антицерковности и нетрадиционности есть ι-соблазн монофизитизма. Потому что церковность и традиция слишком материализуют дух, сама церковь, особенно у католиков, замещает Христа; антицерковность и нетрадиционность абстрагирует дух, лишая его тела: церковь — тело Христово.

В. В церковности и традиционализме есть ι-соблазн монофизитизма, потому что церковь, традиция и авторитет дают принципы единства, подавляя свободное различие. Антицерковность и нетрадиционализм — ε-соблазн, потому что ничем не ограниченная внутренняя свобода создает произвол и лишает опоры в единстве.

Разделение *А* — изнутри, значит, принципы его ι, разделение *В* — извне, значит, принципы его — ε. Монофизитизм в обоих случаях совпадает с основанием деления, потому что само основание интенсивно.

---

* Светское (*лат.*).

** Священное (*лат.*).

*** Друскин Я. Исповедь. — 1968—1969 гг. — Личный архив.

Бог — всегда внешний авторитет, Testimonium S<anctus> Spiriti — внутренний. Но у церковников внешний авторитет часто не Бог, а церковная организация и ее авторитет, а у нецерковников Test<imonium> S<anctus> Spiriti подменяется иногда самочувствием.

Эта религиозная типология изложена здесь схематично. В жизни отношение ι- и ε-соблазнов у каждого человека сложно: в одном отношении он может быть склонен к ι-соблазну, в другом — к ε-соблазну. Когда я у Стерлигова (и также у М. М<ейлаха>) спросил, как не Мария Египетская, а он подымается в церкви, ответ был настолько неопределенный, что, кроме самочувствия и Suggestion, я ничего не видел. Это ι-соблазн, хотя они церковники, значит, склонны кε-соблазну.

У меня склонность к ι-соблазну, то есть к монофизитизму. В эросе чистый монофизитизм встречается, я думаю, редко. Например: «анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но потому что гнушается». Вообще всякая брезгливость, должно быть, монофизитский соблазн. Может, и педерастия.

Мой религиозный соблазн монофизитизма проявляется в слабости моей соборности, в некоммуникативности, в неумении слушать.

Чисто религиозно: так как я знаю и чувствую величайшее отвращение и омерзение к имманентизму, к которому может повести монофизитизм (например, Юнг), то, во-первых, во мне есть то, что я ненавижу, потому так и ненавижу, и, во-вторых, так как ненавижу и боюсь, то не меньше боюсь и ненавижу абсолютный экстенсивный нигилизм. Экстенсивный нигилизм — доведенное до предела несторианство, являющееся в результате банкротства монофизитизма, раскрывшегося как только душевный имманентизм. Это отчаяние и безнадежность от отвращения к имманентизму, заложенному в моем ветхом Адаме. Я живу между Сциллой и Харибдой, Сциллой душевного, монофизитского имманентизма и Харибдой абсолютного экстенсивного несторианского нигилизма. Мне одинаково ненавистны и страшны оба эти предельные состояния, но тенденция к обоим есть: первая — от природы, вторая от отвращения к моей природе, к ветхому Адаму во мне, от отвращения, даже брезгливости к себе самому. И здесь пересекаются несторианство с монофизитизмом, вернее и в этом отвращении к несторианскому нигилизму я остаюсь монофизитом, потому что отвращение и брезгливость к себе — монофизитский соблазн. Отсутствие же ненависти (а не брезгливости) к себе —несторианский соблазн: отчасти он есть в православном благодушии.

То, что я назвал:

α, радикальностью, — может повлечь за собой уменьшение погрешности, чрезмерное преобладание порядка и единства за счет погрешности — тогда соблазн монофизитизма;

α/β, смелостью, — может повлечь за собою чрезмерное увеличение погрешности, разделение — тогда ε-соблазн несторианства.

Оба соблазна во всех формах — определенное противоположение, то есть два вида предельности; неопределенное отрицание каждого из них будет их противоречивым синтетическим тожеством — отсутствием соблазна.

Монофизитизм — пренебрежение второй заповедью — любви к ближнему, абстрактное преобладание первой. В моих вещах, я надеюсь, нет ни несторианства, ни монофизитизма, но все же недостаточный интерес, иногда же абсолютное отсутствие интереса к телесному, к соборности, а также спинозистский акосмизм, тенденция к которому проявилась в практическом основоположении (Кр<итерий> I^{F})* от склонности к монофизитизму.

Может, всякий грех — разделение небесного и земного, тогда несторианство в двух видах: чистое разделение — собственно несторианство: εε и абстрактное исключение земного — монофизитизм: ει.

23.X. Сегодняшний день с самого начала, как пришла Т., — как сон. И сейчас, когда проводил Т., и все, что было, было и вспоминается, как сон — хороший, пока была Т., плохой — сейчас, ощущение какого-то тупика, в который я зашел. Тупик сама жизнь.

24.X. Вчера Т. показала мне свою запись: страшно одиночество, но еще страшнее быть в одиночестве вдвоем (со мною). Записано в марте 1967 г., значит еще до неслучайной случайности. Это уже моя вина с виною перед Т. Началась эта вина с середины 1950-х гг., может, даже с начала, вполне же оформилась, кажется, с 1956 или 1958 года.

Я нахожу здесь некоторые не зависящие от меня причины, как будто бы извиняющие меня. Но только «как будто бы». На самом деле mea culpa, mea magna culpa. Т. оставлена и поручена мне,** а я увлекался алефами*** и пр.

И еще: когда после 16.X.63 я почувствовал, что «нехорошо человеку быть одному без соответственного ему помощника», я искал соответственных помощников не там, где надо, поэтому и не находил. А мне дано было указание, кто может быть мне соответственным помощником, — когда я был у Т. после кладбища. Я же пренебрег этим указанием. Глупо говорить или думать, что было бы, если бы... Это не смиренномудрие. Случайность неслучайна, а виноват я.

---

* Условное обозначение одного из вариантов «Исследования о критерии».

** См. примеч. 23.

*** См. первое примечание на стр. 192.

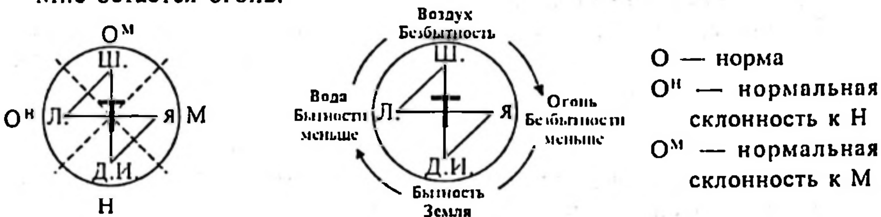
26.X. Если четыре стихии понимать безоценочно, просто как четыре качества жизни, вернее, четыре качественности, равноценные и одинаково необходимые для жизни, то Д. И. свойственна преимущественно стихия земли, Л. — стихия воды, В. — стихия воздуха, мне — огня.

Л. — «Трактат о воде»* ; в «Теории слов»** — первая проекция семени слова на жидкость; его интерес к Фалесу и стихии воды. У Баха мотив воды тот же, что и мотив блаженства, Швейцер не заметил этого. У Л. вода — символ безличной стихийной жизни, погружение в которую и страшно, и блаженно.

Д. И. — недочеловеки, «Старуха»***. А чудо? В этом разрезе, в каком оно реализуется у Х., оно тоже связано с землей: чудо в «Случаях»****. Стихия земли ни в каком отношении не ниже других стихий: «земля — мать».

Ш. Воздух всюду и все покрывает: и землю, и воду, и огонь. Почти классическая завершенность и совершенство его вещей, ясность и прозрачность, например «Сутки», «Потец»***°. Шурина легкость — тоже воздух.

Мне остается огонь.

Если этот круг — наш мир или мир нас, то Т. — душа этого мира, его энтелехия. И как душа присутствует в теле всюду, не занимая определенного места, так и Т. среди нас. А Н. М. <Олейников>? Х. и Л. в «Разговорах» представляют его как какого-то духа отрицания, Мефистофеля нашего мира. Может, это было только маской, которой он прикрывал свое чувство; из всех нас, я думаю, он был наиболее эмоционален, Д. И. — наименее эмоционален.

Д. И. и я — наибольшая противоположность в комплексе Эдипа: ε (Н) и ι (М).

Л. и я — наибольшая противоположность, как вода и огонь.

Д. И. и Ш. — противоположности, как земля и воздух.

Л. и Ш. — противоположности, как вода и воздух.

---

* Липавский Л. Трактат о воде // *Сб.* Т. 1. С. 67—76.

** Липавский Л. Теория слов // Там же. С. 254— 320.

*** См. третье примечание на стр. 287.

**** Хармс Д. Случаи // *Сб.* Т. 2. С. 354—379.

***° Введенский А. Сутки; Потец // *Сб.* Т. 1. С. 482—493.

Наибольшие близости в противоположностях: Н — М; $О^{н}$ — $О^{м}$; $О^{н}$ — М; $О^{м}$ — Н. Меньше близости между $О^{н}$ — Н, $О^{м}$ — М, так как однородны.

Л. и Ш. в отношении Н — М — норма, но и в норме есть некоторые отклонения от идеальной нормы: Л. — в сторону ε (Н), Ш. — в сторону ι (М). Эротические места в вещах Ш. — антиэротическая эротика, у Л. в «Телесном прикасании»* , особенно к концу — о селективности, — уклон в Н.

Разговоры на сексуальные темы: Д. И. — чистое Н; Л. — норма с уклоном к Н; Ш. — норма с уклоном к М.

Н и М — именно несторианство или монофизитизм в применении к антропологии вообще, а не только к эросу, некоторые всеобщие характеристики вины без вины. Их применение к эросу — вторичное, некоторый оттенок или оттенок оттенка вины греха.

Бытность — скорее Н, безбытность — скорее М, но сами по себе не Н и не М. От южного полюса (Д. И.) к северному (Ш.) бытность уменьшается (через Л.). От северного к южному безбытность уменьшается (через Я. <я>).

30.X. Сегодня должна быть встреча, то есть к нам придут. Я не стремлюсь ни к какой встрече, кроме Т., живу в мире, круг которого начерчен на предыдущей странице, остальной же мир Господом моим, Иисусом Христом, распят для меня и я для него.

3.XI. В Пухолово Т. раз сказала: ты научился слушать. — Но только Т., ко всем остальным и тот интерес, который был еще, уменьшился.

Раз я сказал Т.: меня интересуешь ты вся, мне интересно в тебе все: и что ты есть, и что хочешь, и что думаешь, и что записываешь.

До войны у меня был интерес к четырем людям, не считая Т., потому что у нас был общий интерес и общая работа, и меня интересовало в них то, что шло в том же направлении, как и у меня. Вещи Л. и Д. И. в то время я недостаточно ценил и понимал потому же: я — М; Ш. — $О^{м}$; Д. И. — Н; Л. — $О^{н}$.

А Н. М.<Олейников>? Я до сих пор не знаю, что сказать о его вещах, о нем самом, о его месте в нашем круге.

4.XI. Земле противополагается небо или воздух, как символ неба. Общее же — земля и воздух всеобъемлющи: и море и океан не бездонны, дно — земля, значит и вода на земле; воздух все покрывает: и землю, и воду, и огонь. Земля и воздух противополагаются, как вещественность и невещественность, как тяжесть и легкость. Воде противополагается

---

* Липавский Л. О телесном сочетании // *Сб.* Т. 1. С. 132—161.

огонь: «несовместны, как огонь и вода». Общее — некоторое движение; различное: движение воды на земле — по горизонтали, движение огня — по вертикали: от земли к небу, в воздух. Вода и огонь — специальные стихии, динамические; земля и воздух — всеобъемлющие, статические. Схема:

Труднее определить различие и сходство воды и воздуха. Вода, испаряясь, становится воздухом. Воздух, сгущаясь, становится дождем — водой. Тогда можно сказать, что вода — сгущенный воздух, воздух — разреженная вода. Различие: сгущение и разрежение.

Повторяю: нет никакого преимущества ни одной из стихий. Для тех, кто не может вместить, и воздух, и огонь, то есть высокое, становится соблазном, тогда не выше воды или земли. Соблазн в том, что я не могу совместить верх и низ и абстрактный верх становится другим полюсом низа. Но для того, кто может вместить, уже нет этого различия, здесь отрицание неопределенное: верх и низ и два направления — определенное противоположение, тогда оба —низ; неопределенное отрицание, и все равно чего — абстрактного верха или абстрактного низа, — и есть верх или дух. Когда же немогущий вместить пытается вместить, он впадает в ересь несторианства или монофизитизма. Тогда:

Земля — символ несторианской ереси.

Огонь — символ монофизитской ереси.

Вода — символ нормы с несторианским оттенком.

Воздух — символ нормы с монофизитским оттенком.

Но вообще четыре стихии не ереси, а строй души, так же как ε и ι, но могут стать ересями, тогда ει — М, εε — Н.

Ереси Н и М проявлялись не столько в содержании наших вещей, здесь, я надеюсь, ереси почти не было, не было настолько, насколько это вообще возможно человеку, но в интересе, в выборе тем и в жизни.

5.XI. Уже не раз я повторял себе слова апостола Павла: «праведный жив верой» — или хотя бы своей слабостью: «когда я немощен, я силен». Я слаб, потому и бросился к Т. Если бы я бросился к кому-либо другому, моя слабость была бы отречением и предательством всего,

что я писал почти 50 лет. Но я бросился к Т., потому что она реальность нас пяти, энтилехия нас всех, особенно же Ш., Л. и моя. Тогда моя слабость — моя сила?

Не принять решения жить — может, это и значит: жить не на земле, но еще и не на небе? Не иметь где приклонить голову? Но ведь в Пухолово я имел где приклонить голову?

После опустошенного взгляда я действительно дошел до такого состояния, что уже не мог писать вещь. Это не значит, что я вообще не думал и не писал, полгода после взгляда, даже больше — месяцев 7, 8, — я писал, я записывал в этих тетрадях, но я действительно не понимал, зачем делать вещь; то, что я думал, я записывал, мне это нужно, если кому-нибудь будет интересно — когда-нибудь прочтет, но зачем делать вещь, отделывать? Стеклянного корабля уже нет.

Так было вначале и после 16.X.63. Но затем несколько вещей сделал: «Взгляд», «Noli me tangere», «Три искушения», наконец, «Ви́дение». И, сделав самую большую вещь — «Видение», потерял всякий интерес к деланию вещей, а через некоторое время стал иссякать и поток мыслей. Я понимал: что-то у меня неправильно, погрешность превысила допустимую норму. Тогда и случилась неслучайная случайность. Она именно случилась, помимо моей воли, тем более помимо Тамариной воли. Я даже не могу сказать точно, когда это было: первая запись в «Принадлежностях» — в начале декабря. Значит, случилось не позже ноября. Но в конце сентября я был у Т., а потом пошел к В. П. <Трауготт>. Пока не выпил, мне было скучно. Когда же выпил и говорил как магнитофон, подумал о Т. и уже не так, как до неслучайной случайности.

8.XI. Глупо говорить и даже думать: что было бы, если бы не было то-то и то-то. Глупо говорить: то, что было, могло бы и не быть. Глупо говорить: то, что было, не могло не быть. Глупо утверждать и отрицать суждение: то, что было, могло бы и не быть. Утверждая это суждение, я в сущности отрицаю Провидение и Бога. Отрицая это суждение, я утверждаю фатализм, то есть делаю себя роботом, отрицаю, что я сотворен по образу и подобию Божьему. Не утверждая и не отрицая и тезиса и антитезиса, я признаю контингентность и Провидение.

Я снова думаю и пишу, началось это еще в конце пухоловской жизни. Глупо спрашивать: если бы не было неслучайной случайности, стал бы я снова думать и писать? 1. Ведь я потому и бросился к Т., что почувствовал бесконечное опустошение, космическое одиночество. 2. до 5.VI. я все же еще что-то думал и писал, хотя все меньше и меньше. К <пункту> 1: я не бросился к Т., меня бросило к Т. К <пункту> 2: я переставал писать, но вместо теряющейся мысли стала одна живая мысль — моя энтелехия.

10.XI. Несторианство и монофизитизм в применении к человеку, также четыре стихии — все это типология, то есть антропология. Но философская антропология имеет как бы два слоя: внешний и внутренний. Пример: пусть человек верит в Бога. Затем он говорит: я верю в Бога, вот моя вера, и он излагает свою веру. Вера — практическое состояние духа, излагая же свою веру, человек поневоле теоретизирует и систематизирует, то есть создает свою теологию. Когда я читаю его теологию, я отношусь к ней sachlich* . Меня не интересует автор, хороший ли он человек или плохой, искренний или не вполне искренний, меня интересуют его мысли — то, что он утверждает. Но изложение догматов веры еще не вера, теология не вера, а только изложение некоторой системы — догматов веры. Эти догматы веры я сравниваю со своей верой. Но и моя вера не тожественна догматам веры, даже если эти догматы веры я признаю истинными. Даже само это признание истинности догматов веры еще не вера. Вера — не признание чего-либо, не Fürwahrhaltung**, а практическое экзистенциальное состояние духа. В самой вере, в самом акте живой веры уже нет и догматов, никаких догматов, никаких Fürwahrhaltung, никаких признаний чего-либо истинным, но Сам Бог. Потому что вера не от меня, не от мой воли или ума, скорее против моей воли и ума, неопределима. Глупо сказать, что я признаю, что сейчас утро и светит солнце. Я просто вижу: утро и светит солнце. Так же в акте живой веры: есть Бог; и все.

Он есть — и это независимо и без моего признания. Но я маловер, в лучшем случае justus peccator: временем утешение, временем искушение. Если бы все время было утешение, я бы и рта не открывал, все время молчал — когда есть всё и больше, чем всё, — что еще надо? Но вот утешение проходит. Может, еще и не наступило искушение, но нет того, что было, нет уже полного утешения, и я начинаю думать. Я пы-
не точно***
таюсь удержать то, что было. По существу его уже нет, если бы оно было, я не пытался бы и удержать его: когда есть, полностью, абсолютно есть, незачем и удерживать. Так вот, я пытаюсь удержать его. Как? Прежде всего в молитве. Но ведь и в живой молитве не я молюсь, Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня. Тогда и есть утешение, полное утешение. Но я сам не знаю, о чем и как должно молиться. Утешение проходит, и уже я сам молюсь, тогда думаю. Я думаю: как удержать утешение? В чем утешение? Кто послал его? Почему я не удержал? Я уже не вижу, я помню, что видел, имел Бога, был в Боге, я чувствую, что мне необходимо, повелено зафиксировать то, что

* По-деловому, реально, объективно (*нем.*). *Фил.* — вещественный, материальный.

** Утверждение истины, «воистину так» (*нем.*).

*** Так — над строкой — в рукописи.

я имел. Как зафиксировать? Словом, моим словом зафиксировать Слово. Само Слово фиксирует Себя моим словом. Но все же моим словом.

Утешение проходит, а я все продолжаю фиксировать Слово моим словом, Само Слово продолжает фиксировать Себя моим словом. Но вот я замечаю вдруг: я фиксировал Слово моим словом. Но я чувствовал какую-то силу вне меня, она давит на меня. Часто мне даже не хотелось фиксировать — записывать, и все же я писал, я не мог не писать. И часто, может, очень часто то, что я писал, было неожиданным для меня, я писал совсем не то, что хотел писать. Внешняя сила, Само Слово принуждало меня. И вдруг я замечаю: я все знаю, у меня готовы ответы на все вопросы, я могу писать обо всем. Как только появляется такое состояние, все делается как-то плоско, скучно и тоскливо. Ничего нет, действительно ничего нет, я знаю ответы на все вопросы, я могу писать обо всем, но это всё — ничто, ничего нет, я сам — точка, затерянная в бесконечной пустоте, в ничто. Начинается искушение. И когда оно достигает своего максимума, высшей точки полного отчаяния, безнадежности, опустошенности, полного сокрушения духа, когда мне уже ничего не остается, ничего, кроме как завопить от страха: Эли, Эли, лама сафахфани, — Он возвращается ко мне.

Теперь перехожу к теме. Пусть не я фиксировал — писал, Само Слово фиксировало Себя моим словом. Но все же моим. Мои слова, сказанные, записанные, фиксированные, двойственны. Не я фиксировал, Само Слово фиксировало Себя моим словом. Тогда зафиксированное — истина. Но Слово фиксировало Себя моим словом. Тогда зафиксированное — ложь; я сам — ложь, и все мои слова — ложь, искренняя ложь или лживая искренность. Все зафиксированное моим словом — истина, абсолютная истина, так как не я зафиксировал, Само Слово зафиксировало моим словом, я же сам — ничего не знал, ничего не знаю. Но зафиксировано моим словом — тогда я все знаю, у меня готовы ответы на все вопросы, но эти ответы — ложь, пустота, ничто, моя искренняя ложь, моя лживая искренность. Это противоречие не временное — вневременное, ноуменальное. Сразу же мое слово — истина, так как Само Слово зафиксировало Себя моим словом, и сразу же — ложь, так как зафиксировано моим словом. Небольшая погрешность: мое слово сразу же и истина, и ложь; и сразу же: не сразу истина и ложь, а во времени — временем утешение, временем искушение. Когда готовы ответы на все вопросы, когда могу писать обо всем и все знаю — само это всё — ничто, и я теряю и себя, я сам теряюсь в абсолютной пустоте, в космическом одиночестве.

Так вот, вследствие противоречивой экзистенциальной двузначности моего фиксирующего слова разделяется вера и признание, то есть исповедание веры. Это приложимо не только к вере, но к любому

моему признанию: я люблю Веберна; я говорю, что люблю Веберна. Или: я люблю человека *X*, я говорю, что люблю человека *X*. Вообще:

А. Я верю в...; я верю, что...; я люблю...; я ожидаю... и т. д.

Б. Я говорю: я верю в...; я говорю: я верю, что...; я говорю: я люблю...

А. Непосредственный факт, имманентный и в то же время трансцендентальный, во всяком случае транссубъективный: то, в кого или во что верю, или люблю, или ожидаю, входит в меня помимо моей воли с какой-то трансцендентной или транссубъективной необходимостью, так что я уже не могу не верить, не любить, не ожидать. Это не исключает того, что я могу и желать, и больше всего желать этой любви, веры, ожидания. И все же я чувствую непреодолимость моей веры, любви, ожидания, иногда даже противодействую ей, противлюсь самой необходимости.

Б. — субъективное признание моей веры, любви, ожидания, желания и т. д. И вот здесь наступает ложь — искренняя ложь или лживая искренность. Я имею здесь в виду преимущественно признание перед самим собою. Признание перед другими может быть и обыкновенной сознательной и намеренной ложью, я имею в виду именно субъективное признание перед собою, и здесь уже ложь бывает искренней и искренность лживой. Здесь тоже есть какое-то намерение, но не намеренное, не сознаваемое, во всяком случае почти не сознаваемое. Человек лжет себе, чтобы успокоить себя самого, доставить удовольствие себе самому.

Теперь перехожу уже прямо к двум слоям антропологии и к метатеологии. Даже не зная человека, по одним его писаниям, я могу составить себе некоторое представление о нем самом, о чем бы он ни писал. Это будет уже антропологией, но ее внешним слоем. По книгам даже теолога я могу получить некоторое представление о его характере, желаниях, чувствах, стремлениях. Но это еще внешний слой его души. Я могу найти даже противоречия в его стремлениях, чувствах, желаниях, и все это еще внешний слой его души. Но я могу пойти дальше или, скорее, глубже: заметив некоторый характер или оттенок его высказываний — например, что он подчеркивает и выделяет или чего не договаривает, иногда умалчивает, — иногда его стиль, примеры, которые приводит, аналогии, я могу вдруг почувствовать, почему одно он выделяет, а другого не договаривает и скрывает; еще яснее это бывает, когда он говорит, а я слушаю его. Тогда открывается более глубокий слой антропологии, его внутренний сердца человек. Если его высказывание имеет какое-либо, хотя бы самое отдаленное отношение к его вере, все равно во что бы он ни верил, а во что-нибудь всякий человек верит, и если он сам или другой почувствует почти незаметный субъективный характер, оттенок или направленность его мысли, то этот

субъективный характер, оттенок или направленность и есть его метатеология: абсолютная субъективность.

Абсолютная субъективность не просто исповедь или покаяние, хотя бы самое искреннее; потому что всякий человек есть ложь, а именно некоторый характер, стиль, оттенок. И очень часто не то, что человек говорит, а то, чего он не договаривает, то, что он одновременно и хочет сказать и еще больше хочет скрыть.

То, что я писал о четырех стихиях нашего мира, это наша метатеология, попытка высказать наши абсолютные субъективности.

II.XI. Примеры метатеологических суждений. Может быть, Бультман и лучше всех понял апостола Павла и признает его учение, но, читая его большую статью об апостоле Павле в RGG*, я находил только субъективное признание веры, но не веру, находил веру в Бога, но не живую веру в Бога. Исаак Сирианин иногда ошибается, у него есть места даже несовместимые с Евангелием, но в его книге я чувствую живую веру.

Гуссерль, может быть, самый большой из современных философов, но у него не хватает великого дерзновения во Христе, поэтому он остановился на анонимности жизни. Может, поэтому же у него нет и поэтичности, так же как и у Шестова.

Л. сказал: если бы Чехов сам считал себя гениальным, он был бы гений. У него не хватило великого дерзновения, также и в религиозных вопросах. И все же он понял христианство лучше, чем очень многие, может, большинство христианских теологов, может, потому что ни у кого не было такого смиренномудрия и оно заменило ему недостаток великого дерзновения. «Архиерей», «Дуэль» — дьякон: если вера без дел мертва, то дела без веры — пустое времяпровождение, — и многое другое.

Рационалистическая ограниченность Толстого, доходящая до глупости, его одноплановость, психологизм, имманентизм.

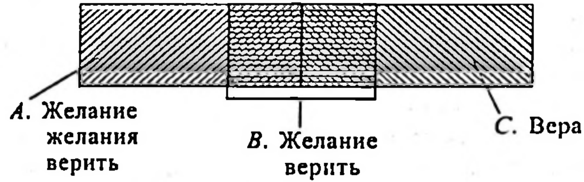
Соблазны метатеологии. Не судите, да не судимы будете. В метатеологии я сужу высказывания человека — в этом нет греха. Но я сужу их не объективно, а именно субъективно, меня интересует не только содержание высказываний человека, но от них я хочу перейти к сокровенному сердца человеку, то есть к самому высказывающему; за его субъективным признанием своей веры ищу его личную веру, тогда невольно сужу его: оправдываю или обвиняю, люблю или не люблю — уже не написанное им, а его самого. Но ведь я сужу его слова; но очень трудно удержаться на этом, то есть судить его слова, расхождение его слов о вере с его верой, не судя его самого, ведь здесь я проникаю в самого сокровенного сердца человека.

---

* Religion in Geschichte und Gegenwart: Lexikon. — Moor in Ziebeck. («Религия в прошлом и настоящем» — *нем.*)

Давно уже я писал: вопрос к автору, верит ли он в то, что пишет и утверждает, неприличный во всех случаях, кроме одного: когда автор пишет о вере, о Боге. Тогда неприличный вопрос необходимо задавать и прежде всего — себе самому, когда не только пишу, но думаю о себе, о своих интересах, привязанностях, о своей вере, о Боге. Этот вопрос — метатеологический: верю ли я в то, что пишу, думаю; верю ли в Бога или в свою веру в Бога?

Всякое желание — сила, желание желания — бессилие. Желание желания верить — неверие и слабость духа или еще хуже: полуосознанное лицемерие и желание покрасоваться. А желание верить? Я думаю, желание верить и вера не вполне совпадают, а пересекаются:

То есть желание верить или только несознаваемое или полусознаваемое желание желания верить, или уже вера. Но вера может быть и без желания верить, даже с нежеланием и противодействием, например в богоборчестве (Иов). *A* и *C* — реальные душевные или духовные состояния сами по себе, а *B* — то, что никогда не остается в себе и не есть то, что оно есть: если не *C*, то *A*. Если желание веры не достигает такой силы, что уже и есть вера, живая вера, то это только желание желания веры, то есть слабость духа и неверие.

Лида сказала раз, что я сочиняю мифы о В. и Х. Да, я сочиняю мифы о В. и Х., может, и о себе самом — это и значит: познай себя самого, потому что миф и есть ноуменальная сущность человека, отношения людей, ситуаций, событий, сказанная в поэтической, то есть образной, форме. Но в непоэтической форме высказывается только мертвая абстракция, не жизнь, а поверхность жизни, плесень на поверхности жизни.

Двойная поэтичность: поэтичность слова и мысли. У Платона, часто у Кьеркегора, поэтичность и слова и мысли. У Канта — поэтичность мысли, но язык — педантически школьный. У Шестова — иногда поэтичность слова, но нет поэтичности мысли, поэтому его поэтичность слова — фальшивая, только суррогат, а «Критика чистого разума» поэтична, хотя написана педантически школьным языком.

Поэтичность и непоэтичность можно определить еще так, как определяли каноничность библейских книг: пахнет или не пахнет — живые цветы пахнут, мертвые — не пахнут.

Платон, Кьеркегор, Исаак Сирианин, Кант пахнут, хотя все и очень различны. Гуссерль, Шестов, Бультман, должно быть и К. Барт, не пахнут. Но о Хайдеггере все же не могу сказать, что он не пахнет: он воня-

ет. Это относится ко всему и к литературе. О большинстве советских писателей я не могу даже сказать: воняет, они — ничто: искусственные цветы. А Пастернак очень дурно пахнет.

Разделение слова и мысли — небольшая погрешность, потому что мысль и есть слово, но может быть и незафиксированной, тогда не станет словом и уйдет. Тогда и вторая погрешность — зафиксированной мысли и различие поэтичности слова и мысли. Первую погрешность можно назвать ноуменальной, вторую — фактической или контингентной.

14.XI. Я писал, что ощущаю в себе какую-то силу, не от меня, извне, которая подавляет не только окружающих меня, но и меня самого. Эта сила — Бог. Но только, когда Он дает осознать Себя. Тогда эта сила заставляет меня молиться, сама молится за меня, заставляет писать, даже если не хочу писать. Но часто я чувствую другую силу, которая тоже подавляет меня, но совсем в другом смысле: та сила, подавляя, освобождает меня, освобождает от меня самого, от самого во мне, эта же парализует: я не могу молиться, не могу писать, даже если знаю, что и как писать, даже если чувствую, что и как писать. Это бесовская абулия, бесовское безволие, мечтание и парение мыслей. Что же, эта сила сильнее первой, сильнее Бога? Когда Бог не дает осознать Себя, когда я не осознаю Его, тогда Его сила — kairos, fatum, то есть демонизм. Осознание Бога — в принятии на себя бесконечной ответственности и абсолютной свободы. Так как она бесконечна, то не по силам мне — я не могу ее принять. Так как она уже возложена на меня, я не могу ее не принять. Как я уже много раз писал, это противоречивое состояние и есть мое состояние в грехе, в рабской свободе выбора, моя вина без вины. Освобождение от этого невыносимого, мучительного состояния не в увеличении свободы выбора, а именно в ее уменьшении до полного уничтожения. От свободы выбора к абсолютной свободе нет непрерывного перехода, но только скачок через полное уничтожение свободы выбора. Поэтому и в бесовской абулии та же сила: Бог, который не дает осознать себя, тогда в Его гневе, обратная сторона которого моя злая воля, — бессмысленный, лишенный Логоса, непонятный мне демонический kairos, fatum, убивающий во мне всякую возможность свободного выбора, чтобы Бог, как человек, то есть Богочеловек, взяв на себя мою вину — culpa, дал мне вину — causa, то есть абсолютную свободу.

Бесовское безволие — это совсем не отречение от себя, не невыбор, а именно выбор невыбора, тогда наиболее сильное формальное утверждение себя. Я сам не могу отречься от себя самого, если бы мог, переход к абсолютной свободе был бы беспрерывным. Не давая осознать Себя, Бог отвергает меня, оставляет меня себе самому. Тогда материально,

то есть по содержанию, я ничего не могу, формально, оставленный себе самому, могу выбрать только возможность, возможность и есть выбор. Отвержение меня Богом субъективно есть демонизм. Отвержение меня Богом объединяется, даже отожествляется с моей виной без вины — виной culpa, с моей злой волей, это и есть демонизм: анонимность Провидения. Поэтому я и говорю: о дьяволе много сказать: есть, но мало сказать: нет.

В бесовском безволии, мечтании и парении мыслей, когда есть еще желание противодействовать ему и абсолютная невозможность всякого противодействия, материально свобода выбора сокращается до нуля, формально же, то есть по идее, утверждается в одновременном и желании и невозможности противодействовать безволию. Само это отвращение к невозможности противодействовать безволию есть формальное утверждение моей воли. Противодействие безволию — материальное утверждение воли; простая невозможность противодействовать безволию будет тем же безволием. Но отвращение к реальной невозможности противодействия при полной, идеальной возможности противодействия и мучительное состояние невозможности противодействия безволию — тоска по воле, то есть своеволию, тогда утверждение воли, но только идеи, эйдоса воли — свободы выбора. Если я ничего не могу делать и мучаюсь, что ничего не могу делать, то здесь уже есть дилемма: я $\frac{\text{могу}}{\text{не могу}}$ делать, значит, я нахожусь в сфере свободы выбора. Формально и идеально я выбираю тезис, ведь я мучительно хочу что-то сделать, сделать повеленное мне, материально же и реально выбираю антитезис. Я не просто следую повеленному мне, я нахожусь в состоянии выбора — выбора выбора или невыбора. Как сказал апостол Павел: хочу одного, делаю другое <Рим. 7, 15—16>. Мучение оттого, что я не могу выбрать то, что хочу, есть формальное утверждение этой дилеммы — дилеммы свободного выбора. Ведь я сам мучительно хочу того, что я сам же не могу реализовать. В материальной невозможности реализации моего свободного выбора при полной, идеальной возможности его реализации, может быть, сильнее всего он реализуется формально, как выбор невыбора. Может быть, выбор невыбора — eidos свободы выбора.

Но все, что я сейчас записал, это именно от отвращения ко всякому свободному выбору — и выбора и невыбора, отвращение к демонизму, которого не могу преодолеть, так как выбираю невыбор.

20.XI. Теоретически я, может, и понял это состояние бесовского безволия, как еще никогда не понимал, практически же я все-таки слишком часто пребываю в нем. Может, для того и пребываю, чтобы лучше понять его. Тогда ощущаю себя экспериментальным кроликом в руках Бога. Это нехорошо, то есть нехорошо, что я ощущаю себя экспери-

ментальным кроликом, значит, еще остаюсь акциденцией неизвестной мне ситуации.

22.XI. Я прочел: «Имя, не обладающее признаком, который оно обозначает». Это то, о чем я писал в «Симфонии» — о мысли и ее тени, в «Свердловских трактатах» и других вещах. *Слово, не обозначающее то, что оно обозначает, — вот, может, главное, формально, эйдетически главное, что объединяет мои и Шурины вещи.* Ведь и Слово, то есть Бог, стало тем, что оно не есть, — человеком. Но и в том, что оно не есть, оно есть то, что оно есть, — Бог. Тогда: слово, не обозначая того, что оно обозначает, или обозначая то, что оно не обозначает, обозначает то, что оно обозначает; обозначая именно не то, что оно обозначает, оно обозначает то, что оно обозначает. Это обозначение того, что обозначает, через обозначение того, что не обозначает, — предмет лингвистики, логики, гносеологии, теологии и поэзии.

25.XI. В «Разговорах»* В. сказал: «Гортензией»** я жил дольше, чем другими своими вещами. — Это и есть то, что я назвал стеклянным кораблем. Когда пишешь и еще некоторое время после того, как написал, живешь этой вещью, не просто в мыслях, записанных в ней, тем более что в моих вещах трудно, а иногда невозможно отделить мысль от того, как она записана, но живешь именно самой вещью. Это не тщеславие: с 1941 года до 1964 никто не читал моих вещей, об опубликовании их я и думать не мог. Это то, что сказал Пушкин: ты царь, живи один***. Я жил один своей вещью — пока писал ее и некоторое время после написания. Это был какой-то устой моей жизни — я назвал это стеклянным кораблем. Я был в стеклянном корабле — что-то вроде шапки-невидимки; самая большая сила: я все знаю, все вижу, все могу, меня никто не видит, не знает. Это — сила творения: никто не знал, что я как бы сотворил новый мир, может, никто никогда и не узнает, мне это было безразлично, я все видел, знал, я сотворил новый мир. Гордыня ли это? Может, самая идеальная — тогда самая большая. Блаженны нищие духом. Был ли я нищ духом в моем стеклянном корабле? Не знаю, ведь я всегда чувствовал: я не написал, а только записал, что мне дано было. Заканчивая вещь, я чувствовал: через меня прошло, опустошило, опустошило от всей заполнявшей меня грязи, теперь я пуст, пуст и чист, почти чист — так записал я, закончив «Квадрат миров».

---

* См. примеч. на стр. 196.

** См. второе примечание на стр. 236.

*** Пушкин А. С. Поэту (Поэт! Не дорожи любовию народной...).

Вторым моим устоем была лестница Иакова, и, когда не было первого, когда я не писал, оставался второй и за ним был Бог. Но и за первым был Бог, ведь я не писал, только записывал. Первый устой я потерял 12.I.62. Но еще до этого, с 1959 или 1960 года, творчество стало иссякать. 16.X.63 я потерял и второй устой. Тогда устоем стал Сам Бог — в радости страдания. С ноября или декабря 1963 г. я снова стал писать. Но стеклянного корабля уже не было, даже «Ви́дение» не было стеклянным кораблем. Я знал, что написано правильно и хорошо, может, лучшее из всего, что было написано в этом роде и на эту тему со времен Августина, я знал, что сотворил новый мир, но радости от этого не было, не было даже удовлетворения. Еще за год или два до того я записал: иногда, когда напишу хорошо, на мгновение появится радость или удовлетворение, но нет радости от радости, удовлетворения от удовлетворения, поэтому нет и радости и удовлетворения, нет стеклянного корабля.

Кажется, в июне я написал: радость творчества — пошлая выдумка романтиков, есть только муки творчества. Вообще это, кажется, неверно, стеклянный корабль все же некоторая радость, вернее некоторое полное удовлетворение. Но с 16.X.63 у меня его не было: не потому, что написанное было несовершенным — «Взгляд», «Noli me tangere», «Три искушения», «Видение» совершенны, — но не было удовлетворения от удовлетворения, не было стеклянного корабля. И еще: само писание было не радостью, а страданием — радостью страдания. И все же это не радость творчества и могло быть и бывало и без творчества. В радости страдания был Бог, я ощущал Бога.

Может быть, отсутствие стеклянного корабля и есть то, что сказал апостол Павел: Господом моим, Иисусом Христом, мир распят для меня и я для мира?

Теперь, что сейчас? Первый устой по-прежнему отсутствует. Я начал писать — но только в этой тетради, «Исповедь» приостановилась, а может, и прекратилась. Но если и закончу, стеклянного корабля все равно уже нет и не будет. Жало в плоть. Оно есть, хотя и в другой форме. Но, может, и в той же, хотя и в другой. Мир для меня распят по-прежнему. В субботу была Г.*, потом мы пошли к Л. И. <Черных>. Возвращаясь домой, в автобусе, вспомнил слова Т.: мне ни хорошо и ни плохо — мне никак. Мне хорошо, когда Т. со мною. Хорошо ли это? То есть хорошо ли, что мне хорошо, когда я с Т. и только, когда я с Т.? Я все время чувствую свою вину, поэтому и спрашиваю — хорошо ли, — не только свою вину перед Т. или перед кем-либо, свою вину без вины, вину перед Богом. Раз я сказал Т.: свою жизнь я не прожил, а продумал.

* Галина Ивановна Уствольская — композитор.

Хорошо прожить и продумать, но я преимущественно думал, а не жил. Но радость страдания, молитва — это не жизнь ли? Да, но я больше думал, чем молился. Всегда ли? Но большой мир меня все же пугал, я не выходил в большой мир, только с неслучайной случайности я стал пытаться войти в большой мир.

В Пухолово я жил, а не думал. Конечно, были и мысли, но все же я жил, может, впервые в жизни. Впервые в жизни я прикоснулся к счастью, то есть к счастливой жизни. Я имею в виду счастье в большом мире, а не в малом — мире детской жизни, в котором я продолжал жить и став взрослым. Там было и счастье. Я имею в виду мою лестницу Иакова. И в этом мире я выходил иногда за пределы не только малого, но и большого мира в сверхбольшой, но минуя большой мир, большой мир был для меня закрыт. В Пухолово он открылся. Но дверь в жизнь стала для меня стеной, защищавшей меня от жизни. Не субъективно, психологически или намеренно, а ноуменально. Значит, и это еще не жизнь, а только преддверие жизни. И все же и это преддверие было прикасанием к счастью. Страх большого мира — то, что я писал еще 30 лет тому назад; я не принял решения жить, может, так и всю жизнь проживу, не приняв решения жить. Это решение — не осознанное, рациональное, даже не решение, а некоторый интуитивный акт. Что мне надо? Не знаю. Чего хочу? Продолжения пухоловской жизни. Хорошо ли, что реально, конкретно хочу только этого? Не знаю. Но все равно не могу сделать и этого, я ощущаю свою полную беспомощность. Хорошо ли это? Не знаю, хорошо было бы, если бы я жил только одним: да будет воля Твоя. Плохо ли, что я слишком много думаю о Т.? Но откуда я знаю, что это слишком много? Не прорываю ли я этим границы, поставленные моим грехом, свою Selbstheit? Не впервые ли в жизни другой человек, не моя лестница Иакова, а человек из большого мира стал для меня ты? Не есть ли это атом соборности? Не исполняется ли то, что я безуспешно пытался исполнить с 1964 г.: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я.

Что понял я за этот год? Что есть и другие люди, кроме меня. Что не только я знаю то, чего они не знают, но и они знают то, чего я не знаю. Что не только мне говорит Бог, руководит мною, но и им говорит Бог, руководит ими. Я всегда знал: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Но знал абстрактно; конкретно знал только для меня и моей лестницы Иакова. Теперь знаю и для большого мира. Но только для моей двери в жизнь. Что же мне делать? Не знаю, я беспомощен; да будет воля Твоя.

26.XI. Говорить надо не тогда, когда можешь говорить, а когда не можешь не говорить. Может, так вообще в практической жизни: делай то, чего не можешь не делать, а не то, что только можешь делать. В

первом случае нет никакой дилеммы, значит и свободы выбора, это определяется словами: предопределение, Провидение, «да будет воля Твоя», «не я живу, Христос живет во мне» <Гал. 2, 20>, абсолютная свобода. Во втором случае всегда, хотя бы в подавляемой, почти неосознаваемой форме, появится свобода выбора, у фарисея в Selbstgefälligkeit, у изувера — в детерминистском фаталистическом понимании Провидения, у убежденного приверженца к злу — в своеволии и его предубежденности против добра. В первом случае не возникает и мысли о личной заслуге, во втором — возникает. Если возникает, значит уже был выбор, поэтому и заслуга выбора. Если нет выбора, нет и заслуги, только Alleinwirksamkeit Gottes, предопределение. В неслучайной случайности не было ни выбора, ни заслуги, наоборот, я долго не мог даже понять, что происходит. Когда же понял — увидел: дар Бога мне, выбора у меня не было: я не мог не принять его. Когда же принял, то увидел, что желал его еще до того, как понял, что желаю. И вспомнил, что пожелал еще в 1922 г., и многое другое. Все это было как бы предопределено. Не как бы, а просто предопределено.

28.XI. Система или псевдосистема складывается из мыслей или псевдомыслей. И те и другие разлагаются на атомы мыслей, они очень кратки — всего 2, 3 слова: есть Бог; нет Бога; человек виноват; человек не виноват и др. Таких атомов мысли, очевидно, конечное число, и, я думаю, не так много, может, множество их измеряется всего трехзначным числом. Атом мысли сам по себе — ни умный и ни глупый, ни истинный и ни ложный, он становится умным или глупым, истинным или ложным только, во-первых, в соединении нескольких атомов мысли в мысль и, во-вторых, в присоединении к реальному экзистенциальному состоянию. Сказать просто: есть Бог — само по себе еще ничего не обозначает. Но если я знаю, что за признание: да, есть Бог — меня выгонят с работы и посадят в тюрьму, и все же утверждаю: да, есть Бог, — этот атом мысли уже стал истинной мыслью. Но то же самое суждение: есть Бог — может быть ложным, если его высказывает лицемер или фарисей, потому что и под словом «Бог» и под словом «есть» он понимает не то, что эти слова обозначают. Так же и в соединении двух атомов мысли, например: так как в жизни все благополучно, то есть Бог. Здесь ложен первый атом и ложен сам вывод: «так как... то», поэтому в самом умозаключении ложен и второй атом: есть Бог. Сами по себе очень часто правильные высказывания друзей Иова ложны в данной экзистенциальной ситуации, а многие высказывания Иова, ложные сами по себе, истинны в его ситуации. Истина, сама по себе безусловно абсолютная, в определенной системе атомов мысли, в определенной ситуации занимает не постоянное, а переменное место: истина, как нумерация, прогуливалась

между нами (Введенский)* ; мысль и тень мысли; слово, не обозначающее то, что оно обозначает.

Атомы мыслей порядка: «так как», «так как... то», «потому что», «для того, чтобы», «следует», «или-или», нормы, оценки, кванторы, «сейчас», «здесь», «это», «то», «вот»...

Словарь атомов мыслей.

1.XII. Вчера были О<рловы>**. И снова, когда они ушли, я подумал: мне не было ни хорошо, ни плохо, было — никак. Только встречи с Т. — события, в этих встречах и после них я ощущаю прикосновение к реальной жизни, остальное на ее поверхности, в остальном Господом моим Иисусом Христом мир для меня распят, и я для мира.

Это прикосновение к жизни — ноуменальное наполнение, каким бы оттенком ни было окрашено, радостью или страданием.

3.XII. После 6 часов звонил Игорь <Блажков>, случилось несчастье.*** Письмо к Тамаре.

6.XII. Когда Галя <Мокреева> пришла ко мне после обращения, я почувствовал, что то, что она получила, через нее переходит на меня.**** Это — Бог. И так было еще некоторое время — встречи с ней. Но потом появились бесы. Почему они победили? Почему то не удержалось? Было ли то — Бог? И это тоже мучает меня сейчас: что было — Бог или самовнушение? И что было у меня, когда я чувствовал Бога? Но могу ли я с уверенностью сказать, что бесы победили? Во всяком случае вина на мне, тогда вина и за то, что не удержалось.

Провидение в жизни подтверждается только абсолютно субъективно. Если я увидел — для меня абсолютно достоверно; если рассказал другому — для него только вероятно, если вероятность приближается к единице, то почти достоверно и все же только почти. Обращение Гали было для меня почти достоверным, но то, что мне в разговорах с ней легко было упоминать имя Божие, хотя обычно я стесняюсь этого, — абсолютно достоверно. Ночью перед сном мелькнула подлая мысль: что же, и это самовнушение — ведь она повесилась, бесы запутали ее? Екклезиаст сказал: Бог делает так, чтобы ничего нельзя было понять за Ним — то есть Его намерений. Я записал по памяти, неточно, понимаю так: только когда Он Сам непосредственно открывается мне в том, что имеет ко мне отношение, это откровение и понимание абсолютно

* См. примеч. на стр. 287. Ср.: *Сб.* Т. 1. С. 498.

** См. второе примечание на стр. 26.

*** Галина Мокреева покончила с собой.

**** См. запись 16 марта на стр. 368.

достоверно. У каждого человека своя мировая линия. Некоторые мировые линии пересекаются. Когда в этом пересечении другой **он** или **она** становится для меня **ты**, наступает ноуменальная встреча. Когда ноуменальная интенсивность этих встреч, хотя бы одной встречи, достигает некоторого максимума, ноуменальная встреча переходит в ноуменальные отношения: две мировые линии переплетаются — так у меня с Т. Но с Галей этого не было: в случайных встречах она становилась для меня **ты**, потом я забывал о ней — и чем дальше, тем чаще забывал. В этом моя вина. Не Т. мне мешала, я сам себе мешал. Не потому, что я думал о Т., я забывал о Гале, а потому что я думал о себе, берег свой покой.

Телеология моей мировой линии может стать абсолютно достоверной. И также в случае ноуменального отношения с другим **ты**, с его мировой линией. — Это то, что сказала мне Т.: ты создаешь миф из моей жизни. Миф и есть ноуменальное понимание. В случае же только ноуменальных встреч, не достигших некоторого максимума, телеология мировой линии другого человека только в некоторых отрезках почти достоверна, в других — непонятна — это значит: я виноват, что побоялся относиться к Гале, как к **ты**, это моя вина, не вина без вины, а с виною, она осталась для меня только **она**, хотя в некоторых встречах была и хотела быть **ты**. И здесь мне нет оправдания: Т. осталась бы моим первым **ты**, как бы часто я ни встречался с Галей. Я не могу сослаться даже на недостаток времени: пустого времени, когда мне никак, столько, что не знаю, куда девать его. Но именно поэтому я не хочу встречаться ни с кем, кроме Т., — тогда оно не пустое. И это моя вина: если бы у меня не было пустого времени, я находил бы время встречаться с Г.

10.XII. Озирис и Изида. Как Озириса, Тифон меня пожирает. Изида — матерь земли, скорбная богиня, собирает части тела Озириса, соединяет, оживляет и возрождает Озириса.

11.XII. Сейчас прочел у себя:

† 5. 1966.13.XII — значит, вскоре после опустошенного взгляда:*

«По-видимому должен быть какой-то *фактический, контингентный стержень, соединяющий эту жизнь с той, удерживающий меня еще в этой жизни,* раз Бог желает, чтобы я был еще здесь. Если нет такого контингентного стержня, лестницы Иакова, то не абстрагируется ли и будущая вечная жизнь? Кажется, это и открыл мне страшный, невидящий, пустой взгляд...»

---

* Далее цитируются записи из тетради † 5.

20.XII. «Может ли быть так, чтобы вообще не было никакой связи с этой жизнью? Но если искушение остается и до самой смерти и самый большой соблазн думать, что уже нет никаких соблазнов, то не может быть».

1967.10.II. «В чем сейчас моя ложь? Я не могу открыть ее. *Может, слабость фактичности?*

Чем больше сознание вины греха, тем больше праведности. А у меня сейчас наоборот: чем больше праведности, тем больше греха. Я нарочно записал в такой фарисейской форме; я «не почитаю себя достигшим, а только стремлюсь...», но, чем больше стремлюсь, тем больше у меня греха. Может, потому, что нет лестницы Иакова — фактического стержня и основания моей жизни.

Определенный факт при определенном фактическом основании — не грех, при отсутствии этого фактического основания — грех.

Фактическое основание — *ноуменальная нужда во мне*».

Последняя запись — за месяц до приезда Гали, незадолго до записи Т. — о том, что страшно одиночество вдвоем (со мною). Не об этом ли думал и я, когда писал о слабости фактичности, об отсутствии фактического контингетного стержня жизни? Во всяком случае искал его. Неслучайность случайности.

† 6. 1967.25.V. «...Я стою как перед чудом. Но сколько времени можно *стоять перед* чудом?» Это записано не по поводу Т. Но через несколько месяцев действительно случилось чудо — неслучайная случайность. А через год Бог ввел меня в трансцендентную ситуацию.

7.VI. «Система не должна быть повсюду плотной, то есть вполне рационализированной и последовательной. Это относится и к жизни: должны быть промежутки и щели. Тогда приходит Бог и заполняет их». Уже полтора года — непоследовательности, промежутки и щели и Бог приходит и заполняет их.

16.XII. 3 декабря снова выбило меня из некоторого равновесия, в котором, мне казалось, я устанавливаюсь, погрешность снова превысила допустимую норму, Тифон пожирает меня, а Изида больна.

17.XII. Во-первых, Т. — энтелехия всех нас пяти, преимущественно же Ш., Л. и моя, то, что сказала Т. в июне, — общая суть, ноуменальная суть. Я почувствовал это в декабре 1963 г., когда бывал у Т. после кладбища, но не зафиксировал, то есть не осмелился подумать, поэтому забыл. В апреле 1967, когда была Г. <Викторова>, почувствовал тогда же и то же, что сказала Т. в июне: Т. и я — мы вместе члены одного и того же ордена, понимающие друг друга с полуслова, даже взгляда. Но

---

* Здесь и ниже многоточием отмечено зачеркнутое Т. Липавской.

может ли быть ноуменальное отношение без исключительно личного, не станет ли равное отношение ко всем, даже равная любовь ко всем — безразличием ко всем? Тогда

во-вторых, Т. стала для меня, как дьяконисса Фива для апостола Павла, как Екатерина для Сузо. Не стала, а всегда была, и я понял это снова. Но кем была дьяконисса Фива для апостола Павла, мы знаем только из человеческого предания, о Екатерине же я писал в «Взгляде»: не была ли она наиболее хитрым соблазном для Сузо? Но ведь я не апостол Павел и даже не Сузо — я не мог вместить, и был один соблазн, а стал другой — так я думал в начале неслучайной случайности. А затем уже не знал, что думать, ничего не думал. Я знал, что Т. снова, окончательно и прочно вошла в меня. Когда, потеряв лестницу Иакова, с 1964 г. я стремился к соборности, я искал ее не там, где мне завещано и повелено искать, и не нашел. Невидящий взгляд научил меня ничего не ожидать и ничего не желать. Но с неслучайной случайности я снова стал и желать и ожидать.

В-третьих. И здесь я виноват перед Т., нарушив серый покой и дав черное беспокойство. Мой монофизитизм не оправдание, потому что и вина без вины — моя вина, наибольшая. Вина двойная: зачем снова пожелал и ожидал? Ведь ноуменальные отношения...* Я неверно сказал: ...не я их начал, не я снова бросился к Т. — меня бросило к Т., Бог бросил меня к Т., а виноват я... И еще: за то, что ко всем, кроме Т., омертвел, и прежде всего моя вина за 3 декабря.

Я повторял за апостолом Павлом: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня, и я для мира. И все же желал и ожидал. Чего — только ли соборности? Но я искал не там, где надо, и были соблазны. Тогда мне был послан невидящий, пустой взгляд. Я перестал ожидать и желать. Но потом снова пожелал и стал ожидать. Я имею в виду ожидание, о котором уже писал: оно противополагается надежде (апостол Павел). Вероятность ожидаемого больше нуля и меньше единицы, вероятность надежды имеет только два значения: 0 и 1. Ожидаемое — человеческая суета, надежда — Божественное безумие. Опустошенный, невидящий взгляд освободил от первого. Но тень его осталась — моя вина перед Т. Я стал искупать ее. Но снова в грехе. И снова ожидание и желание. Я ушел от одного греха и попал в другой грех. И даже не знаю, что мой грех: пртр** или монофизитизм.

18.XII. Т. несколько раз повторяла: но ведь то, что я сказала о «Наташе и Куприянове», все мои записи — чисто личное, что там может быть интересного для других, не только для тебя, но для других?

---

* Здесь и ниже многоточием отмечено зачеркнутое Т. Липавской.

** Так автор обозначал некие телесные ощущения.

Не только в искусстве или философии, может, и в науке если что и интересно, то потому, что в основе лежит личное. Кант был педантом и писал педантически школьным языком, но все три «Критики» поэтичны, даже в «Критике чистого разума» чувствуется, что все мысли, сказанные там, не продуманы, а именно пережиты, мучительно пережиты. Его философия именно субъективна, абсолютно субъективна, а потому и абсолютна. Объективность же — абстракция, пустые слова. Книга К. Барта именно объективна, поэтому не абсолютна, просто ничто.

В личных записках Т. — абсолютная субъективность, личное, которое не только личное, а абсолютное — свидетельские показания.[28] И как сказал Ш. по другому поводу: если она этого не знает — тем лучше.

Вчера я был у Т. Две недели фактически я не видел Т. — в прошлый раз почти не был с ней один. И дошел до какого-то полного опустошения. Как Антей, прикасаясь, получаю вновь силу.

19.XII. Жизнь я продумал, а мысли пережил. Весной 1911 г. появилась мысль, сознание себя, а за ним еще очень смутно сознание Бога. Затем 1920 г. — после доклада у Лосского, затем конец 20-х — «Щель и грань» и Евангелие — разделение мысли и жизни, дивергенция. С 17.VIII.34* — смерть, банкротство, лестница Иакова — начинается конвергенция мысли и жизни. И все же до 12.I.62** преобладала Existenzlehre. Затем промежуток до 16.X.63*** , после чего — жало в плоть, поиски соборности, то есть ноуменального ты, поэтому то, что писал, уже не Existenzlehre, a Existenzmitteilung. И снова банкротство, зафиксированное в «Вйдении». Банкротство — главная религиозная категория — «Так говорит Всевышний, Святый: Я наверху в святилище, близ сокрушенного сердцем, смиренного духом, чтобы поднять дух смиренного». Затем неслучайная случайность, предвестники ее — встречи в марте—апреле 1967 г. Так я нашел свое ноуменальное **ты**. Не я нашел — нашлось, Бог дал мне его увидеть, просто Бог дал мне его — ее.

Конвергенция мысли и жизни и усиление Existenzmitteilung проявились в жизни — бесконечным интересом к Т., в мысли — интересом к антропологии и метатеологии, причем не абстрактно и не только теоретически, а экзистенциально: мое место в трансцендентной ситуации, в которую меня ввел Бог, место и смысл нас пяти, энтелехия которых — Т. И это снова ответ Т.: ее записи метатеологичны, для нее они — ее жизнь, для другого станут пониманием его жизни.

---

* День смерти отца.

** День смерти Н. А. Друскиной.

*** День смерти матери.

Раз я сказал Л.: свидетельские показания, я имел в виду свидетельские показания общественной жизни. Сейчас меня интересуют свидетельские показания личной жизни — экзистенциальная практическая антропология и метатеология.

22.XII. В «Взгляде» все же, кажется, есть и ошибка. Труднее всего познать себя самого. Может, я хочу только оправдать себя самого? Ведь я мог бы найти в Т. своеты и без пртр. Но что значит «мог бы»? Если не смог, значит и не мог. Ведь вместить и до этого я все же не мог. В «Взгляде» я правильно указал на соблазны в двух экстремальных случаях, на само противоречие любви в отношениях учитель — ученик, мужчина — женщина, но все же я там осудил Сузо в его отношениях к Екатерине, но главная ошибка не эта: я все же не понимал или не до конца понимал отношения любви, которая не может быть без некоторого соблазна — в «Ви́дении» я понял это. В «Взгляде» я заметил соблазн, но не видел ноуменальности отношения, в котором соблазн по необходимости неизбежен. Вместе с грязной водой я вылил и ребенка.

Что это — то, что я сейчас записал, — моя слабость? Да, но моя слабость — моя сила: «когда я немощен, я силен».

23.XII. С 16.X.63 я все время спорю с Богом: как совместить мою любовь к Нему с любовью к сотворенному Им: раньше — к моей лестнице Иакова, когда она стала моим жалом в плоть, теперь — к моей двери в жизнь. Но ведь пока лестница Иакова не стала жалом в плоть, споров не было, наоборот, было полное единство, даже тожество, например ночью у Екатерины Ивановны на даче* . Почему же сейчас я оправдываюсь и спорю? Потому что то, что я писал с 16.X.63, на первый взгляд трудно совместить с тем, что началось с неслучайной случайности. Я почти ушел из жизни, а сейчас вернулся. Но действительно ли ушел, не было ли соблазнов? И действительно ли вернулся? Не ушел, и соблазны были. И вернулся только к Т., остальная же жизнь еще больше Господом моим Иисусом Христом распята для меня, и я для нее.

25.XII. Вчера я звонил к И. <Блажкову>, его не было, подошла О. К.**, говорила целый час, после чего вторую ночь плохо сплю. Я сказал Т.: как Антей, прикасаясь к земле, получал силу, так я прикасаюсь к тебе. Сегодня ночью думал: я не только Антей, я Атлант, поддерживающий плечами землю. На моих плечах сейчас и Ш., и Л., и Д. И., и Н. М., и Т., на моих и на плечах Т. Это не значит, что я или Т. только историографы или издатели их вещей. Когда я писал «Видение», я

---

* См. запись с примечанием на стр. 20.

** Ольга Кирилловна Блажкова — мать И. И. Блажкова.

не думал о них, но, и не думая, — думал и совершил общее положенное нам дело. И также Т. в своих записках. Когда в августе 1958 г. я закончил первую часть ТФТ, я подумал: исполнил долг, завещанный от Бога мне, грешному. Прошло 10 лет, но он еще не исполнен. И как бы ни было записано то, что я пишу в этой тетради, все это — продолжение того же самого долга, и неслучайная случайность — тоже. Я подхожу к каким-то истокам, где человек соприкасается с Богом, соприкасается в самом сокровенном. Самое главное — Бог. Но если Он не станет для меня, лично для меня, самым главным во всем и в самом личном и интимном вплоть до моей вины без вины, до моего греха и греха монофизитизма, то это еще не Бог, а абстрактная идея. До неслучайной случайности еще оставалось что-то, хотя бы соблазны, где не было Бога. Сейчас Он и в соблазнах, тогда они уже не соблазны, и во всем — всё во всем. Он давал мне осознать Себя в каких-то редких состояниях. Сейчас их нет, но есть другие. Но и в Его отсутствии Он есть, и Он все время дает мне осознать Себя, хотя бы в моих спорах с Ним, уже не абстрактно, а экзистенциально в моем грехе, в моей вине без вины, в неслучайной случайности, в том, что мне открыла и открывает Т., в преддверии к жизни. И сейчас я уже действительно стою перед принадлежностями чего-либо, не абстрактно, не мысленно, а экзистенциально. Жизнь и мысль о жизни сомкнулись, почти отожествились.

28.XII. Вчера был Ал<ександров>, я показал ему Тамарину «Бухту Барахту»* , ему очень понравилось, он сказал: здесь виден отсвет, отражение Введенского. Кто на ком отражался? Надо различать: личное отношение Ш. к Т. и его вещи. В его вещах 1926—1928 гг. отношение к теплу и нежности, вообще к чувству совсем другое — ироническое отражение и отстранение. Только после 1930-го или 1931-го года появляются первые намеки на чувство, на тяготение к чувству: «Очевидец и крыса», «Четыре описания», «Ковер Гортензия». В «Куприянове и Наташе», написанном до 1933 г., прощание не только с Т., но и с бытом и с чувством; может, и в жизни. И только в «Разговорах» <«Некоторое количество разговоров...»>, «Елке <у Ивановых>», «Элегии», «Потец»** местами уже ясное тяготение или, скорее, тоска по чувству: «в пустом смущеньи чувства прячем»***.

К метатеологии Введенского: его отношение к Т. и его стихи. Это могла бы разъяснить только Т. В 1920 г.: «я верю в одну звезду», после 1931: «я верил в одну звезду». Может быть, до 1931 у Введенского тоже

* Записки Т. Липавской. См. примеч. 28.

** Все перечисленные произведения А. Введенского см.: *Сб.* Т. 1. Также см. примеч. на стр. 236.

*** У А. Введенского («Элегия»): «в пустом сомненье сердце прячем».

было расхождение между жизнью и мыслью о жизни, после 1931 начинается конвергенция, в чем она выражалась, тоже могла бы сказать только Т., Галя <Викторова> — вряд ли.

29.XII. Когда я занимался структурным анализом — Бах, Веберн, Введенский — он никогда не был для меня самоцелью. Когда я показывал Браудо* анализ первой инвенции <Баха>, он прервал меня именно там, где надо было (Conf<utatio>** — a-moll), и сказал: здесь у Баха Бог. Именно это и было целью моего формального структурного анализа: найти основную интуицию музыки Баха, объясняющую и формальное строение вещи. Порядок анализа: основная идея или интуиция Баха → структурный анализ → новое, ясное понимание музыки. Основная идея у Баха — религиозная: S. D. G. Но тот, кто ее не знает, может смутно чувствовать ее, но поймет и ясно почувствует только через структурный анализ. Поэтому практически начало анализа — структурный анализ. И так же с Введенским: структурный анализ необходим для того, чтобы понять, как основная интуиция — время, смерть, Бог (с его же собственных слов) реализовалась в его вещах, тогда и вещи его станут не только понятнее, но их лучше и глубже почувствуют. Структурный анализ — формальный и дает только формальное понимание, но необходим для ноуменального понимания. Только личные встречи с автором, общие цели могут иногда заменить формальный анализ. Но сейчас меня интересует другое — то, что я назвал метатеологией, это уже самая глубина личности — сокровенный сердца человек. Здесь и происходит встреча человека с Богом. Это абсолютная субъективность — то, что я записал вчера: дивергенция чувства (жизни) и творчества до 1931 г. и конвергенция — после 1931. Так я предполагаю и у Шуры, доказать это может только Т.***

*29.XII.*** Искренняя ложь или лживая искренность: человек говорит или думает одно, а за этой сознаваемой мыслью скрывается другое — несознаваемая мысль, просто желание оправдать себя перед собою, тогда просто забывается то, что было раньше, что думал, говорил или делал. Можно ли увидеть искреннюю ложь на себе самом? Мне кажется, нет. Но можно сократить в себе искреннюю лживость до некоторого минимума, если поймешь до конца, что во мне самом заклю-

* И. А. Браудо (1896—1970) — известный пианист, органист, баховед.

** От первоначального значения глагола confuto — сдерживать, останавливать, унимать (*ит.*). См. библиогр. [5, 30]. «Обнаружение confutatio — открытие Я. Друскина» (из предисловия М. Друскина к болгарскому изданию).

*** Далее приписка Т. Липавской: «в записных книжках Д. И. сроки точно указаны, т. е. когда Вв. написал К. и Н. <„Куприянов и Наташа“>».

**** Так, дата повторяется.

чены все грехи и пороки, хотя бы потенциально, поэтому не можешь судить другого: не судите, да не судимы будете. Шура никого не судил, поэтому его искренняя лживость была доведена до минимума.

И. <Блажков> после моего разговора с О. К. <Блажковой> не звонит мне уже неделю. Ситуация: Г. <Мокреева>, И., О. К. Может, из них троих меньше всего искренней лжи и лживой искренности было у Г., тем больше моя вина, уже не без вины, а с виной.

1969

1.I. И ужас объял всех; и славили Бога, и быв исполнены страха, говорили: чудные дела видели мы ныне (Лк. 5, 26).

Вот что мне открылось сегодня, когда утром я взял Евангелие и открыл его наугад.

В понедельник я был у Т. Т. сказала мне много неприятного, даже язвительного. И хотя внешне, формально, Т. была не права, по существу и ноуменально — права. Мне очень хочется позвонить Т. Но во всяком случае до пятницы или субботы, а может, и понедельника, звонить не буду.

Решив не звонить до понедельника, я сразу же пошел и позвонил Т. И чудные дела увидел я.

2.I. Меня удивляет, когда я читаю, что жизнь есть желание, стремление, побуждение и т. д., причем выражено это в односторонне категорической форме. Мне кажется, что желание, стремление и т. д. если не всегда, то часто, во всяком случае если очень сильно желаешь, связано с антижеланием, антистремлением или хотя бы с некоторым страхом осуществления того, что желаешь, с страхом жизни и страхом ничто. Последний страх и в возможности осуществления желания как уничтожения предыдущего состояния и в возможности неосуществления, в самой возможности.

3.I. То, что я вчера записал, ясно в некоторых случаях наиболее сильного желания, например сейчас. Вчера Т. сказала, что сегодня не придет. Прав я или не прав, но я связал это с тем неприятным, что Т. сказала мне в понедельник, что я понял как желание вернуться к серому покою, к нудности вместо трудности, зачеркнуть все, что было с 5.VI и даже раньше. И вот, если бы Т. сейчас позвонила и сказала, что придет сейчас, я был бы, конечно, очень рад, и в то же время я заметил, как мелькнул страх: страх осуществления желания, страх действия, страх перед жизнью, потому что Т. — дверь в жизнь сейчас; да и всегда,

единственная дверь в жизнь. Поэтому мелькнувший страх был именно страхом жизни, страхом осуществления того, что я больше всего хочу сейчас. Конечно, можно назвать меня неврастеником или невротиком, но еще Достоевский сказал: если привидения являются только ненормальным людям, то из этого не следует, что их нет, а только то, что они являются только тем, кого мы называем ненормальными. И также погрешность жизни, небольшую погрешность в некотором равновесии, видит только тот, кто сам и есть эта погрешность, тот, в ком она реализуется в достаточной мере, больше, чем в других людях.

Пусть будет некоторая ситуация X_1 в период времени t_1. В течение этого времени ситуация X_1 перешла в ситуацию X_2. Ситуация X_2 продолжалась некоторое время — t_2. Затем ситуация X_2 по внутренним законам своего развития должна была перейти в ситуацию X_3, но не перешла. Наступил новый отрезок времени — t_3. Ситуация X_2 стала ситуацией X'_2, но все же не перешла в ситуацию X_3. Я все же оставался акциденцией трансцендентной ситуации X'_2...* смог... перевести ее в ситуацию X_3. Я не субъективно, а ноуменально побоялся перевести ситуацию X_2 в ситуацию X_3, остановился на полпути. Это моя вина без вины, тем большая, что без вины. Наступил конфликт между ситуацией X'_2 и временем t_3, требовавшим перехода ситуации X_2 в ситуацию X_3... Наступил новый период времени: t_4. Предположим, я... переведу ее в ситуацию X_3. Но время сейчас другое — t_4, разрыв между ситуацией X_3 и временем t_4 все равно останется: то, что не совершено в свое время, уже не может быть совершено в другое время — я опоздал. И все же я верю, что невозможное для человеков возможно для Бога, и невозможное совершится.

5.1. Между абсурдом и неразрешимым противоречием, может быть, нет никакой разницы. Круглый квадрат — абсурд. Этот абсурд можно выразить и в виде антиномии:

А. Квадрат — фигура, образованная четырьмя равными отрезками прямой, пересекающимися под прямыми углами.

Б. Квадрат — фигура, образованная замкнутой кривой, все точки которой равно удалены от одной точки — центра.

Абсурд не Б, а одновременное признание и А и Б. Чисто семантически понятие Богочеловека такой же абсурд. В языческих теофаниях противоречия преимущественно разрешаемые или эмпирические несообразности, так как понятие Бога недостаточно радикализировано. Если же:

---

* Здесь и ниже многоточием отмечено зачеркнутое Т. Липавской.

А. Бог	Б. Человек
1. Чистый дух.	1. Телесно-душевно-духовное существо, то есть не чистый дух.
2. Не сотворен.	2. Сотворен.
3. Бесконечен и вечен.	3. Конечен и, во всяком случае в этой жизни, — временный,

то А и Б также несовместны, как круглое и квадрат. Потому что в христианской теофании Бог, и став человеком, остается Богом. Это такой же абсурд, как круглый квадрат, как равенство 2=1. Такой же абсурд Троица: 3=1 (символ Афанасия). Семантически — это абсурды, то есть бессмыслицы; реально, то есть религиозно, — истины, истинные реальности.

Ситуационная бессмыслица, по всей вероятности, сведется тоже на семантическую, потому что бессмыслица, как и смысл, понятие семантическое.

Антиномия

А. Я не могу принять бесконечную ответственность.

Б. Я не могу не принять бесконечную ответственность — тоже семантически — абсурд. Но толкование этого абсурда как моего состояния в рабской свободе выбора и вины без вины — осмысленная бессмыслица. И все же не вполне осмысленная — понятие рабской свободы, то есть несвободной свободы, тоже бессмыслица. Но я реально ощущаю эту бессмыслицу как мое состояние в грехе, тяжесть и боль бытия, проклятие.

«На обоях человек, а на блюдечке четверг»* категориальная бессмыслица? Неправильное соединение пространственной (блюдечко) и временной категории. Но и здесь возможна семантическая редукция:

{ А. На блюдечке могут лежать только материальные предметы.
{ Б. На блюдечке лежит нематериальный предмет (день недели).

Введенский о критике разума более радикальной, чем Кантова.

Классификация бессмыслицы у Введенского — три тетради**.

Можно и так:

{ А. Место четверга, как дня недели, только во времени.
{ Б. Место четверга на блюдце, то есть в пространстве.

Абсурд, или бессмыслица, всегда понятие семантическое, то есть отношение слова или знака к обозначаемому. Но Слово стало плотью. Тогда бессмысленное слово, то есть бессмыслица стала пониманием моего существования, так как вочеловечение Слова алогично. И это тоже нельзя понимать иносказательно: если крест — соблазн для воли,

---

* См.: Введенский А. Мир // *Сб.* Т. 1. С. 454—456.

** Личный архив. См. также библиогр. [31].

безумие для разума и Божественное безумие посрамило человеческую мудрость, то только семантическая бессмыслица высказывает экзистенциальную и онтологическую реальность (косвенная речь, Кьеркегор). И здесь остается только один соблазн, а не как обычно два, потому что те, кто ищет смысл в смысле, в осмыслении бессмыслицы (Гуссерль, Wesensschau), не впадут в этот соблазн: осмысляя фактическую бессмысленность, уничтожают ее, возвращаются к человеческой мудрости. Поэтому остается только соблазн имманентизма и релятивизма — Хайдеггер, Сартр, Камю. Но если звезда бессмыслицы не Божественное безумие, посрамившее человеческую мудрость, то она станет только другим полюсом человеческой мудрости: бессмыслица без абсолютности, без абсолютно алогичного личного Логоса — релятивизм и психологизм, и также абстрактна и сомнительна, как и безличный рациональный логос, хотя бы его и писали с большой буквы, также абстрактна, как и рациональный абсолютизм.

Различие бессмыслицы неосмысленной (круглый квадрат) и quasi осмысленной (Богочеловек, вина без вины, несвободная свобода, мое существование) не в том, что первая бессмыслица семантическая, а вторая — экзистенциальная и онтологическая, но только в содержании. Всякая бессмыслица — семантическая категория, но квадрат и круг существуют только в мысли, а Бог и я — реально. Только поэтому абсурд 1-го рода только семантический, а 2-го рода — семантический и экзистенциально-онтологический: алогичное слово, высказывающее абсолютную, а не относительную реальность, то есть в конце концов — Само алогичное Слово.

7.1. Когда я иногда читаю современные книги по философии и теологии, я вижу, что то, о чем я думаю и пишу, думают и пишут и на Западе. И все же я нахожу очень небольшое для несведущего, а на самом деле очень большое отличие. То, что они пишут, иногда **почти** то же, что я думаю и пишу. Но это **почти** и есть отличие самой последней истины от самой последней лжи, Христа от антихриста. Ведь антихрист — **почти** Христос, **почти** и есть самая большая ложь. Они тоже сейчас все время говорят, что философия — это философская антропология, некоторые даже — теоцентрическая антропология. Они полностью приняли бы, а может, и сами поняли бы мое применение христологии к антропологии. Но и это тоже было бы **почти**. Из того, что я читал и знаю о них, я предполагаю, что, применив христологию к антропологии, они перешли бы почти незаметную, но очень точную границу возможного и допустимого и свели бы христологию **только** к антропологии, то есть к иносказанию, как это понял и Ал<ександров>, когда я говорил ему о христологических диспутах 4—6 вв. Но переход этой незаметной, но точной границы и есть ересь — несторианства или

монофизитизма: имманентизм и психологизм или абстрактный трансцендентизм — другой полюс имманентизма (Гуссерль — Wesensschau, К. Барт — абсолютное трансцендентирование Бога, но абстрактное настолько, что фактически Его уже нет). Несторианство не обязательно имманентизм, монофизитизм — не обязательно трансцендентизм. Несторианство, начиная с чрезмерного разделения, приходит к абстрактной трансцендентности Бога (К. Барт): отделяя неслиянность от нераздельности, абстрактно имманентизируя человеческую природу, отдаляя Бога от человека, приходят к абстрактной трансцендентности Бога. Монофизитизм, отделяя нераздельность от неслиянности, начиная с абстрактного трансцендентизма приходит к имманентизму — гипостазируя понятие, разум, сущность, волю. Пример: Фейербах — вторая главная заповедь, Кьеркегор — первая; то, что я уже писал: от Фейербаха через Маркса к Сталину, от Кьеркегора к Сартру. Или: историзм приходит к утверждению историзма историзма — Гадамер, философы, философствующие ни о чем. Если христология только иносказание, то и применение ее к антропологии не абсолютно: только иносказание и психологизм; если нет личного Бога, то и моя личность — только абстракция и иносказание. Другой соблазн: отделять меня существующего от меня думающего и философствующего. Поэтому и последняя тетрадь этих «Принадлежностей» между восьмой и десятой тетрадями — я буду обозначать ее 8/10 — как бы она ни была написана, существенна и важна не только для меня, но и для философии и теологии; и особенно для метатеологии. Не только в тех частях, где я пишу о христологической антропологии, абсурде и пр., но и в чисто личных записях, потому что не только я, но и всякий человек живет в трансцендентной ситуации, его душа принадлежит не ему, а Богу, как и я, он призван к тому, чтобы понять свое место в трансцендентной ситуации или, что то же, перестать быть ее акциденцией и стать ее субъектом, вину-culpa перевести в вину-causa. Эта задача — дважды двойная, как и две главные заповеди: во-первых, к Богу и к ближнему, во-вторых — от Бога и к Богу. Последнее я понимаю так: без Его воли и волос с головы моей не упадет, значит все совершает Он, а виноват я. Понимание моей вины — через Христа. Теоретически — применение христологии к антропологии, практически — вера в Христа.

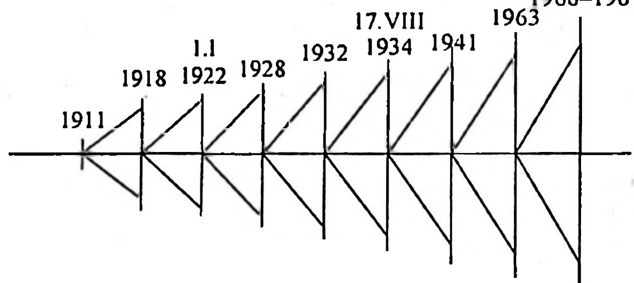
Дилемма: или от всего отказаться, даже от того, что считается самым высоким, — от своего разума, или честно признать, что «все мои помыслы от юности моей к злому», что «грех я и все мои помыслы грех»* , что и в жизни и в мыслях я не христианин, а язычник, если

* Автоцитата. См. библиогр. [31], с. 660.

не хуже. Так как первое ни для кого невозможно, то я христианин только тогда, когда пойму, что я не христианин, я смел только тогда, когда увижу и признаю свою трусость. Больше всего ума надо, чтобы понять свою глупость, больше всего праведности, чтобы понять свою неправедность, больше всего смелости, чтобы понять свою трусость. Это возможно только для того, кто уязвлен Христом. Чем жить почти по Христу и лицемерно успокаивать себя, что живешь или приближаешься к жизни по Христу, лучше прямо сказать: да, я живу и думаю, как язычник; и тосковать по Христу. Уязвленный Христом знает, что он не христианин, и тоскует по Христу. Христианство и есть тоска по Христу, и пока живешь — не больше. И Христос сказал: в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии. Христос сказал: кающемуся, а не покаявшемуся, покаявшийся уже не грешник, а праведник.

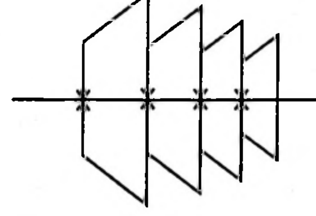
И апостол Павел сказал: ты думаешь, что стоишь? бойся, как бы не упасть.

8.1. Я написал, что конвергенция началась с 17.VIII.34 г. Это схематично и не совсем верно. Ведь Георг пришел в 1932 г., он же указал мне на ложь дивергенции — разрыв между тем, что я пишу, и тем, что я есть. И еще до этого, в 1928 г. — «Душевный праздник», — я понял то же самое. Может, все время происходит какое-то возвращение к себе? Тогда так:

Но так получается скорее увеличение радиуса жизни, а не конвергенция.

Тогда, может, так:

В каком-то смысле обе схемы верны: несомненно, радиус жизни расширяется и, несомненно, происходит конвергенция. Поэтому я сам разрываюсь.

12.1. A. Besitztrieb.*
B. Sexualtrieb.**
C. Machttrieb.***
D. Selbstbestimmungstrieb — eigentliche Existenz.****

А. Даже как незаинтересованное обладание знанием — эрудиция, начитанность — меня в общем тоже не интересовало, к тому же и память у меня направленная, а не общая, обладание же имуществом («приобрел») совсем не интересовало никогда.

B. Было и есть, может, даже сильное, но в уродливом монофизитском проявлении.

C. Во внешнем — нет. А во внутреннем? Как скупому рыцарю, мне было достаточно сознания возможности власти, причем только интеллектуальной — стеклянный корабль: я построил новый мир, я все могу, мне достаточно было этого «могу».

D. Стеклянный корабль, «могу» и было моим самоопределением.

Так получается при внешнем анализе — profanum. Я говорю здесь не столько о том, что писал, но что я чувствовал, когда писал. Если мне возразят, что это был самообман, то я спрошу: а зачем я обманывал себя? Ведь до 1941 г. и моим четырем читателям я показывал очень немногое из того, что я писал, — я считал, что это еще не готово. А с 1941 г. до 1964 вообще никому не показывал. Если я себя не обманывал, то только потому, что я действительно стремился к тому, что может показаться самообманом. Если же я действительно стремился, то, значит, не обманывал себя. Ведь я имею в виду не содержание и не так называемую объективность того, что я писал, а именно мое чувство и стремление — Grundtrieb***°.

Если в «Вестниках» я писал о воздержании от суждения, то я действительно видел некоторую абсолютную реальность во внутреннем молчании — Epoche, то есть не в Selbstbestimmung**°°, а именно в Nichtselbstbestimmung*°°°. Если, закончив «Квадрат миров», я записал: теперь я пуст и чист, почти чист, то действительно, заканчивая вещь, я ощущал какое-то опустошение, Божественное опустошение, об этом же

---

* Стремление к обладанию, инстинкт обладания (*нем.*).

** Сексуальное стремление, сексуальный инстинкт (*нем.*).

*** Стремление к власти, инстинкт власти, властный инстинкт (*нем.*).

**** Стремление к самоутверждению, инстинкт самоутверждения — подлинная экзистенция (*нем.*).

***° Основной инстинкт (*нем.*).

**°° Самоопределение (*нем.*).

*°°° Несамоопределение (*нем.*).

я писал и в «Рассуждении о несуществующем»*, это было Божественное ничто, я действительно чувствовал, как писал позже, что я что как ничто. Что это — Selbstbestimmung или Nichtselbstbestimmung?

А стеклянный корабль? Это некоторое удовлетворение. От чего? От ощущения некоторой абсолютной прочности и твердости. Не примешивалось ли некоторое тщеславное удовлетворение оттого, что именно я написал? Во всяком случае это не было главным — ведь никто не знал, что я написал, конкретно после 1941 г. я никому и не собирался показывать. Но написал ли я или только записал? Не в этом ли различие низкого и высокого стиля? В низком — я пишу, в высоком — записываю то, что только проходит через меня. Гордился ли, что проходит именно через меня? Была ли полная нищета духа? Может, и не было. И все же если только проходит через меня, то не Selbstbestimmung, а Nichtselbstbestimmung.

Сегодня все утро грызет в груди. Что это? Если не связано с чем-либо определенным, то ощущение какой-то переполненности своей собственной грязью, своей Selbstheit. Когда что-то пройдет через меня и я опустошусь, оно проходит. Большей частью, когда напишу что-либо, даже в этих тетрадях, или хорошо помолюсь, то есть выскажусь. Перед кем? Если только перед самим собою, то не проходит, перед самим собою именно грызу себя. По-видимому, есть разница — как я высказываюсь. Если очищаюсь, то есть радикально высказываюсь, полностью, то это уже, по-видимому, не перед самим собою и не я сам высказываю себя. Я сам грызу себя самого, могу ли я сам освободиться от себя самого? Тогда — перед Богом, и Он освобождает меня от меня самого: «Мы не знаем, о чем должно молиться, Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за нас». И когда пишу, особенно вещь, всегда есть ощущение независимости вещи от меня, ее внутреннего строения, архитектоники, которую мне надо угадать, увидеть, поэтому, продолжая писать начатую вещь, прочитываю уже записанное, в нем уже заключена форма целого, самое целое.

А эти тетради? Но если моя душа принадлежит не мне, а Богу, то и в этих тетрадях я не пишу, а записываю то, что Бог дает мне увидеть в моей душе, саму мою душу, принадлежащую не мне, а Ему. Поэтому и здесь нет Selbstbestimmung и моя eigentliche Existenz заключается именно в моей Nichtigkeit, Uneigentlichkeit, в Uneigentlichkeit meiner Existenz** , потому что Eigentlichkeit и eigentliche Existenz принадлежат только Богу, а я — что как ничто.

---

* То есть в «Формуле несуществования».

** В неподлинности моей экзистенции (*нем.*)

Когда я утверждаю Nichtselbstbestimmung — это не отрицает моей вины и ответственности. Наоборот, и вина и ответственность бесконечно возрастают именно потому, что они в конце концов не зависят от меня, от моего поведения, желания и мнимых заслуг, они бесконечны, потому что возложены на меня Богом, и тем более что я сам ничего не могу сделать — Он все делает, а я виноват. Selbstbestimmung — в сознании своей вины без вины, в вере, в вопле и покаянии, которые опять-таки дает мне Бог, Selbstbestimmung в моей Nichtselbstbestimmung, в Боге.

Основное разделение: есть ли разрыв непрерывности и единства в жизни сознания, в сознании или нет. Если есть, то и в психологии должны быть оставлены щели и промежутки, куда приходит Бог. Это по поводу Келера.

«Kontinuität und Einheit des Lebens...»* Именно Diskontinuität, разделение, разрыв жизни и сознания.

Как бы ни относиться к тому, что я сейчас написал, к тому, что я действительно, реально всегда ощущаю и чувствую, есть два взгляда на жизнь, определяемые словами: Selbst, Kontinuität или Nichtselbst, Diskontinuität, то есть **я сам** или **не я сам**, тогда Бог, и каждый из этих взглядов на жизнь и есть жизнь. И то, что я сейчас записал, — я именно записал, а не написал. Hypoteses non fingo.**

13.1. Хайдеггер иногда, может, и часто, говорит о том, что надо, но всегда не так, как надо. От этого я почувствовал сейчас на себе всю тяжесть бытия, тяжесть и боль бытия, почувствовал как-то особенно болезненно. Не оттого, что он говорит, а оттого, что он все время болтает, говорит не так и поэтому не то, что надо.

Я прочел у Хайдеггера: Gegend***. У меня в третьем «Разговоре вестников» — окрестность, причем в том же смысле. У Гуссерля: Epoche. У меня то же, но по-русски: воздержание от суждения. И снова в том же смысле: трансцендентальная редукция — религиозное обращение. Термин у меня и, очевидно, у него от Пиррона. У меня: чувствуете ли вы себя в жизни как дома? У Бубера не помню как, но смысл, даже слова те же. Я уже не говорю о таких терминах, как философская антропология. Случайности? Но слишком близко по смыслу и слишком часто. Но все эти совпадения только почти, несмотря даже на тожественность некоторых слов и выражений. Поэтому на мне сейчас вся тяжесть и боль бытия. Раньше я ощущал это, как стеклянный корабль. Но «с ускоряющимся темпом смерти» (Т.), с расширением радиуса жизни стеклянный корабль разбился. Осталась тяжесть и боль бытия.

---

* Непрерывность и единство жизни (*нем.*).

** Гипотез не измышляю (*лат.*). (Ньютон.)

*** Местность, область (*нем.*).

15.I. Вчера* у М. я выпил порядочно и говорил; и как это обычно бывает, уже давно, на следующий день невыносимое отвращение к себе, тем большее, когда говорил хорошо. С Галей <Уствольской> разговоров настоящих не было, только злословие по отношению к окружающим, и тем хуже, что удачное и ей понравилось. Это во-первых. Во-вторых, инцидент с М. Пусть я не прав. Пусть это было высокомерием с моей стороны. Пусть я сказал то, чего сознательно обычно ни о ком никогда не говорю: рака́. Но он мог ответить мне спокойно. Лида и Генрих <Орлов> поддержали меня. Положим, мы тоже не правы. Но его вспышка и обвинение всех нас явилась как бы отрицанием отрицания — оправданием нас, если мы даже и были не правы. В-третьих, разговор с Генрихом — слишком душевный. Во-первых, о М. М<ейлахе>. И опять мне это противно: зачем я говорю это, как недавно и в разговоре со Ст<ерлиговым>. Как будто я спрашиваю у них совета о М. М. А на самом деле просто хвастаюсь, даже тогда, когда говорил, что в сущности не он, а я виноват; просто я говорил: я хороший, а он плохой. Генрих сказал: всегда есть дурак, перед которым не дурак должен высказаться, чтобы понять себя самого. А я еще подтвердил: да, я понял «Вестников» лучше, чем 35 лет тому назад, когда писал их, и также Тр. Ф. Б. <«Трактат Формула Бытия»> лучше, чем 25 лет тому назад. Зачем это надо было говорить? Водка тоже не оправдание. Затем второй разговор с Генрихом о «Ви́дении», об основной антиномии и о том, почему наши встречи прекратились. Все это лишнее, ни к чему, и я боюсь, что снова начнутся встречи, та же ложь, не сознательная, а ноуменальная, даже не это — какая-то магнитофонная ложь. Я знаю свою греховную замкнутость, только с Т. я освобождаюсь от нее, только с ней я — я.

Есть какое-то возвращение, возвращение к себе самому и в себе самом — к Богу. В Т. я возвращаюсь к себе. Опустошенный взгляд показал мне мою ложь, тогда я увидел в Т. свою энтелехию.

17.I. Лёнино возражение мне и Шуре (о роге, через который говорит Божество) он сам опроверг своими вещами. В. Иванов** сказал, что «Теория слов» интересная поэтическая вещь. «Наука доказала»*** проходит, и часто скоро, а поэзия остается и бывает, что через некоторое время, может, и не скоро, входит в то, что «наука доказала» впоследствии. Всякий человек рог, через который говорит Бог, может, ге-

---

* 14 января — день рождения Михаила Семеновича Друскина.

** Всеволод Вячеславович Иванов (1895—1963) — писатель.

*** См.: Введенский А. Некоторое количество разговоров // *Сб.* Т. 1. С. 500.

ний тот, который сознает это, может, это и отличает его от таланта. Не помню, читал ли я или сам думал, что всякое открытие делается внезапно, а чтение книг, собирание материалов, предварительные размышления и записи — все это только подготовление к тому, чтобы стать пустым рогом, убрать лишнее, что мешает мне услышать голос Бога. Можно не знать и имени Бога, важно понять, что я сам ничего не знаю, через меня что-то проходит, всегда одно и то же и всегда различное.

В ЭС* Т. написала, что время свободно течет через нее, просеивая все неприятное. Это тоже ощущение рога. Ведь обычно, когда никак или грызет в груди, время ощущается как что-то постороннее, тяжелое, задерживающее, мешающее. Время и грызет меня.

На Западе сейчас пишут книги под заглавием: Was ist der Mensch?** Дневник Анны Франк интересен не как антифашистский или социальный документ, а именно как личный: несколько человек, оказавшись изолированными от общества, перестали быть социальными существами, стали просто людьми — человеками. Анне Франк дано было записать свидетельские показания ее жизни. И также личные записи Т., ее письма, ЭС и др. — свидетельские показания.

Свидетельские показания жизни — вот что меня сейчас интересует, и прежде всего своей. А она переплетена с еще 5 жизнями помимо моей лестницы Иакова. Это ноуменально. И еще две. А остальные связи порвались.

18.I. Многообразие или многоликость Т., зафиксированные и ее фотографиями. Даже в каждой комнате она другая: та же самая в не том же самом. Многообразие многих измерений.

Н. Ф. Вчера снова что-то от Н. Ф.

*18.I.**** У В. А. <Каменского> инсульт, и В. В. <Стерлигов> сказал, что это результат того же ****. Снова моя вина, она растет, принося несчастье и другим. Глупо говорить, что было бы, если бы... Случайность не случайна. Что было — было, а виноват я. Было бы то, что было, если бы я позвал ее тогда, когда она позвонила мне в тот понедельник в 2 часа? Было бы иначе, если бы не было тогда И. <Блажкова>? Не знаю. Но вот и он втянут в эту ситуацию. Но я не позвал, значит виноват, независимо ни от каких ситуаций.

---

* «Эфирные состояния» (записки Т. Липавской, см. примеч. 28).

** Что есть человек? (*нем.*)

*** Так, дата повторяется.

**** Самоубийство Г. Мокреевой, ученицы, духовной дочери Каменского.

Почему я избегал звать ее? Потому что все связи порывались, Т. стала для меня всѣ и всё. Таким образом дважды виноват: и за то, что было, и за то, что оправдываясь, втягиваю Т., хотя она и не знала ни Г. <Мокреевой>, ни то, что она мне звонила. Не Т. помешала мне, я сам помешал и Г., и И., и В. А. И себе самому.

19.I. У Л<иды> болят зубы. Вернувшись к себе в комнату, подумал: а у меня не болят. Теперь я анализирую эту мелькнувшую мысль. За ней другая: у Лиды болят, а у меня не болят. А за ней снова другая, тайная: хорошо, что не у меня, а у Лиды болят зубы. В рефлексии и в свободе выбора я сразу бы согласился взять на себя боль, чтобы освободить от нее Лиду. Но ведь это в свободе выбора, то есть в грехе, непосредственно этой мысли не было. В конце концов это то же, что я раз записал:

у Островского один купец говорит: как хочется блинков поесть, хоть бы умер кто из знакомых.

Сейчас грипп. Я очень боюсь, чтобы не заболела Т. И здесь, кажется, уже вне выбора, непосредственно: уж если суждено кому из нас заболеть, то пусть я, а не Т. И также пусть не Л<ида> и не М., а я.

20.I. Глава из книги Померанца*. Все же он не определяет абсурда, то есть звезды бессмыслицы. Может, так: не единство A и $\overline{A}$ в третьем, а тожество A и $\overline{A}$ в $\overline{A}$, то есть во втором. Это применимо и к Лёниному иероглифу. Я возьму Лёнины примеры. Огонь, сидение у камина, смотрение на огонь. Огонь — A. Но то, что я при этом вижу, ощущаю, чувствую, совсем не огонь: $\overline{A}$. Omnis determinatio est negatio**. Но обычно — определенное и противоположение: не это, а то. Здесь же только не это, то есть ощущение, чувство, состояние, при взгляде на огонь в камине совсем не огонь, причем у каждого различное и все же то же самое в различном. Огонь здесь не символ, а именно огонь и как огонь — не огонь. Если я отойду от камина, само чувство-ощущение прекратится, останется только воспоминание о нем. Поэтому я и говорю, что огонь здесь не символ, а именно огонь и как огонь — не огонь, а некоторое душевное или духовное состояние. Определить его нельзя, можно высказать только неопределенным отрицанием: не огонь, хотя и огонь и как огонь — не огонь. Второй пример: въезд в город в «Мертвых душах». Третий: «Дама с собачкой» — пристань, дама, собачка, гуляние дамы с собачкой. Иероглиф всегда материализован, то есть матери-

---

* Померанц Г. С. Неопубликованное: Большие и маленькие эссе. Публицистика. Б. м.: Б. и., [197?].

** Всякое определение есть отрицание (*лат.*). (Спиноза.)

альный, материальная ситуация, и как материальный — нематериальный. Неопределенное отрицание только отталкивается от определяемого, но не определяет его, только говорит: смотри и, если есть глаза, увидишь. Что? Материальное, которое как материальное уже не материально, а духовно. Поэтому иероглиф не определяется, но может быть точно указан: не определение, не объяснение, а указание и обращение внимания, взгляд. Структурный анализ тоже только находит и обращает внимание и взгляд на иероглиф. Я пробовал делать это с вещами Введенского.

Померанц не знает различия определенного и неопределенного отрицания и онтологичности неопределенного, поэтому не знает и абсолютности абсурда. Осмысление абсолютного абсурда, то есть бессмысленности, в том, что я перевожу бессмысленность из одной формы в другую, бессмысленность, не имеющую ко мне отношения, в бессмысленность, имеющую ко мне отношение — к моей жизни, применяю ее к себе, тогда непосредственно чувствую ее как Божественное безумие, посрамившее человеческую мудрость — мою человеческую мудрость. То же самое и иероглиф: если я не ощущаю иероглиф как иероглиф моей жизни, определенного моего состояния, то я еще и не вижу его. Но все равно абсурд остается абсурдом, величайшей и блаженной тайной. Я не уверен, что Померанц это чувствует и понимает, хотя книга его очень интересна.

Опустошенный взгляд в «Ви́дении» — тоже иероглиф, ведь он был материальный — я видел его все время два месяца, и именно как материальный он был нематериальным. Вообще все мои вещи начинались с ви́дения какого-то иероглифа: «Вестники», «Мир перед Богом», «Формула несуществования» — в этих вещах я и сейчас помню иероглифы, из которых они возникли. Только понятие материальности надо расширить: это может быть и моторное ощущение, например гуляние в Александровском парке, дождь и солнце (третий разговор <вестников>) — здесь соединены моторные ощущения с зрительными. Но чисто моторное тоже может быть иероглифом, например тяжесть в груди, «грызет»; игнавия тоже ощущалась физически.

«Мир» Введенского я ощущаю вполне экзистенциально, то есть чувствую, он близок мне, но все же иероглиф последней строчки: на обоях человек, а на блюдечке четверг — не могу не только определить, но и сказать о нем что-либо. Может, здесь ничего и не надо сказать, это последний предел мысли; и это я чувствую.

Померанц не различает иррационального, то есть демонического, и арационального — звезды бессмыслицы.

Он релятивизирует абсурд, не понимая, что абсурд, как и Евангелие, — отрицание «мира сего». — Цитаты из Евангелия от Иоанна.

Евангелие на первый взгляд необычайно просто, его понимают все, даже логично, упорно логично; сама упорность его логична.

Но затем оказывается, что эта простота необычайно сложна, а видимая логичность — абсолютно алогична, абсурдна.

Индуистские религии дзэн — как раз наоборот. С самого начала, с первой фразы, они красивы, сложны, алогичны:

«Если вы спрашиваете, вы делаете ошибку, а если не спрашиваете, то поступаете вопреки» (дзэн). Именно так: вопреки чему — не сказано. Но дальше все как-то рационализируется: педагогика, психотехника и разумная психотерапия, чего абсолютно нет в Евангелии. В Евангелии нет никакой техники. Психотехника, психотерапия создается уже потом церковью и монастырями под влиянием индусской психотехники, отчасти — эллинской: Исаак Сирианин, Федор Студит, Симеон, а должно быть, и раньше, уже с 2-го, даже с середины 1-го века.

Евангелие абсолютно беспредметно и атонально: «негде приклонить голову». И наибольший абсурд, звезда бессмыслицы, что это «негде» оказывается самым прочным, твердым и блаженным местом.

21.I. Померанц, мне кажется, слишком образован, прошел определенную школу, поэтому недостаточно чувствуется абсолютная субъективность. *Нам повезло: мы — необразованные автодидакты.* Помимо Георга* и Алексеева**, у нас, в сущности, и не было учителей. *Даже Л. и я не прослушали ни одной лекции. Мы учились сами и друг у друга.*

Когда у меня раз были Хармсы***, Т. и Арб.****, Т. сказала О. Н.: я ученица Я. С. Учитель не только учит, но и учится у ученика. Если у ученика небольшая индивидуальность, то есть личность, то ученик не много даст учителю, если большая — много. Микельанджело сказал, что в каждом куске мрамора заключена идея единственной возможной скульптуры. Скульптор находит ее в неслучайно случайном куске мрамора, находит то, что уже ищет, но все же находит вне себя. Т. — наша энтелехия, мы нашли в ней, что искали. Мы создали Т. из того, что уже было заключено в ней, поэтому, создавая Т., создавались ею. В письмах, записках, ЭС стиль не Ш., Л. или мой, а собственный.

22.I. У Сократа, как известно, был демон, добрый демон-ангел, который его учил, от имени которого он говорил. У меня тоже есть демон. Но злой. Вернее, он добрый и злой. И еще вернее: он добрый, а я

* См. примеч. 13.

** С. А. Алексеев-Аскольдов (1871—1945) — философ, преподавал психологию в гимназии им. Л. Д. Лентовской.

*** Д. И. Хармс с женой — М. В. Малич.

**** О. Н. Арбенина-Гильдебрант — родственница М. В. Малич.

злой, поэтому его доброту воспринимаю как зло. Но в конце концов все же подчиняюсь ему: он подчиняет меня против моей воли, и, когда подчиняет, я вижу: он добрый, а я злой. В конце концов этот демон — Бог.

Вчера он или Он довел меня до состояния полного уныния, унижения, отвращения и омерзения к себе самому.

Когда лег спать, я думал

во-первых, о феноменологии. Чехов говорит: одна в уезде умная и та дура.* Гуссерль самый серьезный и честный философ из всех современных философов, и все же что дала его философия? Мой демон, или Демон, говорит мне: в «Вестниках», еще не зная Гуссерля, я совершил феноменологическую радикальную редукцию. В том, что я читал о Гуссерле (Финк, Хайдеггер, Келер и мн. др.) я нахожу только разговоры о феноменологической редукции, но не феноменологическую редукцию. Феноменологическая редукция, если она действительно есть, не в процессе, а в акте. Все они начинают с какого-то обыденного дофеноменологического сознания и затем производят редукцию. Во-первых, нет никакого общего дофеноменологического сознания. Оно бесконечно многообразно, как функция функций многих переменных, всего мира слов, и у каждого различна. Во-вторых, начиная сосвоего дофеноменологического сознания, феноменолог уже не может выйти из него. Сознательно или бессознательно он начинает с одной интуиции и завершает другой, первая предполагается дофеноменологическим сознанием, вторая — редуцированным. Но именно это дофеноменологическое начало и переход к редукции оставляет и вторую интуицию в дофеноменологическом сознании. Редукция не в результате перехода и не в относительном, а в абсолютном начале. В-третьих, ошибка объективности. Об ошибках объективности говорил еще Кьеркегор и, не зная его, Д. И. Феноменологическая редукция не объективна, а абсолютно субъективна, это и есть абсолютное начало. Включая свою интуицию в описание дофеноменологического сознания, феноменолог и остается в нем и уже не может выйти из него. Феноменологическая редукция именно в разрывности сознания, если не схватить ее сразу, то и останешься в объективной непрерывности дофеноменологического сознания.

Во-вторых, я думал о наших взаимодействиях. Частный случай — термин Л. Для Л. это именно термин — интуиция. Он научил меня этому. Может, и без него я дошел бы до неслучайной случайности, то есть до термина и понимания его, но во всяком случае не так, как дошел сейчас. Исследование «О несуществующем» <«Формулу несуществования»> я написал бы и без «Разговоров» <«Некоторое количество

---

* Чехов А. П. Дом с мезонином.

разговоров»> Введенского, но тоже не так, как написал. Д. И.: жертва, об этом я когда-то писал.

Н. М.

Название «Квадрат миров» пришло мне на ум, когда я вспомнил квадрат совершенств (сон Т.).

У Т. в Soliloquium* : «тот, кто сидит у изножия, может добраться до изголовия, но добраться до изголовия еще не значит попасть на вершину. Он все-таки остается у подножия». Я применяю это к себе и в узком и в широком смысле.

Сегодня после вчерашнего бесконечного унижения я снова ощутил в себе силу: не мою, а моего демона, или Демона, говорящего мне: жив Господь, жива душа твоя.

26.I. Я всегда думал и желал: или все, или ничего. В философии я не сделал многого из того, что предполагал сделать. Но зато сделал и то, о чем и не мечтал сделать: начало «Квадрата миров», «Формула чего-либо»** , «Формула несуществующего», «Ви́дение». Поэтому, кажется, могу сказать: в философии я желал всего или ничего и получил все. И в жизни я желал всего или ничего. В малом мире имел все, в сверхбольшом — может быть, в большом, — ничего. Летом мог получить, почти получил, но побоялся совершить невозможное. Mea culpa, mea magna culpa. От этого страх оборотня — 23.I.

14.II. Около месяца тому назад подумал: уж если суждено кому из нас заболеть гриппом, то пусть я, а не Т. И не Л<ида> и не М. И вскоре заболел. Почувствовал же себя вполне здоровым только вчера, после Т.

Избыток качественности — одно из непредполагаемых — предположение Бога (из Тр. Ф. Б. <«Трактат Формула Бытия»>). — К пониманию неслучайной случайности, перенесшей меня в трансцендентную ситуацию. Я экзистенциально понял в ней избыток качественности.

15.II. В третьей части Тр. Ф. Б. я ищу неизвестный ответ на неизвестный вопрос. Я ищу концентрическими кругами, сокращая область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос, и прихожу к области с наименьшим радиусом. Я назвал ее «Уклончивый ответ». И не

---

* Монолог, разговор с самим собой (*нем.*). Записки Т. Липавской, см. примеч. 28.

** Добавление I к части I «Квадрат миров» сочинения «Контрапункт, или Соблазны».

только ответ, но и вопрос остался несказанным, потому что разум, павший в Адаме, не может даже правильно формулировать и сказать главный для нас вопрос. Но область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос, сократилась до некоторого минимума: я подошел к окрестностям ответа на некоторый вопрос.

Венская школа говорит о действительных и мнимых проблемах. Но, может быть, самое главное — мнимые проблемы. Это самые главные для человека вопросы, которые он именно из-за грехопадения, то есть благословения, ставшего проклятием, не может правильно даже задать. Тогда задача философии и теологии заключается в том, чтобы ограничить область, в которой лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос, подойти к его окрестностям.

17.II. Вчера был И. <Блажков>, растерянный и печальный. И снова — mea culpa, mea magna culpa. Разговоры: встретиться ли ему с В. А. <Каменским>. Раньше я очень хотел с ним встретиться. Потом, после того, что Г. <Мокреева> летом рассказывала мне о нем, не хотел. Вот почему: с 25.X.17 начался век непорядочности. Тогда перед всеми уже реально встало то, что я когда-то назвал неприличным вопросом: действительно ли веришь ты в то, что утверждаешь. В этом смысл и оправдание революции: пришлось честно взглянуть на себя самого — внутрь себя самого. В век порядочности это трудно — слишком много поверхностно-красивого окружения. Если бы не революция, не пропало бы по крайней мере $^3/_4$ вещей Введенского. Но если бы не революция, он не написал бы и той четверти, которая сохранилась, то есть не написал бы так, как написал. Вряд ли В. А. понимает это. Я думаю, он видит только зло свершившегося, вряд ли понимает его как испытание и научение. Он живет в мертвой традиции православия. Он бесконечно чище меня, но мы говорим на разных языках, он — на языке до 1917 г., на языке порядочности — так я думаю, может, ошибаюсь. Я боюсь, что он позвонит мне и захочет встретиться — он знает мой телефон. Но сегодня, после разговора с И., подумал: пусть так будет, я покаюсь в моем грехе за Г.

Я легкомыслен, подло легкомыслен. Ведь я знаю свою вину за Г., но я ухожу от нее, убегаю, только иногда блеснет: я виноват, бесконечно виноват.

20.II. Кьеркегор прав: главное не Existenzlehre, а Existenzmitteilung. Все Священное Писание — Existenzmitteilung. Он прав, он был пророком. И все же не только пророком, но и философом и теологом. Тогда не прав — и у него есть Existenzlehre. Верно, что Existenzmitteilung высшее, но если к этому не готов, то претензия на исключительное

Existenzmitteilung — гордыня. И не случайно он отверг почти половину Евангелия и был жесток не только в евангельском смысле, но и в демоническом. Я так спорю с ним, потому что он мне ближе всех, споря с ним, я спорю с собой. А он спорил с собой? Он мучил себя, но спорил ли — не знаю.

Existenzmitteilung отчасти было и в моих старых вещах: «Вестники», диалогичность, рассуждения о системе как примере. Преимущественно же с 16.X.63. Сейчас с Т. у меня Existenzmitteilung. С 5.VI обостренное Existenzmitteilung — отношение к миру, к существующему, к моему Dasein, к моей Existenz. Все это сейчас экзистенциально связано с Т. Это чудо, что в безликом (как назвала его Т.) совершается наиболее личное Existenzmitteilung. Но в моем монофизитском уродстве и безликое лично: жест, взгляд.

Как-то я записал: полностью понять значит полностью принять, сделать своим, тогда полностью отвергнуть, понять и значит отвергнуть себя. Я убежден, что у Кьеркегора было монофизитское уродство — не случайно он игнорирует половину Евангелия — и это снова подтверждение моего применения христологии к антропологии. Но я в жизни отвергал вторую заповедь — моя некоммуникативность и несоборность, мой монофизитизм — мучаюсь, в Т. хочу принять ее. Мучился ли Кьеркегор? Несомненно мучился и мучил себя, но знал ли основание своего греха? Я думаю, не знал, а я знаю, в этом мое преимущество и недостаток. В своем незнании основы своего греха он был цельным, а я нецельный, раздвоен, разделен: имя мне легион.

28.II. Я стал продолжать «Исповедь». Я назвал ее: Исповедь, неудавшаяся, как и моя жизнь и мои писания. — Ночью думал: говоря о неудаче, я не имею в виду внешнее положение в жизни, признание, успех, богатство. Я имел в виду то, что сказал апостол Павел: хочу одного, делаю другое. Я хотел одного, делал другое. Я хотел одного, желание другого побеждало, а что я делал? И даже если желание другого побеждало, совершилось ли желаемое? И вот теперь, прожив столько лет, я стою в недоумении. Летом я записал: глупое положение, чудо, иероглиф — все три соединены; они возникают внезапно, разрывая обычный порядок жизни, и неизвестно как исчезают. И вот вся моя жизнь предстоит передо мною как одно глупое положение, как погрешность, как некоторый иероглиф, как чудо. Да, она была неудачна, я шел и оглядывался назад, я терпел крушения, падал, но именно в падении стоял прочно: потому что Бог держал меня. Моя неудача была удачей, чем чаще я ошибался, тем чаще Бог исправлял мои ошибки, возвращал меня на мой путь. Чем чаще падал, тем прочнее стоял. Потому что это была уже не моя, а Божья прочность. И так же в отношении того, что писал. Я не написал многое из того, что хотел написать, мно-

гое написал не так, как хотел написать. Но почему надо написать то, что хотел написать, написать так, как хотел написать? И не написал ли и то, о чем и не мечтал написать? И я увидел в несовершенном — совершенство, в неисполнении — исполнение, в неудаче — удачу.

3.III. Опустошенный взгляд открыл мне мое космическое одиночество. После возвращения из эвакуации — новые знакомства и новые разговоры. — Не разговоры, а монологи, иногда споры. К 1962 г. и они почти прекращаются. С конца 1963 г. снова начинаются монологи и соблазны. 4.X.66 г. я понял, что я один, монологи были соблазном. Тогда меня и бросило к Т. С Т. разговоры, а не монологи и Existenzmitteilung, особенно за последний год.

Мое космическое одиночество — мой ноуменальный грех. В Т. я пытаюсь его искупить, хотя перед нею, может быть, виноват больше всего.

5.III. <Сон.> Я слышу голос в передней: это Г. М<окреева>. Но ведь она умерла. Я выхожу в переднюю: действительно, это Г. М. Она радостно смеется, увидев меня, при этом меняется до неузнаваемости. Мне становится страшно, так страшно, что я просыпаюсь.

Господи, прости меня, окаянного.

10.III. После 16.X.63 я все время просил: пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, тогда оно легко. Но когда пришло наибольшее бремя — не моя мысль — я просил убрать ее. Когда пришел страшный, невидящий взгляд — тоже. И когда увидел оборотня — также. И все же все эти три случая различны.

А. Не моя мысль. Я ведь только возопил: Боже, Ты мой Боже, что Ты оставил меня? Это было самое большое бремя, и сразу же стало легко и благом.

Б. Страшный взгляд. Тоже вопль, двухмесячный вопль. И все же не так, как не моя мысль. И результат тоже другой — неслучайная случайность.

В. А страх оборотня?

А — трансцендентный страх.

Б — трансцендентальный страх.

В — имманентный страх. Но, может, именно у нас фактически, конкретно экзистенциально является не наше*, в этом смысл вочеловечения Слова? Это верно, но оправдание моего имманентного страха, может быть, только самооправдывание. И снова страх оборотня. Тогда не только самооправдывание.

---

* См. «Трактат Формула Бытия».

15.III. Страшно впасть в руки Бога живого. Вот это и было вчера весь день. Это страх оборотня, имманентный страх; непосредственная причина, вызвавшая этот страх, уже отпала, то есть я уже не думал о ней, остался только страх, беспредметный страх, и я понял, почему часто люди, кончая с собой, выбирают мучительную смерть: они не выбирают, способ смерти тогда безразличен, потому что самая мучительная смерть в этом состоянии избавление.

Страшно впасть в руки Бога живого — это испытание и проверка. Испытание бес превращает в искушение и соблазн. Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного <1 Пет. 4, 12>.

19.III. После прикосновения 5.VI весь мир изменился: прорвалось мое космическое одиночество, но все, кроме одного, стало мне чуждым. Это одно не только Т., но и мир нас пяти, энтелехия которого Т., это весь мир. Но всё и всѣ в мире, кроме моей энтелехии, энтелехии моего мира, мне стало чуждым. Не мир стал мне чуждым, а всё и всѣ в мире. Через мою энтелехию я проник в мир, у меня есть экзистенциальный мир, но наполнение — Erfüllung* — моей интенции происходит только в центре через энтелехию. Может, потому, что я боюсь открыть дверь в жизнь.

Четыре года я повторял: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня, и я для мира. И все же были соблазны — монологи и прочее. Но только с 5.VI я честно могу сказать: всё в мире распято для меня, кроме одного, и я для всего в мире, кроме одного. Но из этого одного идет собирание моих осколков, оставшихся после страшного, невидящего взгляда.

Распятие мира или только всего в мире? И Господом ли моим Иисусом Христом? Верю, что Господом моим Иисусом Христом.

К первому вопросу: распятие мира Иисусом Христом — это отчуждение и отвращение к упорядоченному космосу, хозяин которого сейчас дьявол. А распятие себя для мира — распятие упорядоченного космоса в себе самом, в своей душе.

Ко второму вопросу: если нельзя прорвать свою греховную замкнутость от Бога, не прорвав своей греховной замкнутости от себя самого, то есть свою искреннюю ложь и лживую искренность, то можно ли открыться себе, не открывшись хотя бы одному из своих ближних? Во всяком случае для того, кто не может вместить, невозможно.

---

* Исполнение, выполнение, осуществление (*нем.*).

25.III. Ш. сказал о Т., что она неожиданно дает правильные ответы. Но также и неожиданно она задает правильные вопросы — вчера в связи с моим толкованием «Галушки»* : бессмыслица, а ты осмысляешь ее — тогда бессмыслица ли? — Я ответил в «Четырех стадиях понимания»**.

Мой ум: я правой рукой за спиной ищу левое ухо.

Ум Т.: левую руку подносит прямо к левому уху — ясный ум. При этом умеет сохранить и небольшую погрешность и звезду бессмыслицы — «Бухта Барахта». Soliloquium, послевоенные записки.

Л. сказал, что у меня две половины ума — умная и глупая, умной пишу, глупой не понимаю того, что сам написал. — Скорее, удивляюсь тому, что написал.

Самооправдывание: в искании правой рукой за спиной левого уха тоже есть некоторое достоинство: случайно или неслучайно я нахожу и то, что не лежит на прямом пути. А Т. находит, может, это же на прямом пути — вернее, по сторонам прямого пути, то есть сбоку от него.

8.IV. Я запутался, совсем запутался, заблудился, блуждаю, как овца потерянная, взыщи меня, Господи, Господи помилуй.

10.IV. Напрасно я стремлюсь к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам.***

Хоть бы я знал свой грех, хоть бы он был алчным, он невидимый, опустошенный, все опустошающий во мне, как тот страшный, невидящий взгляд.

Но свою вину перед Т. я знаю, вину без вины, она преследует меня и мстит мне все время.

16.IV. Т. читала мне оду «Бог»****, и я удивлялся и радовался неисчерпаемому источнику молодости у Т.

22.IV. В связи с разговором с М. я перечел четвертую часть «Рассуждения» (Добавления к «Видению»). Она не удавалась мне очень долго, и только в январе прошлого года я неожиданно очень быстро закончил ее. Телеологичность ее — связь с неслучайной случайностью — сейчас мне ясна. Тогда, не знаю, понимал ли я это, сейчас понимаю:

---

* Введенского. См. *Сб.* Т. 1. С. 323—326.

** «Стадии понимания». См. библиогр. [4], с. 405—413.

*** Пушкин А. С. Напрасно я бегу к сионским высотам...

**** Г. Р. Державина.

«возьмите иго Мое на себя... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» <Мф. 11, 29—30>. Я взял на себя Его иго, я стремился к страданию, к радости страдания, я жил радостью страдания и желал страдания. А Бог послал мне радость. Принятие радости и было смиренномудрием. Раз Бог послал мне ее, я не мог не принять. Но я мог думать, что я сам добился ее, или наоборот — противиться ей, противиться только в некотором оттенке мысли, потому что актуально противиться Богу, то есть не принимать того, что Он посылает мне, я не могу. И все же я не сразу понял, что это дар Бога мне. Я не только не мог, но и не желал противиться неслучайной случайности, и все же до 5.VI было, я не скажу сомнение, а некоторое недоумение. И еще одно «все же»: мой монофизитизм. Я знаю, что это грех, моя вина, вина без вины. И вина перед Т. Как во всем, и в этом есть некоторая телеологичность. Но что сказать о ней — я не знаю. ...*не став им, я и стал им? Или это новое жало в плоть, новое иго и бремя?

Первая ступень смиренномудрия: безропотно и смиренномудро принять посылаемое мне Богом страдание. Я принял его безропотно. А мои монологи перед Орл<овым>? А некоторые соблазны, о которых я писал? А замыкание в себе? «Ты думаешь, что стоишь? Бойся, как бы не упасть». — Не думал ли я иногда, что стою? Тогда Бог послал мне невидящий взгляд, а затем радость, чтобы я принял ее смиренномудро, чтобы я не думал, что я стою, чтобы боялся, как бы не упасть. И еще: чтобы я понял ты. Поэтому четвертая часть «Рассуждения» была некоторым завершением определенного Богом периода моей жизни, и я верю, что неслучайно начал я писать эту часть тогда, когда Т. записала: страшно одиночество, еще страшнее одиночество вдвоем (со мною), и вскоре после этого: я оперлась на его (мой) благоприятный взгляд, — это было, кажется, тогда, когда приезжала Галя В<икторова> и я был с ней у Т. Я не знал тогда эти записи Т., но Бог знал, и Он внушил их и ей и мне. А закончить «Рассуждение» мне дано было уже после неслучайной случайности. И это тоже неслучайная случайность — не случайно дано было мне закончить именно тогда.

24.IV. Иов сказал: что же, за хорошее будем благодарить Бога, а за плохое не будем? Но если говорить о бескорыстной благодарности, когда чувствуешь свою ничтожность, знаешь, что не заслужил великого дара, чувствуешь свою несоизмеримость с великим даром Бога, то еще труднее благодарить Бога за хорошее, чем за плохое, за радость, чем за страдание. Больше года у меня были сомнения, сомнения в себе, а не в Т., не в моем отношении к Т., а в святости этого отношения, совместности любви к Богу и к Т. Мне казалось, что в страдании пред-

---

* В рукописи зачеркнуто.

шествующих лет Бог был мне ближе, чем в радости последнего года. Сейчас я ясно понял, что Т. — дар мне Бога, дар незаслуженный, дар, даром данный. И как и в августе, я снова понял: не судите, да не судимы будете. Не сказано: не осуждайте, а: не судите. Бог послал мне великий дар, и принимаешь его только в не-суде, не-суждении, даже не за то, что это великий дар, а за то, что его послал мне Бог. Вестники вернулись ко мне, вернулся Бог.

25.IV. Господи, Иисусе Христе! Знаю я, что все мы должны умереть; знаю, что никто из нас не знает, когда умрет; знаю, что не знаю, когда лучше умереть, не знаю благоприятного дня и часа смерти; знаю, что не знаю, как лучше умереть; знаю, что не знаю, что нам хорошо, что плохо, о чем должно просить, чего желать; знаю, что не знаю, как должно молиться, что Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за нас; знаю, что недостоин я, окаянный, просить Тебя, что Ты Сам знаешь, что нам надо, и посылаешь нам наилучшее для нас; и все же прошу Тебя и молю: пусть не подтвердится в диагнозе Т. П.<Ишевской> то, что я предполагаю, что можно предположить; исцели Т. П.

26.IV. Еще недели две тому назад, рассматривая гравюры М. Ш<емякина>, подумал: я — как загнанная, забитая лошадь в сне Раскольникова, как растерзанная душа у Бодлера. А затем я понял смиренномудрое принятие не только страдания, но и радости. И снова ощущение телеологичности происходящего, неслучайной случайности — Провидения. А вчера — новая угроза несчастья. Каждый день молюсь: пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее — но только для меня, только мне; не другим, не через других, только мне.

8.V. Сегодня в <тетради> † 10* я записал о моем монофизитизме. Здесь добавляю: высокое у людей — мерзость перед Богом. Монофизитизм в широком и узком смысле. Страх перед материализацией обряда может дойти до греховного докетического страха телесности, до брезгливости, которая в исключительном случае может перейти в свою противоположность — благоговение, препятствующее соединить несоединимое.

19.V. Новая угроза, омрачающая радость.

19.VI. Снова угроза.

---

* 22 марта 1969 г. автор начал тетрадь † 10, продолжая делать записи в тетради † 8/10.

28.VI. Я живу в прошлом или в будущем, в мечтаниях и бесовском парении мыслей, только с Т. живу с е й ч а с. И еще в самом главном. Но это большей частью скрыто от меня жизнью в прошлом или в будущем, то есть когда не живу.

4.VIII. Знак, символ, образ, иероглиф несут некоторую информацию. Информация может быть и очень большой, например иероглиф коня, в ритуальном танце пожимающего волшебной ладонью руку травы державной (из «Элегии» Введенского). То же самое применимо и к людям. Это не значит, что человек много говорит, не обязательно даже высказывание мыслей. Иногда при случае одно слово, даже жест, говорит больше самых умных мыслей. Т. — иероглиф, несущий очень большую информацию, даже независимо от ее записей, ЭС и писем.

11.XI. Репино. Приехали 9-го. Вчера страхи.

14.XI. Вчера Т. рассказала мне сон, снившийся на днях, но не хочет записать его; во сне интересное пересечение сна с явью, я не берусь решать, что это: парапсихология или вещий сон. Записываю так, как рассказывала мне Т.

Я слышу голос: ты думала, почему ты молодо выглядишь. А между тем ты могла найти ответ давно, а тем более недавно, когда читала «Преступление и наказание»; но ты и теперь не обратила на это внимание. Открой страницу 289 и прочти. Не поздно ли узнаешь об этом? Плохо, что ты не сама узнала, а тебе пришлось подсказать. —*

Мне стало приятно: отпали мысли о Дориане Грее, о легком, неглубоком отношении к жизни. Я проснулась, открыла книгу на странице 289 и прочла: «Несмотря на то, что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты, и к тому же она казалась гораздо моложе своих лет, что бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости».

19.XII. Запись 14.XII <XI?> может быть продолжена в практическую область. Вчера была Т. В связи с тем, что она говорила, мне надо сказать ей:

1. Иероглиф, несущий большую информацию. В., Л., Д. И., Н. М.
2. Душа присутствует в теле всюду, не занимая определенного места.
3. Не два года, а 47 лет.**

---

* Тире в рукописи.

** 47 лет (с 1922 г.) знакомства с Т. Липавской.

4. Помощь мне — зимой 1963—1964, не зафиксированная, а потому не реализованная. Помощь мне после опустошенного, невидящего взгляда. Помощь ноуменальная.

5. Необходимость иногда перечитывать записанное раньше — телеологичность жизни — Провидение.

1970

3.I. Из <тетради> 8/10:

1968.13.IX.* «Я ищу слова, чтобы зафиксировать новую ситуацию, в которую меня ввел Бог, понять свое место в трансцендентной ситуации... Я потеряю все, если не найду слова, чтобы зафиксировать ее».

Я еще не нашел это слово. Это должно быть актом ноуменального названия. Этот акт двойной: ι-искупление и ε-искупление моего греха; или: искупление моего ι-греха и моего ε-греха.

* Не 13, а 14.IX, см. последний абзац на стр. 408.

<Авторские пояснения>

К стр. 397. Акциденция — состояние, качество, свойство или одно из качеств или свойств.

К стр. 399. С е й ч а с можно понимать как обстоятельство времени, отвечающее на вопрос: когда? или как существительное, отвечающее на вопрос: что? — в этом случае с е й ч а с обозначает мгновение, тогда я выделяю его. Ведь того, что прошло, уже нет, того, что будет, — еще нет, есть только с е й ч а с. Паскаль сказал, что большинство живет или в том, чего уже нет, — воспоминаниями, или в том, чего еще нет, — в ожидании, то есть живет не сейчас, а значит, и не живет. Только вера живет в полноте времен (термин апостола Павла), то есть в с е й ч а с, в котором отожествлено прошлое, настоящее и будущее. Эти ощущения полноты времен бывают у каждого человека, хотя бы неосознанные, только мелькнувшие. В идеальной полноте времен прошлое, настоящее и будущее присутствуют или ощущаются как нераздельные и в то же время неслиянные (эти термины взяты мною из символа веры Афанасия — 4 в.; несторианство односторонне подчеркивало неслиянность, тогда это становилось раздельностью, монофизитизм — нераздельность, тогда терялась неслиянность, то есть различность времен). Интенсивной полнотой времен я называю ощущение преимущественно нераздельности времен в с е й ч а с, оно преобладало у Шуры, поэтому у него был интерес к времени и к с е й ч а с. Экстенсивной полнотой времен я называю ощущение полноты времен преимущественно в форме неслиянности, тогда оставалось и то, что называют внешним, — это у Д. И.: свидетели его жизни.

Coincidentia oppositorum — совпадение противоположностей.

К стр. 400. Полнота времен — это полнота жизни, причем в двух формах: интенсивной — у Ш., экстенсивной — у Д.И.

Эсхатология — учение о последних вещах. Последнее — конец, личный, то есть смерть, или мира — страшный суд.

Эсхатологическое с е й ч а с — мое с е й ч а с, в котором ощущаю всю свою жизнь как целое, и так как всю, то и свою будущую, неизвестную мне смерть и некоторую причастность к бессмертию.

К стр. 401. Ты писала о нарастающем темпе смерти — это признак того, что я называю расширением радиуса жизни.

К стр. 402. Docta ignorantia — мудрое незнание (Ник<олай> Кузанский, кажется, в 16 в.).

К стр. 404. Имманентный приблизительно значит: посюсторонний.

Трансцендентный — потусторонний.

Трансцендентальный — пограничный, то есть между посюсторонним и потусторонним, граница между ними.

Здесь и дальше трансцендентной (для меня) ситуацией я называю то, что мне открыла ты или, вернее, Бог через тебя, — ситуацию, в ко-

торой я оказался впервые в жизни в поисках ноуменального ты, — подземный ручей, вырвавшийся наружу и затопивший все вокруг меня, в котором я тону и ищу свое спасение.

А. Мгновение стоит. Indefinitum.

Б. Мгновение остановилось. Infinitum.

Indefinitum — неопределенно долгое продолжение.

Infinitum — истинная бесконечность, то есть вечность.

Когда человек не в переносном, а в прямом смысле скажет: мгновение, остановись, — он и умрет: радиус жизни расширился до бесконечности, это значит — он исполнил все, что ему положено было исполнить в жизни, перешел в вечность.

$\bar{a} \vee a$. Читается так: или суждение *а* ложно или суждение *а* истинно, третьего нет — это закон исключенного третьего.

$\bar{\bar{a}}$ — двойное отрицание *а*; из двойного отрицания следует утверждение отрицаемого — это в классической логике.

О фиксировании я говорю и дальше. Я уже говорил тебе: невинный (например, животное, отчасти ребенок) живет, потому что живет, и живет для того, чтобы жить. Но человек уже не невинный, он думает, и думает, для чего живет, хотя бы для того, чтобы накопить деньги и купить торшер или сервант. Это думание: почему и для чего — я и называю фиксированием жизни, реального жизненного состояния. В декабре 1963 г. я почувствовал в тебе мое ноуменальное ты, это то же, что ты говорила в июне прошлого года о нашей ноуменальной общей сути. Но не осознал, не понял — не зафиксировал, поэтому это чувство не удержалось. Но не пропало, а через 4 года снова обнаружилось.

Экзистенция (Dasein) — существование.

Экзистенциальный — существующий, жизненный, не абстрактный. Слова — общие понятия, но только словами мы высказываем конкретное, не общее, а индивидуальное, единичное. Это одно из основных противоречий человека, человеческой экзистенции, то есть конкретной человеческой жизни: как с помощью отвлеченных общих понятий сказать конкретное единичное жизненное состояние.

Слово, о Котором я говорю здесь, — из Евангелия от Иоанна: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Слово стало плотью — Христос.

К стр. 406. Различие интенсивного (ι) и экстенсивного (ε) одно из наиболее общих. Буквально (латинский, французский) *i* (интенс.) значит: углубление, а *е* (экстенс.) — расширение. Затем это различие (ι, ε) можно понимать как направления во мне самом: ι — в себя, вглубь, ε — вовне; первое — функция соединения, так как я соединяет, второе — разделения: вовне — я и не я. Здесь я еще рассматриваю несторианство (Н) и монофизитизм (М) как приложение христологии к сексологии.

Но это шире: христология применяется вообще к антропологии. Говорят, что человек выше ангела и ниже зверя. В человеке есть, вернее, человек и есть двойное стремление: к тому, что выше ангела, и к тому, что ниже зверя. Но так как человек не Бог и не чистый дух, то и первое — ангельское стремление может оказаться само по себе абстрактным утверждением себя, своей воли. Тогда это не меньший грех, чем второе — животное стремление. Две природы не только в Христе, но и в человеке. В символе веры Афанасия сказано, что обе природы в Христе (Божественная и человеческая) не слиянны и не раздельны. Если слиянность обозначим буквой X, а раздельность — буквой Y, неслиянность — $\overline{X}$, нераздельность — $\overline{Y}$, союз «и» — знаком $\wedge$, союз «или» — знаком $\vee$, то ортодоксальное утверждение Афанасия выразится формулой $\overline{X} \wedge \overline{Y}$. Эта формула истинна, но противоречива, потому что по человеческой логике неслиянность то же самое, что раздельность, а нераздельность — то же самое, что слиянность. Ереси отрицали формулу Афанасия, отрицание в математической логике обозначается чертой: $\overline{\overline{X} \wedge \overline{Y}} \to X \vee Y$. Читается это так: если ложно, что неслиянность совмещается с нераздельностью, то истинно или слиянность, или раздельность, второе — несторианство (Н), первое — монофизитизм (М). Разделение несовместного — человеческая мудрость, которую, как сказал апостол Павел, посрамило Божественное безумие — совмещение несовместного. Разделение — экстенсивная функция (ε), соединение — интенсивная (ι), поэтому всякая ересь, не только в христологии, но и в жизни, как невозможность совместить несовместное, небесное и земное, есть несторианство, то есть ε, но в двух формах: ει, или М, — преобладание в разделении ι- момента или εε, или Н, — ε-момента. Но и ортодоксальное, то есть правильное, тоже может быть в двух формах: ε и ι. Здесь надо различать вещи, которые писали Ш., Л., Д. И., я, и нас самих. В каждом из нас может быть и жизненная ересь, особенно у Д. И. (εε) и у меня (ει), а вещи могут быть и правильными, но в форме ε или ι. Я думаю, у Л. и у Д. И. — скорее в форме ε, у Шуры и у меня скорее в форме ι. В жизни же у меня страх природы и внешней, и во мне самом, это уже жизненная ересь — ει.

К стр. 407. οὐχ ὄν — неопределенное отрицание, ничего не утверждающее, μὴ ὄν — определенное отрицание, утверждающее вместо отрицаемого противоположное ему.

Первое — Божественное ничто, из которого Бог сотворил мир, второе — только мое, бесовское отрицание, утверждающее себя самого.

См. <также> примеч. к стр. 406.

К стр. 409. Я уже писал здесь о фиксации. Фиксация, то есть сохранение, подтверждение, сознание, самосознание. Экзистенциальное, то есть не абстрактное, а жизненное, ноуменальное. Связь с Словом, ставшим плотью. Это тоже применение христологии к антропологии.

К стр. 411. Эйдос — идея, смысл, форма, цель.

К стр. 415. Решение, о котором я говорю здесь, и есть фиксация жизни. Оно не высказывается прямо каким-то определенным словом, оно не произвольно, я не могу его, даже если хочу — ведь в Пухолово я очень хотел, — осуществить, решить, и в то же время я виноват, если не смог принять его. Это какая-то ноуменальная сущность человека, не зависящая от него, от его желаний, предназначенная ему и поэтому его вина без вины.

К стр. 417. 21.Х. Цитата из Второзакония — пятая из книг Моисеевых.

К стр. 418. Юнг — психиатр, фрейдист, ушедший от Фрейда. Он довел монофизитизм (хотя и не знал его) последовательно до его логического предела. Жизнь человека, говорил Юнг, направлена вовне. Но если от внешнего человек не сумеет вернуться внутрь, к себе самому, наступает конфликт, нарушается некоторая благоустроенность человеческого самосознания и психики, человек теряется во внешнем и внешнее — агрессия жизни побеждает его или просто жизнь и удовольствия приедаются. Это центростремительное возвращение к себе Юнг и называет верой, и Бог у него растворяется в вере, Бог для Юнга — только внутренняя благоустроенность души, т. е. Бога и нет. Эта благоустроенность фиктивная, нет никакой благоустроенности без Бога. Юнг возвел в Бога только один из моментов — ι-момент: нераздельность, тогда Бог растворился у него в мнимом благоустройстве души. Когда человек почувствует в себе самом этот соблазн имманентного монофизитизма, он может настолько отчаяться в ι-моменте нераздельности, что впадет в противоположную крайность — почувствует так сильно неслиянность небесного и земного, что небесное удалится от него настолько, что его и вообще не видно, просто нет, — это доведенное до предела несторианство я называю абсолютно экстенсивным нигилизмом. Все это только записано в рациональной форме, на самом деле это конкретные ощущения и чувства, переживаемые соблазны и в какой-то степени, я думаю, у каждого человека, только неосознанные, мелькнувшие чувства-ощущения. И я тоже раньше чувствовал их, а потом уже думал о них и пытался записать.

Ветхим Адамом апостол Павел называет естественного человека, который, как он говорит, верой облекается в нового Адама — Христа.

К стр. 419. Заповеди, которые Христос признал главными, — любовь к Богу и любовь к ближнему. Монофизитизм, ослабляя момент неслиянности, забывает о человеке. Акосмизм: у Спинозы весь мир, все превращается в Бога, остается один только Бог. Тогда непонятно — а где же я, человек, грешник? Это тоже монофизитский соблазн.

К стр. 429. Абулия — безволие.

К стр. 430. Форма воли — акт принятия или непринятия чего-либо, утверждение или отрицание, выбор.

Содержание или материя волевого акта — то, что я принимаю или не принимаю, утверждаю или отрицаю.

К стр. 436. Познать себя самого — это значит познать свое место в жизни. Это место всегда одно и то же, но одно и то же в различном. Поэтому оно как бы меняется, хотя одно и то же. Посланный мне 4.X.66 г. опустошенный взгляд, о котором я писал в «Ви́дении», изменил меня, хотя и оставил тем же. Может, еще больше сделал тем же, изменив меня, мой взгляд. Уже с декабря 1966 г., а может, и раньше я нахожу в себе то, что через год бросило меня к тебе, вернее, вернуло меня к тебе. Я их выписал из старых записей для себя — ведь все это свидетельские показания моей жизни, которая привела меня в трансцендентную ситуацию.

Я говорил тебе, что все эти записи с 1928 г. я назову «Перед принадлежностями чего-либо». Ты спросила: что обозначает что-либо? Я сказал: смерть. Это неверно. Что-либо и есть что-либо, смерть только один из признаков его.

К стр. 447. Гадамер — современный немецкий философ, близкий к экзистенциализму. Вот что я имею здесь в виду.

Пусть есть абсолютная (в конце концов, т. е. в пределе, — религиозная) истина — X. Введем еще понятия двух вполне реальных, но трудно определяемых состояний: дух некоторой эпохи — a_k и язык эпохи — b_k. Если определенная истина X высказывается языком, соответствующим духу эпохи, то такое высказывание современное и истинное: $X = \frac{a_1}{b_1} = \frac{a_2}{b_2} = \frac{a_3}{b_3}$... Одна и та же истина X в разные эпохи высказывается различно, то есть различным языком, и если языком, соответствующим духу времени, то высказывается адекватно, то есть правильно. Если же дух времени изменился, ушел вперед, например $\frac{a_5}{b_3}$, то та же истина, высказанная снова на уже мертвом языке, будет мертвой. Например, христологические споры 4—6 вв., если их вести сейчас на языке 4—6 вв., будут мертвыми, на современном языке — так же живы, как и 1500 лет тому назад. Сейчас современный язык — философская антропология.

Историзм, о котором говорит Гадамер, имеет в виду изменение духа времени и языка. Но, утверждая историчность самого историзма, он выливает с грязной водой и ребенка. Если не останется абсолютности самого отношения $\frac{a_n}{b_n}$, то ничего не останется в философии и в жизни, кроме философов, философствующих ни о чем.

† 10

1969.III.22—1970.VI.8

1969

22.III. По Кьеркегору, христианство учит, в отличие от Сократа, что человек не делает добро не потому, что не понимает его, а потому что не желает. Но может ли вообще человек сам от себя не только мысленно, а экзистенциально желать добра? Само желание, то есть воля, и есть зло. В этом мое отличие от Кьеркегора; он отталкивался от Сократа и в конце концов не мог полностью преодолеть этическое, у него сохранилось это и в методе; неясности и ошибки в учении о модальных категориях. Я отталкивался от Пиррона. Не «я знаю, что я ничего не знаю», а: «я не знаю». А так как причина ошибки, как еще Декарт заметил, в воле, а воля — чистый практический разум, то в «я знаю», в котором заключено: «я сам знаю», я нашел один двойной корень греха. Но этого Пиррон, как эллин, не мог видеть, не мог понять противоречия.

После страшной цитаты из дневника Кьеркегора. Умирает человек, во всяком случае до некоторой степени, — один. Моя смерть — самое личное мое. А воскресает не один. Вера, чудо, соборность и вечная жизнь неотделимы одно от другого: «Я есмь жизнь вечная». «Где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я». «За каждое праздное слово дадите ответ на суде». Но ведь суд и есть воскресение. Можно ли отделить слово от того, кому оно сказано?

И эта цитата из Кьеркегора подтверждает его монофизитизм.

Верю ли я в то, что сейчас написал, что в воскресении сохраняется и память о ближних, и связь, и встречи? Я отвечу так, как уже раз сказал: даже когда не верю в личное воскресение и в воскресение личных связей (А), я не верю и в личную смерть, и невоскресение личных связей (Б), потому что верю в абсолютность ноуменальных связей. Вторая часть (Б) — неопределенное отрицание первой части (А), но не обратно, не только потому, что подчеркнуто словом *даже*, но и потому, что А, несмотря на отрицательную форму, положительно и категорично, а Б — только неопределенное отрицание, отвергающее не только А, но и его определенное противоположение, то есть языческое продолжение земной жизни после смерти, имманентный переход. Как небесное тело есть только неопределенное отрицание земного, так и небесные связи для нас, пока видим через темное стекло, а не лицом к лицу, — только неопределенное отрицание земных: в Ц<арствии> Н<ебесном>

не женятся и не выходят замуж. Но все же это связи, хотя и небесные, как и небесное или пневматическое тело есть тело. Тело и есть общение тварей, то есть сотворенных, общение друг с другом, а не только с Богом, для общения с Богом не надо и тела; когда апостол Павел пишет, как он был восхищен до третьего неба, он говорит: в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю, Бог знает <2 Кор. 12, 2>. Что останется от сотворенной личности без телесности, хотя бы пневматической? Сама телесность есть, во-первых, сотворенность, во-вторых, общение сотворенных.

Верно ли, что человек всегда умирает один? А Шютц, когда он умирал под свою музыку, исполняемую его учениками? А святой?

Умирал Шютц один, но в самой смерти, через музыку, исполняемую его учениками, сохранял связь с ними, был не один. У меня 17.VIII.34* — передача старшинства в роде.

24.III. Четыре вида убеждения**: логическое, наркотическое (например, теноровая ария из Пасхальной оратории Баха — хотя там есть и уязвление, Стравинский — в значительной мере), деспотически-волевое, например речитативы Баха из I. P. и M. P.***, и уязвление.

Как совместить пустоту разума в regr<essus> in infinitum****, вернее в indefinitum, с греховной замкнутостью в себе самом, в самоограничении и замыкании?

Бог сказал Моисею: Я Сущий. Я есть тот, кто есть. Это подтверждение идеально-реальное, реальное возвращение в Себя в Троице. Бог одновременно бесконечен и Сам — реальное синтетическое тожество различного, потому что Сам — ограничение и в то же время Он бесконечен. Проявление самоограничения:

ε — в творении мира, ι — в вочеловечении.

Разум, то есть греховное тварное «я сам», сказал: как Бог: я есть тот, кто есть. Но для сотворенного это возвращение к себе не адекватное, не идеальное: «кто есть» тот же, кто и есть, но только эмпирически экзистенциально, то есть в теле, а не идеально экзистенциально, то есть в духе, тогда: я есть тот, кто есть, тот, кто есть... или я сам = я сам сам и т. д. Это не актуальная, а только потенциальная бесконечность, не

---

* У постели умирающего отца.

** См.: Друскин Я. Четыре метода убеждения. — 1970-е гг. — Личный архив.

*** «Iohannes-Passion» и «Matthäus-Passion» — «Страсти по Иоанну» и «Страсти по Матфею» (*нем.*).

**** Бесконечная регрессия (*лат.*).

infinitum, а только indefinitum. Потенциальное indefinitum — бегство грешника от себя самого. Тогда откуда же греховное замыкание в себе самом? Греховное бегство от себя самого есть замыкание в воображаемом космосе себя самого, в мнимом построении своего воображаемого, греховного, вполне упорядоченного космоса. Но он пуст, как и само объективирование. В объективировании я все дальше ухожу от себя, но замыкаюсь собою в потенциально бесконечном бегстве от себя самого: легион имя мне. Но именно этот легион и замкнут. Об этом же говорит и второе основоположение: я противополагаю себе себя самого, а за этим — противоположение себя Богу. Как Он актуально утвержден в Себе Самом, так и я пытаюсь утвердиться в себе самом. Как Он реально сотворил мир — мир перед Богом, так и я пытаюсь сотворить свой греховный космос. В этом противоположении себя себе самому я замыкаюсь и от себя, и от ближнего, и от Бога.

25.III. Вера не теология и не догмат, а экзистенциальное и поэтому противоречивое состояние. Теология и философия пытаются только анализировать это состояние и иногда, если это поэтическая теология и философия, дать некоторый намек на неизвестный ответ на неизвестный вопрос, ограничить область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос* . Одна из окрестностей неизвестного ответа — трансцендентность и имманентность Бога, и обе должны быть радикализированы до последней степени: самое далекое абсолютно не мое — самое близкое абсолютно мое**. И в этой окрестности заключены другие окрестности, например Бог абсолютно и Бог в моей абсолютной субъективности, и первое, и второе само по себе уже антиномично. Абсолютно: вне- или надмирность Бога, и Бог в мире, в котором и волос не упадет с головы моей без Его воли. Соблазны: деизм, как равнодушие в Богу, и пантеизм, как равнодушие к себе, сотворенному по Его образу и подобию, — к своей абсолютной субъективности. Фатализм, как мусульманская детерминизация личности, и акосмизм, как уничтожение себя, своего призвания — стать субъектом трансцендентной ситуации. Соблазны абсолютной субъективности: абсолютно не мое односторонне трансцендентируется настолько, что Бог становится только абстрактной идеей Бога — causa sui***. Или односторонне имманентизируется настолько, что растворяется в моем субъективном отношении к Богу. В пределе обе — атеизм. Применение к Кьеркегору, Барту, Бультману, Ясперсу.

---

* См. «Трактат Формула Бытия» (заключительные фрагменты).

** См.: Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. Кн. 1, IV.

*** Причина самого себя (*лат.*).

26.III. Бог — самое далекое, непонятное, чужое, абсолютно не мое. Когда самое далекое, непонятное, чужое, абсолютно не мое становится, вернее, вдруг есть самое близкое, блаженное, а иногда и страшное, но всегда абсолютно мое, тогда есть вера, живая вера, двигающая горы. Бывает ли она у меня сейчас? На первый взгляд вопрос бессмысленный: если есть, я знаю, что есть, если нет, я знаю, что нет. Но это не так: она может быть, но я не знаю, что она есть; она есть, но как бы скрыта от меня за туманом, я живу в ней и ею — верой, но не знаю, что живу в ней и ею. Но если ее нет, а я думаю, что есть, то это или самовнушение, или фарисейство.

Сегодня, возвращаясь от М., я увидел, как на улице женщина, еще не старая, лет за 30, чуть не упала: ее поддержали двое мужчин. Она не стояла на ногах, ее усадили у стены дома. Она не произнесла ни звука, взгляд был неподвижный, блаженно-бессмысленный. Мне кажется, она умерла. Ее взгляд преследует меня до сих пор, до самой ночи, и я чувствую себя очень плохо физически. Физически ли? Может, это страх Божий, сублимированный в физический?

После страшного, невидящего взгляда я стал впечатлительным, раньше этого не было. Что это — грех, проклятие или благословение? Или вестник приближения последнего бесконечного расширения радиуса жизни?

28.III. Я живу все время в какой-то трудности, бесконечной трудности.

31.III. Кьеркегор: самое парадоксальное в христианстве, что учитель важнее того, что <чему?> он учит. — Это верно, но сказано немного соблазнительно: подчеркнуто Wie* , то есть имманентность, но не менее важно и Was, то есть трансцендентность. То, что сказал Кьеркегор и что знали и до него, относится только к Христу, потому что Он — путь, истина и жизнь. Онтологичность этой парадоксальности Кьеркегор смягчает. У него получается потенцированная, тогда ложная парадоксальность: у него главное **учение** о том, что главное учитель, а не его учение. Но ведь учение Христа и заключалось в том, что Он — путь, истина и жизнь, что Он — воскресение и жизнь вечная. Кьеркегор разделяет Христа и Его учение, тогда достаточно одного Denkprojekt'а, он и удовлетворяется им, отбрасывая половину Евангелия, в месте с этим и абсолютный факт. А это уже Бультман с его керигмой и демифологизацией керигмы. Он уже довел до конца соблазн, введенный Кьеркегором: для него вообще не важно, был ли Христос, а

* Как (*нем.*).

важен только Denkprojekt. Но сама вера в Denkpojekt, если Христос не воскрес, только иллюзия и полный имманентизм. Я верю не в Denkprojekt, а в Христа, Сына Марии и, как думали, Иосифа, — распятого при Пилате и в третий день воскресшего.

Личное в дневниках Кьеркегора очень соблазнительно, так же как и его жизнь. Он не только пророк, но и соблазнитель, причем жестокий. Быть жестоким, чтобы реализовать любовь, может только Бог, а Кьеркегор считает, что и он имеет на это право. «Оскорблять любя» — просто пошлая сублимация гордыни и тщеславия. «Оскорблять любя» сказал один маленький доморощенный провинциальный Кьеркегор, Кьеркегор Щигровского уезда.*

1.IV. Соблазняет не **он** или **она**, а **сам** соблазн. Он или она — только повод, causa occasionalis** для переведения одной формы моего греха в другую. Соблазняет не **он** или **она**, пусть это будет О, а мысль о нем или о ней — (О). Он или она соблазняет, потому что я хочу быть соблазненным. Поэтому соблазняет не О, а (О). Это должно быть первой частью того, что я начал писать сейчас. А второй должно быть об энтелехии. Энтелехия — не соблазн, а экзистенциальное искупление и спасение. Оно только от Бога, но часто, а может, и всегда, через человека: учитель всегда один — Бог, человек — повод. Но экзистенциальный повод, тогда ноуменальное отношение, но тогда и возможность соблазна, только возможность, но экзистенциальная, тогда возможность соприкасается с действительностью. Во «Взгляде» я чрезмерно подчеркнул эту возможность — соблазн, поэтому с грязной водой вылил и ребенка. Это открыла мне неслучайная случайность, то есть неслучайная случайность открыла мне мою ошибку.

3.IV. Я пишу сейчас почти каждый день, иногда несколько строк, иногда несколько страниц, иногда больше. Иногда несколько минут, иногда несколько часов. А остальное время лежу на кровати в бесовской абулии, в бесовском парении мыслей — новая форма игнавии, уныния, боли и тяжести бытия. Избавляет только сознание некоторой устойчивости в энтелехии, и прямо — Он Сам.

Я думал и вчера говорил Т. о Пушкине, которого очень люблю: «Воспоминание» (Когда для смертного...), «Как с древа сорвался предатель ученик», «Пророк», «Отцы пустынники», «Странник», поздний Пушкин и многое др. Но «Пока не требует поэта»*** — некоторая

---

* Подразумевается М. Войцеховский.

** Случайная причина (*лат.*).

*** Пушкин А. С. Поэт.

ограниченность, предельность Пушкина. Он и понятия не имел о метатеологии. Пушкин ставит себе границы. Они очень отдаленные, он понимает очень многое, и все же это границы. Лермонтов не ставит себе границы, границы его в бесконечности: сны-мучители, потенцирование действительности, выход за действительное. Н. М. сказал: если бы Лермонтов дожил до лет Пушкина, он был бы больше Пушкина. Н. М. неправильно выразился: «если бы» — неправильная формулировка. Надо сказать так: потенциально Лермонтову дано было больше, чем Пушкину, но Пушкину дано было актуализировать в предназначенной ему области больше, чем Лермонтову. Что важнее: осуществить в предназначенной, но все же ограниченной области или обещать в почти неограниченной области? Не знаю. Гоголь тоже почти бесконечно трансцендентирует возможное. Л. говорил, что в последних вещах Пушкин вступил на этот путь.

«Пока не требует поэта» — это очень разумно, с человеческой точки зрения разумно, так же разумно, как слова первосвященника: есть 6 дней в неделе — тогда и исцеляйте и исцеляйтесь, но не в седьмой. Это очень разумно с человеческой точки зрения, предохраняет от бунта и революции, но не с Божеской. С Божеской — это богохульство.

У Лермонтова и Гоголя не apeiron, как у Белого, а бесконечное трансцендентирование. Они преодолевают возможное и выходят в невозможное. Это всегда связано с крушением. Но, может, крушение их попыток выйти в невозможное выше самых совершенных реализаций ограниченного возможного у Пушкина, как бы далеко он ни ставил этих границ. Самое важное: ставить или не ставить границ, хотя и в невозможном. Невозможное для людей возможно для Бога. То есть Бог совершает в человеке то, что он сам совершить не может, своими силами не может.

5.IV. Я не понимаю великодержавного патриотизма. Зачем мне надо, чтобы русские эксплуатировали и угнетали грузин, армян, латышей, эстонцев? Мой родной язык русский, я думаю и пишу по-русски, с 12 лет я воспитывался на русской литературе, позже на Библии и Евангелии. Моя родина, как и всех людей, — Эдем. Но оттуда я изгнан. Я бесконечно тоскую по моей родине, из которой я изгнан. Вторую родину я получил в России. Не в великодержавной Победоносцевской или Леонтьевской России, а в Московской и Петербургской Руси. Мне этого достаточно. Моя новая родина все время напоминает мне о потерянном Рае — Гоголь, Достоевский, Чехов, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Лесков. Я иудей и русский одновременно, русский не в великодержавном смысле, я москвитянин и петербуржец; когда я был в эвакуации, я понял, что значит ностальгия: я скучал и тосковал по Петербургу. Там я все время болел, даже физически, а приехав в Петербург, выздоровел. Кто я? Русский, иудей, петербуржец. И москвич.

Я думаю по-русски, но с иудейским уклоном. Каждый христианин, независимо от национальности, думает с иудейским уклоном. Христос сказал: я пришел не нарушить, а исполнить закон <Мф. 5, 17>. А закон сказан в иудейской книге — Старом Завете. Но если нет иудейского закона, то есть индусский, эллинский, языческий. Пустота должна быть заполнена.

Моя первая (или вторая) национальность — иудейская — предохраняет меня от язычества, от секуляризации духовного, от profanus, от всякого либерализма и гуманизма. Иудейство — это теономный склад ума, строй души, leidenschaftliches Leiden христианского зилотизма. Без этого нет и веры в Бога, только вера в веру в Бога, культурная эллинская, индусская или какая угодно другая комфортная фальсификация веры.

6.IV. У меня все время чувство-ощущение, во-первых, что моя жизнь — не моя, принадлежит не мне. Кому? Кому же, кроме Бога? И во-вторых, что она существует с е й ч а с, сейчас вся целиком: и то, что было, и то, что будет до самого конца. Эти два чувства-ощущения я не могу разделить, только в рефлексии они разделяются, и то, что я написал под № 2, может быть и первым: именно потому, что она вся целиком передо мною с е й ч а с, она и не моя, ведь то, что было, эмпирически того уже нет, как и того, что будет. И все же есть сейчас. Тогда у кого, как не у Бога? Я ясно чувствую это и в «Принадлежностях», и в воспоминаниях, и в снах-мучителях, и в тяжести и боли бытия, и в неслучайной случайности, и в моем грехе, и в руководстве — в Провидении; все, что было, все, что будет, — есть сейчас. Жив Господь, жива душа моя.

9.IV. Т. сказала, что читая мои «сны», она чувствовала все время, как будто ее что-то преследовало. Я ответил, что это Бог преследует меня, чтобы я обратился к Нему, к моему блаженству. Вся вещь называется «Сон и явь», но там и во сне есть явь и в яви — сон: сон и пробуждение в обеих частях — смысл всего, в заключении первой части я и говорю: душа и есть сон и пробуждение.

Бог ли преследует меня или грех? Грех — causa materialis, formalis, instrumentalis, Бог — causa finalis.

11.IV. 2 × 2 = 4 — это еще не мудрость, даже не знание. 2 × 2 = 5 — вот мудрость.

Два непонимания и два понимания Евангелия.
Непонимание:

1. Искать несоответствия, противоречия, даже бессмыслицы в Евангелии — их сколько угодно, и потом сказать: как же это может быть истинным? Лакейский подход.

2. Выбирать преимущественно морализирующие и отчасти догматизирующие высказывания, затем пытаться понять непонятное: искусственные, абсолютно неправдоподобные гармонизации, плоские разрешения бессмыслиц. Фарисейский подход.

Понимание:

1. Непосредственное, нерефлектирующее чтение, интуитивное, нерассуждающее понимание. Несоответствий между четырьмя Евангелиями, даже в одном, оно не видит, как ненужное. Противоречия интуитивно, не рассуждая, полностью принимает, как непосредственно фасцинирующее.

2. Ясно видеть все несоответствия, противоречия, даже бессмыслицы, и сознательно и в то же время интуитивно и непосредственно быть фасцинированным всем этим: credo, quia absurdum est*. Ясно видеть, что Евангелие утверждает, что $2 \times 2 = 5$, и понимать, что $2 \times 2 = 4$ пошлость и ложь, а высочайшая истина и мудрость: $2 \times 2 = 5$. Не понять непонятное, как непонятное, и ясно чувствовать, что это и есть высшее понимание, сверхпонимание, docta ignorantia, святая звезда бессмыслицы.

16.IV
22.IV
24.IV <тетрадь> 8/10
25.IV
26.IV

25.IV. О дневниках Кьеркегора, о его молитвах в дневниках, о его величии и несчастье. Невозможно судить о его учении, потому что оно сразу же переходит в Existenzmitteilung и суд над учением переходит в суд над ним, а этого мне не дано: не судите, да не судимы будете.

Иов. Все благодарят Бога за хорошее: не за то, что Он послал его, а за то, что оно хорошо, — это корыстная благодарность. Труднее благодарить Бога за плохое, за страдание. И еще труднее хорошо и бескорыстно благодарить Бога за хорошее, за радость и причастность к счастью, которые Он посылает: не только за то, что оно хорошо, а за то, что Он послал его. Это еще труднее, чем благодарить Его за страдание, труднее сохранить Его в радости. Так благодарил Его Авраам, когда Бог отвел нож от Исаака.

* Верую, потому что нелепо (*лат.*).

Молитва об исцелении*.

26.IV. Телеологичность происходящего, неслучайность случайности — Провидение: загнанная лошадь, растерзанная туша; бескорыстная благодарность за радость; новая угроза (8/10).

28.IV. Оправдание и прощение — разные категории, первое — юридически-фарисейское, суд и суждение, второе — религиозное: не-суд, не-суждение. В Евангелии о суде.

Религиозность *А* и *В* Кьеркегор правильно заметил, но мне все же не ясно, как он различает их. Мне кажется, он все же здесь неточно проводит различие. У меня в «Вестниках» скорее *А*-религиозность, в «Ви́дении» — *В*-религиозность. Но именно в «Вестниках» не-суд, несуждение: некоторое сомнение и воздержание от суждения. Но в *В*-религиозности благодарность за страдание и радость страдания, тогда чем же будет благодарность за радость? О ней ведь говорит иногда и Кьеркегор как о непосредственности после рефлексии и *В*-религиозности, но говорит соблазнительно. Это уже *С*-религиозность?

5.V. Есть внешнее и внутреннее понимание. Человек — некоторый многогранник. Некоторые грани его параллельны — совместны, другие непараллельны, третьи перпендикулярны, то есть вполне несовместны. Внешнее понимание объективно (но не абсолютно), оно стремится, но только стремится понять и передать все грани и указать не-совместность, то есть противоречивость, некоторых граней. Но до центра многогранника, то есть сокровенного сердца человека, оно никогда не дойдет. В конце концов это только понимание слов автора, в крайнем случае скелета системы, но скелет — это еще не человек. Внутреннее понимание субъективно и доходит до центра многогранника. Может быть, даже так, что есть полное внутреннее понимание, но повторить его на словах нельзя. Так я, мне кажется, вполне понимаю Шеллинга последнего периода, его теогонию, правильное в ней, соблазны его теогонии и его гностицизм, но знаю о ней очень мало.

Я думаю сейчас о реальности и внеположности состояний души. Но переносить их в Бога, как это делал Бёме и Шеллинг, неправильно.

6.V. Любые два человека и различны и подобны. Подобие можно понимать двояко: как подобосущие и единосущие. Жизнь человека можно понимать с точки зрения profanum и sacrum.

Profanum. Жизнь человека определяется:

1. Наследственностью, идущей от самых отдаленных времен.

---

* Т. П. Ишевской.

2. Воспитанием в детстве и юности.

3. Духом времени.

В каждом из этих трех моментов есть и индивидуальное и общее. В первом общее заложено в некоторой глубине индивидуальности, во внешнем — различие индивидуальностей: и две капли воды различны. Воспитание более стандартно и трафаретно и определяет общее. Еще сильнее определяет общее некоторый стандарт — дух времени: во-первых, язык времени (Гумбольдт, Уорф, структурологи). Во-вторых, специальный дух времени. Но он тоже не однозначен, два направления:

a. Das Bestehende, «Man» — «так говорят», «так все считают».

b. Модное противоречие dem Bestehendem, модничание, сейчас это, например, мода на экзистенциализм Сартра и др. Дух времени — это то, что я назвал телом истории, телом исторической эпохи или периода. Все эти три момента создают то, что можно назвать механизмом психики. Механизмы психики различных людей различны, и типология находит несколько основных типов психических механизмов, но вариации их очень разнообразны, нет двух вполне одинаковых психических механизмов. Психический механизм — индивидуальность, но еще не личность. Личность — преодоление своего психического механизма. Но это относится уже к sacrum.

Как понимать подобие психических механизмов — как подобосущие или единосущие? Первое психологично, второе онтологично. Есть некоторое единство биосферы, может, всей природы, даже всего космоса. Животные живут в нем, даже наиболее развитые не порвали с ним. Человек в грехопадении порвал, он уже изгой в природе. У людей есть некоторый другой, благоустроенный космос — благоустроенный космос греха, des Bestehendes. Отрицая его, то есть само понятие греха и соборности греха, а значит, и святости, мы признаем только подобосущие психических механизмов. Но отрицание понятия греха равносильно отрицанию понятия вины, а сознание вины свойственно каждому человеку. Вина объединяет людей по существу, эта связь не психологическая, а онтологическая. Я различаю некоторую поверхность жизни и глубину. На поверхности жизни грех не только разделяет, но и объединяет людей, люди солидарны в грехе, в человеческой слабости, в страдании и в сострадании. В грехе, в человеческой слабости, в страдании как действии греха и в сострадании **он** или **она** становится для меня **ты**. Но грех глубже, с поверхности жизни он проникает в самую глубину моей души. Вернее, там он и возникает, он и в глубине моей души и вне меня, в глубине других душ, это не психологическое, а онтологическое состояние — грех всего мира, который взял на Себя Христос. Реально ощущая свой грех, я ощущаю его как грех всего мира во мне, грех всего мира — мой грех: я виноват за всех (Митя Карамазов). Тогда это уже не психологическое, а онтологическое состояние, поэто-

му в грехе люди не подобосущны, а единосущны. Сознание вины греха — покаяние. Оно не обязательно должно быть сказано словами, оно чувствуется и ощущается, это чувство-ощущение. Но от покаяния надо отличать легкомысленную или циничную игру в покаяние, нигилизм или брезгливость к себе самому. Христос говорит не о брезгливости, а о ненависти к своей душе: ненавидящий свою душу спасет ее, именно спасет, значит, это не брезгливость к ней, а наоборот, бесконечная заинтересованность ею: на что человеку целый мир, если он повредит своей душе <Лк. 9, 25>. Выражается эта бесконечная заинтересованность парадоксально: потерять свою душу и значит найти ее. Но это уже переход к sacrum.

Но и не доходя до области sacrum, я часто ощущаю свои желания, чувства, чувства-ощущения как что-то не зависящее от меня, от моей воли, как какие-то слои, апперцепционные массы, реальности, существующие в глубине моей души и одновременно вне мой души. Я назвал это внеположностью душевных состояний. Я чувствую это в том, что называю бесовской абулией, и в подлой мысли, и в неслучайности случайности. По-видимому, это ощущал и Шеллинг последнего периода, и Бёме, ошибка у них только в том, что они проецировали эту внеположность на Бога, тогда это уже гностицизм и пантеизм. Кажется, и Фрейд ощущал это, но слишком биологизировал, иногда это для него голос предков. Ощущение внеположности душевных состояний есть и у Хайдеггера, и у Сартра, но так как без Христа, то демоническое. У Сартра это доходит иногда до того, что душа представляется в виде какой-то арены или сцены, где выступают уж совсем независимые от меня мои чувства, желания, стремления. Тогда отпадает уже всякое понятие вины: вся моя душевная жизнь представляется как театр, а актеры — мои чувства, желания, стремления. А кто режиссер? В этом случае — дьявол. Но я принимаю его за свою мнимую свободу воли.

Есть тело души и душа души. Тело души — это психический механизм, о котором я говорил. Психический механизм еще не личность, но только индивидуальность, он вполне детерминирован тремя моментами: наследственностью, воспитанием, духом времени. Душа души — дух или личность. Как определить положительно личность — я не знаю. Я думаю, ее и нельзя определить положительно, ведь сущность ее — свобода, не свободный выбор, а абсолютная свобода, которую дает вера, вернее, Христос: «если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете». А абсолютная свобода не может быть логически определена, потому что определение детерминирует. Отрицательно же можно определить так: душа души рождается и есть как протест против тела души. И так: душа рождается и есть, оставляя себя. Это соответствует тому, вернее, это и есть то, что Христос говорит о душе. Но чтобы душа души могла протестовать против своего тела души, то есть

всегда быть в оппозиции к нему, она должна, во-первых, осознать свое тело (не физическое, а тело души) как некоторую онтологическую реальность, то есть почувствовать внеположность своих состояний, грех и дьявола — режиссера моих чувств, желаний и стремлений на театре моей души. Обычно этого режиссера я принимаю за свою свободу, как это делает и Сартр. Во-вторых, почувствовать, что и сама она, то есть душа моей души, не автономна, что сама она ничего не может, что моя душа принадлежит не мне, а Богу. Эти два пункта — не два пункта, а одно двустороннее состояние моей души: страх перед антихристовой бездной, заключенной в моей душе, и бесконечная заинтересованность Христом, который вытаскивает меня из этой бездны. Здесь тоже какое-то противоречивое и все же реальное отношение: моя душа, то есть я сам, теряю себя в бездне, заключенной в душе — во мне самом. Эта бездна — некоторая реальность во мне и в то же время вне меня, различная и в то же время общая для всех.

Термины подобосущия и единосущия — очевидно, Ария и Афанасия, и снова — применение христологии к антропологии. Подобосущие правдоподобно, но ложь; единосущие неправдоподобно, но истина.

8. V. То, что я пишу после «Ви́дения», особенно последний год, — это и мало и много. «Быть не при деле», подлая мысль, антихристовы соблазны, бесовская абулия — выбор невыбора, смиренномудрие, неслучайная случайность, метатеология, христоцентрическая антропология (монофизитизм и несторианство) — все это какие-то самые предельные, пограничные вопросы. Ведь Бог есть не вообще, а сейчас здесь, во всем, даже в Его отсутствии, когда Он оставляет меня и, оставляя, не оставляет. Я приблизился к этому и все же еще очень далек от экзистенциального понимания, понимания-состояния, даже от хотя бы законченного теоретического изложения. Кроме небольшого заключения в Добавлении* к «Видению» — о смиренномудрии, ничего законченного не сделал за это время. Но не это главное, главное — что я далек от экзистенциального состояния. Вот что я понимаю под этим: во-первых, я уже не могу быть при деле, но не могу **быть** не при деле; может, потому и случилась неслучайная случайность. Вернее, **чтобы**, потому что вся жизнь телеологична и последующее определяет предыдущее. Во-вторых, трансцендентная ситуация, в которую меня ввел Бог. И здесь я уже не могу не быть ее субъектом, Бог уже сделал меня ее субъектом, и в то же время не могу быть или оставаться им, все время выпадаю, то есть падаю. И это тоже, может, неплохо, плохо, что слишком часто, очень часто я не чувствую, что Бог поддерживает меня. Я уже понял

* См. библиогр. [29], с. 111—171.

благодарность за радость и все же редко умею благодарить и редко радуюсь.

Мой грех все тот же — монофизитизма: страх материального обряда, вообще материальности. Но ведь всякий обряд, и духовный, проявляется в материализованной форме, даже обряд общения с Богом. Мой страх обряда, материализованного, потому что другого нет, — монофизитизм, доведенный до предела, до крайнего докетизма. Поэтому сейчас очень редко хорошо молюсь. И все же иногда, может, не часто, не знаю, потому что в этих случаях время разрывается, чувствую, что все время живу в молитве, в смиренномудрой молитве, в покорности: да будет воля Твоя. Но тогда что значит эта бесовская абулия, в которой по времени или во времени пребываю еще чаще? Это два слоя во мне, и второй покрывает густым, плотным туманом первый, так что и не вижу его, это мой грех, моя греховная сущность, мое окаянство, моя вина без вины, тем большая, что без вины, и когда она достигает некоторой максимальной степени интенсивности, она вдруг прорывается, я проникаю в некоторую глубь и во всем вижу Провидение: да будет воля Твоя.

10.V. Кощунство не в том, что человек говорит: нет Бога, это не кощунство, а глупость. И когда Элоиза писала Абеляру, что она любит его больше Бога, — это не кощунство. Она видела в нем духовным зрением то, чего никто из людей до сих пор не видит в нем, может, потому, что видит плотским зрением. Может, она исполнила в отношении Абеляра заповедь Исаака Сирианина: чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем.

Простится всякая хула, даже на Сына, только не на Духа Святого <Мф. 12, 31>.Только это кощунство. И Христос обличал прежде всего фарисеев. Фарисейство — хула на Духа Святого. — Это о моих сомнениях, старых и новых, в отношении двух главных заповедей, на которых стоят закон и пророки: как исполнить вторую, чтобы она не стала или равнодушием ко всем, или эгоистической любовью к некоторым; как совместить обе. Не совмещение их соблазн и грех, а мой вопрос, как их совместить; и также первый вопрос. У апостола Павла эти вопросы не возникали. Мой грех, что я не могу радоваться все время, все время благодарить Бога за посланную мне радость. Апостол Павел говорит: всегда радуйтесь.

Мне открыл Бог очень много, а сделал я очень мало — это мой грех, а не те глупые вопросы, которые меня мучают, вина моего греха. И если я называю ее виной без вины, она не умаляется от этого, тем больше она, что это именно моя вина без вины, тем больше, что Сам Бог обвинил меня.

16. V. Кьеркегор. «Am Fuße des Altars»* . Лука — о грешнице. Небольшая вещь, посвященная отцу: стр. 44 и дальше — о смиренномудрии и молчании. Когда я писал о молитве и смиренномудрии (Дополнение IV к «Вйдению»), я не знал ее.

Вот в чем, мне кажется, главное противоречие Кьеркегора: главная, во всяком случае одна из самых главных антиномий веры, не только теоретическая, но и практическая, экзистенциальная, — это антиномия Alleinwirksamkeit Gottes и абсолютной свободы. Христос говорит о языческой многословности в молитве, о том, что Бог еще до моей молитвы знает, что мне надо, и в то же время: о чем ни попросите в молитве, если не усомнитесь, что получите по молитве, то получите. Антиномия заключена, может быть, не столько в совмещении обоих тезисов, сколько в понимании самого слова н е у с о м н и т е с ь. Есть просьбы, не усомниться в исполнении которых, может быть, невозможно, например своекорыстные. Но как отличить просьбу своекорыстную от несвоекорыстной, соединенной с leidenschaftlichem Leiden? В содержании просьбы или в ее форме, то есть в качестве веры? Но само это разделение на содержание и форму просьбы и веры уже неверно и возникает только тогда, когда нет веры, о которой сказано: верующему все возможно; возникает в искушении, в соблазне. Апостол Павел: мы не знаем, о чем и как должно молиться, Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за нас. Кьеркегор в своих псевдоанонимных вещах все время повторяет первую половину этого изречения, он говорит, как далек от меня Бог, вернее, как я далек от Бога. Но не говорит, как близок мне Бог, как мне услышать голос Святого Духа, ходатайствующего за меня. Он говорит это в «Reden»** и в дневниках. Но в том, что я читал, он или высказывает умные мысли, или говорит и утешает на традиционном языке. Кто чувствует традиционный язык, тому не нужны его умные мысли, тот и не поймет их. Кто поймет его умные мысли, тот уже не сможет чувствовать его традиционный язык.

Но у Исаака Сирианина нет такого разделения умных мыслей и традиционного утешения, оно у него и не традиционно. Может, потому, что было соответствие между умными мыслями и утешением, то есть оно было современным и в то время, поэтому современно и сейчас. А у Кьеркегора разрыв между современностью умных мыслей и традиционностью утешения, то есть языка утешения. Он дал не практику, а теорию Existenzmitteilung, у него было только Existenzlehre von der Existenzmitteilung***, но там, где больше всего должно было быть

---

* «У подножия алтаря» (*нем.*).

** «Речах» (*нем.*), т. е. в «Назидательных речах».

*** Экзистенциальное учение об экзистенциальном сообщении, откровении (*нем.*).

Existenzmitteilung, в дневниках и «Reden», там его не было: потому что не современное Existenzmitteilung, то есть не сказанное на современном языке, традиционное, уже не Existenzmitteilung.

22. V. А. Я далек от бога.

Б. Бог далек от меня.

Эти два предложения можно рассматривать объективно, субъективно и абсолютно.

1. Объективно оба предложения равносильны: если точка А удалена от точки Б, то и точка Б настолько же удалена от точки А. Точка — объект отношения, но во всяком случае один из членов обоих отношений, а тогда и оба не объект.

2. Субъективно отношения А и Б не равносильны.

А. Здесь субъект я. Тогда возникает вопрос: почему я далек от Бога? Субъективно здесь может быть, мне кажется, два ответа:

а. Потому что меня вообще не интересует Бог. Это равносильно нарушению не только первой, но и второй заповеди Моисея — не сотвори себе кумира. Потому что без веры жить вообще невозможно. Если я не верю в Бога, то верю или другому человеку, или в другого человека, или себе, своему уму, или в свой ум и создаю себе кумира — другого человека или свой ум, а ум создает множество других кумиров: непогрешимость науки, силу власти, закономерность природы, физическую необходимость и др.

б. Я бесконечно заинтересован Богом, и все же Он далек от меня. Почему? Субъективно я не могу ответить на этот вопрос. Ответ может быть здесь только абсолютный, причем надо различать абстрактную абсолютность и экзистенциальную абсолютность, которую можно назвать также абсолютной субъективностью. Тогда субъективный ответ можно назвать относительной субъективностью или субъективизмом и психологизмом.

Б. Здесь субъект Бог. Тогда возникает вопрос: почему Бог далек от меня? Субъективно могут быть два ответа:

а. Потому что Бог не интересуется мною. Почему? Потому что Ему вообще нет никакого дела ни до меня, ни до других людей. Этот ответ Эпикура практически совпадает с ответом Аа, и я снова создаю себе кумира, потому что без всякой веры я не могу и шага ступить. Смягченная и завуалированная форма этого же ответа — деизм.

б. Бог бесконечно заинтересован мною и все же далек от меня. И на этот вопрос невозможно ответить субъективно, но только абсолютно, экзистенциально абсолютно.

3. Абсолютно предложения А и Б не равносильны, но здесь может быть дважды два ответа:

а. Правдоподобный:

α. Синергетический, морализирующий, склонный к ереси несторианства: я далек от Бога, так как я грешник. Это верно. Но почему Бог далек от меня? Если я отдалил Его от себя своим грехом, то не станет ли грех, не стану ли я сам сильнее Бога?

β. Акосмический, склонный к монофизитизму: Бог не далек от меня, только как бы (quatenus) далек. Это верно. Но ведь я, грешник, существую не как бы, и мой грех — действительный грех, а не как бы грех, и я не как бы, а реально, экзистенциально, в грехе далек от Бога и чувствую Его далеким от себя. И, может, самый большой грех — уныние и слабость веры, невозможность не усомниться, что по вере моей и будет мне; эта невозможность не усомниться не как бы, а действительная. Правдоподобные ответы просто не хотят видеть, игнорируют или предложение Б — ответ α, или А — ответ β. Тогда возникают соблазны: α_1 — имманентизирование Бога; β_1 — трансцендентирование Бога. β_2 — растворение трансцендентного Бога в вере, то есть полное имманентизирование Бога. Ересь несторианства переходит в ересь монофизитизма — наркотический соблазн. α_2 — абсолютное трансцендентирование Бога настолько отдаляет Его от меня, что я уже не вижу, не чувствую Его. Понимане соблазнительности наркотического соблазна, то есть монофизитизма, переводит его в отрицание монофизитизма, в ересь доведенного до предела нигилистического несторианства — соблазн подлой мысли.

В конце концов α и β в их взаимном переходе; α→β, β→α — практически те же ответы Аа и Ба, но или (1) с ощущением соблазнительности, безнадежности и греховности этих ответов, или (2) с лицемерным скрыванием от себя сложности, противоречивости и антиномичности абсолютного ответа. Второе (2) может быть практическим лицемерием, во всяком случае, склонность к практическому лицемерию — синергетическое фарисейство, или теоретическим лицемерием — акосмическое или стоическое благородство. Лицемерие — не обязательно сознательное, может быть искренней ложью или лживой искренностью. В случае практического лицемерия умаляется трансцендентность Бога, в случае теоретического — Его имманентность. Потому что Бог одновременно и самое далекое и самое близкое мне: в живой вере Бог именно как самое далекое мне — самое близкое, ближе всего.

б. Неправдоподобный. Об этом я писал в IV части Добавления к «Ви́дению». Об этом можно написать очень много, и никогда не будет достаточно.

Правдоподобный ответ я соединяю с арианским подобосущим: правдоподобие — именно ложь. Тогда неправдоподобный ответ — афанасиево единосущие: не правдоподобно, даже неправдоподобно, поэтому истинно: Credo, quia absurdum est.

25.V. Подлая мысль: уже почти год, даже больше, я очищаю веру от ложных примесей. Что останется? Я ищу неизвестный ответ на неизвестный вопрос, сокращаю радиус области, где он лежит. Не равен ли этот радиус нулю? Да, равен, но в пределе в этой точке лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос. Экстенсивно радиус этой области равен нулю, интенсивно в этой точке он равен бесконечности. Тогда подлая мысль исчезает.

Первое упоминание о подлой мысли я нахожу в Библии в вопросе змия к Еве: а правда ли?.. Эта мысль подлая, но еще подлее скрывать ее от себя. Но остановиться на ней — глупая человеческая самоуверенность — вера в свой ум.

1.VI. Тварность, то есть сотворенность, есть конечность. И в то же время в животном, в невинном apeiron не ограничено, в человеке относительно ограничено самосознанием, в Боге самоограничено:

1. Абсолютно — Святым Духом — возвращением Отца к Себе в Сыне, то есть Божественным самосознанием, — Троица.
2. ε-самоограничение: творением мира.
3. ι-самоограничение: вочеловечением Слова.

В человеке относительное ограничение, а не абсолютное, так как не самоограничение, а через возложение на меня Богом бесконечной ответственности и абсолютной свободы. Так как бесконечная ответственность мне не по силам, то возвращение к себе неадекватное — это и есть первородный грех, и в грехе бесконечная ответственность стала моей виной без вины.

Apeiron — бесконечность бытия, то есть само бытие в своей бесконечности, в его абсолютном противоположении небытию, в абсолютном противоположении ч т о — н и ч т о. Н и ч т о здесь οὐχ ὄν, а не μὴ ὄν. В Боге бытие бесконечно и интенсивно (ι) и экстенсивно (ε). В сотворенном — бытие только интенсивно бесконечно, не экстенсивно, потому что тварь не сама себя сотворила и ее бытие не в ней, а в Боге. Поэтому для твари противоположение ч т о — н и ч т о все же не абсолютно, тогда относительно или относительно абсолютно: смерть относительно абсолютна. Поэтому же экстенсивно для твари земное бытие: ограничено во времени и пространстве. Само понятие временности и пространственности включает в себя экстенсивную ограниченность. От относительного или относительно абсолютного противоположения ч т о — н и ч т о разделение ничто на οὐχ ὄν и μὴ ὄν. Бог же, как Сущий, абсолютно противополагается несущему. Но и это уже сказано не точно, так может возникнуть языческий дуализм или в дальнейшей рефлексии гностическое включение ничто в Бога. Но ничто просто нет, и Сущее противополагается несущему в абсолютном непротивоположении: Бог есть, ничего другого нет, пока из этого н и ч е г о, или из н е т,

или из ничего нет Бог не сотворил что, оно ι-бесконечно, как противополагаемое ничему, само различие между что и ничто бесконечно, но только ι-бесконечно, как сотворенное. Только Сам Бог ε-бесконечен в абсолютном противоположении непротивоположения Сущего несущему. Но и в этом рассуждении допущена неточность: пока. Само пока, как и время, сотворено Богом.

Абсолютное противоположение что — ничто в Боге — apeiron, причем экстенсивное, экстенсивная бесконечность и всемогущество Бога. Но так как противоположение **в непротивоположении**, то не относительное ограничение, а абсолютное самоограничение Своей бесконечности — абсолютно бесконечное самосознание Бога:

1. Абсолютное возвращение Отца к Себе в Сыне — Святой Дух, исходящий из Отца.

2. ε-самоограничение.

3. ι-самоограничение.

Apeiron в человеке — это то, что я назвал внеположностью душевных состояний, когда я не могу стать субъектом трансцендентной ситуации, в которой я нахожусь, во-первых, как сотворенный, во-вторых, как получивший бесконечный дар абсолютной ответственности. Но так как я уже не могу и не принять этот дар, то есть не быть субъектом трансцендентной ситуации, то я уже ограничиваю свое apeiron, но только относительно или относительно абсолютно: не могу не принять, ни не принять бесконечного дара.

Относительно вопроса Хайдеггера я был, кажется, не прав:

εε — удивление перед тайной бытия, то есть его бесконечностью или apeiron: почему есть что, а не, скорее, ничто?

ιι — удивление: почему мне плохо, а не, скорее, хорошо?

ει — удивление: если же есть что, то почему не одно и то же что, а многие различные что?

ιε — удивление: если же мне плохо, то почему есть не только различие и степени плохого и хорошего, но и различие добра и зла, святости и греха?

Я спрашиваю об основании или принципе:

1. Существующего, то есть самого́ бытия, в отличие от небытия.

2. Плохого, то есть самого́ плохого, в отличие от хорошего.

3. Различия вообще, то есть индивидуализации: почему, например, два цветка не тожественны, а все же различны.

4. Различия греха и святости.

Я знаю, что ответ лежит в неизвестной области, радиус которой я стараюсь сократить. Я знаю, что не только ответ, но и сам вопрос преломляется в моем греховном разуме так, что я не могу и задать его правильно. Я пытаюсь хотя бы правильно задать вопрос, ограничить об-

ласть, где лежит не только правильный ответ, но хотя бы правильный неизвестный вопрос.

5.VI. В феврале—марте 1967 г. уже после невидящего взгляда я записал о слабости моей фактичности, о лжи и греховности моей фактичности, которой до 16.X.63 не было. Под фактичностью я понимал то, что потом называл контингентностью — экзистенциальной ситуацией, в которой я тогда жил. Когда же мне послан был невидящий взгляд, это привело меня к новой форме моей фактичности. Но я высказал причинное отношение. Верно ли это? Не для того ли и послан мне был невидящий взгляд, чтобы я понял вторую заповедь — одну из двух, на которой стоят закон и пророки? Телеологическое, а не причинное отношение: не потому, а для того.

Я написал: телеологичность, а не детерминизм. Могу ли я это доказать? Но как я могу доказать, что сейчас день и светло, а не ночь и темно? Я вижу это, вижу, что душа моя принадлежит не мне, что я акциденция неизвестной мне высшей трансцендентной ситуации. Но и это уже сказано не точно. Я знаю свою вину без вины, бесконечную мою вину, хотя и без вины, значит, я уже не только акциденция трансцендентной ситуации, но и субъект ее, которым не могу быть. Я уже тот, которым не могу быть.

Хайдеггер все же почувствовал некоторые, как он называет, экзистенциалии: забота, заброшенность в мир и др. К ним принадлежит и экзистенциалия беспомощности: я беспомощен.

В этом слове двойной соблазн — Сциллы и Харибды.

Соблазн Сциллы: Хайдеггерова легкомысленная игра с жалкими словами. Соблазн Харибды. Его сказать труднее. Христос сказал: сила Моя совершается в немощи. Апостол Павел: когда я немощен, я силен. Соблазн здесь в том, чтобы отожествить мою беспомощность с немощью, о которой говорит Христос и апостол Павел, и в том, чтобы различить их.

8.VI. Т. сказала, что я беспомощен. Я могу сам сварить себе обед, постирать белье, и не раз стирал. В этом смысле я не беспомощен. У меня трансцендентальная беспомощность. Экстенсивно: я мог добиться какого-то положения, материально устроиться. И не только материально: «Логические исследования» <«Логический трактат»> уже несколько лет <как> могли быть напечатаны. Но для этого надо, во-первых, пересмотреть их, во-вторых, куда-то ходить, что-то делать. Но важнее интенсивная беспомощность и тоже трансцендентальная. Т. давно писала мне: Ш. чего хочет — добивается, а ты не добиваешься. Это интенсивная беспомощность, страх жизни, я беспомощен перед

агрессией жизни. Я многое могу сделать и не делаю — бесовская абулия, от этого и пью. Все время что-то грызет меня, жжет и убивает всякое начинание.

Когда что-то происходит, когда я что-то делаю, иногда мне кажется, что это я делаю, я сам делаю: могу делать, могу не делать. Проходит некоторое время, и я вижу: ничего я сам от себя не делаю, не могу делать, могу только мысленно грешить, быть виноватым, все делает Бог. Все больше убеждаюсь: случайность не случайна — неслучайная случайность. Да, Бог послал мне испытание 16.X.63. Первые годы жил Им, Он поддерживал меня. А я грешил, мысленно грешил, говорил, когда надо было молчать, говорил как магнитофон, не чувствуя ближнего. Наконец дошел до того, что подумал — не подумал, мелькнуло: Бог держит меня, я стою прочно. — «Ты думаешь, что стоишь? Бойся, как бы не упасть». — И я упал: мне был послан на два месяца невидящий взгляд, чтобы я понял, как я пал. Это было падением, которое было подъемом. Или подъем, который был падением. И я бросился к Т. Не я бросился, меня бросило, Бог меня бросил к Т. Что я делал? Ничего, только мысленно грешил. Что я делаю? Ничего, только мысленно грешу. Господи, помилуй.

10. VI. В истории есть общее, или необходимое, и частное, случайное. Например, беспредметное искусство, абстрактный театр создали в конце 1920-х гг. В. и Х., но они остались неизвестными, а потом, уже независимо от них, он возник в 1940—1950-е гг. Но личное, что создали В. и Х. и что бесконечно превосходит Ионеско, Беккета и др., никто не создал и, думаю, не создаст. У Гуссерля (Epoche), у Хайдеггера (например, теория экзистенциалий) и многое другое создано независимо от меня, иногда и позже меня. Но все это п о ч т и то, что у меня, и, как п о ч т и, — ложь. Что-то личное, оттенок определяет главное. Главное необходимо в том смысле, что новые идеи, например $F(A)$, все равно возникнут, хотя бы их первый автор умер в неизвестности и все, что он создал, погибло. Но некоторый личный оттенок этого $F(A)$, пусть $F'(A)$, — случаен. Но этот штрих — F' — как раз и есть главное. Я возьму совсем элементарный и незначительный пример. Введение в школьное доказательство геометрических теорем знаков математической логики, упорядоченная символическая запись доказательства относится к общему, и после меня[29] были уже такие проекты. Но мои чертежи и схемы доказательств — слишком личное, и вряд ли кто за эти 28 лет додумался до них. Но все же это относится еще к общему, может, кто и додумается. Но тот штрих (F'), который ввели в поэзию, в поэтическую философию, в философию и теологию В., Л., Х., я, — этот штрих уже никто, кроме нас, не может ввести и не введет. В крайнем случае будет,

как вышло с Джезуальдо, с контрапунктистами 12—13 вв., через 100 или 200 лет нас откроют и скажут: поразительно, 100 или 200 лет тому назад были люди, которые думали так, как мы сейчас, причем не вообще, не общими категориями, а лично — тот же оттенок мысли, а это самое главное.

Теперь другой вопрос. Этот оттенок или штрих, личное, не определяется общим развитием культуры, ничем не определяется. То общее, что есть в нем, определено, но личное не определено, оно вполне случайно. И здесь возникает вопрос: волос с головы моей не упадет без воли Божьей. Неужели это личное, этот штрих, имеющий значение для всех, может, всем нужный, самое главное, не зависит от воли Божьей?

Я думаю так: есть historia sacra и historia profana. И то и другое — одна история, но многозначно одна. Во-первых, хотя все, что происходит, определяется как будто бы эмпирическими причинами, но за этими эмпирическими причинами, которые тоже большей частью неизвестны нам и кажутся случайными, скрывается воля Божия — Провидение. Может, в том, что кажется случайным, именно в нем яснее всего проявляется Провидение. Во-вторых, в этом, иногда случайном, но всегда sacrum, тоже два направления: 1. Общее. 2. Личное. В общем — ход истории, Провидение — яснее, это можно назвать экстенсивной ясностью. В личном часто не так ясно. Но, может, это личное — оттенок, штрих — еще сильнее определяет общее, чем само общее. И в нем — Провидение. Но в нем Провидение как бы желает скрыть Себя, чтобы никто не знал, что и здесь Провидение, чтобы люди думали, что здесь действует сам автор — В., или Л., или X., или я. Но я знаю, что это не я, а Бог.

19. VI. Только я научился благодарить Бога за радость, как Ты послал новое страдание* . Научи благодарить Тебя и за это новое страдание. Если же возможно, то пронеси эту чашу мимо нас. Впрочем, пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь. И все же прошу не ради меня, ради Т.: пронеси эту чашу мимо нее.

20. VI. Я писал, что индивидуализация, то есть различие личностей, — от различия греховности: каждый отличается от другого тем, как он грешит: легион имя мне, легион моих грехов, и легион имя нам, грешникам; легион — все мы различны. То есть от различия невозможности принять на себя бесконечную ответственность, стать субъектом трансцендентной ситуации. Но ведь все мы сотворены одним Богом, почему один получил 5 талантов, другой — 3, третий — 1?

---

* Обострение болезни Т. П. Ишевской.

Я все время повторяю: оттенок, оттенок оттенка — это и есть личность, сущность личности. Может быть два одинаковых цвета, но не может быть два одинаковых оттенка и оттенка оттенка одного и того же цвета. Здесь лежит неизвестный ответ: Бог сотворил не цвет, цвет — абстрактное понятие, а оттенок, оттенок оттенка цвета. Число логически оттенок тоже абстрактное, а не конкретное понятие, а онтологически в оттенке есть индивидуальное различие. Я — именно оттенок, оттенок оттенка меня, Бог сотворил меня как оттенок или оттенок оттенка меня, то есть как личность. Ведь Он сотворил меня по Своему образу и подобию, а Его образ и подобие — единственность и личность; каждый сотворен как единственность и личность в невозможности ни принять, ни не принять возложенную Богом бесконечную ответственность. И все же это еще не ответ. В крайнем случае это только намек на ответ: почему Он не сотворил всех одинаковыми, — но не ответ на вопрос: почему Он сотворил нас различными?

Намек в том, что сущность, то, что называли entia, essentia, субстанция, — не предмет, не вещь, но и не род, а оттенок, оттенок оттенка предмета, вещи, человека; предмет же, вещь, даже человек — то, что называли атрибутом, модусом, свойством. Как в моем сне о светопреставлении: я стану цветом, оттенком цвета тучи. Я и есть оттенок, личность и есть оттенок.

Может, так:

я и сам в себе различен, поэтому и мы все различны: отличны один от другого. Но и это не ответ, не общий ответ, только некоторое предчувствие и в конце концов только констатирование факта. Тогда так:

я и Бог. Поэтому я личность, единственная, отличная от всех других. Не я, но Бог. Поэтому я личность как оттенок, оттенок оттенка. Но и это только предчувствие неизвестного и непонятного.

24.VI. Мечтание и бесовское парение мыслей нехорошо и грех. Но в нем, то есть в этих мыслях, являющихся в мечтании и бесовском парении, почти ни в одной нет ничего нехорошего и греховного. Нехорошо в них не содержание, а форма, граничащая с унынием, игнавией, или Schwermut, — выбор невыбора. При этом иногда могут быть и хорошие и умные мысли. Откуда они? Мне кажется, эта мечтательность иногда может быть обратной стороной хорошего: негде приклонить голову. Она плоха по форме, как выбор невыбора, но у нее есть и обратная сторона: быть не при деле, не иметь где приклонить голову. И уж во всяком случае лучше деловитости. Никогда я не любил слова: я работаю. Обычно я говорю: я занимался или занимаюсь. Должно быть, это связано со словом занимать, занять, занять в долг. Я беру в долг у Бога то, что Ему угодно было дать мне на время. Я не сам беру: Он пожелал мне дать, тогда я не могу не взять.

30. VI. Смелость — в том, чтобы признать свою трусость, ум — понять свою глупость, праведность — сознать свою греховность, то есть каяться. Достиг ли я этих трех ступеней совершенства? Если скажу: достиг, то не достиг: еще не признал своей трусости, не понял своей глупости, не сознал своей греховности и вины.

5. VII. Антиномия предопределения и свободы никогда не будет разрешена; если бы она была окончательно решена до смерти человека, он потерял бы свободу, стал рабом. Поэтому все теории человеческой свободы или недостаточно радикальны, то есть оставляют его рабом психического механизма или хотя бы мотивов, определяющих его волю, или явный или скрытый синергетизм и фарисейство — умаляют всемогущество Божие. Абсолютная свобода именно в неразрешимости этой антиномии и сознании ответственности и вины.

7. VII. Кажется, я уже писал: свою жизнь я не прожил, а продумал, а мысли пережил. И в мыслях перешел предел дозволенного, поэтому жертва. Это не значит, что мысли ненужные или плохие, плохо в них, во-первых, некоторый личный оттенок, но не в том, **что** записано, и не в том, **как** записано, а в каком-то моем личном экзистенциальном отношении к ним, в незафиксированной фиксации их, то есть в фиксации настолько экзистенциальной, что ее невозможно зафиксировать словом; или в том, что я не нашел адекватного слова для их фиксации, то есть не покаялся. Это во-первых. Во-вторых, в некоторой недозволенной полноте мысли. Но мои вещи и «Принадлежности» необходимы всем, и читающие их не станут жертвой, может, даже найдут путь к оправданию. Во-первых, может, они найдут адекватное слово — покаются за меня. Во-вторых, никто не может экзистенциально пережить все мои мысли, каждый найдет то, что ему нужно. Я стал жертвой именно в полноте мыслей. Может, поэтому у меня так часто выбор невыбора: добру и злу внимая равнодушно. И все же: всю жизнь у меня leidenschaftliches Leiden, и оно прорывало мою Nichtleidenschaft* и равнодушие к добру и злу, я все время ел и ем себя.

Это похоже на самооправдывание, но здесь действительно есть какой-то противоречивый круг: leidenschaftliches Leiden в Nichtleidenschaft, ревность о доме Твоем в унынии, бесконечная слабость духа и в ней же бесконечно сильная тоска по отсутствующей силе духа. Но ведь бесконечно сильная. Я не оправдываюсь, я только ем себя. Но ведь ест себя мой грех. Но ведь я сам ем себя за **мой** грех. И снова: я сам — тогда грех. Но разве сам? Что я вообще могу делать сам?

---

* Бесстрастие (*нем.*).

14.VII. Царство Христа не от мира сего. Но мы живем еще в мире сем, и самый большой праведник только праведный грешник — justus peccator. Поэтому чистое христианство только предел или скорее абстракция, а экзистенциальное христианство — бесконечная тоска по Христу. Экзистенциальное христианство — некоторое равновесие с небольшой погрешностью, и эта погрешность — некоторый оттенок, определяющий сущность человека — кто он: христианин или еще язычник. Оттенков два: иудейский или языческий, и последний снова двойной: иррационально-мистический или рационалистический, абстрактный. Если иудейский оттенок слишком сильный, то погрешность превышает допустимую норму и христианство вырождается в иудейскую теократию с христианской вывеской. Небольшая погрешность к христианству: связь с Старым иудейским Заветом, иудейское происхождение Христа по матери, к своим пришел и свои не приняли Его <Ин. 1, 11>. Кто забывает это, тот уже не христианин, а или чистый христианин, то есть абстракция, например с деистским уклоном, или язычник — восточный иррационализм или античный рационализм. Я говорю: иррационализм, потому что христианство не иррационально, а арационально: Божественное безумие, посрамившее человеческую мудрость; в иррационализме же есть демонизм, это только другой полюс рационализма.

Истинное иудейство — некоторый оттенок, небольшая погрешность, экзистенциальная поправка к христианству, без которой нет и истинного экзистенциального христианства. Об этом говорил и апостол Павел, и в Апокалипсисе: Новый Иерусалим — не Афины, не Рим, не Дели, а именно Иерусалим.

21.VII. Если я верю в Бога, то Бог — во всем: в строе и характере моей жизни и мысли, в любом оттенке жизни и мысли, даже в оттенке моего греха. И здесь сразу же возникает самый хитрый и злой, подлый соблазн: перенесение акцента в оттенок моей жизни и мысли. Тогда уже не нужен Бог и нет Его, только als ob Gott*. Но как только мелькнет эта подлая мысль, сразу же нарушается и оттенок моей жизни и мысли — его уже нет. Но он есть. Тогда Бог, а не как бы Бог. Может, это наиболее сильная улика Бога, само ощущение подлости подлой мысли есть улика Бога. Я говорю улика Бога, потому что улика сильнее самого убедительного доказательства бытия Бога, само выражение: доказательство бытия Бога — бессмысленно: во-первых, потому что доказательство детерминирует, уничтожает Его абсолютную свободу, вводит в предельную мысль и ограничивает законами предель-

* Как бы Бог (*нем.*).

ной мысли, во-вторых, доказательство — признак маловерия, даже неверия: доказывают то, что само по себе недостаточно достоверно, в-третьих, фарисейство: заменяет веру в Бога верой в**мою** веру в Бога; в-четвертых, бессмысленно отделять Его бытие от Него Самого.

Улика Бога. Есть оттенок моей жизни и мысли. В оттенке — Бог. Тогда подлая мысль: Бог не оттенок ли только моей мысли? Но если только оттенок, то и самого оттенка нет, ведь существование оттенка в его абсолютности. Но оттенок есть. Тогда Бог — не оттенок, а Тот, Кто определяет оттенок, Тот, Кто оттеняет.

26.VII. Игра. Лживая искренность. Сокровенный сердца человек. — Игра настоящая именно не сознается как игра, потому что это сокровение через откровение и откровение через сокровение. У меня это преимущественно с 1925 г. до 17.VIII.34. У Д. И. к игре настоящей примешивалось ненастоящее или в настоящее входило как необходимый момент его или характеристика ненастоящее. Телеология игры. Ослабление игры, оно завершилось концом игры — «зажечь беду вокруг себя»* . У Н. М. — игра? Минимум игры у Л. и Ш.

5.VIII. «Всего знать нельзя, зачем да как, — сказал старик, — птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух лететь способно; так и человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобы прожить, столько и знает».** Это и есть смиренномудрие Чехова. Мне дано третье крыло или третья нога, поэтому я и хромаю в жизни. Я знаю больше того, что положено знать, больше половины или четверти положенного, поэтому жертва.

6.VIII. М. Ш<емякин> знает или думает, что знает, больше того, что положено знать. Если же первое, то откуда надменность и высокомерие? При первом — ощущение жертвенности и смирения: не судите, да не судимы будете. Если же гордыня, то скорее второе. Но еще у него открытая, кровоточащая рана.

Католический дух в его тезисах о живописи, нет мудрой недоговоренности и молчания. Его синтетизм — синкретизм: охватить весь мир; стать хозяином мира сего***. Но Христос сказал: Мое Царство не от мира сего <Ин. 18, 36>.

Также невидимая и видимая церковь. Может, только одно мгновение невидимая Церковь стала видимой: когда Христос послал Святого

---

* См. примеч. на стр. 274.

** Чехов А. П. В овраге.

*** Это смысл всякого синкретизма, также и католического — Пшивара. (*Примеч. автора.*)

Духа при наступлении Пятидесятницы (Деян. 2). Но сразу же после этого наступило разделение: «из наших вышли не наши». И в оставшихся тоже было разделение: борьба Павла с Иаковом, колебания Петра (Посл<ание> к Галатам). А сейчас уже и совсем трудно сказать: где наши, где не наши.

13.VIII. Физик проводит некоторое количество наблюдений или экспериментов с определенной точки зрения. Результаты наблюдений абстрагируются и фиксируются в виде точек на листе бумаги, на которой проведены две координатные оси. Затем физик ищет кривую, которая удовлетворяла бы двум условиям: 1. В среднем она по возможности приближается ко всем точкам, хотя непосредственно не проходит, может, ни через одну. 2. Возможно построить некоторое уравнение и формулу кривой для предсказания будущих явлений. Я назвал это: системой как пример — системой некоторого практического действия. Священное Писание — абсолютная, но приближенная система как пример. Именно поэтому она может быть применена к любому случаю жизни. Всех возможных случаев в жизни практически бесконечное множество, только аппроксимированная кривая годится для любого случая и, как приближенная, не превращает меня в автомат.

М. Ш<емякин> в своих тезисах по живописи претендует на абсолютность, полноту и абсолютную точность системы — классификации, но поэтому не удовлетворяет ни одному случаю, кроме своей собственной живописи. Его метафизический синтетизм — синкретизм и эклектизм.

И еще грех католической гордыни — охвата всего, и земного и небесного.

14.VIII. Как подаренная мне Богом бесконечная ответственность и свобода стала, вернее, и есть благословение-проклятие, так и избрание и благословение иудейского народа. Кто не понял, что благословение есть одновременно и проклятие, тот еще не дошел до христианства. — «К своим пришел и свои не приняли Его». Кто не понял, что проклятие есть и благословение, тот уже перешел христианство. — Апостол Павел о возвращении иудеев к Христу, о неизменности избрания-благословения. — Для Бога все возможно, Он может и ушедших от христианства — антисемитов — вернуть к христианству. Но для человеков легче не дошедшим до христианства прийти к нему, чем ушедшим от него вернуться к нему.

15.VIII. Неделя чуда. Пятница — суббота — воскресение: страшно впасть в руки Бога живого. В воскресение перед сном помолился немногословно, мелькнувший вопль, и снова: жив Господь, жива душа моя.

17.VIII. Выготский говорит, что социальное — это не коллективное, скорее личное. Но тогда это не социальное, а соборное и скорее антиобщественное, соборность именно противополагается общественному, как sacrum — profanum. Искусство не социальное и не общественное, а личное и соборное, тогда: антисоциальное и антиобщественное. Социальное и общественное автоматизирует, униформирует, а еще формалисты говорили, что искусство — остранение, уничтожение автоматизма. Социальное — profanum и общее, искусство, всякое, в какой-то степени sacrum — лично соборное и тайна.

У Выготского самое интересное, может, не то, что он говорит, а чего недоговаривает и сознательно или бессознательно подразумевает. Например, его цитаты из Спинозы о возможностях тела, упоминание теории Руца — Сиверса — это эстетически-практическая интерпретация сказанного в Евангелии: Слово стало плотью.

Может, только в первобытном обществе profanum почти отожествлялось с sacrum. Муравей, изолированный от муравейника, как бы хорошо ни кормить его, вскоре умирает. Почти так же первобытный человек, вырванный из своего общества. У древних иудеев высшим наказанием было не только побивание камнями, но и изгнание из общества. Только наивное, по терминологии Шиллера, искусство социально соборно, но уже «Песнь Песней», Книга Иова, может, большинство книг Старого Завета уже не наивно, не социально-соборно, а антисоциально и лично-соборно.

Мое Царство не от мира сего, сказал Христос. Всякая религия в какой-то, хоть небольшой, степени не от мира сего, Благая весть абсолютно не от мира сего. Тогда всякое большое искусство, хотя бы в некоторой степени, не социально-, а лично-соборно, то есть антисоциально. Может, есть общий корень всякой соборности, личной соборности — молитва, в чистой форме только — в Благой вести, полностью отрицающей мир сей, то есть социальность. Автономная мораль (рыцарь нравственности, по Кьеркегору) материализуется в праве. Связь государства и государственности с автономной этикой — Фихте, Гегель, Коген, Штаммлер. Но рыцарь веры вне нравственности, гимн любви апостола Павла не имеет ничего общего с автономной этикой, они несовместны. Бог обращается не ко всем, а к каждому в отдельности. Тогда и соборность — самое личное и интимное: где собраны двое или трое во имя Мое, там буду и Я. И также искусство — личное, интимно-соборное, хотя бы прямо ничего и не говорило о вере и Боге.

Социальное — агрегат, который официальная государственная религия кощунственно пытается освятить и превратить в органическое соборное единство.

Схема: органическое социально-соборное единство, sacrum — profanum (золотой век); абсолютное разделение социального —

profanum и соборного — sacrum (Благая весть); кощунственное освящение социального, кощунственная попытка отожествить profanum с sacrum. Но золотой век был только до грехопадения Адама, то есть до истории, в истории же — только некоторое приближение к нему в древнейшие времена.

19. VIII. Четыре состояния.

1a. Dolce far niente*
  б. Празднолюбие — (у Островского — празднолюбец)
} Две формы реминисценции доисторического райского состояния. Эстетическое состояние.

2. Безделие, суета, потеря себя — грех. Антинравственное состояние.

3. Быть при деле. — Рыцарь нравственности. Нравственное состояние, этическое.

4. Быть не при деле, не иметь где приклонить голову. Рыцарь веры.

30. VIII. Страшно впасть в руки Бога живого.

Я все могу сейчас — во всех отношениях. И ничего не могу сейчас — во всех отношениях.

11.IX. Репино. Позавчера приехали. Вчера вечером — страхи космического провинциализма** (над строкой: одиночества).

17.X. Понимание есть понимание, тожественное непониманию; само непонимание не есть понимание, а stupida ignorantia***; тогда непонимание, которому тожественно понимание, — docta ignorantia (ι-форма). Понимание есть непонимание; само непонимание не есть понимание, но stupida ignoratia; тогда непонимание, которому тожественно понимание, — docta ignoratia (ε-форма).

Это было сегодня ночью.

Я дошел до какого-то полного разложения и даже забыл дату: 16.X. Потеря памяти — потеря сознания. Это было 16.X в четверг (обморок).

Если вера слаба, если Бог оставляет меня, то путь к Нему, если нет сил молиться, через противоречивость и антиномичность жизни, она уже не естественна, то есть выходит за пределы естественного, разумного, понятного. Поэтому в противоречивой формуле понимания-непонимания блеснула улика Бога.

---

* Сладостное безделие (*ит.*).

** Так — слово над словом — в рукописи.

*** Глупое незнание (*лат.*).

19.X. Страх потери памяти, потери сознания.

25.X. Читать Послания, даже апостола Павла, сразу же после Евангелия рискованно, то есть соблазнительно: слишком велика пропасть между Богочеловеком и хотя бы самым мудрым человеком. Навязчивое плебейство убедительности, навязчивость, назойливость, глупость ума и убедительности даже мудрых человеческих высказываний. Иногда это чувствуется даже у апостола Павла, чаще не в содержании, а в форме высказывания, хотя большей частью он не убеждает, а уязвляет. Затем его смирение, иногда это смирение паче гордости: чувство собственного достоинства — не часто, но все же бывает. Христос Сам называет Себя Сыном Божиим, говорит: Я и Отец — одно, — но у Него и это звучит скромнее и смиреннее, чем смирение раба Христова и «некоего изверга» <1 Кор. 15,8> Павла.

О некотором факте. Как бы ни относиться к Богочеловечности Христа и к чудесам в Евангелиях, даже Луки, в них есть некоторый такт чудесности, то есть к а к чуда, чего нет в Деяниях и часто и у апостола Павла.

2.XI. О моих соблазнах. Во-первых, абсолютно: **в соборности** есть для меня соблазны. Я подчеркнул: **в соборности**, потому что в самой соборности есть некоторая противоречивость и соблазнительна для меня уже формула апостольского собора: соблагоизволилось Святому Духу и нам... Иногда я чувствую эту соблазнительность и в деловитости, и в уверенности, переходящей в самоуверенность, апостола Павла, и когда он, принимая решение, ссылается на Бога, Господа или Святого Духа. Во-вторых, субъективно: в соборности есть **для меня** соблазны. Я подчеркнул здесь: **для меня**, потому что все, что я написал в первой части (во-первых), я могу написать и здесь. То есть все эти соблазны — для меня соблазны, потому что я маловер окаянный.

И все же есть какая-то внутренняя противоречивость соборности, соборной веры: двойная трудность соединения ι- и ε-момента веры:

1. Личная вера — ι-момент веры; соборность веры — ε-момент веры. Они не могут быть разделены: с потерей одного умаляется и в конце концов теряется и второй момент веры.

2. ι-момент веры при углублении интенсивности веры переходит в ε-момент: только в самой глубине личности Бог, как абсолютно не мое, становится моим. Тогда ε-момент веры (соборность) имманентизируется, становится ι-верой не в Бога, а в мою веру в Бога. Тогда они не могут быть соединены. Это соблазн. Я изложил это со своей точки зрения, то есть со свойственной мне ι-веры, переходящей при интенсификации в ε-веру, но не в соборную, а исключительно личную. Это можно изложить и с противоположной точки зрения — с соборной ε-веры.

Так мне кажется, но как это осуществить — я не знаю, для этого надо перейти на ту точку зрения, которая мне чужда. Может быть, тогда окажется, что ι-вера и ε-вера одновременно и разделены и соединены и соблазна не будет. А может, и тогда будет: «соблазн должен прийти в мир, но горе тому человеку, через которого он приходит». Горе мне.

Я начал писать: Замечания к Посланиям апостола Павла* . Я хочу начать так: грешник окаянный, уязвленный Господом моим Иисусом Христом, с великим страхом приступаю к этим Замечаниям на Послания Святого апостола Павла.

6.XI. Дневник Е. Иванова** и «Воспоминания о Блоке» Павлович***.

Последнее разделение:

А. Взять на себя грех мира: я виноват за всех и перед каждым. Тенденция к Христу.	Б. Отвергнуть вину-culpa: все виноваты за меня и передо мною мною. Тенденция к антихристу.

Я говорю тенденция, потому что полностью, реально взял на Себя всю вину-culpa только Христос, и полностью отверг вину-culpa, пожелав обладать виной-causa, только антихрист. Личность — только через принятие на себя вины-culpa, значит, в стремлении и в конце концов вере в Христа, принявшего на Себя всю вину-culpa. Дьявол не анти-Бог — это манихейство или язычество, а анти-Христос, то есть антихрист, поэтому, как полностью отвергший вину-culpa, безличный, имеет не лицо, а личину. (Народные поверья: у дьявола спина заменяет лицо, на бесовских шабашах дьявола или его заместителя целуют в зад.)

Я понимаю слова Гоголя, сказавшего, что умом он понимает, что Христос — Богочеловек, потому что человек не мог так понять человеческую природу, а веры не хватает. Он называл это черствостью души. Я могу понять даже слова Розанова, не записанные, а шепотом с великим страхом сказанные Мережковскому: я не люблю Его (Христа). Розанов: «У Бога два сына — мир и Христос. Оба прекрасны, хотя второй прекраснее; но Он требует отречься от первого сына, а я люблю и первого сына и не могу отречься от него» («Метафизика христианства»). В этих словах чувствуется бесконечная заинтересованность Христом, а у Блока этого не было, он до конца был далек от Христа, безразличен, даже враждебно безразличен к Нему, потому что Блок в конце концов хотел перестроить не себя, а мир, то есть брал на себя не вину-culpa, а вину-causa — его интерес к общественности, к революции.

---

* Отдельная работа с таким названием неизвестна.

** Е. П. Иванов — друг А. А. Блока, в 1920—1921 гг. руководил литературным кружком в гимназии, которую Я. Друскин окончил в 1919 г.

*** Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке: Поэма.

Есть две опустошенности: онтологически-религиозная и психологически-субъективистская; первая — абсолютная субъективность, вторая — субъективизм, обвиняющий не себя, а других. О первой говорят Псалмы, Исаак Сирианин, Гоголь, Достоевский — это оставленность Богом: Эли, эли, лама сафахфани. Выдержит человек — хорошо, не выдержит — сам виноват, хотя бы и без вины, и никого винить не будет. А Блок винил, даже мать.

Самый сильный вопль тот, которого никто, кроме Бога, не слышит. Может, этот вопль и движет горы. А вопли Блока слышали даже на улице.

Искренняя ложь и лживая искренность — вот что Блок, и в творчестве.

«Всуе не упоминай имени Господа Бога твоего». Это относится и ко всем словам в окрестностях Бога. А Блок и символисты всуе упоминали.

Может, главное: не судите, да не судимы будете. Это значит: взять на себя вину своего ближнего — быть виноватым перед ним, может, это и есть вера в Христа, взявшего на Себя грех мира, тогда я сораспинаюсь Христу.

Если грешит мой ближний, которого я знаю, я осужу его грех, а не его самого, взяв его грех на себя. Если грешит человек, которого я не знаю, знаю его грех только по его книгам, по его взглядам, например Кьеркегор, Ницше, Блок, то что значит: не судите, да не судимы будете? Много лет я вел спор с Бахом, я чувствовал соблазнительную прелесть некоторых арий Баха, соблазнительность в артикуляции речитативов из M. P. и I. P.; два соблазна: деспотизм волевого убеждения и наркотический соблазн, как у Стравинского. Но с ними у меня много общего, что объединяет. В воскресенье я сказал М.: мне жалко Стравинского; у Шёнберга много плохих вещей и мало хороших, но его мне не жалко, в хороших вещах он совершил то, к чему был призван, а Стравинский не совершил. Я осуждал не Стравинского, но только неправильный путь, на который он вступил после 1920 г. Еще больший спор был у меня с Кьеркегором. Но снова: я его целиком принял, целиком отверг, но тогда уже не его, а себя. Но что общего у меня с Ницше, Джемсом, Файхингером, Дильтеем? С философами, философствующими ни о чем? Только одно: моя пошлость, именно моя, моя пошлость ветхого Адама во мне. Это я полностью отвергаю, в моих вещах ничего нет от этого. Тем сильнее я отвергаю их, что они когда-то все же были мне чем-то соблазнительны: мне нравилось иногда читать их, хотя я и не принимал их — какая-то соблазнительная щекотка. Но именно поэтому и тем сильнее я отвергал их: в них я находил все нехорошее и пошлое, что сидит где-то у меня в глубине, поэтому я и не мог

отожествиться с ними. Если есть что-либо общее кроме греха, я могу отожествиться с грешником, принять вину его греха на себя, молиться о нем: прости его, Господи, он не ведал, что творил. Так и Якоби отнесся к Спинозе. Если же с философом, философствующим ни о чем, общее у меня только его пошлость и то, что я называю подлой мыслью, то как мне отожествиться с ним? Он сам для меня только абстрактное воплощение моего греха, моей пошлости, моей подлой мысли. И также Блок: общее с ним у меня только то настроение, которое пробуждалось под влиянием зеленого змия: лет 15 тому назад, выпив, я любил читать Блока, трезвым никогда не читал. Если бы я был знаком с ним, я бы мог взять на себя вину его греха, но ведь для меня он только символ прелестей зеленого змия, пошлого надрыва, жалости к себе, литературщины и желания взять на себя вину-causa.

Белый пишет в дневнике: был Блок, читал стихи, потом истекал клюквенным соком.

8.XI. Я прочел: «Определенная ситуация требует решения (Entscheidung), но не предопределяет его». Ситуация не предопределяет, но, пока Сын не освободит, психический механизм предопределяет. Но затем есть еще трансцендентная ситуация, субъектом которой я предопределен стать. Это предопределение абсолютно и в то же время контингентно, я думаю, от этого различие призванности и званности.

Это не синергетизм и все же еще не ответ на вопрос, только сокращение области, где лежит неизвестный ответ.

Я прочел: «Свобода в отношении к своим возможностям». Во-первых, какая свобода? Свобода выбора или абсолютная свобода? Во-вторых, свобода выбора и есть возможность. Тогда: свобода выбора к своей свободе выбора? Но она уже детерминированна. В-третьих. Возможность и возможность возможности. Вторая и есть то ничто, в котором рождается абсолютная свобода, — οὐχ ὄν. Тогда первая — μὴ ὄν.

Я прочел:

А. Номинализм: общее понятие не обладает реальностью.

Б. Тогда не является реальным моментом поддержания Божественного космоса, но только средством для введения порядка человеческой мыслью.

В. Тогда порядок мира не Божественное дело, а человеческое.

Г. Освобождение человека и мира от Бога.

Неверно Г. А, Б, В ведет к пониманию того, что не мир, а упорядоченный в грехе мир имеет хозяином не Бога, а дьявола, как это и сказал Христос. Только фактически, а не логически и онтологически это повело к деизму. Исторически Г оказалось ложной тропинкой, уводящей от лжи языческого понимания мира как космоса, но не доводящей до

Евангельского понимания: если порядок мира — человеческое дело, то за делами рук человеческих — дьявол, хозяин мира сего.

13.XI. С четверга до воскресения было то же, что и 16.X, но без потери сознания. Я буду называть это состояние α, а с потерей сознания α'. Вечером перед сном молился и просил Христа убрать от меня α. И Он убрал: в понедельник и вторник не было. А вчера снова было. И снова перед сном просил убрать и молился: пронеси эту чашу мимо меня, не ради меня, ради них. И снова Он убрал. Господи, поддержи меня в вере, верую, Господи, помоги моему неверию.

20.XI. Не помню, как до 1964 г., но после помимо «Взгляда» и «Ви́дения» и в других вещах я часто говорю о взгляде и ви́дении. Этот взгляд и это видение не субъективно-психологическое, тем более не чувственное, а онтологическое. Может, поэтому в «Видении» оба объединились в опустошенном взгляде.

23.XI. Царство Божие в Евангелии упоминается иногда как будущее, иногда как настоящее. Последнее, говорят, в том смысле, что Божья воля неизменна: Его Царство не наступит, а уже есть, всегда. Но тогда я разделен уже не только в грехе, так как я уже сейчас и здесь и там. Об этом — в «Уклончивом ответе» и еще раньше, лет 40 тому назад.

3.XII. Со вчерашнего дня все повторяю:

Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся <Лк. 12, 49>.

Крещением должен я креститься, и как томлюсь Я, пока сие совершится <Лк. 12, 50>.

В какой-то степени это может повторить всякий человек, особенно вторую часть. Но и первую: зажечь беду вокруг себя*.

Христос сказал это Сам — это Его абсолютная субъективность, абсолютная субъективность Слова, ставшего плотью. Я сам никогда бы не смог этого сказать и никогда сам не говорю. Я, тожественный себе самому, повторяю это за Христом, повторяю сотворенную Им мою абсолютную субъективность.

8.XII. Исаак Сирианин сказал: чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем. Якоби об Элоизе: любовь всегда права, Абеляр был таким, каким видела его Элоиза. Я не возражаю против этих двух

---

* См. примеч. на стр. 274.

изречений, только спрашиваю: как примирить это с различием невинности и святости, если невинность живет в добре, не зная ни добра, ни того, что она живет в добре, а святость и живет в добре и знает добро, а значит, и зло? Я уж не говорю о практическом столкновении добра и зла, когда злой причиняет зло доброму.

Может, в любви, несуждении и неосуждении отожествиться с грешником настолько, что его вину и грех чувствовать как свой? Рассказ о ребе Суссии, который при виде грешника плакал и каялся за его грех, как за свой, то есть ощущал чужой грех как свой.

10.XII. Некоторая схема, и все же экзистенциальная: интеллектуализм и волюнтаризм. Для античности более характерно первое, для Августина (хотя не полностью), для Дунса Скота, для Декарта (не полностью?), для Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, прагматизма — антиинтеллектуализм — волюнтаризм.

Интеллектуализм не обязательно связан с рационализмом: Декарт: последняя причина ошибки — воля. Мистики — антирационалисты, но мистическое созерцание — теория в первоначальном смысле слова: не деятельность, а пассивное созерцание. У Канта — примат практического разума, но волюнтаризм ли, если чистый разум — практический? У Гегеля — интеллектуальный панлогизм.

«Человек есть мера всего: существующего, поскольку оно существует, несуществующего, поскольку оно не существует». — Это уже прагматизм, но волюнтаризм ли? Греки боялись беспредельного — apeîron, в воле — apeîron, греки преклонялись перед мерой, даже Протагор в своем высказывании, если оно и волюнтаристическое, воспользовался интеллектуалистическим термином — мера. Дальнейшие же софисты — чисто интеллектуалистическое вырождение — любовь к спору у греков отмечена и в Деяниях. Любопытство, интеллектуальные развлечения — вырождение теоретического интереса.

У меня — антиинтеллектуализм и антиволюнтаризм.

14.XII. Когда-то я записал: свою жизнь я не прожил, а продумал, а мысли пережил. Это как-то связывается с монофизитизмом, не только одна из частей, но в целом; потому что мысли всегда надо переживать, а жизнь не только продумать. Ортодоксия: жизнь прожить и продумать, а мысли продумать и пережить. Тогда несторианство в полном разделении: жизнь прожить, а мысли продумать — бездумная жизнь и неэкзистенциальная мысль.

16.XII. О чем я хочу говорить с Т. в ближайшую встречу.

1. Как только я подумаю: вот об этом надо написать — я еще точно не знаю, как я напишу, но я точно знаю: надо написать — как только

подумаю, сразу же является мысль: а зачем? Иногда, бывает, и начну писать и перечитываю: хорошо, «Исповедь» я написал страниц 20, и снова вдруг вопрос: а зачем? И все делается неинтересным — суета сует, всяческая суета, и я бросаю. Суета не то, о чем я думаю, суета — записывание того, о чем я думаю. Потому что нет сейчас какой-то основы, все сдвинулось и я между. Между чем и чем? Не знаю. Лютер сказал: верующий уже не на земле, но еще и не на небе. А я где? Не знаю.

2. Я сказал: нет сейчас какой-то основы. Какой? Основа одна — Бог. Есть ли Он сейчас? Несомненно есть. Есть ли у меня? Не знаю.

3. В прошлый раз я сказал Т.: за последние два года я проник в какую-то новую глубину души. Я назвал это: метатеология. Бог всё во всем <Кол. 3,11>— и между нами.

4. Я от чего-то отошел, к чему-то не пришел, и с Т. тоже. И это тоже между. А Бог? Несомненно есть. А у меня? Не знаю. Что значит: «несомненно есть, а у меня — не знаю?» Это значит: «Страшно впасть в руки Бога живого».

5. Введенского интересовали, по его же словам, и это подтверждено его вещами, три темы: время, смерть, Бог. С тех пор я хотел вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Я искал, с кем бы мне вместе радоваться и бояться, и не находил. Я не виню тех, с кем я предполагал и надеялся вместе радоваться и бояться, это не удалось, не удалось, я знаю, по моей вине; как только ко мне подходили близко, я говорил: noli me tangere. И Гале М<окреевой> я сказал это, и она повесилась. Не прямо из-за этого, ведь прямо я не говорил этого, но, если бы я проявил к ней больше интереса и внимания, я думаю, мог бы предупредить.

6. Снова о словах Лютера: верующий уже не на земле, но еще и не на небе. — Я уже не на земле и еще не в аду. Господи, помилуй и прости меня, потому что это грех — то, что я записал сейчас. Тем более и эта земля для меня часто уже ад.

Когда-то я записал: Бог предопределил меня к аду, и я заслужил ад, и я уже живу в аду. И Бог же предопределил, чтобы Христос вытащил меня из этого ада. — Господи, поспеши, Господи, не умедли.

23.XII. В снах о школе — неподготовленнный (неприготовленный), даже неизвестный мне урок — дважды два момента:

1. а. Я должен дать урок. Но
   б. я не знаю темы урока.

2. Я прошу кого-то, не знаю кого, освободить меня вообще от уроков и школы. Толкование?

1а. Я не могу не принять возложенной на меня обязанности (ответственности), так как она уже возложена на меня и возложивший ее на меня сильнее меня.

б. Я не могу принять возложенную на меня обязанность (ответственность), так как она мне не по силам. Я даже не знаю, что мне делать, чтобы принять ее.

2. Я прошу возложившего на меня эту обязанность освободить меня от нее: не только потому, что я не знаю, как принять ее, но потому что это очень тяжело. Это уже мой грех: я хочу отказаться от нее.

Эти сны преследуют меня давно, во всяком случае не позже чем с 1964 года, значит еще до того, как я сознательно стал думать о бесконечной ответственности и вине без вины.

Другой вариант: сдать экзамены, чтобы окончить а) университет или б) консерваторию. И снова: я не готов. В этом варианте я делаю это ради мамы. В случае окончания консерватории он к тому же бессмысленный; я думаю, ведь у меня уже есть справка об окончании консерватории, зачем же второй раз кончать? И снова думаю: как это все тяжело.

Экзамен, как и урок,— испытание, к которому я не готов. Я прямо не отказываюсь от него, но прошу: если возможно, пронеси эту чашу мимо меня. Но я вижу, что это невозможно, что чаша не пройдет мимо меня, и вместо того, чтобы сказать: впрочем пусть будет не как я хочу, как Ты хочешь, — жалуюсь: как это все тяжело, чувствую полную безнадежность своего положения. Господи, поспеши, Господи, не умедли.

1970

3.I. Если не человек выбирает идею, а идея человека, то сейчас, мне кажется, идея, выбравшая меня, говорит мне: ты сделал, что мог, больше ты мне не нужен, иди...

17.I. Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь (Ин. 5, 24).

23.I. «Возлюби Господа Бога твоего...» Предположим, я люблю кого-то, например *A*, или что-то, например α. Предположим, это не суетная любовь, не прихоть, а ноуменальное отношение к человеку *A* или к делу α. Предположим, я твердо знаю, верю и знаю, что это мое призвание, что я призван к этому и что без этой любви к *A* или к α я — не я.

Антиномия.

1. Я так возлюбил Господа Бога моего, что отрекся ради Него и от *A* (без вреда для него) и от α. Кто тогда возлюбил Бога — я ли, ноуменальный я, или только абстрактный полюс некоторого интенциально-

го отношения? Буду ли тогда я что как ничто или только ничто как ничто? Будет ли тогда отношение и любовь к Богу личным?

2. Но ведь любовь к *А* или к α не эгоистическая, а ноуменальная, именно в этой любви я отрекаюсь от своих прихотей, от себя самого, именно в этой любви я что как ничто. Но есть ли это полная нищета духа? (Об этом и зимой 1940—1941 гг. и в <тетради>† 1, 20.XII.)

Это одна из антиномий и аналогична антиномии отношения к единственному и к каждому ближнему, антиномии абсолютного предопределения и абсолютной свободы и др. Я думаю, оба тезиса истинны и несовместны, истинны и совместны в своей несовместности.

В феврале 1966 г. я записал: «Сейчас есть я — Ты, но нет я — Ты — ты, как я ни стремлюсь к нему».

Сейчас есть я — Ты — ты, но все он, она, они исчезли из моего горизонта.

25.I. Кьеркегор понял, как трудна вера, сделал ее еще более трудной, настолько трудной, что некоторые маловеры стали сближать его с Ницше. Ее надо сделать еще более трудной, невозможной, тогда она будет живой верой — жив Господь, жива душа моя. Сколько останется тогда верующих? Не знаю, но лучше один верующий на легион неверующих, чем легион фарисеев и ни одного верующего. Много званных, мало призванных.

3.II. «Искушения друзей Божиих, которые смиренномудры.

Искушения, какие бывают душе от духовного жезла к ее преспеянию и возрастанию и которыми она обучается, испытывается и вводится в подвиг, суть следующие: леность, тяжесть в теле, расслабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела и тому подобное. От сих искушений человек приобретает душу одинокую и беззащитную, сердце омертвевшее и смирение. И сим дознается, начал ли он вожделевать Создателя» (Ис<аак> Сир<ианин>. Слово 78). И также Слово 88.

6.II. «Жив Господь, жива душа твоя» — это выражение несколько раз встречается в Старом Завете. Может, это было приветствием в особо торжественных случаях? Когда я вижу, что жив Господь, жива душа твоя, жива и моя душа: ты — Ты — я.

14.II. В 1956 г. я писал, что я ноуменальный — не тот, кто живет, говорит, мучается в игнавии, а кто пишет ТФТ, вернее даже сам ТФТ —

непомещающееся в моей душе. Сейчас я бы сказал наоборот: я хотел бы найти *непомещающееся* в моей душе в том, кто часами валяется на кровати, ничего не делая, почти не думая, и упорно, мучительно, без всякого удовольствия пожирает себя самого.

22.II. Действительно ли я так пожираю себя, как написал это? Или я мучаюсь оттого, что ничего не мучает меня? Чего мне не хватает: смиренномудрия, нищеты духа или вопля: Эли, Эли, лама савахфани? Два ли это — нищета духа и вопль — или одно? От сокрушения сердца я воплю, а в нищете духа и смиренномудрии? Я живу в какой-то Gelassenheit* — та ли смиренномудрая или безнадежный автоматизм повседневности? Но если это, как я раз сказал Т., — оптимистический пессимизм, — тó ли мудрое смирение или скорее немудрая безнадежность? Я в тесноте, в тесной яме и двинуться не могу, Господи, Иисусе Христе, вытащи меня, Господи, поспеши, Господи, не умедли.

26.II. Надо найти не общее, а вполне конкретное экзистенциальное место самого греха, акта греха. Об этом я писал еще в январе:

А. 1. Акт святости или праведности, то есть покаяния, — абсолютная свобода.

2. Состояние праведности — justus peccator.

Б. 1. Акт греха — акт свободного выбора.

2. Состояние в грехе — в рабстве свободного выбора.

Чем отличается акт свободного выбора от состояния в рабстве свободного выбора? Некоторой первоначальностью намерения. Б1 — абсолютно противополагается А1. А1 — неопределенное отрицание Б1. В самóм Б1 оба — и А1 и Б1 — только два отраженных абсолютных: выбор невыбора и выбор выбора. Поэтому из Б1 естественным путем нет выхода. Б2 — незаметно проникает в А2, поэтому А2 только justus peccator. Соотношения здесь аналогичные логическому квадрату: если Б1 — А, то А1 — не Е, а скорее — $\overline{\text{А}}$, то есть О; в самом Б1: Б1 и А1 противополагаются, как А и Е. Отношение А2 и Б2: I и О. Это только аналогия. Б1 акт μὴ ὄν. Но ведь μὴ ὄν — это само οὐχ ὄν, то есть οὐχ ὄν как само — μὴ ὄν. Тогда:

$\left\{\begin{array}{l}\text{А1 — возможность, которая не есть возможность: я что как ничто.}\\ \text{Б1 — возможность, которая есть возможность: я сам.}\end{array}\right.$

А1/Б1 — возможность возможности или ноуменальный акт.

В одной точке и праведность и грех, поэтому за грех я ответственен и абсолютно свободно выбираю грех, и так как выбираю, то уже в рабстве: абсолютно свободно выбираю рабство.

---

* Спокойствие, хладнокровие, невозмутимость (*нем.*).

В синтетическом одностороннем тожестве различать:
мир перед Богом — мир п. Б.
мир, образ которого проходит, — мир, об. к. пр. Тогда:

Бог — мир п. Б. — человек $\frac{\text{невинный}}{\text{виновный}}$ — мир, об. к. пр. — Христос $\frac{\text{Бог}}{\text{человек}}$

Затем: преходящий образ мира, предельная мысль, грех и намерение греха.

Надо соединить космологическую, антропологическую и христосотериологическую форму синтетического одностороннего тожества, тогда, может, и найду точное место моего греха, источник моей тесноты. Может, для того мне и послана теснота, чтобы в ней я нашел точное место греха.

2.III. В философии в конце концов я **необходимо** прихожу к Богу. Но так как **необходимо**, то это еще не Бог живой, не Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Я прихожу или к абсолютному, но это вообще еще не Бог, может даже не Божество, или к первой форме без всякой материи. Но и это не Бог, только бог или Демиург. Он становится Богом, если поместить Его в абсолютное ничто — ничто первое, что, может, равносильно абсолютно свободному творению, значит из ничто, то есть освободить Его от всякой необходимости. Но и causa sui без абсолютно свободного творения, значит из ничто, тоже еще не Бог. К тому же causa sui подчиняет Его внутренний необходимости, но и этого не должно быть.

24.III. К концу жизни Кант различал: Wille — чистая воля и Willkür* — произвол. 40 лет тому назад («Практические постулаты»)** я сделал такой же вывод из «Критики практического разума» и «Религии в пределах...» Но из этого следует или акосмизм — последовательный монофизитизм, или манихейский дуализм, несторианство и пелагианизм.

Если я создан по образу Христа (апостол Павел) и человеческая природа Христа подавляется Божественной, так что Христос только как бы человек, то монофизитизм, доведенный до докетизма, переходит в акосмизм: я как индивидуальность и личность существую только quatenus — поскольку или как бы.

Если произвол свободен только тогда, когда подчиняется seiner eigenen allgemeinen Gesetzgebung***, тогда сама воля обусловлена своей

* Произвол (*нем.*).
** См. примеч. на стр. 381.
*** Своему собственному всеобщему (для всех) законодательству (*нем.*).

трансцендентной необходимостью, тогда трансцендентальная свобода есть трансцендентное рабство.

Сама чистая воля тогда одна и та же у всех. Тогда или нет отдельной личности, или отдельная личность только в грехе, первое — акосмизм, второе — манихейский дуализм.

Где лежит начало возможности выбирать между добром и злом, то есть Willkür? По Канту, если в сверхчувственном, то воля демонизирована, так как в интеллигибельном найдется неинтеллигибельное — неразумное, а Кант определяет волю как разумную: чистый разум — практический. Если в чувственном, то умаляется сила и всеобщность греха, — пелагианизм.

Кант из-за своего преклонения перед разумом не мог всякий произвол и выбор признать грехом и до конца провести различие между свободой выбора и абсолютной свободой — это нарушило бы автономность человеческой свободы. Он не понимал, что абсолютная свобода — не моя собственная свобода, а дар мне. Моя же собственная свобода только liberum arbitrium — servum liberum arbitrium*.

Надо различать:

а. Непроизвольное желание — Wollen, например взглянул на женщину с пожеланием; пусть я сразу же воздержался, то есть отверг его, пусть я отверг его из самых чистых побуждений, но ведь все же пожелал, хотя бы на мгновение, значит уже прелюбодействовал в душе своей.

б. Подавление греховного желания из суетных побуждений: страх возмездия или потери репутации, «неприлично» и др.

в. Подавление его во имя свое — Wille: это уже сам грех, больший, чем *а* или *б*, и, может быть, полная потеря личности в allgemeinen Gesetzgebung.

г. Неопределенное отрицание во имя Твое. Будьте святы, как и Я свят <1 Пет. 1, 16>. Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный <Мф. 5, 48>. Но ведь Бог не выбирает, поэтому уподобление Ему — отречение от всякого выбора: пусть будет не по моей, а по Твоей воле.

28.III. Я удивляюсь неоригинальности и несмелости мысли. Неоригинальность и несмелость в том, чтобы смотреть чужими глазами. Я не понимаю, зачем смотрят чужими глазами, когда есть свои. Я знаю, что это трудно — смотреть своими глазами, но ведь если смотреть чужими глазами, то вообще ничего не видно. Иногда, когда очень трудно смотреть своими глазами, я думаю: как хорошо было бы, если бы я был спинозистом, или кантианцем, или фихтеанцем, — всегда были бы чужие глаза, на которые можно сослаться, готовы ответы на все вопро-

---

* Свобода воли — рабская свобода воли (*лат.*).

сы, и вот это — ответы на все вопросы — страшно, это автоматизм мысли и повседневности, предельность мысли — темница, в которую я заключен. Я не говорю, что искание истины предпочитаю самой истине, само это противоположение предельно — два отраженных абсолютных. Я говорю о другом: истину я не знаю, а имею, имею, когда она владеет мною. Но тогда я не смотрю чужими глазами, я уже не могу смотреть чужими глазами, когда она владеет мною, она открывает мне мои глаза. Тогда уже нет готовых ответов на все вопросы, в вопросе рождается ответ, в вопросе я вижу ответ. Иногда же наоборот: ответ и в нем вопрос. Или сам вопрос есть ответ. Тогда нет готовых ответов на все вопросы, потому что нет всех вопросов, но один вопрос есть несколько вопросов, и нет готовых ответов, вопрос и ответ нераздельны. Это уже ви́дение.

Странно, что мне пришло это сейчас, когда глаза почти закрыты, веки тяжелы, как у Вия, и еле-еле, чуть-чуть приоткрываются иногда, когда все время не оставляет меня один вопрос: зачем?

8.IV. Слова апостола Павла, что Бог будет всё во всем, не только экономическое понимание Троицы, но, во-первых, утверждение, что в конце концов все будут спасены, и, во-вторых, акосмизм, ведь для Бога всё сейчас — вечное сейчас. Правда, остается возможность, что не спасшиеся вернутся в ничто, из которого сотворены. Но если Бог будет всё во всем, то где будут спасшиеся?

Ин. 12, 32. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе.

Может, так:

актуальность акта: в конце концов спасены все, Бог всё во всем;

актуальность отрицания: разделение остается.

Обе актуальности: не логическое или гносеологическое разделение — тогда это только интенсивное и экстенсивное отношение, — а онтологическое. Поэтому оба ответа, для меня самого несовместные, реально совмещаются, хотя я сам и не могу понять этого.

16.IV. Нил Сорский: «Блажен инок, который на содевание спасения и преспеяния всех взирает, как на свое собственное».

Труднее представить себе свое спасение, чем спасение других. Иногда даже кажется, что легче представить себе спасение всех, кроме меня, чем свое собственное.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

29.IV. Кажется, уж все знаю, как исправить ТФТ, а по-настоящему не могу подступить.

Господи, как преодолеть бесовскую абулию, бесовскую инерцию, что она значит? К чему?

Т. написала на папиросной коробке:

«Где огонь, скажи?
Куда идти?
Куда?
К кому?»

16. V. Страшное:

1. Ключевский. Пренебрежительно-враждебное отношение к России, к русским, к людям вообще. Пошло-антирелигиозное высказывание, смысл его: люди по природе лакеи, рабы, поэтому придумывают себе хозяина — Бога. Это одновременно с его «Историей России», исследованиями о святых и др. Как совместить?

2. Ефрем Сирин. Наряду с прекрасной молитвой — Господи, Владыко живота моего — предсмертное завещание, где он перечисляет, кого ненавидит и проклинает (еретики и др.). Как совместить?

3. Церковный историк Сократ (или Сосиген, или Евогрит?) говорит, что церковь анафематствует не еретиков, но их учение. Еретики, говорил он, бывали часто хорошими людьми и христианами, только ошибались. Это либеральное прекраснодушие, может, не менее страшно, так как непонимание греха ведет к деизму, к вере в человека, а не в Бога и в конце концов к безверию. В религиозных вопросах нет ошибок, но грех. Поэтому: прости им, Господи, ибо не ведают, что творят. И меня прости, Господи, ибо не ведаю, что творю.

19. V. Вера возникает не из страха смерти, а из потребности, из непреодолимого тяготения к непонятному, к тайне, к тому, что превосходит всякое понимание, к Божественному безумию. Но я сам — понимание. И в то же время в меня вложено бесконечное тяготение к непонятному — к тому, что не я, к Тому, Кто не я сам. Не потеря личного сознания пугает — мистики всех религий стремились к этому, — а оставленность Тем, Кто вложил в меня бесконечное стремление к Нему.

21. V. Знак — или указывает на что-то другое — символ, или как то, что он есть, есть другое — иероглиф.

25. V. Гипостазирование в теоретическом и практическом отношении. Практически гипостазирование грех. Но это уже сказано и осознано, без осознания грех есть ли грех? Тогда ιε. Но грех отражается и в теоретическом, тогда два разделения:

1) ι — объективирование и противоположение само по себе не грех;
ε — активное ограничение собою и противоположение себя Богу — грех;

2) ιε { ιει — грех во мне { ιειι чисто теоретически, ιειε теоретически-практически; ιεε — грех вне меня, тайна — чисто практически.

Барух. 2, 18. «Душа, сильно опечаленная и сокрушенная, с выплаканными глазами, алчущая и жаждущая, славит Бога, Его величие и праведность».

Маловерие. Ездра. 8, 22: так как мне стыдно было испрашивать у царя войска и всадников для охранения нашего от врага на пути; потому что мы так говаривали царю: рука Бога нашего для всех прибегающих к Нему есть благодеющая; а могущество Его и гнев Его на всех оставляющих Его.

Или простительная человеческая слабость? Или вера, победившая неверие?

«...Во времена искушения и соблазнов наступает так называемая fühllose Glaube* , преодолеть которую очень трудно» (Oettingen).

31. V. «Есть», «не есть» имеет не только онтологический, но и логический и гносеологический смысл. Связь слова со смыслом, с бессмыслицей и с Словом не только у меня, но и у Введенского.

«Теория слов» Л. — связь с дыханием. Но ведь: дыхание — душа — жизнь. Может, у Л. здесь то же, что и у меня и у Введенского, но как бы другая сторона. Начало «Теории»: слово само по себе первоначально ничего не выражает, кроме того, что оно есть: вдох — выдох, то есть само по себе бессмысленно, — связь с В. и со мною: знак и знак знака. Смысл является потом при проекциях на жидкость, на мускульные усилия и др.

Хайдеггер: «Если бытие связано с пониманием, то в пределах понимания надо вернуться к понимающему». — А не скорее ли к непонимаемому и к непониманию? Во-вторых, бытие столько же связано с пониманием, как и с непониманием, — радикальность отрицания. И В., и Л., и я чувствуем непонимание, бессмыслицу, тайну, а Хайдеггер самой установкой уже отрицает путь к docta ignorantia.

2. VI. Без ты нет я. Есть ли ты без я? В основе: без Ты нет ни я, ни ты: где двое или трое собрались во имя Мое, там буду и Я. Тогда и я — Ты — я, я — Ты — ты, ты — Ты — я.

---

* Бесчувственная, апатичная, пустая вера (*нем.*).

Гуссерль говорит: исключить все чужое, не я, тогда приходишь к трансцендентальному я. Как будто бы я сам, в самой глубине своей не чужой себе: я сам и есть чужой себе. Но добавив: чужой себе самому, я уже объективировал и себя, отожествил первого я сам со вторым — «себе самому», и так продолжая объективирование себя самого, все дальше ухожу от себя. В этом синтетическом единстве (а не тожестве) и заключен один из двух принципов чуждости, то есть отчуждения от себя самого: я сам → (я сам) сам... Преодоление отчуждения в синтетическом тожестве (а не единстве) различного. Как его достичь? Это мне не по силам, совершается не мною, и все же мною, но уже в ничто, которое Бог оставил мне для моей абсолютной свободы, и снова не моей, а Его. Потому что абсолютная свобода только в ничто и из ничто. Это ничто οὐχ ὄν; в μὴ ὄν только свобода выбора, то есть рабство.

6. VI. Гуссерль говорит, что не только духовное, но и душевное, даже психическое у животных принадлежит к Nicht-Natur*. Это абсолютно неверно, при этом вообще понятие греха исчезает и разница между человеком и животным только количественная, человек уже не сотворен по образу и подобию Божьему. Только духовное принадлежит к Nicht-Natur, у Бога же — к абсолютному Über-Natur** , и через Христа человек касается его (Афанасий против Ария).

«Wesensallgemeinheit»***. Но я не Allgemeinheit****: на что человеку целый мир, если он повредит своей душе. Я не Allgemeinheit, но тот, кто вредит своей душе.

«Wesenserkenntnisse und Tatsachenerkennthisse»***°. Но первое только через второе: онтологическое обосновано онтически, то есть фактически.

Почему вообще существует внешнее мне, трансцендентное? Потому что в моем греховном взгляде я приписываю ему, как и себе, грешнику, самостоятельное, автономное, свое бытие и самость.

8. VI. Пушкин <Царское Село>.

---

* Не-природа, неестественное (*нем.*).

** Сверхприродное, сверхъестественное (*нем.*).

*** Общность сущности (*нем.*).

**** Общность (*нем.*).

***° «Познание сущности и познание факта» (*нем.*).

† 11

1970.VI.8—1975.VIII.31

1970

8. VI. Пушкин.*

14. VI. Вечером я играл Т. Баха, в том числе Бурре из партиты h-moll в французском стиле**. Утром Т. рассказала мне сон, снившийся ей этой ночью: ко мне пришел Бах и сказал: я знаю, ты любишь Бурре. Я написал его для тебя за 200 лет до твоего рождения.

16. VI. Три требования к творческой жизни, то есть к жизни личности, а не только индивидуальности:

1. Смотреть своими глазами на жизнь, а не чужими. — Некоторая смелость.
2. Фантазия. Правдоподобие — ложь, это подобосущие, то есть арианство, жизнь неправдоподобна. Не правдоподобие, а именно неправдоподобие — истина: единосущие.
3. Некоторая поэтичность. Это ноуменальное прикосновение к жизни, к Богу.

17. VI. Надо различать:

Во-первых. А. Несовместности и противоречия в самих вещах или состояниях, о которых я говорю.

Б. Противоречия в изложении и рассуждении об этих вещах.

Во-вторых. А. Неизбежные противоречия самого изложения и рассуждения вообще.

Б. Неизбежные противоречия определенного изложения и рассуждения: определенность предмета исследования или метода исследования.

В-третьих. А. Противоречия, сводимые на антиномию или закон.

Б. Абсолютные противоречия.

20. VI. I. Не могу, но хочу. II. Могу, но не хочу.

Всегда ли I плохо? Всегда ли II хорошо? Во всяком случае I часто, может, всегда, производит неприятное и жалкое впечатление.

---

* Переезд с Т. А. Липавской на дачу в Пушкин (Царское Село).

** Танец из Французской сюиты h-moll.

21.VII. В пятницу 17.VII, когда я шел мимо Смольного в поликлинику, мелькнула мысль, очень ясная, но не сформулированная, и сформулировать ее трудно. Что значит ясная, но не сформулированная? Ясна была ее сила и убедительность, но содержание ее было неясно, ясна была интенсивная, а не экстенсивная ясность, ясность акта, а не содержания. Но я не смог ясно сформулировать ее, ясность была не в высказывании, а в молчании. Но тогда или в этом отношении ясность была именно экстенсивной, а не интенсивной? Это был очень ясный намек. На что? Но как я могу сказать? Очень приблизительно и неточно я могу сказать, что это был намек на то, что меня интересует и мучает уже больше двух лет. Еще более приблизительно и неточно я могу сказать, что это был намек на всемогущество и святость Божию и на мою бесконечную греховность, мою бесконечную вину без вины. Это был намек от Бога, улика Бога.

Все же попробую сформулировать ее, ведь я все время думаю об этом, все время она, эта мысль, сидит во мне. И когда я отвлекаюсь от нее, почти забываю ее, я не забываю, я думаю. И сейчас я думаю: вот мне послана соломинка, тонкая как паутина, я ухвачусь за нее, и Он вытащит меня.

Мысль эта говорит мне: ты страдаешь; ты бесконечный грешник, потому ты и страдаешь, чем же Он виноват? Ты ведь даже доходил до мысли, которую и выговорить страшно, ты и не выговаривал ее, только боялся, но разве этот страх не есть уже грех, может, даже больший, чем высказать эту страшную мысль? — И Христос сказал: Я высказал твою мысль: Эли, Эли, лама савахфани. Я взял на Себя твой грех. Я виноват за тебя, за всех: проклят всяк висящий на древе.

Я остановлюсь. Я боюсь солгать. Но и этот страх, что это — страх перед фарисейством и лицемерием или страх подлой мысли? И первое и вторoе — грех — грех маловерия: что вы так боязливы, маловеры? <Мф. 8, 26.> Это сказал Христос ученикам, тем более мне.

Именно в сознании своей бесконечной греховности мелькает улика Бога. В подлой мысли, внушаемой мне отцом лжи, в бесконечном страхе перед подлой мыслью мелькает улика Бога.

Рече безумец в сердце своем: несть Бог. Это еще не подлая мысль, это глупая мысль.

Deus sive natura.* Спиноза растворил в первом члене — Deus — второй. Это акосмизм, грех последовательно проведенного монофизитизма. Но это еще не сам грех, не смертный грех, не хула на Духа Святого. Вот сам грех, смертный грех, хула на Духа Святого — подлая мысль: растворить первый член во втором. Эли, Эли, лама савахфани.

---

* Бог или природа (*лат.*).

Я сказал, я все время говорю: Эли, Эли, лама савахфани, и вот в этой мысли, в самой страшной мысли, мелькает Твоя улика.

Вот подлая мысль, хула на Духа Святого: soli natura* . И здесь в бездне подлости, бездне страха и отчаяния явилась мне улика Бога: жив Господь, жива душа моя.

На этом я остановился вчера. Я остановился, потом что почувствовал некоторую фальшь. Я почувствовал фальшь не в этом изречении самом по себе, а в его применении ко мне. Подобные изречения, а может, и всякое изречение, всякая мысль, всякая истина, истинны, когда я могу применить их к себе, а до этого не истинны и не ложны, а adiaphora. Но я не просто привел это изречение, а применил его к себе. Тогда оно стало ложью. Потому что я не могу сказать: жива душа моя. Но я ухватился за соломинку и надеюсь, что Он вытащит меня, оживит мою душу.

22. VII. Я пытаюсь исправить и дополнить ТФТ. Я уже собрал и разложил по местам все необходимые записи, остается только соединить их, включить в текст, и этого я не могу. Что мешает мне? Непобедимое, непреодолимое отвращение к соединению. Что это, природное или бесовское? И я подумал: лучше уж бесовское, чем естественное. Потому что в бесовском таится двузначность, а естественное плоско: в нем ничего нет, кроме естественного.

После грехопадения естественность наиболее хитрая и подлая уловка дьявола.

За полтора месяца жизни в Пушкине несколько небольших записей в «Принадлежностях». Почему? Отчасти потому, что я больше жил, чем думал. Но разве есть жизнь без мысли о ней? Есть, но это актуальность отрицания. Было ли за это время? Не знаю. Но есть еще страх соединения, не макро-, а микросоединения, потому что и отдельная мысль есть соединение микроэлементов мысли, соединение микромыслей.

25. VII. Я снова вернулся к ТФТ. На стр. 14 приготовлена запись. Я уже знал, как включить ее в текст. И снова отложил соединение, воспользовавшись тем, что через 10 или 20 минут должна вернуться Т. Я именно воспользовался этим, чтобы отложить. Лег на диван и стал думать: что это, естественный страх или Alleinwirksamkeit Gottes? Первое — страх подлой мысли. Затем я думал, могу ли я преодолеть этот страх соединения? В конце концов это страх фиксации, по-видимому, это тоже грех монофизитизма. Но что значит могу? Ведь могу значит

---

* Одна (только) природа (*лат.*).

именно **не могу**, из возможного нет выхода, возможное преодолевается невозможным.

29.VII. Через несколько дней я все же соединил приготовленное на 14-й странице. Эти дни продолжаю соединение. Но вернусь к 22.VII. Когда я лег тогда на диван, я подумал: что значит **не могу** сделать, когда **могу**, то есть знаю, что **могу**? Что значит **могу** — **не могу** при Alleinwirksamkeit Gottes? Не опровергает ли **могу** Alleinwirksamkeit Gottes? Или Alleinwirksamkeit Gottes уничтожает мое **могу**? И тогда и наступает абсолютная свобода? — Если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете. — Как понимать, что Alleinwirksamkeit Gottes уничтожает мое **могу** и создает мою абсолютную свободу?

13.VIII. Я продолжаю исправление и дополнение ТФТ. И все же это пока только работа, а не настоящее дело. Apeiron мыслей, а формы не чувствую. Кажется, неделю или две тому назад почувствовал приближение вестников — письмо к Т. — и все же они еще далеки от меня.

26.VIII. В ТФТ оказалось работы больше, то есть надо исправлять больше, чем я предполагал. Не так легко преодолеть монофизитизм и акосмизм. Связь даже теоретич<еской> философии с христологией: акосмизма с монофизитизмом, солипсизма с докетизмом. Если Божественная природа подавляет человеческую, то неразделенность двух природ переходит в их соединенность, а это ведет к докетизму. И в теоретич<еской> неразделенность без несоединенности приводит к акосмизму. И так же солипсизм — гносеологический докетизм. В ТФТ абсолютный факт почти сразу переходил в единственный факт. Тогда где мир? От докетического солипсизма я переходил к монофизитскому акосмизму, только слабый намек в неразвитой теории относительного факта, может, еще в гипостазировании абсолютного факта, вернее, в его дегипостазировании. Но в изложении самого гипостазирования я все время боялся реальности гипостазирования, то есть реальности греха. Я говорил о несущности гипостазирования, забывая, что грех моя сущность. От этого же некоторый интеллектуализм. Недостаточно ясно сказано, что гипостазирование не чисто теоретическое, но практическое в теоретическом, мой грех вмешивается и в мои теоретические рассуждения.

Что мне дали последние 2 $^1/_2$ месяца? Некоторое преодоление моего монофизитизма, во-первых, практическое, во-вторых, теоретическое. Первая ступень преодоления монофизитизма — с 16.X.63 до опустошенного взгляда: я почувствовал и понял **ты**, потеряв его в жизни. Вторая ступень — после «Видения»: неслучайная случайность. Практически и теоретически мне много дал последний месяц или полтора.

Может, некоторое практическое преодоление помогло и теоретическому.

Слово стало плотью. Это должно быть и в практическом и в теоретическом. В практическом — это деятельная любовь. Но также отсутствие брезгливости к телу, брезгливость — сублимация докетического абстрактного солипсизма. Особенно то, о чем я писал в «Принадлежностях 8/10» <тетради † 8/10>. В теоретическом — это боязнь признания сущности гипостазирования — не гипостазированного, а самого гипостазирования, то есть греха. Слово стало плотью, той же самой, что и моя греховная плоть, хотя и оставалось безгрешным. Поэтому признание несущности гипостазирования — докетизм.

Мои вещи всегда были экзистенциальны — написаны по определенному, конкретному поводу. Но, может быть, еще никогда это не было так конкретно и жизненно, как сейчас, за последний месяц или полтора. Может, не случайно работа с ТФТ сдвинулась с мертвой точки во второй половине июля.

И Слово стало плотью.

15.IX. Четыре тенденции в ТФТ:

1. Психологическая или трансцендентально-психологическая.

2. Гносеологическая.

3. Онтологическая.

4. Телеологическая, я понимаю ее как теологическую: мое слово сказано Словом. Но как тогда понять грех. Если же не сказано Словом, то мое слово — абсолютно творческое, то есть сейчас моей души само себя сотворило. Это уничтожение не только Alleinwirksamkeit, но и Allwirksamkeit Gottes. Но синергетизм тоже не решение — ограничение Alleinwirksamkeit Gottes. Скорее всего верно первое: мое слово сказано Словом, а грех останется тайной сотворенной личности. Ведь понимание греха как бесконечной дистанции между моей сотворенностью и бесконечным даром мне, как невозможности принять бесконечный дар, а рабской свободы выбора и вины — как невозможности ни принять, ни не принять бесконечный дар не объясняет различия личностей, то есть подробности, относительной, относительно-абсолютной и абсолютной, подробность остается тайной греха, но сама она не греховна, ведь абсолютно экстенсивная подробность — это творение мира (ἐε) и вочеловечение Слова (ει). Подробность свята, но открывается в тайне греха или тайной греха.

16.IX. Может, в ТФТ будут две ступени: I. Онтологически-теологическая. II. Трансцендентально-психологическая и гносеологическая — первая часть, вторая — религиозная: тайна греха.

Может, так:

Часть первая. Онтологически-теологическая.

1. Абсолютный факт. 2. Единственный факт.

Часть вторая. Трансцендентально-психологическая, религиозная.

1. Трансцендентальная психология. 2. Религиозная.

В трансцендентальной психологии должно быть и о солипсизме экстенсивном, интенсивном, абстрактном и безличном. Более понятным было бы обратное соотношение: раньше трансцендентально-психологическая часть, а потом онтологически-теологическая, но мне кажется, раньше надо понять абсолютный факт как онтологически-теологический, а потом более лично и психологически. Тогда читать ТФТ надо так: I, потом II, потом снова I.

19.IX. Вот я беру какого-нибудь философа, Канта или Кьеркегора, или свои вещи. Беру поэта, например Введенского, или композитора — Веберна. В самых различных вещах я нахожу общее, общую связь, не всегда дискурсивную, всегда интуитивную, остается главная неизменная интуиция — интуитивная система. Дискурсивные изложения этой интуитивной системы большей частью, может, даже всегда, не вполне адекватны неизменной даже в изменении интуитивной системе. Кто автор или творец этой системы? Теперь я ограничусь собой. Вот у меня есть некоторая интуитивная система. Но ведь эта интуитивная система — акт творения моей души. Что же я, творец своей души, себя самого? Это бессмысленно. Автор интуитивной системы Бог, я только слабый посредник.

Музыка Веберна — мир в его творении. Не Веберн создал ее, а Бог, Веберн только посредник. Музыка его существовала от века, Веберн не написал, а только записал ее.

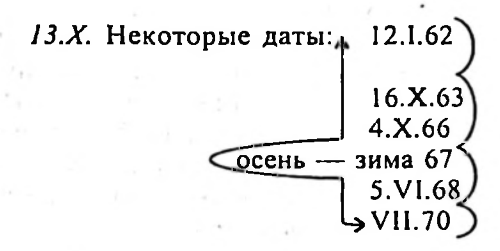
25.IX. С конца 1963 г. я снова стал писать и писал много, но творчество было для меня мукой творчества — страданием. Я был **почти** тем, что Кьеркегор называет рыцарем веры, а жизнь рыцаря веры — страдание. Но **почти** — ложь. Я **почти** ушел из жизни, и это **почти** было ложью. После опустошенного взгляда с лета и осени 1967 г. началось истощение творчества. Затем неслучайная случайность, я вернулся к Т., Т. вернула меня к жизни. Четвертая часть Добавления к «Ви́дению» (1968. I) — о молитве* — прощание с периодом жизни 16.X.63—XII.67. Я вернулся к жизни, много пишу и имею от этого удовлетворение. Хорошо ли это? Я переделываю ТФТ, вернее, пишу заново седьмой вариант после восьмилетнего перерыва. То, что было, не прошло бесследно, тень опустошенного взгляда осталась, и все же я вернулся ко време-

* См. библиогр. [29], с. 157—167.

ни до 16.X.63. Нет ни того страдания, ни той радости страдания, которые были после 16.X.63. Хорошо ли это или плохо? Не знаю, но лучше не быть рыцарем веры, чем **почти** быть рыцарем веры. И еще: мне не хватало ноуменальной близости: ту, которая была, я потерял, новой не было, я искал ее не только в Боге, и это тоже была ложь, двойная: во-первых, **не только**: Бог ревнив, Он требует **только**; во-вторых, я искал не там, где надо. Так как я был не готов к этому **только**, Он послал мне Т. Но Он отошел от меня; может быть, чтобы я искал Его на земле. Я поднялся на небо и снова упал на землю. Я поднялся **почти** на небо и потому снова упал на землю. Жалею ли? Нет, потому что у меня есть Т. Грех ли это? Не знаю, ведь я был **почти** на небе, а **почти** — грех.

12.X. В пятницу — 16.X*.

13.X. Некоторые даты:

ТФТ — до 1962 г. и снова с 1970 г.

Мне надо совершить некоторое соединение того, что было до 16.X.63, даже до 12.I.62, с тем, что было в 1964—1967, и с неслучайной случайностью.

16.X.

22.X. A_1. Я верю в Бога.

A_2. Я верю, что Бог есть.

A_3. Я верю, что Бог воистину есть

G_1. Я верю, что я верю в Бога.

G_2. Я верю, что я верю, что Бог есть.

G_3. Я верю, что я верю, что Бог воистину есть.

A_1 и A_3 правильные формулы, A_2 слишком теоретична и незаинтересованна. Но формулы G скорее формулы веры в веру, а не в Бога.

A_1. Я верю в Бога.

G_1. Я не верю, что я верю в Бога, потому что:

1. Вера в Бога самое трудное, невозможное и если осуществляется, то только через невозможное.

2. Как и Сам Бог, вера как то, что она есть, больше того, что она есть. Поэтому когда веришь, то

или: α) я впервые сейчас понял, что значит верить, то есть впервые поверил;

β) я вспомнил, что всегда верил, без этого не мог бы жить;

---

* Годовщина смерти матери.

или: я недостаточно сильно верю в Бога, моя вера очень слаба, ничтожна, бесконечно ничтожно мала, почти равна нулю.

И, может, это почти сделает ее бесконечно большой.

Надо различать теоретическую, философскую веру и практическую, живую веру, веру в Бога Авраама, Исаака и Иакова. Без второй первая не вера.

И еще: A_2 если не равносильно: верю Богу, то еще не живая вера. Если A_2 не ответ на вопрос, не возражение на зло, например: да, еще есть Бог на небесах, то не вера, а холодное, безразличное теоретическое утверждение. И также A_3 истинно, как ответ на вопрос: есть ли Бог? Да, воистину есть.

16.XI. Я говорил: свою профессию надо знать, но не надо быть профессионалом. Я пишу ТФТ, и меня это увлекает. Три недели у меня была и вторая работа — о Бахе, вынужденная и не увлекавшая меня. В этой работе я был профессионалом, плохо знающим свою профессию, в первой — профессионалом, хорошо знающим свою профессию. На днях я затосковал: где же я? У меня не хватало времени на себя. Вчера я отказался от второй работы. Я подвел М., но он благородно освободил меня, даже без упреков, от второй работы. Вечером я думал: разве эта работа мешала мне быть с собою, я сам мешал себе. Быть с собой значит быть с Богом. Для этого не надо писать даже ТФТ. Скорее и ТФТ мешает.

28.XI. В вере два момента: Аа — абсолютная субъективность и Аб — соборность.* Им соответствуют, хотя и не вполне однозначно: Ба — Священное Писание и Бб — традиция. Соответствие, повторяю, не вполне однозначное. Всякая религия начинается с Ба, Ба — личный момент основания религии, без личного момента нет вообще религии, даже религии без Бога — Гаутама (Сакья Муни). В Евангелии личный момент — Сам Богочеловек. Но без традиции религии и вере грозит опасность химеризма (Якоби). Кьеркегор отрицает соборность: два рыцаря веры, встретившись, даже не узнают, что собеседник тоже рыцарь веры — это уже отрицание больше половины Евангелия. И все же он вел борьбу с церковью. Если Аб и Бб не необходимы, то зачем вести борьбу с церковью?

3.XII. Т. сказала, что Шура говорил, как надо читать его стихи:

1. Выделять местоимения.
2. Выделять повторяющиеся слова.

---

* См. запись 22 мая на стр. 489, 490.

3. Читать скорее монотонно, чем оживленно.

4. К концу замедлять.

Интенсивность: та жизнь есть граница между этой и той. Хармс, Шёнберг.

Экстенсивность: понимать эту жизнь как ту. Введенский, Веберн.

О периодизации Введенского: до 1931 г. действующие лица: человек веселый Франц, Иеромонах, Теория, Бог, Царь, Фомин без головы, Парадиз Венеры, Метеорит и т. д. После 1931 г. — более обыденные, и само действие бытовое. Это критерий по действующим лицам, но также по содержанию. Помимо того есть и формальный: действие и сюжет как будто бы реальны, на самом деле: эта жизнь как та. Звезда бессмыслицы и формально и по содержанию остается: более скромно и искусно.

Для себя, **чтобы не забыть.** О непреодолимости монофизитизма. О Гоголе.

αὔτως.*

14.XII. Для себя, **чтобы не забыть.** О прошлом, его возвращении и совмещении или несовмещении с новым настоящим. О том, что меня все время мучает. И первое и второе страшно. Господи, помилуй.

15.XII. В математике принцип: если *A* может быть доказано без помощи *B*, а *B* не может быть доказано без помощи *A*, то в исследовании *A* предшествует *B*. Но когда подходим к математической логике и обоснованию математики, этот принцип теряет свою абсолютность — математически-логические парадоксы; Гёдель. Потому что и математика и логика основаны на закономерности мысли, а сама эта закономерность не безусловна, сама мысль в основе своей противоречива, в основе и рациональной мысли — тайна. И особенно в философии. Поэтому и Кьеркегор вводит круг. Другое дело, разъясняет ли что-либо и необходим ли его круг, его синергетизм. Не правильнее ли будет оставить здесь недоумение. Я пытался в ТФТ сомкнуть этот круг в точку. В Добавлении IV к «Видению» вместо круга я ввел ничто первое. Во всяком случае это лучше, чем синергетизм.

19.XII. Если к вере тоже применимо синтетическое одностороннее тожество, то что будет частным сказуемым к вере: соблазн?

---

* Точно так же, таким же образом (*гр.*).

1971

16.I.

17.I. После страшной ночи. «Добродетель есть матерь печали; а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать. Воздаяние же бывает уже не добродетели, и не труду ради ея, но рождающемуся от них смирению» (Исаак Сирианин, 34). Вчера вечер и ночь — страшные, утром мне казалось, как в ноябре 1964 г., что я схожу с ума. После этой цитаты прошло или что-то пришло: благодать.

22.I. Несколько дней после 17-го читал Исаака. Снова продолжаю ТФТ. Мне кажется, что я пишу то, что все знают, но не знают, что знают. И я часто не знаю, что я знаю. Может, это самое трудное: узнать то, что ты знаешь. Знаешь здесь равносильно: есть, то есть: есть есть есть и знаю — онтологичность слова.

28.I. Абсолютный факт — я, каким я зван. Много званных, мало призванных. Относительный факт — какой я есть в грехе, в невозможности принять на себя бесконечную ответственность. Она принимается через единственный факт, в единственном факте, то есть в Христе и через Христа.

17.II. Ритуал — обряд — работа (или труд) — игра. Все четыре понятия различны и все же связаны между собою. Ритуал может быть и светским, хотя в основе — религиозный. Обряд — материализация или реализация ритуала в материальном. Материальная реализация связана с работой (трудом) и игрой: с работой — работа может быть и духовной и религиозной, но после грехопадения ритуал в чистом нематериализованном виде неосуществим: во-первых, Слово стало плотью, во-вторых, «в поте лица». Настоящая игра серьезна, это хорошо знают мастера игры — дети. Игра на инструменте, игра в театре. Духовный и ритуальный смысл игры. Во всякой игре есть элементы и работы, и обряда, и ритуала. Смысл игры: бескорыстность.

Между февралем и апрелем.

Иногда мне кажется: я возвращаюсь к Создавшему меня таким, каким Он создал меня, я снова в нищете духа. Но ведь все же это не та нищета духа, о которой говорят 8 блаженств. Я уже искушен. Искушен, но не преодолел искушения. Тогда в чем же смысл моей жизни? Я знаю, я сейчас искушение в вопросах, все, что я сделал, мне кажется недостаточным, я не нашел какой-то необходимой критической точки. Но та,

которую я нашел сейчас, является ли она действительным критерием истины или только фиксацией моего маловерия? Господи, Господи, я сомневаюсь во всем, но прежде всего в себе самом. Призван ли я или последний, окаянный грешник? Господи, если я и совсем потеряю Тебя, я буду думать, что я, окаянный, по бесчисленности моих грехов лишился Тебя, ведь если Тебя нет, то ничего нет. Но ведь есть что-либо. Господи, я знаю, что без Тебя ничего не может быть, не может быть и мира, но я, окаянный, запутался, запутался во всех сложностях жизни, в сложностях моей жизни, моей жизни, какая же может быть еще, ведь я зван, как и все званы Тобою. Я не понимаю этой тайны: много званных, мало призванных, но я думал, что я зван, чтобы своим несчастьем открыть счастье, счастье вечной жизни в Тебе, а теперь я думаю: и этого мне не удалось, мне удалось только открыть несчастье моей жизни, жизни окаянного маловера, жизни несчастья без Тебя. Ведь к этому сводится и всякий страх атеизма: я не достоин Тебя, тогда я лучше отвергну Тебя, чем себя. До этой подлости я все же не дошел. Если и отвергнешь меня, я все же буду цепляться за Тебя, Господи, помилуй.

25. VI. 1922 = 1936 = 1971. 24—25.VI = Т.*

15—16. VII.

23—24. VII.

25. VII. ТФТ. Я хочу дойти до себя самого, до своей души, но, когда мне кажется, что я дошел до своей души, я вижу, что я дошел до какого-то общего состояния, общего типа или структуры души; я знаю, что моя душа единственная, но то, что я о ней выскажу, общее. Я нахожу какую-то связь общего, что я нашел, с единственностью своей души, но эта связь — снова общее. Я пытаюсь преодолеть общность, и снова преодоление общее. Что же здесь единственное, то есть именно мое? Может, некоторое несоответствие общего с единственностью? Тогда, может, именно то, что мне кажется недостатком в изложении ТФТ?

26. VII. В вступлении к ТФТ я все время говорю, что жизнь с е й ч а с есть жизнь и мысль или знание жизни — именно с е й ч а с, то есть актуальность акта. Именно с е й ч а с я не могу вспомнить ни одного состояния жизни, когда бы жизнь не была сразу же жизнью и мыслью о жизни. Но з д е с ь — частное тожество, оно не высказывается, но обнаруживается в имени и названии абсолютного факта. Симметрии между

---

* Вехи в отношениях с Т. Липавской. 1922 — год знакомства.

общим и частным тожеством нет. И может быть также и фактическая возможность: ι — потенциальное понимание, ε — фактическое понимание.

25.VIII. ВЗ[30] уехали. Отеческое или отцовское чувство.

В мистике могут быть соединены два полярных состояния: акосмизм и пантеизм, я вижу это на В. <Вургафтике>. Оба состояния непрерывно переходят одно в другое, может, сосуществуют.

Но моя склонность к акосмизму в «Критерии IF» (построение практического основоположения) и снова в ТФТ (фактич<ески?> ι — ответ и третья аналогия) другого порядка и исключает пантеизм.

Чистую структуру В. я понял как возражение мне: и у меня тоже осталось еще стремление к акосмизму. Но он, независимо от техники и качества выполнения работы, более цельный: я разрываюсь между акосмическим ощущением жизни и сознанием своего греха.

28.VIII. Может быть, есть только две философии: одна необходимо приходит к акосмизму, другая — к неясному для меня дуализму. Первое — грех монофизитизма, вторая — несторианства и пелагианизма, вообще синергетизма, в некоторых случаях — манихейства. Тогда я отказываюсь и от той и от другой. Это — Путь, Истина и Жизнь. Оно вне философии: Слово, ставшее плотью.

Если же склонность к акосмизму — ι-философия, а к дуализму — ε-философия или, вернее, ι-направление и ε-направление, то оба сосуществуют вместе, и хотя и предполагают и строят единственный факт, но только как проект единственного факта. Но единственный факт не проект и отрицает проект единственного факта, то есть вера отрицает философию и все же предполагает ее.

29.VIII. Я сейчас как буриданов осел между двумя равными пучками сена. Мои пучки сена — равновозможные варианты ТФТ. Передо мною свобода выбора одного из равновозможных вариантов, и отвратительная, как всякая свобода выбора. Я, как Душечка в периоде между двумя возлюбленными. Приду ли к такой же великой мысли, как и она: полуостровом называется часть суши, ограниченная с трех сторон водой? Мысль велика не содержанием, а оттенком, этот оттенок в вере и любви, тогда нет свободы выбора, но абсолютная свобода. Душечка достигла ее в последней любви.

1.IX. Факт A_c чистой возможности:

ιι. Творение — возвращение (3-я аналогия).

ιε. Творение — лицо — ты (4-я аналогия).

Факт B_c фактической возможности: εε.

Возможность невозвращения — последнее разделение. Именно эта возможность исключает акосмизм и создает единственность.

Абсолютный факт, тожественный чистой возможности, —*А*.

Абсолютный факт, тожественный фактической возможности, —*В*.

Переход от *А* к *В* — второе значение я сам: я сам обсуждаю, то есть переход от безличной рефлективности чистой возможности к личной или субъективной рефлективности фактической возможности.

13.IX. Понедельник. Пошла вторая неделя, как я приехал, с пятницы снова занимаюсь ТФТ. Плохо, что я не вижу единственно возможного варианта ТФТ, я погряз в возможности, не чистой, а фактической, то есть греховной, я не помню, было ли у меня это когда-либо. К вечеру — полная безнадежность. И все же это было бы не страшно, если бы я хорошо молился. Бог оставил меня. Помоги, Господи.

29.IX. Сон. Я и мои мысли, мысли-чувства, мысли — тени мыслей, мысли —не мысли. Второе было в виде какого-то состояния — вещества конечной формы — камня, пронизанного ходами, трубчатого камня, и через трубки-ходы протекала жидкость или проходил воздух: мысли, тени мыслей, мысли — не мысли. И внезапно трубки-ходы затвердели, закрылись и стал мертвый камень: смерть пространства мысли, пространства тени мысли при жизни я.

1.X. О тенях мысли я писал и до 1941 г.* — в 1930 или 1931 г. в письме к Т. Сейчас я подумал: ведь и Христа по Евангелию от Иоанна я представлял как призрак, тень, вошедшую в мир. И внезапно тень стала реальностью, а реальность, мир — тенью. Или как я писал в 1941 г.: тень мысли осветилась и стала реальностью, а мысль — тенью.

7.X. Две возможности. Я зафиксировал факт. Фиксация — некоторая схема. Затем я реализую ее. Это первая возможность. Вторая: схема оказалась неудачной или не вполне удачной, но я не бросаю ее, а вношу дополнительные определения и изменения, чтобы возможно было реализовать ее. В этом случае может оказаться, что я не реализую схему, а подтасовываю факт под схему. В «Критерии» я шел по первому пути. В ТФТ я начал с факта *В*, то есть с абсолютного факта, тожественного фактической возможности. Когда же подошел к гипостазированию, то встретился с двумя соблазнами: акосмизмом и пелагианизмом: я сам отрекаюсь от себя. С акосмизмом связан или мистицизм — растворение личности в Боге, Который тогда тоже теряет *личные*

---

* В этом году написана «Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли».

черты, или пелагианизм. В первых вариантах ТФТ я запутался в антиномии:

если первородное гипостазирование, то есть грех, заложено в моей душе, то или это некоторая реальность, тогда виноват не я, а Творец, или тогда видимость, тогда я сам могу освободиться от него. Я не мог признать ни первого, ни второго, поэтому колебался между ними и не мог завершить и первой части ТФТ. В 1966 г. я понял грех как реальное несоответствие бесконечного дара с моими конечными силами, то есть как actus forensis, так же как и спасение. Это уже не субъективная антиномия, как прежняя, а реальная или абсолютная $\left(\text{не могу } \frac{\text{ни принять}}{\text{ни не принять}}\right)$, и вторая абсолютная антиномия — сотериологическая, она, я думаю, может освободить и от соблазнов пелагианизма и синергетизма. Тогда я решил переделать ТФТ так, чтобы начать с факта *А*, то есть с абсолютного факта, тожественного чистой возможности. Это оказалось не таким трудным делом, потому что и в прежних редакциях ТФТ начало с факта *В* не было проведено вполне последовательно. Переход же к факту *В* тоже, мне кажется, нетруден: сама неадекватность фиксации фиксируемому есть фактическая возможность.

Факт *А*: я не могу не принять бесконечного дара.

Факт *В*: я не могу принять бесконечный дар — я не могу $\frac{\text{ни принять}}{\text{ни не принять}}$, потому что не могу принять и есть не могу $\frac{\text{ни принять}}{\text{ни не принять}}$, одно только не могу принять было бы предопределением к злу и не было бы антиномии.

Антиномия начала. Она, по-видимому, связана и с основной антиномией. Во-первых, начало онтично, то есть фактично, а не онтологично, тогда скорее факт *В* будет началом. Во-вторых, онтичное начало не дофеноменологическое, то есть не до трансцендентальной или радикальной редукции, но именно в наиболее радикальной редукции, тогда скорее факт *А* будет началом. Если начать с факта *В* — с « я сам могу быть» и в нем искать факт *А*, то факт *В* станет дофеноменологичным и вся редукция будет мнимой.

Факт *А*. Я есть.
Факт *В*. Я могу быть. } Тогда два начала. Но факт *А*, как некоторая causa finalis, не станет ли только абстракцией или чрезмерной схематизацией? Это вторая возможность или соблазн, которого я боюсь.

Летом я записал: я исключаю все, что не есть, но только может быть, все, что не есть сейчас здесь. Это и есть радикальная редукция. Все, что не сейчас и не здесь, я понял как непонятный знак синтетичности тожества различного и столько же не понял как непонятный знак синтетичности тожества различного. Поэтому начало все же фактично и онтично, причем двойное: факт *А* и факт *В*.

8.X. Что мучает меня сейчас все время:

1. Моя вина практического монофизитизма, здесь я тоже не могу ни принять, ни не принять.

2. Если... то... или так: $\omega\supset\alpha\supset\beta$(1), или так: $\omega\wedge\alpha\supset\beta$(2), или $\omega\wedge\alpha\supset b$(3). Я вижу **то**, вижу связь между **если** и **то** и теряю **если**, то есть ω.

$\alpha\supset\beta$ — сдвиг в апории, без ω нет сдвига в апории, тогда сдвиг в апории имманентен. Это тот же подлый вопрос: а правда ли...

$\alpha\supset\beta$ — абсолютный факт, но реальность его в единственном факте — ω. Я вижу абсолютную реальность самой импликации (последнего $\supset$), но реальность нереальна без ω, то есть без **если**. Из истинности самой импликации не следует истинность посылки. Но я имею в виду не α, а ω и не логическую истинность, а онтологическую, то есть реальность: в реальности импликации я ищу реальность **если**.

Здесь все соединено: и соблазн второй возможности, и вина практического монофизитизма, и подлый вопрос. От этого не благая, а мучительная опустошенность. Господи, помилуй.

9.X. Первая из трех формул — (1) — может быть формула творения, в (2) — критерий истинности импликации, (3) — реальность импликации. Во всех случаях ω — **если**, импликация — **то**, но в случае (1) — две импликации, в (2) — конъюнкция ω и импликации, в (3) посылка импликации — конъюнкция ω и α. Наиболее благоприятная — (3).

10.X. Из четырех форм апории в «Критерии» вторая отчасти соответствует чисто интенсивной форме общего тожества, четвертая — онтологической, структура же апории та же, что и одностороннего синтетического тожества. Но соответствие и этих двух форм — частичное и очень приближенное: абсолютный факт — абсолютная субъективность, в «Критерии» с самого начала сильнее подчеркнута абсолютность, в ТФТ — субъективность. Это два взгляда на тот же абсолютный факт, поэтому в последовательности изложения некоторый параллелизм: абсолютный факт (апория) — фактическая возможность — единственный факт (сдвиг апории).

Мне кажется, «Исследование о критерии» выдержало испытание временем. Но сейчас я не мог бы так написать.

О недостатках изложения. Через некоторое время, когда я уже отошел от вещи и не живу в ней, а возвращаюсь к ней через 10, 20 или 40 лет, я нахожу, что эти недостатки, погрешности, может, даже ошибки реализуют ее. Те погрешности, которые меня мучили, когда я писал, исправлял и все же не мог вполне исправить, сейчас я вижу как реальность интуиции, как жизнь интуиции, реализованной в вещи.

12.X. Если начать с факта *B*, то при переходе к изложению гипостазирования обнаружится, что фактическая возможность уже гипостазирована, так как я сам уже стал подлежащим. Затем — освобождение от гипостазирования и онтологическая форма общего тожества. Но тогда в начале — сколько форм общего тожества? Если бы можно было сохранить все четыре формы в фактической возможности, а потом дегипостазировать их, то такое начало возможно. Но как изложить онтологическую форму без абсолютно экстенсивного ничто? В $ТФТ_6$ она введена уже на стр. 37, но ничто осталось неясным и только во второй части обнаруживается его смысл как творения.

ι — ε- и ε-уклончивость рассуждения. Неожиданно лицо соединяется с бытием, то есть с **есть**, а не с существованием и самосознанием. Но дар лица — actus forensis.

Это не подтасовка фактов под схему, а реальная ε-уклончивость рассуждения. Только кажется или может показаться подтасовкой, так как неожиданно. Ошибкой было бы прямолинейное проведение различия ι и ε и игнорирование ε- и ι — ε-уклончивости рассуждения. От этого и другие неожиданности.

Среда *13.X.71* ~ воскресенье 13.X.63.*

15.X. Без частной границы нет лица, поэтому лицо экстенсивно и связано с бытием. Без **ты** я могу вернуться в себя самого, но это еще не лицо. И Сам Отец без Сына еще не Лицо, не живой Бог. И снова перекрещиваются ι и ε:

Отец как Сущий — ε. Отец как сознающий Себя — ι.

Троица как возвращение в Себя — ι; каждое **Лицо** Троицы как лицо — ε.

Рождение Сына — ε.

Отец как Лицо — ε.

Сын как «сказал и стало» — ι.

Сын как «сказал и **стало**» — ιε.

Частное тожество не часть общего тожества, но так как само не высказывается, то высказывается через общее тожество — через общее сказуемое и также не подчинено общему тожеству, хотя и сказано в нем.

Интенсивно в самосознании я фиксирую себя.

Но я **есть** — как лицо, то есть экстенсивно.

---

* Приближается годовщина смерти матери.

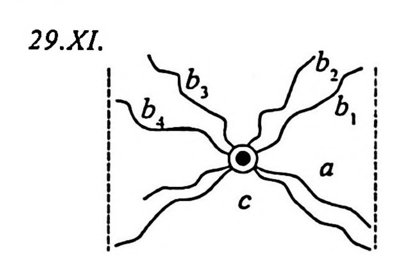
16.X.71.

19.XI. Абсолютный факт и общее тожество как структура тоже не отношение. Он может быть исследован структурно, структурно-качественно и качественно, все это — формальное исследование абсолютного факта, и возможно, что оно применяется не только к сейчас моей души и не только в христологии и сотериологии. В формальном исследовании меня интересует сама структура абсолютного факта независимо от содержательного значения, главное же для меня — содержательное истолкование, то есть содержательное значение: сейчас моей души. Я заканчиваю формальное исследование — сравнение 7 форм тожества, структурно сводящихся к четырем типам, и затем перехожу к содержательному исследованию различия ι- и ε-характеристик и всех видов ε-характеристик, то есть к формуле творения — энтелехии и формального исследования.

Каждая новая форма общего тожества вводится фактически, то есть онтически: жизнь, тожественная мысли о ней, я и т. д. Сразу же обнаруживается та же структура, но с новыми структурными, качественными и структурно-качественными особенностями — формальные отклонения, где я отвлекаюсь от содержательного значения, но, и отвлекаясь, я имею его в виду, то есть абсолютный факт: так как абсолютный факт — синтетическое тожество, а не отношение.

24.XI. «Меня всю жизнь мучил Бог» — Достоевский. Но и он не говорит это от себя, это говорит действующее лицо, кто — не помню. Еще Исаак Сирианин говорил, что временем искушение, временем утешение, но он не сказал бы, что всю жизнь его мучил Бог. Тот, кто это может сказать, тот экзистенциалист — это какое-то благословение проклятием и мукой. Но и тот, кто это сознает, не говорит прямо, а или в письме, или намеком, например Сцилла и Харибда, ее знал и Якоби: религиозный материализм (традиционализм) и религиозный химеризм, первое — скорее в несторианском оттенке, второе — в монофизитском. Это не значит, что всякий несторианец — традиционалист и религиозный материалист, и аналогично монофизит, но в монофизитизме есть что-то от религиозного химеризма.

29.XI.

Как надо писать историю философии. Площадь — дух времени или тело души культуры в определенное время; пунктирные линии — переход духа времени в другое время и другой дух времени. Волнистые линии — идеи как независимые сущности, некоторые из

них переходят из одного периода времени в другой, некоторые вечны. Кружок в центре — интуиция автора, душа души. В истории философии и вообще в истории культурных течений надо различать три этих момента, но, излагая один из них, нельзя игнорировать два других. Можно отдельно изучать, например, b_k, но нельзя, изучая b_k в определенные периоды, модернизировать его, отвлекаясь от языка и духа времени каждого периода. Также каждое b_k имеет свою интуицию, чтобы понять ее в определенные периоды, надо знать язык и дух этого времени. Каждое предложение в разные периоды имеет разный смысл. Передавая его буквально, мы именно модернизируем его, так как понимаем его с точки зрения современного языка и современного духа времени. Изучая прошлое, надо найти ключ, переводящий язык прошлого в язык настоящего. Периоды непрерывно переходят один в другой, тогда создаются смешанные периоды и грани периодов. Периоды делятся на подпериоды.

11.XII. Как я отношусь к Кьеркегору? Я нашел в нем свой зилотизм — это было при первом чтении. Но затем я нашел в нем свои недостатки — свой грех: монофизитизм и одновременно синергетизм, в его мысленном проекте — практич<еское> неосуществление вочеловечения Слова, склонность к акосмизму и докетизму: рыцарь веры живет как все, даже встретясь, два рыцаря веры не узнают, что они рыцари веры, — это уже религиозный солипсизм, то есть докетизм. Я полностью принял Кьеркегора и, приняв, отверг себя, тем самым и его.

Может, вообще понять что-либо значит понять себя, а понять себя значит отвергнуть себя.

20.XII. Я перечел сейчас: практическое неосуществление вочеловечения Слова. Я хотел этим сказать, что, сочиняя мысленный проект вочеловечения Слова, уже сомневаешься в вочеловечении Слова. Вочеловечение Слова фактично и несовместно ни с каким мысленным проектом, потому что противоречит всякому мысленному проекту, всякой мысли. Кьеркегор знал это и все же сочинил мысленный проект.

23.XII. Kant — Fries problem* , теорема Гёделя, онтическое и онтологическое начало — все это одного порядка. У меня в начале 1930-х гг. (или в конце 20-х?): начало должно быть случайным и фактическим. Затем: последнее слово не входит в систему, система как пример**. Главное здесь: новое понимание отношений общего и единичного или фак-

* Проблема Канта—Фриза (*нем.*).

** См. примеч. 15.

тического и возможного и действительного. Поэтому я и называю фундаментальной ложью понимание возможного как логически или онтологически более широкого или предшествующего в каком бы то ни было отношении действительному.

1972

14.I. И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возращу тебя в эту землю; потому что Я не оставлю тебя, пока не исполню того, что Я сказал тебе. И пробудился Иаков от сна своего, и сказал: «Точно, Господь присутствует на этом месте, а я не знал! <Быт. 28, 15,16.> А я не знал.

Конец января. Всякая новая научная, философская или художественная система не добавляет новые факты, ситуации или взгляды к старым, но производит полную перестройку старой системы, не добавляет новые факты, категории, понятия, образы к старым, заменяет саму категориальную систему или сетку, налагаемую на мир, чтобы понять его, так что то, что в старой системе считалось, например, предметом, в новой может стать действием или качеством, что в старой считалось фактом, в новой может стать теорией, взглядом, настроением. Еще Эйнштейн сказал: нет объективных фактов, научная установка, интуиция системы определяет, что называть фактом и что теорией.

Истину считали объективной, абсолютной. Кьеркегор сказал: истина — абсолютная субъективность. И еще: истина не что, а как. Я тоже писал об этом, еще не зная Кьеркегора. И все же и он и я признавали по крайней мере одну абсолютную истину: Слово стало плотью. И абсолютная субъективность, и признание истиной не что, а как и Кьеркегору и мне необходимо было не для того, чтобы релятивизировать истину, но, наоборот, чтобы лучше понять и утвердить то, что Пушкин назвал великим торжеством («Когда великое свершалось торжество»)* .

Еще не так давно, читая книгу, в которой говорилось о Боге, человек думал: убедительны ли доводы автора? Помогут ли они в моих сомнениях?

Д. Лихачев, говоря об Аввакуме, в одном месте сказал: это был новый прием, Аввакум повторяет его, несомненно он испытал художественное наслаждение от открытия нового художественного приема. Есть и религиозное наслаждение от страдания, высшее благо или

* Пушкин А. С. Мирская власть.

добродетель — слезный дар, так считалось. И Христос говорит: блаженны плачущие. А Лихачев говорит: художественное наслаждение.

Уже давно, когда после встреч утром я просыпался, я со страхом думал: а не сказал ли я вчера чего-либо умного, и если не сказал, то успокаивался. Я имею в виду литературное облачение умного. И когда я перечитывал свои вещи, мне иногда становилось стыдно, если я находил там литературные совершенства. Слова Лихачева — художественное наслаждение — меня испугали. Художественное наслаждение, может быть, величайший соблазн.

Кьеркегор сказал: истина — абсолютная субъективность. Дильтей сделал вывод: нет философских систем, есть философские характеры. То есть критерием ценности или оценки философской системы является не ее истинность, а определение характера автора системы. Но тогда надо быть последовательным: вопрос о существовании Бога сводится к антропологической типологии. Тогда, конечно, и религиозное наслаждение сводится к эстетическому.

Гадамер сказал: в наше время (60-е годы) поняли по-настоящему историчность. Но и к историчности надо подходить с исторической точки зрения: сама историчность исторична, и пройдет некоторое время и она перестанет быть истиной и станет ложью.

Дильтей и особенно Гадамер — умные люди. Но что они говорят: я утверждаю некоторое положение *А*. Но я не утверждаю, что это положение истинно. Тогда зачем же утверждать его?

Я не отрицаю ни необходимости изучения стиля, ни структурализма. Я с интересом читаю книги о структурализме и в своих вещах нашел именно структурный подход к некоторым вопросам. И в то же время меня это пугает. Особенно пугает, когда религиозную вещь, например Аввакума, разбирают с стилистической и структурной точки зрения. Во времена Аввакума люди, встречаясь, спрашивали: как веруешь? А сейчас: признаешь ли структурный подход и какую из школ структурализма?

19 век был веком наивного скептицизма: не только Евангелие, но и чуть не половину Платона признали неподлинным. Сейчас научная критика восстановила подлинность не только Платона, но и Евангелия. Штраус, Ренан, либеральная теология не были соблазном для веры, они были слишком наивны. Тиллих, Бультман, структурализм и др. — именно они подтвердили подлинность древних писаний, но ввели соблазн. Бультман не имеет отношения к структурализму, и все же это явление того же порядка. В философии и теологии открыл бутылочку и выпустил демона Кьеркегор. Кто виноват за соблазн: Кьеркегор, Бультман, Соссюр, Леви-Строс или я сам, читающий их и иногда находящий и у себя тот же соблазн?

Лютер сказал: разум — шлюха. Но ведь он сам же открыл дорогу разуму, сомневаясь в католическом авторитете и даже в некоторых Посланиях (например, Иакова) и в Апокалипсисе. И это снова соблазн: я не могу признать некоторых фарисейски-языческих теорий католицизма: веру угольщика, синкретизм Пшивары — это не Евангелие, а новая форма язычества. Но, признав, как Лютер, единственным авторитетом Священное Писание, я уже признаю самым последним авторитетом мою шлюху — мой разум, признающий одну из книг Священного Писания истиной, другую — не подлинной, одно из выражений — буквально, другое метафорически. Это не имеет отношения к структурализму и все же одного порядка с ним.

Снова повторяю: я не против семиотики, структурализма, также я признаю и очень интересное и глубокое понимание и у Тиллиха, и у Гадамера, и у Бультмана, и даже Бультмана я ценю выше, чем К. Барта, кокетничающего с традиционализмом, признающего чудеса и вместо неправильного лозунга Бультмана — демифологизации, выставившего лозунг — мифологизации, — все это в том же духе, как и у Гадамера и Бультмана,только, наоборот, все это та же шлюха — зарвавшийся разум, потерявший Бога. Но противоположное направление — католический синкретизм, особенно у менее умного и искушенного Пшивары, еще хуже — это реконструированное язычество в христианской терминологии.

Это какая-то страшная антиномия, я надеюсь, что когда-нибудь будет найден выход из нее. Сейчас происходит какая-то радикальная перестройка всех взглядов во всех областях, перестройка взгляда на мир.

14.II. Один из вариантов снов, которые повторяются до сих пор: я у Е. Шварца* . До сих пор у меня не были и не звонили мне ни Л., ни Ш., ни Д. И., ни Н. М. Я слышал, что Н. М. уже вернулся, и хочу спросить у Шварца, действительно ли вернулся Н. М., но мне неловко спросить: вернулся, был у Шварца, а мне даже не позвонил. Уже просыпаясь, подумал: не только Н. М., но и Л., и Ш., и Д. И., по-видимому, уже вернулись, а мне не позвонили.

Теснится тяжких дум избыток.** Ночные мысли.

7.III. Письмо к Т. Раньше, когда был стеклянный корабль, я жил в нем и в миру. Сейчас два стеклянных корабля, но они разделены и каждый отделен от жизни, я же сам пуст, некоммуникативен даже с самим

---

* Шварц Е. Л. (1896—1958) — драматург.

** Пушкин А. С. Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день...).

собою. Поэтому редко пишу даже в этой тетради. А ТФТ идет как-то само по себе, почти независимо, а может, и совсем независимо от меня. Оно имманентно в себе, а для меня трансцендентно. Поэтому иногда даже думаю: все это так необычно, неправдоподобно, что даже невозможно, хотя и знаю, что правдоподобие — арианская ересь. Когда же перечитываю, уже не я живу, а ТФТ, я здесь ни при чем. Отчасти это было и год тому назад, особенно когда писал 3-ю главу о Бахе*. И снова: перечитывая, не сомневался, потому что меня как будто и не было.

Я думал: это старость — опустошенность до некоммуникативности даже с самим собою, даже с тем, что пишу. Некоммуникативность — это отреченность, но опустошенная отреченность, а стеклянный корабль сам по себе, даже без меня.

Когда-то я записал: необрезанный иудей, некрещеный христианин, не человек, какая-то трансцендентальная схема.

13.III. Письмо к Т. О том же: отчужденность от себя самого. И еще о том, что мнение обо мне Т. важнее для меня мнения всего мира, и, может быть, я бы вернулся тогда к себе, так как Т. — связь с прежним, то есть с Л., Ш., Д. И., Н. М.

2.IV. Еще Л. и Н.М. сказали, что мои вещи поэтичны. Я бы сказал: музыкальны. Больше месяца мучаюсь, как перейти ко второй части**. Это вопрос не содержания, а формы. Композиция, архитектоника может быть пространственной и временной, последняя — в поэзии, прозе и музыке, но преимущественно или первоначально в музыке, потому что стихотворение я могу читать про себя, а в китайской поэзии, записанной иероглифами, существуют даже стихи непроизносимые, потому что нет слов для некоторых комбинаций иероглифов. Музыка же существует в реальном звучании, то есть преимущественно временное искусство. Когда я пишу, я представляю себе вещь, которую пишу, как некоторую музыкальную формулу. Если для меня возникает вопрос или дилемма: музыкальность формулы, то есть формы, или понятность, для меня всегда важнее первое. И сейчас, когда я перечитываю все черновики и варианты, я знаю, что для логической понятности лучше выбрать один вариант и поместить его в вступление или в крайнем случае в переход ко второй части, а для музыкальности — другой вариант; две группы вариантов, определяемых критерием логической понятности и музыкальности, и в конце концов я остановлюсь, по-видимому, на одном из вариантов второй группы. Критерием музыкальности я пользуюсь и в самых абстрактных вещах, как, например, в ТФТ, и, может быть,

---

* См. библиогр. [30].

** «Исследования о сущем слове» (ТФТ).

он наиболее важен именно для наиболее абстрактных вещей. Так же и в математике, и не случайно математические способности часто сопровождаются и музыкальными. Но в математике это проще: если *A* не доказуемо без *B*, то *B* раньше *A*. Но у меня не так: пусть будет три раздела — *A*, *B*, *C*. Положим, логически допустимы три порядка: *C* — *A* — *B*, *A* — *C* — *B* и *A* — *B* — *C*. Положим, первый вариант более всего благоприятствует логическому пониманию *A* и *B*, третий наиболее музыкален. Тогда я выберу третий. Но ведь когда я говорю здесь о логическом понимании, я имею в виду не материальное, а только формальное понимание, то есть α'-, в крайнем случае β'-очевидность* . Тогда музыкальный критерий соответствует материальному пониманию. Поэтому я и говорю, что для понимания моей вещи не всегда обязательно понимание каждой отдельной части: важно понять целое, тогда от понимания целого станет понятной и каждая часть в отдельности. То же и у Введенского, а может, и вообще в искусстве, но особенно у Введенского. В «Формуле несуществования» возражения первого собеседника, кончающиеся вопросом: что доказал ты этим? — хотя и понятны были для меня, когда я писал, сейчас непонятны даже мне, и тем лучше, что непонятны. Может быть, там можно вставить все что угодно и читающий, как и в алеоторике, может понимать эти возражения как хочет, даже заменять их своими, хотя бы совершенно бессмысленными, словами, только обязательно кончать словами: что доказал ты этим? Здесь важно, что два человека спорят, не понимая и даже не слушая друг друга, к концу приходят к полному взаимному пониманию-непониманию.

Первый собеседник: ты доказал, что... Что доказал ты этим? Вместо многоточия можно подставить все что угодно, хоть полную бессмыслицу, потому что второй собеседник все равно не слушает первого и только делает вид, что слушает. А к концу они непонятно как соединились.

Также музыкально и название вещи. К «Формуле несуществования» второе заглавие — под первым: «Вступление и разговор».

17.V. Т. Сон-молитва на 16.V. 5 <часов> 20 <минут>.

Осени Ты меня крестным знаменем
Душу мою упокой
Опали Ты меня вечным пламенем
Тело мое успокой.

Пятеро примут меня с радостью
Я это знаю
Они ждут меня с давности
Я это ощущаю.

* См. «Исследование о сущем слове» (ТФТ).

Т. записала эту молитву во сне сразу же, как проснулась. А перед этой молитвой во сне был другой сон, или другой сон завершился этой молитвой. Другой сон: Т. посылают на небо. Меня это испугало. Поэтому я посоветовал переставить «успокой» во вторую строку, «упокой» в четвертую. А вообще лучше так, как было и как я переписал здесь.

19.V. Вчера были В. и З. <Вургафтики> — приехали ко мне из Киева. Я чувствую себя соблазнившим одного из малых сих, я чувствую все время свою вину и ответственность. После их ухода все время повторял молитву Т.

Как я могу дать В. то, что ему нужно?

Последние годы, начиная, кажется, с 1965 или 1966, я исключаю из веры все, что не есть вера, но вера в веру. Область, где лежит вера, все время сокращается, радиус ее стремится к нулю. Я верю, я чаю, что, когда он экстенсивно, то есть по длине, станет равным нулю — станет точкой, не имеющей измерения, случится чудо: эта точка станет интенсивно бесконечной — верой, двигающей горы.

20.VIII. В ночь на 20.VIII,то есть день рождения, Т. снился страшный сон: мы живем вместе, но в трехкомнатной квартире, между моей и ее комнатами — столовая. Т. сидит там или лежит, обхватив ноги, ей страшно, она не может двинуться, не может закричать, ползет ко мне, с трудом ей удается наконец закричать мне: Лёня, возьми меня.

На днях я написал М.: в моей работе, то есть ТФТ, чем ближе я подхожу к концу, тем дальше он удаляется от меня. Уже два месяца я исправляю начало — первые три или четыре страницы: получилось страниц 12—15, которые я все время переделываю или пишу заново.

С Введенским сделано тоже мало: в шестом «Разговоре» <«Некоторое количество разговоров...»> синтагматическое развитие темы в строках, парадигматическое — в столбцах. В последнем «Разговоре» — наоборот. В седьмом — атомарность, помимо того ритм строк по четыре, по три, по дважды два. Все это — наблюдения Т., но до сих пор не записанные. Помимо того Т. записала начерно композиционную связь всех «Разговоров» и отметила аналогии коммуникативности в «Четырех описаниях» и некоторых «Разговорах».

22.IX.

16.X.

XII. Сны в ночь с 8-го на 9-е.

У Т. Пришел Шура и сказал: сначала я убью тебя, потом Яшу, потом себя.

У меня — различные варианты всю ночь:

1. Какая-то студентка вызвала студента на дуэль. Дуэль будет символической, в револьверы пули не положены. Я, не знаю как, узнал, что револьвер студента заряжен. Я бегу к кому-то, говорю: револьвер студента заряжен, студентку убьют, надо предупредить. Мне отвечают: чего ты беспокоишься, в книге жизни студентки написано: ее убьют от случайного выстрела. Нельзя изменить написанного в книге жизни.

2. Тут я вспоминаю: матери этой студентки (я объединяю ее с Т.) надо сделать укол, я бегу со шприцем. — И снова мне говорят: к чему укол, в книге жизни матери написано, она умрет вместе с дочерью, написанное в книге жизни изменить нельзя.

3. В ту ночь я спал или, скорее, почти не спал, просыпаясь от кошмаров, у Т. (в комнате Т. П. <Ишевской>). Мне снится: Т. П. говорит мне: сегодня ночью я делаю дезинфекцию в своей комнате, так как буду дежурить у Т., а Шурик уедет к своему приятелю, так что Вы не сможете ночевать у нас. Я говорю: а как же уколы Т.? Т. П., и уже не Т. П., а кто-то другой говорит мне: к чему уколы, в книге жизни написано...

1973

16.X. Я вспомнил это только 17.X, так как снова срочная работа (Бах) и я очень устал. Но это не оправдание. А записано только сегодня, 29.X.

1974

26.II. Сон. Я сижу с Ш., он меня обнял одной рукой. Я вспоминаю, что уже не раз видел его, так же как и Л., и Д. И., и Н. М., и все это оказывалось сном. Поэтому спрашиваю Ш.

Я. Как ты думаешь, сейчас тоже сон?

Ш. Да, сон.

Я. Кто же кому снится?

Ш. Я тебе, ты мне.

Я думаю: надо будет завтра проверить, если действительно это сон, то, когда проснусь, встречусь с Ш. и если он тоже видел меня в эту же ночь, то во сне мы действительно встретились.

Потом был разговор о Д. И., комплексе Эдипа, монофизитизме. Я хотел еще рассказать ему, что Т. составила словарь к его вещам, но не успел, потому что проснулся.

17.IV. Т. написала, а когда я сказал, что это ко мне относится, подписалась, а написала следующее:

Не пора ли, не пора ли успокоиться.
Успокоиться,
На покой уйти.

16.X.

17.X. Я мог бы написать многое:

1. О начале двойственности или принципе дополнительности двух
порядков*
типов. Но к чему это здесь записывать, если я сейчас об этом пишу в ТФТ.

2. Каким образом, откуда я знаю, что я — два замкнутых мира на одном месте, если они замкнуты так, что даже и не знают о существовании другого мира, хотя и проницают друг друга. Тогда откуда же я знаю это? И об этом уже много написано — много вариантов, но ни один не удовлетворяет меня. Сейчас я подумал: если проницают друг друга, не зная даже о существовании другого, то в каждой точке два мира, не знающие о существовании другого. Тогда не может ли быть так, что, и не зная о существовании другого, они знают и другой мир? Или знают другой мир, не зная, что это другой мир? Или знают, но не знают, что знают?

Я мог бы записать многое, но все это не то, что мне нужно.

19.X. Новый вариант: пока я пишу или думаю, хотя бы и о ε-тожестве, я живу в ι-тожестве и думаю не о ε-тожестве, а о высказывании ε-тожества, то есть, «имея его в виду», я уже имею в виду не ε-тожество, но высказывание ε-тожества (1). Когда на вопрос: о чем ты думаешь, отвечают: ни о чем, — говорят: это неверно, нельзя ни о чем не думать, просто мелькают обрывки мыслей и кажется, что ни о чем не думаешь. Это неверно. Адамар: математик делает открытия в виде образов, а не формул. Эти образы, иногда неясные, — молчание. Умная молитва без слов. Слезный дар. В этих случаях я действительно даже не знаю о существовании ι-мира. То есть экстенсивность в пределе уничтожает интенсивность (2).

(1). Возражение: но все же в ι-мире я знаю о существовании ε-мира? Неполный ответ: неразделенность не есть соединенность, но неразделенность несоединенного. В ι-мире я только делаю вид, что знаю о существовании ε-мира.

Другой вариант. Пока я думаю или пишу, я и есть то, что я пишу, то есть ι-мир. Но вот я записал целый взгляд. Я остановился: от исследованного остался след в виде листов исписанной бумаги. Тогда я го-

* Так — слово над словом — в рукописи.

ворю: это не то, только листы напрасно исписанной бумаги. Тогда я молчу: в молчании я — ε-мир. И здесь предположение атомарности: не только записав весь взгляд, но записав одно предложение, даже одно слово, одну букву, я мгновенно, не замечая этого, остановился и подумал — я не слово, не буква, я уже молчу.

Я бы мог записать еще многое, но и это не то, что мне нужно.

22.X. Можно представить себе ряд систем или систем как пример абсолютного факта: A_1, A_2,... Предложение, истинное в одной из этих систем, может быть ложным в другой системе, например к а к = ч т о в системе A_n, но, например, в системе A_m: абсолютный факт есть к а к абсолютного факта (B_1) и абсолютный факт есть ч т о абсолютного факта (B_2). Тогда к а к ≠ ч т о, так как $B_1 \neq B_2$. Можно сказать, что каждая система как пример A_n находится или есть некоторая система координат A'_n. Тогда при преобразовании системы координат A'_n в A'_m предложение A_{n1} преобразуется в предложение A_{m1}, поэтому предложение A_{n1}, истинное в системе A_n, будет ложным в системе A_m.

26.X. У меня в философии всегда отсутствовал или почти отсутствовал мир. За этим акосмизмом скрыт монофизитизм. Вчера, пересматривая старые записи, я нашел: мир — функция Ты и ты. Сегодня ночью я почувствовал стержень мира. Мир — это: я — Ты — ты. Это мир перед Богом.

Сейчас моей души:

(1) Как актуальность, тожественная чистой потенциальности. Сейчас моей души открыто для Ты и ты. Но Ты и ты фактичны, а в исследовании сейчас моей души оно еще не есть я — Ты — ты, но только открыто для Ты и ты. Они фактически входят в сейчас моей души, но не выводимы. Поэтому в ТФТ я вывожу не я — Ты — ты, но только открытость я для Ты и ты. Я имею в виду я — Ты — ты, но пишу только о я. Я вижу мир перед Богом, но ничего не могу сказать о нем.

(2) Как актуальность, тожественная фактической потенциальности. Первородное гипостазирование фактично. Тогда остается только проходящий образ мира без Ты. Я пишу о мире, но только о падшем мире, о себе, но только о том, как я грешу, о том, что как что я — ничто.

(3) Творение мира, грехопадение, вочеловечение Слова, спасение — все это не выводимо, но фактично. Абсолютный факт опустошается: я что только как ничто. Тогда его заполняет Ты. Где же я — Ты — ты, то есть мир? Его снова нет. Он присутствует невидимо в (1), но я ничего не могу сказать о нем. Он присутствует в грехе во (2), но искаженный грехом присутствует грех, в (3) его снова нет. Не есть ли это снова акосмизм, то есть скрытый монофизитизм? Мир как бы есть — тогда это скрытый докетизм, то есть последовательно, до конца проведенный

монофизитизм. Но за этим скрывается еще и другое. Если Христос как бы алкал, как бы жаждал, как бы страдал и все же Он Слово, ставшее плотью, то и сама плоть и сам мир — как бы мир и я через акосмизм прихожу к солипсизму, хотя бы и религиозному: я и Ты, больше никого не осталось, где же остальные ты, где же я — Ты — ты?

Я этого не утверждаю, напротив, ищу, как бы преодолеть монофизитский и докетический соблазны.

Сама формула «мир — это я — Ты — ты» правильна, солипсизм тогда уже не нуждается в опровержении, которое вообще невозможно, а просто снимается сам вопрос о солипсизме. Этой формулой я ввожу в свою философию постоянно ускользающий от меня мир. Но «проходит образ мира сего», сказал ап<остол> Павел, — образ мира сего, а не мир, от меня же ускользает и мир.

Я почувствовал снова стержень мира, надо ли удержать тогда ускользающий мир? А с ним ускользают и все ты, это уже грех.

Вместо бытия — Слово, Сущее Слово.

Прочитав «Три беседы»* , я подумал: моя философия — метатеория сознания. Но ТФТ больше, чем теория метасознания, это христологическая онтология, то есть онтология, основанная не на ὄν**, а на Λόγος***. Мир или бытие есть как творение бытия из ничто Словом.

31.X. В ТФТ я писал, что бытие, или ч т о, есть как акт творения что из ничто. Это сейчас, то есть интенсивно. Но экстенсивность — это актуальность отрицания или состояния. Но тогда здесь акт экстенсивен, то есть состояние? В <сочинении> «Трактат Формула Бытия»: состояние-свершение: состояние — здесь, свершение — там, и там состояние-свершение, так как то есть тожество того и этого.

Актуальность отрицания акта как не акт, акт не акта.

16.XI. Лиде снилось: сказать сказанное все равно что не сказать несказанное (или: то же, что не сказать несказанное).

17.XI. Вот уже с января или с февраля я болею. В марте у меня определили астматический бронхит: очень длинный выдох с хрипом. Я думаю, что заболел из-за письма к Ш... Он вел себя с июня 1973 г. очень грубо и подло по отношению к Лиде, выживая ее из Института, чтобы, по-видимому, присвоить себе ее идею. С октября или, скорее, с ноября

* Мамардашвили М., Пятигорский А. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в теорию виджнянавады) // Труды по знаковым системам. Т. V. Вып. 284. Тарту, 1971.

** Сущее (*гр.*).

*** Слово (*гр.*).

стал писать ему письмо. Я часто не спал по ночам и написал множество вариантов: надо было написать так, чтобы он, с одной стороны, понял свою непорядочность и подлость, и одновременно смягчить, чтобы он не слишком обиделся и смог раскаяться. Зная его злопамятность и злобность, это была очень трудная задача. И главное: я находился все время в мучительном состоянии свободного выбора: письмо могло еще больше озлобить его, и я не знал, что лучше — послать или не послать его. И наконец, в начале июля, когда он совершил последнюю подлость — оклеветал Лиду, чтобы она не могла работать и в другой лаборатории у К. Стало ясно, что больше повредить Лиде, чем он это сделал, уже невозможно, тогда я отправил письмо. С этого дня — когда я отправил письмо — астматический бронхит прошел. Но какая-то болезнь, проявляющаяся в очень сильной слабости, когда даже сидеть трудно, не проходит, причем идет это циклически — волнами: вот я чувствую себя хорошо, на следующий день чуть-чуть, еле заметно хуже и т. д., пока не наступает такая слабость, что я весь день лежу, как это было последние недели полторы. Потом вдруг опять хорошо, как сегодня; вчера еще, особенно первую половину дня, было очень нехорошо. Но это неважно, я хотел записать другое. В письме к Ш... я написал, что грех заразителен, и что если он не осознает свою вину вовремя, а только когда уже поздно будет ее исправить, то будет плохо не только ему, но и его ближним. Я написал это, рассчитывая на его суеверность, но, по-видимому, он настолько туп, что даже несуеверен. Я не желал зла его ближним — зла или несчастья, но, если бы что и случилось с его женой или сыном, был бы я рад? И вот я подумал: смерти я не желаю ни ему, ни его ближним, кажется, я могу это сказать честно, но другого, не очень большого несчастья я пожелал бы? И вот я на днях подумал: да, пожелал бы. И вот небольшое несчастье, которое я пожелал другому, обратилось на меня, может, от этого я и болею.

Теперь о свободе выбора. Свобода выбора — грех. Больше полугода я жил в этом грехе, но что было делать? Ведь письмо можно было послать, можно не послать, а это свобода выбора. Ведь не ради себя, а ради Лиды я жил в мучительной свободе выбора. Ответ: надо было молиться. Но ведь что-то делать Бог повелел человеку, и дело было одно: послать или не послать письмо? Как избежать здесь свободы выбора? Не знаю.

26.XI. Лида заметила, что «Из дома вышел человек»* Хармса так хорошо поется под «Сурка» Бетховена, как будто бы Бетховен написал «Сурок» на стихи Хармса. Стихотворение и названо Хармсом песенка. Т. сказала, что Хармс любил «Сурка», вполне возможно, что он написал это стихотворение на музыку «Сурка», может, потому и назвал стихи песенкой.

* Из дома вышел человек (Песенка) // ПСС. Т. 3. С. 57.

Недавно я прочел, что у многих поэтов стихотворение возникало первоначально как ритмическое или даже ритмо-мелодическое звучание и потом являлись тема и слова. Возможно, так возникло и это стихотворение: мелодия «Сурка» стала стихотворением Хармса. Сознавал ли сам Хармс, или он вдруг вспомнил эту мелодию, или она зазвучала у него подсознательно перед тем, как он стал писать эти стихи?

6.XII. Кьеркегор сказал, что его поймет тот, кто отвергнет его. Я отвергаю Кьеркегора не потому, что он признал только половину Евангелия, не потому, что его рыцарь веры настолько старается сделать свою веру внутренней, скрытой от других, что скрывает и от самого себя, но потому что я его целиком принял, я стал им, а себя я отвергаю. Теперь уже я сам, стараясь скрыть свою веру от других, скрываю ее и от себя, тогда отвергаю себя. Я применяю это и к своей философии. Мою философию поймет только тот, кто так же, как и я, отвергнет ее, чтобы на ее место поставить веру. А для этого он должен принять каждое мое положение от первого до последнего в точности так же, как я утверждаю их. Он должен полностью и имманентно, и трансцендентно принять все, что я утверждаю, тогда вместе со мною отвергнув ее трансцендентно, отвергнет себя, как и я отвергаю себя.

20.XII. ТФТ. Мысль о жизни, противополагающей себя жизни, я понимаю в ТФТ как некоторый стержень, пронизывающий сознание. Тогда вместе с стержнем и само сознание не тожественно жизни. Но этот стержень можно вынуть, тогда в сознании останется пустое место от стержня, то есть от мысли, это сознание без мысли и без самосознания, даже без сознания сознания, —ε-сознание или сознание со знаком нуль (сознание без сознания, к бессознательному это не имеет никакого отношения). Поэтому и само обсуждение, не тожественное абсолютному факту, как в общем, так и в частном тожестве то же и как то же не то же самое; в ε-тожестве оно без стержня.

ТФТ я назову, кажется, «Исследованием о сущем слове».

1975

4.III. В середине или в конце декабря я заболел: сильный бронхит. Недели через две самоуверенный, то есть глупый, доктор посадил меня в больницу, где я пробыл около двух недель. Это окончательно выбило меня из колеи и доконало. Так как и заболел я от маловерия и соблазнов, внешней причиной которых был Ш...* и боязнь за будущее Лиды,

---

* См. запись 17 ноября на стр. 548.

а внутренней и актуальной — неумение найти себя, то есть маловерие, то и после больницы я болел и чувствовал себя хуже, чем до больницы. Неделю тому назад я пробовал заняться снова ТФТ, но не смог: многое надо изменить, и я не знаю, как взяться за это. Было все очень плохо. Тогда я стал читать «Перед принадлежностями», начиная с тетради† 6, и уже на следующий день я почувствовал себя здоровым. Сегодня закончил последнюю тетрадь. Что меня вылечило? Я почувствовал телеологичность своей жизни, то есть увидел: жив Господь, жива душа моя. Я хотел написать: теперь я не буду рабом ленивым и неверным, но разве я могу это сказать? Я буду молиться, чтобы не быть рабом неверным, избавь меня, Господи, от лени и неверности, дай мне силу вернуть с избытком подаренные Тобою таланты, а не закопать их в землю.

5.III. Мф. 2. Каждое внешнее событие, имеющее ко мне отношение, каждая моя мысль и мой поступок двузначны, то есть имеют две стороны или, вернее, две плоскости: материальную, или плотскую, и духовную. Это относится и к прошлому, поскольку оно имеет ко мне отношение. Были ли волхвы, ходили они к Христу, руководила ли ими звезда, узнал ли о них Ирод? Здесь надо различать две плоскости: плотскую, или profanum, и духовную, или sacrum. Вторая не менее, а скорее более реальна, чем первая. Как было на плоскости светской, мы не сможем утверждать с уверенностью: наука относительна, методы ее меняются, и что сегодня считается научно обоснованным, завтра может оказаться ненаучным, а послезавтра, хотя бы с некоторыми поправками, снова научно обоснованным. Но ведь Евангелие преследует не научные цели и плоскость Евангелия — sacrum. Тогда рассказ о волхвах вполне удовлетворяет поставленной Евангелием цели. Иначе говоря, прочтя сейчас гл. 2, я ощутил полную достоверность того, что там сказано. Какая это была достоверность — profanum или sacrum? Но когда есть полная достоверность, то даже не возникает вопрос, полная ли это или неполная достоверность, неполная — вообще не достоверность, поэтому не возникает и вопрос, научная ли это или религиозная достоверность. Да, волхвы видели звезду на востоке, она руководила ими, вела их к Младенцу с Марией, матерью Его, рассказать об этом реальном, абсолютно достоверном факте лучше, то есть достовернее, чем это рассказано в Мф. 2, вряд ли можно, я ощутил не adaequatio, а полное отожествление рассказа о факте с этим фактом, с ощущением этого факта, с его присутствием в моей душе. Только ли в душе? Нет, было отожествление факта вне моей души, причем факта, происшедшего около 2000 лет тому назад, с моей душой.

Пусть A — некоторый факт, α, β, γ, δ,... — рассказы об этом факте. Рассказ о факте всегда не факт, а слова. A — рождение Христа, α, β, γ,... — рассказы о рождении Христа. α — Мф. 2, β — Лк. 2. Рассказ α

так сливается, отожествляется с фактом *А*, что как бы ни происходил «в действительности» факт *А*, для меня рассказ α наиболее достоверен. Я поставил в кавычки «в действительности», потому что невозможно отделить действительность от слова и что значит «действительность сама по себе» мы вообще не можем сказать. Помимо того, внутренняя действительность бывает не только более убедительной, но и более реальной, чем внешняя. Факт *А*, то есть рождение Христа, — внешняя действительность, но для меня она, оставаясь внешней — без этого она вообще не действительность, — настолько вошла в меня, что стала и внутренней. Так вот внешняя, не зависящая от меня действительность *А* в рассказе α настолько подчинила меня себе, что стала одновременно и моей внутренней действительностью, потому что без нее я — уже не я. Это внешняя действительность, вошедшая в меня и поэтому ставшая и моей внутренней действительностью, абсолютно адекватно для меня передана в Мф. 2. Волхвы не существуют для меня так же реально, как и Христос, потому что только Бог и Богочеловек абсолютно Сущее, но рассказ Мф. 2 для меня вполне реален и убедителен, он в точности передает мое представление о рождении Богочеловека, хотя бы и все историки абсолютно «научно» доказали, что ни волхвов, ни звезды, руководящей ими, не было.

В конце концов и всякая внешняя действительность становится достоверной, когда я поверю, что это действительно было, я или, вернее, во мне кто-то ставит печать на представление чего-то, что по моему предположению действительно, после этой печати предполагаемое и становится действительным. Может, то же самое имел в виду и Кьеркегор в своем Wiederholung. Так вот, когда я читал сегодня гл. 2, то я ясно ощутил, что, независимо от того как «в действительности» происходили рассказываемые в этой главе события, они действительно (уже без кавычек) происходили так, как это там рассказано. Действительность, которая была в моей душе, в точности соответствовала действительности, происходившей 2000 лет тому назад.

Лет 50 тому назад мне снился сон: раздается звонок или зажигается лампочка, и происходит страшное событие. Звонок или лампочка были предвестниками этого события, причем безразлично что — звонок или лампочка. И действительно, звонок или лампочка в этом случае были одним и тем же. И также волхвы, Ирод, дары были вестниками величайшего в истории события. И так же, как во сне, я не мог отличить звонка от лампочки, потому что событие затмило собою все, также и само событие затмило и приход волхвов, и Ирода, и дары, могли быть и другие события — β, γ, δ, ... — и они были бы теми же самыми волхвами, дарами и т. д., во всем этом я видел одно: рождение Младенца, и сам вестник этого, то есть волхвы и дары, так точно вели к великому событию, что и предвестник этого события был так же реален для меня, как и само событие.

По-видимому, так: есть некоторое несомненное для меня событие *A*. Событие *A* — внешнее, но, как абсолютно несомненное, оно и как существующее вне меня и даже до меня настолько мое, что стало и во мне. Предвестник его α. Тогда и α реально для меня, так как оно предвестник *A*, для меня одно: α*A*, то есть *A* реализовало α. Может, наука точно «докажет», что α не было, но для меня оно реально, потому что во мне реально α*A*, при этом *A* происходило около 2000 лет тому назад. Любое ли α было бы реализовано фактом *A*? Я думаю, не любое, в самом α есть некоторый оттенок, благодаря которому оно могло быть реализовано фактом *A*.

Я все только приближаюсь к тому ощущению, которое у меня было, когда я читал Мф. 2: я ощутил в себе какой-то прочный стержень α*A*, тогда я подумал: этот стержень не только во мне, но и вне меня и даже был или случился 1975 лет тому назад, и так как этот стержень неделим, а *A* достоверно, то и α достоверно. И так же, как во сне, звонок и лампочка были для меня тем же самым, так и вместо волхвов могло быть что-либо другое, но имеющее то же заумное значение и было бы так же реально.

β, то есть Лк. 2, так же реально, как и α. Здесь, очевидно, то же, что я писал о партиципации, то есть сопричастности или Причастии: α и β причастны *A*, потому оба истинны. Причастность не просто в том, что они предшествуют *A*, а в том, к а к они предшествуют. *A* реально и исторически, а поэтому α и β, как причастные ему, реальны, хотя, может быть, современной или будущей исторической наукой и могут быть признаны исторически достоверными — но это не важно. А факт *A*? Это неисторический факт в истории, он не может быть отвергнут никакой историей, здесь необходимое пересечение сакрального с профанным.

6.III. Я хотел вчера сказать, что, во-первых, некоторая внутренняя реальность обладала такой силой бытия, что стала, вернее была, не только внутренней, то есть существует не только в моей душе, и, во-вторых, что в некоторых случаях различные a_1, a_2, a_3,... в силу сопричастности с абсолютным *A* становятся теми же самыми, оставаясь различными. Их различность — видимость, их тожественность — их сущность и реальность.

10.III. Можно ли вообще точно отделить внутреннюю реальность от внешней? Даже если я переживаю некоторое прошлое событие, зафиксированное многими современниками, мое переживание, то есть фиксирование этого события, может быть более реальным, чем все описания современников. Ведь все равно и внешнее событие, хотя и воспринимается внешними чувствами, но фиксируется и признается реальным внутренним чувством. «Ситуация одновременности с Христом»,

если она достаточно интенсивна, может, больше подтверждает реальность некоторых событий, чем какие угодно описания современников.

Я хочу сказать, что так называемая внешняя реальность в некоторых случаях одинаково существует и внутри и вне. В этом высказывании нет ничего нового, если речь идет о религиозных переживаниях, точнее о Боге. В сущности то же самое говорит и Леви-Строс в статье о шаманах: болезнь другого человека — внешняя реальность для шамана, но он берет ее на себя, она делается его болезнью.

Не знаю, удастся ли мне закончить хотя бы первую часть первого раздела ТФТ, поэтому привожу найденное сейчас определение ι- и ε-характеристики и знака (на отдельном листке).

Неразделенность характеристики и знака **есть** ι-характеристика **как** определение частного сказуемого и ι-знак **как** отнесение частного сказуемого к нетожественности его подлежащему, и все это **есть** трансцендентное сохранение ι-характеристики в Боге; **несоединенность** характеристики и знака **есть** ε-характеристика **как** определение частного сказуемого и ε-знак **как** нетожественность частного сказуемого подлежащему, и все это **есть** трансцендентная потеря ε-характеристики в Боге.

Подчеркнутые слова и весь этот отрывок определяют основную интуицию всех моих работ — десубстанциализация и, более широко, дегипостазирование взгляда на жизнь, то есть жизни, так как жизнь и есть взгляд на жизнь. И еще: некоторые заранее неопределяемые понятия — характеристика и знак — получают значение не через обычные определения, а через указание их назначения. Три момента:

1. Неразделенность; несоединенность;
2. есть;
3. как.

Соединение этих трех моментов или элементов можно назвать определяющей функцией или формулой с тремя пустыми местами. Пустые места заполнены словами: подлежащее, частное сказуемое, нетожественность второго первому, при условии тожественности первого второму, причем в четырех традиционных формах частное сказуемое есть функция подлежащего и одного или двух знаков или характеристик.

14.III. Что было до 1.III, с тех пор как я заболел или, скорее, после того как был заключен в больницу?

Я решил
Я согрешил
Значит, Бог меня лишил
Воли, тела и ума.

И в результате этого или вследствие этого:

Бог, Ты, может быть, отсутствуешь?
Несчастье.

Согрешением было не то, что я перестал писать и заниматься ТФТ. Если бы я стал читать Священное Писание, греха бы не было. Но проявлялся он в том, что я перестал заниматься: грех был в каком-то решении, в выборе невыбора, то есть самой формы выбора, может, самой сильной. Т. понимала это и в последний раз пристыдила меня за несколько дней до 1.III. Это так подействовало на меня, что я понял: дальше так не может идти. Я потерял себя. Это значит: я потерял Бога. Это было несчастье, самое страшное несчастье. Я не был настолько глуп, чтобы стать неверующим, хотя на ум и приходило то, что, как говорит Исаак Сирианин, даже вымолвить страшно, мучила подлая мысль, то есть мысль о естественности, а Он отсутствовал. Я стал читать «Ви́дение», потом «Принадлежности» с 1966 г., когда пришло «Видение», и я нашел себя, то есть снова нашел Бога, вернее Он вернулся, тогда я снова нашел себя. Вот что было.

Затем еще одна, по сравнению с тем, что я сейчас записал, ничтожная деталь. Уже много лет, как я, встав и позавтракав, иногда час и больше чувствую себя разбитым и сажусь за работу через час или два после чая. Сейчас, хотя я и стал старше и, может, не совсем здоров, я не чувствую этой разбитости и могу сразу сесть за работу.

16.III. Один физик сделал открытие и записал его в виде сложного уравнения. Другой физик сказал ему: я прочел вашу работу, проверил уравнение, все верно: и вывод уравнения из определенных, эмпирически полученных числовых данных, и его решение. Но я не понимаю ни самого явления, ни уравнения, ни его решения. На это первый физик ответил: я и сам этого не понимаю. Так бывает иногда и у меня. Я нахожу определенное явление, делаю из него некоторые, правильные по законам актуальной логики выводы, нахожу новые интересные зависимости, выражаемые часто в виде тожеств, но не понимаю этих выводов, зависимостей и тожеств.

24.III. Всегда ли можно в человеческом поведении разделить детерминированность и телеологичность?

Например: { Я поел, потому что был голоден.
Я поел, чтобы утолить свой голод.

Верно ли, что основание для моего поступка может быть и причинным, например голод, и телеологичным, а осуществление, во всяком случае в сознаваемых актах, всегда телеологично?

26.III. Как двухмерное существо, передвигающееся только в двух измерениях на сфере шара, считает свой мир неограниченным и не имеет

даже представления ни об infinitum, ни о третьем измерении, так и потенциальное понимание совместно с гипостазированием не имеет представления ни о своей ограниченности, ни о тожестве различного. Подробнее — на отдельных листках в группе Г. <?>

2.IV. Несколько дней я просматривал свои записи, часто на отдельных листках. Иногда встречаются и несовместные, некоторые, может быть, неточны, с некоторыми я сейчас не согласен или не вполне согласен, и все же я не знаю, что окажется более интересным: мои ли законченные вещи или случайные отдельные записи, иногда в несколько строк, иногда — несколько страниц. Я даже не знаю, как их соединить или классифицировать, потому что в одной записи иногда неожиданно, но интересно соединены две различные мысли, относящиеся к разным темам.

?IV. В математической логике есть знак для утверждения определенного предложения: $\vdash$. Например, не просто $a^2+b^2=c^2$, но $\vdash a^2+b^2=c^2$, то есть я утверждаю, что $a^2+b^2=c^2$. Но тогда и «я утверждаю, что я утверждаю, что $a^2+b^2=c^2$» и т. д. Это объективирование, присутствующее неявно в любом сказанном предложении, яснее всего обнаруживается в самообъективировании.

В «Исследовании о критерии» я начинаю с примера: я сказал, что река течет (1), тогда: я сказал, что я сказал, что река течет (2). Перед первым предложением я там поставил вопрос: что? Тогда начинается объективирование. Это «что?» — знак невозможности необъективирования. И несмотря на это, мы живем и говорим, не объективируя все время, иначе общение вообще не было бы возможно. Это первая апория.

Объективирование можно сказать и так: высказывание предложения *X* есть высказывание высказывания предложения *X* и т. д.

5.V. Сегодня снился сон, которого я ждал каждую ночь с 16.X.63. Я хотел видеть маму живую, ощущать ее такой, какой она была в лучших своих состояниях, не физических, а духовных, и чтобы ничто не омрачало наших отношений и при этом, чтобы я знал, что ее уже нет на земле. В некоторых случаях это почти бывало, но что-либо почти всегда омрачало, например обычный и до сих пор сон: я не готов к экзамену, который предстоит завтра или послезавтра. Мне казалось, что если мама не сердится на меня и я вижу ее такой, какой она бывала в идеальных состояниях, то мне прощено одно из моих прегрешений. И вот сегодня во сне я крепко обнял маму и целовал ее, а она меня утешала, но тоже как-то странно: ведь это папа умер, а не я. А я знал, что она есть, я обнимал и целовал ее, хотя на земле и нет, она как бы вернулась оттуда на время, чтобы простить и успокоить меня. Это происходило, повидимому, на даче в большой комнате, а за ней были еще две малень-

кие и одна большая комната, но грязные и запущенные, и я подумал: если их вычистить, то мы все сможем здесь жить вместе. Кто мы? По-видимому, Т., Л<ида>, мама и я. Я проснулся радостный.

6.V. Я получил очень хорошее небольшое письмо от Игоря Блажкова, где он поздравляет с праздником Воскресения Христова. Кажется, у него сильная вера и помогла моему маловерию, и я искренно ответил ему, закончив: Христос Воскресе, воистину Воскресе.

9.V. По поводу записи 5.V. Горе изживается или ослабляется в высказывании другому или себе. «Ви́дение невидения», Добавление к которому было закончено в январе 1968 года, и было таким высказыванием себе самому. Поэтому, по существу, оно посвящено маме. Незаконченное «Сон и явь» уже давно посвящено моей лестнице Иакова.

Что значит **мыслить**? Обычно это понятие определяется очень широко, неопределенно и неоднозначно. Если словом **думание** назвать все акты сознания, то мышление будет только одним из них. Во-первых, что значит **мыслить**? Во-вторых, всегда ли присутствует акт мышления в акте думания?

1. Из непосредственного тожества различного я начинаю произвольно выделять какую-либо одну особенность. Это акт обобщения. Он неотделим от второго акта: выделяемая особенность отожествляется сама с собою и не отожествляется с другой. Насколько этот двойной акт произволен? Априорно он не необходим, например я могу отожествить звук со светом или цветом (мой сон), понятия которых не только различны, но не объединяются и в один род. А фактически? **Фактически** для меня неизбежен вследствие грехопадения — акта первородного гипостазирования. А в партиципации (Леви-Брюль) у так называемых «первобытных народов»? Тоже фактически неизбежен, но в значительно более слабой форме: если племя ведет свой род от попугая, то «ведет свой род», может быть, и нарушает закон мысли, то есть понимается как партиципация — сопричастие, а не логически, но каждый раз, когда негр этого племени говорит слово **попугай**, он имеет в виду одно и то же, то есть уже выделяет определенный признак и отожествляет его с самим собою.

В нашей культуре, даже постулируя отожествление противоп<оложных> несовместных членов, фактически неизбежно присутствует и отожествление каждого члена с самим собою. Даже сказав: **то же** и как то же — не то же самое, я имею в виду то же самое **то же** в первый и во второй раз, когда утверждаю, что как **то же** оно не то же самое. Это уже частичный ответ на второй вопрос, но неполный.

2. Мне кажется, что существуют состояния сознания, когда этого отожествления нет, но остается все же пустое место этого отожествления, то есть нуль-мысль. При этом надо различать два случая:

1) сознание существует как присутствующее, а мысль — как пустое место — нуль-мысль;

2) не только мысль, но и сознание присутствует как отсутствующее, то есть нуль-сознание.

Возможно ли состояние сознания, когда мысли нет, даже как нуль-мысли?

16. V. Создать единую систему ι- и ε-оппозиций, во всяком случае для определенного состояния, по-видимому, невозможно. Например, Введенский — ε, Хармс — ι, между тем для Введенского существенно именно с е й ч а с, не существенное для Хармса. Но возможно, что понимание с е й ч а с Введенского именно экстенсивно. Может, с е й ч а с для него абсол<ютно> экст<енсивное>не з д е с ь, в котором после остановки времени наступает чудо («Серая тетрадь»). Теорема Гёделя для философии.

19. V. Бес очень глуп. Однажды я молился, и когда дошел до: да приидет Царствие Твое, бес шепнул во мне: но раньше я хочу закончить первую часть ТФТ. «Я» здесь именно я, бес принял мою форму, мое лицо, так что сказал это как бы я и сразу же подумал: до чего ты глуп. Кто этот ты? Я и бес, принявший мою форму (эйдос) и лицо. Очевидно, мы оба глупы.

24. V. Лида и я приехали в Пушкин.

29. V. Приехала Т.

2. VI. Болезнь иногда бывает грехом: не от греха, а именно грех. Так было со мною, когда я пошел к главному врачу* : вместо того, чтобы помолиться, я заболел — снова появились приступы астматического бронхита, слабость и пр.

4. VI. Какие-то клетки мозга передают информацию по двоичной системе, то есть имеют только два знака (импульса?): да, нет. Из этого автор сделал вывод: может, поэтому наше мышление дихотомично (да — нет; истинно — ложно; хорошо — плохо и т. д.). Виктор <Вургафтик> возразил: а может, наоборот, наше мышление дихотомично, поэтому и увидело только ту работу или ту часть работы клеток, которая протекает дихотомично.

31. VIII. Запись 2.VI подтвердилась. К главному врачу я, может быть, и должен был пойти, но если бы перед этим помолился, а не заболел, то лето не было бы испорчено.

---

* С просьбой назначить Т. Липавской другого лечащего врача.

† 12

1975.IX.8—1979.X.16

1975

8.IX. Сон. Лёня вернулся, но очень помолодевший, он выглядит таким, каким был в середине или конце 1920-х годов. Я не знаю, сказать ли мне, что он уже не раз являлся мне, но было ли то наяву или во сне — не знаю. Впрочем, думаю, он это и сам знает, важно не это, а вернутся ли остальные — Ш., Д. И., Н. М.? Я задаю ему этот вопрос в странной форме: а Хармс существует? Он отвечает: да. Потом я уже думаю: а как Т., вернется ли к Лёне или останется со мною? Но если и вернется, я не могу ее винить: что я могу ей дать? — только три месяца покоя, а остальное время? Теперь уже не до игры, как осенью 1931 года, к тому же, я думаю, я скоро умру. Конечно, Т. сможет приходить ко мне всегда, когда захочет, только будет это уже не так, как сейчас.

21.IX. Кажется, годам к 40—50 отожествляешь себя с отцом. Мне снится он, причем ходит, как я хожу сейчас, когда чувствую себя плохо, и я даже ощущаю, что он чувствует. Мама говорит мне: пойди посмотри, что с ним. Я иду к нему, у него врач — М. В. Юдина* . Я спрашиваю: Мария Вениаминовна, что у него? Она отвечает: рак сердца и совести. Я пугаюсь, не хочу верить, она говорит: посмотрите на глаз. Я боюсь посмотреть. Она: как же вы еще не понимаете? Мне становится так страшно, что я просыпаюсь. Глаз, по-видимому, lumen internum**: «Светильник для тела есть око» и т. д. Мф. 6, 22—23. А сердце — Мф. 5, 8: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят». Вот чего мне не хватает, поэтому рак сердца, ока и совести.

4.X. Вчера с утра часов до 6—7 мне было снова нехорошо (физически), я не могу сказать, ч т о нехорошо, просто я не мог от слабости даже сидеть. Что это, болезнь или грех? Я думаю — грех: грех сублимируется в болезнь (Исаак Сирианин. Слово...). Это суждение автореферентное, то есть в данном случае, сейчас я имею в виду только себя. Импликации:

«И волос не упадет с головы вашей без воли Божьей»:

---

* Юдина М. В. (1899—1970) — пианистка, выдающаяся исполнительница произведений Баха.

** Внутренний свет, внутреннее зрение (*лат.*).

(Бог оставил меня, поэтому я оставил Бога), поэтому: (я оставил Бога, поэтому Он оставил меня).

Стучите и откроют вам, Царствие Небесное силой берется <Мф. 7, 7; 11, 12>:

(я оставил Бога, поэтому Он оставил меня), поэтому: (Бог меня оставил, поэтому я оставил Его).

Я думаю, обе импликации правильны, хотя и несовместны, они отожествляются и в грехе, когда я сознаю его и все же грешу, и в покаянии, особенно в покаянии.

В чем был грех прошлой ночью? В мыслях о вторнике: во-первых, не заботьтесь о завтрашнем дне, довлеет дневи злоба его. Во-вторых, были ли плохие мысли? Плохое и хорошее так перепуталось, что все было грехом. Господи, помилуй.

15.X. Что вы так боязливы, маловеры, говорит Христос ученикам. Вот мое несчастье и грех, потому что несчастье от греха. Я обозначу то, чего ищу, к чему стремлюсь, может, всю жизнь, как П. де Шарден, буквой ω: $\omega \to 0$, то есть стремится к нулю. В некоторой области, называемой верой, я ищу точку — центр этой области, я ищу эту точку, я стремлюсь к ней, в ней ω равна ∞. Но пока я не вижу этого.

Чем больше точности, тем меньше глубины, и наоборот («Вероятностная модель языка»*). Математическая логика даже называет свои формулы тавтологиями. Правда, полная точность недостижима (теорема Гёделя), и некоторая новая точность открывает одновременно новые области, так что в старой области глубина уменьшается, для новой же области эта точность не точна и возникает новая глубина.

Филон сказал: когда душа обнищает до того, что полностью опустошится, приходит Бог (или Сын Божий) и заполняет пустое место. Душа все более опустошается, опустошается до того, что по временам, особенно перед сном, становится невыносимо страшно, а Он все медлит. Для меня это соединено с все возрастающим стремлением к недостижимой точности. А глубина? — Не знаю.

Сегодня подумал: если с е й ч а с з д е с ь — две координаты моей души, то в начале системы координат каждая из них имеет только два значения: 0 и 1. Если с е й ч а с — ι-координата, з д е с ь — ε-координата, то 10 — чистая интенсивность, 01 — чистая экстенсивность, 00 — полная опустошенность, 11 — абсолютная заполненность Сыном Божиим. Но затем снова трудности. Я думаю, что как жизнь души или просто душа, так и различия душ дискретны. Затем: ι и ε абсолютны и среднего нет. Но $X^{\iota}_{\iota} \leftrightarrow X^{\varepsilon}_{\iota} \leftrightarrow X^{\iota}_{\varepsilon}$, тогда X^{ε}_{ι} экстенсивно по отношению к

* Налимов В. В. М., 1974.

X'_ι и интенсивно по отношению к X'_ε*. Но ведь это по определенному признаку, а их может быть множество, тогда абсолютность $\iota \leftrightarrow \varepsilon$ не нарушается. Тогда, несмотря на то что Введенский и абсолютно, и по отношению к Хармсу явно экстенсивный тип, но интерес его к с е й - ч а с интенсивен, а интерес Хармса к з д е с ь (за каждое праздное слово дадите ответ на суде) экстенсивен, несмотря на то что Хармс — интенсивный тип. Возможно и так: интерес и внимание к с е й ч а с, то есть к интенсивности, может быть экстенсивным; не с е й ч а с, а интерес и внимание к с е й ч а с может быть экстенсивным. И также интерес и внимание к з д е с ь может быть интенсивным. А как определить тогда промежуточные типы? У меня интенсивный интерес к экстенсивности, тогда я все равно остаюсь интенсивным типом. У Л. экстенсивный интерес к интенсивности, тогда он экстенсивный тип.

00 и 11 я определил, может быть, недостаточно точно, или узко, или схематически. Помимо того: может ли быть чисто интенсивная или чисто экстенсивная заполненность Сыном Божиим или если абсолютная заполненность, то только 11? А заполненность нечистым духом или дьяволом? А Ставрогин — что это, пошлая дьявольская опустошенность или, скорее, дьявольская заполненность, ощущаемая как полная безнадежность и воспринимаемая как полная опустошенность? Скорее всего, это ощущение возложенной на меня абсолютной ответственности, которую я хочу взять на себя сам, без помощи Того, Кто ее возложил на меня, то есть это опустошенность самого, само сам — дьявольская опустошенность. Тогда невозможность вынести ее самому ощущается как полная безнадежность и опустошенность, но это не та опустошенность, о которой говорит Филон. Самосам страшно, как дьявольская опустошенность. Не это ли я ощущаю иногда в страшные вечерние или ночные часы? Рак сердца и совести.

16.X.

19.X. И Бог и свобода, которую дает Христос (если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете), лишены всякой необходимости: поэтому Бог и не causa sui, Он лишен всякой необходимости, и также истинная свобода — свобода веры: моя конечность и даже тварность не предполагает необходимо Творца; сдвиг в апории не требует необходимо сдвига апории, сдвиг апории вверх открывает анонимность сдвига в апории, то есть тварности, но творение не требует необходимо Творца, в то же время и без Творца оно не самотворение; мнимое самотворение на нетожественной стороне апории, то есть в самом ничто и само ничто.

---

* См. «Исследование о сущем слове» (ТФТ).

Открой мне путь Твой, чтобы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих (Исход 33, 13).

21.X. Причинность возможна только во времени, поэтому Бог не есть причина мира и творение из ничто не во времени, но создало и время. Бог — Творец не как причина, а как Субъект, то есть Лицо, и сотворил Словом.

7.XI. Сегодня ночью меня посетили вестники. Я хотел бы сказать — вернулись; дай, Боже, чтобы они не ушли.

8.XI. Когда мое внимание направлено на мое внимание, то последнее будет объектом первого и последнее, то есть упомянутое вторым, будет первичным вниманием и объектом внимания, которое сказано первым; оно будет вторичным или метавниманием, искажающим первичное. Я уже не знаю первичного внимания самого по себе, но таким, каким видит его вторичное внимание. Теперь я перехожу к главному: когда внимание к чему-либо не искажает что-либо, чему оно внимает, но есть это что-либо, причем есть как *одно два** и выражается противоречивой формулой: *X* есть *AX*, то и это внимание и это что-либо есть **сейчас моей души**: **сейчас моей души** есть внимание к **сейчас моей души**. Это предложение коммутативно: внимание к **сейчас моей души** есть **сейчас моей души**.

С е й ч а с имеет начало, конец его утерян. То, что в «Вестниках» я назвал поворотом, и есть возвращение к началу, к с е й ч а с. В ТФТ, когда я не могу объяснить или обосновать различие двух признаков, или некоторую многозначность, или переход от одного к другому, я говорю: переключение внимания. Не есть ли это тот же quatenus Спинозы? Пока я не нашел лучшего термина, я буду различать ι — или синтагматическое и ε — или парадигматическое внимание. Но все же: что значит переключение внимания?

10.XI. Я хочу исправить или дополнить определение **сейчас моей души**. Когда я внимаю чему-либо, и это что-либо не есть объект внимания, и, значит, нет субъект-объектного отношения, то это что-либо есть **сейчас моей души**, тожественное вниманию к **сейчас моей души**. Может, это то же, что Мамардашвили и Пятигорский определяют как объект, тожественный своей интерпретации**.

---

* См. примеч. 22.

** См. первое примечание на стр. 548.

12.XI. Запомнить вечер перед сном — как в июне 1968 г. Это тожество настоящего бывшему.

13.XI. Сейчас имеет начало, конец его утерян. Когда? Сейчас, значит в этом случае **сейчас моей души** потеря **сейчас моей души**.

Мамардашвили и Пятигорский тоже говорят об объекте, тожественном его интерпретации или описанию, но ведь описание производится словами, тогда чему тожественен объект — значению слов? Но можно ли в этом случае отделить значение слова от слова, не от букв или звуков, составляющих его, а именно от слова? Я вписал в предыдущую фразу — «в этом случае», потому что в других случаях это возможно (когда объект не тожественен описанию). Когда же тожественен, то **сейчас моей души** есть также и написание слов **сейчас моей души**. Тогда и возникает то, что я назвал «последним словом и следом, оставшимся на бумаге».

Верно ли, что последнее слово не входит в систему? Недоразумение возникает именно потому, что последнее слово завершает систему и, как завершенная, эта система внешняя мне сейчас, я сейчас вне этой системы, тогда она и не нужна мне.

Мало сказать, что есть объекты, тожественные своему описанию, описание невозможно без фиксирования, тогда и возникают недоумения.

Мамардашвили и Пятигорский строят метатеорию сознания, но, когда я подумаю, что я строю метатеорию сознания, я увижу, что само построение метатеории есть мета-метатеория и т. д. Оттого что вводятся термины борьбы с сознанием, не устраняется еще недоумение. Борьба с сознанием уже метатеория, а описание борьбы с сознанием — мета-метатеория. И тожество что и как не устраняет вопроса о фиксации, а тогда все равно возникает вопрос о последнем слове и листах исписанной бумаги. Ведь дело не в листах бумаги, а в некотором повторении, то есть в удвоении, а затем в утроении и т. д.: тожество что и как само есть как, тожественное что и как; сводимо ли оно к одностороннему синтетическому тожеству? Мне кажется, нет, я просто ухожу от ответа.

14.XI. Как только мы вводим понятие метатеории или метасознания, то само введение этого понятия уже есть мета-метатеория или мета-метасознание. Очевидно, и дальше так же. Здесь надо различать три понятия:

$X = AX$. Формула объективирования мысли: подставляя в X справа его определение, получаем: $X = AAX$, $X = AAAX$ и т. д.

$X \equiv AX$. Синтетическое отожествление языка и метаязыка, предмета и метапредмета, то есть круговая структура.

Апория фиксирования, связанная с тем, что я называю листами исписанной бумаги: пишу я, тожественный себе самому, записанное же записано не мною, а мною самим. В парадигматическом плане: как избежать мета-я, то есть третьего к ι-я и ε-я.

29.XI. Принцип дополнительности для:
1. ι и ε.
2ª. X^{ι} и X^{ε}.
2б. X_{ι} и X_{ε}.
3. X_{n} и X^{n}, где n — ι или ε.

При построении теории или метатеории сознания не избежать вопроса о том, кто же я, строящий метатеорию сознания, то есть метатеорию моего сознания или того, кто строит метатеорию себя же; потому что когда я думаю, то именно я думаю, а не кто-то другой, как, в сущности, думал Фриз, разделив сознание на наблюдающее и конституирующее.

30.XI. 1. $X_{\iota} \leftrightarrow X_{\varepsilon}$.
2. $X^{\iota} \leftrightarrow X^{\varepsilon}$.
В 1-м и также во 2-м случае возникает вопрос о мета-я.

3. $X_{n} \leftrightarrow X^{n}$. Здесь не возникает этого вопроса, потому что, когда я пишу о различиях характера, я не думаю о различиях рода, когда пишу о различиях рода, я безразличен к характеру.

4. Во всех случаях возникает парадокс фиксирования, иногда я называю его парадоксом последнего слова или фиксирования.

6.XII. Когда-то я сказал, что система, доведенная до конца, придет или к тавтологии $A = A$, или к противоречию, но не β-противоречию, а α′-противоречию: $A = \overline{A}$. Сейчас я записал: интенсивность тожества есть это же тожество. В этом еще нет α′-противоречивости. Но я боюсь, что, проведя до конца П, то есть признак признака есть тот же признак, я приду или к тавтологии, или к α′-противоречию. Чтобы избежать этого, надо ввести степени абстракции: реальность X^{ι}, X^{ε}, X_{ι}, X_{ε} — абстракции нулевой степени, то есть конкретность или реальность. Но синтетичность одностороннего тожества и односторонность синтетического тожества есть абстракция 1-й степени. Свойство или качество чего-либо есть абстракция 1-й степени. Свойство свойства — абстракция 2-й степени и т. д. Надо уменьшать степень абстракции, желательно свести все степени к нулевой. Это противоречит обычному пониманию абстрактного и конкретного, основанному на первородном гипостазировании.

1976

1.I. Весь декабрь прошел в болезнях, страхах и унынии, прости меня, Господи, помоги мне, помоги нам.

5.II. Вчера Сережа Гриб* сказал мне, что скоро приедет отец Александр** и я могу с ним встретиться. Ночью я много думал, о чем бы говорил с ним, я хочу исповедаться перед ним, поэтому наедине, без Сережи. Но сегодня я подумал: не сведется ли все это к празднословию, ведь ему 40 лет; может, у него более глубокий духовный опыт, чем у меня, но я почти вдвое старше его,.возраст тоже дает духовный опыт. Я был бы рад отдать старцу свою опротивевшую мне волю, но для этого я должен поверить ему. Сережа все сводит к крещению, но у меня есть достаточно сильные логические доводы не против крещения вообще, но против моего крещения. Я знаю, что сама логичность сомнительна, но сомневаюсь, сумеет ли 40-летний отец Александр что-либо противопоставить ей.

23.II. То, что я записал 1.I, я могу повторить и сейчас. Все это, может быть, расплата за мой монофизитизм, во всяком случае склонность к нему — духовную (практическое основоположение в «Исследовании о критерии», выпадение мира в моей философии и др.), душевную и физическую, причем банкротство монофизитизма перешло в какое-то вырожденное несторианство. Поэтому и Майстер Экхарт нравится мне сейчас меньше, и я нахожу у него ошибок больше, чем раньше. Все сейчас написанное надо понимать не прямо, а иносказательно: я не отрекаюсь от своих вещей, я отрекаюсь от себя самого — раскаиваюсь и отрицаюсь на пепле и прахе.

28.II. ТФТ после вступления:

I. Так как сейчас пишу исследование о сейчас моей души***, то сейчас моей души (смд) сейчас есть смд, тожественное исследованию о смд, само исследование о смд не есть смд, во-первых, интенсивно: потому что с е й ч а с уже не то сейчас, которое было только что, когда я написал предыдущее предложение; сейчас всегда одно и то же и как то же — не то же самое, от этого возникает видимость двух сейчас. Во-вторых, экстенсивно: потому что все, зафиксированное памятью или карандашом на бумаге, уже не то, ч т о было зафиксировано — так как

* Сергей Анатольевич Гриб — астрофизик.
** Александр Владимирович Мень (1935—1990) — священник, богослов.
*** См.: Друскин Я. Сейчас моей души. — 1976 г. — Личный архив.

фиксация противополагает себя фиксируемому, потому что в основе всякой фиксации как бы стержень ее — мысль, противополагающая себя мыслимому.

II. Сейчас я пишу исследование о смд. Здесь четыре элемента: сейчас, я, пишу, исследование. Первые три могут быть сказаны о любом исследовании, последнее только о смд: исследование тожественно предмету исследования, сам предмет исследования не тожественен исследованию. Тогда предмет исследования, как и исследование, которому тожественен предмет, трансцендентен самому исследованию, само же исследование имманентно предмету и исследованию, тожественному ему.

Августин различал невидимую и видимую церковь. К ней тоже можно применить одностороннее синтетическое тожество: невидимая церковь есть невидимая церковь, тожественная видимой, которая сама совершает ошибки, а может быть, и ложь, первая же всегда истинна.

*30.II.** Я не случайно привел высказывание Августина. Исследование, которому тожественно смд, независимо от самого исследования, не тожественного смд, причем не два исследования, а одно, но двустороннее: смд тожественно именно тому исследованию, которое само не тожественно ему; поскольку же тожественно, тогда и само исследование уже не само.

(1) Я, который есть тожество себя себе самому, пишу это исследование о смд. (2) Но то, что уже написано, написано уже не мною, а мною самим. Тогда:

в силу (1) это исследование не зависит от меня, оно замкнуто и совершенно; в силу (2) это исследование несовершенно, содержит ошибки и неадекватно исследуемому. (2) несовместно с (1), но (1) односторонне синтетически тожественно ему, то есть (2). Здесь уже нет речи об адекватности или соответствии, но одностороннее синтетическое тожество. Поэтому несмотря на недостатки и несовершенство самого исследования, исследование как не сказанное остается совершенным и существует независимо от меня самого — предмета этого исследования. В «Исследовании о критерии» я назвал это исследованием как предмет, имея в виду одностороннее синтетическое тожество предмета, то есть смд, исследованию.

III.** Когда я пишу исследование о смд, то внимание к смд и есть смд. ι- и ε-внимание; ε-внимание — взгляд. Взгляд тоже разделяется: ι-взгляд — внимание. Сколько же всего? 2, 2 × 2 и снова 2.

IV. В тожестве различного не может быть частей в обычном смысле слова, иначе это будет аналитическим тожеством. Но и исследова-

---

* 30 (?) февраля — так в рукописи.

** Начало перечня см. в предыдущей записи.

ние как предмет состоит из слов, объединяемых в предложения, которые объединяются в периоды и т. д. Тогда я не могу одним взглядом охватить все исследование. Тогда исследование разделяется на части, схватываемые одним взглядом или одним вниманием. Переход от одной части к другой определяется изменением или переключением внимания или взгляда. Но внимание и взгляд на смд и есть смд. Может, так: смд всегда то же и как то же — не то же самое. Тогда нетожесамость его я называю вниманием или взглядом, вернее переключением внимания и взгляда.

27.III. Прервано было потому, что я снова заболел. Впрочем, главная причина — слабость духа и грех. Вчера Т. пристыдила меня, и вот продолжаю. В любой фиксации или изложении того, что не одно и не два, а *одно два**, то есть синтетического тожества, наилучший способ соединения — разделение. Например, переход от X^{n} к X_{n}. Дальше это у меня еще не сделано, надо будет снова полностью отвлечься от различия рода тожества, для этого выделить главное, что отличает X^{ε} от X^{ι}, это уже сказано в [X^{n}]: актуальность подлежащего (ι) как тожества (ε). Тогда безразлично, как сказано X^{n} — общим или частным тожеством, важно только, что стоит первым в общем сказуемом и в именительном падеже — абсолютный факт или тожество. Тогда [X^{n}] могло быть начато так: [X^{ι}] абсолютный факт, тожественный обсуждению; [X^{ε}] тожест-во абсолютного факта обсуждению. Очевидно, что удвоение подлежащего, а поэтому и тожества, вообще не характерно и не необходимо для X^{n}.

Впрочем, очевидно ли это? $A\iota(A\iota\varepsilon B)$; $A\iota[\varepsilon\varepsilon](A, B)$. $A\iota$ одинаково и в X^{ι}_{ε} и $X^{\varepsilon}_{\varepsilon}$, различаются только общие сказуемые или частные тожества. Имеет ли самостоятельное значение переход от $A\iota$ к A или от $A\iota$ к [εε]? То есть, есть ли абсолютный факт абсолютный факт... или абсолютный факт есть тожество?.. Поскольку во всем исследовании предмет его абсолютный факт, даже тогда, когда он не упоминается, то возможно, что отношения $A\iota A$... и $A\iota[\varepsilon\varepsilon]$... являются производными от общих сказуемых, тогда X^{ι}_{ε} и X^{ε}_{c} являются достаточным определением общего и частного характера. Тогда и различие общего и частного тожества является вполне безразличным для определения X^{ι} и X^{ε}. Если же начато было с общего тожества, то только для большей понятности и простоты изложения.

Таким образом, переход от X^{n} к X_{n} и затем снова к X^{n} определяется отрицательно — разделением. Следующим переходом будет определение тожества, наиболее характерного для рода и характера. Для рода

---

* См. примеч. 22.

различие определяется пустотой и непустотой двух мест, то есть существование двух мест или существенно общее тожество, то есть X^{ι}_{ι}; для харак<тера?> — актуальность или неактуальность частного тожества, то есть $X^{\varepsilon}_{\varepsilon}$. Эти характер<ные?> тожества должны первоначально быть определены одним индексом: X_{ι} и X^{ε}. Этот третий переход определен уже не разделением, а вниманием или взглядом к X_n и X^n — к тому основному, что отличает X_{ι} от X_{ε} и X^{ι} от X^{ε}.

9.IV. Гефсимания: и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно (Мк. 14, 33—34). Вот что было со мной вчера вечером. Может, впервые я понял эти слова по-настоящему. «И, находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22). Но мне не хватало прилежности в молитве.

11.IV. Актуальность члена в общем сказуемом (X^n) и два места в роде тожества (X_n) определены уже в [X^n] и в [X_n]. В третьем переходе к $X_{\iota} \leftrightarrow X^{\varepsilon}$ я ищу то, без чего вообще не может быть род или характер. Род не может быть без двух мест, характер — без актуальности члена в общем сказуемом, поэтому X_{ι} характерно для рода, X^{ε} — для характера. Можно сказать, что X_{ι} является достаточным условием для существования рода, X^{ε} — для существования характера. Непустота двух мест — необходимое и достаточное условия для X_{ι}, пустота одного из двух мест — для X_{ε}. Актуальность одного из двух членов общего сказуемого — необходимое условие для существования характера, поэтому X^{ε} для характера первоначально.

25.IV. Последняя надежда — Христос воскрес.*

29.IV. Когда я думаю о сейчас моей души (смд) или внимаю с е й ч а с моей души, то внимание к смд и есть смд и обратно. Это положительное или ι-внимание. А когда не внимаю? Тогда ε-внимание, или нуль-внимание, к смд будет сейчас моей души. Может быть, некоторый оттенок смд и есть смд, причем этот оттенок может быть положительным или нулевым. Когда он нулевой, я условно назову его взглядом на смд. И снова: положительный, или ι-взгляд, будет вниманием, а ε-взгляд, или нулевой, будет взглядом. Снова четыре, вернее дважды два.

Может быть, смд есть внимание к смд, а само внимание к смд не есть смд? Но тогда это объектив<ированное> внимание?

---

* См.: Введенский А. Серая тетрадь // ПСП. Т. 2. С. 79. См. также *Сб.* Т. 1. С. 542.

О соединении. Соединение не может определяться только разделением. Если я от $\overline{A}$ перехожу к $\overline{A}$, то $B \subset \overline{A}$ и определено вниманием и переключением внимания. Я перехожу не просто к $\overline{A}$, но именно к B, входящему в $\overline{A}$. Но как определить это переключение внимания и что оно значит, если тожество различного синтетично и, значит, не имеет частей? Я определил переключение внимания как нетожесамость того же самого. Это недостаточное и слишком общее определение.

В «Видении», кажется, я цитирую Ин. 14, 26 и 15, 25. Если же католики или протестанты скажут, что я отклоняюсь от ортодоксии к восточной схизме, то я отвечу, что отклоняюсь от случайной обмолвки Августина и от придуманной каким-то испанским монахом ереси filioque*, но не от ортодоксальной веры, ясно сказанной апостолом Иоанном: Сын — тот, Кто рожден от Отца, Дух — тот, Кто исходит от Отца. Пусть это будет субордиционализмом или чем угодно, но так сказано в Евангелии от Иоанна, и в это я верю. Это ортодоксально, потому что сказано Христом (по словам апостола Иоанна), а filioque в Евангелии нет. Поэтому схизмой я назвал бы скорее католическую церковь, возведшую несуществующее в Евангелии filioque в догму, чем православную. Из этого все же не следует, что я признаю или хотя бы не замечаю цезарепапизм восточной церкви, начиная еще с Византийских времен. Но все же это во всяком случае лучше, чем обмирщение католицизма, стремление не только к Божьему, но и к кесаревому и введение новых догматов, которых нет ни в Евангелии, ни в Посланиях. Наконец главное: синкретизм или синтетизм католической церкви, которая будто бы является синтезом всех религий, а не отрицанием всех религий. Это уже превращает ее в языческий пантеон всех богов, не случайно папа называет себя понтифексом, как и римский языческий первосвященник.

7. V. Вчера был Андрей Гриб**. Я рассказал ему о разговоре Хомякова с протестантским пастором и о моем главном сомнении в протестантизме. И все же протестантских книг я читал много, а из православных мне интересны были только две: Хомякова и Антония Блюма. Поэтому я нахожусь в состоянии свободы выбора между протестантизмом и православием, а это грех, то есть свобода выбора грех. На это Андрей неожиданно для меня ответил: вы не находитесь в состоянии свободы выбора, потому что вы православный. Когда я сказал: я не могу молиться Богоматери, я почитаю Ее, но не могу молиться Ей, как и святым, он сказал: ну и не молитесь, вы можете слушать в церкви

---

* И от Сына (*лат.*).

** Андрей Анатольевич Гриб — физик-теоретик, брат С. А. Гриба.

молитву, но сами можете не молиться, то есть это он не считает отрицанием православия.

13. V. Верно ли, что «если я думаю сейчас о моей душе, то моя душа сейчас и есть думание о моей душе»*? Сейчас я в этом сомневаюсь, если это и верно, то только с некоторыми оговорками: в моей душе есть и то, чего я не знаю, тогда думание о моей душе есть только одно из явлений мне моей души. Тогда и предложение о признаке признака (П) должно быть ограничено или оговорено. Например: душа есть тожество различного; но не всякое тожество различного есть душа. Тогда этим вводится различие общего и частного и нарушается предложение [П], то есть о признаке признака.

«Сейчас моей души». «2(1) Душа имеет что-либо».** В рассуждении об имении есть соблазн имманентизма.

30. V. Только одно я могу сказать определенно, с уверенностью: есть я и Бог; не я, но Бог. Но сейчас как часто Он оставляет меня. Тогда уже ничего я не могу сказать, могу только молчать, потому что без Него нет и меня. В молчании, когда Он оставляет меня и я мучаюсь, может, потому я и мучаюсь, что я не слышу молчания. Случая молчание, я слышу: я и Бог — не я, но Бог. Я мучаюсь, потому что бес заглушает молчание грешными и глупыми словами, а я, вместо того чтобы сказать ему: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн, — прислушиваюсь к его пошлым словам, тогда не слышу молчания, которым говорит со мною Бог.

Когда Он оставляет меня, я молчу. Но Он не оставляет меня, а я сам в грехе не слышу молчания, которым Он говорит со мною, и тем же молчанием я отвечаю Ему: я и Ты, не я, но Ты.

17. VI. Метатеория и метасознание не одно и то же, а я иногда игнорировал это. Но ведь метатеория сознания строится тоже сознанием — каким? Могу ли я сознанием построить метатеорию этого же сознания? Борьба с сознанием, мне кажется, не объясняет построения метатеории сознания. Борьба с сознанием строит метатеорию или сама есть метасознание? Мне кажется, без возможности в определенных случаях тожества сознания с метасознанием не обойтись. Например: метасознание есть метасознание, тожественное сознанию, само же сознание не тожественно метасознанию.

---

* Автоцитата из «Сейчас моей души».

** Автоцитата из «Исследования о сущем слове» (ТФТ).

19. VI. М. Стеблин-Каменский. «Миф»* .

Стр. 51. «Мифическое прошлое вне времени потому, что оно так же реально, как настоящее, то есть максимально реально. Сказочное прошлое, наоборот, вневременно потому, что оно, как и весь сказочный мир, абсолютно оторвано от настоящего, то есть максимально ирреально».

Стр. 55. «Представление о будущем как реально существующем в настоящем предполагается верой в судьбу».

26. VIII. Мамардашвили считает, что метатеория строится метасознанием. «Сознание становится познанием и на это время перестает быть сознанием и как бы становится метасознанием, термины и утверждения которого мы назвали бы метатеорией».**

Неясно:

1. «На это время», хотя и «время здесь не имеет физического смысла». Если не физический, то какой?

2. Почему «как бы» — als ob?

4. VIII. Пушкин.*** Проснулся в шесть, не мог заснуть, сейчас полдевятого, попробую преодолеть свое отвращение к писанию.

Вчера Т. сказала: смерть — отожествление вечности с мгновением, умирание — приближение к этому моменту, то есть отожествлению вечности с мгновением. Я умираю. Это не значит, что я умру через неделю или месяц. Может, я умру и через 10 лет, но я слышу Тебя в молчании и молча отвечаю: я и Ты, не я, но Ты.

«Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного» <1 Пет. 4>. А я часто, очень часто чуждаюсь его, оттого и мучаюсь и не слышу Твоего голоса в молчании.

Из той же (4) главы: «..страдающий плотию перестает грешить». Это страдание и болезнь — благой дар. Еще есть болезнь — покаяние, и еще есть болезнь — грех, болезнь не от греха, а именно болезнь — грех. У меня это уже два года: болезнь — грех, оттого так редко слышу Твой голос в молчании. Помоги мне, Господи, умирать — слышать Твой голос в молчании.

Еще из апостола Петра, гл. 3, 4: «...сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом». Дай мне, Господи, кроткого и молчаливого духа, чтобы постоянно слышать Тебя в молчании и также молчаливо отвечать Тебе.

---

* Л., 1976.

** См. первое примечание на стр. 548.

*** Царское село (на даче).

Теперь попробую вспомнить, что я думал за это время. Возможно, что то, что я сейчас запишу, уже было когда-то записано. О понимании. Бывало, что я читаю трудную книгу, например Фихте. Положим, первые 20 страниц я прочел, а 21-ю не понимаю. Тогда я снова начинаю читать сначала и, доходя до 21-й стр., понимаю ее и дальнейшее, положим, до стр. 30, а 31-ю уже не понимаю. Тогда снова начинаю с первой страницы и т. д. до конца. Схематически процесс понимания можно изобразить так: не $A + B + C + ...$, а $A \rightarrow AB \rightarrow ABC \rightarrow ...$ Это было у меня и с чтением математических книг и, кажется, с слушанием музыки, например «Трио» Веберна, которого я долго не мог понять.

Вывод. Теория, внимание, взгляд, вообще живое — не сумма частей, а целое, причем *A* — первое целое, *AB* — второе целое и т. д. до конца: *AB...Z* — это уже полное целое или, как сказала Т., тожество вечности с мгновением. Предварительное тожество вечности с мгновением уже в *A*, в *AB...*, последнее полное — в *AB...Z*.

Можно понимать все части в отдельности: *A, B, C, ..., Z* и не понимать целого: *AB...Z*. Можно понимать целое, не понимая частей. Мне ближе второе. Истинно: понимать целое и через целое каждую часть и в отдельности. Ложно: понимать только части, не понимая целого.

20.IX. Кто со вниманием и без предубеждения читает «Этику» Спинозы, тот не может не заметить глубокой убежденности и веры ее автора, хотя и не христианской и даже не иудейской. Что значит это «хотя и не»?

5.X. Известно, что грешник нуждается в любви больше, чем праведник. Когда я в 1973 г. писал письмо Ш...* моей главной целью было показать ему, как он был неблагодарен, непорядочен и подл по отношению к своему учителю — Лиде и в конце концов выжил ее из Института, чтобы воспользоваться плодами работы, которую она сделала и его научила, причем в статьях ставила фамилии — свою и его, хотя достаточно было, во всяком случае в первых статьях, принести только в конце статьи благодарность ему за помощь. Но когда я писал, у меня сознательно или бессознательно появилась и вторая цель: если он не поймет, как в течение года, а по-видимому, и больше он вел себя непорядочно и подло по отношению к Лиде, то я хотел именно оскорбить его. Письмо было написано (в последнем варианте, а их было очень много) очень искусно: то я прямо обвиняю его, что он выживал Лиду, чтобы совершить плагиат: приписать себе Лидины открытия, то перехожу к философской теме, говоря с ним как равный с равным, то снова

* См. запись 17 ноября на стр. 548.

перехожу к явным или неявным очень резким обвинениям и закончил без оскорбления и вежливо, причем так, что если бы он кроме того, что он подлец, не был бы еще и дураком, то он или вообще не ответил или ответил мне умнее, чем он это сделал, думая, что он может меня оскорбить, и не понимая, что для меня он только злопамятное (как он сам сказал Лиде), злобное и мстительное насекомое. Я знаю, что последняя моя фраза — грех, также грехом была и вторая моя цель: оскорбить его, если в нем нет ни капли совести и он не раскается. От этого я и заболел. И сейчас болею, потому что не могу жалеть и любить его как грешника, нуждающегося в этом, а скорее желаю ему зла; конечно, не смерти или болезни его и его близких, но, например, больших неприятностей на работе и т. д. Впрочем, сейчас я о нем вообще не думаю, а болею потому, что не могу хорошо помолиться и поверить, что мне будет по моей молитве. И еще: вот уж 2½ года я не могу заниматься, то есть продолжать ТФТ. Почему не могу? Не знаю, должно быть, бес мешает, то есть опять-таки слабость моей молитвы, то есть маловерие. Верю, Господи, помоги моему неверию.

9.X. Снова об этом же. Если бы мне предложили дилемму: или Лида получит работу, которая даст ей какое-то удовлетворение, но зато Ш... прославится, или ни того, ни другого, то, конечно, я выбрал бы первое, потому что мне важна Лида, а до Ш... мне в конце концов нет никакого дела. В связи с Ш... подумал: как возникло слово: прохвост. Корень, по-видимому, хвост, а при чем тут про, и смысл этого слова?

15.X. Толкование «Душечки» Чехова Толстым сводится в конце концов к тому, что сказал Вильгельм II: самое важное для женщины — Kirche, Kinder, Küche* . Мне кажется, что большинство людей почти всегда, а некоторые иногда — душечки. Во всяком случае я уже 2½ года нахожусь в состоянии Душечки между двумя любовниками. И еще в этом рассказе замечательно, что главное в мысли и ее оригинальность не ч т о, а к а к. Когда Душечка повторила: островом называется суша... — это действительно была ее собственная оригинальная мысль. И еще одно, если и не необходимое, то, может быть, достаточное условие оригинальности мысли — любовь, причем наиболее бескорыстная у Душечки — не к мужчине, а к ребенку.

16.X. Я только вчера вечером вспомнил это число, а записал его только сегодня, 19.X. То, что я снова пишу и потому забыл, не служит оправданием. Но именно 16.X я впервые снова часов 6—8 сижу за

* Церковь, дети, кухня (*нем.*).

письменным столом и пишу ответ Д. Дудко*. Случайно ли, что я стал писать именно 16.X? Или и в этом я должен быть благодарен моей лестнице Иакова?

25.X. Физиолог Ухтомский считал, что простые, необразованные люди лучше и чище образованных и веруют лучше и глубже образованных. К сожалению, сказал он, он сам принадлежит ко второй категории. К сожалению, и я принадлежу к этой категории, но раз мне уж суждено думать, то я буду думать, во всяком случае стараться думать, проводя мысль до самого конца. Приближаясь к этому, я вижу, насколько мысль ничтожна по сравнению с верой. Не надо бояться и соблазнов, возникающих благодаря мысли, потому что та же мысль, проведенная достаточно далеко, обнаружит ничтожность вызванных ею же соблазнов.

1977

11.I. Вот что было не так давно. Я болен уже больше месяца, просыпаюсь часто от кашля, иногда же через 10—20 секунд после просыпания наступает страшная слабость или дурнота. Дней 7—10 тому назад я спал от 10 до 3 и проснулся в радостном состоянии без кашля и дурноты. Я понял: хрипы и кашель — это бесы, Христос освободил меня от них. Должно быть, и бесноватые, когда Христос освобождал их от бесов, чувствовали то же. Потому я вскоре уснул в таком же блаженном состоянии. В пять часов я снова проснулся. И тут я соблазнился: хотя нужды не было, я на всякий случай принял солутан, час не мог заснуть и принял эуноктин. Это «на всякий случай» было соблазном и грехом. Христос, изгоняя бесов, говорил: иди и больше не греши. А я согрешил и потому продолжаю болеть.

А сегодня было вот что: вчера после сильного приступа астмы я весь день был очень слаб, принял снотворное и заснул в 10, проснулся в час. Было очень хорошее, блаженное состояние. Потом начался сильный кашель, но все равно было хорошо. И так продолжалось всю ночь до 8 утра, все равно было хорошо. Я понял: это потому, что со мною Христос, тогда и бесы кашля не страшны. Не оставь меня, Господи, Иисусе Христе.

19.III. Сон. Снова Ш. и Л. Ну, теперь уж это реально, то есть действительно, подумал я, и я не потеряю их, при этом, как жена Лотова,

---

* Дмитрий Сергеевич Дудко — священник. См. также запись 21 января на стр. 583.

обернулся назад посмотреть на что-то, а потом снова вперед — на них, но их уже не было. Ушли, подумал я, и быстро пошел вперед, но не догнал их и проснулся. Может, скоро уже догоню, подумал я проснувшись.

25.III. Ночью мне снилось обоснование названия трех рассуждений «Разговорами вестников». В первом я совершаю тр<ансцендентальную>, причем радикальную редукцию: я совершаю, и я же записываю. Тогда сама запись, думал я, будет уже не объектным, а метаязыком, вестник говорит то, что я совершаю. Во втором рассуждении он говорит о соединении и реальности только двух положений (над словом: состояний*), при этом сохраняется и метаязык и еще вводится мета-метаязык, а в третьем — еще мета-мета-метаязык. Потому что если я высказываю некоторое предложение a_n и при этом не перехожу к a_{n+1}, то не могу остаться на a_n, возвращаюсь к a_{n-1}. Об этом я писал в «Симфонии», а может, в «Контрапункте» в 1941—1942 гг. В каждом из трех рассуждений каждый из метаязыков разделяется еще на микрометаязыки в переходах от части к другой части каждого из трех рассуждений. При этом каждый из метаязыков тожественен объектному языку, только я назвал бы его скорее субъектным языком, так как язык все же один и пишу я, совершающий и наблюдающий то, что совершается мною. Совершаемое же — метапредмет.

Когда в конце декабря я проснулся без кашля и понял, что хрипы и кашель — бесы, которых изгнал из меня Христос, и Он стоит рядом со мною и охраняет меня, я подумал: зачем мне Церковь, если рядом со мною Христос и Он охраняет меня. Кажется, это продолжалось еще недели две, хотя по-прежнему возобновился кашель, но он был мне уже не страшен, раз Христос рядом.

26.III. Почему во множественном числе — «Разговоры вестников»? Я думаю, в этих вещах есть некоторая полифоничность.

26.V. Несколько недель было плохо, иногда даже страшно — Богооставленность. Сегодня ночью и утром хорошо, снова Он со мною. Иоанн Креститель говорит: я крещу водою, а Идущий за мною будет крестить огнем и Духом Святым <Мф. 3, 11>.

Христос говорит:

> **Огонь** пришел Я низвесть на землю. И как Я хочу, чтобы это свершилось.
>
> **Крещением** должен Я креститься. И как Я томлюсь, пока сие совершится.

---

* Так — слово над словом — в рукописи.

И Христос тоже говорит о крещении огнем, а не водою, во всяком случае объединяется крещение с огнем.

И апостол Павел говорит: сораспяться с Христом, креститься в смерть Христову, чтобы вместе с Ним и воскреснуть <Гал. 2, 19; Рим. 6, 3—5>.

И еще Христос говорит: кто верует и крестится — спасется, кто не верует — не спасется <Мк. 16, 16>. В отрицании ничего не сказано о крещении и его обязательности.

Βαπτισμός — омовение — это иудейский обряд, а крещение <βάπτισμα> должно пройти через огонь, полное отречение и смерть, без этого крещение даже не иудейское омовение от грехов, а просто благоустройство личного космоса, душевная косметика: лучше томиться по истинному крещению, чем через равнодушное крещение прийти к благоустройству своей души.

Правда, Иисус крестился у Иоанна, но только потому, что «так надлежит нам исполнить всякую правду». Вот как я это понимаю: если на одну чашку весов положить все написанные от сотворения мира книги, включая и Старый Завет, а на другую — маленькую книжку: четыре Евангелия, даже без Посланий и Деяний, то вторая чашка перевесит первую. В этой маленькой книжке сказано все, что нужно человеку, и исполнить это легко, но очень трудно приступить к исполнению, своими силами это невозможно. Разбойник на кресте исполнил это, и ему, некрещеному водой, Христос сказал: ныне же будешь со Мною в Раю <Лк. 23, 43> — за одну только веру, а не за крещение.

Двузначность христианства:

1. Ничего не надо, кроме четырех Евангелий.

2. Но если я грешник и не могу так глубоко и чисто поверить, как разбойник на кресте, то мне нужен и Старый Завет и, может, и другие книги, чтобы понять Божественное домостроительство; кому же дано вместить — этого не надо.

Христос, то есть сама Истина, Путь и Жизнь, говорит о «всякой правде». Это именно «всякая правда», а Истина только одна.

Крещение в церковном понимании снова становится *законом*, который отменяется Христом. В христианской церкви многое осталось или, вернее, введено было от иудейства и стало законом: например «очистительная молитва на 40-й день после родов»; до этого не дается и причастие? Я думаю, это от иудейства.

Есть просветленность, и есть благодушие, и одно от другого иногда не отличить. Какой здесь критерий внешний? Не знаю. Есть ли внешний критерий для отличия истинного благообразия от искусного ханжества?

Водное крещение было для Христа только исполнением всякой правды, истинным же крещением была Гефсимания, когда пот со лба его падал на землю, как капли крови, и завершением крещения — Голгофа, а перед этим у Него было «томление». Если Он томился, ожидая крещения, то как мы должны ожидать его? Для того, кто может вместить, мне кажется, истинное крещение должно быть тоже Гефсиманией и Голгофой. Возразят: Христос прошел через Гефсиманию и Голгофу для того, чтобы у нас, во всяком случае для тех, кто не может вместить, крещение не было Гефсиманией и Голгофой. Но может ли быть воскресение в вечную жизнь без смерти во времени, без огненного крещения?

3. VII. Две антиномии.

Антиномия I

А. Человек противополагает себя миру.

Б. Человек противополагает мир себе.

В обоих случаях это относительное творение мира не из ничто, а из данного, сотворенного Богом ч т о из н и ч т о. Последнее абсолютное творение и меня и творимого мною мира, который есть только «преходящий образ мира сего».

Апорию IА ↔ IБ можно рассматривать интенциально и онтологически или, может, скорее онтически, как непосредственно данную мне.

Интенциально я и мир только два абстрактных полюса интенциального отношения: я — тот, кто имеет, мир — то, что имеется, точнее: я — способность души иметь, мир — способность души иметься, то есть быть обладаемым.

Онтически или реально: я — относительно творящий что-либо из данного мне сотворенного абсолютно, то есть из ничто, Богом ч т о. Мир — относительно сотворенное мною что-либо из абсолютно, то есть из ничто, сотворенного Богом ч т о.

Я противополагаю себя миру или мир себе, и одновременно я — в этом же мире, то есть часть его. Тогда

Антиномия II

Я и мир как отношение меня к миру.

Я в мире как часть его.

В этой антиномии я и мир — два моря, соединенных проливом; в этом случае одинаково правильно будет сказать:

Антиномия III. 1

IА. Относительно творимое мною что-либо из абсолютно сотворенного что алогично, потому что я алогичен.

IБ. Относительно творимое мною что-либо из абсолютно сотворенного что алогично, потому что абсолютно сотворенное что алогично.

Или так:

Антиномия III. 2

IА. Мир алогичен, потому что я, противополагающий себя миру, алогичен.

IБ. Я алогичен, потому что мир, противополагаемый мною мне, алогичен.

IX. Недели две, а может, больше на столе лежит «Курьер ЮНЕСКО». На обложке я прочел «Рембрандт 400 лет». Рембрандта я очень люблю. На обложке — лошадь (цветная), она не произвела на меня никакого впечатления. Дальше статьи о нем со странными названиями: «Ван Дейк» и «Брейгель». Какое они имеют отношение к Рембрандту? Или: «Vive la femme!»* При чем тут Рембрандт? В других репродукциях — не дух, а душа или просто плоть. Я прочел и статьи и несколько раз просмотрел репродукции и не мог понять, как мне мог нравиться Рембрандт, влюбленный в человеческое мясо. Вчера вечером я случайно взглянул на обложку «Курьера» и прочел: «Рубенс 400 лет». Тогда я понял, почему так неприятны все эти репродукции, все это живое человеческое мясо. Первый раз я случайно мельком взглянул на обложку без очков, мне бросилась в глаза первая буква Р и я решил, что написано «Рембрандт». После этого я внимательно прочел все статьи, просмотрел репродукции, фамилия мне встречалась раз десять, даже больше, и каждый раз я читал «Рембрандт» вместо «Рубенс». Мне не нравилась его жизнь и особенно картины — я не мог понять, почему мне перестал нравиться Рембрандт, а иногда даже просто противен. И только вчера увидел, что ясно написано «Рубенс». Как я мог спутать? Первое впечатление я еще могу понять: мне очень не хотелось переезжать к М. Приехал я очень недовольный, и мне было очень тоскливо. «Курьер» я очень не люблю, я бы поставил эпиграфом к нему: единым хлебом жив человек, или слова Г.**: европейцы, вы подлецы. И тут я, может, подумал: ну вот, может, есть что-либо хорошее в этом

* Да здравствует женщина! (*фр.*).

** Горгулов Павел (Поль Бред) — писатель, участник белого движения, с 1920 г. в эмиграции. Гильотинирован в 1932 г. за убийство французского президента.

переезде и в этом журнале. Правда, это объяснение не очень убедительное, но все же возможное: я хотел найти хоть что-нибудь хорошее в переезде[31]. Но каким образом, читая журнал уже через несколько дней, когда я стал немного привыкать к квартире, я продолжал читать неправильно; я видел то, что там не было написано, то есть видел то, чего не видел, а хотел видеть, то есть: «Рембрандт», а не «Рубенс».

Это снова подтверждает, что я вижу не то, что вижу, и не таким, каким вижу, так как вижу не только глазами: ум вносит ложную, греховную коррекцию в то, что я вижу, поэтому вижу не то, что вижу. Но есть и пределы для греховной коррекции: репродукции все же мне не нравились, ум не мог сделать, чтобы я воспринимал их как картины Рембрандта.

Это грубая внешняя сила, вмешивающаяся в мой мир, разрушает его, ставя на его место не мой мир («Трактат Формула Бытия»).

X. Последний астматический период после IX—X.77 начался 1.XII.77,* когда я боялся (из-за Александрова) разговора с Муратовой, которого я ожидал 3.XII. Когда после обеда в среду 1.XII я вместо того, чтобы снова сесть за работу, как это я делал обычно, вдруг решил на несколько минут прилечь на кровать, чего обычно не делал. Я лег с книгой, но читать не хотелось, не спал, но дремал. И вдруг мне стало нехорошо — настоящий и довольно сильный приступ астмы с давлением 180/100 (нормально у меня 120 или 125/70). Я обрадовался, значит у меня теперь есть законное основание не звонить Муратовой. Конечно, я бы не обрадовался, если бы знал, что заболею на несколько месяцев. Кажется, с мая приступы были небольшие, обычно по утрам. Около месяца тому назад я отдал Олейникова в Пушкинский дом. Через несколько дней позвонила Муратова, поблагодарила за Олейникова, но заговорила меня так, что я согласился получить от нее ксерокопии только рукописных автографов. Таким образом после первой же передачи рукописей надула меня, то есть нарушила соглашение. Она очень много говорит — полчаса продолжался разговор, скорее неприятный, чем приятный, потому что она нарушила соглашение. Разговор происходил вечером. После разговора я подумал: ну ладно, теперь надула, не так важно, у сына Олейникова есть, кажется, все рукописи, а больше уже не надуешь, а вообще плевать мне на все это, в крайнем случае отдам в Публичную библиотеку или останется у меня, и вообще пора уже все это выкинуть из головы.[32] На следующее утро после долгого промежутка не было приступа астмы, и вообще утренние приступы астмы прекратились.

---

* По-видимому, не 1977, а 1976 г.

16.X.77 Я думаю об этом уже несколько дней, а записал только сегодня — 2.XI. Но это не оправдание, 16-е я все же пропустил. Оправдания нет.

2.XI. Уже несколько дней я думаю о Лк. 12, 50. Почему это же евангелисты называют распятием (σταυρόω), а Христос — крещением (βάπτισμα, также и Мф. 20, 22 и Мк. 10, 38)?

В воскресенье (сегодня среда) Виктор <Вургафтик> спросил: Христос вознесся и затем являлся ученикам в теле. Он сел одесную Отца. Пусть это сказано метафорически (символ Афанасия), Отец — Дух, значит не в пространстве и у Него нет правого и левого, одесную значит — вместе с Отцом. Но если Сын, уже вочеловечившись, сел одесную Отца (воскресает и у человека не только душа, но и тело), то не входит ли в Троицу телесность? 2 Кор. 3, 17. Господь (то есть Христос) есть Дух. А Его воскресшее тело? Или духовное тело уже не телесно, а духовно? Но тогда чем духовное тело отличается от Духа?

8.XII. Сороконожку спросили: как ты не спутаешь, какой ногой ступить раньше, какой позже? Она задумалась и остановилась; и до сих пор стоит. Может, и я так.

10.XII. Разговор с Муратовой, после которого приступы астмы прекратились, был в конце сентября <1976 г.> А через месяц, может, полтора снова возобновились. Жалко, что тогда же не записал, может быть, узнал бы, подумав, отчего.

1978

19.I. Должно быть, я уже где-то писал об этом: начинаю я с анализа или с синтеза? Если я начинаю с анализа, то, очевидно, анализируемое уже соединено до этого синтезом. Чьим? Моим же: если я начинаю анализировать соединенное, то оно соединено в моем взгляде на него, мой взгляд соединил для того, чтобы я смог анализировать. Если же начинаю с синтеза, то я раньше вижу разделенное. Чем? Опять же в моем взгляде и моим взглядом. Поэтому если я начинаю с анализа, то до анализа я уже произвел синтез, если начинаю с синтеза, то до него я уже произвел анализ. Или: моему анализу всегда предшествует мой синтез, моему синтезу всегда предшествует мой анализ.

Если я сказал: *X*, то сказано до того, как сказано *Y*; где если *X* — анализ, то *Y* — синтез, и если *X* — синтез, то *Y* — анализ.

21.I. С октября 1977 г.* я стал писать Дм. Серг. Д<удко>. Мой ответ на его краткое, очень хорошее, деликатное и смиренномудрое письмо получался длинным и неделикатным: мне хотелось объяснить себе самому, почему я не могу креститься, а получилось, как будто я его учу; конечно, из письма я это выкинул, а для себя оставил: это нужно ведь не ему, а мне. Сейчас я хочу написать — напишу ли? вряд ли, — чем отличается таинство от магии. Вот 5 или 6 моментов таинства. Какие отличают таинство от магии? Что необходимо и что достаточно для того или другого?

(1) Действие Святого Духа.

(2) Вера в таинство того, кто совершает таинство.

(3) Вера в таинство того, над кем совершается таинство.

(4) Слова того, кто совершает таинство.

(5) Слова того, над кем совершается таинство.

(6) Материальные элементы таинства:

а) икона, крест, поцелуй, возложение рук, преломление хлеба;

б) вода, елей, масло, еда (пресный или не пресный хлеб для Причастия) и т. д.

Таинство тоже надо различать в нескольких значениях:

1. Два или семь основных таинств.

2. Внезапное или помимо, а иногда, может, и против воли человека, обращение (Савл — Павел); чудесные, имеющие для меня очень важное значение, события, например в ФЗУ в 1930 или 1931 г., когда было собрание, посвященное атеистической работе преподавателей. Я твердо решил: на вопрос, что я сделал для атеистической пропаганды, ответить: ничего. Опрос преподавателей начался слева от меня, а когда очередь дошла до преподавателя, сидящего справа от меня, завуч прекратила опрос, сказав, что ясно, как все преподаватели занимаются атеистической организацией. Почему она вдруг прекратила опрос? Потому ли, что думала, что я скажу не то, что надо? Вряд ли, откуда она могла это знать. Я думаю, Бог или Святой Дух сказал ей (хотя она и не понимала, почему остановила опрос), чтобы она остановила опрос. Такие события в жизни, когда я ощущал присутствие или действия Бога или Святого Духа, бывали не раз и не только у меня. Это тоже таинства; но в широком смысле: таинство все, что не происходит по естественным законам.

3. Изгнание бесов, исцеление больных.

4. Освящение пищи, например двух апельсинов, освященных Вл. Андр. Каменским, которые Галя <Мокреева> принесла мне и Лиде.

---

* 1976 г., см. запись 16 октября на стр. 575.

22.II. Воспринял ли Христос человеческую природу вообще или именно мою? Но что мне до человеческой природы вообще? Меня интересует именно моя человеческая природа. Но эта **моя** должна быть и у другого тоже **моя**, но это уже другое «моя». Христос воспринял человеческую природу — вот это вот — как любое вот это вот* . Тогда у Него, во-первых, человеческая природа как любое вот это вот, во-вторых, как именно **моя** — мое желание и страдание, которое есть **только** у меня и у Христа. Тогда Христос — принцип и индивидуализации и множественности.

Он желал и страдал, как я; Он помимо того отчасти мог желать, как я, то есть желать греховно, но не желал греховно, я — отчасти мог и страдать, как Он — то есть за всех в полной мере, фактически же страдаю только за тех немногих, кого знаю, и далеко не так сильно, как они.

8.III. Экономическое (домостроительное) понимание Троицы.

1 Кор. 15, 28: «...да будет Бог всё во всем». Во всяком случае и Евангелия, и Послания большей частью говорят о Сыне и особенно о Духе Святом так, как будто они и существуют **для того**, чтобы спасти мир. Но если «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного», то Сын был и до мира. О Святом Духе, третьем Лице Троицы, таких определенных указаний о существовании Его как третьего Лица Троицы независимо и до сотворения мира — не помню.

10.III. Комплекс Эдипа в монофизитской форме: неразделенность несоединенного. Тогда caritas** (по выражению Л., «О телесном сочетании») может при наиболее сильной любви целиком подавить amor*** (1936—1937 гг., 1967—1968 гг.), так же как в христологии Божественная природа Христа полностью подавляет Его человеческую природу, — докетизм. В несторианской форме: несоединенность неразделенного. — Хармс, зап<исная> книжка 16. Зашифров<ано> XLZ (TAM) — caritas, ⊟ — Эстер — amor. На одной и той же странице — полная разделенность. В обоих случаях человек, говоря словами Хармса: «в женских делах не опытен»; от разделенности — неудачная семейная жизнь во втором случае, как у Х., причем caritas не может так подавить amor, как в первом случае, скорее наоборот: часто amor подавляет caritas. Возможна ли семейная жизнь в первом случае?

---

* См. примеч. 6.

** Уважение (*лат.*).

*** Любовь (*лат.*).

28.IV. Летом я сказал себе: с Божьей помощью этой зимой я не буду мучить своей болезнью Лиду, а также и Т., и М., и вот кончается апрель, а я все еще здоров, хотя и не очень, особенно по вечерам. Но самое худшее не это.

Что я сделал за эту зиму: в конце октября С. Г<риб> привез письмо от Д. С. Д<удко>. 2 или 3 месяца я писал ответ. Вернее, начиная ответ, я переходил к тому, что мне нужно, а не ему, то есть что я разъяснял себе. Из нескольких десятков написанных листов я отобрал страниц восемь. Теперь мне кажется, что достаточно было бы и одной страницы. Я помню два его вопроса, но не помню моего ответа. Так как сейчас я очень недоволен собою — все, что я делаю и не делаю, — плохо, то думаю, что и письмо мое было тоже плохим.

Что же еще я сделал? Снова занимался Введенским, но работу бросил. Снова продолжал писать «Историю чинарей»[33] и тоже бросил. И еще что-то начинал и тоже бросил. Но не это самое худшее.

29.IV. (1) Я хочу верить.
(2) Я верю.
(3) Я верю и не усумнюсь, что по вере моей будет.

Очевидно, что самое сильное — (3). Но (1) при достаточно сильном желании может стать более сильным, чем (2). Может ли оно стать (3)? Здесь надо принимать во внимание еще качество веры, а не только силу. К качеству веры относится мое понимание: 1) Того, в Кого верю, 2) себя самого и 3) силы веры: а) получаю ли ее как дар, даром даваемый; б) хочу верить или хочу хотеть верить; в) модальность желания: $\frac{\text{могу}}{\text{не могу}}$ хотеть или не хотеть верить, не могу не хотеть верить; г) очевидность веры и очевидность Того, в Кого верю; д) возможные отношения между четырьмя элементами: верой, очевидностью, Тем, в Кого верю, и мною или мною самим, эти элементы рассматриваются каждый в отдельности [1], в сочетании по два [2], по три [3] и все четыре вместе [4].

Я изложил это очень рационалистично, но когда по-настоящему думаешь об этом, то уже не разлагаешь по номерам и уже не думаешь, а чувствуешь, и при искушении и сомнениях иногда бывает так страшно, что боишься подойти к открытому окну.

1.V. При утешении («временем утешение, временем искушение») тоже не разлагаешь по номерам и не думаешь, а радуешься. А когда писал позавчера, что было? Если adiaphora, то это уж самое плохое, хуже всякого искушения. А сейчас что? Ожидание.

5.VI. Швейцер о художниках, поэтах и т. д.: для одних биографические данные помогают понять их творчество (ι), для других — не помогают (ε). О вторых и Пушкин сказал: «Пока не требует поэта... И

меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Пушкин сказал это, потому что он (как и Веберн и Введенский) принадлежал к этой категории. Шёнберг и, я думаю, Лермонтов принадлежали к первой категории. О Пушкине еще Гоголь сказал: «Все наши русские поэты... удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет... Пойди улови ее (личности Пушкина. — *Я. Д.*) характер как человека!.. на все откликающийся и одному себе только не находящий отклика»*. Кажется, Виноградов** назвал это протеизмом Пушкина. Гоголь видит в этом достоинство Пушкина. Это не достоинство и не недостаток, а только ε-характер. У Лермонтова, может, в каждом стихотворении виден сам Лермонтов. Это ι-характер. Молитвы Лермонтова — это именно молитвы Лермонтова, а «Отцы пустынники и жены непорочны» — это гениальный взгляд на молитву Ефрема Сирина, именно только взгляд, почувствовавший красоту, не земную, а небесную, этой молитвы. Молился ли сам Пушкин, читал ли он эту молитву, хотя бы в Великий пост, именно как молитву? Не знаю, и никто, кроме Бога, не знает. Пушкин скрывался за своими стихами; Чехов тоже скрывался, но не так: из его писем видно, что он часто не понимал мудрости и смиренномудрия своих вещей. И в то же время и в записных книжках и в его лучших вещах видно, что он искал веры, и я верю, что он верил. А Пушкин? В молодости он бывал и атеистом. Позднее он был настолько умен, что понимал: нельзя отрицать существования того, что по самому своему определению и по существу невозможно видеть глазами, слышать ушами, ощущать руками. Он — не не верил, а верил ли — не знаю.

Теперь перехожу к тому, что я хотел сказать — возразить Швейцеру. Да, творчество людей с ε-характером явно не зависит от их жизни, но неявно зависит. В проективной геометрии параллельные прямые определяются как прямые на плоскости, пересекающиеся в бесконечности. Так и ε-творчество и жизнь, но бывает, что эта всегда будущая бесконечность вдруг неожиданно проявляется и на конечном отрезке времени еще при жизни поэта. Так было с Введенским. До сентября 1931 г., когда Тамара ушла от него, он писал: «Здесь кончается чувство, начинается искусство». В «Куприянове и Наташе», написанном вскоре после ухода Тамары, уже появляется пока еще только намек на новое понимание и любви, и чувства, и его значения. Но это все уже известно. У Хармса классический пример пересечения жизни и творчества: я люблю мясо и водку, я люблю толстых евреек***. Конечно, хам, изображенный в этом стихотворении, — не Д. И. Но также, конечно, и

* Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности // Выбранные места из переписки с друзьями.

** Виноградов В. В. (1894/95—1969) — языковед, литературовед.

*** Хармс Д. Но сколько разных движений... // *Сб.* Т. 2. С. 169—171.

Д. И. любил то, что и изображенный им хам. Разница только, что у хама, кроме этого, ничего и не было, а у Д. И. было: помимо земной Венеры и небесная, я уж не говорю о чуде и о Боге.

В ε-творчестве непосредственная связь жизни и творчества прямо или явно не видна, в ι-творчестве видна, даже если не знаком был с автором и не знал ничего, кроме его произведений. Например, в «Братьях Карамазовых» я чувствую, что не только Иван, но и сам Достоевский, может, и редко, но все же думал о возвращении билета; ведь написал же он, что неверующий даже не представляет себе глубины сомнений, которые бывают у верующего. Также сладострастное насекомое сидело не только в Карамазовых, но и в самом Достоевском. В обоих случаях он кается, и в Иване и в отце Карамазове, я чувствую, что Достоевский кается в собственных грехах. Но в Смердякове я чувствую не христианское покаяние, а молитву фарисея: даже у Алеши не найдется ни одного хорошего слова для Смердякова. Но ведь сказал же Смердяков на вопрос отца — есть ли хоть один верующий, по слову которого гора сдвинулась бы в море? — «Один, может, два есть». Но ведь за эти слова Христос простил бы его, а Достоевский не прощает, ставит себя выше Смердякова.

6. VI. Моя астма сейчас — псевдоастма, то есть просто распущенность и грех. Я рассказал это Ал<ександру> Леонидовичу*, и он деликатно подтвердил мое предположение.

16. VI. С 30 мая мы в Пушкине — клоповник и грязь. Завтра предполагаем переехать в другую <квартиру>. А пока, может, из-за всех неудобств — клопов, грязи и прочего астма снова возобновилась, хотя и не сильная. Даже такого ничтожного искушения, которое никак нельзя назвать огненным, не смог преодолеть. Снова повторяю: моя астма — это мой грех. Вообще болезнь — это или грех, или «искушение, для испытания нам посылаемое», или благодать. Голод во время блокады был для меня благодатью, так же как безобразная из-за бесчисленных неудобств, трудностей, а иногда и голода жизнь в Чаше (1942—1943) и в Свердловске (1943—1944).

7. VII. Прот<оиерей> А. Шмеман. «Исторический путь православия».

С. Гриб сказал, что в «Трех искушениях Христа» я подхожу с ланцетом к Христу — ему это было очень неприятно. Он не понял — не к Христу, а к своей душе я подхожу с ланцетом. А вот Шмеман подходит с ланцетом к Телу Христову — византийской церкви.

---

* Александр Леонидович Шишков — врач и друг.

На Голгофе Тело Христово было распято на кресте. В Византии с середины IV века начинается второе распятие Тела Христова самими христианами.

Стр. 232. «Язычники праздновали 25.XII рождение непобедимого Солнца» ...христиане приурочили к этому же дню Рождество Христа. 6 января — языческое «богоявление», VII веке оно стало христианским Богоявлением. Другие примеры «вливания» нового содержания в старые языческие «формы». Соблазнительность этих «вливаний» честно чувствует и сам Шмеман, хотя, как мне кажется, не понимает радикальности Благой вести: «...вечная опасность для **всякой** религии». Разве можно включить христианство в множество «всяких религий»? Наконец вливание нового вина в старые мехи противоречит уже прямо словам Христа.

10.VII. Два мира (характеров или родов) в ТФТ должны быть сохранены, при этом:

количественно, то есть степеней интенсивности или экстенсивности в главной (I) части одностороннего синтетического тожества нет, но есть оттенки интенсивности и экстенсивности — если есть множественность абсолютных фактов. Как понимать подчеркнутое «если»? Каждый читающий ТФТ по-своему поймет свою интенсивность и экстенсивность, его понимание ι и ε и будет его оттенком ι и ε. Я здесь ввожу понятие «каждый», хотя еще не введено понятие «множественности» абсолютных фактов, то есть понятие «каждый» предшествует у меня понятию «множества». Это противоречит классической логике (то есть α-логике), но, может быть, не противоречит интуиционистской или конструктивистской логике. Возможно, что это аналогично интуиционистскому истолкованию математической индукции (и т. д.).

Степени интенсивности или экстенсивности, а вместе с этим ι—ε-типология и **особого** вида множественность абсолютных фактов вводится в обсуждение абсолютного факта, то есть в дополнительной (II) части тожества. Что значит «особого типа»? «Я — ты» предполагает и инверсию, когда **ты** станет **я**, а **я** станет **ты**. Обычная, не **особого** вида множественность предполагает <реальность> и основана на предположении реальности многих **он**. Но личных местоимений только два: **я** и **ты**, они реальны, а **он** — абстракция (лингвист Бенвенист).

15.VIII. Главная часть одностороннего синтетического тожества (I). Одна и та же у всех людей или различная? Я думаю, что количественно одинаковая, качественно различная. Количественно: нет преобладания ι-мира или ε-мира на одном и том же месте. Качественно: у каждого свой ι-мир и свой ε-мир, это и создает личный, единственный оттенок характера каждого человека. Но в (I) есть только каждый, отличный

от другого, то есть единственный для каждого лица, оттенок или сокровенный сердца человек. «Каждый» или «вот этот вот» — еще не создаст количественное различие или множество различных лиц. «Каждый» или «вот этот вот» — еще до числа или множества. Может, это и создает соборность: множество вот этих вот даже не множество, не число, а единый Собор каждого из качественно различных вот этих вот, то есть Тело Христово.

Дополнительная часть (2): через грех от невинности к святости: я сам — грех, но я тожественен именно этому самому себе, не тожественному себе. (1) — может, невинность, (2) — грешник, (1) + (2) — святость. Может, (2) — это сам взгляд на себя самого, тожественный именно тому себе самому или самому взгляду на себя, который сам не тожественен себе. Сам взгляд или интенсивен, или экстенсивен. Если интенсивен, то и свой ε-мир и ε-особенности видит интенсивно: так возникают ιι- и ιε-особенности. Если экстенсивен, то аналогично видит в себе экстенсивно и ι-мир: ει- и εε-особенности. Есть ли градации между ι- и ε-взглядами? Если и есть, то переходы между ними не непрерывные и происходят от самообъективирования;

объективируются ли только ι или и ε<?>

```
1)          ι                        ει              или          ι
       ιε ⁄   \ ιε               ειι ⁄\ ειι                   ιιε ⁄\ ιιε
   ιιε  ιε    ιιε  ιε          ειι  ειι  ειι ι             ιιιε  ιιιε    ⁄\
   ιιιε ιε    ιιιε ιε

                                   или

2)          ι                                    ε
        ιι    ιε                             ει     εε
        ιιε   ιιε                        ειι  ειε  εει  εεε
```

1) Чистое ε исключает всякое ι.

2) Любое ε как сказанное уже ιε. Тогда скорее 2). Оно создает уже численное множество павших душ вне Собора.

Раньше я пробовал отличать ι- и ε-взгляд от самого взгляда. Верно ли это? Взгляд — это я, сам взгляд — я сам. Вижу ли я себя или только себя самого? Затем еще внимание к себе — к себе или к себе самому?

16.VIII. Уже полгода как я хочу записать: к Марксу я пришел против своей воли, к Христу — помимо своей воли. Когда я здесь говорю о воле, я имею в виду не чистую, то есть грешную, волю, а то, что называют сокровенным сердца человеком, то есть ноуменальным я, может, односторонним синтетическим тожеством. Но что заставило меня обратиться к Марксу? Тоска по полноте и совершенству, но выраженная в рационалистической и греховной форме: стремление к полной непротиворечивой системе. Но очень скоро я увидел, что марксизм очень примитивно удовлетворяет это стремление. Тогда, пытаясь исправить

этот примитивизм, пришел к системе, напоминающей Марбургскую (1920 — Лосский). Хотя это и не было так омерзительно мне, как чистый ортодоксальный марксизм, но все же и это было против моей воли. По-видимому, рационализм (Марбургская школа тоже рационалистична) один из моих главных грехов. Только в середине 1920-х гг. через музыку — «Страсти»* Баха — я помимо своей воли был полностью увлечен Благой вестью и принял Ее полностью своим сокровенным сердца человеком. 28.VIII.

Не принял 28.VIII, а закончил 28.VIII начатое 16.VIII.

16.X.

6.XII. Уже давно в разных вариантах снится мне очень неприятный сон: мама упрекает меня, что я не забочусь о ней, не думаю и не стараюсь ей помочь, и вроде как отрекается от меня. Мне очень тяжело, и тяжесть эта продолжается некоторое время, пока я просыпаюсь. В последний раз вместо мамы была Тамара и также упрекала и отрекалась от меня. Я понял: это совесть мучает меня, что я ничего не делаю — не пишу; хотя бы Введенским занимался, но и этого не делаю. Когда я понял это, подобные сны прекратились: вот уже, кажется, месяц не было таких снов и я, хотя и очень мало, но все же стараюсь что-то делать: я имею в виду работу, которую мне предназначено выполнить, — это не только «Исследование абсолютного факта»** , но и «Логический трактат», и книжка о Бахе***, и «Звезда бессмыслицы»****. Во всех этих работах общее ядро, хотя прямо, может быть, и не сказано: S. D. G. Оно не обязательно прямо сказано, но может быть в покаянии.

Вообще мне кажется, в моих плохих снах мой грех грызет меня, не вообще грех, а определенный, за определенное греховное дело или греховную мысль; в хороших — Бог прощает меня.

Я написал, что S. D. G. может быть и в покаянии. Под покаянием я понимаю не обязательно словесную молитву. Покаянием может быть и какое-то чувство или ощущение, может быть и отвращение к себе. Но не всякое отвращение: если я омерзителен себе, видя, как я низко пал, одно только безнадежное отвращение к себе еще не покаяние, а тоже грех. Оно может стать покаянием, если я хотя бы чуть-чуть, даже помимо своей воли почувствую Того, Кому я, несмотря на мою мерзость, не омерзителен. Но здесь я должен остановиться: дальше пойдут всякие человеческие умствования и болтовня.

Господи, помилуй.

---

* «Страсти по Матфею».

** См. «Исследование о сущем слове» (ТФТ).

*** См. библиогр. [30].

**** См. библиогр. [31], с. 549—642.

7.XII. Сейчас я живу как-то в двух мирах: днем томление, ночью — сны, но не желудочные, а серьезные, и не какие-то случайные впечатления, а связанные ночной логикой, так что встаю я действительно с ощущением, что я был в каком-то другом мире, в котором все соединено своей ночной, или сонной, или потусторонней связью и логикой. Ночью не хочу встать записать, чтобы не выбиться со сна, а утром — уже в дневном томлении — зачем записывать? Запишу конец сна: в комнате несколько человек, в том числе иностранец: высокий, стройный, красивый, лицо смелое, не такой, как мы — усталые, забитые. Я говорю ему: мы живем в двух мирах, а вы в одном, у нас самый последний нищий или бродяга прикасается иногда ко второму миру, а вы даже не знаете о существовании его. Разговор был, кажется, длинный, не помню. Мое Царство не от мира сего, сказал Христос; и сейчас оно не от мира сего, а земная церковь, может, всякая — и хорошая — даже церковь Дудко — все же от мира сего. А я, как уже писал, необрезанный иудей, некрещеный христианин, живу не на земле, хоть и не на небе; как сказал Лютер: христианин живет между землей и небом. Если я прикасаюсь к тому миру, то мне не нужно ни западного общества изобилия, ни его богатства и разнообразия, мне достаточна наша бедность, серость и уныние. Сила Его проявляется в немощи, когда я немощен, я силен. Потому, может, я и слаб, и еле хожу, и шатаюсь и в буквальном и в переносном смысле, что со мною Иисус Христос. Чего мне еще надо.

Я написал: со мною Иисус Христос, а потом подумал: не соврал ли, не слицемерил? Но ведь я же живу в двух мирах, а иногда и днем в ясном сознании прикасаюсь к тому. А там то — Премудрость Божия, значит Иисус Христос. Если же прикасаюсь к Нему, то не потому ли, что Он тянет меня к Себе, разве могу я сам своей волею обратиться к Нему? Сам своей волей я могу только бежать от Него. Да и это предопределено Им же. Я хотел объяснить, зачем Он так предопределил, но вовремя остановился, чтобы избежать человеческих измышлений и глупой болтовни.

Раз я прикасаюсь к Нему, потом что Он тянет меня к Себе, значит Он всегда со мною, даже когда я мучаюсь в тоске и унынии, даже когда грешу, а потом мучаюсь от греха, пожирающего меня. Я не знаю, зачем это, не знаю и не хочу знать этого, одного хочу: Господи, Иисусе Христе, прости и помилуй мя, грешного, недостойного раба Твоего.

Я вчера хорошо написал: Тот, Кому я **не омерзителен, несмотря на всю мою мерзость.** Подчеркнутое — это бесконечная любовь даже к самому последнему мерзавцу. А «Тот, Кому» значит, что эта бесконечная любовь не безлична, а Лицо. Но я не могу сказать, что Он обладает этой любовью, тогда я приписываю субъект-объектное отношение,

свойственное как грех только сотворенному существу, а не Тому, Кто не сотворен. Могу ли что-либо еще сказать об отношении абсолютной любви к Тому, Кто есть абсолютная любовь. Но к Нему неприменимо и слово «отношение». Снова лучше остановлюсь и замолчу, чтобы не впасть в пошлую человеческую болтовню.

1979

6.I. В акте абсолютной свободы тожественен ли я моему акту абсолютной свободы? Я думаю, что тожественен. А в акте свободного выбора? Я думаю, не тожественен. Потому что я не имею того, что хочу выбирать, выбрав же, не тожественен выбранному. Свободный выбор — рабский свободный выбор. Рабский выбор совершает раб. Свободно ли совершает его? Нет, так как тогда это будет абсолютной свободой. Совершая же несвободно, не ответственен. И все же ответственен — вина без вины. Я — лишенный свободы и, значит, ответственный, все же ответственен.

Решение этой апории Кальвином: разбойник убил человека. Убил Бог, ответственен разбойник. Виктор <Вургафтик> решает или, вернее, формулирует эту апорию лучше, чем Кальвин: «Об употреблении усилия».

10.I. Мне нехорошо и физически и духовно. Первое меня не волнует, страшно второе. Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Выдержу ли его? Исаак Сирианин говорит, что последнее искушение, о котором и вымолвить страшно, посылается только избранным. А если я великий грешник, грех мой ест меня, то не съест ли он меня окончательно? Последняя надежда: Христос воскрес.*

Знаю ли я, что хорошо, что плохо? А может, хорошо, что мне плохо — не физически, а духовно? Или это уловка грешника, званного, но не призванного? Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного, недостойного раба Твоего.

А не есть ли мое состояние хула на Духа Святого — ведь Царствие Небесное силой берется и совершающий усилие восхищает Его? Господи, Иисусе, дай мне усилие, ведь именно его мне не хватает, дай мне его, Господи, Иисусе Христе.

Безнадежность — вот мой грех, может, смертный грех. Что же со мною происходит: казнь грешника, то есть ад, или постоянное усилие

---

* См. примеч. на стр. 570.

найти усилие, которого у меня нет? Найти то, чего нет, — может, это главное, и если найду, то войду в жизнь вечную, а если нет, то не войду, но в вечную смерть.

Претерпевший до конца спасется <Мф. 10, 22>. Претерплю ли? Дай силу претерпеть, дай найти то, чего нет у меня.

30.I. Нервное заболевание, вообще нервное, мне кажется, лежит, может, и глубоко во мне, но все же в области сознания, а неврогенное (моя астма), мне кажется, в области подсознания. И то и другое — две разновидности первородного греха, проявляющиеся в каком-либо определенном грехе.

Мои сны (именно не желудочные) неприятные — это указание на определенный грех; приятные, вернее доставляющие удовлетворение, — прощение моего греха.

3 года тому назад и сейчас — в августе* приступы астмы оттого, что я находился в состоянии liberum arbitrium. Когда около 15 июля** А. А. <Александров> обхамил меня, я немного вспылил, но очень скоро после его ухода успокоился, и если бы он не позвонил мне 15.VII и не обещал на днях зайти, а это «на днях» растянулось почти на 1,5 месяца, то астма не возобновилась бы. Но «на днях» растянулось, и полтора месяца я думал: о чем и что говорить мне. Вот это состояние свободного выбора и перешло в астму. Здесь уже я явно грешил: думал, что я буду говорить на человеческом суде, то есть с А. А., — что ему ответить.

Перед звонком Муратовой (6.XII) 6 дней уже совсем не было приступов и я позвонил Ал<ександру> Леон<идовичу Шишкову>, чтобы сообщить, что уже 6 дней нет приступов, поблагодарить и получить некоторые советы. А вечером, часов в 7—8 позвонила Муратова и полчаса меня мучила по телефону, чтобы я отдал ей записные книжки Д. И. В ту же ночь был первый небольшой приступ, а затем пошли и большие и до сих пор не проходят. Здесь уже не было выбора — отчего же они начались? Или у меня уже связался звонок Муратовой с <состоянием> свободы выбора, вызвавшим приступы 3 года тому назад? То есть у меня появился комплекс Муратовой, вызывающий астму?

?IV. А. Ни Богу свечка, ни черту кочерга.
Б. Богу свечка, черту кочерга.
В. Богу — Божье, кесарю — кесарево.

В. Здесь ясно сказано: кесарю — именно кесарево и только кесаре- называющиеся*** во. Для Христа они вообще не кесари, Он говорит: «почитающиеся князьями» — Он не почитал их как князей и не называл князьями. Этим

* По-видимому, в августе прошлого года.

** 15 июля — день рождения Якова Семеновича.

*** Так — слово над словом — в рукописи.

изречением часто злоупотребляют, когда принадлежащее Богу отдают кесарю по его требованию.

Б. Это уже одна только кочерга черту, причем в самом худшем виде: в этом случае свечка Богу с разрешения черта будет уже не свечкой, а кочергой и не Богу, а черту. В этом, во всяком случае до некоторой степени, повинны и многие христианские церкви. Но что значит: до некоторой степени? Не есть ли это «до некоторой степени» уже кочерга Богу? А как С. Г<риб>? Не есть ли его благополучие «до некоторой степени»?

А. Это я.

2.V. Ответ Виктору <Вургафтику> о социуме и соборности:

1. Отшельник в пустыне может быть в Соборе, а множество социособорян в церкви — вне Собора.

2. а) я в Соборе или: я и собор;
   б) я и Бог — только вдвоем;
   в) я и Христос — только вдвоем.

3. Можно ли быть непосредственно вне Собора с Богом и с Христом?

14.V. Антиномия.

I. Я — в чем-либо

Я — в коллективе, то есть в обществе: вне общества не стал бы и я собою — человеком. Теперь продолжаем дальше: я $\subset$ в обществе $\subset$ в биосфере $\subset$ в солнечной системе $\subset$ в галактике $\subset$ $\subset$ в мегагалактике. Значит, меня до некоторой степени определяет не только общество, но и солнечная система, и галактика, и мегагалактика. Тогда астрология не только мать астрономии, но имеет и самостоятельное значение. Биоритмы, вообще кривые на чертеже, рисующие мои состояния по часам, дням, неделям, месяцам и годам, определяются не только свойствами

II. Я — вне чего-либо

Но как только я подумал: я — в коллективе, — я уже вне коллектива, вне общества, вне солнечной системы, вне галактики, вне мегагалактики. То есть я — в чем-либо. Но как только я подумал: я — в чем-либо, — я уже вне чего-либо, потому что мысль противополагает: мысль $\rightarrow$ содержание мысли $\rightarrow$ $\rightarrow$ предмет мысли: предмет мысли противополагается мысли как некоторое X или некоторая сила, не зависящая от меня; содержание мысли я могу еще включить в содержание моего сознания, но предмет мысли я ощущаю как то, что вне меня, как чуждую мне силу.

моего организма, но и внешними обстоятельствами, вплоть до положений солнца в его пути между знаками зодиака, то есть расположением небесных светил. А так как чем человек моложе, тем сильнее влияют на него внешние обстоятельства и сильнее определяют его характер и жизнь, то, может быть, астрология и сама по себе, именно как астрология, во всяком случае, до некоторой степени права. Кажется, что-то подобное я прочел недавно в какой-то нашей книжонке или статье. Добавлю еще о себе: когда мама рожала меня, роды были тяжелые: я не выходил, меня пришлось вытаскивать щипцами. Могло ли это не отразиться на всей моей жизни — на моем характере, моих чувствах, моем поведении?

Я — вне чего-либо в пределе превращается в оппозицию:

$2^{а}$ — все что-либо — во мне, но я — не что-либо;

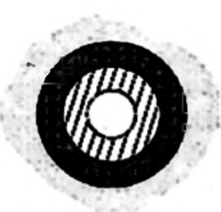
$2^{б}$ — что-либо — вне меня, но я — не что-либо.

В пределе что-либо и во мне и вне меня — ничто. А я — вне этого ничто или в этом ничто?

В первом случае ничто — μὴ ὄν, во втором — οὐχ ὄν. Тогда в первом случае я только один из двух полюсов μὴ ὄν, во втором случае — уже не я, а Бог и сотворенная Им моя абсолютная свобода. Может ли сотворенная не мною свобода быть свободой? Да: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете.

Временами, и времена эти бывали и долгими, я ничего не писал; мне кажется, в такие времена я жил не днем, а ночью, причем иногда 1) ночью во сне, иногда — 2) ночью наяву, то есть не спал. Я помню одну ночь — кажется, тогда я только под утро заснул — я сочинил философски богословское письмо Дм. Серг. <Дудко>: это было одновременно и богословствование и исповедь. Это была очень хорошая богословская бессоница. Были и другие очень хорошие философские бессоницы, когда я сочинял рассуждения и трактаты. Но днем я ничего не мог писать, была полная безнадежность. А сейчас днем занимаюсь, а сны и вообще ночи не так интересны.

Вообще сны у меня не цветные, и вообще я вижу во сне, кажется,- только один небольшой кусок площади, где что-то происходит. Схематически это можно нарисовать так:

Первый внутренний кружок — это то, что я вижу во сне. Дальше идет небольшой слой шириной, может, 1/2 метра — рядом с тем, что я вижу во сне, но уже смутно, дальше еще слой в 1/2 метра, а я

его, может, даже не вижу,только предполагаю во сне, что там что-то есть; а дальше уже вообще ничего нет. Поэтому мои сны можно назвать обрывками разных миров или кусочками разных миров.

Мои сны, кажется, очень редко бывают цветными, а если и бывают, то я вижу, кажется, только один какой-то цвет на черно-серо-белом фоне; причем, может, даже не вижу, а знаю, что какой-то предмет или часть его — положим, зеленая. Поэтому я был очень удивлен, когда месяц или два тому назад я увидел во сне в своей комнате множество ярко-красных, ярко-синих, желтых и таких же разноцветных — красно-сине-желто-оранжевых птиц, немногим больше вороны. Они летают, их становится все больше, в комнате уже не хватает им места, поэтому комната расширяется.

Я слишком обобщил сны малого диапазона. Эти сны я зарисовал бы так:

Здесь действительно я виден только небольшого радиуса, а дальше, может, и вообще ничего нет.

Например, сон, где Георг показал мне смерть* , можно схематически зарисовать так:

Поле зрения
I Первый диапазон
Поле зрения
II Второй диапазон

I Георг
Другие покойники
я
II

Этот кружок — смерть, я не помню ее (смерть), помню, что было так страшно, что я сразу же проснулся. Но это была не просто смерть, я думаю, это была смерть, связанная со страхом Божиим:

К суду я не готов,
И смерть меня страшит.**

Смерть страшит именно потому, что к суду я не готов. Если бы готов, то не страшила бы. Баховские арии на тему Süßer Tod, Süßer Todeskummer***. Две строки из Пушкина вполне подходят к теме, а Баховские арии не подходят: эти арии прекрасны, особенно теноровая из Пасхальной оратории, и все же я с ними боролся 10 лет — с 1930 до 1941 года: пиетизм и сладость (Süßer), пусть хоть и гениальные. Хотя Бах по ранообразию и по независимости творчества от жизни скорее экстенсивен, его Süßer Todeskummer глубоко интенсивен. Зрительно теноровую партию из Пасхальной оратории я представляю себе так:

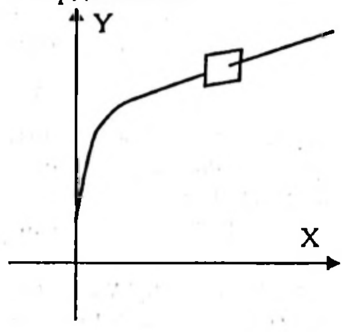
* См. примеч. 13.

** Пушкин А. С. Странник.

*** Сладостная смерть, сладостная смертная тоска (*нем.*).

Неверно, что всегда сны у меня небольшого поля зрения. Сон, в котором я иду по дороге и прохожу мимо дома, где, как я вспоминаю, что-то страшное, бесконечен по двум, даже трем и, может, четырем координатам.

дом, где было что-то страшное, и это страшное — четвертая координата, потому что сам дом трехмерен, а входя в дом, в одну из его комнат, и видя страшное, я попаду уже в четвертое измерение. Не помню, записан ли этот сон, это было в 1930-е, а может, и в 1920-е годы: я иду по дороге (ось *X*), пересекаю другую дорогу (ось *Y*) и вдруг справа вижу дом, я вижу, как я когда-то ходил по этой же улице, завернул в этот же дом и увидел там страшное (это в четвертом измерении).

15.V. Троица.

Бог Отец — самое далекое от меня — становится вдруг самым близким мне. Если расстояние между Им и мною, по Его определению и сущности, равно ∞, то вдруг оно делается равным нулю: тогда Он рядом со мною, так близко, что ближе уже ничего не может быть; что может быть ближе, если расстояние между нами равно нулю? Но все равно Он — вне меня.

Бог Святой Дух. Он вне меня, но вот, через некоторое время — уже нет времени: Он во мне.

Христос — Богочеловек: истинный Бог, истинный Человек, во всем, кроме греха, подобный мне — именно мне, но только без моего греха. Поэтому в Нем соединяются и свойства Отца и свойства Святого Духа: Он — далеко вне меня; я облекаюсь в Христа, тогда Он рядом со мною. Он новый Адам — тогда во мне. Он вне меня, расстояние между нами равно ∞. Он рядом со мною, расстояние равно нулю. Он внутри меня — в моей внутренней глубине, в моем сокровенном сердца человеке. Условно я обозначу это расстояние минус бесконечностью. Также условно расстояние между мною и Святой Троицей я обозначу так:

$+\infty$ и 0. — Бог Отец.

$+\infty$ и $-\infty$. Бог Святой Дух.

$+\infty \sim 0 \sim -\infty$. Бог Сын.

Почему у меня появились некоторые сомнения об исцелениях в канадской церкви? Потому что там была чистая духовность, а это без всякой материальности может (и только может) оказаться чистой душевностью.

Возражение Виктора <Вургафтика>: если кто-либо утверждает, что он исцелился чудесным образом, то ему надо верить. Но если я не то чтобы сомневался, но все же отношусь с некоторым подозрением и к собственным состояниям, прорывающим причинную цепь событий или последовательность моих естественных состояний, то могу ли я полностью поверить рассказам других, например тому, что я слышал из Канады? Если в 19 веке чрезмерно доверяли науке и всеобщему детерминизму, то сейчас, наоборот, слишком много относят к действию веры. Но ведь есть две псевдоверы: одна — любое парапсихологическое явление относит к вере, другая и факт веры объясняет как парапсихологическое явление.

16. V. Душевный человек не понимает духовного, духовный же понимает все и душевного также <1 Кор. 2, 14—15>. Положим, человек находится в некотором состоянии, которое он принимает за духовное — состояние веры; положим, он убежден в этом. Есть ли какой-либо определенный критерий, чтобы, во-первых, определить самому человеку, находящемуся в этом состоянии, душевное ли оно или духовное; во-вторых, критерий для определения этого другому человеку по рассказу пережившего это, то есть критерий духовности для меня и для другого, когда я слышу его рассказ о пережитом?

А. Внутренний критерий — для меня моего переживания.

Б. Внешний — для рассказа мне переживания другого человека.

Если есть один и тот же критерий для А и Б, то это будет абсолютный критерий, если нет — это будет относительный критерий: intra- и extra-критерий, причем оба будут только относительными.

Предопределено от вечности. Вечность — сейчас, вот именно в этот момент, когда *сейчас* мелькнула вечная мысль или мелькнуло вечное состояние. Если же в этот, именно этот вечный миг я был истинно освобожден Сыном, то я совершил абсолютно свободно акт мысли — жизни. То есть именно *сейчас* я от века предопределен был к истинно свободному во Христе акту мысли — жизни. Здесь я хочу и пытаюсь выразить ι-тожество предопределения и абсолютной свободы. Но возможен и экстенсивный подход:

ι	ε
все, что я совершаю, освобожденный Христом, я совершаю абсолютно свободно. Это ι-взгляд: *сейчас*, мое *сейчас*.	все, что совершается мною, совершается по предопределению Бога: от века предопределено. Это ε-взгляд: *здесь*, Божье *здесь*.

Но как написанное это уже ι—ε-взгляд.

24. VII. Пушкин. Я с Л<идой> присхал сюда 30.V, Т. — 31.V. Почему же больше двух месяцев нет никаких записей? Потому ли, что я писал что-либо? Нет. Потому ли, что мне было хорошо? Нет. Потому, что мне было плохо? Нет.

Поправка к первому вопросу: за это время я

1. Добавил к моему рассуждению «Шпиль» несколько страниц.*

2. Написал важное для меня письмо к Виктору <Вургафтику>. Предложение Виктора: при встречах вместе совершать нечто вроде Причастия Тела и Крови Христовой. — Отказался, не потому что это «нечто вроде», а из-за моего монофизитизма.

3. Обдумал, но почти ничего не записал о творческом или литературном кризисе Хармса в годы 1931—1932, о трех вариантах его «Подруги»**, о его неоклассицизме и о его словах, сказанных приблизительно в то же время: я не так глуп (1) и не так талантлив (2), как это кажется: (1) глупым его считали только глупые люди; (2) Введенский сказал в конце 1920-х гг., что Хармс не только создает искусство, он сам есть искусство. До 1930 или 1931 г. для Хармса образцом был Нагель (Гамсун)*** . Но это не значит, что он подражал Нагелю. Он создавал свою жизнь, как создают стихи или музыку. Он никому не подражал, но был тем, кого он создавал. Но тот, кого он создавал, может быть, неотделим и от его стихов. В 1931—1932 гг. возникает кризис, и творческий и жизненный. Поэтому, может, он и сказал, что не так талантлив, как это кажется, на самом деле он был более талантлив, чем казался, но переход к новому стилю и отчасти к неоклассицизму («Подруга»), то есть частичный отказ от бессмыслицы, он воспринял как меньшую талантливость. Но помимо неоклассицизма «Подруги» и некоторых других вещей у него появляется в 1935—1936 гг. ситуационная бессмыслица — «Случаи»**** и др. Здесь, мне кажется, нет неоклассицизма.

Надо точнее определить неоклассицизм. А. А<лександров> понял это очень примитивно: возвращение к поэтике Пушкина. Но это просто плохое искусство — подражание. Даже хорошее подражание самым великим гениям — стилизация и фальшь. У позднего Заболоцкого не неоклассицизм, но очень искусная стилизация и фальшь. Неоклассицизм у него, может, после 1930 г. до 1934 или 1935, например

---

*См.: Друскин Я. Теология креста и теология славы (о книге У. Голдинга «Шпиль»). — 1974? — Личный архив.

**См.: *Сб.* Т. 2. С. 146—147.

*** Гамсун К. Мистерии.

****См.: *Сб.* Т. 2. С. 354—379.

«Птицы». Но глупый морализм и стремление поучать (которые есть и в «Птицах») — это уже не неоклассицизм, а то, что Ол<ейников> назвал жалким: Заболоцкий в своей самоуверенности просто жалок. Надо точно определить классицизм и чему он противополагается. Обычное противоположение романтизму неправильное. Ранний Шуман, Шуберт, Лист, Шопен — все настолько различны, что объединить их под именем романтизма нельзя. «Vogel als Prophet»* — это не романтизм, а некоторый пуантилизм. Как понимать эти паузы? И также неоклассицизм в музыке (Стравинский после 1920 г. до додекафонного) — не подражание, а оригинальное явление. В чем неоклассицизм моей любимой вещи «Dambarton-Oks»? И также почему «Подругу» я воспринимаю как неоклассицизм, причем именно первый вариант?

Я уже давно писал, что последовательное логическое проведение до конца какой-либо мысли или системы придет к тавтологии или противоречию тому, что было сказано в начале. Веберн ниже Шёнберга, потому что он слишком логично («с помощью циркуля и линейки») довел до логического конца теорию Шёнберга. Сам Шёнберг этого не делал, поэтому у него бывает и тоникализация в атональных вещах и, наконец, просто тональные вещи. C-dur еще не изжил себя, сказал Шёнберг. Введенский только внешне напоминает Веберна, он избежал ошибок «циркуля и линейки» и логического завершения системы.

25. VIII. «Душевный человек не понимает духовного». Можно, мне кажется, сказать и так: Христос являлся, я думаю, в душевном теле, потому что в духовном теле душевный человек, мне кажется, не может и увидеть духовное тело.

Но почему Христос сказал Марии Магдалине: не прикасайся ко Мне, Я еще не взошел к Отцу Моему Небесному? Затем: если Фома коснулся Его ран, когда Он явился ему, то, мне кажется, Он был еще в душевном теле? Если же Он являлся ученикам в телесном теле, то мог ли Он выйти из запертой комнаты? Но, с другой стороны, почему не мог? Если он ходил по воде в душевном теле, то мог и войти в запертую комнату. И вознесся Он на небо тоже в душевном теле. Но было ли у Него душевное тело с самого начала? Да, если Он во всем, кроме греха, подобен нам: в духовном теле Он не страдал бы, не алкал и не жаждал, как мы. Снова повторяю, я не мог бы увидеть никакого человека в духовном теле, у меня есть глаза только на душевное тело.

---

* «Вещая птица» (*нем.*) — фортепианная пьеса Р. Шумана.

13.IX. На днях <в> 22—23 часа слушал «Потец» и «Где»* . Раньше большей частью я слушал «Потец» (магнитоф<онную> запись)[34] преимуществснно эстетически или в плане выражения: стройность и чистота «Звезды бессмыслицы», совершенство завершения. В последний же раз — преимущественно экзистенциально: я понял, почему Г. Н.** был так неприятен «Потец»: потому что он, как сказала В. П. <Траугот>, уважал себя. «Потец»: главное в Прологе Бог, Смерть, Гнев Божий. В Его гневе — любовь — песнь няньки; но печальная любовь. «Потец» — критерий для человека. Трепет и страх. Величие пьесы — величие Бога, Его гнев и в гневе — любовь (песнь няньки). Когда-то я написал: жизнь я продумал, а мысль пережил. Смелость мысли дала мне силу пережить гнев Бога Авраама, Исаака и Иакова, почувствовать величие и серьезность Его гнева в жизни, в частности и моей, и в гневе — Его любовь. Все это я почувствовал, слушая «Потец». |Т.| Ее рассказы: мне всех жалко| Я почувствовал свою ничтожность и в этой ничтожности великое предназначение. Все это — слушая «Потец».

16.X.79[35]

---

* Введенский А. Где. Когда // *Сб.* Т. I. С. 535—538.

** Георгий Николаевич Траугот — художник, муж В. П. Траугот.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании публикуется вторая часть дневников Якова Семеновича Друскина, которые автор назвал «Перед принадлежностями чего-либо» (см. библиогр. [33]. с. 495). Первая часть охватывает период с 1933 по 1962 год (предваряется записью 1928 года), вторая — с 1963 по 1979 год.

Тексты перепечатаны с рукописей, хранящихся в архиве сестры автора — Лидии Семеновны Друскиной.

Исправлены (без упоминания в примечаниях) лишь явные описки, устаревшая орфография и транскрипция, а также некоторые знаки препинания.

Графические приемы выделений в тексте приведены в смысловое соответствие с авторскими.

Помимо формы записи числительных, дат и пр., а также исполнения рисунков, схем и таблиц сохранено также авторское написание (без дефиса) некоторых терминов: «не я»,«не мое» и т. п. Сохранены аббревиатуры имен, наиболее часто встречающиеся в тексте: В., Ш. (А. Введенский, Шура), Л. (Л. Липавский, Лёня), О., Н. М. (Н. М. Олейников), Х., Д. И. (Д. И. Хармс), Т. (Т. Липавская, Тамара), М. (М. Друскин, Миша).

Ссылки на произведения чинарей помечены аббревиатурами *Сб.*, ПСП, ПСС:

Сб.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Т. 1: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин / Ст. А. Л. Дмитренко; Сост., подгот. текстов, примеч. Л. С. Друскиной, А. Г. Машевского, В. Н. Сажина; Ст., науч. ред. В. Н. Сажина; Т. 2: Д. Хармс, Н. Олейников / Подгот. текстов Н. М. Кавина; Ст. А. Н. Олейникова; Сост., подгот. текстов, примеч., науч. ред. В. Н. Сажина. Б. м., 1998. (Русская потаенная литература).

ПСП: Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. М.: Гилея, 1993.

ПСС: Хармс Д. Полное собрание сочинений. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997—1998.

Внутритекстовые вставки (пояснения, ссылки, наращения и пр.) в угловых скобках — от составителя.

Ссылки на Библию даются без помет «ср.», «см.» и не повторяются, за исключением авторских (в круглых скобках).

В квадратных (как в рукописи) скобках — добавления поздних лет, сделанные автором при переписывании черновиков.

Часть рукописей Я. Друскина сдана на хранение в Отдел рукописей (ОР) Российской национальной библиотеки (РНБ), фонд 1232. При ссылке указывается единица хранения.

Составитель выражает глубокую благодарность Анатолию Ефимовичу Барзаху, Людмиле Григорьевне Ковнацкой и Валерию Николаевичу Сажину за помощь при подготовке настоящего издания.

[1] ι и ε — этими буквами автор обозначает соответственно интенсивное и экстенсивное состояние. «Все душевные состояния человека можно разделить на две категории, которые я назову интенсивными и экстенсивными. Это разделение относится и к характерам разных людей, и к их творчеству: к художественным, философским и научным произведениям... Замечая что-либо в себе или вне себя, я невольно стремлюсь или соединить найденное многообразие, или разделить то, что увидел или почувствовал как единое целое, то есть я явно или неявно склонен соединять разделенное или разделять соединенное».* *Стр. 8.*

[2] Первая тяжелая болезнь матери (январь 1950 г.). Яков Семенович дни и ночи проводил в больнице. *Стр. 11.*

[3] Реплику Якова Семеновича можно объяснить только крайне тяжелым его состоянием. Мы с братом Михаилом Семеновичем работали (на наши заработки существовала семья), а Якова Семеновича от работы освободили, именно для того чтобы ухаживать за мамой, поэтому он был при ней почти неотлучно. *Стр. 12.*

[4] День смерти Надежды Александровны Друскиной (1903—1962) — жены брата, Михаила Семеновича, и очень близкого всей нашей семье человека. *Стр. 25.*

[5] Михаил Семенович Друскин (1905—1991) — известный музыковед, ученый и педагог, автор исследований в различных областях музыкознания (европейская клавирная культура XVI—XVIII вв., оперная драматургия, современная музыка Запада, зарубежная историография и источниковедение), монографий, посвященных композиторам XVIII—XX вв., а также многочисленных статей. Доктор искусствоведения, профессор Ленинградской консерватории. *Стр. 26.*

[6] *Вот это вот*, или общеиндивидуальное, — термин Я. Друскина. «Общее понятие, а всякое понятие общее, имеет смысл, если оно применяется к чему-либо единичному. Я назвал это условием отдельного существования. Оно определяет не только ядро, но и поле его значения». *Стр. 36.*

[7] Единственный экземпляр рукописи рассуждения «Чем я противен» (1936 или 1937 г., небольшое добавление в 1943 г.) автор дал прочитать Михаилу Войцеховскому (другу художников Трауготов), который не вернул ее, несмотря на неоднократные требования. *Стр. 53.*

[8] Друзья-чинари: философ Липавский Леонид Савельевич (1903—1941), поэты Введенский Александр Иванович (1904—1941), Хармс Даниил Иванович (1905—1942), Олейников Николай Макарович (1898—1937). *Стр. 71.*

[9] Мысль о том, что навсегда покинут Богом. Под влиянием пережитого написано рассуждение «Вера, которая не верит». *Стр. 83.*

[10] Вялость, недостаток энергии, малодушие (лат. ignavia). Автор использует это слово как термин — для обозначения особого состояния, когда «не пишется», состояния, которое он охарактеризовал как тоску по силе духа. См. также библиогр. [33], с. 257.

---

* Здесь и далее в кавычках, без указания источника, — цитаты из записей Я. Друскина.

Подобные состояния бывали и у Хармса. Я. Друскин писал, что стихотворение Хармса «Я долго смотрел на зеленые деревья» — типичный пример игнавии. *Стр. 96.*

[11] Открытое Я. Друскиным одностороннее синтетическое тожество «определяется тремя первоначальными понятиями: что, ничто и само ничто...» Автор видит одностороннее синтетическое тожество «в трех формах (соответственно трем актам Божественного Слова): творение Словом, мое несоответствие Слову в грехе и Вочеловечение Слова...

Бог сотворил мир, то есть что, из ничто — абсолютного Божеского ничто — οὐχ ὄν. Но мы его <этот мир> не знаем. Мир, который я знаю, — это загаженный моим грехом мир... Божеское ничто подменил μὴ ὄν — сущность не нашего сущего мира — это потенциальность, зло и демоническое...»

Все сказанное записывается формулой

«что есть что ≡ ничто (1);
само ничто ≢ что (2)».

(1) — мир, сотворенный Богом; (2) — наш, греховный мир.

См. также запись 7 января на стр. 165, 13 января на стр. 168, библиогр. [17]; [29], с. 111—171; «Три искушения Христа в пустыне».

Автор применяет одностороннее синтетическое тожество к двум понятиям, представлениям, состояниям и пр., имеющим смысловую общность и одновременно различие: жизнь — мысль, я — я сам, что — ничто, сейчас — не сейчас и т. д. *Стр. 105.*

[12] *Небольшая погрешность* в *некотором равновесии* — один из основных терминов Я. Друскина. «...Я нашел некоторую погрешность в порядке событий, имеющих ко мне отношение. Эта погрешность и есть начало философствования, стимул всякого человеческого действия и жизни. Именно эта погрешность, а не тщеславие движет творчеством: желание определить свое место в жизни... не эмпирическое, а трансцендентальное». *Стр. 109.*

[13] Георг Леонид Владимирович (1890—1927) — учитель русского языка и литературы в гимназии имени Л. Д. Лентовской, оказавший сильное влияние на личность автора, а также Л. Липавского и А. Введенского, окончивших эту же гимназию.

«В ночь, когда мне исполнилось 30 лет, ко мне пришел покойный Георг. Он показал мне смерть... Это было страшно и убедительно».

Сон указал автору на невозможность построения полной непротиворечивой философской системы, так как смерть не укладывается ни в одну философскую систему. Явился рубежом, за которым начался зрелый период творчества. Первая крупная работа, написанная после этого сна, — «Разговоры вестников». *Стр. 111.*

[14] «Д. И. хотел написать рассказ: человек каждый вечер стоит перед шкафом и что-то думает. Он знает: совершится чудо и он подымется над шкафом. Но он все не подымается. Однажды, стоя перед шкафом, он увидел картину и вспомнил, что он видел ее и вчера и позавчера. И вдруг он вспомнил: картина-то висела за шкафом и, не приподнявшись над шкафом, ее никак нельзя было увидеть. Так и я. Я все думал: увидеть Бога. Но ведь я уже увидел» (библиогр. [33], с. 334). *Стр. 113.*

[15] *Система как пример* — термин Я. Друскина. «Эта система действительна только в тот момент, когда я подумал о ней, — мгновенная система... Она необходима только в данный момент для данного мгновения. Но мгновение, то есть

с е й ч а с, как только возникло, сразу же и ушло, оно уже не сейчас. Система имеет значение для сознания. Если сознание мгновенно, то и значение системы, то есть сама системность, мгновенна» (из письма к О. Г. Ревзиной).

«Всякая система внутренне противоречива, само понятие системности противоречиво и ложно, ангелы и святые не создают системы и живут вне системы. Но если я что-то думаю и что-то создаю в философии или в музыке, я не могу это сделать, я все равно остаюсь в системе. И тогда я подумал: моя система — это не система в обычном смысле, это система, отменяющая всякую систему, вообще системность». *Стр. 124.*

[16] «В своей логике Аристотель различал суждения аподиктические, то есть необходимые, например 2×2=4, допустимые и возможные. Допустимость и есть возможность.

В жизни есть события, которые кажутся вначале случайными, а потом обнаруживаешь в них какую-то целесообразность, даже преднамеренность, но трансцендентную, то есть не зависящую от воли людей. Я ввожу для подобных случаев термин «контингентность». Он не вполне соответствует аристотелеву смыслу этого слова, но терминология — право автора, если она достаточно обоснована. Я бы определил так: контингентность — случайная неслучайность или неслучайная случайность, поэтому полное ощущение контингентности может быть только у верующего, это ощущение Провидения. Но здесь есть еще второй момент, экзистенциальный: абстрактная человеческая мысль необходима, например сумма углов треугольника на евклидовой плоскости равна двум прямым и не может быть ни меньше, ни больше. А контингентное всегда фактично, любой факт, наступивший с е й ч а с, мог с е й ч а с и не наступить. Евангелие дает полное понимание смысла фактичности — фактичности контингентного, то есть не его абстрактности, а экзистенциальности». *Стр. 144.*

[17] Отдельная работа с таким названием неизвестна. В это же время автор пишет рассуждение «Благодать и свобода. Обломов. Аллегория», в котором высказывает свой взгляд на поведение Обломова, отличный от традиционного. Впоследствии слово «благодать» заменяет на «предопределение». См. библиогр. [20], с. 212—213..*Стр. 158.*

[18] Так возникла идея одного из главных сочинений Я. Друскина — «Ви́дение неви́дения», которое и открывается строками этой записи. См. библиогр. [29]. *Стр. 216.*

[19] Выставка картин Михаила Шемякина была организована в подсобных помещениях Эрмитажа. Она закончилась скандалом и закрылась в тот же день или на следующий, не помню. М. С. Друскин, первым написавший хорошую рецензию в книге отзывов, был немедленно снят с туристской поездки в Италию. *Стр. 223.*

[20] «Некому» — нет друзей-чинарей. Н. Олейников арестован и расстрелян в 1937 г. Осенью 1941 г. погиб на фронте Л. Липавский, арестован и вскоре погиб (видимо, на этапе) А. Введенский, арестован и в феврале 1942 г. умер в тюремной больнице Д. Хармс. *Стр. 230.*

[21] Добавление к «Ви́дению невидения» — самостоятельное исследование, названное автором «Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в «Видение невидения». Здесь подробно исследуется открытое Я. Друскиным одностороннее

синтетическое тожество в трех формах — космологической, антропологической и сотериологической. См. библиогр. [29], с. 111—171. *Стр. 231.*

[22] *Одно два* — термин Я. Друскина. «Я живу — с е й ч а с имею что-либо и как только имею — знаю, что имею. Имею значит имею и знаю. Тогда имею, которое есть имею и знаю, не одно и не два, а *одно два*» («Трактат Формула Бытия»). *Стр. 251.*

[23] «Мне завещано охранять Z». Перед наступлением немцев на Петергоф, куда Липавский был призван военкоматом, Тамаре Александровне сообщили, что она сможет встретиться с мужем на улице в указанном месте, в назначенный день и час. Яков Семенович проводил ее и перешел на другую сторону улицы, чтобы не мешать разговору. Вскоре Липавский подошел к другу и сказал: «Если со мной что случится, не оставь Тамару». Затем попрощался и ушел. Вскоре Тамара Александровна получила извещение: «пропал без вести». Л. Липавский погиб в ноябре 1941 г. под Петергофом.

«Неприятная ситуация» состояла в том, что близкие, беспокоясь за здоровье Якова Семеновича, предлагали снять на лето дачу (кажется, в Усть-Нарве) для всей семьи. Но через месяц-полтора должна была вернуться Тамара Александровна, отдыхавшая ежегодно в деревне, и поэтому Яков Семенович отказался уехать из города. *Стр. 283.*

[24] Увлечение в 1960-х гг. музыкой А. Шёнберга и А. Веберна позволило Я. Друскину на основании Евангельских текстов обнаружить параллелизм атональной музыки и атональности жизни (отказ от тяготений в этой жизни, «негде приклонить голову» и т. д.). *Стр. 293.*

[25] Май 1911 г. — первое прикасание к тайне жизни. «Первое чудо: у меня внезапно открылись глаза, я увидел тайну, *непомещающуюся* в моей душе... Я почувствовал, что что-то изменилось, вернее, все стало другим, но что случилось, не понимал... это я теперь понимаю — меня призвал Бог». См. также запись 12 февраля на стр. 104.

1928 год — «второе рождение», по собственному выражению Я. Друскина: слушая «Страсти по Матфею» Баха, он уверовал в Благую весть. *Стр. 348.*

[26] «Моей двери в жизнь» — Тамаре Александровне Липавской.

«Моей лестнице Иакова» — матери.

Автор считал цифру 9 несчастливой для себя, поэтому в дневниках нет девятой тетради. *Стр. 396.*

[27] Воспользовавшись отсутствием Якова Семеновича (он отдыхал в деревне), я предприняла ремонт в обеих наших комнатах, убрала кровать с провисающей сеткой, на которой с его слабыми легкими было вредно спать, и повесила над кроватью новую лампу, удобную для включения. *Стр. 407.*

[28] Все свои личные записи Т. Липавская уничтожила после смерти Я. Друскина, считая, что он преувеличивал их значение. *Стр. 439.*

[29] В 1942—1943 гг. (в эвакуации) Я. Друскин разработал геометрический способ доказательства теорем и в послевоенные годы ознакомил с ним С. Е. Ляпина, заведующего кафедрой математики в Педагогическом институте имени А. И. Герцена. Тот предложил провести серию показательных уроков в подшефной школе, но автор не захотел тратить время на это и отказался. Записи, к сожалению, пропали. *Стр. 494.*

[30] Виктор Борисович Вургафтик с женой, Зоей Владимировной, приезжали из Киева, чтобы познакомиться (по рекомендации И. И. Блажкова) с Яковом Семеновичем, работы которого читали и интересовались его учением. По-видимому, еще раньше они решили поменять Киев на Ленинград, где могли бы постоянно общаться с Я. Друскиным. «ВЗ уехали» — с тем, чтобы оформить обмен. *Стр. 532.*

[31] Михаил Семенович Друскин уезжал в длительную командировку и предложил нам с братом на это время переехать в его квартиру, чтобы отдохнуть от коммунального быта. Яков Семенович не любил уезжать из своей комнаты и согласился только ради меня. Но уже на следующий день после переезда, возвращаясь из магазина, я услышала за дверью музыку Баха: Яков Семенович играл на рояле. Таким образом, «что-нибудь хорошее в переезде» нашлось — у нас дома инструмента не было. *Стр. 581.*

[32] Рукописи Д. Хармса, А. Введенского, Л. Липавского и часть собственных Я. Друскин передал на хранение в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (фонд 1232). *Стр. 581.*

[33] Осталось несколько, к сожалению незавершенных, вариантов. После кончины Якова Семеновича я составила из них один и опубликовала под заглавием «Чинари». См. библиогр. [8]. *Стр. 585.*

[34] Я. Друскин записал на магнитофон все произведения А. Введенского в исполнении Т. Липавской, в собственном же, к сожалению, не записал. А между тем мужской голос (у Якова Семеновича был красивый бас), мне кажется, создает более глубокое впечатление от чтения Введенского. *Стр. 601.*

[35] Дата в траурной рамке — годовщина смерти матери — последняя запись в дневнике.

СПИСОК
иноязычных слов и выражений, неоднократно встречающихся в тексте

actus forensis — судебный акт (*лат.*)
Alleinwirksamkeit Gottes — единовластие Бога (*нем.*)
Allwirksamkeit Gottes — вседейственность, всемогущество Бога (*нем.*)
als ob — как бы, как будто бы, словно бы (*нем.*)
Aneignung — присвоение (*нем.*)
apeiron — безграничное, бесконечное, беспредельное (*гр.*)
Bestehende — существующее, установленное, принятое, «как все» (*нем.*)
causa — причина (*лат.*)
causa cognoscendi — причина познания (*лат.*)
causa efficiens — действующая причина (*лат.*)
causa essendi — причина бытия, существования (*лат.*)
causa finalis — конечная причина (*лат.*)
causa formalis — формальная, образующая, формирующая причина (*лат.*)
causa instrumentalis — вспомогательная причина (средство) (*лат.*)
causa materialis — причина, действующая в веществе, материи; субстрат действия (*лат.*)
causa sui — причина самого себя (*лат.*)
coincidentia oppositorum — совпадение противоречий, противоположностей (*лат.*)
concupiscentia — сильное желание, стремление, вожделение (*лат.*)
credo quia absurdum est — верую, потому что нелепо (*лат.*)
culpa — вина (*лат.*)
cur Deus homo? — зачем Бог стал человеком? (*лат.*)
Dasein — бытие, существование, здесь-бытие (*нем.*)
Denkprojekt — мысленный проект (*нем.*)
docta ignorantia — мудрое незнание, ученое незнание (*лат.*)
eigentlich — подлинный (*нем.*)
Entscheidung — решение (*нем.*)
epoche — остановка, задержка, прекращение (*гр.*); *фил.* — воздержание от суждения, исключение, заключение в скобки
Existenzlehre — экзистенциальное учение (*нем.*)
Existenzmitteilung — экзистенциальное откровение, сообщение (*нем.*)
gratia gratis data — дар, даром даваемый (*лат.*)
historia profana — история светская (*лат.*)
historia sacra — история священная (*лат.*)
indefinitum — неопределенное (*лат.*)

infinitum — вечное, бесконечное (*лат.*)
Innerlichkeit — внутреннее, сокровенная сущность, духовность (*нем.*)
I. P. — «Iohannes-Passion» — «Страсти по Иоанну» (*нем.*)
justus peccator — праведный грешник (*лат.*)
kairos — *христ. фил.* — полнота времен (*гр.*); *экзист.* — момент решимости
Leiden — страдание (*нем.*)
Leidenschaft — страсть, пристрастие (*нем.*)
leidenschaftlich — страстный (*нем.*)
liberum arbitrium — свободное решение, свобода воли (*лат.*)
mea culpa, mea magna culpa — моя вина, моя великая вина (*лат.*)
mysterium tremendum — ужасная тайна (*лат.*)
mysterium tremendum et fascinosum — тайна ужасная и притягивающая (*лат.*)
M. P. — «Matthäus-Passion» — «Страсти по Матфею» (*нем.*)
Naturreligion — примитивная религия, анимизм (*нем.*)
Nichtigkeit — ничтожность (*нем.*)
noli me tangere — не касайся меня (*лат.*)
profanum — светское (*лат.*)
quatenus — поскольку (*лат.*)
sacrum — священное (*лат.*)
Schwermut — грусть, печаль, уныние, меланхолия, мрачное настроение (*нем.*)
S. D. G. — Soli Dei Gloria — Единому Богу Слава (*лат.*)
Sein zum Tode — бытие-к-смерти (*нем.*)
Selbstgefälligkeit — самодовольство (*нем.*)
Selbstheit — самость (*нем.*)
servus indignus sum — недостойный раб (*лат.*)
Soliloquim — монолог, разговор с самим собой (*нем.*)
sub specie Christi — под знаком (с точки зрения) Христа (*лат.*)
Suggestion — внушение (*нем.*)
Testimonium Sanctus Spiriti — свидетельство Святого Духа (*лат.*)
uneigentlich — неподлинный (*нем.*)
Uneigentlichkeit — неподлинность (*нем.*)
Unverborgenheit — незащищенность, несокрытость, несокровенность (*нем.*)
Verborgenheit — сокрытость, защищенность, сокровенность (*нем.*)
Verstocktheit — закоснелость, закоренелость (*нем.*)
Wesensschau — созерцание (усмотрение) сущности (*нем.*)
Wiederholung — повторение, возвращение (*нем.*)
Willkür — произвол (*нем.*)

μετάνοια — обращение, раскаяние (*гр.*)
μή — отрицание возможности (*гр.*)
μὴ ὄν — не-сущее (*гр.*)
ὄν — сущее (*гр.*)
οὐχ — отрицание факта (*гр.*)

УКАЗАТЕЛЬ
сочинений Я. Друскина

УКАЗАТЕЛЬ
имен и произведений

Лидия Друскина

ВЗГЛЯД СЕСТРЫ

(вместо послесловия)*

Перед нами дневниковые записи Якова Семеновича Друскина. Он вел их в течение полувека: с 1928 (постоянно с 1933) по 1979 год.

Поражает в них прежде всего инвариантность автора: молодой человек 26 лет и старик 77 лет при гипотетической встрече нашли бы много общих тем, волнующих обоих. «У меня есть ощущение тожества моей личности во всех моих воспоминаниях. С детства я тот же. Я не так тот же, как Бог, Он не забывает, я забываю, это мой первородный грех, и все же, подобно Ему, я тот же. Если это не иллюзия, то инвариант меня, того же самого, в постоянном прехождении... Эта инвариантность... именно самая индивидуальная, личная во мне...» **

Не менее поразительно многообразие тем, собственный, независимый взгляд на любую проблему и наконец необычайная мыслительная способность, сочетающаяся с постоянной потребностью в письменной фиксации мысли и переживания. Новая мысль рождалась, по его словам, раньше, чем он успевал зафиксировать предыдущую.

Дневник начинается с записи 1928 года — знаменательного для автора: он уверовал в Благую весть и назвал это «вторым рождением». Яков Семенович пришел к вере через музыку «Страстей по Матфею» И. С. Баха. Музыка сопровождала его всю жизнь, ею пронизано все творчество, она звучит в философских исследованиях, которые строились, в первую очередь, на музыкальных закономерностях. «Еще Л<ипавский> и О<лейников> сказали, что мои вещи поэтичны. Я бы сказал: музыкальны... Критерием музыкальности я пользуюсь в самых абстрактных вещах. Музыкальный критерий соответствует материальному пониманию (а не формальному). Для понимания моей вещи не всегда обязательно понимание каждой отдельной части. Важно понять целое, тогда от понимания целого станет понятной каждая часть в отдельности». Не случайно некоторые его работы носят музыкальные названия — «Контрапункт», «Симфония»...

---

* Предисловием к изданию Дневников стали воспоминания М. Друскина «Каким его знаю». См. библиогр. [33], с. 7—40.

** Здесь и далее в кавычках, без указания источника, — цитаты из записей Я. Друскина.

Что же в детстве отличало будущего философа, математика, музыканта? Ответа мы не найдем даже в дневнике отца, где кратко записывались наблюдения над характерами, склонностями и способностями детей: «Яша — порывист, Миша — спокоен; подвижные игры любит особенно Яша. Он более разговорчив, выражение лица — энергичное, у Миши скорее задумчивое». Лишь одна фраза представляется мне пророческой. Отец пишет: «Если кто или что понравится Яше — отдается телом и душой». Я бы добавила: отдается истово. Истовость была одной из главных черт его характера: истовое, с ранних лет и на всю жизнь увлечение философией, истовая вера...

Истовой была и его любовь к матери.

До кончины отца (1934 год) я не замечала чего-либо, что отличало бы отношение Якова Семеновича к матери от нашего с братом. Со смертью отца все переменилось. Желание хотя бы частично восполнить материнскую утрату постепенно переросло в близость, которая стала самоцелью. За три последующих десятилетия — до самой кончины матери (1963 год) — у них сложились ноуменальные отношения: мать стала для сына главным человском — единственным и самым любимым.

Мои детские воспоминания о братьях скудны, потому что мы редко бывали вместе — сказывалась разница в летах.

В свои 2,5—3 года я была для них живой куклой, они с удовольствием возились со мной и любили поддразнивать, но беззлобно, зная мой довольно вспыльчивый характер. Придумали имя, которое мне очень не нравилось: Лидка-Ли́дковна-Лидкахна. Стоило это произнести, как я кидалась на обидчиков. Поймать их мне было не по силам, и я прибегала к проверенному способу, крича: «Мама, они меня раздражают!» (по воспоминаниям Якова Семеновича). С годами наши отношения становились все более мягкими.

Вот одно из воспоминаний 1917 года. Мы живем в Вологде, куда призван отец — главным врачом военного госпиталя. Яше — 15 лет, Мише — 13, мне — 6. По вечерам, когда родители уходили, я оставалась на попечении братьев. Уже довольно самостоятельный ребенок (читала, сочиняла истории, сказки), которого развлекать вовсе не обязательно. Однако братья придумывали забавные игры, и в этих играх я была главным действующим лицом. Думаю, инициатива исходила от старшего. (К этому времени он убежденный марксист, читал «Капитал» и другие «умные» книги. Но тем не менее оставался еще ребенком.)

К сожалению, запомнилась только одна из игр. Меня сажали на стул, привязывали полотенцем к спинке («чтобы не упала») и завязывали глаза — «теперь ты полетишь через окно в сад». Я, предвкушая удовольствие, соглашалась и принимала условия игры: вылетала в окно («наклони голову»), летала под деревьями, а ветки хлестали меня по лицу. По возвращении у меня в руках оказывался неоспоримый трофей:

ветка с дерева, которую я сорвала при полете. Думаю, все трое были одинаково увлечены игрой.

И, наконец, воспоминание 1923 года. Я — тогда еще подросток — занята своими делами и увлечениями. Однако смутно ощущаю какую-то обиду за Якова Семеновича, хотя никому об этом не говорю. Мне кажется, что отношение родителей неравномерно распределяется между нами, детьми. Конкретных причин я тогда не знала. А они были таковы: Яков Семенович в 1923 году блестяще заканчивает философское отделение факультета общественных наук университета, отказывается остаться на кафедре (год назад его учитель Н. О. Лосский был выдворен из страны), полностью порывает все связи с философской средой и устраивается на работу в самое низкое по образовательному цензу учебное заведение — фабзавуч. (Его поступок — пример дальновидности и мудрости: только анонимное существование философа-одиночки позволило сохранить внутреннюю свободу — писать то, что думает. И более того — наверное, спасло ему жизнь.)

Иначе все складывается у младшего брата — пианиста. В 20 лет он, лауреат консерватории, играет на выпускном акте-концерте, привлекшем внимание ленинградских любителей музыки, и получает первую рецензию в прессе — весьма одобрительную. Далее следует ряд концертов: совместные, с другими музыкантами, и сольные (например, в Малом зале консерватории). И, наконец, предел желаний — Филармония: сольный концерт в Малом зале (1927 год), а в 1929 году — концерт с оркестром, где он солировал.

Яркая карьера Михаила резко контрастировала с образом жизни Якова. Это не могло не огорчать родителей. Рухнула надежда на научную деятельность первенца. К тому же в свободное время он пишет, но что пишет, им не понять.

Теперь, после всего что мы пережили в период репрессий, яснее прозорливый не по летам поступок Якова Семеновича.

Наша мать много болела, и брат отдавал все силы, чтобы облегчить ей страдания. Однако смерть была неминуема...

Он невероятно тяжело переживал кончину матери — единственного после гибели чинарей ноуменального друга — и с тех пор будет называть маму «моя лестница Иакова, ставшая моим жалом в плоть». Вот почему все тетради заключительной части Дневников помечены знаком креста и первая запись с датой 16.X в траурной рамке — цитата из Евангелия от Матфея.

Только через две недели брат собирается с силами, чтобы выразить потрясение, скорбь и покаяние, казня себя за то, что, как казалось ему, он не осуществил для предотвращения несчастья: «В главном человек осуществляет *неосуществимое* (выделено мною. — *Л.Д.*), — и за это, неосуществленное, беспощадно, жестоко винит себя. В величайшем смирении перед Богом просит об одном: «...чтобы осталась связь

с матерью как боль, как жало в плоть... чтобы было постоянное бдение — вера и Бог».

Первые тетради заполнены монологами, в которых автор с предельной искренностью открывает душу Богу.

Тяжелейший жизненный удар вызывает всплеск творческой активности, как это уже было после гибели чинарей, но в значительно большей степени. За последние полтора десятилетия своей жизни Якову Семеновичу суждено было пройти удивительный по интенсивности путь, отмеченный независимостью от внешних условий и от общепризнанных авторитетов в философии и теологии, литературе и музыке. Внутренняя свобода — отличительная черта его трудов.

С 1964 по 1979 год он пишет около сорока эссе (рассуждений, как предпочитал называть), четыре философских трактата (два из них — «Ви́дение невидения» и «Рассуждения о Библейской онтологии...» — обосновывают религиозное учение автора), книгу «Сон и явь» и множество философских заметок, а также продолжает писать свой главный труд — «Исследование о сущем слове» («Трактат Формула Творения», ТФТ), который, к сожалению, не был завершен.

Вновь возвращаясь к творчеству чинарей, через 30 с лишним лет после непосредственного общения с Введенским пишет фундаментальное исследование его поэзии, неслучайно названное «Звезда бессмыслицы». Неслучайность в том, что эти слова из финала поэмы Введенского «Кругом возможно Бог» стали символом творчества чинарей. В своих работах Я. Друскин обосновывает Божественную «звезду бессмыслицы». «В мою философию и теологию фиксирование бессмыслицы входит как установление реальной онтологической и гноссологической антиномии... <...> Абсурд, или бессмыслица, всегда понятие семантическое, то есть отношение слова или знака к обозначаемому. Но Слово стало плотью. Тогда бессмысленное слово, то есть бессмыслица, стала пониманием моего существования, так как вочеловечение Слова алогично. И это нельзя понимать иносказательно: если крест соблазн для воли, безумие для разума и Божественное безумие посрамило человеческую мудрость (ап<остол> Павел), то только семантическая бессмыслица высказывает экзистенциальную и онтологическую реальность». «Я не боюсь внешнего противоречия и несовместимости суждений... И то, что мне не совместить, я не буду считать несовместимым для Бога... Я не могу совместить Бога с человеком, но тем сильнее я верю в Богочеловека...»

Все написанное в 1960—1970-е годы не перечислить. Двенадцать тетрадей Дневников дают представление об интенсивности творческой жизни тех лет. До некоторой степени дневниковые записи и служат комментарием к трудам. В наибольшей мере это относится к ТФТ. Много страниц отводится обсуждению основных положений трактата, и после того как он будет опубликован, эти записи станут ценным комментарием.

Только в 1968 году, через несколько лет после смерти матери он сказал мне: ««Ви́дение невидения» — это прощание* с мамой»...

Тетрадь † 8/10 имеет то же название, что и все предыдущие: «Перед принадлежностями чего-либо». Но она связана с изменениями в личной жизни Якова Семеновича.

Впервые после гибели друзей, единомыслителей, понимавших друг друга с полуслова, с намека на слово, в его жизнь входит женщина из внешнего мира, близкого к чинарям, — Тамара Александровна Липавская.

Всю жизнь Якову Семеновичу не хватало чинарей, не хватало понимания его духовных интересов, возможности высказывания своего я человеку, связанному с ним общей сутью или общей памятью о прошлом, являвшемся его сейчас. Таким человеком, разделившим его сейчас — здесь, и стала Т. А. Липавская. Ей посвятил и подарил эту тетрадь автор.

Тетрадь повествует о великой любви, пришедшей к философу в 65 лет.

О ней сказано у апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует... не ищет своего, не раздражается... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13).

Все тетради † пронумерованы по порядку — почему же у этой дробный номер 8/10? Потому что она одновременно в общем ряду и вне его. Подарив любимой женщине, он тем не менее не изъял эту тетрадь из последовательности, совершенно определенно указав местоположение: между тетрадями †8 и †10 (тетрадь с номером 9 — цифрой, несчастливой для него, — отсутствует). Следовательно, отнюдь не исключал возможность публикации. Более того, Яков Семенович был уверен, что все написанное им, включая дневники, нужно будет каждому, кого интересует тайна жизни. В дневнике даже задает себе вопрос: согласился бы напечатать под другой фамилией? И отвечает утвердительно. Ведь пишет не он сам, а Тот, кто водит его рукой.)

Однако наличие адресата, то есть заданность, внесло определенные коррективы в содержание тетради †8/10. Не все отражено адекватно, а что-то и вовсе опущено. Полагаю, автор писал лишь о том, что, как он знает и уверен, будет интересно Тамаре Александровне, поэтому нет записей о многих событиях.

Поясню свою мысль.

После смерти матери у Якова Семеновича не осталось никого ближе брата и сестры. Состояние его было очень тяжелым, что видно из дневника. Чем помочь? Мы стали уезжать на выходные дни (по будням я работала) к Михаилу Семеновичу с ночевкой: зимой — на квартиру, летом —

---

* Прощание не как забвение, а как примирение со случившимся.

в Репино, где он жил в отдельном коттедже Дома творчества композиторов. Михаил Семенович и я полагали: единственное, что можно сделать, дабы как-то отвлечь брата от тяжелых мыслей и переживаний, — это свести с людьми, которым были бы близки его духовные интересы. Яков Семенович познакомился и до некоторой степени сблизился с Генрихом Орловым и Миррой Мейлах, Игорем Блажковым и Галиной Мокреевой, Валентином Сильвестровым и Ларисой Бондаренко (его женой), Галиной Уствольской, Виктором и Зоей Вургафтиками (с последними встречи были регулярными и самыми длительными, продолжались вплоть до конца жизни). Близкие отношения с Владимиром Стерлиговым и Татьяной Глебовой начались в послевоенное время и поддерживались до кончины художника в 1973 году (с Глебовой — до последней болезни Якова Семеновича). Таким образом, примерно с 1964 года он встречался с людьми, которых по-настоящему интересовали его мысли — о теологии ли, о творчестве Введенского или о современной музыке... (Я была свидетелем большинства встреч и помню, с каким интересом и увлечением говорил брат, какое многообразие тем затрагивалось по инициативе его собственной или собеседников.)

Само собой разумеется, наши семейные отношения не претерпели существенных изменений от «трансцендентной ситуации» — так он называл свое сближение с Т. А. Липавской. Зимой моя совместная с братом жизнь протекала по-прежнему. Зато летом исполнялось наше с Михаилом Семеновичем общее желание: Яков Семенович с Тамарой Александровной переезжали за город — преимущественно в Царское Село, где для них снималась двухкомнатная квартира.

Из круга общения Якова Семеновича знала Тамара Александровна только Вургафтиков, поскольку они и летом регулярно встречались с братом. Остальных же не знала, очевидно не интересовалась, то есть ее не интересовали темы разговоров.

Мы с братом заметили, что Яков Семенович почувствовал вкус к общению с молодежью. Приведу пример. В Театральном институте был организован посвященный Хармсу вечер, на котором студенты последнего курса читали его стихи. По окончании вечера участники подошли к Якову Семеновичу. Завязался разговор, и он сделал несколько замечаний по поводу исполнения стихов, а также оформления действа и в результате пригласил студентов к нам домой. Пришло человек восемь-десять. Подробности этого вечера не сохранились в моей памяти, но запомнилось чтение братом стихов Введенского. У Якова Семеновича был красивый бас, и читал он очень хорошо. Помню слезы на глазах у некоторых слушателей.

Почему я рассказываю о знакомствах, встречах, общении Якова Семеновича с людьми? Потому что в тетради †8/10 он пишет: «Мир распят для меня... (кроме Т.)». И я не сомневаюсь в его искренности. Именно сейчас, в тот момент, когда он писал эти строки, так и было. Но были и другие с е й ч а с, другие моменты.

Как уже упоминалось, в послевоенные годы Яков Семенович начал общаться с художниками. Из них самыми близкими стали Владимир Васильевич Стерлигов и его жена Татьяна Николаевна Глебова. Живя на Петроградской стороне, они бывали у нас почти каждую неделю, а после их переезда мы довольно часто ездили в Новый Петергоф либо Стерлигов приезжал к брату.

Владимир Васильевич научил Якова Семеновича разбираться в современной живописи, отличать абстрактную, которую не принимал, от беспредметной — стиля, в котором писал сам и его ученики. Брат не стал пассивным поклонником таланта Стерлигова и Глебовой, но активно участвовал в обсуждении картин, делая замечания, что и привлекало к нему художников. Помнится, как-то в Петергофе Стерлигов показал большую картину «Потоп». Яков Семенович, внимательно рассмотрев ее, отметил, что фигура Ноя написана слишком реалистично (по сравнению с другими деталями) и как бы «вылезает из картины». Художник согласился. В другой раз Стерлигов показал цикл картин, объединенных общей идеей. Они очень понравились брату, и он предложил дать циклу название «Облака перед несуществующим», использовав художественный образ из своей работы «Формула несуществования». Название было принято. (В беседе со знатоком живописи Стерлигова Е. Ф. Ковтуном (1936—1996) — уже после кончины художника и его жены — я рассказала о своем впечатлении от «Потопа» и «Облаков перед несуществующим». Но он этих картин, как ни странно, не видел. А между тем известно, что Стерлигов с Глебовой, живя скромно, картин своих все-таки не продавали.)

Эта дружба носила совсем иной характер, нежели взаимоотношения чинарей. Беседовали в основном о живописи, обратной связи не было: Стерлигов активно не понимал и не принимал того, что писал брат. Человек верующий, он в то же время был убежден в ненужности теологии и часто позволял себе резкие высказывания не по поводу какой-то конкретной работы, а вообще о философско-религиозном учении Я. Друскина. Здесь уместно сказать, что в вопросе о понимании и непонимании между людьми брат придерживался особого мнения: главное для него в общении — его собственное понимание собеседника, обратное же, то есть со стороны собеседника, было необязательным, поэтому он и не обижался на резкости, понимая, что Стерлигову теория не нужна. Яков Семенович очень ценил его, считая крупным, «а может, даже, время покажет... великим художником».

Мы с братом часто бывали у Стерлигова и Глебовой. Помню их квартиру в Петергофе. Удивительно, что художники могут сделать из невзрачной «хрущевки». При входе в комнату бросался в глаза мольберт с копией (авторской?) «Черного квадрата» Малевича. Стены были расписаны Стерлиговым. На столах стояли вазы с засушенными букетами из самых простых трав, составленными так искусно, что я даже спросила Татьяну Николаевну, где она нашла эти экзотические растения.

«На пустыре», — был ответ. Деревянный стол и скамьи на фоне ослепительно белого паркета завершали строгую красоту комнаты.

И все это пропало после смерти Глебовой, а затем и ее сестры. Пришел председатель ЖСК и сказал: «Мы отремонтируем квартиру, заклеим обоями эту мазню, и квартира примет, наконец, подобающий вид» (разговор этот мне известен со слов Ковтуна).

---

23 августа 1941 года арестовали Хармса. М. В. Малич после ареста мужа переехала к знакомым, не позаботившись об архиве, даже о том, что надо хотя бы собрать рукописи и упаковать — они лежали в беспорядке. Лишь в октябре, когда в дом попала бомба, разрушившая, к счастью (для архива), другую половину дома, Малич пришла к Друскину с просьбой собрать рукописи и взять их к себе на хранение.

Дело погибших друзей Яков Семенович всегда считал своим делом. Поэтому он, уже дистрофик, идет с Гатчинской улицы, где в то время жил, на Надеждинскую, вместе с Малич собирает все бумаги в чемоданчик и несет драгоценный груз к себе домой. После этого Малич уже не интересовалась судьбой архива мужа.

В отличие от Хармса, сохранявшего все свои записи, в том числе и черновики (даже помеченные его рукой: «очень плохо»), Введенского «...интересовала только последняя написанная им вещь, предыдущие же отдавал тому, кто их просил, забывая взять назад. Поэтому... так мало сохранилось его вещей». Копии многих своих произведений поэт отдавал Друскину, а однажды (в 1932 или 1933 году) подарил тетрадь — преимущественно с прозой. Темы, затронутые в ней, были близки Якову Семеновичу: время, смерть, Бог. Это известная ныне «Серая тетрадь» Введенского, названная так Друскиным по цвету обложки.

Немало произведений Введенского оказалось и в архиве Хармса, спасенном Друскиным.

Интересно, что Друскин связывал отношение обоих поэтов к творчеству с Евангельскими изречениями. Хармса: «за каждое праздное слово дадите ответ на суде» (ср. Мф. 12, 36). Введенского: «бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет Хозяин дома» (ср. Мк. 13, 35).

Яков Семенович мечтал о публикации прежде всего произведений Хармса и Введенского (произведения Олейникова, который, как и Введенский, дарил друзьям свои стихи — и оригиналы, и копии, Друскин передал в Пушкинский дом). В начале 1960-х годов, во время «оттепели», это казалось вполне реальным. Поэтому он допускает к никому еще не известным рукописям (сам ознакомился с ними за годы эвакуации) двух молодых филологов, по рекомендации: конспирация продолжается — никто не должен знать о хранящемся у него архиве. Брат всегда стремился к общению с молодежью, ему интересно было передавать свои мысли и идеи всем, кто в этом нуждался. Как всякий талантливый человек, он был щедр и готов поделиться тем, что считал важным.

Но с учениками Якову Семеновичу не везло.

Много времени и сил потратил он, чтобы рассказать филологам о том, как три поэта и два философа объединились в эзотерическое содружество «Чинари» — без ведущих и ведомых (как то было у обэриутов): все пятеро были талантливы, и каждый создавал то, что лишь он один мог создать. По этому поводу Липавский в «Разговорах» записал: «Интересно, что подходящие друг другу люди находят, натыкаются один на другого будто случайно, но, как закон, всегда»*. Сколько же десятилетий понадобилось, чтобы преодолеть косность филологов, присвоивших Хармсу и Введенскому звание «обэриутов» и не задавшихся вопросом: что побудило обэриутов объединиться на короткое время для решения практических, сиюминутных задач и так же быстро разбежаться, когда необходимость в объединении отпала?

Сейчас эта ошибка стала очевидной благодаря выходу из печати сборника произведений чинарей** .

Что же касается упомянутых филологов, то после кончины Якова Семеновича, а может, и при жизни (не располагаю точными сведениями), они начали печатать статьи о Хармсе и Введенском — с высказываниями, извращающими мысли и суждения Друскина, а тем самым и факты, и читательское восприятие. Стараниями этих «обэриутоведов» история русской литературы 1920—1930-х годов осталась на долгие годы искаженной.

Был у брата еще ученик — философ. Много лет почти еженедельно он с женой приходил к нам. Яков Семенович рассказывал о своем трактате (ТФТ), который писал долгие годы, и о своих планах на будущее. Жена усердно что-то записывала. Брат надеялся, что, если сам не успеет закончить трактат, это сделает его ученик. В нем он был уверен. Но и этот ученик подвел учителя...

Так я осталась с архивом наедине.

Увлечение в 1960-х годах музыкой Шёнберга и Веберна позволило Я. Друскину на основании Евангельских текстов обнаружить параллелизм атональной музыки и атональности жизни (отсутствие тяготения в жизни: «негде приклонить голову» и другие Евангельские изречения и притчи). Он определил для себя основной экзистенциальный принцип: *Божественная серия атональной жизни.* Обоснование его дано в дневниках.

Возникают новые, глубокие и прочные дружеские связи — с музыкантами-профессионалами, для творчества которых следование этому принципу стало исключительно плодотворным. Это — композитор Валентин Васильевич Сильвестров и дирижер Игорь Иванович Блажков. В данном случае интерес был взаимным: брата интересовала музыка

* См. библиогр. [31], т. 1, с. 198.

** См. библиогр. [31].

Сильвестрова, а музыкантов — восприятие Якова Семеновича. Разговоры велись оживленные — и о самой музыке, и об интерпретации.

Затрагивая религиозные темы в беседах с очень немногими, близкими людьми, Яков Семенович часто слышал возражение: «Но жить по Евангелию невозможно». В этих случаях не возникало дискуссии. Следовал короткий вопрос: «А вы пробовали?» Вообще же он первым эти темы не поднимал и своих убеждений никому не навязывал.

С детства помню два «нельзя», которые он внушал мне.

1. Нельзя говорить «неправда», так как не правда есть ложь, а отец лжи дьявол. Последнее поняла уже я сама, став взрослой. Но помню, как брат взрывался, если кто-либо, возражая ему, произносил это слово.

2. Нельзя лечь спать поссорившись (с братьями или родителями) и не помирившись. Может случиться что-либо непоправимое — потом будешь винить себя всю жизнь.

В обоих «нельзя» скрыт религиозный смысл, но прямо он мне свои взгляды не высказывал.

Пробовал ли он следовать Евангельским заповедям? Безусловно. Нарушал ли их? Думаю, старался не нарушать.

Яков Семенович, по собственному выражению, был инвариантен — с молодых лет до старости. Я думаю, тень этой инвариантности, коснувшаяся его, когда ему еще не было девяти лет, помогла на всю жизнь сохранить приверженность Евангельским заповедям. Он бережно относился к каждому слову Евангелия. Об этом свидетельствуют многочисленные эссе, где любой вопрос, любая описываемая ситуация переживается как свое, личное, имеющее непосредственное отношение к его жизни.

Я прожила вместе с Яковом Семеновичем всю жизнь, но не представляла всей глубины его личности. Между нами не было ноуменальных отношений. Тем не менее мы были очень близки друг другу. Но только знакомясь с архивом, обдумывая наши разговоры, беседуя с Михаилом Семеновичем после кончины брата, я начала осознавать мудрость и глубину его веры, необходимость «некоторого сомнения и воздержания от суждения», его чувство вины за грех, которого не совершал, и непрерывное покаяние.

И, наконец, его собственные слова: «Во всех моих работах — и философских, и музыковедческих, и литературоведческих — есть общее ядро, хотя прямо это, может, и не сказано: Soli Dei Gloria*.

В дневнике Яков Семенович пишет, что если бы Кант стал исправлять свои три «Критики», то не написал бы ни одной. Тем не менее сам он много раз переделывал свои произведения, особенно крупные:

* Единому Богу Слава (*лат.*).

«Исследование о критерии» и «Исследование о сущем слове» («Трактат Формула Творения»).

Когда приходилось сравнивать варианты, меня всегда поражало, что начало, сколько бы ни было страниц, переписано дословно. Зачем, думала я, он тратил время на переписку? Поняла это, найдя в дневнике строки о том, как Яков Семенович читал сложные книги. Вот вкратце эта запись.

Положим, он прочитал книгу до пункта *A* и все ему ясно, но, читая дальше, он не понимает пункта *B*. Тогда читает всю книгу с начала и, дойдя до пункта *B*, понимает его — все проясняется. Затем достигает пункта *C*, который тоже ставит его в тупик. И снова читает всю книгу с начала. Результат тот же: пункт *C* становится понятным. И так далее — до конца книги.

Отсюда вывод: «Теория, понимание, взгляд, вообще все живое не сумма отдельных частей: $A + B + C +$... а целое, то есть $A \to AB \to$ $\to ABC \to$ ... из *A* следует *AB*, из *AB* — *ABC* и т. д.».

Это рассуждение и этот вывод, мне кажется, можно перенести на творчество Якова Друскина. Он **не переписывает** начало исследования (условно *A*), но **пишет заново**: надо снова войти в тот мир, который начал строить в первом варианте работы, тогда станет ясным дальнейшее — то, что не удалось сначала.

В заключение приведу строки из последней записи в дневнике: «Смелость мысли дала мне силу пережить гнев Бога Авраама, Исаака и Иакова, почувствовать величие и серьезность Его гнева в жизни, в частности и моей, и в гневе — Его любовь».

БИБЛИОГРАФИЯ*
Я. Друскина

1. **«Страсти по Матфею» И. С. Баха.** Л.: Ленинградская филармония, 1941. <В соавторстве с М. Друскиным.>

2. **Про риторичнi прийоми в музицi Й. С. Баха** / Предисл. М. Друскина. Київ: Музична Україна, 1972.

3. **Комментарии** // Введенский А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Анн Арбор: Ардис, 1984. Т. 2.

4. **«Чинари»** // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S. 381—403.
Там же:
Стадии понимания. S. 405—413.

5. **За реторичните похвати в музиката на Й. С. Бах** / Вступ. ст., публ. М. С. Друскина // Информационен бюлетин «Музикални хоризонти». София. Бр. 11/1987.

6. **Вблизи вестников** / Сост., ред. и предисл. — Г. А. Орлов. Washington D. C.: H. A. Frager & Co, 1988.**

7. **Разговоры вестников** <фрагмент> / Предисл., публ. И. Г. Вишневецкого // Равноденствие. М., 1989. № 1 (2).

8. **«Чинари»** / Предисл., примеч., публ. Л. Друскиной // Аврора. 1989. № 6. С. 100—115.

9. **Сны** / Предисл., публ. Л. Друскиной // Даугава. 1990. № 3. С. 114—121.

10. **О конце света** / Публ. Л. Друскиной // Равноденствие. М., 1990. № 4. С. 54—56.

11. **Учитель из фабзавуча** / Вступ. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Gnosis / Гнозис. N. Y., 1990. N 9. P. 96—105.

12. **Перед принадлежностями чего-либо: Из дневника 1933—1935 гг.** / Вступ. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Незамеченная земля. М.—СПб., 1991. С. 46—74.
Там же:
Учитель из фабзавуча. С. 75—81.
О конце света. С. 81—83.

13. **On Daniil Kharms** // Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd; Ed. and transl. by N. Cornwell. 1991.

14. **Credo** <«Бог говорит мне...»> / Вступ. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Искусство Ленинграда. 1991. № 8. С. 48—49.

---

*Составлена Л. Друскиной.

**Издание содержит множество опечаток и отступлений от авторского текста. Не сохранен стиль автора.

Там же:
Noli me tangere — о бесстыдстве. С. 49—52.
Дьявол. С. 52—53.
Грех. С. 53—56.
15. Коммуникативность в творчестве А. Введенского / Вступ. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Театр. 1991. № 11. С. 80—84.
16. О конце света // «...Просто останавливание движения» / Вступ. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Вечерний Петербург. 1992. № 102 (30 апреля).
Там же:
<Из дневника>.
Сон.
17. Дьявол в виде ничто — μὴ ὄν / Публ., подгот. текста, примеч. Л. Друскиной // Арс. Тематический выпуск «Бездна» . 1992. С. 148—151.
18. Der Tod. 1934. August // Schreibheft. Zeitschrift für Literatur. 1992. Nr. 40. S. 23—26.
Там же:
Kennzeichen der Ewigkeit. S. 58—59.
Über den Wunsch. S. 59.
Über den nackten Menschen. S. 59—60.
Wie mich die Boten verlassen haben. S. 60.
Träume 1928—1963. S. 61—66.
19. Über Daniil Charms // Daniil Charms. Die Kunst ist ein Schrank. Berlin: Friedenauer Presse, 1992.
20. Грехопадение // Предопределение и свобода: Философские эссе. Дневник / Сост., примеч., публ. Л. С. Друскиной; Вступ. ст. В. Н. Сажина; Послесл. А. Г. Машевского // Новый мир. 1993. № 4. С. 206—212.
Там же:
Предопределение и свобода. Обломов: Аллегория. С. 212—213.
Перед принадлежностями чего-либо <фрагменты дневниковых записей>. С. 213—221.
21. Материалы к поэтике Введенского* // Введенский А. Полное собрание сочинений: В 2 т. М.: Гилея, 1993. Т. 2. С. 164—170.
22. Недостаток и избыток / Публ., примеч., послесл. Л. Друскиной // Новый круг. Киев, 1993. Т. III, № 1. С. 260—261.
Там же:
Взгляд. С. 261—269.
23. Вера, которая не верит // Мѣра. СПб., 1993. № 1. С. 8—12.
Там же:
Сцилла и Харибда. Соблазн. С. 12—15.
24. Сейчас моей души // Мѣра. СПб., 1993. № 2. С. 61—70.**

---

*Произведения с таким названием у Я. Друскина нет. Издание представляет собой неряшливую компиляцию нескольких исследований со вставками (от составителей), противоречащими взглядам автора.

**Напечатано с нарушением авторских прав — без разрешения на публикацию. Многочисленные грубые ошибки искажают смысл произведения.

25. Concerning the End of the World // Alea. N. Y., 1993. N 3. P. 56—58.
26. Вестники и их разговоры // Логос. М., 1993. № 4. С. 91—94.
Там же:
Это и то. С. 94—96.
Классификация точек. С. 97—99.
Движение. С. 99—101.
27. Я и ты: Ноуменальное отношение / Вступ. ст., примеч., публ. Л. С. Друскиной // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 197—213.
28. «Швейцер в своей книге...» / Публ., послесл. Л. Друскиной // Сб. материалов М. К. — Хармсиздат совместно с изд-вом «Арсис». СПб., 1995. С. 47—51.
29. Видение невидения // Зазеркалье: Альманах. СПб., 1995. Вып. II. С. 3—110.
Там же:
Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и о моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в «Видение невидения». С. 111—171.
30. О риторических приемах в музыке И. С. Баха. СПб.: Изд-во «Северный олень», 1995; 1999.
31. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Т. 1: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин / Ст. А. Л. Дмитренко; Сост., подгот. текстов, примеч. Л. С. Друскиной, А. Г. Машевского, В. Н. Сажина; Ст., науч. ред. В. Н. Сажина. Б. м., 1998. С. 549—642. (Русская потаенная литература).
Там же:
Стадии понимания. С. 642—651.
Душевный праздник. С. 655—658.
Полет души. С. 658—659.
Формула Федона. С. 659—660.
Псалом. С. 660.
Происхождение второго мира в связи с новой теорией времени. С. 660—662.
Четыре слова. С. 662—663.
Соседний <мир>. С. 663.
Окно. С. 664.
Песнь о субботе. С. 665.
Суббота. С. 666.
«Боже дай избавления...» С. 666—667.
«Давно не писал...» С. 668—671.
Рассуждение о двух во всем одинаковых вещах. С. 671—675.
«Одно стоит. Пустая форма — в нем...» С. 675—676.
Простая вещь. С. 677—679.
Щель и грань. С. 680—689.
Соприсутствие. С. 689—692.
За соприсутствием. С. 692—696.
Сдох мир. С. 696—700.
Приложение <к «Сдох мир»>. С. 701.
Заключение к «Сдох мир». С. 701—703.

Перерыв и космогонический трактат о мире. С. 703—705.
Существуют ли другие люди помимо меня. С. 705—725.
«Что будет, когда я умру?..» С. 725—731.
«Выбирал ли свою жизнь?..» С. 731—732.
Пять исследований. С. 732—734.
О неверующем человеке. С. 735.
Почему на Страшном Суде нельзя много говорить. С. 736—737.
«Путь добродетели легок...» С. 737—738.
<Тосветный мир>. С. 738—740.
Мир перед Богом. С. 740—750.
Разговор о времени. С. 750—751.
Учитель из фабзавуча. С. 752—758.
Разговоры вестников. С. 758—811.
Как меня покинули вестники. С. 811.
Это и то. С. 811—814.
Классификация точек. С. 814—817.
Движение. С. 818—820.
Признаки вечности. С. 820—822.
О желании. С. 822—823.
О голом человеке. С. 824.
Происхождение животных. С. 824—826.
Окрестности вещей. С. 826—835.
<О понимании>. С. 835—841.
О пространстве жизни. С. 841—843.
<Из «Примеров»>. С. 844—853:
О состояниях жизни.
Рассуждать не рассуждать.
«Ты скажешь: существование мгновенно...»
«1. Система ограничивает область существования...» С. 853—855.
<Сны из книги «Сон и явь»>. С. 855—863.
Теоцентрическая антропология. Рассуждения о душе (Основание феноменологии времени). С. 863—911.
<Из дневников>. С. 911—978.

32. О молитве / Вступ. ст. Б. Лежена // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва, 1998. Вып. I—II, № 177. С. 155—176.

33. [Перед принадлежностями чего-либо] **Дневники** [1933—1962] / Сост., подгот. текста, примеч., хронограф Л. С. Друскиной; Вступ. ст. М. С. Друскина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Друскин Я. С.

Перед принадлежностями чего-либо: Дневники: 1963—1979 / Сост., подгот. текста, примеч., заключ. ст. Л. С. Друскиной. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. — 640 с., ил.

ISBN 5—7331—0134—2

Дневники замечательного русского философа Я. С. Друскина — уникальное философское произведение. «Я только исследователь и наблюдатель своих состояний», — писал он. Философским трудом стала сама жизнь этого человека, наполненная ежеминутной духовной работой и отраженная в Дневниках — собрании глубоких и оригинальных философских и богословских эссе, включенном в описание происходящих событий. Публикация вводит в научный оборот тексты, позволяющие переоценить некоторые аксиомы истории русской культуры XX века.

ББК 83. 3(2Рос=Рус)6
УДК 882—94

Друскин Яков Семенович

ПЕРЕД ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ ЧЕГО-ЛИБО

ДНЕВНИКИ

1963—1979

Редактор *С. С. Полигнотова*
Переплет художника *Ю. С. Александрова*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка и графика:
Е. Ф. Шараева, С. А. Шараев
Набор: *Г. Н. Якубова, М. Ю. Свистунова*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 25.08.2001. Формат 60 × 90$^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура типа Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,0. Уч.-изд. л. 41,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4244

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует предоставленным оригиналам.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«Академический проект»